

Российская академия наук
Институт психологии

ПСИХОЛОГИЯ АДАПТАЦИИ
И СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА:
современные подходы, проблемы,
перспективы

Ответственные редакторы:

Л.Г. Дикая,
А.Л. Журавлев

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2007

УДК 159.9
ББК 88
П 86

П 86 Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. — 624 с.
ISBN 978-5-9270-0110-1

Коллективный труд посвящен методологическим, теоретическим и эмпирическим проблемам адаптации личности к социальным изменениям в современном российском обществе.

В работе показана историческая преемственность в психологических исследованиях адаптации человека к окружающей среде. Широко представлены современные взгляды на психологию адаптации, обсуждается ее место в системе психологических понятий, предлагаются перспективные подходы к ее исследованию.

Рассмотрены функциональные, структурные и динамические аспекты социально-психологической адаптации разных слоев общества к новой социальной среде. Особое внимание уделено психологическим механизмам индивидуальной адаптации человека.

Обсуждаются концептуальные вопросы психологии профессиональной надежности и адаптации работников к деятельности по эксплуатации современных сложных человеко-машинных комплексов, предлагаются новые подходы к организации процессов управления техническими системами.

Особый акцент сделан на анализе профессиональной адаптации к стрессогенным условиям деятельности, на определении субъектных и ситуационных детерминант успешности преодоления психологических последствий посттравматической стрессовой адаптации.

Книга предназначена для психологов, специализирующихся в области психологии личности и социальной психологии, психологии труда и организационной психологии, а также для представителей смежных отраслей знания и практики: экстремальной психофизиологии, инженерного проектирования новой техники, управления персоналом.

Содержание

<i>Л. Г. Дикая, А.Л. Журавлев</i> Введение	9
РАЗДЕЛ 1. Методологические и теоретические основания исследований адаптации	15
<i>Л.Г. Дикая</i> Адаптация: методологические проблемы и основные направления исследований	17
<i>В.А. Бодров</i> Психологические механизмы адаптации человека	42
<i>А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко</i> Самоопределение, адаптация и социализация: соотношение и место в системе социально-психологических понятий	62
<i>М.С. Яницкий, А.Г. Портнова, А.М. Богомолов</i> Психологическая адаптация: функциональные, структурные и динамические аспекты	96
РАЗДЕЛ 2. Социально-психологические аспекты адаптации	109
<i>Г.М. Зараковский, Е.К. Казакова</i> Адаптация населения России к новым условиям и качество жизни	111
<i>А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко</i> Феномены самоопределения личности и группы в экономической среде	129
<i>Л.В. Миллер</i> Социально-психологическая адаптация мигрантов в новой социальной среде: проблемы исследования	149
<i>В.И. Моросанова, Т.А. Индина</i> Психологические детерминанты рациональности принятия решений при политическом голосовании в усложненных социальных ситуациях	169

<i>А.О. Прохоров</i>	Саморегуляция психических состояний как фактор социальной адаптации субъекта	195
<i>Е.В. Харитонова</i>	Проблема профессионально-личностной невостребованности в условиях современного российского предпринимательства...	217
<i>Е.В. Харитонова</i>	К вопросу о профессионально-личностной невостребованности в пожилом возрасте	234

РАЗДЕЛ 3. Личностные детерминанты адаптации

<i>Е.А. Сергиенко</i>	Становление контроля поведения как проявление индивидуальности и его роль в процессе адаптации	251
<i>С.Т. Посохова</i>	Индивидуальные стратегии личностной адаптации.....	276
<i>А.В. Махнач, А.И. Лактионова</i>	Жизнеспособность подростка: понятие и концепция	290
<i>Е.Г. Удачина, С.В. Квасовец, О.П. Стерлигова</i>	Взаимосвязь полезависимости и индивидуально-личностных характеристик в процессе социальной адаптации.....	313
<i>Т.А. Ребеко</i>	Опыт категоризации и выделения новых и существенных параметров объекта в процессе адаптации.....	326
<i>Э.Л. Адашкин, Ю.Н. Тарасова</i>	Психометрия профессиональных способностей федеральных судей и прогнозирование успешности их деятельности.....	341

РАЗДЕЛ 4. Адаптация субъекта к профессиональной деятельности

<i>Д.Н. Завалишина</i>	Динамический аспект профессиональной адаптации.....	353
<i>Е.П. Ермолаева</i>	Идентификационные аспекты социальной адаптации профессионалов	368
<i>Ю.Я. Голиков</i>	Концепции адаптивной автоматизации и подходы к человеку и технике для современных человеко-машинных комплексов...	392

<i>А.Н. Костин</i>	Адаптация и взаимное резервирование человека и автоматике	408
<i>Л.Ф. Вязникова</i>	Профессиональная переподготовка руководителей образования как жизненное событие: психологические трудности	427
<i>С.Ю. Манухина</i>	Факторы профессиональной адаптации психолога-диагноста кадровой службы	437
<i>О. Н. Чернышева</i>	Адаптация челове к профессиональной предметной среде	458
РАЗДЕЛ 5. Адаптация человека к экстремальным условиям деятельности		
481		
<i>Г.Ю. Крылова, Л.Г. Дикая</i>	Социально-психологические аспекты профессиональной адаптации в стрессогенных условиях деятельности	483
<i>О.А. Истомина, В.В. Павловский</i>	Факторы адаптации к условиям морского рейса	506
<i>В.Н. Абрамова</i>	Концептуальные вопросы психологии профессиональной надежности и адаптации работников к условиям эксплуатации атомных станций	520
<i>Г.С. Дунин</i>	Феноменология и компоненты психологической готовности сотрудников МВД России к деятельности в чрезвычайных ситуациях.....	545
<i>Е.О. Лазебная</i>	Преодоление психологических последствий воздействия экстремального (травматического) стресса: посттравматическая стрессовая адаптация	561
<i>Е.О. Лазебная, М.Е. Зеленова</i>	Субъектные и ситуационные детерминанты успешности процесса посттравматической стрессовой адаптации военнослужащих..	576
<i>Т.Н. Берг, М.А. Долгополова</i>	Психологическая защита у военнослужащих с трудностями в адаптации	590
	Аннотации статей.....	604

Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems and perspectives

SECTION 1. The methodological and theoretical foundations of adaptation research 15

L.G. Dikaya

Adaptation: the methodological foundations and the research directions. 17

V.A. Bodrov

Psychological mechanisms of human adaptation 42

A.L. Zhuravlev, A.B. Kupreychenko

Self-determination, adaptation and socialization: ratio and place in a system of social psychological concepts..... 62

M.S. Yanitsky, A.G. Portnova, A.M. Bogomolov

Psychological adaptation: functional, structural and dynamic aspects 96

SECTION 2 Socio-psychological aspects of adaptation..... 109

G.M.Zarakovsky, E.K.Kazakova

Adaptation of the Russia population to new conditions and its quality of life. 111

A.L. Zhuravlev, A.B. Kupreychenko

Phenomena of self-determination of the person and group in the economic environment 129

L.V. Miller

Socio-psychological adaptation of migrants in other ethnocultural and socioeconomic conditions: theoretical aspect. 149

V.I. Morosanova, T.A. Indina

Psychological determinants of rational decision making in political voting situations. 169

A.O. Prokhorov

Self-regulation of mental states as the factor of subject's social adaptation 195

<i>E.V. Haritonova</i>	The problem of professional and personal dispensability in the conditions of the modern Russian business.....	217
<i>E.V. Haritonova</i>	To the problem of the professional and personal dispensability at the elderly age.....	234
SECTION 3. Personal determinants of adaptation		249
<i>E.A. Sergienko</i>	The control of behavior as the mental mechanism of subject regulation	251
<i>S.T. Posokhova</i>	Individual strategy of personal adaptation.	276
<i>A.V. Makhnach, A.I. Laktionova</i>	Resilience of the adolescent: the notion and the concept	290
<i>E.G. Udachina, S.V. Kvasovets, O.P. Sterligova</i>	Dependence on a field, individual and personal characteristics.	313
<i>T.A. Rebeko</i>	Experience of categorization and selection of essential parameters of the objects.....	326
<i>E.L. Adashkin, Y.N. Tarasova</i>	Psychology of activity and the psychometrics of the federal judges' professional abilities.	341
SECTION 4. Adaptation of the subject to professional activity		351
<i>D.N. Zavalishina</i>	Dynamic aspect of professional adaptation.....	353
<i>E.P. Ermolayeva</i>	Identification aspects of the professionals' social adaptation.	368
<i>Yu.Ya. Golikov</i>	Conceptions of adaptive automation for modern man-machine complexes.....	392
<i>A.N. Kostin</i>	Adaptation and mutual reservation of man and automatics	408
<i>L.F. Vjaznikova</i>	Professional retraining of education heads as life event: psychological difficulties.....	427

<i>S.J. Manukhina</i>	
	The factors promoting and complicating professional adaptation of the psychologist-diagnostician of personnel service437
<i>O.N. Chernyshova</i>	
	Human adaptation to professional objective environment.....458
SECTION 5. Adaptation of the person to extreme conditions of work481	
<i>G.Y. Krylova, L.G. Dikaya</i>	
	Social psychological aspects of the professional adaptation in stressful conditions of activity483
<i>O.A. Istomina, V.V. Pavlovsky</i>	
	Factors of adaptation to the conditions of a sea flight.....506
<i>V. N. Abramova</i>	
	Conceptual questions of psychology of professional reliability and adaptation of workers to the conditions at nuclear stations520
<i>G.S. Dunin</i>	
	Phenomenology and components of psychological readiness of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia to activity in extreme situations545
<i>E.O. Lazebnaya</i>	
	The posttraumatic stress adjustment as a process of the overcoming of psychological disorders561
<i>E.O. Lazebnaya, M.E. Zelenova</i>	
	The subjective and the situational determinants of the successful posttraumatic re-adjustment of the combatants.....576
<i>T.N. Berg, M.A. Dolgopolova</i>	
	Psychological defending mechanisms of military men with difficulties in adaptation.590
SUMMARIES OF THE PAPERS 604	

Введение

Л. Г. Дикая, А.Л. Журавлев

Необходимость подготовки этой книги возникла в связи с возрастающим вниманием общества к практическим проблемам адаптации, что обусловлено главным образом растущим интересом к личности человека, к взаимодействию человека как активного субъекта с внешним миром, поиску критериев его приспособления к природной и социальной реальности и раскрытию его возможностей по овладению окружающей средой.

Интерес к проблемам адаптации всегда актуализируется в эпохи технологических, социальных и экономических преобразований, имеющих для субъекта труда, его профессиональной деятельности важные последствия. В настоящее время психологические исследования проблем адаптации/деадаптации относятся к высоко востребованной обществом, практически релевантной категории.

В современных социально-экономических условиях жизнедеятельность человека подвергается воздействию широкого спектра социо-экономических и технологических изменений, к которым можно отнести: усложнение деятельности человека по управлению крупномасштабными человеко-машинными комплексами при одновременном росте потенциально опасных технологий; значительную трансформацию социальных функций профессионала и инверсию его ценностных ориентаций; появление новых психологических и социально-психологических факторов профессионального стресса и другие изменения.

Росту исследований профессиональных видов деятельности в последние годы способствовало также появление новых стилей и правил работы, новых требований к гибкости работников при одновременном росте количества выполняемых им задач, расширение функций и необходимых умений, мобильный характер работы и масштабное использование информационных и коммуникационных технологий в рабочем пространстве, рост доли населения, занятого в сфере услуг, индивидуально-регулируемая работа и работа в командах, растущее число «старослужащих».

В настоящее время мощным социальным и психологическим фактором выступает процесс глобализации, дезорганизующий профессиональное пространство, вызывающий активизацию миграционных потоков, увеличение числа безработных и, как следствие, стресс и деформацию личности профессионала. Все эти изменения усугубляют возрастание несоответствия между

требованиями к субъекту со стороны социума и профессиональной деятельности, с одной стороны, и его адаптационными возможностями, с другой, что приводит к нарушению взаимодействия человека с внешним миром.

Содержание этой книги отражает определенный этап в развитии современных представлений об адаптации человека к окружающему его миру. В ней сделана попытка объединить исторически сложившиеся и современные научные взгляды на адаптацию, создать основу для формирования психологической теории адаптации как психо-социального феномена.

Данный научный труд представляет собой достаточно систематизированное изложение относительно разнородных материалов: во-первых, данных специально выполненных исследований, самым непосредственным образом направленных на изучение механизмов, процессов и состояний адаптации, и, во-вторых, результатов социально-заказных работ, направленных, на первый взгляд, на изучение других феноменов, но тесно связанных с адаптацией, включенных в феномен адаптации или, наоборот, включающих его в свою структуру. В любом случае обсуждаемые материалы репрезентативно отражают отечественные психологические исследования проблем адаптации.

Исследователи психологии адаптации найдут в этой книге формулировки положений широко известных концепций адаптации, которые рассматривают ее как непрерывно развивающийся процесс, включающий биологические, психологические и социальные процессы, находящиеся как во внутрисистемных, так и межсистемных взаимоотношениях. В ней можно познакомиться с основными требованиями к научному методу, а именно с методологической и теоретической обоснованностью проводимых исследований. Представленные в книге работы характеризуются гуманизмом, открытостью в обсуждении результатов исследования и собственно изучаемого феномена адаптации, а также психологических механизмов деятельности, поведения и состояний человека в процессе адаптации к особенностям социальной и профессиональной среды.

В настоящее время понимание адаптации к объективному внешнему миру и субъективному внутреннему миру человека охватывает знания психологии и физиологии, социологии и философии человека в его целостности в отличие от того, как понималась адаптация ранее. Однако основные интересы специалистов в области социологии, психологии, психоанализа и физиологии различны. Социология сосредотачивает свое внимание на социальном действии, на успехах или неудачах в решениях задач, выдвинутых обществом (в том числе задач адаптации), интересуется конфликтами, последствиями, судьбой агрессивных форм поведения, которые проявляются в общественной жизни. В работах физиологов адаптация понимается как сложный системный процесс перестройки разнообразных функций и функциональных систем организма, направленный на поддержание внутреннего гомеостаза.

Психологов прежде всего интересует, как реально существующая

связь человека с окружающей средой определяет его адаптацию, какие из реакций, на которые способен человек, будут использоваться в процессе адаптации, какие будут доминировать и какие будут эффективными, каковы психологические механизмы адаптации, ее личностно-психологические и мировоззренческие детерминанты и как человек справляется со своими трудностями и проблемами. Предполагается, что хорошо адаптировавшегося человека отличают, прежде всего, высокая продуктивность его деятельности, общая удовлетворенность и способность наслаждаться жизнью и психическое равновесие.

Психологическая концепция адаптации, хотя и может быть представлена в достаточно простом виде, подразумевает при этом многообразие проблем, релевантных практическим проблемам общества, социально-ориентированным, имеющим актуальное теоретическое значение.

В предлагаемом коллективном труде, по нашему мнению, сохраняется определенный баланс между фундаментальными, эмпирическими и экспериментальными исследованиями, а ряд работ представляет собой интеграцию таких исследований. Особо следует подчеркнуть, что в книгу включены статьи по основным направлениям современных психологических исследований адаптации: социально-ориентированному, личностно-ориентированному, профессионально-ориентированному и когнитивно-ориентированному, основной целью которых является изучение психологических механизмов адаптации, стратегий и способов совладания с дезадаптационными процессами, причем как индивидуальными, так и групповыми.

Феномен адаптации, рассматриваемый с позиции полисистемного подхода (Б.Ф. Ломов, Д.Н. Завалишина, В.А. Барабанщиков и др.), проявляется в разрешении метасистемных противоречий и несоответствий в функционировании адаптации как системы по законам более широкой метасистемы, компонентом которой она является, или внутрисистемных противоречий, т. е. рассогласования компонентов внутри самой системы, которой она и является. Межкомпонентные соотношения в структуре адаптации при разрешении «субсистемных» и «метасистемных» несоответствий различны, однако, эти несоответствия не существуют изолированно друг от друга: противоречия, возникающие внутри системы, являются своеобразным ответом на давление «извне» и, наоборот, внутренние противоречия инициируют перестройку внешних связей системы, выводя ее на новое место в контексте более широкой системы и тем самым на новый виток развития. В этом проявляется диалектика противоречий, лежащих в основе описываемого феномена.

Основная цель публикаций настоящего сборника научных трудов состоит в выявлении основных тенденций и перспективных направлений в психологических исследованиях процессов адаптации, относящихся к социальной активности и трудовой деятельности человека, а также в разработке методологических и теоретических подходов к изучению возможностей преодоления трудностей адаптации.

В то же время авторы стремились показать, что практически все направления в современных исследованиях адаптации были намечены еще в психоаналитических работах (Х. Хартманн, З. Фрейд, А. Фрейд и др.), и обозначить новые ответвления в этих направлениях, значимость которых для теории и практики еще не полностью изучена и профессионально осознана.

Как показал анализ современных публикаций, в последнее десятилетие основными изменениями в психологических исследованиях адаптации являются сдвиги приоритетов в изучении адаптационных явлений: от преимущественно теоретических к эмпирическим исследованиям, от анализа проблем адаптации в профессиональной деятельности к исследованию ее социально-психологических аспектов, от психодиагностических изменений в поведении и состоянии человека в процессе адаптации к поиску психологических механизмов и стратегий, программ и методов, направленных на предотвращение и коррекцию дезадаптационных процессов.

Как некоторую выраженную тенденцию в психологических исследованиях адаптации можно отметить возрастание роли субъектных качеств (или в целом субъектности) человека в процессе адаптации к окружающей среде, что в наиболее явной форме выражается в интеграции исследований адаптации с относительно новым научным направлением — исследованием совладающего поведения, т. е. способности человека преодолевать многочисленные трудности и сложные ситуации, возникающие при его взаимодействии с окружающей средой. Такая интеграция хорошо представлена в содержании данной книги. Конечно, оба названных научных направления целесообразно было бы дополнить результатами исследования психического (или личностного выгорания) — феномена, тесно связанного с адаптацией к резко изменяющейся социальной среде.

Необходимо также отметить следующее: представленные работы подтвердили, что сложившееся ранее понимание адаптации как приспособления к изменяющейся независимо от человека среде является явно узким и объясняющим ограниченную совокупность форм поведения человека в новой среде. Поэтому в последние годы все большую объяснительную силу набирает парадигма взаимодействия личности и среды, описанная еще в работах психоаналитиков, а также представителей когнитивной психологии, и предполагающая, что в процессе адаптации изменяется не только сам человек, но и под его непосредственным влиянием — окружающая среда. Человек становится реальным созидателем, творцом, преобразователем своей жизнедеятельности.

Включенные в данную книгу работы различаются по теоретическому уровню, методическому обеспечению, профессиональному опыту исследователей, они также имеют разные методологические основания, но тем не менее сохраняют общие цели и близкие по содержанию предметы исследования. Здесь представлены по возможности психологические исследования адаптации, проведенные в последние годы и в какой-то степени проясняющие те вопросы, которыми задаются исследователи этого феномена.

Авторский коллектив, конечно же, не претендует на абсолютную полноту изложения результатов всех выполненных в последнее время исследований адаптации, однако, при этом справедливо будет отметить большой объем, разнообразие и достаточно высокий научный уровень представленных работ.

Структура книги в значительной степени предопределена задачами, которые ставят перед собой исследователи психологических проблем адаптации человека к изменяющемуся миру. Не ставя целью представление всех работ, включенных в данную книгу, все-таки кратко остановимся на некоторых из них.

Начало книги посвящено анализу, проведенному Л.Г. Дикой, методологических и теоретических оснований психологического изучения адаптации, начиная с работ психоаналитиков, в которых были обозначены основные направления психологических исследований адаптации, обоснована преемственность и широкая представленность этих направлений в современных исследованиях, но решаемых уже с новых методологических позиций.

На основе системного подхода проанализированы функциональные, структурные и динамические аспекты психологической адаптации, предложены возможные варианты прогнозирования динамики адаптационного процесса и использования интегральных показателей, отражающих эффективность адаптации и состояние адаптационного потенциала личности (М.С. Яницкий с соавт.).

Рассмотрение места самоопределения в контексте адаптации и социализации, установление основных связей между ними позволило А.Л. Журавлеву и А.Б. Купрейченко сформулировать концептуальные представления о феномене самоопределения субъекта и обосновать авторский подход к его пониманию как поиску субъектом своего способа жизнедеятельности в мире на основе воспринимаемых, принимаемых или формируемых (создаваемых) им во временной перспективе базовых отношений к миру, человеческому сообществу и самому себе. Тем самым в психологической науке открываются значительные перспективы использования понятия «самоопределение» для построения теоретических моделей и объяснения в целом психосоциальных и, в частности, экономико-психологических последствий адаптации личности и группы к новой социальной среде.

Все более актуальными в настоящее время становятся исследования психической адаптации в связи с радикальными изменениями в общественной жизни, с возрастанием объема и сложности социальных проблем в жизнедеятельности человека. В этой книге авторы попытались выделить несколько актуальных социальных сфер, в которых реально осуществляется адаптация человека:

а) адаптация населения России к социально-экономическим изменениям за период, начиная с 1992 г. (Г.М. Зараковский, Е.К. Казакова, А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко, Е.В. Харитонов);

б) социально-психологическая адаптация разных слоев российско-

го общества к новой социальной среде (Л.В. Миллер, В.И. Моросанова, Е.В. Харитонова, Л.Ф. Вязникова, А.В. Махнач, А.И. Лактионова);

в) психологические механизмы и личностные детерминанты адаптации (Т.А. Ребеко, Т.А. Индина, А.В. Махнач, А.И. Лактионова, А.О. Прохоров, Е.Г. Удачина, С.В. Квасовец, О.П. Стерлигова, Т.С. Посохова).

г) профессиональная адаптация (Д.Н.Завалишина, Е.П. Ермолаева, Ю.Я. Голиков, А.Н. Костин, С.Ю. Манухина, О.Н. Чернышева, Э.Л. Адашкин, Ю.Н. Тарасова);

д) адаптация человека к необычным и экстремальным и даже чрезвычайным условиям жизнедеятельности (Л.Г. Дикая, Г.Ю. Крылова, В.Н. Абрамова, Е.О. Лазебная, М.Е. Зеленова, О.А. Истомина, В.В. Павловский, Г.С. Дунин, Т.Н. Берг, М.А. Долгополова);

Особой группой в нашей работе представлены исследования, посвященные глубинным механизмам адаптации. Так, в статье Е.А. Сергиенко на основе анализа различных подходов к саморегуляции представлена разработанная автором в рамках субъектно-деятельностного и системного подходов концепция контроля поведения, который рассматривается как психологический уровень регуляции адаптации, обеспечивающий целенаправленную деятельность субъекта. Уникальность в организации компонентов контроля поведения сочетается с универсальными закономерностями становления субъектности.

Следует отметить еще одну чрезвычайно важную особенность этой книги: как показывает анализ представленных работ, все большее внимание исследователи уделяют недостаточно изученным нравственным и ценностно-смысловым сферам личности, рассматривая их как системообразующие детерминанты адаптации человека и как факторы его жизнеспособности, социальной и психической устойчивости, особенно в экстремальных условиях жизнедеятельности, вызванных различными изменениями как природной, физической, так и социальной окружающей среды.

Теоретическое обобщение результатов экспериментальных и эмпирических исследований адаптации, выполненных за последние примерно 10 лет, как базового процесса, состояния и свойства психики, выявление условий возникновения и развития ее различных форм, научная систематизация механизмов и детерминант адаптации позволят действительно по-новому подойти к изучению адаптации с позиции современных методологических и теоретических подходов.

Мы надеемся также на то, что представленные результаты будут интересны не только психологам, но и социологам, инженерам, педагогам, социальным работникам и другим категориям специалистов, а также тем читателям, кого интересуют проблемы адаптации, а также возможности их преодоления личностью и социальной группой в конкретных условиях жизнедеятельности.

РАЗДЕЛ 1.
Методологические
и теоретические основания
исследований адаптации

Адаптация: методологические проблемы и основные направления исследований

Л.Г. Дикая

Введение

Впервые мысль о наличии адаптационных процессов была высказана французским натуралистом Ж. Бюффоном, который еще в первой половине XVIII в. считал, что основной механизм приспособления определяется прямым влиянием условий среды на изменяющиеся соответствующим образом организмы. Возникновение научного термина «адаптация» относится ко второй половине XVIII в. и связано с именем немецкого физиолога Ауберта, который использовал этот термин для характеристики явлений приспособления органов чувств человека, выражающегося в адекватном повышении или понижении чувствительности в ответ на действия раздражителя. Именно идеи этих ученых стали началом серьезного изучения проблемы адаптации, которая в дальнейшем вышла за рамки эволюционной теории и общей биологии, стала проникать в медицину, физиологию, психологию, социологию, а затем и в кибернетику, космонавтику, экологию и другие науки. Но основные интересы у физиологов, социологов, психологов различны.

В работах физиологов адаптация понимается как процесс перестройки разнообразных функций и систем организма, направленный на поддержание внутреннего гомеостаза.

Социология сосредотачивает свое внимание на социальном действии, на успехе или решении задач, выдвинутых обществом (т. е. задач социальной адаптации), и интересуется психологией конфликтов, проявлением агрессивных тенденций в общественной жизни.

Психологов интересует, какая из существующих связей человека с окружающей средой определяет, какие из реакций, на которые способен человек, будут использоваться в процессе адаптации, какие будут доминировать и какие будут эффективны; они исследуют психологические механизмы адаптации, которые помогают человеку справляться со своими трудностями и проблемами, повысить продуктивность его деятельности, сохранять способность наслаждаться жизнью и психическое равновесие.

Изучение психологической адаптации, хотя она представляется достаточно простой, подразумевает множество проблем, подходов и направлений. Поэтому в *исследованиях адаптации, как и в исследованиях других психологических феноменов, необходимы точность методологии и логическая согласованность теории*. С этих позиций в исследованиях психической адаптации человека можно выделить 3 основных направления: биологическое (включающее адаптивно-приспособленческую теорию Ч. Дарвина, общебиологическую теорию адаптации Г. Селье), психоаналитическое (З. Фрейд, Х. Хартманн) и психологическое (бихевиористические и когнитивные теории, современные системные и гуманистические исследования) [42, 43, 47, 48].

В биологии концепция адаптации имеет множество значений. В течение десятилетий она была любимой, возможно, чрезмерно любимой концепцией биологических наук, сущность которой заключалась в том, что живые организмы *приспосабливаются к своей окружающей среде, т.е. адаптация определяется взаимосвязями между организмом и окружающей средой*. Даже выделенный и исследованный Г. Селье комплекс неспецифических физиологических сдвигов различных уровней при стрессе получил название общего адаптационного синдрома. Несмотря на то, что в этих исследованиях акцент ставился преимущественно на пассивной роли субъекта как адаптанта, следует отметить, что в русле этого подхода сформировались продуктивные идеи о гетерохронности в изменении показателей, относящихся к разным уровням системы адаптации, об адаптации как процессе «надстраивания этажей регуляции» при длительном и комплексном воздействии, о «стабилизации» (в случае успешной адаптации) исходных параметров на новом, отличном от фонового, уровне.

После выхода в 1936 г. книги Г. Селье «На уровне одного организма» термин адаптация наполнился новым содержанием. Степень адаптивности стала определяться не только в связи с относящимися к окружающей обстановке ситуациями (ожидаемыми или типическими и неожиданными или атипическими). Процесс адаптации, как показал Г. Селье, всегда подразумевает соотнесенность с будущим состоянием. Поэтому состояние адаптивности стало иметь отношение к настоящему и будущему. И это не предел адаптации, обусловленный естественным отбором. В исследованиях этого направления намечены потенциальные возможности, но и определены фактические ограничения в изучении процессов адаптации [42, 43].

В этом смысле психология сталкивается с противоречиями в изучении адаптации в связи с соотношением филогенеза и адаптации, а

также с решениями, предложенными дарвинизмом, ламаркизмом и другими биологическими теориями.

Другим подходом, внесшим значительный вклад в развитие психологических представлений об адаптации, **был психоанализ**. Наиболее полно эти представления раскрыты в работах Зигмунда Фрейда, Анны Фрейд, Хайнца Хартманна и др. [47, 48].

На первом этапе в психоаналитических исследованиях понятие «адаптация» время от времени приобретало негативный оттенок, в связи с тем, что некоторым исследователям представлялось, что перенос фокуса внимания на внешний мир идет вразрез с исследованиями внутреннего мира.

Однако с появлением этих работ началась эволюция в психоаналитических исследованиях адаптации, которые стали отличаться гуманностью, терпимостью и пониманием, особенно при обсуждении рациональных и иррациональных механизмов поведения и адаптации. В них рассматривалась адаптивная природа (внешних) и врожденных эго-механизмов, которые одновременно могут содействовать контролю адаптации по отношению к внешнему миру через контроль над инстинктивными влечениями.

Некоторые из открытых в психоанализе взаимоотношений между инстинктивными влечениями и психическим развитием хорошо известны. Так, **адаптация в исследованиях Х. Хартманна, ведущего представителя этого направления, рассматривалась как непрерывно продолжающийся процесс, который имеет свои корни в биологической структуре (Г. Селье) и в показателях которого отражаются «постоянные попытки Эго сбалансировать внутрисистемные и межсистемные напряжения»**.

Поэтому для Хартманна адаптация — это и приспособление как пассивный процесс, и взаимоприспособление как отражение активности субъекта и одновременно как развитие — формирование защит и новообразований. Человек вынужден с самого рождения адаптироваться к структуре внешнего мира, и в этом случае нельзя отделять биологические концепции от социальных и психологических. Объект-объектные отношения присутствуют с самого рождения, когда человек начинает адаптироваться к другому человеку и одновременно к социальной окружающей среде, созданной им самим или другим человеком. Социальные отношения даже у ребенка, а тем более у взрослого, являются решающими для сохранения его биологического равновесия. Постепенно адаптация к социальной структуре и участие его в ее строительстве становятся решающими.

Социальная адаптация в работах этого направления рассматриваются с различных точек зрения. Во-первых, со стороны общества, когда процесс разделения труда и социальное местоположение инди-

вида совместно определяют возможности его адаптации, а также частично регулируют выработку инстинктивных влечений и развитие эго (Бернфельд, 1931). Во-вторых, структура общества определяет (частично через новообразование), какие формы поведения могут иметь наибольший адаптивный шанс. Каждая ситуация требует определенной социальной податливости, т. е. формирования иных (несколько более специализированных) форм поведения, форм жизни и достижения равновесия. Социальная податливость является формой общей податливости к окружающей среде, которая и подразумевается биологической концепцией адаптации. Поэтому под адаптацией подразумевается не только пассивное подчинение целям общества, но также активные попытки их изменить. Эта та форма социальной податливости, когда общество корректирует процесс адаптации. В одной группе это качество может означать адаптационное расстройство, в другой социальной группе оно может выполнять социально-важную функцию. Но и первостепенное воздействие социальных факторов имеет биологическую значимость (дети, семья и др.). И поэтому эти факторы мы не можем исключать из процессов адаптации. Конечно, многие факторы не могут быть разделены на биологические или социальные, но могут исследоваться в контексте психологии или социологии, или биологии.

Социальная податливость по аналогии с соматической податливостью играет важную роль не только в развитии неврозов, психопатий, но и в нормальном развитии и особенно в социализации. Особо следует подчеркнуть огромную эластичность человеческой адаптивности, так как только у человека имеются различные альтернативные средства, пригодные для достижения господства в отношениях со средой (Хартманн). Таким образом, социальная структура определяет (по крайней мере частично) адаптивные шансы определенной нормы поведения у каждого конкретного индивида.

Но адаптация — это не только аутопластические изменения, не одно лишь пассивное подчинение целям и нормам общества, но и активная разработка и попытка их изменить, т. е. адаптация может вызываться аллопластическими изменениями, которые наблюдаются и у животных, когда они пытаются целенаправленно изменять свою окружающую среду (строят гнезда, роют норы). Однако широкий диапазон аллопластических адаптаций доступен лишь человеку. В этом случае имеют место два процесса: человеческое действие адаптирует окружающую среду к человеческим функциям, а затем человек адаптируется вторично к той окружающей среде, которую он сам помог создать. Особенно эти процессы проявляются в области технического прогресса, а в настоящее время и в области глобализационных процессов. Поэтому научиться действовать аллопластически является одной из важнейших задач человеческого развития.

Но и аллопластическое действие не всегда адаптивно, и Парр [цит. по 48] в своей теории «адаптациогенеза» предлагает рассмотреть третью форму адаптации, которая состоит в том, что человек выбирает новую окружающую среду, которая наиболее благоприятна для его жизнедеятельности. И именно нахождение новых благоприятных сред имеет величайшую значимость, особенно в человеческой адаптации. И особенно в наше время, когда процессы глобализации открывают территориальные границы, например, для проживания, обучения и работы, предоставляющие человеку новые возможности для профессионального самоопределения и самореализации.

Можно сказать, что психоаналитический подход к адаптации открыл **фундаментальные факты и механизмы адаптации**, определил основные психологические направления и подходы в исследованиях адаптации, которые до их пор продолжают привлекать внимание исследователей.

Так, например, обоснована **регулирующая роль мышления в развитии адаптации**. Было показано, что некоторые инстинктивные влечения (включенные в некоторые конфликты и табу) могут временно или постоянно препятствовать интеллектуальному развитию. Но интеллектуализация, как показала Анна Фрейд [цит. по 48], может служить и защитой от инстинктивной опасности, представляя человеку возможность овладеть инстинктивными влечениями, а при ориентации на реальность может рассматриваться и как процесс адаптации. Ею выявлено, что упорядоченное мышление всегда прямо или косвенно ориентировано на реальность, включая такую функцию мышления, как фантазирование. Фантазирование может выполнять синтетическую функцию, временного соединения потребности и цели с возможными путями их реализации. Велика роль свойственных мышлению процессов дифференциации и интеграции в становлении психических инстанций, в проверке реальности, в суждении, в расширении мира восприятия и действия, в отделении восприятия от представления, познания от аффекта. Поэтому можно говорить о приоритете регуляции посредством интеллекта.

Согласно мнению В. Штерна, интеллект — это «общая способность справляться с новыми требованиями посредством «целенаправленного использования мышления», другие авторы также, подчеркивая биологическую функцию и адаптивный характер мышления, утверждают, что адаптивность не пропорциональна интеллекту, так как интеллект имеет несколько дефиниций. В целом взаимосвязь адаптированности и развития интеллекта не отрицается, и в наше время она продолжает оставаться предметом некоторых исследований. Так, в последние годы в работах В.И. Лебедева [26] и других авторов также была выявлена значимая роль в адаптации когнитивных процессов:

целесообразности, предвидения и прогнозирования, включая мысленное проигрывание отдельных проблемных моментов деятельности. Вклад мышления в процесс преодоления психологических барьеров определяет эффективность стратегий преодоления и, как следствие, устойчивость или неустойчивость к адаптации. Но и эта попытка автора выявить в своей системной классификации адаптации психологические механизмы ограничилась преимущественно анализом когнитивных и активационных процессов. В работах когнитивных психологов также показана роль оценки как в развитии стресса, так и в процессах совладания с ним, но уже во взаимосвязи эмоциональных, интеллектуальных процессов и личностных особенностей [24, 50 и др.]. Поэтому с полным основанием можно говорить о приоритете регуляции посредством интеллекта.

Психоаналитики выявили и большую роль ценностных иерархий в социально-детерминированных иерархиях адаптации, подтвердив ведущую роль активности самого субъекта. Они показали, что социальные системы ценностей часто служат помехой адаптации, но при определенных условиях могут также способствовать ей. Некоторые индивидуальные иерархии ценностей могут быть прямо враждебны обществу, другие нейтральны, а третьи могут способствовать адаптации. Так, сверхиндивидуальная природа ценностных систем и идеалов способствует кооперации с другими людьми и, как следствие, адаптации. Поэтому адаптация, утверждает Х. Хартманн, должна включать в себя ориентированные на реальность и ускоряющие адаптацию установки, ценности.

Психоанализ подчеркнул роль воспитания в адаптации. С общей биологической точки зрения процесс воспитания несомненно служит адаптации человека к социальной среде. Этому же может служить принятие предписанных норм и целей поведения, но может и препятствовать ей. Во всех формах воспитания можно выделить адаптацию к данной окружающей среде, подготовку к ожидаемой будущей окружающей среде и формирование целей в соответствии с идеалами воспитывающего поколения, которое должно учитывать не только прошлое, но настоящее и будущее с учетом доминирования регуляции со стороны воспитания.

При правильном воспитании человек «владеет собой», своими состояниями, преодолевает их, в одних случаях использует их, в других случаях тормозит их в соответствии с общественными требованиями дела. В процессе воспитания происходят аутопластические изменения в психике человека, адекватные ситуации и сигнализирующие об адаптации. Анна Фрейд показала связь защитных механизмов с адаптацией в нормальном развитии. В результате воспитания у человека формируются **защитные механизмы**, которые не только необходимы

для контроля над инстинктивными влечениями, но и способствуют адаптации. В качестве таких механизмов могут выступать выделенные З. Фрейдом следующие **регуляторные принципы**: удовольствия, реальности, нирваны и навязчивого повторения (травматические неврозы). Ту же роль выполняют механизмы отказа, изоляции, избегания, отказа от содеянного, вытеснения, которые служат адаптации, но могут и приводить к потере равновесия внутри самого организма, что вызывает как бы вторично нарушения в отношениях с реальностью. Иначе говоря, эти регуляторы интрапсихического равновесия выступают как регуляторы или факторы адаптации/дезадаптации. Автоматизация навыков саморегуляции является характерным примером сравнительно устойчивых форм адаптированности, которые оказывают длительное действие на процессы адаптации. Результатом нормальных автоматизмов, но не соответствующих социальной среде, могут быть неврозы навязчивости, которые затем превращаются в навязчивые симптомы, которые могут и должны быть под контролем внешнего мира.

В качестве регуляторов адаптации могут выступать такое качество личности, как контроль со стороны сознательного и предсознательного Эго, его степень и размах.

В психоанализе рассматривается и **эволюционно-исторический фактор адаптации** или «исторический базис реакций» (Дриш, 1908, Бернфельдт, 1930, Лафорг, 1937 [цит. по 48]), который предполагает, что человек не приспособливается к окружающей среде заново в каждом поколении. Его отношение к ней, помимо факторов наследственности, заданных человеку эволюцией, определяется воздействием традиций и сохранением его трудов. Так возникают сети идентификаций и идеал-формаций, которые имеют большое значение для адаптации (З. Фрейд).

Так как аутопластические изменения в психике человека, адекватные ситуации, обязательно вовлекают в себя биологические механизмы адаптации к внешней реальности, то возникает **проблема соотношения филогенеза и онтогенеза**. З. Фрейд показал, что один и тот же фактор может рассматриваться как биологический, филогенетический или психологический. Например, наложение внутренних запретов на инстинктивные влечения может содействовать адаптации как индивидуальной, так и родовой. Или забота родителя о малыше может являться примером «альтруистической направленности», а может означать общую задержку развития у человека, или одной из причин замедленной эволюции. В то же время биологические реакции, например на опасность, отличаются по своей функции от психологических реакций: происходит изменение функции. Так, реакция тревоги как необходимая биологическая реакция может отличаться

от реакций индивида, сформировавшихся в онтогенезе, например, при решении конфликтных ситуаций.

В филогенезе эволюция ведет к возрастающей независимости организма от окружающей среды, и поэтому процессы адаптации в отношениях к внешнему миру все более смещаются внутрь организма, личности, происходит процесс интернализации. Мы постоянно пытаемся определить, какие изменения происходят в физиологических процессах наряду с психологическими. Их совместная активность представляет более широкую биологическую концепцию адаптации.

Но система регуляции отношений человека со средой и взаимосвязи его психических инстанций выше биологической адаптации и выше адаптивной деятельности, регулируемой внешней средой, но не выше адаптации в более широком смысле, цель которой «ценность для выживания» и основная функция которой предвидение будущего, в соответствии с которой корректируются средства по значимости.

Исследователей не только интересует, какую позитивную адапционную ценность приобретает психологические факторы в процессе адаптации, но и какие определяют нарушения в адаптации. Иначе говоря, в какой мере процесс адаптации может отклоняться от нормального хода развития. В этом аспекте интересно рассмотреть две формы адаптации, которые часто, хотя и не всегда, очень сильно различаются в своих предпосылках и последствиях. Это прогрессивная и регрессивная адаптация.

Если термин «прогрессивная адаптация» означает адаптацию, направление которой совпадает с направлением развития, то при использовании в качестве пути к адаптации регрессии могут наряду с безуспешными формами адаптации возникать и успешные. Иначе говоря, существуют высокоадаптивные целенаправленные достижения здоровых людей, которым требуется для адаптации как бы обходной путь через регрессию [6, 7, 11, 39, 48, 51]. З. Фрейд писал, что жизненная система управляется двумя тенденциями: одна движется к нулевому потенциалу, но вторая одновременно создает новые напряжения. Например, монистическая концепция жизни Р. Эренбурга (1936) как процесса, направленного к смерти.

Но ни одна какая-либо одна форма регуляции поведения не может гарантировать оптимальную **всеобщую адаптацию** человека. Необходимо как бы «**совместная подгонка**» разных систем и детерминант, когда общий план даже успешных адаптаций может включать регуляции, которые не являются изначально специфически адаптивными, и даже наоборот. Они могут иметь разные цели, но во взаимодействии способствуют адаптации. В этих работах показано, что адаптация включает как процессы, связанные с конфликтными ситуациями, так и процессы, которые имеют отношение к свободной

от конфликтов сфере. Были введены понятия средней и нормальной адаптивности, были прослежены взаимодействия адаптации со многими проблемами развития личности. Адаптация является одновременно предметом исследования в биологии и психологии. И, как считает Х. Хартманн, применение психоанализа к социологии может согласовать эти два подхода. Именно в его исследованиях термин «адаптация» использовался в строго аналитическом контексте (в теории эго-психологии Х. Хартманна в 1937–1939 гг.).

Системные исследования адаптации

Фундаментальные факты и механизмы, открытые психоанализом, оказались очень важными для последующих исследователей адаптации.

Но один психоанализ не в состоянии решить проблему адаптации, заявляет Х. Хартманн, и он прав. Можно сказать, что психоанализ не дал систематических знаний об адаптации, конечно, он выявил только частичные знания о страхах перед реальностью, о защитных механизмах и процессах, которые приводят к «нормальному» развитию, защите или сопротивлению, о вкладах в смещение инстинктивных влечений, но прошел мимо базисных психологических механизмов и теорий.

Поэтому для психолога знание направлений и достижений в исследованиях адаптации в русле психоаналитического подхода полезны при постановке новых проблем, решение которых в настоящее время осуществляется на других методологических основаниях.

И столетие спустя в 1960–1970-е годы эти направления в исследованиях адаптации начали вновь активно разрабатываться, но уже с позиции системного подхода, который стал ведущим методологическим подходом в отечественной психологии.

С точки зрения системного подхода психическая адаптация человека понимается как сложное, целостное, полифункциональное и полиструктурное явление, что позволяет изучать адаптацию на различных уровнях обобщенности: от самых общих описаний до описаний определенных форм психической адаптации конкретного субъекта. Основные результаты в исследованиях адаптации с позиции системного подхода — это выявление сложной диалектической взаимосвязи между психическими процессами и психическими состояниями, с одной стороны, и эффективностью деятельности и свойствами личности, с другой.

В результате системного анализа были выделены **две характеристики, объединяющие психофизиологический, психологический и со-**

циально-психологический уровни адаптации, детерминирующие процесс адаптации: психическое состояние и отношение человека.

По поводу первой характеристики еще И. М. Сеченов писал, что состояние является общим фоном, который влияет «очень резко не только на рабочую деятельность, но даже и на психику человека. От него зависит тот здоровый тон во всем, что делается в теле, который медики обозначают словом *vigor vitalis*, и то, что в психической жизни носит название “душевного настроения”» [44]. Некоторые авторы определяли адаптацию, как совокупность нескольких психических состояний при доминировании одного, придающего эмоциональную окраску сознанию. Другие рассматривали адаптацию как смену одного состояния другим [7, 38, 40, 42, 43, 45, и др.].

Этот цикл исследований роли психических состояний в адаптации особенно стал популярен в процессе развития НТР, когда резко усложнилась деятельность человека, в том числе деятельность оператора, диспетчера, машиниста, летчика и др., при одновременном росте социальной напряженности, вызванной ростом мотивированности, ответственности и психологической цены деятельности. Предметом исследования стали такие психические состояния, как стресс, функциональные состояния, трудные состояния, дезадаптивные состояния, неравновесные состояния, появились понятия социальной напряженности, социальной фрустрированности. Стали рассматривать адаптацию как смену одних воздействующих факторов другими, замену или дополнение одних регулирующих факторов более эффективными, вновь стали различать адаптацию как процесс и ее результат, как адаптированность.

Вклад сторонников **деятельностного подхода** в исследования адаптации наиболее значителен в области профессиональной адаптации, различных условий ее выполнения. Это комплексное изучение психических и функциональных состояний человека в трудовой деятельности, в которых основное внимание исследователей уделялось динамическим характеристикам адаптации в целом как процесса, так и отдельным ее составляющим, компонентам и детерминантам, описывалось своеобразие фаз адаптации, стадий или этапов.

Это исследования В.И. Медведева, выделившего в адаптации фазы первичного ответа, привыкания и собственно адаптации или дезадаптации, по данным, акцентированным в основном на когнитивные и активационно-энергетические процессы, хотя определенные закономерности динамики физиологической адаптации во взаимосвязи с характеристиками деятельности стали применяться для анализа процессов адаптации человека и к усложненным условиям деятельности [30]. Аналогичные результаты получены практически во всех исследованиях адаптации, выполненных с позиций физиологической «цены» деятельности. Так, при рассмотрении гетерохронности адапта-

ции как взаимовлияния разных компонентов регуляции деятельности были выделены три основных периода адаптации: нестабильности параметров, стабилизации, прогрессирующего снижения работоспособности. Выделенные стадии адаптации близки фазам работоспособности, которые были определены и подробно описаны К. К. Платоновым [38], который рассматривал работоспособность как адаптацию человека к рабочей нагрузке, эксплицируемой в виде так называемой «кривой утомления». Каждая из этих стадий отражает специфическое соотношение продуктивности деятельности и физиологических затрат, которые отражаются в изменениях функционального состояния. Эти исследования наметили методологию и программу исследования адаптации как более общего процесса взаимовлияния психических процессов, эффективности профессиональной деятельности и психофизиологического состояния работающего человека. Описания фаз и этапов процесса адаптации обосновывают, по нашему мнению, представление о характере перестроек разноуровневых систем регуляции деятельности, психофизиологического состояния субъекта и позволяют уже в первом приближении подойти к анализу их взаимовлияния.

Вторая важная характеристика психической адаптации — отношение человека к окружающей действительности, к самому себе и т. д. в каждый момент времени. Отношение человека — центральная, системообразующая характеристика всего компонентного состава психической адаптации. В адаптации она представляет уровень сознания и самосознания человека. Отношение как характеристика сознания — это отношение к окружающей действительности; как характеристика самосознания — это саморегуляция, самоконтроль, самооценка, т. е. установление равновесия между внешними влияниями, внутренним состоянием и формами поведения человека. Отношения человека в этих исследованиях рассматриваются под углом зрения теории отношений В.Н. Мясищева [32], согласно которой вся психическая деятельность людей в значительной мере определяется отношением человека к объектам и процессам действительности, к другим людям, к самому себе.

Анализ роли характеристики отношения в психической адаптации подтверждает общие выводы теории отношений и позволяет **называть целостное состояние человека, охватывающее все структурные уровни его организации, именно психической адаптацией.**

Необходимо подчеркнуть, что рассмотрение адаптации как системного процесса невозможно без учета **принципа системной детерминации** [1, 5, 8, 9, 12, 14, 15 и др.], играющей решающую роль в развертывании этого процесса и определяющей его своеобразие на каждом конкретном этапе. Одно из следствий этого методологического принципа заключается в том, что компоненты системы адаптации могут выступать в качестве детерминант развития адаптации в це-

лом и в то же время выполнять на разных этапах адаптации как ведущую, так и подчиненную роль. Следование этому принципу привело к обоснованию координирующей роли мотивационно-волевой сферы личности субъекта в направлении реализации значимых для субъекта целей, что и обеспечивает устойчивость и непрерывность процесса адаптации [50, 83, 71, 171, 111, 364].

Именно мотивационно-целевые детерминанты, по нашему мнению, определяют различия в стратегиях адаптации, опосредуют влияние аффективных состояний на когнитивные структуры, которое может осуществляться разными способами в зависимости от стилей совладания (*coping styles*) или, по терминологии Ф.Е. Василюка, стилями переживания [11]. Так, например, в одном случае устойчивость деятельности обеспечивается тем, что объективно эмоциогенная ситуация воспринимается человеком как нейтральная (механизм вытеснения), в другом же случае тем, что негативные переживания активно подавляются дополнительным усилием воли (механизм подавления). Если это ему не удастся, то развиваются неустойчивые психические состояния, которые могут не только не способствовать адаптации, но и вызывать стрессовые состояния [17, 49, 50 и др.]. Эти данные поднимают важный вопрос о мотивационно-активационных соотношениях, которые феноменально проявляются как степень адекватности ресурсного обеспечения адаптации (объема ресурсов, их распределения и др.) в результате мотивационной стратегии, которая вырабатывается субъектом. Не случайным мы считаем тот факт, что все больше исследователей адаптации обращается не только к мотивационно-волевым, но ценностно-смысловым характеристикам личности для объяснения феноменов адаптации в социально-напряженных условиях, когда успешное функционирование субъекта невозможно без выработки им определенной стратегии адаптации.

Имеются попытки рассмотрения названных механизмов в профессионально-социальном и социально-психологическом контекстах.

В этом случае в процессе рассматривают не только мотив достижения, но констелляцию мотивов, выдвигаемых в качестве базовых (аффилиация, власть, помощь, агрессия), а также анализируют процесс с точки зрения «динамической» модели мотивации Аткинсона и Берча, а также модели временной перспективы Райнора. В этих работах показано, что мотив достижения может реализовываться адаптивным и неадаптивным способами и по-разному проявляться в различных обстоятельствах.

Например, в процессе подготовки летчиков и космонавтов, включавшей моделирование разнообразных экстремальных условий, было выделено четыре основных типа адаптации, связанных с перестройками в мотивационной сфере: волевая (направленность на преодоление

препятствий путем дополнительной мобилизации усилий), рефлексивная (направленность на «гармонизацию» мотивационной сферы, например, изменение отношения к внешней ситуации, примирение конкурирующих мотивов и пр.), конструктивная (гибкость реагирования, широкое использование социальной поддержки) и капитулятивная (уход от деятельности с целью экономии ресурсов, использование стратегии «выученной беспомощности»).

Роль этого механизма, на наш взгляд, возрастает в условиях интрапсихического конфликта, который инициирует адаптационный процесс; примером может служить конфликт между необходимостью достижения определенных целей (карьерного роста, выбора престижной профессии) и возможностями человека или мотивацией в экономике психологических и психофизиологических ресурсов.

Многие исследования подтвердили, что системообразующую роль в структуре индивидуально-психологической адаптации играют мотивация, ценностные ориентации, самооценка личности. Эта линия работ продолжает начатые психоаналитиками направления в исследованиях адаптации, но уже на с другими моделями и методиками. Так, одни ученые ставят во главу угла мотивацию достижения успеха [7]. По мнению Березина, преобладание мотивации достижения успеха над мотивацией избегания неудачи способствует и эффективной психической адаптации, и успешности деятельности. В других исследованиях показало влияние структуры профессиональных ценностей на успешность вторичной адаптации. Значение тех или иных аспектов профессиональной направленности личности отмечено в целом ряде работ [7, 3, 36]. Ряд исследователей выявил значение самооценки и саморегуляции для эффективности адаптации, Л.Н.Корнеева проанализировала роль самооценки на различных этапах профессиональной жизни человека. К категории психологической устойчивости личности можно отнести и понятие моральной надежности [34]. Г.С. Никифоров определяет моральную (нравственную) надежность личности как «стабильность психического самоуправления поведением, устойчивую ориентацию человека на принятые в обществе нравственные нормы и их безусловное соблюдение» [34, с. 86]. Он считает, что основу надежности личности, включенной в профессиональную деятельность, составляют определенные черты характера и уровень нравственности. В частности, Г.С.Никифоров называет такие свойства личности, как честность, ответственность, чувство долга, чувство собственного достоинства, совесть (нравственный самоконтроль личности), порядочность (по мнению И. Канта, люди без порядка и правил ненадежны) и вытекающую из названных свойств прогнозируемость поведения [34, с. 86–91].

Совокупность свойств личности, определяющих ее профиль, в свою очередь, представляет собой тот рельеф, который обуславливает

своеобразии реализации актуального состояния данного человека. Можно сказать, что **личность играет в психической адаптации роль связующего звена между психическими процессами и жизненной средой**. Если процессы преимущественно реализуют функцию отражения, состояния — функцию регулирования, свойства личности, объединенные актуальным «я», — функцию высшего интегратора психической адаптации, включая дифференциацию, регулирование и отражение, то адаптация отражает процесс взаимосвязи этих функций: их периодичность, изменчивость, интенсивность.

Системно-структурный анализ адаптации, по аналогии с классификацией психических состояний Ганзена [12], позволяет выделять такие вытекающие из самой природы объекта **характеристики адаптации, как уровневость**, совпадающая с уровневостью организации человека, **субъективность — объективность** и **степень обобщенности** (общие, особенные, индивидуальные). На базе их соотношения и взаимовлияния можно выделить три подструктуры адаптации.

Первая подструктура, иерархическая, образована характеристиками каждого из четырех основных уровней организации состояния: физиологического, психофизиологического, психологического, социально-психологического. Самый нижний, физиологический уровень включает нейрофизиологические характеристики, морфологические и биохимические изменения, сдвиги физиологических функций; психофизиологический уровень — вегетативные реакции, изменения психомоторики, сенсорики; психологический уровень — изменения психических функций и настроения человека. Характеристики поведения, деятельности и отношения человека в том или ином состоянии объединены на социально-психологическом уровне.

Во **второй подструктуре, координационной**, происходит дальнейшее упорядочение характеристик по признаку субъективности — объективности. Отечественная психология, как известно, исходит из единства внешнего и внутреннего, т. е. из единства субъективного и объективного в любом психическом явлении. Определяющими в этом единстве признаются объективные характеристики, полученные объективными методами исследования. Однако отсюда не вытекает, что субъективные данные о чувствах и переживаниях субъекта не имеют научной ценности. Считать так, по справедливому мнению С. Л. Рубинштейна, значит отрицать осознанность переживания и, следовательно, отрицать сознание [41].

Третью подструктуру состояний образуют три группы характеристик: **общие, особенные и индивидуальные**, так, целью исследования адаптации является раскрытие индивидуальных, специфических психологических закономерностей человека. При изучении психической адаптации эта цель достигается анализом их конкретных индиви-

дуальных характеристик у того или иного субъекта. Однако изучение индивидуальных характеристик человека может быть лишь промежуточным этапом анализа. Полный цикл его предполагает выявление в индивидуальных характеристиках особенных, а затем общих.

Данная структурная схема системного подхода к изучению адаптации просматривается в большинстве работ по исследованию конкретных форм психической адаптации, например, в описаниях адаптации к стрессу, к экстремальным условиям деятельности, к невосможности, к пребыванию на орбите, к болезни, к режиму РНД, к укачиванию и т.д. [14, 22, 26, 38, 42, 43 и др.].

Можно сказать, что такое понимание психической адаптации включает все известное многообразие определений функций адаптации: приспособительной, интегрирующей, организующей, регуляторной, уравнивающей и/или дезорганизующей, ориентирования в социальной среде и т. д.

Однако на этом этапе системного исследования адаптации, несмотря на то, что опубликовано уже достаточно большое количество работ, до сих пор процесс психической адаптации не раскрыт во всей полноте, целостности, личностной и социальной обусловленности.

На наш взгляд, в отечественной психологии в настоящее время есть все возможности для решения и этих проблем адаптации. Мне хотелось бы выделить некоторые наиболее перспективные, на мой взгляд, направления в исследованиях адаптации.

Перспективным в настоящее время теоретическим основанием изучения проблем психической адаптации является, по утверждению А.В. Брушлинского, **субъектно-деятельностный подход**, который нацеливает исследователей на глубокое изучение закономерностей жизнедеятельности субъекта во всех видах его активности: деятельности, общения, поведения и т.д. [10].

Поэтому исследователи адаптации, стоящие на субъектно-деятельностной позиции, стремятся выдвинуть на первый план именно активность субъекта труда и исходят из вторичности физиологических изменений ФС по отношению к мотивам и целям человека в процессе адаптации к деятельности и связанным с ней неблагоприятным факторам среды. Последнее находит отражение в методическом инструментарии исследователей: они активно используют данные субъективной оценки состояний, тестирования характеристик личности и их связи с продуктивностью деятельности.

Можно также предположить, что активность человека в процессе адаптации, как и в процессах познания, выступает в виде особого рода деятельности, а, значит, включает конструирование, созидание самого себя, своих регуляторных возможностей. Предстоит узнать, как и какие психологические качества формируются в процессе адаптации

к изменяющимся условиям деятельности и социальной среды, какие характеристики и черты личности изменяются, какие новые социально-значимые качества развиваются.

Личностно-динамический подход и адаптация

Другим перспективным подходом является личностно-динамический подход, в соответствии с которым в исследованиях адаптации активно реализуется принцип включенности личности, который рассматривается нами как ведущая системообразующая детерминанта во взаимодействии регуляторных систем в триаде «общество—деятельность—личность». В соответствии с этим принципом, получившим развитие в трудах Б.Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, Б.Ф. Ломова, К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинского, Л.И. Анциферовой и др., человек включается в деятельность как личность. Этот подход определяет третье перспективное направление в исследованиях адаптации — изучение субъекта в развитии его как личности [1, 5, 6, 10, 28, 41 и др.].

При этом одни авторы считают, что человек всегда находится в процессе адаптации, другие же полагают, что личность «начинает осуществлять адаптивные процессы в тех случаях, когда оказывается в проблемных ситуациях (а не только при переживании конфликтных ситуаций)», т.е. процессы личностной адаптации имеют место там и тогда, где и когда изменяются социальные условия жизни человека и привычное поведение оказывается невозможным или малоэффективным. Как показали исследования, акцент на личностных качествах вызван тем, что они имеют наибольший вес в формировании адаптивного и дезадаптивного поведения.

Изучение личностных факторов психической адаптации привело к гипотезе, получившей многочисленные подтверждения, суть которой заключается в следующем: психическая адаптация человека определяется не абсолютными значениями (выраженностью) тех или иных стабильных характеристик личности, а изменением структуры взаимосвязей между этими характеристиками, что сказывается на общем поведении индивида и его устойчивости к комплексу экстремальных (природных и социальных) факторов среды (А.А.Алдашева, 1984).

Поэтому можно согласиться с утверждением Л.И. Анциферовой [3], что при изучении качественных изменений в структуре личности, которые обусловлены влиянием на личность условий профессиональной деятельности, необходимо «...вести речь о действующем индивиде, о личности, находящейся в состоянии деятельности». С этой точки зрения адаптация может быть понята как динамическое многофазное

развертывание личности, как особый тип последовательности личностных преобразований, как закономерная смена ее функциональных состояний.

В современной литературе взгляды на личность становятся более глубокими и всеобъемлющими (В.И.Лебедев, 1989; Л.П.Гримак, 1989; Н.В.Андреев, 1991). По мнению Л.Н.Собчик [45], личность — это динамичная система, открытая внешним воздействиям, реагирующая на изменения среды, деятельности в пределах индивидуально очерченного диапазона изменчивости, что делает структуру личности адаптивной и выносливой по отношению к стрессу [15, 26, 40, 41, 42, 45 и др.].

Основным отличительным признаком свойств личности является их отнесенность к деятельности или системе деятельностей субъекта, а иерархия деятельностей есть ядро личности [27, 37]. Такой подход в понимании сущности индивидуальности имеет непосредственное значение для решения задач психологического эмпирического исследования. Однако при рассмотрении личности как иерархии деятельностей встает проблема построения системы методов прикладной психологии с целью комплексного изучения возможных практических задач на общетеоретической основе.

Качественные преобразования личности (в положительную или отрицательную стороны) преследуют цель обеспечения достаточно надежного, приемлемого для индивида способа поведения в конкретных типичных жизненных и профессиональных ситуациях, что происходит за счет формирования и развития устойчивых черт личности, характерных, в частности, для профессиональной деятельности.

На основании этого в исследовании целесообразно придерживаться тех направлений, по которым исследуется проблема диалектической связи субъект-объектной активности в формировании и развитии личности профессионала. Здесь необходимо не только зафиксировать и определить какие-то качественные изменения и образования в структуре личности, но также раскрыть динамику этих образований и их направленность. «...Личность существует в процессе постоянного несовпадения с собой, в процессе выхода за свои пределы. Даже для того, чтобы сохранить устойчивость определенных своих параметров, жизненных целей, морально-нравственных качеств, она должна в условиях быстро и многообразно меняющейся социальной действительности менять свои психологические качества» [6].

Однако личность является членом не только профессиональной, но и других групп, в которых она может оказаться дезадаптированной. Это происходит, когда профессиональная роль и ее адаптивные стратегии распространяются на внеслужебные сферы, где социальные ожидания и ориентации могут не совпадать с профессиональными. А.А. Налчаджян [35] подтверждает эту мысль и говорит, что при хо-

рошей адаптации в трудовом коллективе личность может быть дезадаптирована, например, в семье.

Отметим также, что защитные механизмы вырабатываются в процессе адаптации и при этом могут быть адаптивными и неадаптивными. Использование адаптивных защитных механизмов личности приводит, как правило, к профессиональному развитию и эффективному решению затруднительных служебных ситуаций. Постоянное же применение неадаптивных защитных механизмов приводит к развитию проявлений профессиональной дезадаптации личности.

Динамический подход к изучению развития личности, предлагаемый Л.И. Анцыферовой [1981], ориентирован на исследование закономерностей постоянного «движения» самой личности в пространстве своих качеств, своего возраста, меняющихся социальных норм, в ходе участия в общественных процессах. Он имеет целью изучение качественных изменений в личности, прогрессивных или регрессивных форм и тенденций развития, причин трансформации личности.

Развитие новых качеств личности наряду со стабильными и динамическими личностными чертами определяет процессы адаптации/дезадаптации, например, такие, как адаптивность, стрессоустойчивость, эмоциональная устойчивость/неустойчивость субъекта, ответственность. Как показано в ряде работ, актуализация этих свойств может стать либо фундаментом адекватного, предсказуемого, взвешенного поведения, либо основной причиной нерационального, неадекватного, агрессивного, часто непредсказуемого, а иногда и трагического поведения человека. Эти качества личности характеризуются таким взаимодействием эмоциональных, волевых, интеллектуальных и мотивационных компонентов, которое обеспечивает оптимальное успешное достижение цели деятельности в сложной обстановке. Эти свойства взаимопроникают и взаимообуславливают друг друга, сливаясь в единый психический процесс, что приводит, по нашему мнению, к формированию интегративных качеств личности.

К категории психологической устойчивости личности можно отнести и понятие моральной надежности. Г.С. Никифоров определяет моральную (нравственную) надежность личности как «стабильность психического самоуправления поведением, устойчивую ориентацию человека на принятые в обществе нравственные нормы и их безусловное соблюдение» [34, с. 86].

Многомерная оценка зависимости между особенностями личности и актуального психического состояния, с одной стороны, и комплекса психофизиологических факторов, обеспечивающих определенный уровень адаптации,— с другой, осуществлена Ф.Б. Березиным [7]. Проведены исследования психологических и психофизиологических соотношений при изменениях в системе «человек—среда». Ус-

тановлена принципиальная важность этих соотношений для организации психического и физиологического регулирования в условиях адаптационного напряжения. Выявленные закономерности формирования психофизиологических зависимостей основаны на взаимодействии трех адаптационно значимых комплексов психодиагностических характеристик, определяющих организацию эмоционального стресса и стрессоустойчивости; особенности микросоциального взаимодействия; способность к структурированию ситуации и ее целесообразному изменению.

Исследование индивидуального адаптивного стиля является перспективным подходом в проблеме психологической профессиональной устойчивости. Однако некоторые авторы скорее согласны с А.А. Реаном [39], который, рассматривая варианты взаимодействия человека с социальной средой, возражает против разделения типов адаптивного процесса на активный и пассивный. «Второй тип,— пишет А.А.Реан,— тоже активный. Но здесь речь идет об активном приспособлении личности, об активном самоизменении, самокоррекции в соответствии с требованиями среды». Реан предлагает критерием различения типов адаптивного процесса считать не «активность—пассивность», а вектор активности, его направленность. Направленность «наружу» — активное влияние личности на среду, ее освоение и приспособление к себе. Направленность «внутри» — активное изменение себя, коррекция собственных установок и привычных инструментальных, поведенческих стереотипов. Тип активного самоприспособления к среде. Третий тип — наиболее распространенный и наиболее эффективный с точки зрения адаптации: вероятно-комбинированный.

Гуманистическое направление исследований адаптации

Гуманистическое направление исследований адаптации личности в зарубежной психологии представлено работами авторов, выдвигающих в качестве цели адаптации «достижение позитивного духовного здоровья», что предполагает отсутствие у субъекта адаптации психопатологических проявлений, соответствие индивидуальных ценностей общегрупповым, развитие у адаптирующего субъекта определенных личностных характеристик. Представители гуманистического подхода критикуют понимание адаптации как гомеостатического процесса и выдвигают положение об оптимальном взаимодействии личности и среды. При этом подчеркивается динамичность состояния оптимальности, возможность его нарушения и стремление к достижению его на новом, более высоком или более низком уровне. Непрерывный рост

и развитие личности провозглашаются атрибутивными моментами ее существования. Процесс социально-психологической адаптации в русле данного подхода описывается формулой: «конфликт — фрустрация — акты приспособления».

Наибольший вклад в развитие данного подхода внесли А. Маслоу, К. Роджерс, Г. Олшпорт, А. Бандура и др.

В ряду концепций психоаналитического направления следует выделить подход Э. Эриксона [51], который считает, что конфликт и защита являются одной стороной адаптационного взаимодействия личности и среды. Другой же стороной последнего служат сотрудничество и гармония. Процесс адаптации в его концепции описывается формулой: «противоречие — тревога — защитные реакции личности и среды — гармоническое развитие или конфликт». Конфликт имеет место там и тогда, где и когда защитные реакции индивида и уступки среды недостаточны для установления гомеостатического равновесия.

Как и другие представители психоаналитического направления, Э. Эриксон считает, что причиной возникновения противоречий между личностью и средой являются врожденные или приобретенные в раннем периоде развития неосознаваемые потребности, требующие своего «выхода». Если среда «не позволяет» личности реализовать эти потребности, возникает конфликт; если среда «уступает» личности, то возникает сотрудничество, приводящее к гомеостатическому равновесию в системе «личность—среда». Уровень же адаптированности определяется степенью переживания тревожности. При высокой степени тревожности наступает дезадаптированность.

В теоретической концепции личности К. Роджерса основными концептуальными составляющими являются: «Я», или самость [48], организм и феноменальное поле, которое приравнивается к жизненному опыту. В теоретическую конструкцию К. Роджерса не входит понятие конфликта, а эмпирический факт существования конфликтов и тревожности интерпретируется как неконгруэнтность самости и опыта. В ситуациях, когда существует несогласованность, но индивид не осознает этого, он потенциально уязвим тревожностью, угрозой и дезорганизацией. Если значимый новый опыт демонстрирует противоречие столь ясно, что оно должно быть сознательно воспринято, то индивид будет под угрозой, и его самость дезорганизуется этим противоречием и неассимилируемым опытом. В этом случае с целью сохранения структуры самости вступает в действие психологическая защита, которая выполняет функцию поддержания целостности самости и является источником неконгруэнтности, так как реальный опыт подвергается искажению и как бы отчуждается от личности.

И, наконец, **полисистемный подход**, который, по нашему мнению, наиболее перспективен для изучения процесса адаптации субъекта либо в триаде «профессиональная среда—деятельность—личность», либо «социальная среда— профессиональная среда—внутренняя среда» человека. Как писал Б. Ф. Ломов, «ключ к пониманию специфики субъективной формы существования психических явления (их субъективного характера) лежит, по-видимому, на пути исследования полисистемности существования человека, эта форма возникает как бы на пересечении различных систем, к которым принадлежит человек, обеспечивая его единство как субъекта деятельности, состояния, общения» [28, с. 71].

Именно принцип полисистемности предлагается его авторами — Б.Ф. Ломовым, Д.Н. Завалишиной, В.А. Барабанщиковым — применять при анализе сложных многомерных и многокачественных психических явлений [20, 28]. К таким явлениям относится и феномен психической адаптации.

Мы полагаем, что феномен адаптации проявляется в разрешении метасистемных противоречий или несоответствий в функционировании ее системы законам более широкой системы, компонентом которой она является, или во внутрисистемных противоречиях и рассогласовании компонентов внутри самой системы, которой она является. В качестве примера последнего противоречия, например, можно рассматривать несоответствия между требованиями деятельности и возможностями субъекта по их выполнению, между негативным отношением субъекта к социальным нормам и необходимостью следовать им, между осознанием глобализации как эволюционно-исторического процесса и необходимостью поиска своего места в нем и др. Но эти несоответствия не существуют изолированно друг от друга: противоречия, созревающие внутри системы, являются своеобразным ответом на давление «извне», и, наоборот, внутренние противоречия инициируют перестройку внешних связей системы, выводящих ее на новое место в контексте более широкой системы и тем самым на новый виток развития. В этом проявляется диалектика противоречий, лежащих в основе описываемого феномена.

Поэтому перспективными являются исследования изменений в структуре адаптации при разрешении «субсистемных» и «метасистемных» несоответствий, в поиске новых психологических детерминант и механизмов адаптации человека к социальным изменениям, научно-технологическим инновациям с позиции полисистемного подхода.

Так, А.А.Налчаджян [35] под адаптацией понимает «тот социально-психологический процесс, который при благоприятном течении

приводит личность к состоянию социально-психологической адаптированности», которое он характеризует как гармоническое взаимоотношение личности и группы, когда субъект без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою ведущую деятельность, удовлетворяет свои основные психологические потребности, в полной мере соответствует тем ролевым ожиданиям, которые предъявляет к ней референтная группа. Одновременно он переживает состояние самоутверждения и реализации внутренних возможностей, способностей личностного потенциала в значимой для себя сфере.

Достаточно подробно разработаны критерии социально-психологической адаптации. Это социометрический статус и удовлетворенность отношениями с товарищами [13], отношение к производственному объединению, к коллективу, к руководителю, удовлетворенность условиями труда и собой на работе, адекватность взаимодействия с другими участниками деятельности [7]. Р.У. Исмагилов (1981) исследовал особенности вторичной социально-психологической адаптации рабочих. Л.А. Ясюкова (1987) изучала проблемы вторичной адаптации, связанные с естественным движением кадров внутри предприятия.

О.С. Дейнека (1999) приводит данные зарубежных исследователей, касающиеся индивидуально-психологических детерминант экономико-психологической адаптивности и результаты своих исследований в этой области. Она называет следующие приоритетные качества, способствующие адаптированности личности к рыночным условиям: «в темпераментологическом блоке — энергетическая одаренность, стрессоустойчивость и такие формально-динамические подструктуры, как обучаемость, саморегуляция и активность; в блоке «характер» — дробность, гибкость характера (в разных сферах своей жизни человек проявляет разные черты характера и установки), что свойственно «рыночной ориентации характера», по З. Фрейду, но главное — выраженность волевых качеств; в блоке «интеллект и способности» — высокий удельный вес прикладного интеллекта, гибкость, но поверхностность мышления, высокий уровень развития памяти и внимания; в блоке направленности — выраженность мотива достижения, преобладание направленности на дело над направленностью на общение и на себя» [47, с. 562].

Это направление также остается наиболее перспективным в исследованиях адаптации к социальной среде, определяя адаптацию как процесс активного преодоления и разрешения субъектом разных несоответствий, таких, как несоответствие социальных норм возможностям и состоянию субъекта и несоответствие его профессиональной деятельности более широкому социальному контексту. Основную роль в формировании адаптационных систем субъекта выполняют регуляторные

механизмы, относящиеся к разным психологическим системам, включая деятельность, состояние, личность, среду.

Мы полагаем, что отсюда вытекает необходимость **изучения адаптации и как процесса, и как «открытой» системы**, для которой характерно состояние подвижного равновесия, сохраняющее постоянство структур при одновременном непрерывном взаимодействии всех компонентов системы. В «отличие от состояния равновесия в закрытых системах, полностью детерминированного начальными условиями, открытая система может достигать состояния, которое не зависит от ее исходных условий и определяется исключительно параметрами системы» [28]. Развитие системы за счет приобретения нового системного качества является, таким образом, основным результатом адаптации. Именно в развитии процесса адаптации может сформироваться психологическая система, представляющая собой согласованную деятельность регуляторных систем разного уровня, а может и не сформироваться, и тогда принято говорить о процессе дезадаптации.

Содержательно процесс адаптации представляет собой активное формирование (осознанное или неосознаваемое) субъектом стратегий и способов овладения ситуацией на разных уровнях регуляции поведения, деятельности, состояния. О.А. Конопкин в исследованиях личностного уровня саморегуляции именно общую способность к осознанной саморегуляции определяет как основу субъектного развития человека, что подтвердили его ученики и последователи

Мне кажется, что при дальнейшем изучении влияния социально-психологической адаптации на личность человека могут быть выявлены новые интегративные качества: социальная зрелость, гражданственность и другие ценностно-нравственные качества.

Эти исследования только начинаются и основываются на психосоциальном подходе, который в настоящее время интенсивно разрабатывается в отечественной и зарубежной психологии. Этот подход может стать определяющим в изучении адаптации человека к социальной среде, иначе говоря, в системе «профессиональная среда — человек — социальная среда».

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегии жизни. М.: Мысль, 1991.
2. *Авдеев В.В.* Психологические основы повышения эффективности деятельности работников органов внутренних дел в экстремальных ситуациях. М., 1988.
3. *Александровский Ю.А.* Состояние психической дезадаптации и их компенсация. М.: Наука, 1976. 272 с.

4. *Алдашева А.А.* Психологическая адаптация специалистов ВМФ к условиям деятельности. Автореф. дис... докт. психол. наук. Бишкек, 1998.
5. *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды. В 2 т. М.: Педагогика, 1980. Т.1.
6. *Анциферова Л.И.* К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981. С. 4–8.
7. *Березин Ф. Б.* Психическая и психофизическая адаптация. Л.: Наука, 1998.
8. *Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие учения и современное состояние проблемы. М.: Изд-во ИП РАН, 1995.
9. *Бодров В.А.* Психологические исследования проблемы профессионализации личности // Психологические исследования проблемы формирования личности профессионала / Под ред. В.А. Бодрова. М., 1991.
10. *Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. М.: ИП РАН, 1994.
11. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во МГУ, 1984.
12. *Ганзен В.А.* Системный подход в психологии. Л., 1983.
13. *Георгиева И.А.* Социально-психологические факторы адаптации личности в коллективе. Автореф. дис... канд. психол. наук. Л., 1986.
14. *Горбов Ф.Д., Лебедев В.И.* Психоневрологические аспекты труда операторов. М.: Наука. 1975. 90 с.
15. *Гримак Л.П.* Резервы человеческой психики. М.: Политическая литература, 1987.
16. *Дейнека О.С.* Экономико-психологическая адаптация // Психология. Учебник. М., 1999. 559 с.
17. *Дикая Л.Г.* Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
18. *Дмитриева М.А.* Психологические факторы профессиональной адаптации // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности. СПб., 1991. С. 43–60.
19. *Жмыриков А.Н.* Диагностика социально-психологической адаптированности личности в новых условиях деятельности и общения. Автореф. дис... канд. психол. наук. М., 1989.
20. *Завалишина Д.Н., Барабанчиков В.А.* Детерминация и развитие психики // Принцип системности в психологических исследованиях. М.: Наука, 1990. С. 3–9.
21. *Казначеев В.П.* Современные аспекты адаптации. Новосибирск: Наука, 1980. 190 с.
22. *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. М.: Наука, 1983.
23. *Копоткин О.А.* Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980. 240 с.
24. *Лазарус Р.* Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Под ред. Л. Леви. Л.: Медицина, 1970.
25. *Лазурский А.Ф.* Классификация личностей. Л, 1924.
26. *Лебедев В.И.* Экстремальная психология. М.: Юнити, 2001.
27. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М.: Политическая литература, 1975. 304 с.
28. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
29. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.

30. *Медведев В.И.* Устойчивость физиологических и психологических функций человека при действии экстремальных факторов. Л.: Наука, 1982.
31. *Мясников В.Н., Рыжов Б.Н.* Режим труда и отдыха и эффективность деятельности оператора // Функциональные состояния и эффективность деятельности человека-оператора в РНД. М.: ИП АН СССР, 1987. С. 92—110.
32. *Мясищев В.Н.* Личность и неврозы. Л., 1960.
33. *Налчаджан А.А.* Личность. Групповая социализация и психическая адаптация / АН СССР. Институт философии и права. Ереван. АНАрмССР, 1985.
34. *Никифоров Г.С.* Самоконтроль человека. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 191 с.
35. *Налчаджан А.А.* Социально-психическая адаптация личности: (Формы, механизмы и стратегии). Ереван: АН Арм ССР, 1988.
36. *Овдей С.В.* Проблемы социально-психологической и профессиональной адаптации молодых учителей. Автореф. дис... канд. психол. наук. Л., 1978.
37. *Петровский В.А.* К психологии активности личности // Вопросы психологии. 1975. № 3. С. 26—38.
38. *Платонов К.К.* Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986. 255 с.
39. *Реан А.А.* Локус контроля делинквентной личности // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 2. С. 52—56.
40. *Ронгинская Т.И.* Феномен сопротивления адаптирующим воздействиям. Автореф. дис... докт. психол. наук. СПб., 1995.
41. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. В 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 2. 323 с.
42. *Селье Г.* На уровне целого организма. М.: Наука, 1972. 122 с.
43. *Селье Г.* Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979. 109 с.
44. *Сеченов И.М.* Избр. произв. М.: АН СССР, 1952. Т. 1. 771с.
45. *Собчик Л.Н.* Введение в психологию индивидуальности. М., 1997.
46. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
47. *Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989.
48. *Хартманн Х.* Эго-психология и проблема адаптации. М.: Изд-во Института общегуманитарных исследований, 2002.
49. *Шапкин А.С., Дикая Л.Г.* Деятельность в особых условиях: компонентный анализ структуры и стратегии адаптации // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 1. С. 19—34.
50. *Щукина Е. Г.* Эмоциональная неустойчивость как ведущий фактор формирования дезадаптивного поведения студентов. Автореф. дис... канд. мед. наук. М., 1998. 32 с.
51. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.
52. *Ядов В.А., Кон И.С. и др.* Соотношение ценностных ориентаций и реального поведения личности в сферах труда и отдыха // Личность и ее ценностные ориентации. М., 1969. Вып. 1. С. 1—66.

Психологические механизмы адаптации человека

В.А. Бодров

1. Введение

Жизнь и деятельность человека всегда протекает в условиях его взаимодействия с внешней средой, одной из особенностей которого является то, что как среда, так и человек не являются стабильными компонентами: они могут иметь либо строго периодический, либо флюктуационный, нестационарный характер или же являться их сочетанием. Рассматривая проблему взаимодействия человека со средой, следует иметь в виду, что все без исключения физиологические и психологические процессы, связанные с этим взаимодействием, детерминированы внешней природной и социальной средой, и общие принципы взаимодействия с этой средой являются генетически закрепленными или благоприобретенными в процессе развития человека. Характерной чертой этого взаимодействия является то, что человек выступает активной стороной как биологический и социальный субъект.

Во всех случаях такого взаимодействия возникает процесс адаптации организма и психики человека к среде путем изменения психолого-физиологических характеристик или же активного преобразования среды.

Анализ используемых определений понятия «адаптация» позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, под этим термином скрываются различные процессы, его используют для характеристики принципиально различных явлений, например, пассивно-приспособительной и активно-преобразующей взаимосвязи личности и среды. Во-вторых, он отражает процессы как взаимного приспособления организма и среды, так и развития личности в измененных условиях. В-третьих, адаптация большинством современных авторов понимается как *процесс* развертывания во времени тех реакций организма, которые являются ответом на действие возмущающего фактора, способного нарушить постоянство внутренней среды, как *состояние* новой структуры интеграции функциональных систем, которые были сформированы в целях сохранения этого постоянства и возможности организма

действовать в этих условиях и, наконец, как *результат* перестройки функциональных систем, отражающий степень адаптированности организма и психики к измененной среде.

В.И. Медведев [13] в результате анализа и осмысливания понятия адаптации выдвинул ряд допущений о том, что:

а) использование понятия «адаптация» как характеристики приспособления может распространяться только на те изменения, которые возникают при длительном действии внешнего фактора и реализуются не только во время его действия, но и сохраняются после прекращения воздействия;

б) понятие «адаптация» относится только к организму и личности или групповому субъекту (видовая, популяционная и тому подобная адаптация);

в) адаптация — это процесс формирования таких внутренних условий, которые обеспечивают больший уровень свободы организма, находящегося в условиях действия факторов, нарушающих гомеостаз внутренней среды;

г) адаптация как процесс направлена на перестройку регуляторных механизмов и в этом смысле является частным случаем понятия «приспособление», которое охватывает все то, что вносит онтогенез в филогенетический базис жизнедеятельности организма;

д) возникающие в процессе адаптации изменения в функционировании организма и психики, в их морфологической структуре и биохимических процессах формируют систему, целевой функцией которой является обеспечение деятельности человека.

Указанные положения позволяют дать следующее определение понятия «адаптация». Адаптация — это системный ответ организма и психики на длительное и многократное воздействие факторов среды, связанное с перестройкой механизмов гомеостатической регуляции, формированием функционального обеспечения жизни и деятельности в соответствии с новыми, измененными условиями среды.

2. Регулирующие механизмы адаптации

Особое место в изучении адаптации занимают вопросы механизмов ее регуляции, т. е. процессов, которые определяют формирование и активацию физиологических, психологических и социальных ресурсов индивида, их пусковую, контролирующую и координирующую функцию при перестройке и стабилизации уровня функционирования систем организма и психики адекватно текущим и прогнозируемым требованиям среды.

Регулирующие механизмы являются очень важным, системообразующим элементом триады «факторы — механизмы — функциональные показатели». Раскрытие принципа их работы составляет главное содержание общей теории адаптации. Работа этих механизмов начинается с анализа параметров воздействующего фактора и выделения его среди других факторов, которые затем образуют определенный фон, также сказывающийся на восприятии фактора-сигнала. Полученная в результате такого анализа информация направляется в те структуры регулирующего механизма, которые содержат или способны вновь выработать программу ответа или на прогнозируемое действие фактора, или на уже вызванное этим фактором изменение. Эти структуры реализуют программу с помощью имеющихся периферических механизмов.

Следует сказать, что воздействующим фактором может быть и отклонение самой регулируемой величины, и тогда возникает процесс саморегуляции.

Психологическим компонентам системы регуляции адаптации придается особое значение, поскольку она и как процесс, и как состояние не является пассивным следствием, детерминированным тем или иным воздействием внешней или внутренней среды, а формируется человеком во многом как осознанный акт, обеспечивающий его внутреннюю свободу и независимость.

Психологические аспекты адаптации, как и описание других функциональных состояний, предусматривают, прежде всего, выявление роли психических процессов и активационных свойств личности (внимания, эмоций, волевых характеристик и т.д.). Большую роль играют те особенности сознания, которые связаны с мотивационной сферой, социальным положением и профессией человека. Очень важны для понимания динамики адаптации уровни развития самосознания и степень самореализации личности, особенно рефлексивного отражения действительности в сознании, проявляющиеся в переживаниях и действиях.

3. Нейрофизиологические механизмы адаптации

Динамика адаптационного процесса независимо от того, связана ли она с изменениями вегетативных и обменных процессов, обеспечивающих жизнь и деятельность человека в изменившихся условиях внешней среды или с процессами, влияющими на уровень и механизмы поддержания гомеостаза, или же с теми или иными формами поведенческого и психологического приспособления, реализуется нейрофизиологическими механизмами так же, как и любой жизненный процесс, протекающий на уровне целого организма.

В существующих представлениях о механизмах развития адаптационного процесса нашли отражение два исходных направления. Одно из них связано с активационной теорией адаптации, которая берет начало от концепции У. Кэннона [8] о мобилизующей функции эмоций. Второе направление определяется представлением о формировании при экстремальных воздействиях специфической системы организма, которая обуславливает зависимость его функционирования и от психологических факторов. Еще в 1967 г. Дж.Дж. Лейси [24] обратил внимание на то, что вегетативные проявления стресса могут зависеть не только от стимула, но и от психологических характеристик субъекта. Признание роли внутренних, психологических условий в развитии адаптации обусловили поиск связи параметров личности с поведением в сложных ситуациях и психологических детерминант этого состояния.

Характеристика процесса отражения действительности с учетом отношения личности к этой действительности является важным аспектом психолого-физиологического анализа механизмов развития процесса адаптации.

Соотношение информационных и энергетических процессов применительно к проблеме адаптации может быть рассмотрено на двух уровнях. Во-первых, на уровне целого организма в аспекте уравнивания его с окружающей средой как соотнесение информационных сигналов внешнего мира и деятельности, как обеспечение принципа активности и самовыражения живой системы. Во-вторых, на уровне самого носителя нейродинамической системы, т. е. мозговых процессов.

Первый аспект этой проблемы — воздействие информационных процессов на соматическую сферу в плане ответных вегетативных реакций, энергетических сдвигов поведения — особенно важен. Внешние воздействия, представляющие для индивида особую ценность как сигналы, в обобщенном понятии приобретают значение информационно-регулирующих факторов.

Есть основания полагать, что объективно экстремальные ситуации и воздействия, воспринятые как сигналы, но не усвоенные личностью, не оказывают заметного влияния на поведение, соматические и вегетативные процессы. И, наоборот, объективно менее существенные сигналы, но сразу усвоенные личностью, вызывают значительные изменения информационных и энергетических процессов. В этом и проявляется роль личности, а именно ее критичность, неустойчивость по отношению к определенной (содержательной) информации, что вызывает значительные энергетические преобразования в системе.

В плане воздействия психического на вегето-соматические функции особое значение имеет влияние эмоционально насыщенных

сигналов, являющихся информацией для данной личности и включаемой ею в цикл информационно-управляющих процессов. Нейродинамические системы, осуществляющие отбор и санкционирование информации, функционируют на базе обобщенного прошлого опыта, памяти. Одним из механизмов, определяющих усвоение информации в субъективно личностной форме, является механизм эмоций. Он включает, как считают Н.П. Бехтерева [2], П.В. Симонов [18], оценочные системы мозга. Субъективным эквивалентом такой филогенетически более древней формы отображения действительности является необразное, эмоциональное отражение.

В изучении механизмов регуляции адаптации важным, но еще не до конца ясным остается вопрос о соотношении эмоций и психической напряженности, стресса как одной из форм адаптационного процесса. В работах П.В. Симонова [18], К.В. Судакова [19] и других авторов подчеркивается неразрывная связь между ними.

Значительную роль в регуляции адаптации играют ее мозговые и гуморально-гормональные механизмы, которые не являются какими-либо особыми, специфическими только для управления этим процессом. В развитии реакции организма на сильные и сверхсильные раздражения, как отмечают Г.Н. Кассиль [6], В.В. Матюхин [11], В.И. Медведев [12, 13] и др., наибольшее значение имеют две системы: симпато-адреналовая и гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковая. Исследования, выполненные указанными авторами, а также нами по проблеме психологического стресса [3, 4], позволили представить концептуальную схему развития адаптации, отражающую нервные и гуморально-гормональные механизмы ее регуляции.

Возбуждение коры головного мозга в результате оценки интенсивности, значимости и последствий воздействия экстремальных факторов внешней среды передается на гипоталамус, где происходит освобождение — переход из связанной в активную форму норадреналина нервных клеток.

Активируя норадренергические элементы различных отделов ЦНС, в первую очередь ее лимбико-ретикулярной формации, норадреналин через высшие симпатические центры стимулирует деятельность симпатоадреналовой системы, это ведет к повышению образования и поступлению во внутреннюю среду гормона мозгового слоя надпочечников — адреналина. Адреналин через гематоэнцефалический барьер проникает из крови в заднюю долю гипоталамуса, а возможно, и в другие отделы мозга.

Возникающее под влиянием адренергических элементов общее возбуждение мозга в силу противоположной реакции центральных и периферических образований нервной системы на действие одного и того же химического раздражителя способствует повышению активности

трофотропных механизмов — серотонинергических и холинергических. Они стимулируют образование нейросекреторными клетками кортиколиберинов, которые, попадая в гипофиз, вызывают усиленное поступление в кровь адренкортикотропного гормона (АКТГ).

Под влиянием АКТГ в коре надпочечников увеличивается синтез кортикостероидов, содержание которых в крови нарастает. Кортикостероиды, легко проникая через гематоэнцефалический барьер в мозг, по закону обратной связи тормозят образование кортиколиберинов, что ведет к снижению их уровня во внутренней среде — это характерно для стадии стабилизации функциональной перестройки. При длительных воздействиях экстремальных факторов среды кортикостероиды связываются с особым белком крови, транскортином, и перестают проникать в мозг (соединение кортикостероидов с транскортином задерживается гематоэнцефалическим барьером). Прекращается поступление в мозг достоверной информации об уровне кортикостероидов в крови, что приводит к нарушению обратной связи и расстройству законов регуляции функций.

Непрекращающееся образование и поступление кортикостероидов в кровь приводит к истощению коры головного мозга и мозгового слоя надпочечников, что характерно для состояния дезадаптации организма.

По мнению Г.Н. Кассиля, взаимоотношения нейро-гуморально-гормональных процессов дополняются воздействием биологически активных веществ эрго- и трофотропного ряда, ферментных систем, влиянием гематоэнцефалического барьера и, возможно, других гистогематических барьеров. Следует также отметить, что представления о процессах регуляции адаптации дает анализ эрготропных и трофотропных систем и состояний: первые — это адренергические механизмы активации деятельности соматических и психических систем, а вторые — холинергические механизмы накопления энергетических запасов, усиления анаболических, ассимиляторных процессов.

Таким образом, эрготропные, трофотропные и гипоталамо-гипофизарные механизмы функционируют взаимозависимо, хотя их можно рассматривать и в качестве самостоятельных функциональных систем.

Особая роль в формировании нейрофизиологических реакций процесса адаптации принадлежит функциональной асимметрии полушарий головного мозга. Данной проблеме посвящены многочисленные исследования, что делает практически излишним изложение этого материала. Следует, пожалуй, лишь отметить, что возрастает количество суждений, выражающих осторожность в абсолютизации принципа фиксированности функций правого и левого полушарий и утверждающих возможность инверсии этих функций. По мнению

Э.А. Костандова [7], роль межполушарной асимметрии заключается в возможности осуществления взаимодополняющей деятельности и преимущество одного полушария перед другим проявляется лишь на определенных стадиях обработки информации с целью создания адекватного образа внешней среды.

4. Функциональная системность адаптации

В отечественной науке зародилось и успешно развивается концепция системной организации психолого-физиологических механизмов регуляции адаптационных процессов (П.К. Анохин [1], В.И. Медведев [12, 13], Н.И. Наенко [14], Т.А. Немчин [15], К.В. Судаков [19] и др.).

Основные положения, касающиеся системы нервно-психической регуляции адаптационного процесса, можно представить в виде определенной последовательности функционирования ее компонентов.

Главным источником функциональной активации являются внешние воздействия – информация о наличной, актуальной, проблемной ситуации, которая поступает в сенсорно-перцептивную зону головного мозга, где осуществляется первичный афферентный синтез. Одновременно в блок афферентации идут мотивационно-потребностные импульсы и информация о прошлом опыте индивида, пережитого ранее сходные ситуации. На уровне афферентного синтеза поступает также информация об исходном состоянии соматических, энергообеспечивающих систем.

В результате афферентного синтеза на уровне сенсорно-перцептивной и гностической подсистем производится первичная оценка ситуации, на основе которой программируется желаемый результат. Решение о реализации программы отклика на воздействие принимается на уровне гипотетического «интегративно-регуляторного блока управления» (по Т.А. Немчину), в который входит нейроморфологический субстрат лобных долей мозга. Совокупность информационных характеристик запрограммированного результата и конкретных действий по его достижению передается на уровень нейрорегуляторных образований мозга в лимбико-таламо-ретикулярный комплекс, являющийся центральным представительством афферентных подсистем организма.

Эффекторная подсистема стимулирует эндокринно-гормональную, адаптационно-трофическую (или вагосимпатическую) и экспрессивно-моторную активность, которая реализует программу и получение результатов. Информация о реальном результате и изменениях в организме по каналам обратной афферентации поступает снова на уровень афферентного синтеза и как бы замыкает систему.

В процессе сличения запрограммированного и реального результата устанавливается либо выход организма на новый уровень адаптации, либо отсутствие совпадения результата вследствие изменения внешней ситуации или недостаточной эффективности механизмов регуляции.

В целом структуру регуляции адаптационных процессов можно представить следующим образом. При воздействии экстремальной ситуации у индивида активизируются два главных блока адаптационной системы: информационный и энергетический. В первый блок входят комплексы морфо-функциональных образований сенсорно-перцептивного звена, прецентральной коры палеокортекса, которые ответственны за аналитико-синтезирующую деятельность и общую регуляцию адаптационного процесса. Во второй блок входят морфо-функциональные образования ретикулярной формации, гипоталамуса и центральных отделов вегетативной нервной системы, экспрессивно-моторной подсистемы.

5. Психологические механизмы адаптационного процесса

5.1. Общий психологический механизм адаптации

Рассмотрение некоторых общих механизмов развития адаптации свидетельствует о неразрывной связи физиологических и психологических процессов. Однако в зависимости от вида адаптогенного фактора, особенностей его взаимодействия с человеком, исходного состояния человека, имеющихся у него врожденных и приобретенных программ и возможностей их активации, особенностей сочетания природных и социальных факторов среды и ряда других факторов, определяющих выбор стратегии адаптационного процесса, роль и соотношение физиологических и психологических механизмов могут изменяться, что в принципе и определяет одну из главных характеристик индивидуального развития адаптации.

Как считает В.И. Медведев [13], в одних случаях участие психологических компонентов адаптационного процесса может сводиться к обеспечению превентивных реакций, избавляющих организм от необходимости развития адаптации, что реализуется в ряде поведенческих программ; в других формируется сочетанная с физиологическими механизмами реакция, при которой ряд одних требований, предъявляемых организму условиями его взаимодействия с адаптогенным фактором, обеспечивается соответствующими адекватными физиологическими механизмами, а ряд других требований — психологическими механизмами.

Нередки ситуации, когда психологические реакции играют роль своеобразных усилителей, модуляторов, обеспечивающих развитие физиологических механизмов адаптации и позволяющих продолжать необходимую деятельность в таких условиях, когда защитные механизмы (например, такие, как усталость, боль или чувство нежелания выполнять ту или иную деятельность) требуют ее прекращения. В этом отношении хорошо известна роль таких психологических качеств, как мотивация, воля, ответственность, конформность поведения и т.д.

Наконец, возникают адаптационные ситуации, когда адаптогенным началом выступает только психологический фактор или их комплекс, а адекватный ответ организма заключается в формировании соответствующего психического состояния, настроения или, согласно теории К. Левина [9], психологического поля. Такое превалирование психологического компонента в ряде адаптационных процессов делает оправданным существование понятия «психологическая адаптация».

Таким образом, формируется несколько типичных вариантов участия психических процессов в адаптационных механизмах, а именно психические механизмы адаптации человека к природной среде, к социальной среде, к их комбинации в условиях катастроф, а также адаптации в форме саморазвития, самосовершенствования.

Для определения сущности процесса психологической адаптации В.И. Медведевым использованы понятия «программа деятельности», «концептуальной модели деятельности», т. е. представление, образ ситуации, цели, выбор стратегии действий и др., понятие «детектор» — контроль за реализацией программ и т.д. Исходя из этих представлений, он определил понятие психологической адаптации как процесс формирования в сознании человека концептуальной модели, включающей образ воздействия, его объективную и субъективную значимость последствий взаимодействий человека и среды, стратегию и тактику ответных реакций и формирование на основе этого образа состояния, обеспечивающего соответствующие действия человека. Психологическая адаптация предполагает определение субъективной цели как варианта осознанного решения возникшей проблемы с учетом личностных характеристик.

Адаптация человека к воздействию факторов среды, его восприятие и оценка обуславливается совокупностью свойств и качеств индивида, от которых зависит тип индивидуально-психологической реакции человека, характер психической регуляции этого состояния, формы доминирующей поведенческой активности в этих условиях [5, 10, 13, 26, 27 и др.].

Особенности проявления процесса адаптации и адаптированность индивида определяются экстремальностью воздействия факторов среды. Но само понятие экстремальности следует оценивать

не только в физических параметрах внешнего стимула, но и в психологических категориях предела личностной психической адаптации к этому воздействию. Можно предположить, что психолого-физиологические механизмы развития адаптации обуславливаются также индивидуальными особенностями организации нейродинамических систем мозга, личностными свойствами и неспецифическими нейрогуморально-гормональными процессами организма.

По мере накопления человеком опыта взаимодействия с внешней средой, адаптации к ней у него формируются определенные представления об этом процессе, и он организует соответствующую информацию по ее значению и связям. Знание этого процесса, по всей видимости, позволяет предсказать с определенной точностью, какие могут и должны быть действия конкретного человека в аналогичной ситуации. Трудно однозначно сказать, как это происходит, но есть две теории возникновения подобных решений, основанные на субъективных представлениях о реальности. Первая теория — личного конструкта (Дж. Келли [22]), согласно которой конструкты как предположительные догадки либо становятся ригидными, жесткими и не принимают новую информацию, либо остаются гибкими и открытыми широкому диапазону информации. Ключевая идея в размышлениях Дж. Келли заключается в том, что люди становятся психически восприимчивыми в той мере, в какой они ожидают события. Ожидания ограничивают обзор до очень узкого диапазона. Различные толкования события просто не могут существовать, потому что они находятся вне пределов, созданных ожиданиями.

По теории Ж. Пиаже [16], сознание может изменять сенсорный вход таким образом, чтобы он соответствовал заранее разработанной схеме. Автор назвал такой процесс усвоением (ассимиляцией). Он является приспособлением для восприятия внешних требований. Если новая информация полезна, схема становится более совершенной. Схема для ситуации является сценарием поведения, и процесс самовосприятия, самопонимания (Self-concept) служит важной личной схемой («Я»-схема). Негативная «Я»-схема может повысить уязвимость в отношении к депрессии в стрессовых ситуациях или снизить толерантность к воздействию неблагоприятных факторов среды. С другой стороны, схема ожидания успеха или неудачи может влиять на подход к ситуации, ее оценку. В этом случае схема выступает как первично значимая система в познании.

5.2. Психические процессы, обуславливающие адаптацию

Адаптационные процессы сопровождаются активизацией когнитивных, личностных, поведенческих качеств и свойств человека, которые, с одной стороны, включаются в процесс активного взаимо-

действия со средой, а с другой стороны, проявляют пассивно-приспособительную функцию, отражающую характер внешних воздействий. В этом проявляется свойство человека осуществлять саморазвитие, самооценку и саморегуляцию, а также противодействовать влиянию неблагоприятных факторов среды.

Представление о том, что в развитии процессов адаптации существенная роль принадлежит интеллекту, разделяется многими авторами. Данный подход разрабатывался в теории когнитивного развития Ж. Пиаже [16], в соответствии с которой организация умственной деятельности, развиваясь от простейших реакций двигательной координации до абстрактно-логических рассуждений, обеспечивает решение проблемы адаптации человека. Развивая положения об адаптивной природе интеллекта, Ж. Пиаже описал два основных механизма, способствующих приспособлению человека к условиям окружающей среды: это ассимиляция и аккомодация. Под ассимиляцией он понимал совокупность интеллектуальных действий индивида, направленных на включение факторов окружающей среды в уже сложившиеся у него когнитивные структуры. Аккомодация представляет собой противоположный процесс воздействия среды на индивида, когда он направляет собственную активность на изменение уже сформировавшихся когнитивных структур, изменяет действия и представления в соответствии с новыми обстоятельствами.

Подход к адаптации как к процессу формирования субъектом когнитивных стратегий по преодолению стрессогенной ситуации позволил С.А. Шапкину и Л.Г. Дикой [20] построить континуум стратегий адаптации, на одном полюсе которого сочетание наиболее эффективных стратегий — «гибких», «мобилизационных» когнитивных стратегий, большое количество личных ресурсов, высокий уровень контроля за негативными эмоциональными переживаниями; на другом полюсе — сочетание неэффективных когнитивных стратегий, малого количества ресурсов и слабой эмоциональной регуляции. Разнообразие когнитивных стратегий, с одной стороны, позволяет адекватнее описать процесс формирования психологической системы адаптации, а с другой — наглядно демонстрирует своими сочетаниями сложность взаимодействия различных регуляторных подсистем, участвующих в данном процессе.

В регуляции адаптации человека существенную роль играют некоторые характеристики психических процессов.

Адаптация в определенной мере является процессом субъективным, истоком которого служит отражение психикой внешней среды и ее динамики. В любой адаптационной реакции можно увидеть признаки, обусловленные особенностями субъективного *восприятия*.

Можно, по всей видимости, постулировать положения о том, что

в основе адаптации лежит процесс восприятия внешней среды, отсюда вытекает вывод о том, что эта реакция отражает реальные изменения среды, т. е. является адекватной этим изменениям. Вторым выводом заключается в том, что поскольку любое восприятие несет на себе отпечаток индивидуальности, то и картина адаптации, ее направленность и выраженность в той или иной мере будет отражать эту индивидуальность.

Вместе с этим можно поставить очень важный вопрос о том, какой механизм восприятия положен в основу адаптации? Если верен принцип элементного анализа, то адаптация должна вызываться фактором, отклоняющимся от общей картины внешней среды, привычной для человека; если же правы приверженцы теории гештальта, то адаптация должна отражать всю совокупность изменений в среде, вызванных отклонением этого единичного фактора [13].

Восприятие как процесс интерпретации информации о внешнем мире позволяет формировать суждение о ценности, значении этой информации с точки зрения адаптации к измененным условиям, а восприятие как процесс организации в перцепции обеспечивает установление связей между впечатлениями, суждениями, переживаниями, накопленными в долговременной памяти. В дальнейшем эти накопленные переживания будут влиять на процессы оценки (переоценки) как ситуаций, так и личных возможностей.

Одна из основных проблем восприятия заключается в том, что оно не всегда бывает абсолютно истинным, соответствующим внешней реальности, иногда оно становится жертвой различных искажений (иллюзии, галлюцинации).

В теории адаптации *внимание* является одним из ключевых факторов. С одной стороны, это определяется тем, что лишь те явления внешней среды могут выступать как адаптогенный фактор, которые попадают непосредственно в сферу внешнего внимания или опосредованно, через последствия своего действия на функциональное состояние человека. В этом плане большое значение имеет свойство селективности внимания, которое может определить и начальную структуру построения адаптации. С другой стороны, внимание выполняет функции акцептора действия и обуславливает не только текущую коррекцию формируемых или развертывающихся адаптационных процессов, но и часто определяет выбор стратегии адаптации.

Внимание выступает также мощным очагом активности, которая, в свою очередь, служит одним из факторов, определяющих уровень развертывания адаптационных реакций.

В регуляции процессов адаптации функция внимания выполняет задачу защиты субъекта от перегрузки информацией, концентрации на необходимой информации. Согласно теории У. Найсера [13], вни-

вание представляет собой процесс активного предвосхищения, которое обуславливает одно из центральных его свойств — избирательность. Иными словами, первичная сенсорная информация определяет лишь направление поиска, а затем разворачивается процесс собственно внимания, который, меняя настройку сенсорной системы, на основе памяти ориентирует сознание на поиск необходимой информации.

Внимание во многих случаях играет пусковую роль в генезе адаптации как процесса, особенно в случаях так называемой предвосхищающей или превентивной адаптации. Значительно более сложным является внутреннее внимание, которое направлено не на поиск каких-либо объектов, а на контроль за протеканием когнитивных процессов и на их обеспечение. Вероятно, именно состояние внимания определяет выбор очевидных или неочевидных стратегий адаптации, не говоря уже о том, что именно внимание определяет начало адаптационного процесса, особенно тогда, когда действие адаптогенного фактора еще не достигло значительной выраженности.

Одна из функций внимания — защита от чрезмерно интенсивной или нежелательной информации. Это свойство получило название «перцептивной защиты» и проявляется в том, что люди, как правило, уделяют больше времени анализу негативной информации, чем анализу позитивной.

Можно привести массу примеров из собственной жизни, отражающих фундаментальные особенности памяти и, в частности, ее уязвимость. В памяти существуют процессы реинтеграции и реконструкции, которые играют существенную роль в регуляции адаптации. Первый из них означает восстановление или воссоединение ряда связанных фрагментов информации в единое целое, что иногда сопровождается использованием некоторых фактов, которых никогда не было в данном событии, т. е. имеют место лишь предположения, догадки о том, что должно было бы произойти. В процессе реинтеграции восполняются пробелы в логическом построении для его завершения, — в данном случае трудно отделить факт от вымысла.

При реконструкции процессы памяти формируются таким образом, чтобы удовлетворить (наполнить, обогатить) свои ожидания, убеждения, знания. Однако при воспоминаниях о каком-либо событии часто отмечаются очевидные искажения в истинном его содержании: опускаются детали, изменяются факты, вводятся новые детали. Каждое очередное воспоминание может быть связано с избирательным функционированием памяти, которое сопровождается все возрастающим искажением реального события.

Процессы реинтеграции и реконструкции в памяти могут существенно исказить содержание и значение адаптогенных факторов, воздействующих на человека.

Роль памяти в обеспечении адаптации не ограничивается этими двумя процессами. Искажения запечатленной в памяти реальности или воспроизводимых представлений о действительности могут быть связаны со «стиранием» в кратковременной памяти необходимой информации последующими событиями, «фрагментарным забыванием» привычных действий, «консервированием» в памяти ненужной информации и другими процессами [3, 21].

Одной из наиболее сложных проблем, связанных с психологическими механизмами адаптации, является определение роли и места *мышления* как в выборе стратегии адаптации, так и в динамике самого процесса. Процесс мышления, опираясь на внимание, память, ассоциации, формирует в сознании модель ситуации, в которую включены в наглядно-образном и понятийном виде категории Я и внешнего мира, их действия и взаимодействия, взаимосвязи. В процессе мышления человеку, во-первых, необходимо оценить меру своей связи с возникшей ситуацией; во-вторых, определить вид этой связи, ее значимость для себя; в-третьих, установить, может ли он разрешить возникшую проблему и имеет ли для этого готовое решение или необходимо совершить творческий поиск. Если готового решения нет, то формируется концептуальная модель проблемной ситуации и определяется степень сложности проблемы, ее физиологическая и социальная значимость для человека и общества. Наличие концептуальной модели и принятие решения о формировании ответной реакции на возникшую ситуацию влечет необходимость, с одной стороны, определить свои возможности в формировании адекватного принятому решению ответа, а с другой, принять программу и план деятельности, т.е. стратегию адаптивного поведения.

При рассмотрении процесса развития адаптации для нас совершенно очевидна и понятна роль мыслительных процессов при изучении механизмов адаптации к социальной среде, к ее содержанию и требованиям, но при исследовании этого процесса в условиях воздействия природных факторов внешней среды роль мыслительной деятельности не всегда очевидна. Однако и в этом случае ход и действенность адаптации определяется целой серией приспособительных поведенческих реакций, формирующих некую базу для вегетативной адаптации, изменяя, например, потребность в необходимых энергетических реакциях или меняя условия взаимодействия с адаптогенным фактором. Любой процесс взаимодействия с внешней средой порождает мышление и одновременно является следствием мышления.

5.3. Роль личности в механизмах адаптации

При рассмотрении проблемы личностной регуляции процесса адаптации к измененным условиям среды и деятельности обращает на себя

внимание использование нескольких направлений ее изучения. В общей форме они сводятся к определению основных черт или типов личности, характеризующих функциональное состояние и поведение в этих условиях, влияния особенностей экстремальных ситуаций на личностный статус, значения тех или иных личностных свойств в адаптационных процессах, роли личности в преодолении экстремальных воздействий, взаимосвязи личностных особенностей субъекта с другими его характеристиками (когнитивными, эмоциональными, темпераментальными, мотивационными и др.) в процессах регуляции и т.д.

Как известно, личностные характеристики, обладающие содержательной и динамической стороной, в соответствии с системным подходом в психологии могут быть отнесены к наиболее общим психологическим категориям регулятивных, когнитивных, коммуникативных функций. Изучение роли личностных факторов в экстремальных условиях и при развитии адаптационного процесса обычно проводят с точки зрения особенностей осуществления их регулятивных функций. Наибольший интерес представляет изучение личностной детерминации развития и устойчивости адаптационного процесса.

Некоторые авторы связывают понятие личности с особенностями отношений к конфликту и способам его разрешения. Существует мнение [25, 21], что личность определяет стиль защиты от состояния тревоги, в том числе и такого, которое вызвано воздействием на организм факторов внешней среды. Это дает основание высказать предположение, что особенности личности определяют характер течения адаптационного процесса, и эти особенности формируют ее индивидуальный стиль.

Направленность личности или преимущественно на самого себя, или вовне, т. е. ее положение по шкале «*интроверсия — экстраверсия*» определяет характер использования поступающей информации и образует личностное представление о ситуации, оценку ее значимости, ее личностный смысл, который можно трактовать как место ситуации, объекта в психологическом поле или на шкале ценностей. Личностный смысл определяется вкладом познанного в гармонию внутреннего мира человека, что, естественно, вызывает предположение о различии адаптационных процессов у интровертов и экстравертов. Однако достоверных различий в физиологических и даже психологических характеристиках адаптации у них установлено не было. В то же время выявлены существенные различия интровертов и экстравертов в субъективной оценке адаптационной ситуации и связанной с ней поведенческой активностью. Экстраверты более эмоционально оценивают ситуацию, чаще используют поведенческие формы адаптации [17].

Степень эффективности человека контролировать возникшую ситуацию и организовать адекватную этой ситуации реакцию, обес-

печивающую достижение стоящих перед ним в данный момент целей, определяется свойством *внешнего и внутреннего локус-контроля*. Преобладание внешнего контроля характеризует такое восприятие событий, которое не связывает их с поведением или действиями личности, а конкретное событие при этом расценивается как независимое и неподконтрольное личности. Экстерналы объясняют большинство событий как результат случайности, контролируемый силами, неподвластными человеку.

Люди с высоким внутренним контролем (интерналы) склонны внимательно анализировать ситуацию, активно использовать различные варианты поведенческих компонентов адаптации, разрабатывать программы поведения, осуществлять превосходящие действия. Они чувствуют, что только некоторые события находятся вне сферы человеческого влияния. Их поведение направлено на активное противодействие адаптогенному фактору, а сами они характеризуются повышенной устойчивостью к возмущающим факторам и чаще дают оптимистические оценки. Внутренний контроль основан на восприятии позитивных или негативных событий как последствий личных действий и, таким образом, находящихся под личным контролем. Интерналы тратят существенную часть своей умственной энергии на получение информации, что позволяет им влиять на значимые для них события. Они имеют выраженную тенденцию разрабатывать специфические и конкретные планы действий в тех или иных ситуациях.

С. Кобаза [23] нашла доказательства того, что некоторые особенности личности играют значительную роль в развитии адаптационных изменений и сопротивлении неблагоприятным факторам среды. Она отмечает, что жизнерадостные люди — психологически *выносливы, устойчивы*. Согласно ее взглядам, выносливость определяется тремя основными характеристиками: *контроль, самооценка, критичность*. Контроль проявляется и измеряется как локус контроля. Критичность отражает степень важности для человека безопасности, стабильности и предсказуемости событий. Самооценка — это чувство собственного предназначения и своих возможностей: она определяет не только выбор человеком действий, уменьшающих отрицательные последствия воздействия адаптирующего фактора среды, но и уровень развиваемых при этом усилий.

Свойство *личностной тревожности*, ее уровень, применительно к развитию адаптации можно рассматривать как тенденцию к переоценке опасности той или иной ситуации и недооценку своих возможностей противостоять реальной или мнимой угрозе. В указанном смысле это свойство созвучно такой личностной черте, как *«самоэффективность»*, т. е. насколько сам субъект адаптации уверен в своих способностях проявить адаптивное поведение. Опыт адаптации человека к природным и

социальным факторам показывает, что у лиц с высоким уровнем тревожности способность к любой активной адаптации вообще снижена как со стороны психических, так и физиологических ее составляющих.

Важным личностным свойством является *рефлексия*, которая лежит в основе самосознания, самоосмысливания, самоактуализации, саморазвития. В этом смысле она играет значимую роль в контроле и организации поведения человека и, можно предположить, что она тем самым определяет развитие адаптационных процессов. Однако в такой постановке проблема взаимосвязи рефлексии и адаптации пока не являлась предметом исследований.

Особое значение в развитии адаптации имеет *мотивационная сфера* личности, направленность мотивов, их сочетание и степень активности. Для обеспечения адаптации к конкретным природным и социальным факторам внешней среды важным является, с одной стороны, совокупность мотивов достижения элементарных, материальных и социальных ценностей, самосовершенствования, обеспечения безопасности и т.д., а с другой стороны, по нашему мнению, их «определенность» за счет дополнения перечня целей и ведущих мотивов характеристиками конкретных условий и способов их реализации.

Практически все теории адаптации придают особое значение в ее развитии *эмоциям*, которые реализуют ряд функций в поведении человека, а именно оценочную, организующую, контролирующую, защитную, мобилизующую. С позиций процесса и состояния адаптации эмоции отражают ее необходимость, субъективную оценку ее предела и плату за адаптацию.

Вероятно, такие свойства и качества личности, как *целеустремленность, ответственность, настойчивость, уверенность* в действиях, *устойчивость* к внешним воздействиям, *коммуникабельность* и другие, обеспечивают и адекватное протекание пассивной адаптации, и активное противодействие адаптогенным влияниям, защиту от них или их устранение, т. е. выбор цели и стратегии ее достижения.

В структуре и механизмах регуляции процесса адаптации значительную роль играют ее *поведенческие формы*. Путем изменения поведения осуществляется, пожалуй, важнейшая для человека сторона адаптации — активное воздействие на среду, позволяющее преобразовать ее в нужном для человека направлении или создать новую взамен той, которая дана природой. Однако самым сильным доводом в пользу отдельного рассмотрения некоторых проблем поведенческой адаптации является то, что она является обязательным и часто самым главным компонентом адаптации к деятельности, особенно деятельности профессиональной.

Одна из трудностей формирования адаптации к сочетанию адаптогенных факторов среды и деятельности является то, что трудовая

деятельность зачастую ставит требования перед регулирующими постоянство внутренней среды структурами диаметрально противоположные тем, которые связаны с воздействующим природным адаптогенным фактором. Формируемая при таком сочетании адаптация является всегда компромиссной, и основная функция поиска и поддержания такого компромисса, как правило, осуществляется путем нахождения соответствующих характеристик поведения.

В.И. Медведевым в 1982 г. была разработана классификация видов поведенческой адаптации, которая в 2003 г. была существенно переработана и дополнена [13]. Она включает такие формы, как: а) превентивная поведенческая адаптация — глобальное изменение активности, реакция избегания или активного поиска предпочтительного поведения; б) стабилизационная поведенческая адаптация — сохранность общей структуры поведения, корригирующие реакции, оптимизация двигательного акта, реорганизация поведения; в) социально-обусловленные формы поведения — формирование или преобразование среды; г) личностно-обусловленные формы поведения — перестройка мотивов, изменение эмоциональной сферы, изменение ролевых ожиданий, преобразование психологического климата и т.д. Однако их анализ требует отдельного обсуждения.

6. Заключение

Анализ проблемы механизмов адаптации человека целесообразно проводить на основании представления о ней как морфо-функциональном динамическом процессе системной регуляции состояния организма и психики при воздействии измененных условий внешней и внутренней среды.

Характерной особенностью адаптации является взаимосвязь, взаимное влияние физиологических и психологических процессов, роль и соотношение которых определяется конкретными условиями среды, целями и формами приспособления к ней. И если физиологический компонент адаптации отражает главным образом неспецифическую реакцию организма, то психологический компонент регулирует в большей степени — специфическую активность человека по приспособлению, защите, преодолению воздействия факторов среды и ее преобразованию.

Психологические особенности адаптации могут проявляться в изменении под воздействием факторов среды некоторых характеристик когнитивных процессов, эмоционально-волевой сферы, личностных черт и т.д., но прежде всего они заключаются в детерминирующей функции психики, направленной на формирование, выбор, реализа-

цию стратегий поведения в этих условиях, контроля и управления параметрами внешней среды.

Одной из форм взаимосвязи, взаимодействия человека и факторов среды является взаимная адаптация человека и техники, в которой наиболее наглядно проявляется значение учета его психологических особенностей. Этот процесс реализуется, во-первых, в программах проектирования и совершенствования трудовой деятельности человека на основе ее приспособления к психологическим характеристикам субъекта труда; во-вторых, при оценке и формировании профессиональной пригодности субъекта (в том числе по критериям адаптационных возможностей и адаптированности) на этапах отбора и подготовки; в-третьих, путем создания и использования индивидуально-ориентированных способов, методов, средств защиты и приспособления человека к неблагоприятным факторам среды.

Психологические механизмы адаптации обеспечивают не только процесс повышения или сохранения устойчивости при изменении внешней среды, сколько функциональную эволюцию организма, расширяющие его возможности. Адаптация стремится не к равновесию, а к развитию человека, увеличению его ресурсов для взаимодействия с внешней средой. Регуляция адаптационного процесса преследует цель гармонизации функциональных систем организма и психики, их устремленности к достижению состояния равновесия, в силу его психической детерминации направлена на развитие этих систем по законам гетерохронности изменений и неравномерности фаз этого процесса и связана с постоянным рассогласованием межфункциональных связей. Эта относительно функциональная неустойчивость обеспечивает гибкость стратегий адаптации и повышенную чувствительность этого процесса к влиянию индивидуально-психологических особенностей человека. Отсюда следует положение о том, что адаптация человека представляется не как процесс изменения отдельных физиологических и психологических функций и качеств, а как системная реакция организма и психики, единый процесс и результат достижения функционального соответствия требованиям внешней среды.

Литература

1. *Анохин П.К.* Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
2. *Бехтерева Н.П.* Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека. Л.: Медицина, 1971.
3. *Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие учения и современное состояние проблемы. М.: «Институт психологии РАН», 1995.
4. *Бодров В.А.* Информационный стресс. М.: ПЕР СЭ, 2000.

5. *Бодров В.А., Лукьянова Н.Ф.* Личностные особенности пилотов и профессиональная эффективность // Психологический журнал. 1981. Т. 2. №2. С. 51–65.
6. *Кассиль Г.Н.* Внутренняя среда организма. М.: Наука, 1983.
7. *Костандов Э.А.* Функциональная асимметрия полушарий мозга и неосознанное восприятие. М.: Наука, 1983.
8. *Кэннон У.* Мудрость тела. М., 1946.
9. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: Ювента, 1999.
10. *Марищук В.Л.* Психологические основы формирования профессионально значимых качеств. Дис. ... докт. психол. наук. Л., 1982.
11. *Матюхин В.В., Разумов А.Н.* Экологическая физиология человека и восстановительная медицина. М.: Медицина, 1999.
12. *Медведев В.И.* Психологические реакции человека в экстремальных условиях // Экологическая физиология. Адаптация человека к экстремальным условиям среда. М.: Наука, 1979. С. 625–672.
13. *Медведев В.И.* Адаптация человека. СПб.: Институт мозга человека РАН, 2003.
14. *Наенко Н.И.* Психологическая напряженность. М.: Изд-во МГУ, 1976.
15. *Немчин Г.А.* Состояние нервно-психического напряжения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
16. *Пижае Ж.* Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1989.
17. *Реан А.Л., Кудашев Л.Р., Баранов А.Л.* Психология адаптации личности. Учебно-научное издание. СПб.: Медицинская пресса, 2002.
18. *Симонов П.В.* Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981.
19. *Судаков К.В.* Системные механизмы эмоционального стресса. М.: Медицина, 1982.
20. *Шапкин С.А., Дикая Л.Г.* Деятельность в особых условиях: Компонентный анализ структуры и стратегий адаптации // Психологический журнал, 1996. Т. 17. № 1. С. 19–34.
21. *Aldwin C.M.* Stress, coping and development. New York; London. The Guilford Press. 1994.
22. *Kelly G.* Psychology of personal constructs. New York. Norton. 1955.
23. *Kobaza S.C.* Personality and Resistance to illness // American Journal of Community and Social Psychology. 1979. Vol. 7. P. 413–423.
24. *Lacey J.J.* Somatic response and stress: some revisions of activation theory // Psychological stress. H. Applay and R. Trumbull. New York. 1967.
25. *Millon T.* On the nature of clinical health psychology // Handbook of clinical health psychology / Ed. by T.Millon, C. Green, R. Meagher. New York: Plenum, 1982. P. 1–28.
26. *Rice P.L.* Stress and health. Brooks / Cole Publishing Company, Pacific Grove. California, 1992.
27. *Spilberger C.D.* Theory and research on anxiety // C.D. Spilberger (Ed.). Anxiety and behavior. New York: Academic Press. 1986.

Самоопределение, адаптация и социализация: соотношение и место в системе социально-психологических понятий

А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко

Введение

В последние годы по-настоящему возродился интерес отечественных социальных психологов, а также представителей смежных областей знания к традиционному философскому и психологическому понятию самоопределения. Выделенное философами, главным образом экзистенциального направления (Н. Аббаньяно, Н.А. Бердяев, Н. Гартман, С. Кьеркегор, Ж.П. Сартр, Х. Ортега, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др.), понятие «самоопределение» разрабатывалось также выдающимися отечественными психологами (Л.И. Божович, С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова и др.). До начала XXI в. предметом специального научного анализа выступали коллективистическое самоопределение (И.А. Оботурова, А.В. Петровский и В.В. Шпалинский, А.А. Туровская и др.), личностное самоопределение (М.Р. Гинзбург, В.Ф. Сафин, Д.И. Фельдштейн, С. Чернышев и др.), национальное самоопределение (Д.И. Фельдштейн). Одним из наиболее представительных является направление исследований профессионального самоопределения (М.Е. Борисова, Е.А. Климов, В.А. Поляков, Н.С. Пряжников, С.Н. Чистякова и мн. др.). Последнее выступало предметом анализа и в специальных социологических работах (Д.Л. Константиновский, О.В. Падалко, Г.А. Чередниченко, В.Н. Шубкин и др.).

Если в области психологии труда и социальной психологии можно говорить о возрождении и усилении интереса к исследованию этого феномена, то в фокус внимания экономических психологов самоопределение до сего времени практически не попадало. Однако накопленный за последние десятилетия объем научных данных показал, что рамки других, наиболее часто изучаемых феноменов и понятий не могут вместить все богатство социально-экономической и политической феноменологии современной России. Выполненные исследования выявили ряд парадоксальных результатов экономической социализации и адаптации к новым социально-экономичес-

ким условиям. К этим результатам в первую очередь относятся: не соответствующий внешним условиям характер динамики ценностей значительной части населения России, обнаруженный в кризисные периоды; отказ от адаптации или задержка экономической социализации отдельных социальных и демографических групп [7, 8, 37]; кратковременная или неустойчивая адаптация к новым социально-экономическим условиям людей с противоречивым отношением к экономическим ресурсам и явлениям [6], например, «вынужденных предпринимателей» [38] и ряд других данных.

Анализ результатов выполненных исследований в области экономической психологии позволяет сделать вывод о том, что индивидуальный или коллективный «субъект» — активно действующий и ответственный за свои действия, относительно самостоятельный и рефлекслирующий, преобразующий окружающий мир, принимающий готовые или формирующий собственные социальные нормы, правила, стандарты и т.п. — действительно существует и реально проявляется. Исследования экономического поведения различных социальных групп современной России показывают, что оно детерминируется далеко не только сложившимися социально-экономическими требованиями и условиями. Традиционные объяснения, обычно сопровождающиеся обвинениями основных массовых групп населения в косности, неадаптивности, приверженности стереотипам, низкой мобильности, неготовности к рыночным отношениям и т.д., фактически не раскрывают основных объяснительных социально-психологических механизмов экономического поведения россиян. Понять экономическое поведение личности и группы, особенно противоречащее экономическому интересу, можно, лишь встав на их позиции как субъектов жизнедеятельности в целом. Тогда становится возможным объяснить то, что в ряде ситуаций субъект преследует не сиюминутные экономические интересы, даже если они реально достижимы, а защищает жизненные ценности, принципы, нормы, идеалы, наиболее значимые для него, близких ему людей или для его референтной группы.

Следует отметить, что автономность субъекта самоопределения не означает его изолированности от окружающих людей, так как собственные цели могут быть подчинены целям других людей или социальных групп, более значимым с точки зрения субъекта (например, альтруистические цели). Кроме того, цели настоящего этапа жизнедеятельности личности могут быть подчинены другим более значимым целям следующего этапа развития личности либо основной цели жизни. В этом случае сторонний наблюдатель может отметить «немотивированное» экономическое поведение. И, наконец, невозможно понять значительную часть действий и поступков, если не рассматривать субъект экономической активности как развивающуюся во

времени личность, имеющую собственное представление о своем прошлом, настоящем, жизненной перспективе и динамике своих потребностей, интересов и т.п.

Таким образом, для полноценного анализа экономического сознания и поведения личности и группы следует соблюсти ряд условий: во-первых, представлять личность или группу соответственно в качестве индивидуального или группового субъекта — активного, самостоятельного, ответственного, способного к саморегуляции и рефлексии; во-вторых, рассматривать субъект как динамично развивающийся, имеющий представления о собственных возможностях и потенциалах, основных этапах своей жизни, а также целях и потребностях каждого этапа; в-третьих, учитывать ценностно-смысловые составляющие активности субъекта. Все вышеперечисленные условия одновременно являются и характеристиками самоопределения.

Перечень таких характеристик ниже будет дополнен. Однако и названного вполне достаточно, чтобы пояснить, почему «самоопределение» представляется нам интегральным и более перспективным понятием в социально-психологических и экономико-психологических исследованиях, нежели другие близкие к нему, например: социализация, адаптация, идентификация и т.д. Для изучения поведения личности в динамично изменяющихся, нестабильных условиях становится недостаточным понимание социализации как процесса и результата усвоения социальных норм и вхождения в определенные социальные группы, адаптации как приспособления или поиска равновесия со средой, а идентификации как отождествления себя с определенной позицией или группой в социальной структуре. Понимая это, исследователи стремятся расширить содержание перечисленных понятий. Кроме того, получив эмпирические результаты, не вписывающиеся в традиционные объяснительные схемы, они, в частности, создают неологизмы для обозначения новых феноменов. Так появились и используются понятия «успешные дезадаптанты», «постадаптанты», «аутадаптанты», «неустойчивые адаптанты» и т.д. [7, 26, 27]. И хотя эти термины в некоторой степени отражают содержание выявленных феноменов, их анализ в парадигме самоопределения позволил бы и легче, и успешнее понять смысл, причины возникновения и прогнозировать динамику развития такого рода явлений.

Нашим современникам недостаточно определить свое место в сложившейся социальной структуре и системе ценностей. На их долю выпала сложная и ответственная задача самим создавать и утверждать систему ценностей и идеалов, социальных норм и правил, формировать социальную структуру общества, формулировать и отстаивать собственные жизненные принципы и т.д. Сложившиеся же подходы к исследованию экономической социализации, адаптации, самообеспечения, совладания и т.п. чаще всего рассматривают экономическое

сознание и поведение индивида *в пространстве координат общества, т. е. с точки зрения его значимости для общества*. Так, реабилитация безработных граждан считается успешной, если человек нашел работу. Если же личность находится на иждивении государства или окружающих близких людей, такого человека относят к дезадаптантам. Однако с позиции самого субъекта этот же феномен может интерпретироваться иначе, но в том случае, если человек выбрал такой способ жизнедеятельности осознанно, рассматривая его как наиболее соответствующий собственным возможностям, ожиданиям, уровню притязаний и базовым ценностям. Подобное поведение неадаптивно с позиции общества, но с позиции самого субъекта может являться показателем вполне успешной адаптации. Исследователи, обнаружившие такой социально-психологический тип поведения людей, совершенно обоснованно не могут считать его дезадаптивным [7]. Но с общепринятых позиций этот тип экономического поведения не может считаться и адаптивным тоже. Другой пример имеет отношение к «иждивенческой стратегии», которая была выявлена у некоторых молодых девушек [37] и которая на самом деле может быть закономерной для конкретного этапа жизни, характеризующегося выраженной готовностью к замужеству и материнству. Выраженная забота женщины о семье и маленьких детях не предполагает обязательную ориентацию на заработок. Следовательно, подобное отношение не должно интерпретироваться как ограниченная или неуспешная экономическая социализация.

И, наконец, существуют социально-демографические группы, основная и общественно значимая функция которых заключается в настороженном и критичном отношении к любым изменениям в системе ценностей окружающих их людей. Отказ представителей этих групп от адаптации к новым социальным, экономическим и политическим условиям является осознанным. Такое поведение может демонстрировать их гражданскую, социальную и нравственную позицию и являться показателем высокой ответственности за судьбы общества и страны. Ответственность действительно высока, и нередко такие люди фактически являются духовной и нравственной элитой общества, их мнение по поводу происходящих изменений и поведение в новых условиях являются значимыми для многих сограждан.

Таким образом, анализ конкретных эмпирических исследований, прежде всего адаптации, социализации, самоопределения и других близких явлений, показывает, что по-прежнему существует выраженная потребность в сопоставимом анализе перечисленных феноменов. Подтверждается это и появлением в последние годы значительного количества теоретических работ, посвященных проблеме соотношения названных феноменов и близких понятий [18, 25, 28, 41, 43].

Целью данной работы является анализ места самоопределения в системе наиболее близких ему понятий в первую очередь таких, как адаптация и социализация. Проведенное ниже разграничение этих феноменов и установление основных связей между ними позволило во второй части статьи сформулировать концептуальные представления о феномене самоопределения субъекта и обосновать авторский подход к исследованию его содержания и структуры. В основе предлагаемого подхода лежит *понимание самоопределения* как поиска субъектом своего способа жизнедеятельности в мире на основе воспринимаемых, принимаемых или формируемых (создаваемых) им во временной перспективе базовых отношений к миру, человеческому сообществу и самому себе, а также собственной системы жизненных смыслов, ценностей, идеалов, принципов, возможностей, способностей и ожиданий.

Место «самоопределения» в системе понятий

Целый ряд авторов, в частности Н.С. Пряжников, считает, что сложность определения понятия «самоопределение» связана не только с его психологической природой, но и с тем, что имеются другие близкие к нему понятия, например: *самоактуализация, самореализация, самоосуществление, самотрансценденция* и т.д. [28, 29]. По нашему мнению, сопоставление содержания этих понятий позволит качественно дополнить понимание психологической сущности и структуры самоопределения. Анализируя подходы И.С. Кона, А. Маслоу, В. Франкла, П.Г. Щедровицкого, К. Ясперса и др., Н.С. Пряжников делает вывод о том, что «именно смысл определяет сущность самоопределения, самоосуществления и самотрансценденции» [28, с.10], при этом, однако, остается открытым не менее важный вопрос о принципиальных различиях между выделенными феноменами. Многие перечисленные понятия в содержательном смысле действительно близки к самоопределению. В частности, Л.А. Коростылева под самореализацией личности понимает «осуществление возможностей развития Я посредством собственных усилий, содейтельности, сотворчества с другими людьми (ближним и дальним окружением), социумом и миром в целом. Самореализация предполагает сбалансированное и гармоничное развитие различных аспектов личности путем приложения адекватных усилий, направленных на раскрытие генетических, индивидуальных и личностных потенциалов» [18, с. 52]. Подобные процессы могут характеризовать и самоопределение, причем на некоторых этапах жизни в большой степени. Однако самоопределение, понимаемое одновременно и как преобразование окружающего мира и

самой личности, включает различные процессы, связанные не только с развитием личности, но и, например, с ее самоограничением. В то время как «самореализация достигается только тогда, когда у человека имеется сильный побудительный мотив личностного роста» [18, с. 52].

Дополнительный ряд взаимосвязанных понятий проанализирован Н.Е. Харламенковой [40, 41]. «При сопоставлении *самопредъявления, самораскрытия, самовыражения* (курсив наш.— А.Ж. и А.К.) и самоопределения было показано, что первый из них связан с искажением истинной информации о себе, второй — с потребностью ее сообщать, третий — с реализацией себя через продукты деятельности, общения, созерцания, четвертый — с осознанным выбором собственной позиции, поиском своего места в социуме. Показано, что в отличие от самопредъявления самораскрытие, самовыражение и самоопределение понимаются как процессы, с помощью которых личность познает себя: в самораскрытии — через отношение к ней другого человека, в самовыражении — через продукты взаимодействия и деятельности, в самоопределении — посредством установления социальной позиции. Предметом самораскрытия являются потребности и мотивы, предметом самовыражения — достижения, предметом самоопределения — социальные роли» [40, с. 18]. Существуют специальные работы, в которых достаточно четко и обоснованно разграничиваются перечисленные и другие «самопроцессы» [18, 40, 41, 42, 45].

Следует подчеркнуть, что *большинство из названных понятий по отношению к самоопределению являются частично «пересекающимися», но не включающими полностью друг друга.* Например, самоопределение нередко рассматривают либо как одну из форм *социализации и профессионального становления личности*, либо как синоним или одну из сторон самореализации [40]. Чаще всего социализация понимается как «усвоение индивидом социального опыта путем его включения в социальную среду и *воспроизведение* (здесь и далее курсив наш.— А.Ж. и А.К.) системы социальных связей и отношений» (Г.М. Андреева) или как «процесс активного *усвоения индивидом ценностей и норм общества* и формирования их в систему социальных установок, которая определяет позиции и поведение индивида как личности в системе общества» [30, с. 643], а также как «процесс и результат *усвоения и активного воспроизводства индивидом социального опыта* (знаний, ценностей, социальной компетентности), что позволяет ему интегрироваться в общество и вести себя там *адаптивно*» [30, с. 570]. Во всех наиболее известных на сегодняшний день определениях в явной форме не отмечается активность субъекта по осознанному преобразованию и формированию (созиданию) как социальных норм и правил, жизненных целей и принципов, ценностей и идеалов, так и самого социального окружения.

В настоящее время, однако, можно отметить некоторые подобного рода изменения в подходах к пониманию социализации. Так, А.В. Мудрик отмечает, что в рамках субъект-субъектного подхода эффективная социализация означает определенный *баланс приспособления* (процесс и результат становления человека социальным существом) и *обособления* (процесс и результат становления человеческой индивидуальности) [22, с. 22]. Кроме того, в завершающей главе своей книги А.В. Мудрик делает важное в контексте нашего анализа заключение: «Социализированный человек не только адаптирован в обществе, но и в состоянии быть субъектом *собственного развития и в какой-то мере общества в целом*» [22, с. 291]. Таким образом, все большее число исследователей становятся приверженцами общей тенденции *подчеркивания роли субъектности* в социально-психологических процессах, в том числе близких по содержанию к самоопределению.

Аналогичная тенденция характерна для понимания еще одного близкого к самоопределению феномена и понятия — *адаптации*. В подходах исследователей можно отметить движение от основанного на этимологии этого слова тавтологического определения «адаптации» как приспособления организма к среде, к более обобщенному его пониманию. Например, А.Б. Георгиевский считает, что «адаптация есть особая форма отражения системами воздействия внешней и внутренней среды, заключающаяся в тенденции к установлению с ними динамического равновесия» [5, с. 27]. Л.Г. Дикая отмечает, что «феномен адаптации проявляется в разрешении метасистемных противоречий или несоответствий функционирования ее системы законам более широкой системы, компонентом которой она является, или во внутрисистемных противоречиях и рассогласовании компонентов внутри самой системы, которой она и является» [9, с. 54–55]. Подобные обобщенные определения позволяют убедиться в том, что адаптация является близким к самоопределению понятием.

И все же ряд авторов придерживается той точки зрения, в соответствии с которой не следует излишне широко толковать понятие «адаптация». Так, А.А. Реаном, А.Р. Кудашевым, А.А. Барановым она понимается как «процесс и результат внутренних изменений, внешнего активного приспособления и самоизменения индивида к новым условиям существования» [31, с. 5]. И хотя значительное число авторитетных исследователей адаптации человека предлагает полностью отказаться от использования термина «приспособление», в их определениях все-таки присутствует неизбежное для адаптации изменение субъекта или перестройка структуры гомеостатического саморегулирования в соответствии с требованиями среды. В частности, по мнению В.И. Медведева, адаптация есть «системный ответ организма на длительное и многократное воздействие внешней среды,

направленный на такое изменение структуры гомеостатического регулирования, которое обеспечивает его жизнь и деятельность путем формирования адекватного внешнему фактору первичного ответа и минимальной реакции платы» [21, с. 63].

В перечисленных подходах отчетливо проявляется ключевое отличие самоопределения от близких ему феноменов адаптации и социализации. Оно состоит в том, что в ходе самоопределения перестройка в ответ на воздействие среды возможна только в случае, если этот ответ является *целью* субъекта, и если сами факторы среды хотя бы в какой-то степени *значимы* для него. Кроме того, иногда самоопределяющийся субъект сам оказывает возмущающее воздействие на среду, заставляя окружение приспособливаться к своим потребностям.

Многие авторы, в частности, О.И. Зотова, И.К. Кряжева, Л.В. Ключникова прямо указывают на близость понятий «адаптация» и «самоопределение». Они понимают социально-психологическую адаптацию как включенность личности во взаимодействие со средой, представляющую собой процесс разрешения противоречия двух тенденций — слияния личности с социумом, с одной стороны, и ее самоопределения, выделения собственной индивидуальности, с другой [17, 19]. Не вызывает сомнения, что процесс адаптации так же, как и самоопределения, основывается на системе ценностей, смыслов и идеалов личности и затрагивает ее. Е.О. Лазебная отмечает, что основная задача процесса посттравматической стрессовой адаптации заключается в «воссоздании системы жизненных ценностей и личностных смыслов, восстановлении разрушенной при травматизации способности адекватно оценивать и контролировать ситуацию и эффективно взаимодействовать с окружающей средой» [20, с. 83], что по смыслу является очень близким к содержанию самоопределения.

Необходимо прояснить, в чем же состоят *основные различия между самоопределением и адаптацией, а также социализацией и некоторыми другими феноменами*. Как уже отмечалось выше, подходы к исследованию экономической социализации, адаптации, самообеспечения, совладания и т.п. чаще всего рассматривают экономическое сознание и поведение индивида *в пространстве координат общества, т.е. с точки зрения их значимости (полезности) для общества*. Так, М.М. Шульга считает социализацию одним из процессов самоорганизации общества, представляющим собой самовоспроизводство и саморазвитие социокультурной подсистемы общества путем наследования и преобразования социокультурного опыта человечества [43, с. 86]. С этих позиций социализация определяется как «приобретение и преобразование индивидом знаний, умений, навыков, моделей поведения и ценностных ориентаций, необходимых для реализации себя как *активного субъекта общественной жизни*» (курсив наш.— А.Ж., А.К.)

[43, с. 86]. В отличие от названных выше феноменов самоопределение предполагает значительно большую степень автономности индивида по отношению к социальной системе, общественной структуре и культуре в целом.

Другое отмеченное выше существенное отличие заключается в *различной значимости самого факта взаимодействия субъекта и социальной среды для анализа того или иного феномена*. Исследования адаптации и социализации неизбежно включают изучение этого взаимодействия. В то время как для самого процесса самоопределения и для его анализа оно менее значимо, нежели для изучения социализации и адаптации. Большой акцент при этом делается на самодетерминации субъекта.

Есть отличия и *в основных целях анализируемых процессов*. Достижение равновесия системы со средой и ее внутреннего равновесия не являются основными целями самоопределения. Во-первых, самоопределение имеет место как при наличии, так и при отсутствии метасистемных противоречий. Изменение субъекта происходит главным образом в соответствии с его личными целями и смыслами, ценностями и идеалами, независимо от наличия или отсутствия внешней детерминации (стимулирования и т.п.). Во-вторых, полное внутреннее равновесие не может считаться целью самоопределения, так как скорее оно будет тормозить развитие субъекта. Достижение динамического равновесия возможно в ограниченные промежутки времени на каждой стадии самоопределения личности, затем закономерное изменение потребностей и интересов, целей и ценностей субъекта нарушает его. Таким образом, *наличие внутренних противоречий* есть необходимое *условие самоопределения* субъекта в переходные периоды его жизнедеятельности.

Можно выделить целую группу различий между самоопределением, а также социализацией и адаптацией, которая связана с *разным характером взаимодействия субъекта со средой*. Существует значительное количество типов отношения к внешним условиям и их изменениям, при которых социализация и адаптация невозможны, неприемлемы или излишни. Так, например, субъект может сознательно и даже демонстративно отказаться от адаптации к новым условиям. В ряде случаев он может выбрать стратегию избегания, например, переезд из неблагоприятной зоны жизнедеятельности. В других случаях человек может оставаться в ней, но при этом осознанно отказываться от приспособления и достижения обычно желаемого равновесия со средой. И в этом состоит его особый тип самоопределения, который можно обозначить как «феномен стоицизма». Еще В. Франкл высказывал точку зрения о том, что человек не свободен от условий, но он свободен занять позицию по отношению к ним. Условия не обуславли-

вают его поведение полностью. От него в пределах его ограничений зависит, сдастся ли он, уступит ли он условиям [см.: 33, с. 125]. Как было сказано выше, исследования отечественных психологов подтверждают существование особых типов людей, осознанно выбирающих путь дезадаптации к новым экономическим, политическим и возможным другим условиям жизнедеятельности в обществе.

Чрезвычайно интересным является и такой тип отношения к среде, когда конкретные неблагоприятные условия оказывают реальное воздействие на жизненные условия субъекта, но, несмотря на это, они игнорируются им, находятся вне фокуса его сознания и фактически не оказывают влияние на жизненные цели, ценности, принципы и т.д., т.е. на его самоопределение. Этот феномен чаще всего неосознаваемого отказа от социализации и адаптации обычно имеют в виду, когда говорят: «быть выше обстоятельств», «подняться над рутинной», «быть не от мира сего» и т.д. Хорошо известны примеры жизнедеятельности людей, глубоко погруженных в избранный любимый вид занятий и не замечающих собственной семейной и бытовой неустроенности, тяжелого материального положения и ухудшения здоровья. Подобно солдатам, не замечающим ранений в пылу сражения, они упорно стремятся к достижению жизненной цели.

Кроме того, адаптации к неблагоприятным внешним условиям могут избежать те индивиды, которым удастся занять выраженную комфортную «нишу» в социальной среде. Примером могут служить современные российские домохозяйки, жены «успешных» мужей, для которых не существует стимулирующей ситуации «выживания», требующей определенных действий. К этой же категории могут быть отнесены специалисты, работающие на довольно стабильных, успешных предприятиях, которых серьезно не коснулись преобразования в социально-экономической сфере [7]. Для таких групп населения неблагоприятные внешние условия не являются кризисными, критическими или экстремальными.

Достаточно сложно говорить о реальной социализации или адаптации и в том случае, когда равновесие со средой достигается путем радикального изменения внешней среды или самого субъекта. В первом случае самоопределение идет по пути овладения, покорения или искоренения определенных элементов (компонентов) среды. Во втором случае приспособление к среде носит вынужденный характер, так как оно противоречит жизненным целям и принципам субъекта. Если субъекту удастся сохранить свою целостность и автономность, то подобная принудительная адаптация будет носить, скорее всего, временный или явно неустойчивый характер.

И, наконец, возможен еще один тип взаимодействия со средой, когда субъект, прогнозируя перспективное направление своего разви-

тия, целенаправленно создает условия среды, наиболее подходящие для него. В этом случае адаптация к таким практически оптимальным и даже идеальным для субъекта условиям, если не отсутствует полностью, то носит фрагментарный и «свернутый» характер.

Анализируя соотношение интересующих нас понятий, необходимо подчеркнуть не только их различия, но и взаимные тесные связи. Согласно положению о частичном взаимном пересечении ряда перечисленных выше феноменов и понятий в определенном контексте, их можно рассматривать в качестве различных *форм или направлений самоопределения*. В свою очередь и *самоопределение может выступать частью или конкретной формой процессов социализации, адаптации, профессионального становления, идентификации* и т.д. Подобное возможно лишь при том условии, когда цели самоопределения субъекта на данном этапе жизни хотя бы частично совпадают с целями других рассматриваемых феноменов. Так, самоопределение может протекать в форме самореализации и близких ему процессов: *самоактуализации, саморазвития, самоосуществления и самосовершенствования*. В основе большинства этих форм лежат частные процессы самоуправления, саморегуляции, самоконтроля, самовоспитания, самообразования и само моделирования. В ходе реализации самоопределения личность использует приемы самовнушения, самоанализа, а также самодисциплину, включающую самонаказание и самопоощрение, самоприказ и самоутешение [18]. Реализация большинства перечисленных форм самоопределения сопровождается процессами *самопознания, познания окружающего мира и социализации*. Формирование представлений о собственном Я включает процессы *самооценивания, самоулучшения (самоприукрашивания), самосверки, самокоррекции, самосовершенствования, самопрепятствования* и др. [45].

Вышеназванные формы самоопределения являются наиболее типичными в относительно стабильных условиях или условиях с предсказуемой динамикой. В изменчивой и нестабильной среде наиболее актуальными являются другие формы самоопределения. Например, такая неоднозначная с точки зрения развития и реализации личности форма, как *адаптация*. Требования внезапно изменившихся внешних условий могут сделать актуальной также *самотрансценденцию* личности. В ряде случаев субъект, самоопределяясь, может покинуть неблагоприятную среду, используя стратегию *избегания*. И, наконец, в крайне неблагоприятных условиях, которых не удастся избежать, или когда речь идет о выживании, самоопределение субъекта может приобретать формы *самосохранения* и *самозащиты*.

Для понимания сущности самоопределения крайне важно отметить также, что на определенных этапах жизни в фокусе сознания самоопределяющегося человека может находиться не собственная

личность, а окружающее социально-психологическое пространство. В этом случае самоопределение субъекта проходит в форме *социально-преобразующей активности*. Сопровождающие эту активность личностные изменения могут носить характер *самоотдачи, самопожертвования и самоограничения*.

Кроме перечисленных, существует немало других направлений и форм, в соответствии с которыми может идти самоопределение личности, в частности, это *самоутверждение, самовыражение, самовозвеличивание* и т.д. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что феномен самоопределения субъекта относится к категории наиболее интегральных, общих форм его активности.

Анализируя содержание самоопределения, невозможно не коснуться и вопроса о том, что наряду с *созидательными, конструктивными его формами* существуют также *разрушительные, деструктивные формы самоопределения*. В случае, если субъект активно не приемлет окружающую среду, но не силах ее изменить, самоопределение может приобретать различные *формы социального протеста*, который имеет *разрушительный характер*, в том числе и по отношению к самому субъекту — *самоуничтожение, саморазрушение, самоуничтожение* и т.п.

Подобные крайние формы используются в том предельном случае, когда субъект не видит возможности интегрироваться с окружающей средой. Но бывают и менее критичные ситуации, например, когда человек не в состоянии разрешить внутреннее противоречие, внутриличностный конфликт, не способен интегрировать собственную систему мотивов, идеалов и ценностей, в результате чего он отказывается принять и признать некоторую «часть» своей личности. В этом случае самоопределение принимает формы частичного *самоотрицания*.

Приведенные примеры специфических видов взаимодействия самоопределяющегося субъекта с окружающим миром заставляют иначе, нежели обычно принято, взглянуть на социальную среду как фактор этого взаимодействия. Как следует из описания этих видов, характер взаимодействия и даже само его наличие в высокой степени определяется тем, как воспринимает окружающую среду субъект, т.е. какие ее объекты значимы для него, к каким он относится нейтрально, какие им отвергаются, а какие из них и совсем игнорируются. Все вышесказанное можно отнести и к анализу «внутреннего мира» субъекта. Человек может также принимать, отвергать или не замечать отдельные собственные ценности и идеалы, потребности и интересы, личностные качества и т.д. Подобное в высокой степени *избирательное и в то же время преобразующее отношение субъекта к внутренним и внешним условиям* убеждает в том, что более уместно использование таких терминов, как *психологическое* и *социально-психологическое*

пространство, а не «среда». Их использование (а также примерных их аналогов — «миров», «сфер», «полей», «зон» и т.д.) в социологических и психологических работах имеет давнюю традицию, заложенную в классических работах П. Сорокина, Э. Богардуса, Г. Зиммеля, К. Левина, А. Адлера, Т. Шибутани и др. Понимание различных видов психологического пространства или его отдельных компонентов (например, психологической дистанции), активно развивается в настоящее время в работах А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко, Ю.М. Забродина, В.Е. Клочко, О.И. Муравьевой, С.К. Нартовой-Бочавер, Е.В. Таранова, А.А.Грачева и В.Н.Гюппенена, Д.И. Фельдштейна и др. [12, 13, 14, 15, 16, 23, 24, 34, 35, 36].

Не останавливаясь на всем многообразии видов «пространств» личности и группы, а также на различных подходах к анализу этих понятий, отметим только значимые в контексте данной работы характеристики психологического феномена и понятия «пространство». Как отмечает В.Е. Клочко, «ментальное пространство отличается от “среды”, от всей окружающей человека “действительности”, “объективной реальности” тем, что для описания последних достаточно четырех координат — три пространственных координаты и время. Оно включает, как минимум, еще три субъективные координаты — значение, смысл, ценность, а это значит, что оно пронизано эмоциями, посредством которых предметы, носители этих сверхчувственных качеств, становятся доступными нашему сознанию» [15, с. 34]. Тому, кто берется исследовать элементы окружающего мира вне системы «субъект—среда», не удастся выявить в них те характеристики (свойства, качества, функции и т.д.), которые открываются субъекту или создаются им в процессе взаимодействия. Эти характеристики элементов среды, доступные для восприятия и значимые для конкретного человека или группы, определяются неповторимостью ценностно-смысловой и мотивационно-потребностной сфер индивидуального или группового субъекта. По мнению В.Е. Клочко, «за понятием “ментальное пространство” стоит не комплекс связанных в систему элементов объективной действительности, но и не произвол системообразования, осуществляемый человеком. Это то, что происходит между человеком и средой, пространство в котором снимаются как объективная логика среды, так и субъективная логика человека, подчиняясь одной логике — логике самоорганизации человека как открытой системы» [15, с. 33–34]. В дополнение и с целью некоторого уточнения можно сказать: логике не только самоорганизующегося, но и самоопределяющегося в среде субъекта. В наиболее краткой формулировке социально-психологическое пространство — это «субъективизированная» среда, т. е. среда избирательно воспринятая, представленная в сознании, освоенная и дополненная, а точнее сказать — «порожденная», созданная, сформированная самим субъектом в соответствии с

его жизненными принципами, ценностями и целями. Индивидуальный или коллективный субъект при этом является неотделимой частью своего социально-психологического пространства.

В общем виде **социально-психологическое пространство человека** есть сформированная субъектом система позитивно или негативно значимых социальных объектов или явлений (включая его самого), занимающих конкретные позиции в структуре, находящихся в определенных связях друг с другом и выполняющих некоторые функции или роли в соответствии с определенными нормами, правилами, стандартами и закономерностями. Значимые социальные объекты или явления могут как существовать, так и не существовать в реальном окружающем мире, могут восприниматься разными людьми принципиально различным образом и выполнять в их жизни совершенно особые функции. Исходя из сказанного, *использование и анализ феномена и понятия «пространство» по сравнению с термином «среда» и его аналогами более уместно в исследованиях социального, в частности, экономического самоопределения и близких ему феноменов.*

В качестве нежесткой рекомендации современным исследователям социализации, адаптации, идентификации, совладания, самоопределения и т.п. в социальной и экономической среде целесообразно предложить следующее. Прежде чем сделать вывод о влиянии факторов среды на сознание и поведение того или иного объекта исследования, необходимо выделить группы респондентов, по-разному воспринимающих и оценивающих значимость этих факторов для собственной жизнедеятельности. Важно установить, какое место различные элементы и факторы окружающего мира занимают в структуре уже имеющегося психологического пространства типичного представителя каждой такой группы. В сознании субъекта условия среды опосредуются, трансформируются, преломляются через собственную систему принципов и смыслов, ценностей и идеалов, принимаемых норм и правил и т.д.

Следует отметить, что выполняемые в последние годы исследования как базовых психологических пространств существования человека (витального, жизненного, функционально-ролевого, самоактуализационного, духовного, ментального и др.), так и более частных пространств, рассматриваемых в приложении к конкретной сфере жизнедеятельности человека (делового и трудового, коммуникативного и отношенческого, образовательного и воспитательного, социального и правового, экономического и организационного и др.) хорошо вписываются в отмечаемые некоторыми авторами общие современные тенденции развития психологической науки в целом. Так, В.Е. Ключко считает, что «ближайшей вершиной, на которую нацелилась наука (в этом и суть «парадигмального сдвига») — человек как самоорганизующаяся система

и роль психики (сознания) в ее самоорганизации» [15, с. 42]. По нашему мнению, при таком подходе, носящем синергетический характер, несмотря на очевидную важность, по-прежнему доминирует интерес к формально-динамическим свойствам человека, к которым относятся характеристики самоорганизации, и по-прежнему исследователи не доходят до непосредственного и глубокого анализа жизненных принципов, целей и смыслов, ценностей, идеалов и т.д.

В то же время в концептуальных моделях и программах эмпирических исследований многих современных авторов можно отметить рост внимания к ценностно-смысловым структурам личности и группы, а также усиление роли субъектных свойств (автономности, активности, ответственности, рефлексивности и т.д.) и большую значимость самодетерминации по сравнению с влиянием среды. В частности, Н.Л. Быкова, говоря о парадигмальных изменениях в социальной психологии, отмечает, что в современных исследованиях значительная роль в развитии личности, в регуляции социального взаимодействия и образовании социальных ситуаций отводится *субъекту, а не факторам социальной среды* [4]. При этом восприятие, интерпретация и оценка индивидом ситуации осуществляются на основе *смысловой интерпретации действительности*. «Процесс активного конструирования себя в социальном мире противопоставляется пониманию адаптации личности как приспособлению к жесткой социальной структуре (Г.М. Андреева, Е.П. Белинская, О.А. Карабанова и др.)» [4, с. 4]. Таким образом, в настоящее время не только усиливается исследовательский интерес к самоопределению субъекта, но и меняется подход к анализу самого этого феномена: «историческая трансформация культуры обуславливает *сдвиг социального самоопределения с разделяемых всеми “внешних” ориентиров на “внутренние”*» (Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая)» [4, с. 4].

В нашем понимании, **парадигмальный сдвиг** одновременно происходит в нескольких направлениях исследований человека, отдельных социальных групп и человечества в целом. *Во-первых*, их рассмотрение как сознательных и активных, самостоятельных и ответственных, способных к произвольной регуляции и рефлексии субъектов, имеющих значимые смыслы, ценности и цели жизнедеятельности, способных в соответствии с ними познавать, сохранять самих себя и окружающий мир, а также преобразовывать и себя, и других людей, и мир в целом. В этом, прежде всего, состоит **миросозидательная функция** современного человека. *Во-вторых*, общее движение наук о человеке (человекознания) от изучения более простых явлений к более сложным подвело современных исследователей к необходимости познавать и в полном смысле разрабатывать сложный **комплекс нравственных и духовных** личностных структур, его групп и человечества в целом.

При этом в системе наук о человеке важнейшая, может быть, по-прежнему главная интегрирующая роль должна принадлежать психологической науке, поэтому реальное формирование *нравственной и духовно ориентированной научной парадигмы* в современной психологии представляет собой фундаментальную теоретическую задачу на ближайшие десятилетия. По нашему мнению, именно в этом будет заключаться парадигмальный сдвиг не формально-динамического, а содержательного характера. Вполне возможно, что нравственная и духовно ориентированная парадигма в психологии станет, с одной стороны, формой интеграции гуманистической и экзистенциальной парадигм, а с другой — формой их конкретизации. Вне зависимости от этого наметившийся парадигмальный сдвиг обостряет и объективную необходимость, и внутриспсихологическую потребность формирования новых отраслей психологической науки, в первую очередь *нравственной (или этической) психологии*, зарождение которой в отечественной психологии в 1990-е годы, а также ее становление в настоящее время сопряжено с целым рядом трудностей, характерных для междисциплинарных областей науки.

В-третьих, необходимо отметить явно возрастающее переключение внимания исследователей на решение так называемой **психосоциальной проблемы**, т. е. на изучение отношения психических явлений к общественной жизни человека во всем ее многообразии. В настоящее время, хотя и подчеркивается необходимость решения как минимум трех фундаментальных проблем — психофизической, психофизиологической и психосоциальной — последняя по целому ряду причин становится основным направлением научного анализа психики человека, в результате чего постепенно формируется и психосоциальный подход к исследованию человека [1, 11]. Принципиально важным требованием при этом является изучение психики человека в конкретное историческое время как «носителя» конкретных этнокультурных, региональных и других особенностей, как представителя конкретных социальных групп, в которые он в разной степени включен, живущего и действующего в конкретно сложившихся социальных условиях, и т.д. Закономерным эффектом подобного направления общего «сдвига» уже стала востребованность в психологии таких понятий, как «жизнь личности» и «жизнь группы», «жизнедеятельность», «бытие человека» и «бытие группы» и др., значительно более полно обозначающих именно психосоциальную природу изучаемых форм активности человека по сравнению с традиционными для психологии феноменами и понятиями «деятельность», «общение», «отношение» и т. п. Конкретизация психосоциального подхода, причем в самых разных направлениях — уже наметившаяся тенденция в современной психологической науке, которая в будущем будет иметь

серьезные следствия и приведет к крупным изменениям в структуре психологии как науки.

Именно этим трем уже проявившимся, но еще недостаточно выраженным тенденциям в исследовании человека в полной мере отвечает возрастающий в последние годы интерес к изучению *самоопределяющегося субъекта*. Усиление исследовательского интереса сделало необходимым проведение дополнительного теоретического анализа, в том числе и переинтерпретации результатов ранее выполненных эмпирических исследований с целью более точного понимания и формулирования сущности и структуры самоопределения. Представленное выше сопоставление этого феномена и близких ему явлений позволило уточнить концептуальные основы теоретического анализа, на которых и была разработана предлагаемая ниже авторская уровневая модель (структура) самоопределения субъекта.

Концептуальные основы исследования самоопределения

Прежде чем перейти к изложению обобщенного авторского понимания самоопределения, необходимо остановиться на некоторых концептуально важных положениях. Во-первых, невозможно согласиться с теми авторами, которые считают самоопределение лишь одним из этапов социализации личности или утверждают, в частности, что профессиональное самоопределение завершается выбором профессии. По нашему мнению, *самоопределение субъекта есть непрерывный процесс длиною в жизнь*. Исследования К.А. Абульхановой, Б.Г. Ананьева, Л.И. Анцыферовой, С.Л. Рубинштейна, Э. Эриксона и других известных авторов, посвященные анализу жизненного пути и развития личности на протяжении всей жизни могут существенно обогатить понимание сущности самоопределения. Б.Г. Ананьев, анализируя жизненный путь, отмечал, что в состав каждой его стадии вплетены изменения социальных статусов и ролей, норм и правил поведения, возникновение новых ценностных ориентаций, обретение человеком новых идеалов, переосмысление субъективных отношений к миру и т.д. [2, с. 161–162].

Во-вторых, концептуальной основой авторского понимания самоопределения является положение о *преобразующей и созидательной (миросозидательной и житнетворческой) роли субъекта самоопределения*. В существующих подходах к толкованию самоопределения наиболее часто используется термин «выбор» применительно к внешним условиям, профессии и месту работы, виду деятельности и занятий, форме деловой активности и т.д. Но, помимо выбора, личность способ-

на и корректировать, и существенно преобразовывать окружающую, прежде всего социальную среду, по сути, формировать свое социально-психологическое пространство, создавать новые виды занятий, деятельности и профессии, вырабатывать новые социальные нормы, эталоны, стандарты и правила поведения. Эти преобразования касаются не только внешних условий, форм или видов деятельности, общения и поведения в целом, но такому же творческому переосмыслению и преобразованию может быть подвергнут и сам человек.

Подобное «переопределение» ранее считалось возможным лишь в результате жизнедеятельности в экстремальных условиях или переживания мощного внутриличностного конфликта, личностного кризиса и т. п. Наше радикально изменяющееся, переломное, кризисное историческое время научило современников принципиально по-иному понимать и разрешать эту проблему. В таких условиях наиболее эффективным становится особый образ жизни, который Л.И. Анцыферова удачно называет «продуктивным способом жизни» [3, с. 35]. По ее мнению, он основан на системе жизнетворческих дарований личности: «способности личности рассматривать жизнь и ее события в разных системах координат; выявлять латентные возможности жизненных ситуаций; воспринимать неожиданность, неопределенность, многозначность обстоятельств жизни как стимул для своего развития и т.п. К жизнетворческим устремлениям личности относится и ее потребность в экспериментировании с общественными нормами, предписаниями, ролями» [3, с. 35].

По нашему мнению, *преобразование самого себя* как основной критерий определения высшего уровня субъектности человека и одновременно условие (и основание) широты и успешности его самоопределения продолжается на протяжении всей жизни. В кризисные периоды этот процесс может протекать более резко, т. е. не эволюционным, а революционным путем. Близким и связанным понятием, позволяющим содержательно обогатить «самоопределение», является «самотрансценденция», понимаемая как способность человека «выйти за пределы самого себя» [29, 38]. Это означает не только реализацию того, что заложено или имеется в человеке, но и расширение возможностей его самоопределения, предполагающее значительную внутреннюю активность и творчество, направленные на себя [29].

В-третьих, переходя к концептуальному положению о необходимости выявления и использования *резервных возможностей человека* в процессе его самоопределения, целесообразно привести слова Л.И. Анцыферовой: «Нельзя не признать правоту К. Юнга, который подчеркивал, что по мере овладения человеком социальными ролями (функциями) происходит “уменьшение” его личности, поскольку субъект начинает культивировать лишь те свои свойства, которые

необходимы ему для выполнения определенных ролей, и оттесняет в область Тени многие свои возможности и добродетели... В интеракции человека с ситуациями своего развития одни формы умственной деятельности и поведения отбираются, разрабатываются, амплифицируются, поддерживаются личностью в состоянии готовности. Они включаются *в актуальную сферу жизненного опыта личности* (здесь и ниже курсив наш.— А.Ж. и А.К.). Другие формы адаптивного (или дезадаптивного) воздействия субъекта на мир, использовавшиеся на предсознательном уровне, в малозначимых и редко встречающихся ситуациях, фиксируются *в потенциальной сфере жизненного опыта*. Об огромных резервах этой сферы сам субъект, как правило, и не подозревает» [3, с. 48]. Л.И. Анцыферова называет их «резервными возможностями» личности. Открытие и использование этих возможностей является одним из важнейших и обязательных условий успешного самоопределения личности, особенно на этапах зрелого и более позднего возраста. Однако реальное использование резервных возможностей представляет для человека определенную трудность. А.Л. Журавлев в ряду многочисленных свойств социально-психологических резервов (потенциалов) выделяет те, которые осложняют их актуализацию личностью и создают проблемы для их оценки исследователями. Это в первую очередь такие свойства, как инерционность и высокая динамичность, а также низкие степени измеряемости, прогнозируемости и управляемости [10, с. 400].

В связи с рассматриваемым концептуальным основанием следует различать такие психологические образования, как «нереализованное» и «возможное». По нашему мнению, они различаются направленностью и интенсивностью мотивации. Если «возможное» есть психологический резерв, который способен актуализироваться при необходимости, то «нереализованное» скорее обозначает упущенные возможности — нечто значимое, связанное с важной потребностью и потому требующее определенного выхода, осуществления. Невозможность реализовать конкретную потребность создает психическую напряженность: «Высокая потребность в разрядке напряженного состояния того или иного социально-психологического феномена-резерва неизбежно приведет к его актуализации» [10, с. 403]. При этом формы такой актуализации могут быть весьма различными и слабо предсказуемыми. Таким образом, «возможное» (потенциальное) дает субъекту дополнительные шансы и фактически направлено в будущее. «Нереализованное» же вызывает явное напряжение и фрустрацию, а его основания коренятся в прошлом субъекта.

В-четвертых, теоретическое положение том, что *выполнение социальных ролей не служит актуализации личности*, а является своего рода «покрывалом», маскирующим реальную личность не только от

других, но и от собственного сознания, поддерживается некоторыми авторами, в частности П. Бергером, А. Селигменом [32, 44]. «Только в промежуточных областях, практически свободных от институтов (таких, как так называемая сфера социальной жизни) индивид может надеяться обрести себя, самоопределиться» [32, с. 61]. При таком подходе самоопределение должно пониматься как поиск и нахождение личностью себя в «просвете» социальных ролей, т.е. обретение ею своей подлинной сущности, жестко не связанной с выполнением конкретных ролей и занимаемой в настоящий момент позицией в системе социальных отношений.

Сложности так понимаемого самоопределения состоят, прежде всего, в полной неочевидности того, что в жизнедеятельности человека и тем более групп существуют среды, свободные от социальных институтов и, соответственно, социальных ролей. Такое можно допустить только при условии довольно узкого толкования понятия «социальный институт» и «социальная роль». Однако мы можем предположить вслед за названными авторами, что отдельные социальные роли, выполняемые личностью в настоящее время, могут восприниматься ею как чуждые, навязанные извне, поэтому выполняемые формально. Такие роли действительно могут иметь место и реально ограничивать ее развитие и самоопределение. При таком понимании вполне уместно рассматривать содержание самоопределения личности в качестве «надролевого» социально-психологического образования. Это означает, что в него должны включаться также и *потенциальные социальные роли*, которые в будущем могут выполняться человеком, а могут никогда и не актуализироваться. Таким образом, хотелось бы несколько выделить позицию П. Бергера и А. Селигмена именно потому, что они в самой прямой форме ставят теоретический вопрос, принципиально важный для понимания сущности самоопределения: оно существует и проявляется через реализуемые социальные роли или вне таковых?

Необходимо отметить, что упоминавшееся выше преобразование человеком самого себя может иметь различные цели и способы на разных этапах его жизни. В случае вынужденного переопределения поиск новой сферы жизнедеятельности личности и актуализация ее «резервных возможностей» могут иметь целью, например, самореализацию. Другая возможная цель такого преобразования — адаптация к новым условиям, которые личность осознанно выбирает для своей жизнедеятельности. В молодом возрасте целью преобразования себя может выступать самопознание — обретение своей подлинной сущности. Это может проходить в различных формах, например, как поиск предела своих возможностей посредством постановки и достижения целей повышенной трудности и т.п.

Другой способ преобразования себя — это экспериментирование

с социальными ролями, нормами и правилами, направленное, с одной стороны, на освобождение личности от чуждого, наносного, принятого под влиянием временного окружения или выполняемого в силу стереотипов, привычек, а с другой стороны, на осознание того, что для человека действительно значимо, дорого, желательно, необходимо и т.д. Нередко, к сожалению, подобный поиск может приводить молодых людей к серьезным ошибкам и потерям, а о человеке, который безуспешно меняет сферы и виды деятельности, семейный и социальный статус, место жительства и т.д., так и говорят: «Он не нашел себя» или «Он не определился». В большинстве случаев целью такого экспериментирования является не достижение значительных результатов в одном из выбираемых направлений, сфер или видов жизнедеятельности, а осознание наиболее значимых для субъекта жизненных смыслов и принципов, ценностей и целей, потребностей и интересов. Для некоторых людей подобный метод проб и ошибок может продолжительный период выступать устойчивой стилевой характеристикой их самоопределения.

В заключение анализа концептуальных основ исследования самоопределения целесообразно выдвинуть утверждение о тесной связи между различными сформулированными положениями, которые лишь условно могут рассматриваться как относительно автономные. В дальнейшем предложенная совокупность концептуальных положений, безусловно, будет дополнена новыми и, прежде всего, возникающими на пересечении содержания приведенных выше теоретических положений.

Представления о сущности и структуре самоопределения

Выше было отмечено, что под **самоопределением** понимается *поиск субъектом своего способа жизнедеятельности в мире на основе воспринимаемых, принимаемых или формируемых (создаваемых) им во временной перспективе базовых отношений к миру, другим людям, человеческому сообществу в целом и самому себе, а также на основе собственной системы жизненных смыслов и принципов, ценностей и идеалов, возможностей и способностей, ожиданий и притязаний. Самоопределение как поиск способа функционирования и развития субъекта может быть одновременно отнесен к трем основным классам психических явлений, т. е. пониматься как процесс, как состояние (некоторый «срез» процесса в определенный период времени) и как свойство субъекта (самоопределяющаяся личность или группа и есть их особая характеристика). Самоопределение как процесс, являясь*

ведущим для него классом психических явлений, включает осознание, сравнение, выбор и формирование субъектом собственной системы жизненных смыслов, принципов, ценностей, идеалов, представлений об окружающем мире и самом себе, а также постановку жизненных целей, поиск способов их достижения (в том числе способов преобразования себя и окружающего мира).

Рассматривая самоопределение как процесс, состояние и свойство субъекта, необходимо выделить как минимум две группы характеристик этого феномена: формально-динамические и содержательные (таблица 1). В наиболее общем виде, применительно к самоопределению можно предложить следующие **формально-динамические характеристики**: *степень сформированности, широта* (многообразие сфер самоопределения, возможных способов достижения целей и правил принятия решений), *гетерогенность/гомогенность* системы жизненных принципов, ценностей, идеалов, целей, мотивов и т. д., *пропорциональность/диспропорциональность* — соотношение и степень сбалансированности отдельных частей этой системы. Кроме того, формально-динамическими характеристиками самоопределения как процесса могут выступать: *интенсивность процесса* самоопределения (активность, скорость и продуктивность), *устойчивость/неустойчивость* во времени, *ситуативная изменчивость/стабильность*, *универсальность/избирательность* ценностей, норм, правил, способов достижения целей и т. д. в различных условиях, а также *характер динамики* (поступательный, возвратно-поступательный, циклический и т. д.) и др. Если самоопределение имеет циклическую динамику, то можно также оценить *показатели цикличности*: ритмичность, проциклическость/контрциклическость и др. Одним из важнейших формально-динамических показателей выступает *успешность* (эффективность, действенность, продуктивность, результативность, адекватность) самоопределения.

Здесь уместно более подробно остановиться на вопросе о том, по каким конкретным показателям можно судить об *успешности самоопределения*? Субъективными показателями такой успешности в первом приближении выступают *степень удовлетворенности* различными сферами жизнедеятельности и жизнью в целом, а также *субъективное благополучие* и *субъективное качество жизни*. С точки зрения исследователя или стороннего наблюдателя, самоопределение можно считать успешным, если субъекту в полной мере удалось осознать (найти) свои подлинные ценности и идеалы, мотивы, интересы и потребности. В таком случае достижение поставленных жизненных целей, реализация ожиданий и притязаний будут приносить удовлетворение и приводить к субъективному благополучию. При этом возникает вопрос, можно ли считать *счастье* высшей степенью успешности самоопределения? На-

ибо более часто под счастьем понимают интегральную удовлетворенность жизнью в целом, которая характеризуется общим положительным самочувствованием, ощущением полноты бытия и т.д. Однако вполне очевидно, что состояние счастья может испытывать и слабо рефлексирующий субъект с несформированной системой ценностей и идеалов, не имеющий четких жизненных принципов и целей и не озабоченный благополучием окружающих его людей. В то же время, счастье может характеризовать состояние удовлетворенности субъекта, адекватно осознавшего собственное предназначение и успешно исполнившего его. При этом в большинстве случаев испытывать *состояние полного счастья* сможет лишь личность, осознающая, что наиболее принципиальные цели ее жизни не противоречат ценностям не только близкого и значимого для него социального окружения, но и большинства людей, т. е. *нравственный человек*.

Дополнительно можно выделить целый ряд косвенных показателей успешности/неуспешности самоопределения. Например, таковым может выступать разная степень наличия или отсутствия *симптомов «психического выгорания»*, а также *показатели адаптированности к новым условиям*. Однако *связь успешности самоопределения с адаптивностью не является однозначной*. В ряде случаев именно низкая адаптированность является некоторым условием успешности самоопределения. Примером может служить одно из проявлений коллективистического самоопределения — защита личностью групповых ценностей в условиях отказа от них остальных членов группы и др.

Содержательные характеристики самоопределения, в свою очередь, могут быть разделены на две группы. Первая из них названа нами *«результативные характеристики самоопределения»*, так как в них представлены результаты самоопределения субъекта на определенном этапе его жизни — некий «срез» процесса самоопределения. Вторая группа — *«процессуальные характеристики самоопределения»* — описывает основное содержание процесса поиска (осознания, выбора, сравнения, определения и т.д.) субъектом своего способа жизнедеятельности.

Основными *частными результативными характеристиками самоопределения* выступают понимаемые в жизненной перспективе *смыслы и жизненные принципы, ценности и идеалы, цели, мотивы, этапы жизни, возможности личности, ее притязания и ожидания* и т.д. Важными элементами являются *представления о мире и основных принципах функционирования и развития человеческого сообщества; базовые отношения к миру, другим людям, себе (например, доверие или недоверие); отношение к отдельным компонентам социально-психологического пространства и психологическая дистанция с ними* и др. Кроме того, субъекту необходимо иметь критерии оценки степени ре-

ализации его возможностей и способностей, достижения жизненных целей и ценностей. Критерии могут иметь конкретное количественное или качественное выражение (например, достичь такого-то уровня благосостояния к такому-то возрасту, стать популярной и известной личностью и т.п.). Критериями достижения жизненных целей могут выступать образы наиболее значимых людей — идеалы. В то же время критерии могут и не быть четко определены личностью, нередко, например, механизмом оценки степени достижения цели может выступать социальное сравнение.

В психологии существует целый ряд устоявшихся и достаточно хорошо разработанных феноменов и понятий, которые можно рассматривать в качестве *комплексных (или общих) содержательных элементов самоопределения*. К ним относятся в первую очередь: *мировоззрение, образ мира и отношение к нему, социально-психологическое пространство и позиция в нем, самосознание, образ Я, представление о себе, Я-концепция, самоотношение, идентичность, направленность личности* и т.д. Перечисленные образования с определенной долей условности могут быть отнесены к результативным элементам самоопределения.

С такой же долей условности можно выделить *«процессуальные характеристики самоопределения»*. В первую очередь это *комплексные (или общие) психологические феномены: стратегия жизни, образ жизни, стиль жизни, жизненные сценарии* и т.д. *Частными* процессуальными характеристиками самоопределения, по нашему мнению, являются *приемлемые способы достижения поставленных целей, представления о необходимых для этого и предельно допустимых уровнях активности, а также затратах времени, материальных и психологических ресурсов* и т. п. Процессуальными характеристиками самоопределения являются также *принципы сбора и анализа информации, в том числе отношение к различным ее источникам, а также основные правила принятия решений, в частности, отношение к обратной связи* и т.д. Перечисленные показатели являются стилевыми характеристиками субъекта и связаны с наиболее общими и устойчивыми свойствами его саморегуляции.

На протяжении всей истории разработки понятия «самоопределение» многие авторы предлагали собственные подходы к структуре этого феномена (Е.М. Борисова, М.Р. Гинзбург, Е.А. Климов, В.Ф. Сафин, М.Г. Угарова и др.). Несмотря на относительную полноту и проработанность существующих подходов, специфика исследований динамики экономического сознания и поведения личности и группы в изменяющихся условиях определяет потребность в разработке еще одной специальной модели самоопределения. Окружающая социокультурная среда и конкретные социальные группы, к которым

Характеристики самоопределения субъекта
Содержательные
<p>Результативные характеристики — результат самоопределения субъекта на конкретном этапе его жизни — некий «срез» процесса самоопределения:</p> <p>Комплексные: мировоззрение, образ мира, самосознание, представление о себе, Я-концепция, самоотношение, идентичность, направленность личности, социально-психологическое пространство и позиция в нем и т.д.</p> <p>Частные (парциальные):</p> <p>Основные ценности субъекта, идеалы и жизненные принципы, цели и мотивы и т.д.;</p> <p>Представления о принципах устройства мира и человеческого сообщества;</p> <p>Базовые отношения к миру, другим людям, себе (например, доверие/недоверие);</p> <p>Отношения к отдельным элементам социально-психологического пространства (психологическая дистанция, система отношений с конкретными окружающими людьми — носителями норм и ценностей и т.д.);</p> <p>Представления о своей жизненной перспективе и этапах жизни;</p> <p>Оценка своих возможностей и способностей;</p> <p>Ожидания субъекта, опасения, связанные с активностью окружающих людей, мира в целом и собственной жизнедеятельностью;</p> <p>Представления об изменениях и причинах изменений в системе ценностей и идеалов, жизненных принципов и целей, мотивов и др. (значимость отдельных ценностей и других феноменов может изменяться на разных этапах жизни, а также в особых случаях, при определенных условиях т.д.);</p> <p>Основные критерии и показатели достижения жизненных целей (качественные, эталонные, количественные, основанные на принципе социального сравнения и т.д.).</p>
<p>Процессуальные характеристики — основное содержание процесса поиска субъектом своего способа жизнедеятельности:</p> <p>Комплексные: стратегия жизни, стиль жизни, образ жизни, жизненные сценарии и т.д.</p> <p>Частные (парциальные):</p> <p>Приемлемые, а также недопустимые, отвергаемые) способы достижения поставленных целей (связаны с направленностью личности, отношением к социальным и нравственным нормам, например: действовать «не останавливаясь ни перед чем»);</p> <p>Представление о необходимых и предельно допустимых уровнях и циклах активности (например, развивать максимальный уровень активности или же чередовать периоды активности и пассивности с целью отдыха, осмысления и т.д.);</p> <p>Представление о необходимых и предельно допустимых затратах времени, материальных и психологических ресурсов (например, отказаться от цели, когда затраты времени и усилий превысят ожидаемый или запланированный уровень — «порог», или настаивать на ее достижении ценой дополнительных затрат и т.п.);</p> <p>Принципы сбора и анализа информации, в том числе, отношение к различным ее источникам (например, не принимать важные решения пока не будут проанализированы и обсуждены с максимально возможным количеством людей все допустимые альтернативы и последствия);</p> <p>Основные правила принятия решений, в частности, отношение к обратной связи и т.д. (например, игнорирование обратной связи или полное следование ей)</p>

Содержательные и формально-динамические характеристики самоопределения субъекта

Характеристики самоопределения субъекта
<p style="text-align: center;">Формально-динамические</p> <p>Степень сформированности: осознанность, наличие и степень сформированности стратегии жизни, идентичности, Я-концепции и т.д., цельность самоопределения (плотность, структурированность/ аморфность, противоречивость системы ценностей, наличие способов разрешения противоречий);</p> <p>Широта (многообразие сфер самоопределения, возможных способов достижения целей и правил принятия решений);</p> <p>Гетерогенность/гомогенность системы принципов, ценностей, идеалов, целей, мотивов и т.д.;</p> <p>Пропорциональность/диспропорциональность (соотношение, баланс, уравновешенность отдельных ее частей);</p> <p>Устойчивость/неустойчивость во времени;</p> <p>Ситуативная изменчивость/стабильность — степень подверженности случайным внешним влияниям, индивидуальным состояниям, настроению и т.п.;</p> <p>Универсальность/избирательность в различных условиях (ценностей, принципов, норм, правил, способов достижения целей, принятия решений и т.д.);</p> <p>Интенсивность процесса самоопределения (скорость и продуктивность);</p> <p>Характер динамики (поступательный, скачкообразный, возвратно-поступательный, циклический и т.п.), показатели цикличности (ритмичность, процикличность/контрцикличность);</p> <p>Успешность, эффективность, результативность, адекватность самоопределения: прямые показатели (степень удовлетворенности различными сферами жизнедеятельности и жизнью в целом, субъективное качество жизни, субъективное благополучие, счастье и т.д.) и косвенные показатели (степень и скорость «психического выгорания» и т.д.).</p>

принадлежит субъект, развиваются по своим собственным законам. Какой способ жизнедеятельности выберет субъект в динамичных условиях, во многом зависит от степени совпадения или несовпадения направлений изменения среды, развития референтных групп, групп членства, а также многих других групп и основного вектора самоопределения конкретного субъекта.

Структурные элементы его самоопределения также могут изменяться в течение жизни человека. Для дальнейшего анализа важно понять, какие элементы в наибольшей (или наименьшей) степени претерпевают изменения, каков их характер и как они взаимосвязаны с особенностями функционирования и развития субъекта и особенностями динамики внешней социально-экономической среды. На эти и некоторые другие вопросы, по нашему мнению, отвечает предлагаемый ниже вариант **структуры самоопределения**. В данной модели *элементы самоопределения, составляющие ее психологическое содержание (природу), иерархически организованы и образуют два основных уровня*: первым более глубинным уровнем является устойчивый «ценностно-нравственный стержень» субъекта; вторым уровнем — подчиненная ему пластичная составляющая самоопределения («оболочка»).

Ценностно-нравственный стержень (он же может быть обозначен как ценностно-смысловой, смысложизненный, нравственный и т. п.) объединяет: базовые отношения к миру, человеческому сообществу в целом, другим людям и самому себе, смыслы жизни, ценностные идеалы (наиболее значимые ценности и ориентации личности), ценностные табу (отвергаемые ценности и ориентации), основные жизненные способности, жизненные принципы и нормы (разрешающие и запрещающие), а также основные жизненные притязания.

Динамичная и пластичная составляющая самоопределения («оболочка») включает представления об окружающем социально-психологическом пространстве, ценности, цели и мотивы различных этапов жизни, представления об актуальных способностях и своих возможностях на каждом этапе. Кроме того, «оболочка» включает психологическую (прежде всего мотивационную) готовность личности к определенным действиям и поступкам, связанным с достижением желаемой позиции в системе социальных отношений и конкретных целей на каждом этапе жизни. Ее содержание динамично, поскольку отражает ценностные и мотивационные особенности текущего этапа жизнедеятельности субъекта, а, кроме того, пластично, так как изменяется в результате взаимодействия с внешними динамичными условиями.

Таким образом, *основное отличие «оболочки» самоопределения от «ценностно-нравственного стержня»* состоит, прежде всего, в *различной устойчивости во времени и степени подверженности внешним влияниям*. Отличаются они также *степенью осознанности (отрефлек-*

сированности) их личностью. Кроме того, они различаются своими *функциями*. «Стержень» выполняет функции системообразования, эго-защиты, контроля, самопознания, преобразования личности, общей ориентации в жизни. «Оболочка» выполняет инструментальные функции (адаптации, селекции, преобразования среды), самореализации, накопления (аккумуляции), резервирования и т. п. «Оболочка» выполняет функцию приспособления к окружающей среде, «стержень», напротив, не способен подстраиваться под внешние условия и требования. Его функции — намечать направления преобразования этой среды (преобразовательная функция) или давать ориентиры для выбора наиболее подходящей среды жизнедеятельности (функция ориентации). Реализация же этих преобразований или адаптация в новых условиях осуществляется посредством «оболочки» — ценностей, целей и мотивов конкретных этапов жизни, представлений о своих способностях и возможностях на данном этапе. Можно также отметить, что пластичная «оболочка» защищает «стержень» — наиболее значимые ценности и идеалы, принципы и смыслы — от возмущающего воздействия среды, а личность — от отторжения социальным окружением. Она как бы «амортизирует» эти воздействия, дает время личности на осмысление и переопределение, способствует достижению компромисса между ценностными ориентациями субъекта и ценностями социального окружения в случае, если они вступают в противоречие. Следует отметить, что подобное разделение функций весьма условно. Некоторые названные функции в той или иной степени могут выполняться в разных условиях и «стержнем», и «оболочкой», например, функции познания и самопознания, селекции и контроля, адаптации и преобразования и др.

Как видно из описания функциональных особенностей «стержня» и «оболочки» самоопределения, несмотря на свою меньшую устойчивость, «оболочка» ни в коей мере не является совокупностью случайных, хаотично изменяющихся целей, намерений и стремлений. Она выполняет очень важные функции по достижению основных жизненных целей личности. «Оболочка» — это тот многофункциональный «инструмент» или средство, с помощью которого субъект и осуществляет свое главное жизненное кредо, предназначение. Можно предположить, что «ценностно-нравственный стержень» самоопределения субъекта постепенно формируется за счет феноменов его «оболочки», которые проверяются временем, отбираются и интегрируются именно в «стержне» самоопределения. В конкретные периоды развития личности и ее самоопределения возможен и обратный процесс перехода или вытеснения феноменов «стержня» на уровень «оболочки». Такое «размывание» стержня может иметь место в периоды экзистенциального кризиса или «переопределения» личности. В этой связи

возникают и многие другие важные проблемы. Таким образом, вопрос о соотношении компонентов «ценностно-нравственного стержня» и «оболочки» является чрезвычайно сложным и требующим в дальнейшем специального глубокого анализа.

Результаты целого ряда экономико-психологических исследований подтверждают обоснованность предложенной модели. В эмпирических работах А.Л. Журавлева, Н.А. Журавлевой, А.Н. Лебедева, Е.Д. Короткиной, А.Б. Купрейченко, Т.А. Нестика, В.П. Познякова, Е.Б. Филинковой, Ф.В. Фоломеевой, В.А. Хащенко и др. показано, что поведение человека далеко не всегда соответствует текущей экономической ситуации [29, 30]. Очень часто, пренебрегая сиюминутным экономическим интересом, субъект преследует реальные цели настоящего или одного из планируемых этапов жизни, причем не только своей, но и близких ему людей.

Ведущим положением, репрезентирующим нашу точку зрения на структуру самоопределения, является уровневое, а в данном конкретном случае — *двухуровневое строение* феномена самоопределения, выраженное сочетанием «стержня» и «оболочки». Безусловно, уровни самоопределения могут быть представлены и большим числом или в каком-то другом виде, но при этом само уровневое строение сохранится, а именно это положение главным образом утверждается нами в настоящее время.

Развивая *представления о структуре самоопределения*, можно, например, в свою очередь выделить в структуре «стержня» наиболее устойчивое образование — *«ось»*, выполняющую системообразующую функцию по отношению к основным элементам самоопределения. На языке обыденного сознания имеется в виду судьба человека, предназначение или предназначение, генеральная линия жизни и т.п. Оправданным нам кажется и предположение о существовании определенной *«переходной зоны»* между *«стержнем»* и *«оболочкой»*. Кроме того, наряду с «оболочкой» возможно выделение некоторого *«поверхностного слоя»* самоопределения. Под ним понимается социально желательный или демонстративный образ личности (ее «маска», «личина», «роль» и т.п.), привычный образ жизни (основанный на опыте предыдущих этапов самоопределения), а также случайные, ситуативные и нетипичные свойства, которые, однако, могут быть проявлением и глубинных уровней самоопределения, так как «привычка — это вторая натура» и т.д. При таком 5-уровневом варианте структуры можно в качестве предположения выделить *ведущую функцию* каждого структурного элемента. Так, главная функция «оси» — системообразование, а самого «стержня» — сохранение глубинных структур личности. Основная функция «переходной зоны» между «стержнем» и «оболочкой» — обмен (закрепление новых значимых принципов, ценностей, целей и т.д. и отдаление других, став-

ших не значимыми). Можно также предположить, что ведущей функцией «оболочки» является адаптация, а «поверхностный слой» служит в первую очередь для самопрезентации субъекта.

Заключение

Выполненный анализ показал, что трудно дать точное и надежное объяснение поведения человека в изменяющихся социальных, экономических и политических условиях, основываясь только на общественно значимых критериях (степени адаптированности, социализированности и др.), а также на объективных показателях его жизни (экономических, социальных и т.д.). Нередко субъект пренебрегает актуальным экономическим интересом ради более значимых собственных целей настоящего или одного из планируемых этапов жизнедеятельности. В его поведении может также проявляться позиция самоопределяющегося субъекта (личностная, нравственная, гражданская). В частности, эмпирически было доказано, что ценности субъекта (как отдельной личности, так и группы) могут предопределять сознательный отказ от использования жизненных стратегий, направленных на достижение высокого материального уровня. Кроме того, в кризисные периоды он не приспосабливается к динамичной среде, а обращается к базовым ценностям, «стержню» самоопределения — главному смыслу жизни, идеалам, принципам и т.п. — или может быть ценностям предыдущего этапа жизни и уровня своего социально-экономического развития. Следовательно, анализ жизнедеятельности субъекта с позиций его самоопределения позволяет дать логичное объяснение некоторым феноменам так называемого «нерационального» (прежде всего по групповым и общественным, а не индивидуальным критериям) социального поведения субъекта.

В данной работе получила обоснование уровневая модель самоопределения в ее конкретном варианте 2-уровневой структуры, включающей относительно устойчивый ценностно-нравственный «стержень» и динамичную «оболочку». Однако на уровне теоретической гипотезы сформулировано представление о более сложном 5-уровневом строении феномена самоопределения субъекта, которое будет необходимо аргументировать и обосновать в дальнейшем. Именно в этом, по нашему мнению, состоит *первое направление* развития и теоретических, и эмпирических исследований самоопределения.

Второе крупное направление заключается в том, чтобы, в свою очередь, структурировать каждый из 5 предложенных выше уровней: выделить необходимую и достаточную совокупность составляющих их социально-психологических элементов (компонентов) и

установить закономерные связи между ними, как на каждом уровне в отдельности, так и между разными уровнями самоопределения. В настоящее время анализируемая совокупность составляющих самоопределение феноменов — жизненных принципов и смыслов, ценностей и идеалов, норм и правил, ожиданий и притязаний, жизненных возможностей и способностей и т.д. — остается одновременно недостаточно и дифференцированной, и интегрированной.

Третьим направлением развития исследований самоопределения представляется нам решение комплекса методических задач — разработка разного уровня и степени сложности методического инструментария для изучения как отдельных компонентов самоопределения, так и данного феномена в целом. Скорее всего, речь может идти о разработке не только отдельных методик, но и сложных комплексных программ исследования самоопределения, включающих как стандартизированные, так и нестандартизированные техники сбора первичных данных, как количественные, так и качественные приемы анализа, как методы направленные на выявление парциального глубинного знания, так и те, которые синтезируют взаимодополняющие данные о самоопределяющемся субъекте.

Четвертое возможное направление — это разработка дифференцированного подхода к анализу самоопределения личности и социальных групп. В концептуальном плане последние должны рассматриваться в качестве целостных коллективных субъектов самоопределения со своими специфическими социально-психологическими характеристиками. И если в теоретическом отношении проблема коллективного субъекта в последние годы получила соответствующее развитие, то необходимые методические разработки и конкретные эмпирические исследования самоопределения коллективного субъекта еще предстоит выполнить.

Конечно, и основное направление анализа места «самоопределения» в системе близких понятий, представленное в данной работе, не может рассматриваться как завершенное, а скорее может выступить одним из продолжающихся направлений теоретического исследования проблем самоопределения. При этом важно дополнить анализ соотношения понятия «самоопределение» не только с «адаптацией» и «социализацией», но и с упомянутыми терминами, например, «идентификацией» и т.п. Как уже было показано выше, теоретическую задачу особой сложности составляет анализ соотношения «самоопределения» с многочисленной, близко стоящей, но одновременно и достаточно разнородной группой понятий, начинающихся с «само» («самоактуализация», «самоосуществление», «самореализация», «самораскрытие», «самодетерминация» и т.д.) — в этом тоже сохраняется потенциал развития проблемы самоопределения.

Специального анализа, основанного на результатах эмпирических исследований, заслуживают и комплексные феномены, входящие в структуру самоопределения или тесно связанные с ним. В первую очередь это: стратегии, стиль и образ жизни; мировоззрение; базовые отношения к миру (например, доверие/недоверие миру, другим людям себе); социально-психологическое пространство субъекта и др. Все вышесказанное позволяет рассматривать феномен и понятие самоопределение как наиболее перспективное для анализа сознания и поведения динамично развивающегося субъекта в изменяющихся условиях.

Литература

1. *Абульханова К.А.* Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. № 4. С. 3–21.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
3. *Анциферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. 415с.
4. *Быкова Н.Л.* Специфика смысложизненных ориентаций различных групп учащейся молодежи в ситуации субъективизации жизненных целей. Автореф. дис... канд. психол. наук. Самара, 2005.
5. *Георгиевский А.Б.* Эволюция адаптации (историко-методическое исследование). Л.: Наука, 1989.
6. *Горбачева Е.И., Курпейченко А.Б.* Конфликт нравственных ценностей в отношении личности к деньгам // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы: Материалы пятой международной научно-практической конференции / Под. общ. ред. А.Д. Карнышева. Иркутск: Изд-во БГУ ЭП, 2004. С. 91-93.
7. *Готлиб А.С.* Адаптация россиян к новым экономическим условиям: масштабы, динамика, факторы успешности // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. Т. 1. С.460–481.
8. *Демин А.Н.* Психологические факторы трудоустройства безработных // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. Т. 1. С. 333–356.
9. *Дикая Л.Г.* Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М.: Изд-во ИП РАН, 2003. 318 с.
10. *Журавлев А.Л.* Психология совместной деятельности М.: Изд-во «ИП РАН», 2005. 640 с.
11. *Журавлев А.Л.* Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–88.
12. *Журавлев А.Л., Курпейченко А.Б.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во ИП РАН, 2003. 436 с.
13. *Забродин Ю.М.* Социальное пространство в исследованиях личности // Социально психологические аспекты адаптации и защищенности личности: материалы международного научного семинара. Воронеж: ВГУ, 2005. С. 15–18.
14. *Забродин Ю.М.* Психологический анализ структуры отношений и динамики личности в социально-психологическом пространстве // Поликультура-

- ное пространство образования: Сборник материалов международной научно-практической конференции / Отв. ред. О.Я. Емельянова. Воронеж: «Новый взгляд», 2005. С. 20–29.
15. *Ключко В.Е.* Коммуникативная среда как фактор становления ментального пространства человека // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / Под. ред. В.И. Кабрина, О.И. Муравьевой. Томск: Томский гос. ун-т, 2004. С. 30–44.
 16. *Ключко В.Е.* Ментальное пространство личности как предмет профессионально-психологического осмысления // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность—коммуникация—толерантность / Под ред. В.И. Кабрина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 30–44.
 17. *Ключникова Л.В.* Взаимосвязь социально-психологической адаптации переселенцев и межгруппового восприятия (на примере немцев, выехавших из стран СНГ на постоянное место жительства в Германию).
 18. *Коростылева Л.А.* Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб.: Речь, 2005. 222с.
 19. *Кряжева И.К.* Социально-психологические факторы адаптированности личности. Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1980.
 20. *Лазебная Е.О.* Посттравматическая стрессовая адаптация как системный процесс // Современная психология: состояние и перспективы исследования. Часть 1. Общая психология, психология труда и инженерная психология. Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28-29 января 2002 г. / Отв. ред. А.Б. Брушлинский, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 83-95.
 21. *Медведев В.И.* Адаптация человека. СПб.: Институт мозга человека РАН, 2003. 584с.
 22. *Мудрик А.В.* Социализация человека: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004, 304с.
 23. *Муравьева О.И.* Особенности ментальности в базовых психологических пространствах личности // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / Под. ред. В.И. Кабрина, О.И. Муравьевой. Томск: Томский государственный университет, 2004. С. 56-76.
 24. *Нартова-Бочавер С.К., Потапова А.В.* Введение в психологию развития: учеб. пособ. М.: Флинта: МПСИ, 2005. 216с.
 25. *Поваренков Ю.П., Мищенко Т.В.* Соотношение понятий профессиональное самосознание, профессиональное самоопределение, профессиональная идентичность // Социальная психология XXI столетия. Т.2 / Под ред. В.В. Козлова. Ярославль, МАПН, 2004. С.141-145.
 26. Проблемы экономической психологии. Том 1 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 620с.
 27. Проблемы экономической психологии. Том 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 644с.
 28. *Пряжников Н.С.* Методы активации профессионального и личностного самоопределения. М., Воронеж: Изд-во НПО МОДЭК, 2002, 400с.
 29. *Пряжников Н.С.* Профессиональное и личностное самоопределение. Москва: Изд-во Ин-т практической психологии, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 256 с.
 30. Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: ПЕР СЭ, 2003. 863 с.
 31. *Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А.* Психология адаптации личности: Учебно-научное издание. СПб.: Медицинская пресса, 2002. 352 с.

32. *Селигмен А.* Проблема доверия / Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
33. *Скрипкина Т.П.* Психология доверия: Учеб. пособие. М.: Изд. Центр «Академия», 2000. 264 с.
34. Социальное пространство: междисциплинарные исследования: Реферативный сборник // РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии / Отв. ред. Л.В. Гирко. М.: ИНИОН, 2003. 196 с.
35. *Таранов Е.В., Грачев А.А., Гюппенен В.Н.* Человек в производственной организации. Курган, 1981.
36. *Фельдштейн Д.И.* Социально-психологическое пространство отношений и самоопределение субъекта в них // Мир психологии. 1996. № 3.
37. *Фенько А.Б.* Гендерные различия в отношении россиян к деньгам // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. Т. 1. С. 61–279.
38. *Филинкова Е.Б.* Структура удовлетворенности предпринимательской деятельностью // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. Т. 2. С. 205–228.
39. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
40. *Харламенкова Н.Е.* Генез самоутверждения личности в процессе взросления. Автореф. дис... докт. психол. наук. М., 2004.
41. *Харламенкова Н.Е.* Самоутверждение подростка. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. 296 с.
42. *Чернявская Г.К.* Самопознание и самореализация личности. Методологические проблемы. Автореф. дис... докт. филос. наук. СПб., 1994.
43. *Шульга М.М.* Адаптация и социализация: соотношение понятий // Поликультурное пространство образования: Сборник материалов международной научно-практической конференции / Отв. ред. О.Я. Емельянова. Воронеж: Новый взгляд, 2005. С. 86–90.
44. *Berger P.* On Obsolescence of the Concept of Honor // Changing Perspectives in Moral Philosophy / Eds. S. Hauerwas, A. MacIntyre. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1983.
45. *Sedikides C., Gregg A.P.* Portraits of the Self // The sage Handbook of Social psychology / Ed. M.A. Hogg, J. Cooper. London: SAGE Publication, 2003. P. 118–138.

Психологическая адаптация: функциональные, структурные и динамические аспекты

М.С. Яницкий, А.Г. Портнова, А.М. Богомолов

Адаптационная концепция в психологических исследованиях, по словам Ф. Б. Березина, является одним из перспективных подходов к комплексному изучению человека [3]. Сложность и междисциплинарный характер проблемы психической адаптации обуславливают необходимость применения процедур системного анализа и рассмотрение функциональных, структурных и динамических аспектов адаптации в их взаимосвязи и взаимозависимости при описании динамики адаптационного цикла, анализе закономерностей, механизмов адаптации и оценке адаптационных эффектов. Данный принцип является исходным при формулировании задач и организации исследований адаптационного процесса, осуществляемых специалистами социально-психологического факультета Кемеровского государственного университета.

Существует множество определений адаптации — как имеющих общий, очень широкий смысл, так и сводящих сущность адаптационного процесса к явлениям одного из множества уровней — от биохимического до социального. По определению Н.В. Намазова и А.И. Жмырикова, психологическая адаптация есть сложный, диалектический процесс взаимодействия личности и среды, приводящий к оптимальному соотношению целей и ценности личности и среды, реализации внутриличностного потенциала в конкретных условиях жизнедеятельности при благоприятном эмоциональном самочувствии [17].

Сравнительный анализ существующих определений психологической адаптации позволяет говорить о том, что функцией адаптации является, прежде всего, формирование некоторого компромиссного соотношения между требованиями адаптогенной среды и адаптационными возможностями личности. Квалификация адаптационного процесса как более или менее эффективного предполагает анализ ряда дополнительных критериев, таких как возможность сохранения психологического здоровья, социальной активности и самореализа-

ции личности в условиях установившегося баланса в системе личность — среда.

Бесспорным показателем успешности психической адаптации является, прежде всего, достижение возможности выполнения основных задач деятельности. При этом эффективность психической адаптации оценивается с учетом ее психофизиологической и социально-психологической стоимости, которая определяется, по мнению Р. М. Баевского, энергетическими и информационными затратами. Под ценой, или платой, адаптационного процесса обычно понимается степень напряжения регуляторных систем, которая необходима для обеспечения адаптационной деятельности человека [2].

Невозможность оценки эффективности адаптации независимо от затратных показателей также подчеркивается Ф. Б. Березиным. Он определяет психическую адаптацию как «процесс установления оптимального соответствия личности и окружающей среды в ходе осуществления свойственной человеку деятельности, который позволяет индивидууму удовлетворять актуальные потребности и реализовывать связанные с ними значимые цели (при сохранении психического и физического здоровья), обеспечивая в то же время соответствие психической деятельности человека, его поведения требованиям среды» [3, с. 5].

Четкое разделение показателей продуктивности и показателей цены, стоимости адаптации представляет определенные затруднения, в работах многих авторов эти компоненты адаптационного процесса смешиваются. Эффективность адаптации, по замечанию Ф. Б. Березина, на том или ином уровне функциональной системы может быть достигнута за счет ее нарушения на другом уровне. По нашему мнению, более низкие уровни регуляции являются базовыми для более высших, ценой нормального функционирования которых является состояние напряженной адаптации на предыдущих уровнях регуляции. Соответственно, показатели адаптации на более низком уровне регуляции по отношению к рассматриваемому можно оценивать как затратные, а показатели вышестоящего уровня — как результат адаптационного процесса на данном уровне функциональной системы адаптации.

Разноуровневая структура функциональной системы психической адаптации рассмотрена в классических работах Ф. Б. Березина. По его словам, реализация процесса психической адаптации обеспечивается сложной многоуровневой функциональной системой, на разных уровнях которой регулирование осуществляется преимущественно психологическими (социально-психологическими и собственно психическими) или физиологическими механизмами [3]. В общей системе психической адаптации Ф. Б. Березиным выделено три ос-

новых уровня или подсистемы (собственно психический, социально-психологический и психофизиологический), характеризующихся специфической структурой, закономерностями функционирования, механизмами и основными задачами в процессе адаптационного ответа.

Процесс адаптации реализуется во всех случаях, когда в системе «человек — среда» возникают значимые изменения, приводящие к нарушению адекватности их отношений. Так как человек и среда находятся не в статическом, а в динамическом равновесии и их соотношение постоянно меняется, то постоянно осуществляется и процесс адаптации. Этот процесс протекает не только внутри одной системы, но и задействует другие системы и вовлекает системы внешней среды. Уравновешивание не может происходить в рамках одной изолированной системы и только за счет собственных ресурсов, необходимо наличие связанных систем для передачи ресурсов от одной системы к другой, от этой — к третьей, и т. д. [14]. Таким образом, динамические аспекты являются центральными при описании эффективности адаптационного процесса и закономерностей его реализации.

По мнению А. И. Воложина и Ю. К. Субботина, каждая функциональная система, включая в себя принадлежащие ей элементы, сама входит в качестве элемента в систему более высокого порядка, служащую для нее средой. При этом создается иерархия систем, каждую из которых можно рассматривать в качестве среды для системы низшего уровня [9].

Совокупность приспособительных реакций от начального психологического и физиологического состояния человека до завершающего представляет собой адаптивный цикл, основные фазы которого рассматривались, в частности, в работах В.И. Медведева и А.Ж. Юревица и соавт. [15, 16, 19].

Для определения силы и продолжительности приспособительных реакций Д. В. Колесов использует термин «реактивность», понимаемый как количественно-временная характеристика функциональных сдвигов в организме, происходящих в ответ на воздействие и лежащих в основе достижения того или иного адаптивного эффекта. Количественно-временные характеристики адаптированности в норме соответствуют величине рассогласования между необходимым и наличным уровнями адаптированности. Если они превышают величину рассогласования, говорят о гиперреактивности; если они ниже величины рассогласования, говорят о гипореактивности, вплоть до ареактивности — отсутствия адаптивных реакций там, где они должны быть [13].

На психофизиологическом уровне системная реакция организма

на нарушение гомеостатического баланса может быть качественно различной. Так, Д. В. Колесов описывает специфические и неспецифические адаптивные реакции. Наиболее общую реакцию организма отражают неспецифические реакции, которые чаще всего выражаются в развитии общего адаптационного синдрома. Специфические адаптивные реакции вырабатываются гораздо медленнее, их характерная черта — взаимодействие и кооперация тех элементов функциональных систем, которые обеспечивают формирование конечного полезного эффекта. Приспособительные реакции могут быть также разделены на два класса — быстро реализующиеся реакции срочной адаптации, для которых имеются готовые вполне сформировавшиеся механизмы, и реакции долговременной адаптации. Долговременная адаптация включает в себя реакции, для осуществления которых у человека нет готовых сформировавшихся механизмов, а есть лишь генетически детерминированные предпосылки. Постепенное формирование таких механизмов происходит при многократном включении реакций срочной адаптации.

Подобные положения приводятся и В. И. Медведевым, который выделяет два типа реакции организма. При первом в ответ на действие адаптационного фактора реализуются все возможные механизмы ответа и формируется функциональное состояние, заведомо превышающее требования к адекватному ответу (гипермобилизация). Такая реакция наблюдается при действии экстремального или неожиданного фактора. Второй тип реакции заключается в постепенном наращивании числа и мощности механизмов ответа. Соответственно, в адаптационном механизме выделяются две системы реагирования — быстрого и медленного [15].

В зависимости от степени выраженности реакций организма В.П. Казначеев различает несколько типов адаптационных состояний: «физиологической» адаптации, при оптимальном режиме всех функциональных систем; напряженной адаптации — когда возникает необходимость перестройки, изменения существующих параметров деятельности, сопровождающееся определенным напряжением в работе заинтересованных функциональных систем; патологической адаптации, которое наступает при превышении резервных возможностей организма и может привести к полному истощению адаптационных механизмов [12].

Три уровня приспособительных реакций выделены А.И. Воложиным и Ю. К. Субботиным: сенсibilизированные, характеризующиеся повышенной функциональной активностью к воздействию фактору; оптимальные, соответствующие норме адаптации; депрессивные, определяемые пониженной функциональной активностью на том или ином уровне процесса адаптации [9].

Три типа реагирования в общей реакции приспособления также были выделены В. И. Медведевым, различия которых связаны с преимущественной направленностью изменений на один из элементов системы «среда — человек». При первом типе для человека, включенного в социальную структуру общества и выполняющего определенные социальные задачи, приспособление может быть решено путем воздействия на комплекс раздражителей, приводящих к изменению гомеостатического регулирования. При этом форма воздействия на среду может быть пассивной, например, путем избегания, или активной, связанной с преобразованием среды. Второй и третий типы направлены на изменение форм реагирования человека как биологической структуры. Один из них предполагает включение уже существующих программ регулирования и обозначается как реакция привыкания. Другой тип реакции предусматривает обязательное изменение программы гомеостатического регулирования и рассматривается как собственно адаптационный процесс [15]. Под программой регулирования здесь понимается формализованный порядок развертывания последовательности, длительности и выраженности ответной реакции организма при взаимодействии его с внешней средой.

Очевидно, что описанные количественные и качественные приспособительные реакции могут последовательно сменять друг друга в динамике процесса адаптации, так как все они по отдельности не в состоянии обеспечить сохранение сбалансированности в системе «человек — среда» при длительном воздействии адаптогенного фактора. Выделенные В. И. Медведевым реакции, как было показано нами ранее, являются разными стадиями единого процесса адаптации, в который вначале вступают реакции более «дешевого» для человека типа реагирования, а когда они уже не могут обеспечить достижение целей деятельности, то в процессе оптимизации возникают более мощные реакции приспособления [20].

При достаточной интенсивности и длительности воздействия адаптогенных факторов, когда имеющиеся механизмы регулирования недостаточны для восстановления равновесия в системе «человек — среда» и параметры реакций первичного ответа и реакций платы за первичный ответ отклоняются за пределы допустимых колебаний, встает задача создания новой системы гомеостатического регулирования. Тогда начинается собственно процесс адаптации. В. И. Медведев считает, что формирование новых программ непосредственно определяется выраженностью и течением реакций первичного ответа и платы. По мнению В. П. Казначеева, новые программы регуляции формируются под воздействием адаптогенных факторов [12].

Собственно процесс адаптации начинается с фазы разрушения старой программы поддержания гомеостаза, при этом возникает до-

статочное сложное положение, когда старая программа уже не функционирует, а новые еще не созданы или оказываются не завершенными. Эта фаза характеризуется рядом специфических признаков. Во-первых, это гиперреагирование на нагрузки малой и средней интенсивности и отказ от выполнения нагрузок большей тяжести. Во-вторых, эта фаза адаптации сопровождается снятием механизмов компенсации имеющихся патологических процессов. На этой стадии включаются временные механизмы так называемой превентивной адаптации, позволяющие хотя и не на оптимальном уровне, но достигнуть целей деятельности и «пережить» сложный период отсутствия адекватной программы регулирования. Важнейшим компонентом превентивной адаптации является поведенческая адаптация. Поведенческие реакции в этот период несут основную защитную функцию, обеспечивающую минимизацию действия адаптогенных факторов и перенапряжения регуляции.

На психологическом уровне состояние, возникающее при нарушении взаимодействия человека и среды, может быть описано с использованием следующих ключевых понятий: стресса, фрустрации и конфликта. Эти состояния тесно связаны между собой и способны последовательно сменять друг друга. В нашем исследовании психологических механизмов адаптации студентов к учебной деятельности было показано, что в процессе адаптации происходит последовательная смена основных психологических механизмов, связанная со снижением результативности или возрастанием стоимости адаптации при решении задач последующей стадии. Эффективность психологических механизмов адаптации определяется особенностями стадии адаптационного процесса, на которой они реализуются; увеличение интенсивности их действия выше порогового уровня приводит к снижению эффективности независимо от стадии адаптационного процесса [21].

Механизмы, посредством которых обеспечивается организация психологического адаптационного ответа и разворачивание адаптационного процесса, разнообразны и несут индивидуальный характер. Основанием для их классификации могут выступать психологические процессы, преимущественно включенные в их реализацию, уровень осознанности, динамические свойства (темп, скорость, интенсивность, протяженность во времени, длительность периодов истощения и восстановления) и другие.

Классификации психологических механизмов адаптации построены на различных основаниях, что нередко затрудняет сопоставление результатов исследований; кроме того, как уже упоминалось, эффективность механизмов оценивается неоднозначно и, в большинстве случаев, без учета затратных показателей [21].

Уместно предположить, что содержание процесса адаптации и его эффективность определяется не столько доминирующим на данной стадии психологическим механизмом (или механизмами), сколько последовательностью их включения, то есть индивидуальной адаптационной стратегией [22].

Составной частью (уровнем) системного ответа на возникновение трудных жизненных условий является интенсификация механизмов психологической защиты. Защитная бессознательная активность входит в подсистему саморегуляции, обеспечивая «ресурсосберегающее» поведение в изменяющихся условиях и возрастающих требованиях среды (и, в некоторых случаях, самой личности) (Л.Г. Дикая, Л.И. Анцыферова, Н.Л. Коновалова и др.), адаптационной целью личности становится саморегуляция, оценка целей и имеющихся ресурсов и оптимизация психофизиологической стоимости адаптационных перестроек. Адаптационная деятельность «свертывается», переходя во внутренний план, что обеспечивает временные ресурсы для формирования адаптационной стратегии и поддержания оптимального напряжения регуляторных систем при ее реализации. Интенсивность функционирования психологической защиты спадает по мере стабилизации в системе «субъект — социальное пространство» посредством реализации выбранной стратегии (активного воздействия, избегания, неконструктивной активности и пр.) [7].

Мы согласны с утверждением Л.И. Анцыферовой о том, что психологическая защита интенсифицируется тогда, когда при попытке преобразить травмирующую ситуацию все ресурсы и резервы оказываются почти исчерпанными [1]. Добавим: или же в тех случаях, когда ситуация субъективно оценивается личностью как не поддающаяся изменению или личность оценивает собственные ресурсы как недостаточные. Тогда в поведении человека центральное место занимает саморегуляция, и человек отказывается от конструктивной деятельности [10].

Рост активности психологической защиты принято в большей степени относить к первому этапу собственно психической адаптации — периоду формирования новой долговременной программы поддержания гомеостаза, адекватной изменившимся условиям жизнедеятельности личности и имеющимся адаптационным ресурсам (В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский, В.И. Медведев и др.). При этом бессознательные адаптивные психические процессы относят к механизмам превентивной адаптации, выполняющим на данном этапе основную охранительную функцию, обеспечивающим минимизацию действия адаптогенных факторов и перенапряжения регуляции в отсутствие сформированной программы.

В период привыкания к изменившимся характеристикам окружа-

ющих условий рост напряженности защитных механизмов осуществляется в рамках общего роста активности функциональной системы психической адаптации, в период стабильной адаптации механизмы психологической защиты могут включиться в программу гомеостатического регулирования в качестве механизмов интрапсихической адаптации [3].

Механизмы психологической защиты, по мнению В. И. Медведева, участвуют в формировании концептуальной модели реальной действительности, по которой и строится адаптационный процесс. Это имеет существенное значение, так как позволяет избавиться от ошибок в оценке адаптации, когда ее структура и выраженность сравнивается с объективными характеристиками среды и игнорируется ее субъективная оценка, концептуальная модель, то есть представление о внешнем мире [15].

Уровень осознанности возникающих противоречий и способов их разрешения используется рядом исследователей (Е.С. Романова, Л.Р. Гребенников, В.Н. Куликов, З.А. Парфенова и др.) как критерий для полярного разделения адаптационных механизмов на бессознательные защитные автоматизмы и конструктивные осознаваемые способы совладания. Мы полагаем, что выбор данного критерия обоснован при использовании в рамках функционального подхода к проблеме адаптации, однако в целях построения структурно-динамической модели психологической защиты личности перспективным является выход за границы данного деления. Градация психических явлений по степени представленности в сознании субъекта является более тонкой, и, вероятно, можно выделить некоторые защитные механизмы, занимающие промежуточное положение, потенциально возможные для осознания или осознаваемые в определенные моменты времени [6].

Исследование вопросов комплексной реализации собственно защитных автоматизмов и совладающего поведения (используются различные термины для его обозначения: копинг-стратегии, совладание, преодоление и др.), их динамического соотношения в последние годы были представлены в ряде работ (Е.С. Ошаев, В.А. Ташлыков, А.М. Ялов и др.).

В проведенном нами сравнительном исследовании структурно-динамических свойств системы психологической защиты у подростков, находящихся в различных образовательных и воспитательных средах, в результате кластеризации была показана различная степень дифференциации и интеграции кластеров психологических защитных механизмов и стратегий совладающего поведения, что говорит о неодинаковом соотношении данных средств адаптации в различных группах детей. Мера их интеграции, склонности к совместному прояв-

лению или автономности может рассматриваться как характеристика зрелости адаптационных реакций личности ребенка. Механизмы психологической защиты и стратегии совладающего поведения во всех группах соотносятся как различные уровни целостной индивидуальной системы адаптационной активности, причем чем ниже уровень реализуемых адаптационных механизмов, тем более тесные связи между ними в достижении адаптационного эффекта. Соотношение психологических защитных механизмов и стратегий совладающего поведения связано с особенностями адаптационных задач, определяемых спецификой жизненных обстоятельств ребенка (условия гуманитарной помощи, общеобразовательных школ и социальных приютов) [4, 7].

Консервация механизмов психологической защиты и их доминирование в структуре функциональной системы психической адаптации рассматривается нами как неудачная попытка формирования новой программы компенсаторно-приспособительного регулирования, обусловленная отсутствием личностных или средовых адаптационных ресурсов для ее реализации. Фиксация их в структуре адаптационного ответа связана как с характером и продолжительностью воздействия и его субъективной значимостью, так и с индивидуально-психологическими свойствами субъекта адаптации. Нарушение структурных, функциональных или динамических свойств системы психологической защиты личности и их соотношения определяет характер включения психологической защиты в патогенез дезадаптивных состояний и, в значительной степени, психологические проявления формирующихся расстройств адаптации [5].

Таким образом, процесс адаптации обеспечивается сложной многоуровневой функциональной системой, которая динамически развивается и усложняется, задействуя более совершенные и эффективные механизмы поддержания равновесия в системе «человек — среда». Выделенные различными авторами приспособительные реакции и стадии адаптационного процесса в определенной мере условны и во многих случаях протекают параллельно, частично перекрывая друг друга. Мы считаем, что, по существу, развитие адаптационного процесса по стадиям обеспечивается последовательной сменой механизмов адаптации [22].

Реальный адаптационный процесс включает одновременное и разнонаправленное воздействие целого ряда влияний, включающего в себя комплекс как субъективных, так и объективных факторов. Конкретные характеристики и закономерности любого адаптационного процесса определяются как самими особенностями деятельности и социальной среды, к которым происходит приспособление, так и действием различных внутренних и внешних факторов. Указанные действующие факторы, которые могут быть общими или различными

для каждого отдельного человека, составляют в совокупности фон, на котором реализуется процесс адаптации. В наших предыдущих исследованиях было показано, что система внутренних и внешних факторов оказывает влияние как на эффективность адаптационного процесса, так и на способы ее достижения [20].

В выполненном нами исследовании возрастной динамики индивидуальных и личностных характеристик, выступающих внутренними факторами адаптационного процесса, показано, что индивидуальные и личностные характеристики субъекта адаптации образуют разнородные и разноуровневые связи, оказывающие влияние на протекание адаптации. Были выявлены разные типы соотношения индивидуальных и личностных характеристик в группах школьников с разным уровнем адаптации. Учащиеся с высокими показателями адаптации характеризуются специфическим типом соотношения разноуровневых характеристик, при котором уровневые показатели адаптации гармонично сочетаются с высокими ресурсными характеристиками личности. Неадаптированные школьники характеризуются как специфическим, так и неспецифическим типами соотношения индивидуальных и личностных свойств. Для неспецифического типа соотношения разноуровневых свойств характерно разнонаправленное соотношение индивидуальных и личностных свойств и затратный способ школьной адаптации [18].

Оценка индивидуальной вариативности адаптационных реакций и соотнесение их с возрастнo-психологической нормой, диагностика адаптационных новообразований и прогнозирование их развития в онтогенезе в контексте целостного развития личности, на наш взгляд, являются перспективными направлениями исследований, в центре которых находится формирование комплексного показателя, позволяющего производить оценку латентных и актуальных адаптационных способностей личности. Прогноз адаптации, по нашему мнению, в существующих исследованиях, как правило, осуществляется на основании изучения отдельных аспектов, компонентов целостной структуры личности человека. Однако анализ литературных данных позволил нам сделать заключение, что индивидуализация прогноза адаптированности может быть осуществлена с помощью выявления типологических особенностей и закономерностей адаптации у различных групп испытуемых [18].

В работе Е. С. Каган, А. Е. Ким и А. Г. Портновой осуществлено приложение метода канонического анализа к обработке разнородных и разноуровневых психологических параметров с целью определения наиболее информативных показателей адаптации к школе в возрастном аспекте и построения математически обоснованного интегрального показателя адаптации, включающего в себя информацию как о

значениях субъективных показателей адаптации, так и объективных показателей. При этом каждый из использованных показателей входит в интегральный с соответствующим весовым коэффициентом, отражающим приоритетное влияние различных индивидуальных, интеллектуальных и личностных характеристик на школьную адаптацию на разных этапах обучения [11].

Оценка совокупности внутренних адаптационных факторов посредством комплексных показателей позволяет определить адаптивность как интегральное свойство личности, характеризующее как в целом ее структурную сложность, так и уровень развития, состояние отдельных функций и свойств. Формирование такого рода интегральных показателей посредством математико-статистических процедур (факторного, канонического анализа и т. д.), моделирования (математического, графического, теоретического, кибернетического и т. д.), качественного анализа и других методов в настоящее время является актуальным направлением исследований. Для обозначения такого интегрального свойства применяется целый ряд терминов (адаптивность, адаптационный потенциал, резистентность, психологическое здоровье, стрессоустойчивость, жизнестойкость и т. д.), смысловое наполнение и соотношение которых в настоящее время сложно обозначить как устоявшиеся.

В данном контексте нами был предложен и обоснован подход к прогнозированию развития адаптационного процесса на основе структурно-динамических характеристик психологической защиты личности [4]. Психологическая защита, как упоминалось выше, является неотъемлемой частью адаптационных реакций, включающих осознаваемые и неосознаваемые компоненты, различающиеся особенностями динамики и закономерности протекания. Изменение структуры психологического адаптационного ответа, соотношения его сознательных и бессознательных составляющих обуславливают различные отсроченные последствия для личности. Включение в адаптационные реакции интенсивной психологической защиты или доминирование стратегий совладающего поведения формируют качественно различные внутренние условия развития адаптационного процесса. В отличие от совладающего поведения, характеристики психологической защиты являются непосредственными маркерами состояния адаптационных ресурсов, свойств и функций личности.

Оценка динамических свойств и изменчивости защитных механизмов в определенные фиксированные временные периоды и сопоставление с активностью функционирования механизмов совладания позволяет прогнозировать развитие адаптационного процесса, дифференцировать природу формирования дезадаптивных состояний и снижать риск их развития. На основании анализа результатов ряда исследований, посвященных проблеме защитных механизмов

(Ф.Б. Березин, В.А. Ташлыков, Ф.В. Бассин и соавт., В.Г. Каменская, Т.В. Тулупьева), можно предположить, что напряженность механизмов психологической защиты и ее динамика в период адаптационного цикла связаны с психофизиологическими ресурсами и эффективностью социально-психологической адаптации и могут выступать маркерами эффективности адаптационного процесса, состояния адаптационного потенциала личности, служить одним из оснований для выделения этапов адаптационного процесса.

По нашему мнению, именно совместное рассмотрение функциональных, структурных и динамических аспектов и всех уровней протекания адаптационного процесса лежит в основе создания надежных прогностических моделей и формирования системы показателей, чувствительных к динамике адаптационных реакций.

Список литературы

1. *Анциферова Л.И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3 — 18.
2. *Баевский Р.М.* К проблеме оценки степени напряжения регуляторных систем организма // Адаптация и проблемы общей патологии. Новосибирск, 1974. С. 88 — 111.
3. *Березин Ф.Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л. 1988. 270 с.
4. *Богомолов А.М.* Структурно-динамические свойства системы психологической защиты у детей подросткового возраста: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб. 2005. 245 с.
5. *Богомолов А.М.* Структурно-динамические характеристики системы психологической защиты личности // Журнал прикладной психологии. 2004. № 2. С. 2 — 6.
6. *Богомолов А.М., Портнова А.Г.* Связь интенсивности психологической защиты с процессом самореализации в период активного формирования личности // Мир психологии, 2005. № 1(41). С. 248 — 253.
7. *Богомолов А.М., Портнова А.Г.* Структурно-динамическая модель системы психологической защиты личности // Успехи современного естествознания. 2005. № 3. С. 27 — 29.
8. *Богомолов А.М., Портнова А.Г.* Факторы бессознательной защитной активности личности // Ананьевские чтения. 2004. Материалы научно-практической конференции «Ананьевские чтения, 2004» / Под ред. Л.А. Цветковой, Г.М. Яковлева. СПб. Изд-во СПбГУ, 2004. С. 315 — 317.
9. *Воложин А.И., Субботин Ю.К.* Адаптация и компенсация — универсальный биологический механизм приспособления. М., 1987. 176 с.
10. *Дикая Л.Г.* Становление новой системы психической регуляции в экстремальных условиях деятельности // Принцип системности в психологических исследованиях. М.: Наука, 1990. С. 103 — 114.
11. *Каган Е.С., Ким А.Е., Портнова А.Г.* Применение канонического анализа для

- построения нечеткой модели адаптации // Методы и алгоритмы прикладной математики в технике, медицине и экономике: Материалы IV Междунар. науч.-прак. конф., г. Новочеркасск. 23 января 2004 г.: В 4 ч. / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т. Новочеркасск: ЮРГТУ, 2004. Ч. 4. С. 42 – 48.
12. *Казначеев В.П.* Современные аспекты адаптации. Новосибирск, 1980. 192 с.
 13. *Колесов Д.В.* Адаптация организма подростков к учебной нагрузке. М., 1987. 176 с.
 14. *Леонтьев В.Г.* Психологические механизмы мотивации. Новосибирск, 1992. 216 с.
 15. *Медведев В.И.* О проблеме адаптации // Компоненты адаптационного процесса. Л.: Наука, 1984. С. 3 – 16.
 16. *Медведев В.И.* Устойчивость физиологических и психологических функций человека при действии экстремальных факторов. Л.: Наука, 1982. 104 с.
 17. *Намазов В.Н., Жмыриков А.И.* Психолого-педагогические исследования индивидуально-личностных особенностей. М.: Б.И., 1988. 80 с.
 18. *Портнова А.Г.* Возрастная динамика индивидуальных и личностных характеристик учащихся в связи со школьной адаптацией. Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2001. 191 с.
 19. *Юревиц А.Ж., Аверьянов В.С., Виноградова О.В. и др.* Адаптация к профессиональной деятельности // Физиология трудовой деятельности (Основы современной физиологии) / Под ред. В.И. Медведева. СПб., 1993. С. 209 – 284.
 20. *Яницкий М.С.* Адаптационный процесс: психологические механизмы и закономерности динамики. Кемерово: КемГУ, 1999. 84 с.
 21. *Яницкий М.С.* Основные психологические механизмы адаптации студентов к учебной деятельности. Дисс. ... канд. психол. наук. Кемерово, 1995. 144 с.
 22. *Яницкий М.С.* Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 204 с.

РАЗДЕЛ 2.
Социально-психологические
аспекты адаптации

Адаптация населения России к новым условиям и качество жизни

Г.М. Зараковский, Е.К. Казакова

В 1991 г. в жизни российского общества начались, радикальные преобразования, которые продолжают до сих пор. Возникла новая социально-экономическая реальность. Главная ее черта состоит в том, что Россия оказалась не ядром мощной единой страны, а отдельным государством с новой социальной структурой, с иным распределением собственности и природных богатств, с экономикой, основанной преимущественно на рыночных отношениях с большой долей криминальных воздействий, с не очень эффективной властью. Эта ситуация подробно, с приведением большого количества фактических данных, раскрыта в нескольких изданиях, посвященных анализу хода реформ [4, 8, 14, 18]. Применительно к оценке качества жизни населения России основные данные были обобщены во ВНИИТЭ и частично опубликованы [11]. Естественно, в таких условиях большая часть населения России была вынуждена изменять свой образ жизни, находить пути своего выживания (а меньшая часть — процветания), перестраивать свою систему ценностных ориентаций и поведенческих стереотипов, менять профессии (так, в 1990-е годы сменили профессию 40% работников [9]). Все это можно назвать процессом адаптации населения к новым условиям.

Судить о ходе адаптации россиян можно по материалам опросов населения, проводимых в режиме мониторинга Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Аналитическим центром Юрия Левады (Левада-Центр), ROMIR monitoring, по данным периодических целевых социологических исследований, проводимых институтами Российской академии наук — Комплексных социологических исследований, Социально-политических исследований, Социально-экономических проблем народонаселения (ИКСИ РАН, ИСПИ РАН, ИСЭПН РАН) и некоторыми другими организациями, а также по систематически публикуемым Росстатом и российским отделением Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) данным об экономическом и социальном положении россиян.

Рассмотрению динамики состояния населения России за годы ре-

форм посвящено несколько недавно появившихся статей обобщающего характера [9, 12, 13]. Но они носят чисто социологический или экономический характер. Единственная известная нам крупная работа психологического плана выполнена Л.В. Кашириной [10]. Автор изучала в Дальневосточном регионе динамику (по срезам: 1997–2000 – 2003 гг.) социально-психологических состояний больших социальных групп: молодежь, служащие, предприниматели, люди пожилого возраста. Выявлен ряд закономерных изменений в ценностно-мотивационной сфере людей, в их статусных самооценках и социальных установках. Основным теоретическим результатом этого исследования является обоснование понятия «социально-психологическое состояние большой социальной группы» и определение основного условия позитивной динамики этого состояния – приближение к статусно-ролевому идеалу в составе группы. В таблице 1 показано, что представляют собой эти идеалы у различных групп населения Дальнего Востока.

Таблица 1.

Образ идеального социально-психологического состояния у различных социальных групп (N = 2700; % ответов, по [9])

Факторы	Группы			
	Молодежь	Предприниматели	Служащие	Пожилые
Удовлетворение экономических потребностей	84	83	80	82
Достижение престижного статуса	73	81	90	81
Удовлетворение потребности в самореализации	100	100	85	62
Удовлетворение потребности в социальной активности	82	91	58	32

Обращает на себя внимание тот факт, что 100% всех опрошенных молодых людей и всех предпринимателей стремятся к самореализации, а к удовлетворению материальных потребностей меньше – 84% и 83% соответственно. Свои, очень интересные данные с позиций теории адаптации Л.В. Каширина не рассматривала.

Понятие «адаптация» применительно к популяционным исследованиям появилось в работе сотрудников ИСЭПН РАН [2]. Для обобщенной оценки состояния населения ими предложен показатель «адаптационный ресурс населения». Этот показатель включает в себя четыре компонента, каждый из которых имеет пятибалльную шкалу оценок:

1. «Образовательный капитал (ОК)».

ОК = 1 при уровне образования ниже общего среднего.

ОК = 2 при общем среднем образовании.

ОК = 3 при среднем специальном.

ОК = 4 при высшем или незаконченном высшем.

ОК = 5 при наличии ученой степени кандидата или доктора наук.

2. «Профессиональный капитал (ПК)». Его величина определяется путем опроса по самооценке профессионализма.

ПК = 1 при самооценке «низкий».

ПК = 2 при средней самооценке.

ПК = 3 при высокой самооценке.

ПК = 4 при самооценке «высококласный специалист».

ПК = 5 при высокой оценке, дополненной объективной характеристикой — «востребованность на рынке труда».

3. «Информационно-культурный капитал (ИКК)». Его величина определяется по числу элементов, которыми пользуется человек для формирования этого вида «капитала» (чтение книг, газет, посещение театров, музеев, владение иностранными языками). Т. е. ИКК может быть = 1, = 2, = 3, = 4, = 5.

4. «Капитал социальных связей (КСС)». Он характеризует, кто, какую и в какой мере оказывает человеку помощь.

КСС = 1 — если имеется поддержка только от государственных институтов социального обеспечения.

КСС = 2 — если помогают родственники или друзья.

КСС = 3 — если оказывается помощь в решении одной из важных проблем (в получении образования, в поступлении на работу и т.п.).

КСС = 4 — если оказывается помощь в решении 2-х важных проблем.

КСС = 5 — если помощь оказывается в решении 3-х или более важных проблем.

Интегральный показатель «адаптивный ресурс населения» определяется как среднеарифметическая сумма баллов по всем четырем компонентам. Максимально возможное значение равно 20. По результатам обследования выборки объемом около 4000 человек среднее значение этого показателя оказалось равным 8,5. Т. е. адаптивный ресурс населения России в 2001 г. оказался несколько ниже среднего уровня. Естественно, по одному значению о динамике этого интересного показателя судить нельзя. К тому же предложенный показатель «адаптационный ресурс» по смыслу не совпадает с известным в психологии понятием «адаптационный потенциал личности» [15].

Вот на таком уровне разработки проблемы адаптации населения к новым условиям мы провели собственное исследование, результаты которого представляем в настоящей статье. Исходной теоретической позицией в этом исследовании явилось принятое в физиологии и психологии человека понимание сущности адаптации. Наиболее четко ее сформулировал В.И. Медведев [16]. Адаптация — это «...системный ответ организма на длительное или многократное воздействие внешней

среды, направленный на такое изменение структуры гомеостатического регулирования, которое обеспечивает его жизнь и деятельность путем формирования адекватного внешнему фактору первичного ответа и минимизации реакции платы» (16, с. 63). Понятие адаптации относится не только к единичному организму, но и к группе организмов. Более того, автор считает, что «...данное определение адаптации распространяется и на различные формы социальной адаптации, конечно, при точном определении гомеостатического регулирования в сфере социальных отношений» (16, с. 64).

Население России, безусловно, является «группой организмов» в принятом в психологии смысле — «коллективный субъект». Что касается сути гомеостатического регулирования в обществе, то его можно определить как систему социальных институтов и совокупной деятельности людей, обеспечивающую их жизнедеятельность на базовом уровне. Базовый уровень жизнедеятельности — это когда все члены общества живут так, что у них поддерживается высокий психолого-физиологический потенциал и имеется реальная возможность их самореализации как духовных активных существ. Такая возможность возникает тогда, когда люди не должны тратить основные свои силы на борьбу за биологическое выживание, когда они чувствуют себя в безопасности, когда есть условия проявить свою активность в получении хорошего образования, в профессиональной и предпринимательской деятельности, в семейной жизни. Таким образом, базовый уровень жизнедеятельности населения страны и является предметом гомеостатического регулирования в обществе. Этот уровень обеспечивает ту свободу «организма», в данном случае — социума, которая необходима для достижения любого «сверхбазового» уровня жизнедеятельности путем созидательной деятельности людей. Общей характеристикой уровня жизнедеятельности является качество жизни. Именно поэтому мы рассматриваем адаптацию населения в связи с качеством его жизни. Существуют разные трактовки этого понятия. В данной работе принято следующее определение (по [7]):

Качество жизни человека (индивида) — оценочная категория жизни человека, обобщенно характеризующая параметры всех составляющих его жизни: жизненного потенциала, процесса жизнедеятельности и условий жизнедеятельности (инструментов, ресурсов и среды) по отношению к некоторому эталону.

Эталоны качества жизни человека (индивида) — объективные и субъективные критерии соответствия жизненного потенциала, процесса и условий жизнедеятельности человека определенным параметрам.

Объективные критерии — заданные природой критерии удовлетворения первичных (относящихся к биологическому компоненту жизнедеятельности) потребностей и эмпирически установленные

или научно обоснованные базовые (минимальные и максимальные) величины жизненного потенциала, параметров жизнедеятельности и условий ее протекания.

Субъективные критерии – сформировавшиеся в сфере психики человека базовые величины субъективной когнитивно-чувственной оценки удовлетворенности своим жизненным потенциалом, процессом и условиями жизнедеятельности.

Качество жизни социума – оценочная категория жизни социума как коллективного субъекта, обобщенно характеризующая совокупность качеств жизни всех членов социума и социума в целом по отношению к некоторому эталону.

Эталоны качества жизни социума – это объективные, научно или эмпирически обоснованные базовые величины жизненного потенциала социума, параметров жизнедеятельности социума и условий ее протекания, а также обобщенные, сформировавшиеся у преобладающего большинства членов социума субъективные критерии оценки названных компонентов собственной жизни и жизни социума в целом.

Эмпирической базой нашего исследования явились статистические данные из названных выше источников и результаты собственных (ВНИИТЭ) опросов населения России.

Первые, наиболее прямые по постановке вопроса данные относятся к самооценке людьми своей приспособленности к новым условиям. В статье, посвященной анализу сдвигов в общественном сознании россиян с момента начала перестройки, Ю. Левада приводит материалы опроса 1600 человек в январе 2005 г. [12]. В таблице 2 приведены результаты ответа на вопрос «Вы, Ваша семья уже приспособились к переменам, происшедшим в стране в течение последних десяти лет?» Ответы распределены по группам лиц, по-разному ответившими на предыдущий вопрос: «Было бы лучше, если бы все в стране оставалось как в начале перестройки?»

Таблица 2.

Распределение ответов (%) на вопрос о приспособленности к происшедшим в стране изменениям по группам с разным отношением к прошлому (по [12])

Группы по виду ответа на вопрос «Было бы лучше...?»	Варианты ответов		
	Приспособились	Вскоре приспособимся	Никогда не сможем приспособиться
Совершенно согласен (26%)	29	17	38
Скорее согласен (22%)	18	11	24
Скорее не согласен (24%)	29	26	14
Совершенно не согласен (16%)	20	16	8
Затрудняюсь ответить (12%)	15	11	16

Видно, что к 2005 г. приспособились к новым условиям чуть меньше половины опрошенных лиц, как в группе, считающих, что раньше было лучше, так и придерживающихся противоположной точки зрения (сумма процентов первой и второй строк — 47% и третьей и четвертой строк — 49%). Но в первой группе оптимизма в отношении возможности приспособления в будущем значительно меньше, чем во второй группе. Т.е. установка на прошлое даже через 20 лет сказывается на возможности приспособления человека к изменившимся социально-политическим условиям.

Теперь в качестве показателя адаптированности населения к новым условиям рассмотрим субъективную оценку качества жизни. В мае 2005 г. ВНИИТЭ провел опрос населения в 46 регионах России (1600 человек), включив в стандартный набор вопросов Левада-Центра свои два вопроса: первый — «Не могли бы Вы оценить качество своей жизни?» и второй — «Выберите из этого списка не более четырех-пяти целей, к достижению которых Вы сейчас стремитесь и прилагаете для этого большие усилия:

1. Развить себя физически, укрепить свое здоровье — (19,2; 29,2).
2. Развить себя как личность (нравственное самовоспитание, постижение смысла жизни, развитие способностей, улучшение характера) — (20,8; 16,6).
3. Создать или укрепить семью — (12,3; 22,4).
4. Родить детей, воспитать их, дать образование детям или внукам — (24,3; 27,7).
5. Получить хорошее образование — (6,9; 9,3).
6. Получить желаемую профессию или повысить свое профессиональное мастерство — (12; 13,5).
7. Сделать должностную карьеру, повысить свой социальный статус — (10,6; 17,1).
8. Заняться предпринимательской деятельностью или успешно продолжить ее — (3,6; 4,8).
9. Заняться политической деятельностью или успешно продолжить ее — (0,3; 0,9).
10. Заняться общественной деятельностью или успешно продолжить ее — (1,3; 1,9).
11. Заняться творческой деятельностью, не связанной непосредственно с трудом как заработком (искусство, изобретательство, садоводство и т.п.) — (5,4; 6,2).
12. Обеспечить финансовое, имущественное благосостояние себя, своей семьи — (29,9; 53,5).
13. Другие цели — (2,6; 3,1)».

В этом списке против каждой позиции второго вопроса в скобках приведены две цифры: первая — процент лиц, отметивших данную

позицию в аналогичном опросе населения, проведенном ВНИИТЭ в сентябре 2002 г., (N = 1571), вторая — процент лиц, отметивших данную позицию в мае 2005 г. Существенный прирост процентов по ряду позиций, особенно 1, 3, 5, 12, можно рассматривать как проявление роста адаптации населения к новым условиям за последние два с половиной года. Что касается ответов на первый вопрос, то их распределение по позициям представлено в таблице 3. Там же представлены данные по ответам на штатный вопрос Левада-Центра: «Не могли бы Вы сказать, Вы, Ваша семья уже приспособились к переменам, произошедшим в стране в течение последних 10 лет; или думаете, что приспособитесь в ближайшем будущем; или думаете, что так никогда и не сможете к ним приспособиться?»

Таблица 3.

Субъективные оценки качества жизни и приспособленности населения к переменам

Качество жизни		Приспособленность к переменам	
Позиция	%%	Позиция	%%
Высокое	0,5	Приспособились	56,5
Хорошее	11,5	Приспособимся в ближайшем будущем	18,6
Удовлетворительное	55,7		
Плохое	25	Никогда не сможем приспособиться	22,0
Очень плохое	6,4		
Затрудняюсь ответить	0,8	Затрудняюсь ответить	2,9

Оказалось, что процент тех, кто оценивает свое качество жизни как плохое и очень плохое, несколько больше (на 7,4%), чем тех, кто считает, что никогда не сможет приспособиться (31,4% против 22%). Но все равно, почти четверть населения не видят перспективы в плане адаптации к новым условиям.

По массиву первичных данных были рассчитаны коэффициенты корреляции между уровнем приспособленности к переменам, с одной стороны, и качеством жизни и другими факторами, представленными в блоке вопросов мониторингового опроса населения. Значения достоверных значений коэффициентов корреляции (порог для $p < 0,001 - 0,1$; для $p < 0,05 - 0,07$) приведены в таблице 4.

Видно, что уровень приспособленности коррелирует с субъективной оценкой качества жизни. Он напрямую связан с успехами в предпринимательской деятельности, в укреплении здоровья, с достижениями в профессиональной карьере и с активным стремлением к достижениям в семейной жизни, в образовании. Обратная связь выявилась с показателем пассивности — отсутствием у человека значимых жизненных целей. В общем можно говорить о довольно высоком уровне

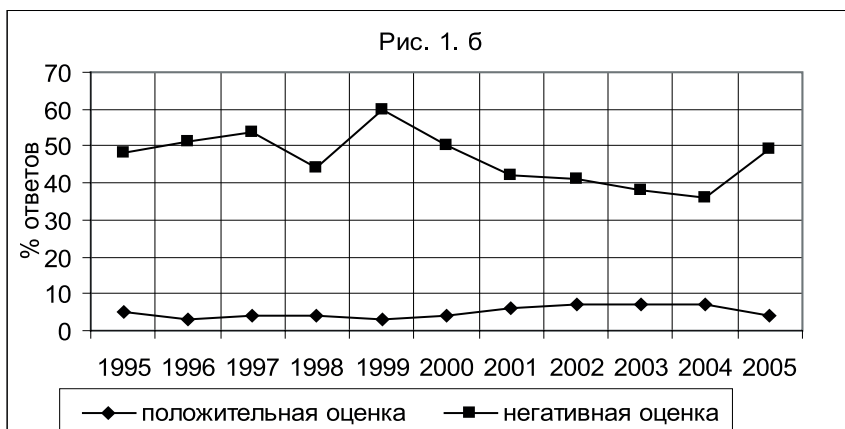
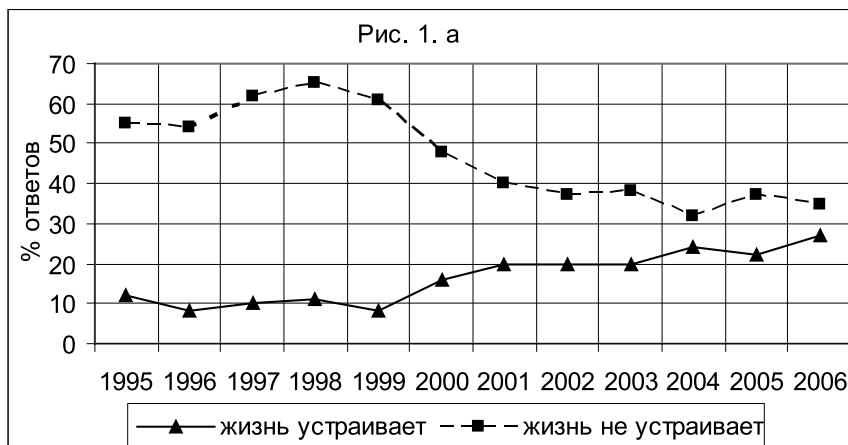
Таблица 4.

Значения коэффициентов корреляции уровня приспособленности семьи к переменам с другими показателями по данным опросов населения в сентябре 2002 г. и в мае 2005 г.

Показатели	2002 г.	2005 г.
Субъективная оценка качества жизни	-	0,290
Имеются достижения в укреплении здоровья	0,082	-
Имеются достижения в профессиональной карьере	0,073	-
Имеются достижения в предпринимательской деятельности	0,086	-
Стремятся к рождению детей, их воспитанию, образованию	0,054	0,125
Стремятся получить хорошее образование	-	0,140
Стремятся получить желаемую профессию	0,093	0,075
Стремятся интересно проводить досуг	0,080	-
Нет цели, к достижению которой прилагал бы усилия	- 0,045	- 0,71
Затрудняюсь дать ответ	- 0,114	- 0,70

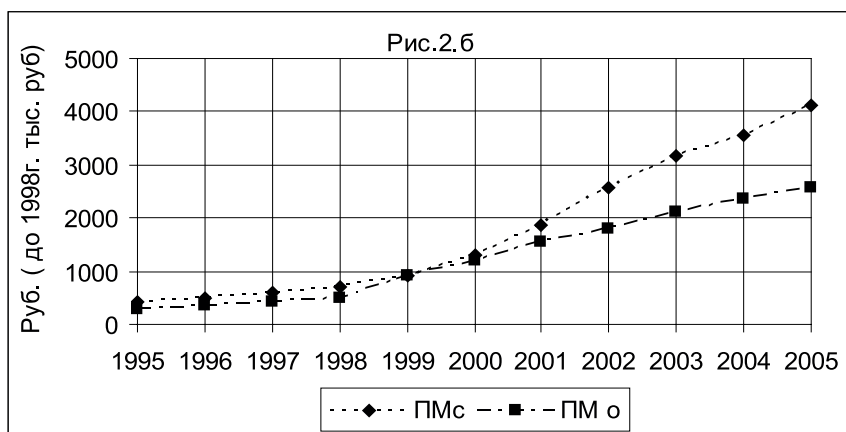
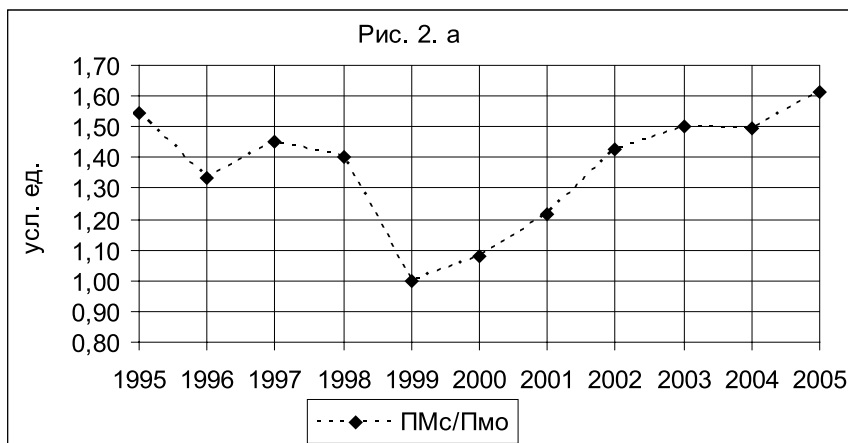
адаптации части населения уже к 2002 г. И этот процесс продолжался в 2005 г. Причем адаптивность явно связана с психологическим потенциалом личности, индикатором которого является активность достижения. Интересно, что связь приспособленности с достижениями в сфере материального благосостояния оказалась слабой: коэффициент корреляции уровня приспособленности с достижениями в повышении благосостояния своей семьи в 2002 г. был равен 0,059; со стремлением к достижениям в этой области в 2002 г. он был равен 0,063, а в 2005 г. — 0,060.

Но связь субъективной оценки качества жизни с материальным благосостоянием, безусловно, является сильной. Об этом свидетельствуют результаты некоторых опросов населения. Аналогом оценки качества жизни можно считать ответ на вопрос: «Если говорить в целом, в какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?», задаваемый респондентам старым ВЦИОМ, теперь — Левада-Центром, начиная с 1995 г. Одновременно задавался вопрос о материальном благополучии: «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?» [5]. По этим данным можно судить о соотношении между оценками качества жизни и благосостоянием граждан в динамике на протяжении 10 лет. В обобщенном нами виде они представлены на рисунке 1. Видно, что графики полярных оценок — позитивных и негативных качества жизни и благосостояния семьи в целом близки по своей динамике. Количество лиц, негативно оценивающих обе характеристики жизни, начало довольно круто снижаться после 1999 г. Негативные оценки доминируют над позитивными на протяжении всего периода наблюдения. Но есть и существенные различия. Во-первых, пик негативных оценок материального положения приходится на 1999 г. Это явно реакция на имевший место в 1998 г. дефолт, сопровож-

давшийся обесцениванием денег и другими финансовыми потерями для большинства населения. Что касается общей оценки жизни, то она столь явно с дефолтом не связана. Самое существенное состоит в том, что наблюдается постоянный рост позитивных оценок жизни начиная с 2000 г., несмотря на отсутствие такой же динамики в оценке материального благополучия. Это свидетельствует в пользу прогресса психологической адаптации населения.

Субъективная оценка качества жизни и уровня приспособленности к определенным условиям жизни в значительной мере зависят от того субъективного эталона, по отношению к которому человек дает оценку. О том, какие эталоны существуют в сознании населения России и как они изменялись на протяжении рассматриваемого периода, можно судить по результатам исследований материального положения российских семей.

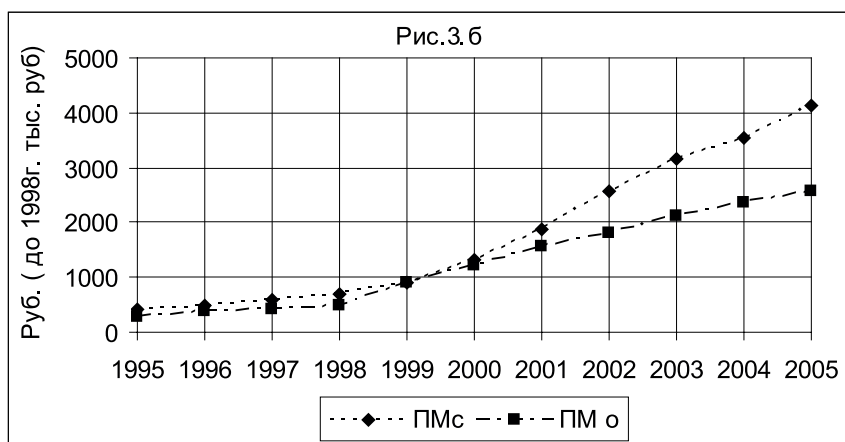
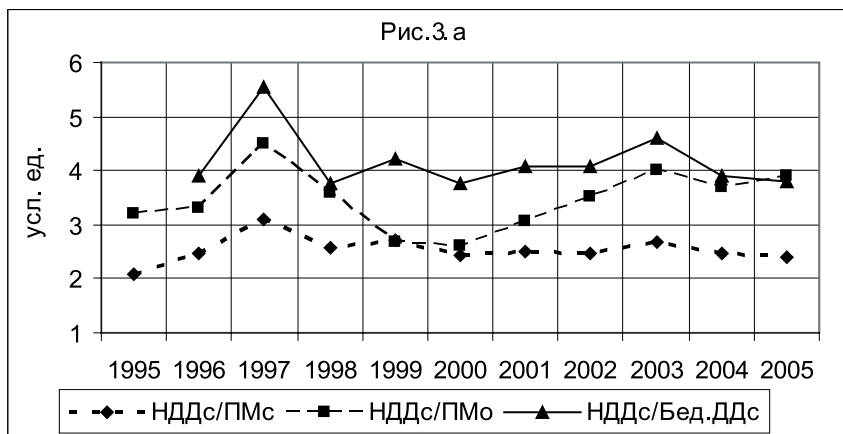
Каждый человек субъективно определяет для себя эталон качества жизни, который находит выражение и в денежном эквиваленте. Основываясь на результатах исследований ВЦИОМ, публикуемых в журнале «Вестник общественного мнения», за базовый эталон качества жизни в этом аспекте можно принять представление о доходах на одного члена семьи, при котором «можно жить нормально» (НДДС). Вторым субъективным эталоном качества жизни может быть представление о величине среднемесячного прожиточного минимума одного человека (ПМс). Другими эталонами могут служить представления населения о том, при каких доходах человека можно считать бедным (ДДБед.с.), а при каких — богатым (ДДБог.с.).

Данные, характеризующие динамику прожиточного минимума с 1993 по 2005 гг., представлены на рисунке 2. Видно, что субъективное представление о величине прожиточного минимума в целом, за исклю-

чением 1999 г., превышает величину объективного прожиточного минимума. Причина этого различия кроется, видимо, в том, что население в число жизненно важных включает более широкий спектр потребностей, чем предусмотрено в объективном прожиточном минимуме. Жизненно важными человек считает не только материальные, но и определенные духовные потребности. Кривая динамики отношения субъективного и объективного прожиточных минимумов имеет минимум в 1999 г., с последующим выходом в течение двух лет на относительно постоянный уровень, имевший место в 1995–1998 гг. (рисунок 2а). При этом абсолютные значения обоих прожиточных минимумов постоянно росли, особенно быстро — после 1998 г. (рисунок 2б). Такая закономерность близка к известному в психофизиологии закону Вебера-Фехнера. Что же касается резкого снижения величины субъективного прожиточного минимума в 1999 г., то он, несомненно, связан с дефолтом, имевшим место в 1998 г. В условиях значительного падения стоимости рубля и увеличения цен люди заметно понизили уровень своего субъективного эталона прожиточного минимума. По-видимому, соотношение ПМс/ПМо может служить индикатором стабильности психического состояния общества. В условиях стабильности это соотношение сохраняется относительно постоянным, а при возникновении психологического дискомфорта оно нарушается.

Динамика базового субъективного эталона, т. е. представления людей о величине дохода, необходимого для нормальной жизни (НДДс), представлена на рисунке 3. Отношение НДДс и к обоим видам прожиточных минимумов, и к субъективному представлению об уровне бедности имеет пик в 1997 г. В дальнейшем это отношение, применительно к субъективным эталонам, сохраняется постоянным. Применительно к объективному прожиточному минимуму оно снизилось после года дефолта. С чем связано повышение эталона нормальной жизни в 1997 г., неясно. Но его падение в 1999 г. подтверждает предположение о дестабилизирующем воздействии дефолта 1998 г. на психику большинства населения. Это событие в социально-экономическом развитии страны повлияло на ход адаптации. Адаптация населения — не плавный процесс, на него наслаивается ситуационная саморегуляция психического состояния и поведения общества.

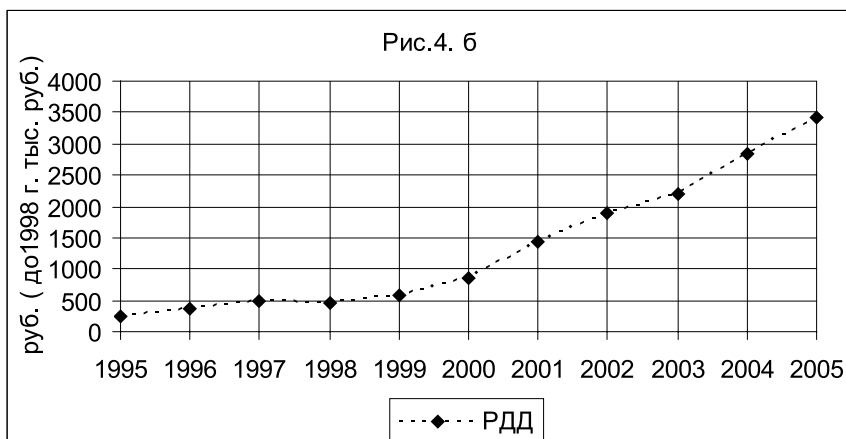
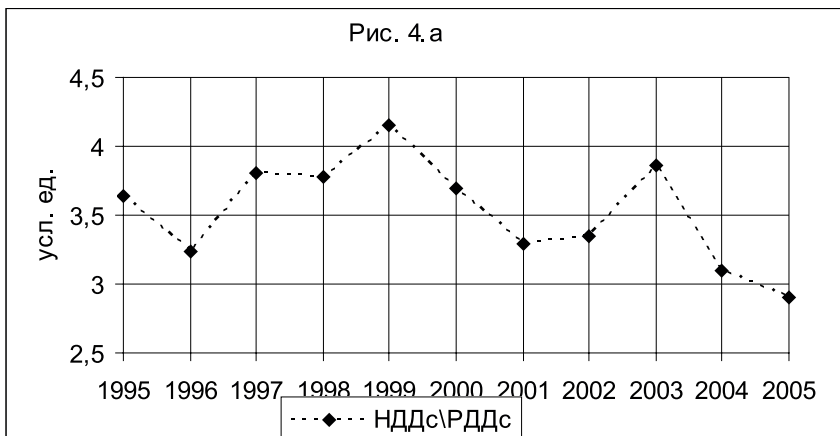
Динамика изменения субъективного эталона дохода, необходимого для нормальной жизни, и динамика абсолютной величины располагаемого душевого дохода (РДД) представлены на рисунке 4. РДД — это уже не эталон, а сама реальность, то есть фактический средний денежный доход населения. (Следует иметь в виду, что в опросах, проводимых ВЦИОМ, потом Левада-Центром, слой очень богатых людей не участвовал). Графики показывают, что при постоянном росте доходов субъективный эталон дохода нормальной жизни испытывал колебания. Но общая тенденция заключается в том, что величина этого отношения

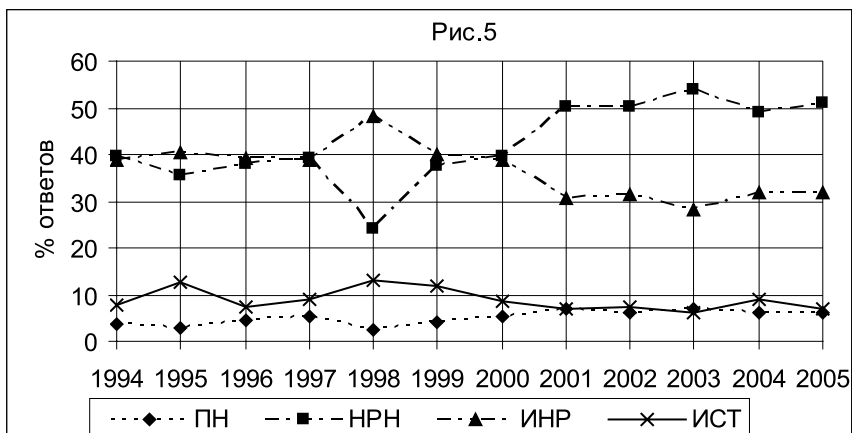
постепенно снижается. Налицо постепенное приближение материального благосостояния населения к уровню нормальной жизни. Разумеется, такая динамика должна способствовать адаптации основной массы граждан России к новым условиям.

В целом, анализ данных о динамике субъективных представлений населения о разных уровнях доходов свидетельствует о том, что у людей существует довольно стойкое представление об «материальном» эталоне качества жизни — нормальном уровне денежных доходов, который отличается в определенное число раз от богатого, бедного среднедушевого дохода и от прожиточного минимума.

О ходе адаптации населения можно судить по динамике его эмоционального состояния. В опросах Левада-Центра (бывший ВЦИОМ), проводимых в мониторинговом режиме, присутствует такой вопрос: «Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?». Воз-

возможные ответы: «Прекрасное настроение» (ПН), «Нормальное, ровное настроение» (НРН), «Испытываю напряжение, раздражение» (ИНР), «Испытываю страх, тоску» (ИСТ). В обобщенном виде результаты опросов населения с 1994 по 2005 гг. (по материалам журналов «Мониторинг общественного мнения» и «Вестник общественного мнения») представлены на рисунке 5. Графики показывают, что в течение 11 лет имели место вполне определенные изменения в процентных распределениях разных видов ответов. Количество граждан с нормальным, ровным настроением до 1998 г. составляло около 40%. В 1998 г. произошло резкое падение этого показателя — до 24% (дефолт!). Затем значение показателя стало расти и, начиная с 2001 г., стабилизировалось на уровне 50%. Количество граждан, испытывающих напряжение, раздражение по отношению к НРН, имеет противоположную динамику. После 2001 г. относительное количество таких граждан стабилизировалось

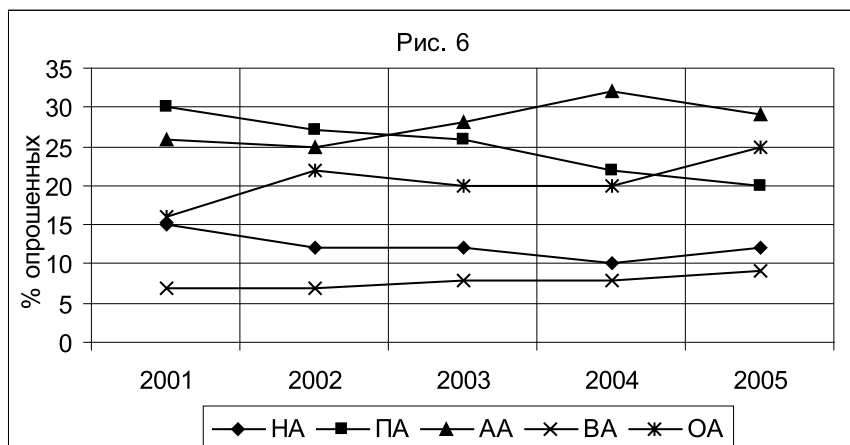
на уровне 30%. Кривые, отображающие количество граждан, имеющих прекрасное настроение (таких меньшинство) и испытывающих страх, тоску постепенно сближались и стабилизировались на уровне пяти — семи процентов. Налицо позитивная динамика эмоционального состояния населения. Хотя более трети населения по-прежнему испытывают напряжение, раздражение, страх или тоску.

В опросах, приводимых Левада-Центром, в зависимости от вида ответа на вопрос о приспособленности к условиям жизни фактически выделяются пять типов граждан:

- не адаптированные граждане (НА) — «Я никак не могу приспособиться к этой жизни»;
- пассивно адаптированные (ПА) — «Я свыкся с тем, что пришлось отказаться от привычного образа жизни; жить, ограничивая себя в большом и малом»;
- активно адаптированные (АА) — «Мне приходится "вертеться", хвататься за любую возможность заработать, лишь бы обеспечить себе и близким терпимые условия для жизни»;
- высоко адаптированные (ВА) — «Мне удалось использовать новые возможности, чтобы добиться большего в жизни»;
- не нуждающиеся в адаптации (отрицающие адаптацию [ОА]) — «Я живу, как и раньше, для меня ничего особенно не изменилось».

По данным, имеющимся в журнале «Вестник общественно мнения» за 2001—2005 гг., построены графики, представленные на рисунке 6.

Как видно, за 4 года группы неадаптированных и пассивно адаптированных граждан существенно уменьшилась, а группы активно адаптированных и высоко адаптированных увеличилась. Положительная тенденция очевидна. Количество высоко адаптированных и активно адаптированных в 2005 г. составило 38%, а совершенно не адаптирован-

ных — 12%. Постепенно уменьшается группа пассивно адаптированных граждан (примерно с 30% до 20% за 4 года). Судя по ходу кривых, положительная динамика будет продолжаться. Следует отметить, что процент граждан, живущих сейчас на уровне бедности (денежные доходы меньше прожиточного минимума) составляет, по разным источникам, 23%—30%, т. е. их больше, чем неадаптированных граждан. Это свидетельствует о том, что часть бедного населения смирилась со своей жизненной ситуацией и не проявляет активности для улучшения своей жизни. По разным источникам и по разным критериям оценки (см., в частности, таблицу 3) таких пассивных людей среди взрослого населения от 12% до 25%. Считать их адаптированными или не адаптированными, неясно. Наверное, следует считаться с той стратификацией российского общества, которая складывается после распада Советского Союза [8]. Произошло резкое расслоение населения на классы богатых, среднеобеспеченных и бедных людей со своими своеобразными образами жизни, со своими субъективными эталонами качества жизни и, следовательно, со своими критериями адаптированности. Эти критерии надо разделить на субъективные-оценочные и психологические объективные. Субъективные критерии — социальное самочувствие. Судя по приведенным выше данным (рисунок 5), неадаптированных граждан по этим критериям в настоящее время около 10%. Объективные (психологические объективные!) критерии — уровень трудовой, предпринимательской и прочей созидательной активности населения, условием которой является системная адаптация в виде определенной перестройки базового состояния общества.

Одним из показателей адаптации в этом смысле может служить установка людей на эффективную трудовую деятельность. Значения названного показателя получены в исследованиях ИКСИ РАН, проводимых в режиме мониторинга начиная с 1994 г. [13]. Опросы проводились

по квотно-пропорциональной всероссийской выборке в 12 регионах (N респондентов равно примерно 1700). Изучались суждения респондентов о жизни в стране. Среди вопросов-утверждений были два, характеризующие трудовую установку. Первый: «Сколько не работай, материального благополучия себе не обеспечишь», второй: «Сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие». Процент респондентов, согласившихся с первым утверждением, постепенно уменьшался: с 70% в 1994 г. упал до 43% в 2005 г. Динамика согласия со вторым утверждением имела противоположный характер: процент ответов возрос с 20% до 38%. Эти данные можно трактовать как свидетельство роста объективной адаптированности населения к новым условиям. В другом исследовании ИКСИ РАН есть еще несколько показателей, которые можно считать объективными показателями адаптации населения [3]. Такими показателями являются суждения граждан относительно понятий, связанных с бизнесом. Так, слово «приватизация» в 2000 г. воспринимали положительно 25% респондентов (N=1750), а отрицательно — 75%. В 2005 г. соотношение изменилось: 39% и 61% соответственно. Слово «предприниматель» воспринимали положительно: в 2000 г. — 53,6%, а в 2005 г. — 70% респондентов. Налицо сдвиг менталитета населения в сторону ценностей предпринимательской деятельности — основного фактора роста экономики страны в настоящее время.

Приведенные данные следует обобщить с позиций принятой нами парадигмы в виде физиолого-психологической трактовки сущности адаптации россиян к изменяющимся условиям жизни. В той парадигме ключевое значение имеют два эффекта организма или группы организмов на воздействие внешних факторов: реакция первичного ответа и реакция «платы» за перестройку системы гомеостатического регулирования внутренней среды организма. Население России в этой терминологии представляет собой организованную определенным образом большую группу «организмов» — социум.

Итак, в чем состоит первичный ответ российского социума на резкое изменение социально-экономических условий? Он неоднозначен. В начальной стадии этих изменений меньшая часть населения отреагировала агрессивными действиями, направленными на приобретение по бросовой цене или на прямой захват общенародной собственности с последующим ее преобразованием и использованием в интересах, прежде всего, личного обогащения. К меньшей части населения относится и та группа граждан, активность которой была направлена главным образом на вхождение во власть. Большая часть населения отреагировала перестройкой направленности и содержания своей деятельности, имеющей целью выживание в создавшихся неблагоприятных условиях. В начале 90-х годов сменили свою профессию 40% трудоспособного населения, а некоторая часть этой группы населения пошла по пути нелегальной, в том числе, криминаль-

ной деятельности. Одновременно у многих людей произошли изменения в системе ценностных ориентаций, в мировоззрении и бытовом поведении. Эти изменения психологического порядка носили скорее деструктивный, чем конструктивный для общества в целом характер.

Реакция «платы» за перестройку системы саморегуляции общества в виде первичного ответа заключалась, во-первых, в обнищании значительной части населения и сверхобогащении меньшей, агрессивной части населения; во-вторых, в размывании моральных устоев общества, в распространении коррупции, в резком снижении управляемости государством (а это — один из главных инструментов адаптивного гомеостазирования общества), в снижении социального самочувствия населения.

Первичный адаптационный ответ населения в описанной форме продолжался примерно до 2001 г. Есть основания считать, что, начиная с этого года, адаптация перешла во вторичный ответ, т. е. в постепенную стабилизацию общества на новом гомеостатическом уровне. Для подтверждения этого, в дополнение к описанным выше материалам, приведем некоторые данные из последних социо-психологических работ. А.Л. Андреев на основании материалов исследования, проведенного в марте-апреле 2005 г., пишет: «Судя по полученным данным, за последнее время (по крайней мере, по сравнению с 2000 г.) бурно проявлявшаяся на протяжении 90-х годов деморализация общества приостановилась, и в массовом сознании наметились обратные процессы» [3, с. 22]. ВЦИОМ, подводя социально-психологические итоги 2005 г., прямо в заголовок своего сообщения вынес фразу: «Оптимистов в России становится больше» [6]. Подтверждает этот вывод и Левада-Центр: «На безысходность стали жаловаться почти вполтину меньше россиян — всего 12% (22% — 11 лет назад)» [7].

Дальнейшая адаптация населения России к новым условиям, по видимому, будет происходить в форме того процесса, который мы в рамках принятой парадигмы называем вторичным ответом. Но содержание и направленность этого процесса в различных социальных группах общества должны быть разными. Причем наиболее критичными в этом отношении являются не наиболее массовые слои населения, а те, которые властвуют или владеют мощными финансовыми рычагами. Нельзя не согласиться с одним из выводов уже цитированного исследования ИКСИ РАН, касающегося коррупции: «Вместе с тем носители тех форм сознания и поведения, которые в силу их наибольшего соответствия либерально-рыночным принципам принято считать и наиболее “современными”, вопреки идеологической риторике, демонстрируют не максимум, а минимум социальной ответственности, менее других склонны поддерживать морально-правовые устои цивилизованного социального порядка» [3, с. 23].

В заключение необходимо сказать о том, что процессы, происходящие в нашем обществе, в сознании и поведении людей, обусловленные происходящими в стране трансформациями, нельзя понять, рассматривая их только как адаптационные процессы. Мы в данной статье ввели это ограничение, дабы не утонуть в «дурной бесконечности». В дальнейшем, на наш взгляд, для психологического анализа происходящих в стране изменений помимо концепции адаптации полезно использовать концепцию смысловой регуляции поведения индивида и социума [1].

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. *Аврамова Е., Логинов Д.* Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения. Информация, анализ, экономические и социальные перемены. 2002. № 3. С. 13–17.
3. *Андреев А.Л.* Концепт собственности в современной российской ментальности // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 4. С. 17–28.
4. Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад. М.: ИКСИ РАН, 2004 // <http://www.ispr.ru/SOCOPROS/socopros700.html>.
5. Вестник общественного мнения. 2005. № 1. 2006. № 1.
6. ВЦИОМ – Пресс выпуск № 371 // <http://www.wciom.ru/?pt=9&article=2183>.
7. *Зараковский Г.М.* Психологическое измерение качества жизни населения России // ЧФ Проблемы психологии и эргономики. 2006. № 1.
8. *Заславская Т.И.* Социентальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002.
9. *Капелюшников Р.* Человеческий капитал России: эволюция и структурные особенности // Вестник общественного мнения. 2005. № 4. С. 46–53.
10. *Каширина Л.В.* Динамика социально-психологических состояний больших социальных групп. М.: Изд-во РАГС, 2004.
11. *Кулайкин В., Зараковский Г. М., Задесенец Е.* Доктрина государственного регулирования качества жизни населения России как концептуальная основа реализации главной стратегической цели социально-экономического развития страны // Поволжский вестник качества. 2005. № 1. С. 10–17.
12. *Левада Ю.* Двадцать лет спустя: перестройка в общественном мнении и в общественной жизни. Неюбилейные размышления // Вестник общественного мнения. 2005. № 2. С. 8–16.
13. *Левашов В.К.* Тревоги общества и доверие к государственной власти // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 4. С. 28–35.
14. *Львов Д.С.* Экономика развития. М.: Экономика. 2002.
15. *Маклаков А.Г.* Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. № 1. С. 16–24.
16. *Медведев В.И.* Адаптация человека. СПб.: Институт мозга человека РАН, 2003.
17. Московский комсомолец. 9.04.2006.
18. Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник (Председатель редакционного совета – С.М. Миронов). Вып.1. М.: ИНИОН РАН, 2005.

Феномены самоопределения личности и группы в экономической среде

А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко

Введение. Одним из важных результатов активного изучения отечественными психологами адаптации различных групп населения современной России к новым экономическим, политическим и в целом социальным условиям стало выявление и описание множества чрезвычайно интересных социально-психологических феноменов и закономерностей. Часть из них представляет пример отношения и поведения субъектов, противоречащих как реальным внешним условиям, так и их экономическим интересам. Нередко причиной низкой социальной адаптированности человека к новым условиям выступает расхождение между главным направлением изменения внешней среды и основными жизненными целями и идеалами личности. Кроме того, объективные показатели внешней социальной среды могут значительно отличаться от субъективных показателей ее восприятия, например, от социально-психологического пространства личности, которое в наибольшей степени детерминирует поведение субъекта.

Эти факты заставляют по-новому задуматься над результатами многих экономико-психологических исследований, выполненных в последние годы. Потребность выделения теоретического основания для их объяснения привела нас к использованию традиционного для отечественной психологии понятия — «самоопределение», под которым понимается поиск субъектом своего способа жизнедеятельности в мире на основе воспринимаемых, принимаемых или формируемых (создаваемых) им во временной перспективе базовых отношений к миру, другим людям, человеческому сообществу в целом и самому себе. Целью, содержанием и результатом такого поиска выступает собственная система жизненных смыслов и ценностей, принципов и идеалов, возможностей и ожиданий субъекта. Рассмотрение парадоксов социальной и экономической активности с позиций анализа жизнедеятельности автономного, активного, ответственного, рефлексизирующего и способного к произвольной регуляции субъекта позволяет достаточно точно объяснить их причины как закономерных явлений

его самоопределения. Часть из выделенных закономерностей — феноменов или эффектов самоопределения субъекта — не была ранее описана исследователями, другие, хотя и были известны, тем не менее по самым разным причинам не использовались для интерпретации полученных эмпирических данных.

Проанализированная ниже совокупность феноменов самоопределения личности и группы была выделена в результате не только проведения собственных эмпирических исследований, но и переинтерпретации данных, полученных другими исследователями. Ограничение совокупности ниже рассматриваемых феноменов определялось, с нашей точки зрения, их важностью (показательностью) для понимания и презентации самоопределения, а также перспективностью для дальнейших исследований.

Необходимо отметить также практическое значение анализа этих феноменов и стоящих за ними закономерностей. В частности, они со значительной долей уверенности позволяют оценивать личностное, групповое и общественное значение некоторых характеристик духовно-нравственной и ценностно-смысловой сферы субъекта, самоопределяющегося в экономической среде. Так, на их основе становится возможным утверждать, что некоторые особенности этой сферы, на первый взгляд, парадоксальные, на самом деле являются естественными, нормальными для конкретного этапа, типа или субъекта самоопределения. В отличие от них другие особенности ценностно-смысловой сферы субъекта могут являться нежелательными по критерию успешности самоопределения в экономической среде, а третьи носят временный характер, являются «болезнью роста». Опираясь на выделенные феномены, можно в некоторой степени прогнозировать изменение ценностей, целей, мотивов и т.п. у субъекта в ходе его экономической социализации или адаптации.

Ценностно-смысловая рациональность экономического поведения (или феномен ценностного обусловливания выбора—отвержения субъектом типа экономической активности). До недавнего времени «максимизация полезности» считалась основополагающим принципом принятия экономических решений. Поведение, не соответствующее этому принципу, считалось «нерациональным», особенно в экономической науке. В последние десятилетия можно отметить продвижение научной мысли в сторону учета особенностей восприятия, мышления, памяти, эмоций и т.п. человека при анализе его экономического поведения. Так, совершившие переворот в научных представлениях экономистов и психологов нобелевский лауреат в области экономики Д. Канеман и А. Тверски в своих исследованиях предложили подход к объяснению принятия решений в условиях риска, исходя из

анализа субъектом ценности и вероятности существующих альтернатив [9]. И хотя, как отмечают некоторые авторы, ограниченную рациональность не следует сводить к программе когнитивных исследований эвристик и предвзятостей [16, с. 89], никакие другие виды рационального экономического поведения при этом по-прежнему не рассматривались в качестве альтернативы привычным подходам к объяснению получаемых результатов. По нашему мнению, такой альтернативой, в частности, может выступать *ценностно-смысловая рациональность*. Этот вид рациональности заключается в том, что субъект *считает разумным принимать решения и поступать сообразно наиболее значимым для него ценностям, смыслам, идеалам, целям и принципам*.

В то же время, явление выбора или отвержения конкретного типа экономической активности с опорой не только на экономическую целесообразность или оценку своих возможностей и потребностей, но также и на смысло-жизненные и ценностно-нравственные ориентиры нередко обнаруживалось в ходе или результате исследований. В их ряду, в частности, представлены *типологии отношения личности к определенным социально-экономическим явлениям и видам экономической активности*.

Так, А.Л. Журавлев по трем оцениваемым параметрам — психологической готовности, системе знаний и умений и степени реальной активности — в начале 1990-х годов выделил следующие 9 социально-психологических типов отношения к экономическим нововведениям: «активные реформаторы», «пассивные реформаторы», «пассивно-положительно относящиеся к нововведениям», «преодолевающие себя», «неэффективно действующие», «выжидающие», «слепые исполнители», «пассивные консерваторы», «активные консерваторы» [4, с. 9]. Каждый из перечисленных типов отношения и экономического поведения обуславливается не только сложившимися социально-экономическими условиями, но во многом и оценкой своих способностей, возможностей и мотивацией субъекта. Мотивация же при этом определяется теми смыслами, ценностями и идеалами, которые воплощают и утверждают или, напротив, опровергают и отрицают, по мнению субъекта, предлагаемые обществу экономические реформы.

В работе А.Д. Карнышева и Т.Д. Бурменко мотивация приобретения собственности рассматривается в качестве одного из критериев группирования экономической активности. Условные названия выделенных в ходе теоретического анализа типов современных российских собственников («захватчики», «скопидомы», «несведущие», «рационалы», «филантропы», «транжиры», «ниспровергатели») отражают как мотивы приобретения, так и приемлемые способы получения и направления использования собственности [10]. Недавние эмпирические исследования М.И. Горшкова, Н.И. Тихоновой, А.Л. Андреева и С.В. Горюновой демонстрируют тесную связь отношения к собст-

венности с ценностями и идеалами субъекта [17]. В ходе анализа названные авторы выделили четыре типа отношения к собственности современных россиян. По их данным, около 11% выборки относятся к группе принципиальных и последовательных «противников частной собственности». Представители группы «последовательные традиционалисты» (16%) относятся к частной собственности в основном нейтрально, толерантны к явлениям и понятиям «собственность» и «предприниматель». Они считают, что собственность дает свободу, а не закабляет человека. Однако, допуская существование частного бизнеса, прежде всего малого, в массе своей они все-таки сторонники доминирования государственной собственности. Почти треть населения современной России (31%) составляют группу «модернистов», которые в подавляющем большинстве позитивно относятся к частной собственности — ко всем ее видам, допуская, в частности, существование на территории России предприятий, принадлежащих иностранным фирмам. «Промежуточная группа» является наиболее массовой (42%) и занимает переходное положение между «последовательными традиционалистами» и «модернистами» [17]. Авторы исследования отмечают, что три группы отношения к собственности «связаны с эволюцией собственно рыночных отношений, соответствуя различным этапам данной эволюции, и одна группа стоит особняком, репрезентируя рудименты официальной идеологии советской эпохи» [17, с. 6].

Высоко оценивая результаты приведенного исследования, следует, однако, с осторожностью относиться к прогнозам динамики социальных установок «промежуточной группы» и к оценке принципиального и последовательного неприятия собственности как рудимента уходящей эпохи. Так, особенности российского менталитета, а также отечественные и мировые социально-экономические процессы могут привести, например, к тому, что группа «противников частной собственности» не только не исчезнет, а начнет, как это уже бывало и в России, и в ряде других экономически развитых стран, прирастать новыми представителями — молодыми людьми, в том числе и выходцами из обеспеченных социальных слоев. Динамика отношения «промежуточной группы» тем более не поддается прогнозированию без опоры на глубокий анализ системы жизненных ценностей, смыслов, идеалов, ожиданий и перспектив этих людей, а также того, какое место собственность занимает в этой системе, т. е. прогнозирование невозможно без анализа детерминант ценностно обусловленного выбора типа экономической активности.

Ценностно обусловленный выбор связан со многими видами экономических отношений и экономической активности субъекта: самообеспечением, экономическим обменом, потребительским поведением и т. д. Широко известен целый ряд феноменов, связанных с ценностно-смысловыми характеристиками потребления, например: эффект

престижного потребления, «эффект Веблена», эффект сакрального потребления и т.п. [22]. Пример ценностно обусловленного потребительского поведения обнаружим в работах А.Н. Лебедева в виде явно-го приоритета продукции отечественного производителя [13].

Однако эффекты ценностно-смыслового выбора могут проявляться и в форме отказа от потребления — демонстративное или скрыто принципиальное отвержение тех или иных товаров или услуг. Так, в исследовании А.Б. Купрейченко, посвященном восприятию юмористической рекламы, выявлено демонстративное отвержение потребителями товаров, реклама которых воспринимается как неэтичная [12]. Наиболее простой пример отказа от использования товаров, символическое значение которых противоречит ценностям, принципам и убеждениям, может быть выражен следующим образом: «Я принципиально не ношу брюки определенного цвета или фасона (или юбки определенной длины) и т. п.». Внутренняя «цензура» может не позволять человеку приобретать конкретные книги, газеты, журналы, музыкальные записи или технические новинки. Это также могут быть определенные продукты питания, лекарства, виды проведения досуга и мн. др. Часть людей может сознательно отвергать их по своим убеждениям. Другие, отказываясь от потребления определенных товаров и услуг, выражают пассивное отношение. Не задумываясь о причинах, они следуют своим привычкам. Таким образом может проявляться так называемый «этический навык». Третьи демонстрируют предпочтение или отвержение определенного экономического поведения для того, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к определенной группе (этнической, религиозной, политической и т.д.). В каждом конкретном случае имеет место различный по своей мотивации и ценностно-смысловому значению тип потребительского поведения.

Таким образом, ценностно-смысловая рациональность экономической активности может проявляться в самых различных формах: в разной степени осознаваемой и неосознаваемой, пассивной, активной и даже демонстративной и т.д. Примером неосознаваемого отказа от определенного типа экономической активности выступает известный феномен «вынужденного предпринимательства» или «предпринимательства поневоле». Как показало, в частности, исследование Е.Б. Филинковой, у предпринимателей такого типа имеет место низкая удовлетворенность своей деятельностью [19, с. 214]. Подобное отношение может оказывать влияние на результаты деятельности и приводить со временем к смене формы экономической активности.

Анализ экономических отношений и экономической активности с точки зрения субъективных смыслов и мотивов самоопределяющегося субъекта может иметь большое научно-практическое значение. Так, перспективной научно-исследовательской и одновременно социально-практической задачей является определение престижных или,

напротив, недопустимых видов материального самообеспечения для представителей различных социальных групп. Знание подлинной ценностно-смысловой основы отказа от потребления позволяет существенно пополнить данные о закономерностях вовлечения в процесс потребления людей, не являющихся пользователями определенных видов товаров и услуг. Для построения долгосрочных прогнозов в сфере занятости или потребления важно выявить и адекватно оценить тенденции развития социальных институтов и отдельных групп общества, которые могут определять те или иные ограничения в выборе экономической активности для своих членов. Например, практически важно знать, будет ли в ближайшем будущем запрещено или разрешено членам определенных этнических групп или религиозных конфессий воспользоваться теми или иными видами медицинского вмешательства, продуктами питания, техническими средствами, формами образования и т.д. Необходимо также знать, какие существуют, а как будут изменяться ограничения на конкретные виды трудовой и экономической активности представителей различных социально-демографических групп (например, каков будет перечень приемлемых профессий, форм и правил экономической деятельности женщин или мужчин).

Как уже было сказано, основанием для ценностно-обусловленного выбора-отвержения типа экономической активности служит определенная система жизненных смыслов, ценностей, идеалов, принципов и мотивов личности. В ряде случаев эта субъективно значимая система может быть близка к ценностям и идеалам определенного общества или конкретной исторической эпохи, в том числе и тех, в которых человек не жил. Этот интересный феномен, названный нами «эффектом воспроизводства субъектом ценностной системы другой исторической эпохи», заслуживает специального анализа.

Эффект воспроизводства субъектом ценностной системы другой исторической эпохи. Нередко выявляются случаи, когда субъект в ходе своей жизнедеятельности активно ориентируется на ценности, являющиеся типичными для прошедших периодов не только его собственной жизни, но и даже жизни человеческого сообщества. В этом случае его ценностные идеалы не соответствуют ни актуальному жизненному опыту, ни реально сложившейся ситуации. У окружающих людей такой человек может вызывать полярные оценки, например: восприниматься как ретроград — «человек из прошлого», «человек, отставший от времени», «не вписавшийся в свое время» или же как хранитель традиционных ценностей. Аналогично конкретный человек может лучше, чем окружающие люди, интуитивно чувствовать и даже прогнозировать тенденции изменения ценностных идеалов общества, тем самым опережая его развитие. В этом случае он является носителем прогрессивных

ценностей и идеалов — «человеком будущего». О том человеке, чья система ценностей и смыслов наиболее типична для эпохи, в которую он живет, говорят: «человек своего времени», «человек нашего времени».

Оба типа ориентаций (на ценности будущего — опережающие, перспективные ориентации или на ценностные идеалы прошлых эпох — ретроспективные ориентации) выполняют весьма важные для общества функции, особенно в кризисные периоды. Именно эти категории людей, в частности, обеспечивают реальные возможности для сравнения различных систем ценностей, жизненных принципов, идеалов и т.д. и отбора («отсеивания») тех из них, которые постепенно становятся типичными для конкретных исторических периодов, т. е. современными. Несмотря на это, со стороны социального окружения в отношении таких людей нередко проявляются непонимание и отвержение (в каком-то смысле это защитная реакция). Можно также отметить, что, независимо от того, обращена ли структура смыслов и ценностно-нравственных ориентаций субъекта в прошлое или в будущее, его социальная адаптация к текущей ситуации обычно затруднена или в полной мере невозможна. Адаптация к социальной среде не является целью для таких групп людей, так как их цели состоят в отстаивании, поддержании, сохранении и воспроизводстве универсальных ценностей (общественных основ) или в преобразовании существующей действительности с ориентацией на будущее. Ниже будет показано, какие функции выполняют такие субъекты в кризисные периоды развития общества.

Однако прежде, чем обратиться к анализу особенностей самоопределения в кризисных условиях, необходимо отметить, что и в относительно стабильной социально-экономической среде процесс самоопределения личности или группы может отличаться неравномерностью и нередко противоречить объективным условиям жизнедеятельности.

Динамика факторов самоопределения в условиях относительно устойчивого экономического развития и устойчивого роста материального благосостояния (или эффект качественного экономического скачка). Для большинства людей экономическое самоопределение является движением (поступательным или с иной динамикой) к определенным уровням материального благосостояния. Социологи и экономисты на основании ряда показателей (в большей степени объективных) описывают несколько таких уровней. Например, следующие: богатые и очень богатые, состоятельные (высокообеспеченные), среднеобеспеченные, малообеспеченные, бедные (в том числе «социальное дно») [15]. В других работах выделяют следующие социально-экономические слои общества: элита и верхний слой, средний, базовый и нижний слои, а также слой социального дна [8]. В наиболее общем виде выделяют *уровни бедности, экономического благополучия и богатства*. А.И. Китов называет

большее количество уровней: *очень богатые* (олигархи); *богатые*, доход которых на одного члена семьи превышает 20 000 руб. в месяц; *средняки* или *зажиточные* — достаточно обеспеченные представители *среднего класса*, доходы которых значительно выше прожиточного минимума; *бедные*, доходы которых близки к прожиточному минимуму; *нищие*, доходы которых существенно ниже прожиточного минимума [11, с. 115]. А.Л. Журавлев и Н.А. Журавлева выделяют семь уровней материального благосостояния: очень бедные; бедные; скорее бедные, чем богатые; среднего достатка; скорее богатые, чем бедные; богатые; очень богатые [7, с. 397]. Количество подобных уровней, соответствующие им объективные экономические показатели и, наконец, особенности экономико-психологических отношений личности на каждом из них имеют выраженную социальную, культурную и т.п. специфику. Для психологических исследований важно, что в сознании каждого экономического субъекта существует несколько *качественно* различных уровней экономического благосостояния. Качественные различия заключаются в первую очередь в удовлетворении различных потребностей личности, принадлежности к разным социальным группам, а также открывающихся благодаря этому разных возможностях и перспективах.

В соответствии с названными и другими качественными особенностями каждого этапа самоопределения личности в экономической среде или характеристиками уровней ее экономического благосостояния изменяются отношения личности к деньгам, собственности, работе, налогам и многим другим экономическим явлениям, а также отношение к себе, другим людям, социальным группам и обществу в целом. Так, результаты исследования Е.И. Горбачевой и А.Б. Купрейченко подтвердили существование такого социально-психологического типа людей, представители которого наряду с общим негативным отношением к деньгам (что на самом деле оказывается отношением к богатству) весьма положительно относятся к так называемым «трудовым деньгам» (заработанным реальным трудом), позволяющим обеспечить личности достойный безбедный уровень жизни [2].

Также и в исследовании, посвященном влиянию экономического фактора на субъективное качество жизни, Г.М. Головина и Т.Н. Савченко установили, что «жизненная удовлетворенность имеет достаточно сложную зависимость от экономического фактора: до определенного предела удовлетворенность и субъективное качество жизни увеличиваются с ростом мотивации достижения и субъективного экономического благополучия, дальнейшее повышение значимости экономического фактора и мотивации не приводит к увеличению субъективного качества жизни» [1, с. 541]. На определенном уровне экономического благосостояния кривая роста субъективного качества жизни «выходит на уровень насыщения». Несмотря на логичность и в какой-то степени

очевидность этой закономерности, до сих пор во многих исследованиях не учитываются конкретные уровни благосостояния личности, о которых идет речь при анализе экономико-психологических явлений.

В то же время хорошо известно, что уровень удовлетворенности экономическим благосостоянием у более обеспеченных людей может быть ниже, чем у менее обеспеченных. Богатые также более заинтересованы в дальнейшем повышении своего материального благосостояния, чем люди со средним и низким достатком. Отсюда возникает вопрос: почему же люди, фактически имеющие все для достойной жизни, всеми силами стремятся повысить доход, идя на жертвы и самоограничения, пренебрегая своими насущными потребностями и интересами других людей, нередко при этом нарушая социальные нормы и законы? Наиболее часто подобное поведение, особенно если оно носит устойчивый характер, рассматривается как признак серьезных психологических проблем личности. Однако на определенных этапах жизнедеятельности оно может возникать у вполне обычных людей. Подобное поведение может быть также характеристикой отдельных социальных групп. Например, получивший широкое распространение на западе в 70–90-е годы XX в. стиль жизни и экономического поведения молодых профессионалов «яппи», отличительными особенностями которых являются доминирующее в системе мотивов личности стремление к достижению высокого социально-экономического статуса и связанные с ним трудоголизм, конкурентное отношение к окружающим, демонстративное потребление и пренебрежение интересами близких людей. Похожее отношение к деньгам, окружающим людям и самим себе независимо от возраста демонстрируют российские «новые богатые». Причина, объясняющая поведение таких различных по своему происхождению и условиям деятельности групп, одна — это стремление к высокому уровню материального благосостояния, обеспечивающему качественно иной образ жизни. Этот качественный скачок включает осознание собственной принадлежности к более высокому социально-экономическому слою.

Как *гипотезу* можно выдвинуть предположение о том, что экономическое поведение субъекта имеет специфику при переходе с одного качественно отличного уровня материального благосостояния на другой (или этапа экономического самоопределения). Поскольку новый уровень, по мнению личности, способен обеспечить ее переход в иную социально-экономическую группу или слой общества, то можно предположить, что вблизи ожидаемого и очень желанного «рубежа» качественного скачка (нового уровня материального благосостояния) мотивация субъекта может значительно возрасти. Рост мотивации приводит к увеличению интенсивности экономической деятельности. Кроме того, в этот период человеку значительно легче пренебречь нравственными принципами, нормами, правилами и законом. При реальном достиже-

нии нового уровня проявляется стремление делового человека к респектабельности и его экономическое поведение вновь приближается к нормативному. Но стоит субъекту подойти к очередному материальному «рубежу», и вновь у него может возникнуть стремление преодолеть этот «рубеж» как можно скорее, не разбираясь в средствах.

Рост мотивации и активности субъекта по достижению экономической цели, приводящий к качественному скачку, хорошо объясним с позиции самоопределения. Для субъекта значимым является не просто достижение определенного уровня материального благосостояния, позволяющего ему включиться в новую социальную среду или в какой-то степени сформировать ее. Важным является реализация определенного этапа жизненной программы. Тем самым субъект поддерживает положительную самооценку: «Я обещал себе, что к таким-то годам достигну того-то, и выполнил!» Осознание достижения целей конкретного этапа жизни придает человеку дополнительные силы, повышает уверенность, самоуважение, чувство собственного достоинства и т.д. Если «наложить» на этот процесс индивидуального развития динамичные внешние социально-экономические условия, то можно обнаружить самые различные сочетания личностных и средовых факторов, которые могут приводить не просто к разнообразным, но даже к самым необычным проявлениям социально-психологических типов собственников [10, 17], типов отношения к деньгам [2, 3, 18] и т.п.

Таким образом, перспективной, хотя и крайне сложной эмпирической задачей является проверка высказанной гипотезы о том, что динамика самоопределения субъекта в условиях устойчивого экономического развития отличается неравномерностью и может носить скачкообразный характер. Еще более сложная динамика может наблюдаться у элементов, составляющих самоопределение в нестабильных и кризисных экономических условиях.

Самоопределение субъекта в условиях экономического кризиса (эффект рассогласования социально-психологической и экономической детерминации). В результате анализа ряда эмпирических исследований удалось установить, что в периоды социально-экономических кризисов происходит *рассогласование социально-психологической и экономической детерминации* экономического сознания и поведения. Следует отметить, что подобное рассогласование может иметь место и в стабильных условиях, но в кризисных ситуациях оно увеличивается и приобретает особое значение. Парадоксальность полученных результатов заключается в том, что в кризисные периоды объективная потребность в материальных ресурсах должна возрастать, однако некоторые социальные группы проявляют при этом прямо противоположную тенденцию — значимость материальных ценностей в кризис-

ных условиях для них снижается. Используя содержание понятия и в целом концепцию самоопределения субъекта в экономической среде, подобное противоречие можно объяснить следующим образом.

Если в относительно стабильной экономической среде или среде с устойчивой экономической динамикой многих людей характеризуют оптимистичные ожидания роста материального благосостояния, которые определяют их ориентацию на экономические ценности, то в условиях кризиса большая часть населения беспокоится скорее о сохранении имеющихся экономических ресурсов (не считая любителей «ловить рыбку в мутной воде» — людей, наиболее экономически успешных в периоды общественных смут, реформ и трансформаций). Динамика ориентаций личности на экономические ценности, обнаруженная в исследовании Н.А. Журавлевой, подтверждает эту закономерность. В период экономического кризиса значение материальной обеспеченности предположительно должно возрастет, однако обнаружена обратная динамика, особенно для групп, находящихся в наиболее сложном экономическом положении (военнослужащие, безработные): материальная обеспеченность как ценность после кризиса 1998 г. для этих групп стала менее значима [6, с. 409]. Наименее обеспеченные группы не стремятся любой ценой поправить свое материальное положение, а демонстрируют психологическую защитную реакцию. Таким образом, в кризисные периоды некоторые социальные категории населения не подчиняются непосредственно экономическому интересу, а реально проявляют тот тип самоопределения, который наиболее соответствует их социально- и экономико-психологическим особенностям.

В исследовании Н.А. Журавлевой установлено также, «что после острых социально-экономических кризисов (1994 г. и 1999 г.) в структуре ценностных ориентаций мужчин снижалась значимость материальной обеспеченности, тогда как в периоды относительной экономической стабилизации (1997 г. и 2001 г.) эта жизненная ценность-цель становилась более значимой. Значимость же материальной обеспеченности в иерархии ценностей женщин в 90-е гг. XX в. была стабильной, а в период 1999—2001 гг., наоборот, снизилась» [5, с. 389]. Подобные различия в тенденциях у представителей разных половых групп подтверждают сделанное выше предположение: не столько экономический интерес определяет ориентацию на материальную обеспеченность, сколько оценка личностью степени его доступности для себя. Возможно, мужчины характеризуются большей социальной чувствительностью к изменениям экономических условий жизнедеятельности, поэтому они воспринимают и переживают кризисные периоды как персональный вызов, а социально и экономически ограниченные в своих возможностях женщины демонстрируют такую психологическую реакцию на кризис, которая позволяет более надежно защититься

от негативного воздействия внешней экономической среды и сохранить значимость экономических ценностей на прежнем уровне.

Другая важная тенденция изменения системы ценностей в кризисных условиях связана с тем, что в эти периоды личность как бы «освобождается» от всего преходящего, наносного. В определенном смысле она отступает на более надежные и проверенные позиции — к базовым ценностям, «стержню» самоопределения — главному смыслу жизни, идеалам, принципам и т.п. или, может быть, ценностям предыдущего этапа жизни или предыдущего социально-экономического уровня. Некоторые социально-демографические группы, исходя из оцениваемой ими ограниченности своих возможностей (низкая активность и мобильность, невысокая способность к переобучению и т.д.), могут использовать такое социальное поведение как психологическую защиту. Другие же субъекты в силу *традиционного распределения социальных ролей в обществе* (представители старшего поколения — традиционные советчики во всех культурах, мудрецы, старцы, наставники, священнослужители, духовные учителя, ученые, писатели, художники, поэты и др.) выступают в качестве *хранителей традиций*, носителей нравственных ценностей. К этим категориям людей применим эпитет «нравственная элита». Они не только не стремятся изменить собственные ценности, идеалы нормы и жизненные ориентиры, но и транслируют их другим социальным группам, для которых эти основополагающие жизненные ценности и нормы должны оставаться ориентирами в любых условиях, в том числе и кризисных, пусть даже в ущерб своему текущему социально-экономическому положению. Хорошо известно, как представители подобных групп во все исторические периоды приносили свое материальное благополучие и даже собственные жизни в жертву не ради каких-то абстрактных идей, а ради сохранения конкретных ценностей и идеалов в качестве жизненных ориентиров для последующих поколений. Что же выступает для таких групп показателем успешной социально-экономической адаптации? Во-первых, стойкость личности перед лицом трудностей и изменений, которая всегда считалась большим достоинством человека. Во-вторых, важным моментом является отношение личности ко времени, в частности, такой показатель, как видение временной перспективы. Стойкость личности в отстаивании жизненных принципов, ценностей и идеалов, а также видение ею широкого временного горизонта являются, как было показано выше, свойствами подлинной субъектности человека. Противостояние новым, легковесным, не проверенным временем принципам, ценностям и идеалам есть сознательно выбранный способ (тем самым и тип) самоопределения индивидуальных или групповых субъектов.

Таким образом, под влиянием личностных детерминант самоопределения и динамичных внешних условий происходит изменение от-

ношения субъекта к различным экономическим феноменам: деньгам, собственности, труду, различным материальным благам и т.д. Следует, однако, напомнить, что в экономико-психологических исследованиях не проводится глубокий анализ динамики отношения к этим общим феноменам и понятиям. На протяжении жизни людей изменяется смысловое и ценностное значение конкретных материальных объектов (являющихся предметами собственности и потребления человека), различных форм занятости и экономической активности и т.д. И именно эта **динамика ценностно-смыслового значения конкретных экономических явлений** может в большей степени определять особенности экономического сознания и поведения субъекта, нежели его обобщенное отношение к собственности, деньгам, труду, безработице, кризисам и т.д. На протяжении жизни человека и в различных условиях изменяются не только значимость и функции экономических объектов, но изменяются и функции, которые выполняют по отношению к субъекту его экономические представления, установки, отношения и другие экономико-психологические феномены.

Феномен изменения психологических функций отдельных компонентов экономического сознания субъекта (или феномен смены ведущей функции). Изначальные теоретические посылки многих исследователей ранее заключались в том, что экономические представления, идентификация субъекта с определенными экономическими группами или оценка своего экономического благополучия тесно связаны с уровнем реального экономического благосостояния. Однако в исследовании В.А. Хащенко установлено, что «экономическая идентичность чаще всего не совпадает с реальным экономическим статусом индивида» [20, с. 525]. Оказывается, в большей мере она связана с экономическими ожиданиями и притязаниями личности, т. е. фактически отражает направление ее развития: «Особенностью экономической идентичности является *опережающая* реальную картину экономического благосостояния личности ее *экономическая направленность*, т. е. ориентированность на перспективу. Это связано, с одной стороны, с экономическими ожиданиями и притязаниями личности» [20, с. 527]. Однако экономическая идентичность личности и группы не всегда направлена в будущее, имеет место и прямо противоположная тенденция. Так, в выполненном С.А. Цветковым исследовании социальной группы безработных показано, что наибольшие сложности в адаптации возникают у тех из них, которые сохраняют идентификацию с профессиональными группами, спрос на которые на рынке труда резко сократился («я — инженер», «я — химик» и т. д.) [21]. Этот социально-психологический тип идентичности фактически характеризуется ориентацией личности на прошлое.

Таким образом, в результате целого ряда исследований показано, что в условиях роста экономического благосостояния в качестве ведущей функции таких феноменов, как экономическая идентичность, субъективное экономическое благополучие, субъективное качество жизни и т.п., выступает *целесолагающая функция*. Иначе говоря, названные феномены отражают то направление движения личности в экономической среде, которое она наметила для себя как наиболее оптимальное. В случае же экономического кризиса или любого другого вынужденного отказа субъекта от ранее поставленных целей основной функцией этих же феноменов становится *защитная функция*. Это означает возврат личности к ценностям, жизненным принципам и идеалам предыдущего этапа жизни и стремление к сохранению имеющегося уровня материального благосостояния.

Важный, но парадоксальный вывод о характере кризисной динамики состоит в том, что в таких условиях роль экономических факторов становится *менее значимой* по сравнению с духовными, ценностно-нравственными, социокультурными и социально-психологическими. Воздействие духовных, нравственных и психологических факторов часто является противоположным действию экономических, и первые названные факторы нередко пересиливают вторые, в том числе и в кризисных условиях.

Сложность исследований различных социальных групп современной России (особенно новых) связана еще и с тем, что формирование этих групп характеризовалось явлением *пересеченной (диффузной) социальной стратификации*: представители различных социально-экономических групп выбирают собственный способ самоопределения на основе представлений о своих способностях, возможностях, доступности ресурсов, приемлемых способах получения доходов, информированности о наиболее выгодных типах экономической активности и, разумеется, потребностях, интересах и в целом мотивации. Хорошо известно, что некоторые социальные группы изначально имели преимущество по ряду перечисленных показателей (например, те, кого принято было называть «номенклатурой» — чиновники, руководители предприятий, высокого ранга партработники и т. п.). Социально-демографические и социально-экономические характеристики также оказывали свое влияние. Так, города-заводы были покинуты в первую очередь молодыми, высокообразованными (обладающими большими возможностями, способностями, информированностью), холостыми и малообеспеченными людьми, руководствующимися потребностями выживания, продолжения рода, профессионального и личностного развития, самоутверждения и т.д.

В то же время, несмотря на существующие закономерности формирования разных типов хозяйствующих субъектов на основе традиционных социальных групп, следует отметить, что эти закономернос-

ти сплошь и рядом нарушаются определенными психологическими типами людей, входящих в эти социальные группы. Это происходит независимо от объективного состояния (или уровня) перечисленных характеристик и их показателей. Например, социальная группа может тяготеть к какому-то одному способу самоопределения в экономической среде, но в то же время среди ее представителей может быть немало людей, имеющих те же объективные экономические и социальные характеристики, но выбирающих нетипичные, собственные способы самоопределения на основании представлений о своих способностях, возможностях и перспективах. Таким образом, смысложизненные ориентации, видение временной перспективы, ожидания и притязания конкретных субъектов нередко являются в нашем обществе более значимыми, чем экономические потребности и интересы, ведущее влияние которых более типично для других стран не только с так называемой развитой рыночной экономикой, но и прежде всего с другой культурой и историей, что может оказываться значительно важнее.

Так, одной из особенностей российского менталитета является противоречивое отношение значительной части населения к деньгам, собственности и другим экономическим феноменам. Экономическая активность людей с подобным отношением имеет характерные особенности, которые могут быть частично объяснены через такой феномен самоопределения, как феномен противоречивого или «колебательного» экономического поведения.

Феномен противоречивого или «колебательного» экономического поведения субъекта как результат конфликта ценностей.

В.Д. Попов отмечает, что «социопсихологические исследования показывают, как основные фундаментальные ценности россиян (соборность, общинность, чувство локтя, социальная справедливость, «мягкий коллективизм» и др.) в одни исторические периоды (1991—1995 гг.) затухали (до 10—15%), доминировали западные ценности (до 70%), но затем первые вновь обретали былую актуальность и социальную значимость» [14, с. 101]. «Получается, — говорит далее В.Д. Попов, — что мы продолжаем метаться от одной крайности в другую, пока не сможем вырваться из оков «маятникового характера» [14, с. 101]. По нашему мнению, подобная колебательная динамика направленности экономического поведения характерна для субъектов, имеющих противоречивую, конфликтную систему ценностей.

Особенности российского менталитета обусловили *противоречивое отношение* россиян ко многим экономическим ценностям. Так, в результате исследований О.С. Дейнека установлено, что «деньги как экономико-психологическое явление, как социальное представление и вербализованный символ — противоречивы и многолики. Сквозной характеристикой

образа денег является *амбивалентность* (здесь и далее курсив наш. — А.Ж. и А.К.), что нашло отражение в результатах факторного анализа теста символов-ассоциаций. Пять факторов из шести содержат *противоречие* альтернативного выбора и воплощают внутренний *конфликт*» [3, с. 238].

В исследовании Е.И. Горбачевой и А.Б. Купрейченко установлено, что у трети респондентов деньги ассоциируются одновременно с *полярными* этическими понятиями. Для них деньги в равно высокой степени одновременно означают честность и ложь, ответственность и безответственность, принципиальность и беспринципность, терпимость и нетерпимость, справедливость и беззаконие [2]. Подобное *конфликтное отношение* к этической ценности денег может приводить, как показал анализ, к *неустойчивому, противоречивому* финансовому поведению. В зависимости от различных факторов при выборе способа взаимодействия с другими людьми по поводу денег субъект «колеблется» от одного полюса к другому: в одних ситуациях проявляет бескорыстие и демонстрирует склонность к сотрудничеству, а в других — алчность, соперничество и конфликтность. Экономическое поведение может быть хаотичным, подверженным различным и нередко случайным влияниям и, как следствие, — экономически неэффективным.

Нередки также случаи, когда *ценностной конфликт* в отношении человека к экономическим благам провоцирует такое экономическое поведение, которое менее хаотично и даже относительно устойчиво на протяжении значительных периодов времени, но при этом все-таки противоречиво по своей сути — фактически, это «колебательное» экономическое поведение. Действительно, принятие серьезных экономических решений связано со значительным сбором и анализом информации. Так, для большинства людей выбор конкретного вида экономической активности является ответственным и продуманным шагом. Реализация принятого решения также требует значительной подготовительной работы и определенных энергетических, временных и других затрат. Кроме того, процесс экономической деятельности обладает выраженной инерционностью — трудно прервать начатую работу без серьезных на то оснований, а нередко даже при наличии таковых.

Выбирая определенный вид деятельности, человек с конфликтным отношением к экономическим ценностям удовлетворяет одну потребность (которая служит определенным ценностям и идеалам), депривируя тем самым удовлетворение альтернативной потребности (например, связанной с противоположными ценностями). По мере удовлетворения конкретной потребности значимость связанной с ней ценности снижается, а также снижается и мотивация ее удовлетворения. В то же время энергия неудовлетворенной потребности аккумулируется. Деятельность, значимая и успешная на протяжении длительного времени, постепенно может терять свою привлекательность,

при этом активность ее осуществления снижается. И в определенный критический момент человек может перейти к форме активности, противоположной по своей направленности той, которая была характерна для предыдущего этапа его жизнедеятельности. С этого времени проявляется направленность субъекта на иные ценности и идеалы, и так до следующего критического периода его жизни.

Чередование подобных противоположных по направленности периодов говорит о «колебательном» типе экономического поведения субъекта, имеющего противоречивую систему ценностей. Выше было показано, что такое поведение можно наблюдать как на уровне индивида, так и на уровне больших групп, и примером этого может выступать даже общество в целом, в частности, современное российское общество. Такой тип системы ценностей и поведения является *характеристикой особого этапа самоопределения — этапа, связанного с переоценкой ценностей.* Продолжительность этого этапа индивидуальна для каждого субъекта: у кого-то противоречие в системе ценностей может сохраняться достаточно длительное время, а у кого-то — короткое или совсем отсутствовать. В данном случае можно с высокой уверенностью прогнозировать, что сколь долго бы не длился период устойчивого экономического поведения — за ним с высокой вероятностью (практически неизбежно) последует период противоположной или принципиально другой по своей направленности экономической активности.

Сложно сказать, насколько часто является неуспешным самоопределение субъекта при наличии противоречивой системы ценностей. Можно только предположить, что в подобном противоречии заложен и определенный адаптивный ресурс. Например, если внешние условия делают невозможным удовлетворение потребностей, связанных с определенными ценностями, субъект довольно быстро без больших психологических затрат и душевных переживаний перестраивает свою активность и начинает реализацию планов, связанных с теми значимыми ценностями, которые в настоящий момент реалистичны и доступны. Из этого может следовать, что сегодняшняя неустойчивый характер динамики социально-экономического развития нашей страны является не только причиной, но и следствием противоречивой системы ценностей больших групп населения. Противоречия эти были частично сформированы предыдущими этапами исторического развития российского общества, ими же объясняется и та легкость, с которой многие наши соотечественники переходят из одной крайности в другую, а может быть, даже «бросаются» в них, тем самым раскачивая «маятник» социально-экономических и политических изменений.

Можно также привести примеры успешной интеграции ценностей противоположной направленности, например, стремления к свободе и материальному благосостоянию в сочетании с представлениями о

деньгах и собственности как о конфликте и зависимости. Некоторым людям, которых окружающие не без оснований называют счастливыми, удается примирить непримиримое. Это характерно для субъектов, самореализующихся и самовыражающихся в работе и одновременно получающих за результаты своего труда высокое материальное вознаграждение, общественное признание, независимость и свободу. Таковы предприниматели, для которых основной целью определенного этапа жизни становится производство совершенного продукта или создание компании с прогрессивными формами организации труда. Таковы творческие личности, которые благодаря общественному признанию и поддержке получают возможность и оказываются способными осуществлять доходные коммерческие проекты в своей сфере деятельности (образовательные, продюсерские, издательские и т.д.). Таким образом, в ряде типичных случаев самоопределение может быть успешным и при наличии противоречивой системы ценностей. А иногда человеку удается добиться высоких достижений в выбранной деятельности во многом благодаря этим противоречиям, так как конфликт в системе ценностей стимулирует творческую активность личности, направленную на поиск путей его разрешения. Пока же неясно, какие конкретные виды противоречий могут способствовать, а какие, напротив, препятствовать успешному самоопределению субъекта. Нам представляется, что эта проблема может вызывать большой интерес у будущих исследователей самоопределения.

Заключение. Подводя итоги выполненного анализа некоторых социально-психологических феноменов самоопределения личности и группы, следует сделать несколько комментариев. Во-первых, его необходимо признать лишь началом теоретической работы, требующей серьезного продолжения, однако уже позволившей выделить и описать целый ряд важных и полезных в практическом отношении феноменов, интересных, с нашей точки зрения, для дальнейших исследований в этом направлении. Во-вторых, этот анализ целесообразно оценить главным образом как описательный, и лишь в отдельных случаях возможно было предложить развернутые объяснения представленным феноменам самоопределения. Не вызывает сомнения закономерный характер их возникновения, динамики, различных трансформаций, регулирующего воздействия и т.д., поэтому по мере накопления конкретных данных эти закономерности станут лучше пониматься, а следовательно, постепенно будет приходить и объяснение выделенных феноменов.

Мы рассчитываем также на то, что со временем их совокупность возрастет, что позволит выполнить систематизацию или группирование описанных феноменов самоопределения по каким-либо значимым и сопоставимым основаниям (или критериям). Способствовать более полно-

му пониманию их психологической природы должно развитие теоретических моделей и методических средств исследования экономического самоопределения. Современное же состояние теоретических моделей экономического сознания и поведения личности и группы пока не позволяет реализовать прорыв в разработке феноменов самоопределения.

Можно с уверенностью прогнозировать, что обращение исследователей к проблеме самоопределения будет возрастать в ближайшие годы. Причины этого состоят в особенностях современного этапа развития российского общества и закономерностях развития гуманитарных и общественных наук, в частности, различных отраслей психологии. В нестабильных, а тем более кризисных условиях человеку сложно выбрать социальную группу, к которой он хотел бы принадлежать, мало кому удается раз и навсегда выбрать профессию, трудно в историческом времени сохранить политические, нравственные, религиозные убеждения и даже гражданство. Многие из живущих на территории бывшего СССР не смогут найти на карте названия ни государства, ни области, ни города, в которых они родились, многократно переименованы улицы, на которых они проживали, и т.п.

Подход к исследованию поведения (в частности, экономического) с позиций самоопределения личности или группы позволяет стимулировать дальнейший анализ значений и функций, которые выполняют в регуляции поведения такие феномены экономического сознания, как: смыслы, ценности и отношения к различным экономическим объектам (благам), удовлетворенность, субъективное качество жизни, экономическая идентичность и мн. др. Не менее важен при построении исследований учет субъектных качеств человека, а также стадийного развития субъекта. Таким образом, с актуализацией потребностей развития психологической науки открываются значительные перспективы использования понятия «самоопределение» для построения теоретических моделей и объяснения результатов эмпирических исследований, в том числе социально- и экономико-психологических.

Литература

1. Головина Г.М., Савченко Т.Н. Влияние экономического фактора на субъективное качество жизни // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. Т. 1. С. 527–542.
2. Горбачева Е.И., Купрейченко А.Б. Конфликт нравственных ценностей в отношении личности к деньгам // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы: Материалы пятой международной научно-практической конференции / Под. общ. ред. А.Д. Карнышева. Иркутск: Изд-во БГУ ЭП, 2004. С. 91–93.
3. Дейнека О.С. Символизация денег: опыт эмпирического исследования // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. Т. 1. С. 207–241.

4. Журавлев А.Л. Социально-психологические факторы экономических изменений // Общественное сознание и идеологическая работа. Тезисы межрегиональной научно-практической конференции. Кострома, 1990. Ч. 2. С. 7—9.
5. Журавлева Н.А. Динамика ориентаций личности на экономические ценности в условиях социально-экономических изменений // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. Т. 1. С. 379—411.
6. Журавлева Н.А. Динамика ориентаций на экономические ценности представителей различных социальных групп в условиях экономических изменений // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. Т. 2. С. 401—432.
7. Журавлев А.Л., Курпейченко А.Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во ИП РАН, 2003. 436 с.
8. Заславская Г.И. О движущих силах трансформации общества // Общество и экономика. 2003. № 6.
9. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 4. С. 31—42.
10. Карнышев А.Д., Бурменко Т.Д. Собственность: психолого-экономический анализ. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. 316 с.
11. Китов А.И. Личность и группа в системе отношений собственности // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во «ИП РАН», 2004. Т. 1. С. 109—138.
12. Курпейченко А.Б. Восприятие юмористической рекламы молодыми потребителями // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. Т. 2. С. 295—343.
13. Лебедев А.Н. Динамика отношения российских потребителей к рекламе в период интенсивных общественных изменений // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. Т. 2. С. 267—294.
14. Попов В.Д. Трансформация отношений собственности: поиск идентичности // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. Т. 2. С. 98—122.
15. Римашевская Н. Население России и социальная трансформация: взгляд в XXI век // Власть. 1997. № 12.
16. Сивуха С.В. Экономическая психология на пороге тысячелетий (анализ зарубежных исследований) // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. Т. 1. С. 83—106.
17. Собственность в жизни россиян: реальность и домыслы // Социс. 2005. № 11. С. 3—18.
18. Фенько А.Б. Гендерные различия в отношении россиян к деньгам // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. Т. 1. С. 261—279.
19. Филинкова Е.Б. Структура удовлетворенности предпринимательской деятельностью // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. Т. 2. С. 205—228.
20. Хащенко В.А. Социально-психологические детерминанты экономической идентичности личности // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. Т. 2. С. 513—556.
21. Цветков С.А. Групповые формы психологической помощи безработным // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. Т. 1. С. 357—376.
22. Энджел Д., Блекуэл Р., Миниард П. Поведение потребителей. СПб.: Питер Ком, 1999.

Социально-психологическая адаптация мигрантов в новой социальной среде: проблемы исследования

Л.В. Миллер

Социально-психологическая адаптация мигрантов в иных этнокультурных и социально-экономических условиях: теоретический аспект

Распад СССР и отстаивание республиками суверенитета отразились на росте межнациональной напряженности, что вызвало массовые миграции в странах СНГ. Миллионы людей, не меняя места жительства, оказались мигрантами в собственной стране, новой стране с иной идеологией, иным способом самообеспечения. Межгрупповые отношения (мигрантов и местных жителей) вновь стали привлекать пристальное внимание ученых.

Как считает Н.М. Лебедева, психологические проблемы этнических миграций наиболее ярко раскрываются при изучении таких проблем, как: причины и мотивы миграции и эмиграции; адаптация мигрантов к иной этнокультурной среде, к иной природной (географической) среде; трансформация этнической идентичности у различных поколений мигрантов [12, 14].

Миграции (перемещения) людей, носящие в определенные исторические промежутки времени массовый характер, отражают процессы, происходящие в обществе, и служат индикатором, лакмусовой бумажкой его благополучия/неблагополучия.

Миграции отдельных этнических групп происходят, в большинстве случаев, по принципу их «вытеснения» из республик, отстаивающих суверенитет, и объединения с материнским этносом. Однако даже в случае объединения с материнским этносом далеко не всегда социально-психологическая адаптация протекает безболезненно. Миграция ставит человека перед необходимостью реадаптации, так как прежние привычные формы взаимодействия с окружающей средой не соответствуют новым социальным условиям. Процесс адаптации может длиться достаточно долго, а его продолжительность исчисляться не временными интервалами, а поколениями.

Смена места жительства, эмиграция в большинстве случаев является разновидностью поведения по типу избегания. Решение об эмиграции может приниматься в том случае, когда человек либо не в силах изменить ситуацию, условия, в которых он проживает (права, реальную действительность), либо измениться сам, приспособившись к новым объективным условиям (эмиграционная политика как форма протеста). В большинстве случаев миграция — это поиск более благоприятной среды проживания (за исключением принудительных миграций).

Миграция, вызванная какой-либо одной проблемой, отзывается эхом сразу во многих сферах как страны выезда, так и принимающей страны: экономической, политической, в области межгрупповых отношений, в социально-демографическом положении регионов. Отсутствие социально-экономических, политических, законодательных основ принятия мигрантов, контроля, регуляции миграционных потоков приводит также к недовольству местного населения ситуацией, особенно когда превышен критический размер диаспоры мигрантов. То, какой именно размер диаспоры является критическим, варьируется в зависимости от социально-психологических, экономических и других характеристик эмигрантов, от особенностей принимающей стороны.

Возвращение переселенцев в страну первоначального выхода связано с рядом социально-психологических проблем. С одной стороны, это причины, повлекшие процесс переселения, с другой — сложности, связанные с социально-психологической адаптацией в новой социальной среде. Их необходимо рассматривать как взаимосвязанные.

Как уже было сказано, зачастую миграция происходит по принципу объединения с материнским этносом, например, русские из стран СНГ едут в Россию, немцы — в Германию. Так, за период с 1980 по 1999 гг. в Германию из СССР и затем Стран СНГ выехало 1.806.606 человек немецкой национальности. Однако исследования показывают: несмотря на то, что переселенцы, объединяясь с материнским этносом и надеясь, наконец, быть своими среди своих, обнаруживают и осознают различия между собой и местным населением. При этом недостаток осознания межкультурных различий также не обеспечивает меньших проблем вхождения в новую социальную среду [28].

Многие феномены, проявляющиеся как на уровне отдельной личности, так и на групповом уровне, могут быть поняты и объяснены только в более широком социальном контексте, в частности, в контексте межгрупповых отношений. Этническими психологами проблема адаптации формулируется чаще как этнокультурная адаптация, а субъектами адаптации выступают не только отдельные личности, но и целые этнические группы. Ключевыми терминами являются также понятия «межкультурная адаптация», «этнокультурная адаптация», «аккультурация», «психологическая аккультурация». *Межкультурная*

адаптация — «сложный процесс, благодаря которому человек достигает соответствия (совместимости) с новой культурной средой, а также результат этого процесса» [28, с. 280]. *Аккультурация* — «результат непосредственного, длительного контакта групп с разными культурами, выражающийся в изменении элементов культуры одной или обеих групп» [28, с. 280]. Проблемы изучения процесса аккультурации занимались Дж. Бери, Р. Редфилд, Р. Линтон, М. Херсковиц и др.

Первыми вклад в изучение **социально-психологических проблем адаптации эмигрантов** внесли социологи, клиницисты, антропологи, этнологи. Так, В. Уайт изучал проблемы адаптации итальянских эмигрантов в Америке, В. Томас и Ф. Знанецки — адаптацию польских эмигрантов в Америке. Тогда же В. Томас и Ф. Знанецки пришли к необходимости изучения социальных установок, сформированность которых и адекватность только прежним условиям жизнедеятельности затрудняет процесс адаптации к новой среде (1918 г.).

Большое количество исследований (конец XIX в. — середина XX в.) было посвящено психическому здоровью эмигрантов. Клиницисты (Шотлер, Спирс, Вальдивья) обратили внимание на то, что наибольшее количество пациентов в психиатрических клиниках — это люди, прибывшие из других стран. Однако результаты таких исследований противоречивы. Большинство ученых высказывают мнение о стрессогенном воздействии новой культуры, с которой сталкиваются мигранты в результате географического передвижения, о том, что контакт с иной культурой вызывает некоторое потрясение. Для обозначения психического потрясения в кросс-культурной психологии введен термин «культурный шок» (А. Фарнхем, С. Бочнер, К. Оберг). К. Оберг отмечал, что вхождение в новую культуру сопровождается неприятными чувствами, связанными с потерей друзей, статуса. Осознаются межкультурные различия, возникает ощущение отверженности, потери контроля над ситуацией, дискомфорта, путаница в ценностных ориентациях, социальной и даже личностной идентичности. Дж. Берри предложил использовать вместо термина «культурный шок» понятие «стресс аккультурации». Вальдивья отмечает, что пребывание в новой среде требует от мигрантов наличия (или создания) больших ресурсов совладания, позволяющих справиться с повышенным напряжением. Поэтому несомненно следует согласиться с тем, что большинство эмигрантов, попав в новые социально-экономические и этнокультурные условия, испытывают шок, стресс, тревогу, что свидетельствует о нарушении в системе организм-среда. Это запускает процесс адаптации, или, по Г. Селье, «адаптационный синдром». Причин возникновения стресса много. Например, Ф.Б. Березин в качестве основных отмечал следующие: 1) недостаточную структурированность когнитивной системы; 2) недостаток или отсутствие на-

выков совладания с проблемной ситуацией. Для человека это состояние является болезненным [2]. Возникают невротические реакции, которые могут иметь как ситуативный, так и личностный характер.

Постепенно предметом исследований проблемы адаптации мигрантов в новых условиях становятся динамические аспекты адаптации, критерии, стратегии и факторы, детерминирующие адаптационные процессы. В настоящее время актуальной является также практическая задача использования тренингов с целью облегчения вхождения эмигрантов в новую культуру, совладания с ситуацией затруднения при взаимодействии с новой социальной средой, снятия стресса.

На характер взаимодействия переселенцев с местными жителями оказывает влияние множество факторов, например, таких, как: добровольность или вынужденность миграций; социальные установки, стереотипы; условия (социально-экономические, политические, возможность трудоустройства и т.д.); культурная дистанция; цель, определяющая длительность пребывания в новой среде (получение образования, туризм, поселение на постоянное место жительства и т.д.); наличие поддержки (информационной, инструментальной, дружеской); возможность трудоустройства; тип поселения; размер групп мигрантов; различительные признаки (язык, религия, раса); семейные обстоятельства и другое (И. Бабикер, С. Бочнер, А. Фарнхем, С. Кохен, Г. Ноberman, Т.Г. Стефаненко и др.).

Большое внимание уделяется индивидуально-личностным характеристикам эмигрантов. Впрочем, все психологи включают в свои методики ряд опросников, направленных на выявление индивидуально-личностных особенностей мигрантов, и выявляют их связь с социально-психологической адаптацией, а в некоторых случаях изучают их влияние на нее. В качестве таких характеристик выступают локус контроля, социальные установки, уравновешенность, экстраверсия, интеллектуальные, эмоционально-волевые особенности, коммуникативные свойства, особенности межличностного взаимодействия (доминирование, конформность), активность, решительность, образовательный и культурный уровень и другое. Подобного рода исследования, объектом изучения в которых выступили мигранты, были проведены Е.Е. Будажиной [4], Н.М. Лебедевой [13, 14], Г.Г. Павловец [23], В. Хармзом [30] и др. В настоящее время исследователи делают все больший акцент на ситуативных факторах, когда учитывается совокупность как индивидуально-личностных особенностей, так и объективных обстоятельств, а также отношение личности к данной ситуации, ее восприятие и интерпретация (Н.Б. Михайлова [21], Г.Г. Павловец [23] и др.).

Исследования социально-психологической адаптации мигрантов в связи с процессами, происходящими в обществе, выполнялись на разных объектах. При этом использовались различные подходы

к изучению адаптации, да и сама проблема адаптации исследовалась в связи с разными аспектами (психическое здоровье, адаптивные способности, этническое самосознание, идентичность и т.д.), что и определяло основной предмет работы. Так, В.В. Гриценко изучала адаптацию русских, выехавших из средней Азии в Россию [5]; Н.С. Хрусталева — адаптацию мигрантов в Америке, Израиле, Германии [31]; Н.Б. Михайлова — адаптацию мигрантов в Германии [21]. Объектом Н.М. Лебедевой выступила русская диаспора, проживающая на Кавказе [13, 14]. Вынужденная миграция также представляет серьезную проблему. Эти вопросы поднимают Н.М. Лебедева, Г.Г. Павловец, Г.У. Солдатов, А.Н. Татарко (вынужденные мигранты из Чечни, Грузии), В. Хармз (иракские эмигранты в Швеции), К. Либкинд (вьетнамские беженцы в Финляндии) и др. В нашем исследовании объектом исследования выступили представители этнической группы немцев, переселившихся из России и других стран СНГ в Германию (Л.В. Ключникова [Миллер], В.П. Позняков) [6, 20]. В связи с тем, что цели, задачи, уровни изучения данной проблематики различны, а исследования зачастую проводились параллельно, можно сказать, что работы подобного типа актуальны, уникальны и имеют высокую как теоретическую, так и практическую значимость.

В связи с особенностью нашего объекта исследования и для более комплексного подхода к данной проблематике рассмотрим подробнее некоторые важные для нас результаты изучения адаптации мигрантов и, в особенности, мигрантов Германии. Так, например, Н.С. Хрусталева на основе полученных результатов своего исследования делает вывод о том, что проблема социально-психологической адаптации имеет место независимо от того, является ли страна иммиграции благополучной в социально-экономическом плане или нет [31]. Ею были выявлены такие психологические феномены, как «комплекс иностранца», «синдром социальной смерти», содержание которых очень хорошо демонстрирует психологическую сторону проблемы адаптации. Так, «*комплекс иностранца*» заключается в устойчивом психическом состоянии личности, которое сопровождается постоянным нервно-психическим напряжением и чувством психологического дискомфорта в связи с ощущением страха за возможное нанесение морально-психологического урона достоинству личности и физического урона жизнеспособности организма со стороны чужой языковой и социокультурной среды в условиях полной психологической незащищенности. Феномен «*социальной смерти*» понимается как такое экономическое, политическое и правовое положение личности, которое, в силу выключенности ее из социально-коммуникационных и профессиональных связей в условиях чужого общества, порождает дестабилизацию, деградацию или отмирание различных видов социальных ролей, привычных для данной

личности, резко понижает мотивационный уровень поведения и всех видов деятельности, что может привести к инволюционным процессам в психических функциях организма [31].

Стратегии адаптации. Выделяя виды адаптации, мы признаем, что адаптация предполагает не только приспособление личности к среде. В качестве основания выделения видов адаптации может выступать ее направленность: еще З. Фрейд выделял аллопластическую (изменение среды) и аутопластическую (личностные изменения) адаптацию. А.А. Реан также предлагает считать критерием различения типов адаптационных процессов направленность вектора активности. Г.Г. Павловец [23], выделяя стратегии адаптации, придерживается мнения А.А. Реана о том, что просто пассивного принятия ценностных ориентации среды без активного самоизменения быть не может, если речь идет о процессе адаптации [24]. Классификация Н.Н. Мельниковой включает три основания: 1) контактность — избегание (наличие или отсутствие взаимодействия); 2) направленность происходящих изменений (изменяется среда — изменяется сам индивид); 3) активность — пассивность индивида (наличие или отсутствие действий, направленных на изменение ситуации). Сочетание стратегий в индивидуальном поведении определяет стиль адаптации личности. Адаптивное поведение предполагает *контакт* взаимодействующих сторон; *двусторонние изменения* во взаимодействующих объектах; *активные* действия со стороны индивида [17].

Н.М. Лебедева пишет: «Адаптация может привести или не привести к взаимному соответствию индивидов и среды, она может включать в себя не только приспособление, но и сопротивление, и попытки изменить свою среду или измениться взаимно» [12, с. 207]. Как отмечает Н.М. Лебедева, «согласно теории аккультурации, разработанной канадским психологом Дж. Берри, аккультурация сводится к двум основным проблемам: поддержание культуры (в какой степени признается важность сохранения культурной идентичности) и участие в межкультурных контактах (в какой степени следует включаться в иную культуру или остаться среди «своих»)». Дж. Берри выделил четыре основных стратегии аккультурации: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция» [15, с. 16; 33]. Под *ассимиляцией* понимается идентификация мигранта с новой культурой, отрицание этнического меньшинства, к которому он принадлежит; *сепарация* предполагает отрицание культуры большинства и сохранение своих этнических особенностей; этническая *маргинальность*, по Дж. Берри, — отсутствие идентификации себя с обеими культурами; *интеграция* — идентификация себя к с обеими культурами. С. Бочнер описывает такие варианты этнических процессов, сопровождающих миграцию, как ассимиляция, сегрегация, геноцид и интеграция.

Следует обратить внимание на терминологическое расхождение, которое имеется в отношении стратегии ассимиляции. Этнические психологи единодушно под ассимиляцией понимают растворение в новой культуре. «Ассимиляция (этнографич.) — слияние одного народа с другим с утратой одним из них своего языка, культуры, национального самосознания» [2, с. 125]. Однако в психологии встречается и другая точка зрения, когда под ассимиляцией понимается активное воздействие на среду, ее изменение личностью. Такие расхожения в терминологии также представляют проблему в исследовании адаптации.

Н.Б. Михайлова провела лонгитюдное исследование жизнедеятельности представителей пяти социальных групп переселенцев в Германии (русские немцы-переселенцы, поляки, югославы, евреи, турки). Ею выявлены национальные различия в личностных профилях испытуемых, характеризующие отношение переселенцев к соблюдению общественного порядка и их ориентацию на взаимопомощь, на поддержку других людей [21]. Она выделила также основные поведенческие стратегии эмигрантов. Активное поведение может проявляться как в целенаправленных, результативных, так и в хаотично-импульсивных, безрезультативных стратегиях. Пассивное поведение проявляется в стратегиях подчиненного поведения. В рамках конкретных жизненно значимых для эмигрантов ситуаций могут проявиться такие виды поведения, как реактивно-эмоциональное, беспомощно-рассеянное и др. Только со временем поведение мигранта становится более целенаправленным, что свидетельствует о совладании с проблемными ситуациями [21].

Изучение процесса адаптации невозможно без выделения его этапов и определения критериев и показателей адаптированности.

Критерии и показатели адаптированности. Н.М. Лебедева одна из первых выдвинула тезис о необходимости изучения явлений социально-перцептивного отражения межгруппового (межэтнического) взаимодействия как основных социально-психологических показателей этнокультурной адаптации этнических групп. Социально-психологическими показателями успешной аккультурации на психологическом уровне выступили позитивная этническая идентичность и этническая толерантность. Они согласуются с предложенными Дж. Берри моделями аккультурации: интеграции соответствуют позитивная этническая идентичность и этническая толерантность, ассимиляции — негативная этническая идентичность и этническая толерантность, сепарации — позитивная этническая идентичность и интолерантность, маргинализации — негативная этническая идентичность и интолерантность. Для определения успешности адаптации Н.М. Лебедева рассматривает межгрупповое взаимодействие в виде континуума, полюсами которого являются межэтническая интегра-

ция и этнокультурная изоляция. Показателями адаптации по типу интеграции выступили позитивные образы, как «Мы», так и «Они»; признание взаимного позитивного влияния своей и соседней этнических групп; позитивный образ «других русских» (живущих в России); совпадение объективного и субъективного показателей социальной дистанции с представителями соседней культуры; большая значимость внутригрупповых, чем межгрупповых отношений, высокая удовлетворенность осуществлением смысла жизни; низкая ориентация на отъезд. Как пишет Н.М. Лебедева, представители таких групп успешно овладевают социальными навыками новой для них культуры, барьер «чуждости» снимается, она становится понятной, принимается и позитивно оценивается. Показателями адаптации противоположного типа (этнокультурной изоляции) выступили: максимально позитивный образ «Мы» и преимущественно негативный образ «Они»; высокая доля негативно оцениваемых заимствований из соседней культуры; негативный образ других групп той же этнической принадлежности или собственной группы в сравнении с ними; максимальное психологическое «отдаление» от соседней культуры; поиск другой групповой идентификации; неудовлетворенность своим бытием; выраженные ориентации на отъезд. Однако, как считает Н.М. Лебедева, активизация механизмов социально-психологической защиты дает возможность посредством изолированности от иной среды — непонятной, чуждой, неприятной — сохранить свою общность, свою идентичность [15].

В.В. Гриценко выделяет основные показатели успешности на уровнях личности и группы. Так, показателями на групповом уровне выступают позитивная социальная (этническая) идентичность, позитивный образ как своей группы, так и местных жителей, межгрупповая толерантность и др.; на личностном — эмоциональный комфорт, самоуважение, самоактуализация, удовлетворенность профессиональной деятельностью, активность, готовность к сотрудничеству, внутренний самоконтроль, интернальность [5].

Н.С. Хрусталева основное внимание уделяет следующим аспектам адаптации мигранта, позволяющим судить об уровне его интеграции в новом для него обществе: 1) профессионально-языковая адаптация; 2) материально-бытовая адаптация; 3) морально-психологическая адаптация (смысл жизни, отсутствие скуки, пустоты, наличие близкого круга общения) [31]. Основным критерием адаптации в работе Н.Б. Михайловой выступили интеграция в чужой стране, а ключевыми показателями адаптации — наличие прочных социальных контактов переселенцев с местным населением, активность, определяющая стратегию взаимодействия, целенаправленность действий [21].

Этапы адаптации. Н.Н. Мельникова выделяет 5 взаимосвязанных этапов процесса социальной адаптации (имеется в виду социаль-

но-психологическая адаптация). И хотя они не относятся к адаптации именно мигрантов, однако эта классификация может выступить в качестве универсальной. *1 этап (первичная реакция на изменения)* характеризуется слабой ориентацией в ситуации. Новые требования еще незнакомы, не хватает знаний и опыта для того, чтобы справиться с возникшей проблемной ситуацией. Поведенческая активность характеризуется в большей степени спонтанностью, чем целенаправленной произвольной активностью. Эмоциональная реакция на этом этапе является своеобразным сигналом, сообщающим о нарушении равновесия, об изменениях, произошедших в системе «организм-среда». Необходимо принятие изменившейся ситуации, построение новой системы взаимодействия. Для *2-го этапа (ориентировка)* важна такая характеристика, как адекватность ориентации в ситуации. Завершение данного этапа знаменуется приобретением необходимого количества знаний для решения проблемной ситуации. *3 этап (внутренняя переработка и осмысление)* заключается в сознательном выборе правильной стратегии поведения, позволяющей создать новую систему взаимодействия. *4 этап* — действия, направленные на изменения. *5 этап (продуктивное взаимодействие)* характеризуется состоянием адаптированности индивида, которому присуще состояние комфорта, эмоциональной стабильности и уравновешенности. Его отношение к ситуации устойчиво и позитивно [17].

Процесс адаптации мигрантов к новой этнокультурной среде также имеет несколько этапов (Дж. Галлахорн, Г. Триандис, Н.С. Хрусталева). Результаты исследований показали, что связь степени адаптированности со временем не имеет прямолинейного характера. Критерии успешной адаптации («живаемости») могут быть различными, в зависимости от стадий (или фаз), в которых находится эмигрант.

В этнической психологии известна теория U-образной кривой, которой описывается изменение психического состояния, связанного с разными этапами адаптации. Предполагается, что адаптация протекает неравномерно и в психическом состоянии человека можно выделить 3 фазы. Некоторые исследователи отмечают еще одну фазу, которая предваряет эти фазы (нулевой этап), основанную на предварительном ознакомлении с новой культурой, предполагающем подготовку к непосредственной встрече с новой культурой, понимание того, как следует действовать в новых условиях. Первая фаза носит название «медового месяца», когда мигрант обращает внимание на достижения в иной культуре, а трудности взаимодействия с новой средой еще им не осознаны, он полон оптимизма. Вторая фаза характеризуется как «культурный шок», возникающий вследствие столкновения с непонятными духовными ценностями, традициями, а также как следствие того, что человек оказывается неприспособленным к

жизни в данной культуре. Данная фаза характеризуется неприятием мигрантом иной культуры, негативным эмоциональным состоянием, депрессией. Третья фаза предполагает налаживание контактов с новой средой, достижение некоторых своих целей, хотя еще и не отрицается отвержение инокультурных ценностей.

Н.С. Хрусталева на основании проведенного эмпирического исследования выделяет в процессе адаптации мигрантов к новой этнокультурной среде 5 стадий (фаз), которые проходят переселенцы: 1) эйфорическая фаза (от нескольких дней до нескольких месяцев); 2) туристская фаза — от 3—4 недель до 2—3 месяцев; 3) ориентационная фаза; 4) депрессивная фаза (от 3—4 месяцев до нескольких лет); 5) деятельностная фаза. Время прохождения каждой фазы индивидуально и зависит от ряда факторов как объективного, так и субъективного характера в совокупности [31]. Эти данные подтверждают теорию U-образной кривой.

Таким образом, процесс адаптации личности к новым социальным условиям не имеет прямолинейного характера и зависит от множества субъективных и объективных факторов.

Этническое самосознание мигрантов. Учет исторического аспекта этнической группы позволяет лучше понять проблемы ее адаптации в новых условиях. Проживание в иной этнокультурной среде в течение десятков лет, веков накладывает отпечаток на этническое сознание представителей данных групп. В.П. Левкович указывает на то, что, с одной стороны, этническое самосознание представителей этнических групп, проживающих в иной этнокультурной среде, характерно сохранностью особенностей, свойственных данной этнической группе, с другой стороны, вследствие неизбежного взаимодействия с представителями местного населения, адаптации к иной социальной среде они становятся обладателями новых качеств, характерных для представителей местного населения и общества в целом [16]. Так, В.В. Гриценко, исследовавшая культурные особенности русских, долгий период времени проживавших в Средней Азии и переселившихся в Россию, пишет о том, что особенности переселенцев носят национальный отпечаток тех республик, откуда они приехали, и проявляются во всем: в манере их поведения, речи, даже физическом облике, причем, у большей части исследуемых мигрантов наблюдаются осознанные установки на сохранение у себя культурных заимствований от «восточных» народов тех стран, в среде которых они длительное время проживали до переезда в Россию [5]. Внимание исследователей концентрируется также на том, что происходит с этническим самосознанием эмигрантов, их этнической идентичностью.

Таким образом, при исследовании адаптации к иной этнокультурной среде основное внимание социальных психологов направлено на социально-психологические процессы, явления, которые преломляются через этнокультурные характеристики адаптанта и среды.

Концептуальная основа исследования (основной замысел и новизна исследования)

Под *социально-психологической адаптацией* мы понимаем процесс включения личности во взаимодействие с социальной средой, предполагающий ориентировку в ней, осознание проблем, возникающих в ходе этого взаимодействия, и нахождение путей их разрешения, выбор наиболее адекватной для нее деятельности в данных условиях с целью достижения соответствия между собой (своими интересами, потребностями, возможностями) и социальной средой. Наиболее успешная адаптация имеет место в том случае, когда потребности и потенциал личности гармонируют с потребностями социальных общностей, в которые она включена (малых и больших социальных групп), с условиями окружающего мира.

Трудности социально-психологической адаптации объясняются тем, что человек, переселившийся в новые социальные условия, может обнаружить несоответствие прежних привычных форм взаимодействия с окружающим миром тем, которые необходимы в новой социальной среде. При этом, как правило, окружающее воспринимается незнакомым, недифференцированным, непонятным. Необходимо время для того, чтобы человек адаптировался к новым условиям.

Социально-психологическая адаптация переселенцев в новых социально-экономических и этнокультурных условиях предполагает ориентационно-познавательную деятельность. Восприятие, являющееся процессом познания действительности, выступает необходимым условием ориентации в окружающей среде. Восприятие избирательно и находится во взаимодействии с потребностями и мотивами, знаниями и опытом, установками и отношением личности к окружающей действительности и др. На основе сравнения воспринимаемых переселенцами личных особенностей социального окружения можно судить об уровне адаптированности личности. В условиях межнациональной напряженности, когда эксперты имеют дело, в основном, с такими первичными данными, полученными методом наблюдения, как вид межгрупповых отношений, авто- и гетеростереотипы, когда нет возможности применить опросные методы с целью объяснения причин, природы таких взаимоотношений, результаты данного исследования, а также исследований подобного типа позволяют рассмотреть данную проблему с точки зрения уровня социально-психологической адаптированности той или иной группы и ее представителей, а значит, и найти оптимальные пути решения проблем в межгрупповых отношениях. Именно поэтому, изучая социально-психологическую адаптацию переселенцев, мы уделяем такое пристальное внимание динамике восприятия переселенцами тех людей, с которыми они взаимодейст-

вуют, а также самих себя («Переселенцы», «Местные жители», «Я-реальное» и «Я-идеальное»). Если в исследовании Н.М. Лебедевой характеристики межгруппового восприятия служили непосредственно показателями адаптации, то в нашем исследовании анализировалась взаимосвязь между показателями адаптации, с одной стороны, и характеристиками межгруппового восприятия, — с другой, т.е. были получены интегральные характеристики адаптированности и выявлена сложная связь отдельных интегральных показателей адаптированности, а также адаптированности в целом, с межгрупповым восприятием. Это исследование проводилось ради того, чтобы в дальнейшем, после получения результатов исследования, на практике по характеру межгруппового восприятия судить об адаптированности личности.

Как уже было сказано, **объектом** нашего исследования выступили представители этнической группы немцев — выходцев из России и других стран СНГ, переселившихся на постоянное место жительства в Германию. Был опрошен 71 респондент. Выборка являлась разнородной по полу (34 мужчины и 37 женщин), возрасту (от 16 до 80 лет), сроку проживания в Германии (от 1 года до 26 лет), знанию языка, месту выезда (представители бывших республик СССР — Киргизии, Казахстана, России и других стран СНГ). В основном эти люди выехали из селений и имели специальности, необходимые в данных местностях, — механизаторы, строители, воспитатели и т.д. Таким образом, выборка адекватно отражает генеральную совокупность людей, являвшихся объектом исследования.

Эмпирическая часть исследования проводилась с помощью таких методов, как изучение документов и опросов. Метод изучения документов (контент-анализ) применялся для анализа открытых вопросов анкеты. В число опросных методик входили:

1. Авторская анкета, направленная на выявление мотивов выезда, времени проживания в Германии, социально-демографических характеристик, показателей степени социально-психологической адаптированности и др. [8].

2. Авторская методика изучения интегрирующих и дифференцирующих компонентов этнического сознания [8].

Для изучения личностных характеристик были применены:

1. Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда [19];

2. 5-ти факторный опросник (Five-Factor Inventory) Р. Маккрей и П. Коста [34], переведенный с английского языка и адаптированный С.Д. Бирюковым.

Результаты эмпирического исследования социально-психологической адаптации мигрантов

В связи с тем, что основной целью исследования являлось изучение взаимосвязи адаптированности личности и социального восприятия, было изучено три блока проблем:

- 1) социально-психологическая адаптация переселенцев;
- 2) особенности межгруппового сравнения;
- 3) взаимосвязь социально-психологической адаптации переселенцев и восприятия ими межгруппового сходства и отличий.

Также изучалось влияние объективных и субъективных факторов (индивидуально-личностных, социально-демографических характеристик адаптанта и др.) на социально-психологическую адаптацию мигрантов.

Основными целями переселения российских немцев в Германию являлись: воссоединение со своими родственниками, с материнским этносом, обеспечение детям нормальной жизни, сохранение идентичности с немецким народом; материальное благополучие (у тех, кто выезжал после 1992 г., материальные проблемы были выражены сильнее).

Хотя большинство переселенцев считает, что их ожидания, связанные с переездом, оправдались частично либо полностью, ими указывается большое количество факторов, не удовлетворяющих их. К числу факторов, к которым переселенцы не были психологически готовы, относятся: отсутствие чувства целостности, недостаток в общении, трудности с интеграцией в общество, трудности с трудоустройством, наличие большой доли людей другой национальности, наличие в немецкой речи большого количества иностранных слов, ностальгия по прежнему месту проживания. В случае положительной оценки внешних обстоятельств отмечается оптимизм относительно возможности добиться целей. Интерпретация переселенцем мотивов поведения других людей во многом определяется уровнем его адаптированности. В случае низкой интегрированности переселенцев с местным населением причины возникновения конфликтной ситуации между местными жителями и переселенцами видятся не на уровне межличностных, а на уровне межгрупповых отношений.

Показатели адаптированности. Исходные показатели адаптированности были получены с помощью методики диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, а также анкеты изучения социально-психологической адаптации переселенцев. Для получения интегральных показателей адаптации данные обрабатывались с использованием факторного анализа. В результате к интегральным показателям социально-психологической адаптированности были отнесены следующие субъективные оценки:

1. Социальное самочувствие (интернальность, принятие себя, принятие других, эмоциональный комфорт). Внимательное рассмотрение данного фактора и сравнение его с фактором 2 позволяет говорить о том, что этот интегральный показатель характеризует адаптированность на личностном уровне.

2. Интеграция с местным населением (отсутствие недостатка в общении, мнение переселенцев о том, что местное население приняло их как «своих» немцев, установление тесных контактов с местным населением). Этот показатель позволяет судить об адаптированности на межгрупповом уровне, об уровне интеграции переселенца во взаимодействие, в отношениях с местным населением.

3. Активность переселенца по отношению к среде (активность в достижении целей, доминантность).

4) Согласованность индивида и среды (положительная оценка влияния на адаптацию внешних обстоятельств, реализация целей, ожиданий, отсутствие эскапизма), социальный аспект, т.е. наличие работы, удовлетворенность ею, реализованность, отсутствие значительных затруднений.

5) Оптимизм в оценке возможности достижения целей в новых условиях.

Первоначально факторному анализу подверглось большее количество переменных. Однако постепенно, выявляя определенные закономерности объединения этих показателей в группы, мы уменьшали количество переменных, остановившись на данном варианте. Если каждый из этих интегральных показателей рассматривать отдельно, то переменные, входящие в их состав, в свою очередь, распадутся на более мелкие факторы и дадут свои сочетания. При укрупнении, т.е. увеличении разноуровневых показателей, логика приводит к выделению данных групп интегральных показателей.

Наиболее тесная корреляция выраженности показателей *адаптированности со сроком проживания* наблюдается в сфере включенности во взаимодействие переселенцев с местным населением. Становятся более тесными контакты, появляются друзья, переселенец более свободно начинает говорить на другом языке, в большей степени считает, что местное население приняло его как немца, меньше испытывает недостаток в общении и др. В меньшей степени наблюдается взаимосвязь со сроком проживания показателей социального самочувствия (интернальность, принятие себя, эмоциональный комфорт, принятие других). Замечено, что интернальность отмечается у переселенцев в том случае, когда отсутствует негативная оценка влияния внешних событий.

Взаимосвязь *показателей активности и перспективности со сроком проживания* имеет несколько иной характер и напоминает U-образную кривую, т.е. вначале выраженность этих показателей являет-

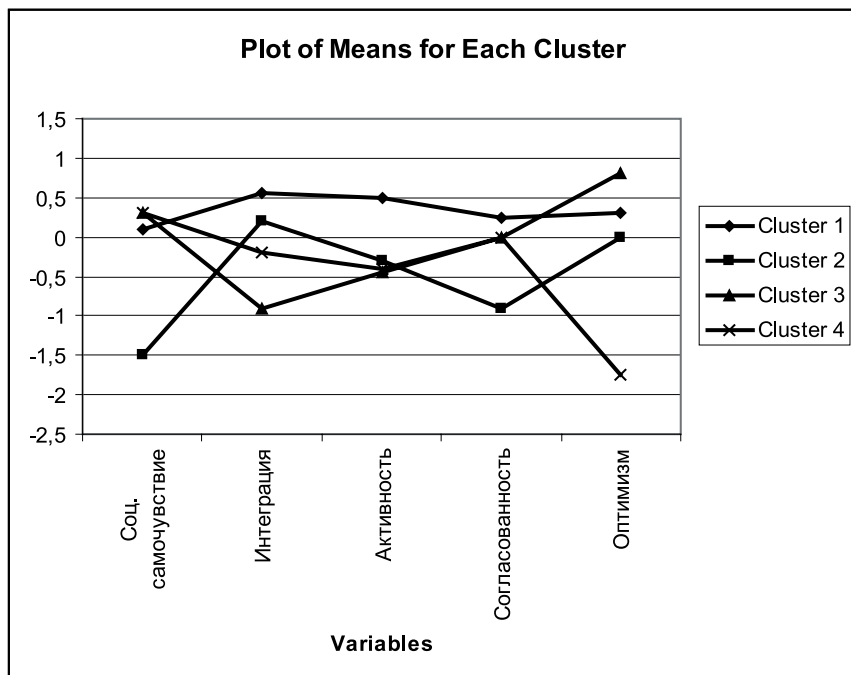

Рис. 1. Типы социально-психологической адаптации с различным сочетанием выраженности интегральных показателей адаптированности.

ся более высокой, потом немного уменьшается, после чего в случае успешности адаптации вновь возрастает. Необходимо отметить, что влияние на значения показателей адаптированности оказывает не сам срок проживания, а происходящий за это время процесс адаптации. Переселенцы по-разному адаптируются в новой социальной среде. Одним на адаптацию в новой социальной среде требуется меньше времени, другим больше. На процесс адаптации влияет множество факторов, как объективного, так и субъективного характера в совокупности. Для выявления типов социально-психологической адаптации переселенцев данные всех переселенцев по интегральным показателям адаптированности (вклад в фактор) были обработаны при помощи кластерного анализа. Данный способ обработки данных был предложен С.Е. Поддубным и В.А. Хашенко и использован в работе Г.В. Турецкой [29]. Сочетание выраженности интегральных показателей адаптированности дало следующие 4 типа социально-психологической адаптации (см. рисунок 1).

Было выявлено, что между индивидуальным и межгрупповым уровнем адаптированности существует неоднозначная взаимосвязь,

т.е. переселенцы могут давать высокую оценку своего социального самочувствия и при этом не быть включенными во взаимодействие с местным населением, и наоборот. Такой тип адаптированности был выявлен в основном у поздних переселенцев. В силу своей некоторой оторванности от этнической группы (из-за чего они и приехали в числе последних, а не в основной массе), они изначально значительно хуже владеют немецким языком, а следовательно, меньше знают немецкую культуру. Однако у них высокая степень самопрятия, уверенность в себе, оптимизма¹. Переселенцы с разным типом социально-психологической адаптации отличаются характерными особенностями.

Итак, 1 тип социально-психологической адаптации (43,53% респондентов) характеризуется выраженностью всех показателей социально-психологической адаптированности выше среднего. Данный тип адаптации можно считать оптимальным. Представителям этого типа свойственны такие характерные особенности, как экстраверсия, доброжелательность, ответственность, низкие значения нейротизма. Они быстрее сходятся с местным населением, лучше его понимают, быстрее освобождаются от стереотипных представлений, более адекватно воспринимают окружающую действительность, а значит, и более адекватно взаимодействуют с новой социальной средой.

Тип 2 (12,6 %) характеризуется низким социальным самочувствием, низкой согласованностью индивида и среды, но при этом интеграция с местным населением, активность и перспективность выражены в средней степени. Представители этого типа считают, что им не хватает осведомленности и активности в достижении цели. Им свойственна эмоциональность, они испытывают недостаток в общении, чувство ностальгии. Из-за того, что показатели их социального самочувствия сильно занижены, можно сделать вывод о неадекватности данных оценок. Анализ жизненных событий представителей данной группы показал, что объективные обстоятельства действительно были гораздо сложнее, что требовало значительно больше усилий с их стороны для совладания с проблемами. Вследствие того, что, как уже говорилось, эти обстоятельства были действительно сложными и действовали длительный период времени, происходило снижение оценки эффективности своей деятельности. Например, в семье последний ребенок родился со значительными отклонениями в психическом развитии. Когда проводилось исследование, ребенку было уже 56 лет, а родителям, ухаживающим за ним дома, более 80-ти. И у отца, и у матери была выявлена заниженная самооценка, несмотря на оптимизм и нормально складывающиеся отношения с местным населением.

Два других типа (3, 4) отличаются от остальных тем, что при вы-

¹ При большей дифференциации можно выделить большее число типов.

раженности социального самочувствия выше среднего они характеризуются разной оценкой возможности достижения цели и интеграцией с местным населением. В одном случае (25,3%) при низкой интеграции отмечается высокий оптимизм. В другом (18,1%) при средней интеграции наблюдается пессимизм.

Вследствие того, что в группе оптимально адаптированных, несмотря на преобладание переселенцев с большим сроком проживания, встретились и переселенцы с небольшим сроком проживания, и наоборот, можно сделать вывод о том, что время, требуемое на адаптацию, в каждом случае индивидуально и определяется рядом субъективных и объективных обстоятельств.

Интегрирующие и дифференцирующие компоненты межгруппового восприятия. Выявлены интегрирующие и дифференцирующие компоненты межгруппового восприятия. Интегрирующими выступили качества, характеризующие отношение к делу (ответственность, аккуратность, трудолюбие). Можно сделать вывод о том, что в сознании немцев, выехавших из стран СНГ, сохранились базовые устойчивые стереотипы, свойственные национальным чертам немецкого народа. Дифференцирующими выступили качества, выражающие отношение к другим людям, дистантность (интернационализм, коллективизм, гостеприимство, открытость, доверчивость). Это значит, что в результате длительного проживания в другой стране, при другом общественном строе, среди представителей другого этноса немцами, эмигрировавшими из России и других стран СНГ (большинство переселенцев выехало из Средней Азии), были переняты некоторые высокооцениваемые ими характеристики местного населения и сформированы устойчивые автостереотипы. В результате переезда переселенцы сталкиваются с проблемами, которые нашли отражение в оценке собственных им характеристик: неуверенность, неосведомленность, зависимость, невысокий материальный достаток. Качества, характеризующие адаптированность личности, выступили дифференцирующими.

Взаимосвязь социально-психологической адаптации переселенцев и восприятия ими межгруппового сходства и отличий. Интегральный показатель «социальное самочувствие» в большей степени связан с восприятием качеств, характеризующих адаптированность индивида (осведомленность, уверенность, спокойствие, свобода и др.), а показатель включенности во взаимодействие с местным населением — с восприятием качеств, характеризующих отношение к другим (открытость, доверчивость, интернационализм, коллективизм, гостеприимность и др.). Эта связь вполне логична. Наименьшая дифференциация в межгрупповом восприятии отмечается у переселенцев с оптимальным типом социально-психологической адаптации, макси-

мальная — у переселенцев с низким социальным самочувствием, низкой интеграцией во взаимодействие с местным населением.

В целом с ростом социально-психологической адаптированности поляризованность суждений уменьшается, а оценки становятся ближе к средним значениям. Различия в оценках местных и себя лично уменьшаются, но не исчезают.

Уменьшается дифференциация в восприятии степени выраженности качеств между местными и собою лично по качествам, характеризующим адаптированность, а также отношение к другим людям и иноэтническому окружению. Воспринимаемая степень выраженности таких качеств, как коллективизм, интернационализм, гостеприимность у местных жителей повышается. Оценки себя лично остаются высокими. Эти автостереотипы характеризуются устойчивостью.

На характер социального восприятия оказывают влияние и некоторые индивидуальные особенности. Это влияние в наибольшей степени выявлено в отношении самооценки. Несмотря на то, что нейротизм негативно сказывается на психологическом самочувствии переселенцев, оценки местного населения не страдают. Гораздо сильнее в данном случае сказывается степень адаптированности на межгрупповом уровне. Позитивность в оценках человеком своей и другой группы говорит о том, что данные группы являются для него референтным. Однако из-за своих характерных особенностей взаимодействия со средой, вероятно, из-за неэффективного разрешения проблемных ситуаций, человек чувствует себя не в полной мере адаптированным. С ростом выраженности фактора «дружелюбие» местное население начинает выше оцениваться по качествам, характеризующим отношение к людям (вежливость, тактичность, щедрость, открытость) и отношение к делу (ответственность, трудолюбие, аккуратность, бережливость).

Таким образом, адаптированность личности является одной из важнейших характеристик, объясняющих ее поведение в социальной среде. Вследствие того, что адаптация и социальное восприятие тесно взаимосвязаны, а в реальной действительности, на практике, мы имеем дело с оценками, стереотипами, поведенческими актами, объяснять их можно с точки зрения адаптированности личности, предположительно увязывая с областью ее дезадаптации.

Литература

1. *Барабанчиков В.А., Мебель Л.Г.* Ситуационный подход к исследованию психики и поведения человека // Системные исследования в общей и прикладной психологии (сборник научных трудов). Набережные Челны, 2000. С. 54–69.
2. *Березин Ф.Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.

3. Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1970.
4. *Будалина Е.Е.* Психологическая адаптация к иной социокультурной среде (на материале исследования удмурдского и коми-пермяцкого этносов). Дис. ... канд. психол. наук. Ижевск, 2004.
5. *Гриценко В.В.* Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Изд-во ИП РАН, 2002.
6. *Ключникова Л.В. (Миллер Л.В.)* Взаимосвязь социально-психологической адаптации переселенцев и межгруппового восприятия. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.
7. *Ключникова Л.В. (Миллер Л.В.), Позняков В.П.* Взаимосвязь социально-психологической адаптации переселенцев и межгруппового восприятия в новых социальных условиях // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 2: Общая и социальная психология, психология личности и психофизиология, экономическая, организационная и политическая психология. М.: Изд-во ИП РАН, 2002. С. 233–248.
8. *Ключникова Л.В. (Миллер Л.В.), Позняков В.П.* Взаимосвязь адаптации переселенцев и восприятия ими межгрупповых различий в новой социальной среде: программа исследования // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 5: Программы и методики. М.: Изд-во ИП РАН, 2002. С. 151–179.
9. *Ключникова Л.В. (Миллер Л.В.)* Стратегии поведения в ситуации межэтнической напряженности // Этнические конфликты и их урегулирование. Взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. М.-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С. 40–52.
10. *Лазебная Е.О.* Субъектные факторы успешности посттравматической стрессовой адаптации участников боевых действий // Субъектно-деятельностный подход в исследованиях проблемы профессиональной пригодности / Под ред. В.А. Бодрова. М.: Изд-во ИП РАН, 2003. С. 234–245.
11. *Лазебная Е.О.* Травматическая стрессовая ситуация и посттравматический адаптационный процесс // Психология психических состояний. Сборник статей. Вып. 4 / Под ред. А.О. Прохорова. Казань: Изд-во «Центр инновационных технологий», 2002. С. 387–399.
12. *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Учебное пособие. М.: Изд-во «Ключ-С», 1999.
13. *Лебедева Н.М.* Особенности социальной перцепции в процессе этнокультурной адаптации переселенческих групп. Дис. ... канд. психол. наук. М.: ИП АН СССР, 1989.
14. *Лебедева Н.М.* Новая русская диаспора: социально-психологический анализ. Издание второе, дополненное. М.: Изд-во Института этнологии и антропологии, 1995.
15. *Лебедева Н.М.* Социальная психология аккультурации этнических групп. Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 1997.
16. *Левкович В.П., Мин Л.В.* Особенности сохранения этнического самосознания корейских переселенцев Казахстана // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 72–81.
17. *Мельникова Н.Н.* Процесс социально-психологической адаптации. Подходы к изучению // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология. Сборник научных трудов / Под ред. Н.А. Батурина. Челябинск: Изд-во ЮрУрГУ, 1998. Т. 1. С. 31–49.

18. Мельникова Н.Н. Стратегии поведения в процессе социально-психологической адаптации. Дис. ... канд. психол. наук. СПб, 2001.
19. Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда // Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара: Издательский Дом БАХРАХ, 1998. С. 457–465.
20. Миллер Л.В. Особенности каузальной атрибуции и поведения в конфликтной неопределенной ситуации // Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе. Материалы Международной научной конференции 18–20 сентября 2003, г. Балашов. Балашов: Николаев, 2003. С. 212–216.
21. Михайлова Н.Б. Психологическое исследование ситуации эмиграции // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 1. С. 26–38.
22. Павленко В.Н. Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г.У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. С. 25–39.
23. Павловец Г.Г. Социально-психологическая адаптация вынужденных мигрантов (по материалам Северного Кавказа). Дис. ... канд. психол. наук. СПб, 2002.
24. Реан А.А. К проблеме социальной адаптации личности // Вестник СПбУ. 1995. № 3. Серия 6. С. 74–79.
25. Ромм М.В. Теоретико-методологические проблемы исследования социальной адаптации личности (информационный подход). Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Новосибирск: СГАТиИ, 1995.
26. Ронгинская Т.И. Феномен сопротивления адаптирующим воздействиям. Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. СПб: СПбУ, 1995.
27. Солдатова Г.У. Социокультурный подход в практической психологии вынужденной миграции // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г.У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. С. 4–24.
28. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.
29. Турецкая Г.В. Социально-психологический анализ феномена деловой женщины // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций. М.: Изд-во «Социум», «Институт психологии РАН», 2001. С. 77–94.
30. Хармз В. Психологическая адаптация мигрантов (на материале исследования иракских эмигрантов в Швеции). СПб.: Речь, 2002.
31. Хрусталева Н.С. Психология эмиграции (Социально-психологические и личностные проблемы). Дис. ... докт. психол. наук. СПб., 1996.
32. Berry J.W. Immigration, Acculturation and Adaptation. Ontario. 1996.
33. Berry J.W., Sam D.L. Acculturation and Adaptation // Handbook of cross-cultural psychology. Vol. 3. Social behavior and applications. Boston, 1997. P. 291–326.
34. Mc Crae R., Costa P.T. Validation of the five-factor model of personality across the instruments and observers // J. Pers. and Soc. Psychol. 1987. V. 52. P. 81–90.
35. Moghaddam F.M., Taylor D.M., Wright S.C. Social psychology in cross-cultural perspective. N.Y., 1993.

Психологические детерминанты рациональности принятия решений при политическом голосовании в усложненных социальных ситуациях

В.И. Моросанова, Т.А. Индина

В условиях непрерывно меняющейся социальной среды важную роль в процессах адаптации играет способность человека оперативно реагировать на внешние изменения среды и гибко регулировать свою активность соответственно субъективной значимости этих изменений, принимать решения о том, как действовать в ситуации социальных изменений.

В процессе своей жизнедеятельности индивид является неизбежно включенным в огромное число социальных ситуаций и отношений, требующих принятия решений. В частности, политическое голосование является одной из основных форм участия человека в социальной жизни современной России. Потенциальный избиратель принимает решение участвовать или не участвовать в выборах и за кого голосовать под воздействием ряда факторов, в том числе и прежде всего — психологического характера.

Часто в современных политико-психологических исследованиях электорат представляют как пассивный объект манипулирования и влияния СМИ, коммерческой рекламы, искусственно сконструированных имиджей, политических мифов и т.п. Мы предлагаем посмотреть на избирателя с другой точки зрения — рассмотреть его как активного участника, субъекта политического процесса, обладающего волей и правом своим решением при голосовании осознанно влиять на ход избирательного процесса.

В настоящее время достаточно хорошо изучены социально-психологические факторы электорального выбора (менталитет, социальные ценности конкретного избирателя, демографические характеристики избирателей), тогда как феномен политического выбора с точки зрения психологии индивидуальных различий требует дальнейшего исследования. В рамках данной работы акцент был сделан именно на индивидуально-типологических: когнитивных, личностных и регуляторных особенностях субъекта политического голосования.

Рациональность выбора при политическом голосовании является достаточно дискуссионной проблемой. И действительно, рядовому

избирателю бывает трудно сориентироваться в ситуации непрерывных политических выборов. Процесс усложнения социально-политической жизни в сфере политики, противоречивость политических процессов ведут к образованию познавательных барьеров, затрудняющих осмысление индивидом общественно-политической жизни на рациональном уровне. Данный процесс неизбежно приводит к появлению эмоционального отношения к политической действительности, и, в частности, к избираемым кандидатам.

Как отмечают специалисты по электоральной психологии, рядовой избиратель отнюдь не является изоциренным «читателем» политических текстов. Более того, у него, как правило, отсутствует всякое желание читать их. Он берет лишь верхний слой информации, причем «подчиняет ее своей логике, своим представлениям о том, что пытается сообщить ему политик. Весьма часто избиратель и вовсе не воспринимает послание политического кандидата, а строит его образ по «осколкам» информации, которую он воспринимает на эмоционально-чувственном уровне» [17].

Представление о том, что россияне «голосуют сердцем», стало стереотипным для общественного сознания. Но насколько справедливо такое обобщение? Насколько рационален выбор отдельного избирателя и от каких психологических характеристик зависит рациональность его выбора — это проблема, которую мы и попытались решить в нашем исследовании.

Что же такое рациональность? Обращаясь к философскому словарю [18] в поисках определения рациональности, находим две противоположные точки зрения. Отечественные исследователи определяют рациональность как относительно устойчивую совокупность правил, норм, стандартов, ценностей, общепринятых и однозначно понимаемых всеми членами определенного сообщества (социальной, профессиональной или этнической группой). Западными же исследователями акцент делается на всеобщем, внекультурном и внеисторическом свойстве рациональности, она определяется ими как универсальный показатель разумности человека.

Многозначное и многостороннее понятие рациональности находит свое определение практически в каждой из наук, объектами исследования которых являются индивид или общество. И в каждой области понятие рациональности приобретает свое значение: в гносеологии рациональность обозначает теоретическое знание, отражающее сущность вещей и явлений окружающего мира, а именно, законы происхождения, функционирования и развития; в экономической области рациональность рассматривается как путь производственно-технической деятельности с наименьшими затратами и отклонениями. В ряде моделей подразумевается, что индивид изначально обладает

выработанной субъективной шкалой предпочтений и ему известна его собственная позиция. В отличие от этого, при анализе поведения в рамках модели «экономического человека» предполагается, что в основе рационального экономического поведения лежит стремление получить максимальный результат при минимальных затратах в условиях невозможности при принятии решений использовать всю полноту имеющейся информации из-за трудностей в ее сборе и анализе. В этом случае решения принимаются отчасти на основе опыта, интуиции и проч. [12]. Отсюда можно заключить, что в экономических моделях признается, что степень рациональности при принятии решений варьируется в широких пределах в связи с неполнотой информации, заблуждениями или игнорированием имеющихся сведений; полная рациональность представляется вообще недостижимой и речь может идти лишь о мере рациональности в принятии решений. Не менее важно в данном контексте, что только сознательные ориентации на конечные результаты и сознательный выбор средств ее достижения признаются рациональными [4]

Модели, разработанные для объяснения экономического поведения человека, были успешно применены в политической сфере. Э. Даунс был первым, кто использовал экономическую теорию в политических науках и предложил «гипотезу о рациональных политических выборах». Она основана на постулате, что избиратель принимает участие в выборах, если его личная польза превышает понесенные издержки. Э. Даунсом политик рассматривается как «максимизатор» голосов избирателей, а избиратель — как лицо, голосующее за партию, которая отвечает его интересам [20]. С точки зрения Сэвиджа, рациональное поведение людей также должно основываться на стратегии максимизации субъективно ожидаемой полезности [11]. Приверженцы теории рационального выбора (Р. Беккер, К. Эрроу, Дж. Бьюкенен, Дж. Колеман) представляют рациональность как направленный отбор определенных линий поведения для достижения наиболее предпочитаемых целей, результатов. С точки зрения классика теории рационального выбора Дж. Бьюкенена, избиратель решает, прийти ему на выборы или нет, в зависимости от того, как он измеряет выгоду от своего голоса. Избиратель отдает свой голос тому или иному кандидату или партии, если их программы близки его интересам [2]. В политической науке теория рационального выбора нашла применение в ряде теорий: «Теореме невозможности» Эрроу, «Принципе медианного избирателя», моделях формирования коалиций, распределения власти и т.д. Аналогичные модели используются при анализе партийной политики во время голосования («Теорема сделки», «Модель минимального пространства», «Модель минимально связанной коалиции», «Модель распределения власти» и т.д.).

Таким образом, с точки зрения экономических и политических моделей индивид должен действовать сообразно логике выбора, преследуя при этом цель получения максимально возможной пользы. Рациональный выбор, в основе которого лежит, с одной стороны, логически обоснованное, осознанное, систематизированное знание предмета индивидами, а с другой — императив собственной выгоды, является, с точки зрения экономистов и политиков, важнейшим условием поддержания социального равновесия, общественного порядка и стабильности. Рациональность — основополагающая черта в характеристике целеполагающей социальной и политической активности.

Подход к рациональному поведению, развиваемый в школах рационального выбора в социологии, правовых и политических науках, с точки зрения психологии выглядит односторонним. Для психологов достаточно очевидно, что кроме экономических и социальных факторов принятия решения существует целый ряд собственно психологических (личностных и когнитивных) детерминант, влияющих на принятие решений в ситуации политического голосования. Собственно, это сознают и приверженцы моделей рационального выбора, рассматривая проблему формирования критериев выбора. Так, например, Дж. Бьюкенен писал: «Предположим, что один мужчина отдает предпочтение партии А из политических соображений, но его жена испытывает приступ гнева, если он не голосует за партию Б. Для него лично совершенно рационально голосовать за партию Б в том случае, если для него свобода от ярости жены более ценна, чем победа партии А над Б» [20]. Хорошо известно также, что в политике существует проблема не только рационального, но и личностного выбора. Личностная харизма политика является не менее существенным фактором его успеха на выборах, чем его программные установки. Отечественными психологами неоднократно проводились исследования предпочитаемого избирателями личностного типа политика (В.Ф. Петренко, О.В. Митина), однако вопрос о зависимости политического выбора от индивидуальных личностных и регуляторных особенностей избирателей по-прежнему остается открытым.

Таким образом, на смену ограниченности экономических моделей рационального человека пришло осознание того, что в поведении индивида присутствует и значительный нерациональный компонент, что привело ученых к необходимости обратиться к исследованию психологических особенностей самого индивида как субъекта рационального действия.

Основоположник рационально-эмотивной терапии А. Эллис полагает, что человек отражает и переживает действительность в зависимости от структуры индивидуального сознания, в котором присутствуют рациональные и иррациональные установки [19].

Очевидно, что принятие субъектом решений происходит на основании владения им информацией. Но при этом рациональность принимаемых им решений зависит не столько от количества имеющейся информации, сколько от ее качества. Главный вопрос заключается в том, какая это информация. Специалисты по нейролингвистическому программированию и психолингвистике утверждают, что восприятие субъектом информации может осуществляться по двум основным каналам: на уровне непосредственного эмоционального переживания (канал эмоционального восприятия) и на уровне категориального (т.е. опосредованного процессом мышления) восприятия путем логической обработки поступающей информации (канал рационального восприятия).

В целом же в психологической науке при рассмотрении проблемы соотношения эмоционального и рационального можно отметить существование двух основных тенденций: утверждение единства и целостности аффективного и когнитивного компонентов (Л.С. Выготский, Ж. Пиаже, А.Н. Леонтьев) и разделение данных сфер как относительно противоположных, различных структур психики (С.Л. Рубинштейн, В.К. Вилюнас, В. Вундт, Ф.Е. Василюк).

По-видимому, существуют яркие индивидуальные психологические различия в том, в какой мере человеку для принятия решения необходима рациональная информация, систематизированные знания (в случае политического голосования — программа и биография кандидата, его политическая ориентация) и эмоциональные впечатления, чувственная информация (личный имидж политика). Что же является более значимым критерием для принятия решения: знания или чувства?

Понятно, что такое разделение источников информации является достаточно условным. Каждый из нас при принятии решения ориентируется и на разум, и на чувства. В тоже время, в дифференциальной психологии существуют вполне сложившиеся представления (например, в работах К. Юнга и его последователей) о том, что можно говорить о преобладании в индивидуальном плане установки на использование психической информации различной модальности. В применявшемся нами опроснике Кейрси, основанном на типологии Юнга, присутствуют 4 шкалы, обозначающие 4 пары основных личностных установок: Экстраверсия — Интроверсия, Сенсорика — Интуиция, Логика — Чувствование (в одном из переводов эта шкала обозначена так же как Рациональность — Эмоциональность) и Рассудительность — Импульсивность. Каждая из установок определяет способ отношения субъекта к внешнему миру, его предпочитаемый индивидуальный способ получения и использования информации при принятии решений.

В теории рациональных решений Ланге [10] утверждается, что для того, чтобы определить, какое действие является оптимальным,

нужно знать задачу, точнее, информацию, в ней заключенную. Анализ задачи позволяет проверить, какая из альтернатив решения удовлетворяет основным постулатам рациональности (последовательности и максимизации).

Ю. Козелецким критерии относительной рациональности рассмотрены применительно к теориям принятия решений в контексте соотношения целей-ценностей-средств. Инструментальная рациональность определена соотношением целей и средств. Ей противопоставлена аксиологическая рациональность, фиксирующая степень «разумности» при выборе целей действий. В целом рассмотрение рациональности принимаемых субъектом решений с точки зрения мотивационных тенденций — соответствия поведения индивида и принимаемых им решений его ценностям и поставленным задачам — характерно для большинства психологических моделей.

Исследованием рациональности как регулятивной характеристики процессов принятия решений занимается отечественный психолог Т.В. Корнилова. Она выдвигает гипотезу о связях личностно-мотивационных профилей с показателями стратегий принятия решений. По мнению Т.В. Корниловой, готовность субъекта осуществлять выбор при дефиците информации и умение планировать, оставляя на каких-то этапах стратегий место неопределенности, рассматриваются в современной психологии в контексте определения критериев рациональности интеллектуальных решений [8].

Не менее важным в психологическом плане является и ответ на вопрос, какие индивидуально-психологические особенности влияют на степень рациональности принятия решения. Уже на уровне экономических моделей, как мы показали в обзоре, подчеркивается, что рациональное решение отличается осознанностью и целесообразностью. Это позволяет предположить, что существенной индивидуально-психологической детерминантой рациональности выбора является развитие осознанной саморегуляции активности субъекта принятия решения. В работах отечественных психологов О.К. Тихомирова, А.М. Матюшкина, А.В. Брушлинского, Д.Б. Богоявленской рациональная мыслительная деятельность также представлена как деятельность саморегулирующаяся.

Осознанная саморегуляция понимается нами как системно организованный процесс по инициации, построению, поддержанию и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней активности, которые направлены на достижение принимаемых субъектом целей [7]. При этом такая важная характеристика процессов саморегуляции, как осознанность, в нашем контексте подчеркивает, что имеются в виду в первую очередь и преимущественно психологические уровни регуляторных процессов и их не только и не столько актуальная, сколько при-

нципиальная осознаваемость субъектом активности. Следует специально оговориться, что в нашем понимании осознанная саморегуляция является не тождественным, а скорее родовым понятием по отношению к самоконтролю поведения или когнитивному контролю. Эти понятия являются более частными, так же, как и эмоциональная, и когнитивная регуляция, так как в них сделан акцент на искусственно изолированном использовании когнитивных или эмоциональных ресурсов индивидуальности в качестве средств реализации регуляторных процессов.

Степень развитости осознанной саморегуляции определяется индивидуальным развитием и взаимосвязью функциональных компонентов целостной системы психической переработки информации, среди которых основными являются: планирование целей, моделирование субъектно-значимых условий их достижения, программирование и оценивание активности и ее результатов. Нами развиты представления об индивидуально-типическом профиле саморегуляции, характеризующем такие особенности саморегуляции человека, которые устойчиво проявляются в различных видах произвольной активности, в поведении и практической деятельности [13]. Среди них различаются индивидуально-типические особенности планирования, моделирования, программирования и оценки результатов.

В настоящее время проводятся исследования индивидуально-типических особенностей саморегуляции в их взаимосвязи с личностными структурами различного уровня. В наших исследованиях показано, что на уровне субъектных качеств развитие осознанной саморегуляции проявляется целым симптомокомплексом регуляторно-личностных качеств, являющихся стилиобразующими. Изучены стили саморегуляции в связи с развитием различных регуляторно-личностных свойств, среди которых: самостоятельность, ответственность, гибкость, надежность и др. (Г.С. Прыгин, А.К. Осницкий, В.И. Моросанова, И.В. Плахотникова, Р.Р. Сагиев), показана регуляторная специфика экстраверсии и нейротизма, описаны с точки зрения индивидуальных особенностей саморегуляции личностные акцентуации характера (В.И. Моросанова, Е.М. Коноз, И.В. Плахотникова, Р.Р. Сагиев), описаны регуляторные особенности самосознания (В.И. Моросанова, Е.А. Аронова) и особенности саморегуляции агрессивного поведения (В.И. Моросанова, М.Д. Гаралева).

Мы предполагаем, что проявления рациональности при принятии субъектом решений можно рассматривать не только ситуативно, но и в контексте сложившегося субъектного или регуляторно-личностного качества. Степень осознанной саморегуляции и специфика регуляторных профилей будут определяться во многом тем, какие критерии (эмоциональные или рациональные) используются индивидом в процессе регуляции принятия решения. В свою очередь, их

выбор будет зависеть как от индивидуальности субъекта выбора, так и от ситуации принятия решения и целей деятельности.

Существенным в нашем контексте является рассмотрение Т.В. Корниловой рациональности не только как характеристики принятия решения в процессе решения мыслительных задач, но и как личностного свойства субъекта принятия решения. В данной работе за базовое нами принято определение рациональности, данное Т.В. Корниловой [9], которая характеризует рациональность как готовность субъекта обдумывать свои решения и действовать при возможно полной ориентировке в ситуации.

Отвечая на вопрос, что же находится на противоположном полюсе рациональности, мы находим различные точки зрения исследователей, но в целом можно выделить две основные группы: первая объединяет большинство философских концепций и соционических моделей, считающих, что свойством, противоположным рациональности, является иррациональность (М. Хайдеггер, И. Бриггс, В. Порус), но при этом не дающих четкого и конкретного определения того, что следует считать иррациональным.

Нерациональность часто рассматривается как отсутствие либо малая степень выраженности рациональности. Вторая точка зрения заключается в противопоставлении рационального и эмоционального компонентов психики, в уже упомянутой нами позиции, что аффективная и познавательная сферы являются функционально разнонаправленными, при этом не имея четкой структурной границы между собой (В.К. Вилюнас, В. Вундт, Ф.Е. Василюк).

Подытоживая постановку проблемы, отметим следующее. Рациональность можно рассматривать и как свойство процесса принятия решения в конкретной ситуации, и как субъектное или личностно-регуляторное свойство человека, устойчивую характеристику его индивидуальности. Рациональность проявляется в таких особенностях активности и индивидуальности субъекта принятия решения, как осмысленность целей и средств, управляемость действиями субъекта со стороны его самосознания, соответствие этих действий перспективным долгосрочным интересам самого субъекта, их соотносительности с целями, интересами, нормами и ценностями.

Применительно к ситуации политического голосования выбор избирателя, степень рациональности принятия им решения о выборе определенного кандидата зависит как от особенностей предлагаемого ему политического имиджа кандидата, так и от ряда индивидуально-психологических особенностей самого избирателя (субъектных, личностных и когнитивных), некоторые из которых являются предпосылками (психологическими детерминантами) рациональности. Для проверки этой гипотезы нами было проведено эмпирическое исследование.

Программа и методы исследования рациональности принятия решений при политическом голосовании

Целью нашего эмпирического исследования было выявление влияния, оказываемого индивидуально-психологическими особенностями избирателя (личностными, когнитивными, регуляторными) на рациональность принятия им решений при политическом голосовании.

Для исследования данной проблемы нами была разработана экспериментальная модель ситуации политического голосования, позволяющая диагностировать проявления рациональности принятия решения испытуемыми при выборе одной из двух альтернатив. Результаты, полученные в экспериментальной ситуации, сопоставлялись с данными психодиагностического обследования испытуемых. Такое построение исследования дало нам возможность исследовать рациональность как личностное свойство субъекта (или регуляторно-личностное качество) в его проявлениях в субъектной активности при принятии решения в модельной ситуации голосования, а также рассмотреть личностные, когнитивные и регуляторные детерминанты рациональности принятия решения.

Для исследования индивидуальных психологических особенностей испытуемых были применены следующие диагностические методики:

- Методика исследования рациональности «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР) Т.В. Корниловой, содержащая шкалы: «Рациональность» и «Готовность к риску».
- Опросник «Характеристики эмоциональности» Е.П. Ильина, включающий шкалы: «Эмоциональная возбудимость», «Интенсивность эмоций», «Длительность эмоций», «Влияние эмоций на деятельность и общение», «Общий уровень эмоциональности».
- Методика диагностики индивидуального стиля саморегуляции поведения (ССПМ) В.И. Моросановой, позволяющий определить уровень развитости системы индивидуальной саморегуляции и основных регуляторных процессов: планирования (Пл), моделирования (М), программирования (Пр), оценки результатов (Ор), а также и регуляторно-личностных свойств: гибкости (Г) и самостоятельности (С). Опросник ССПМ состоит из шести шкал и 46 утверждений и работает как единая шкала общего уровня саморегуляции (ОУ), которая характеризует степень развития индивидуальной осознанной саморегуляции субъекта.
- Методика оценки уровня интеллекта «Стандартные прогрессивные матрицы Равена», из которой нами был использован показатель общего уровня интеллекта.

- Методика диагностики психологического типа личности Личностно-типологический индикатор Д. Кейрси», основанный на типологии личности К.Г. Юнга использовался нами для оценки выраженности личностных свойств, представленных полярными шкалами: Экстраверсия (E) — Интроверсия (I), Сенсорика (S) — Интуиция (N), Логика (T) — Чувствование (F) и Рассудительность (J) — Импульсивность (P). Помимо этого опросник Кейрси выделяет четыре основных личностных типа: интуитивный — рациональный (NT), сенсорный — планирующий (SJ), интуитивный — эмоциональный (NF), сенсорный — спонтанный (SP).

Таким образом, нами планировалось сопоставить данные психологических методик, диагностирующих индивидуальные личностные, регуляторные и когнитивные особенности избирателей, с данными, полученными в ходе применения экспериментальной модели «Политическое голосование».

Теперь вернемся и подробнее остановимся на разработке и применении нашей экспериментальной модели. В ходе обследования испытуемым предлагали ознакомиться с предвыборными агитационными материалами: двумя листовками, содержащими фотографию, обращение к избирателям, программу и биографию политических кандидатов, избирающихся в органы городского самоуправления. После этого их призывали выбрать («проголосовать за») одного из двух кандидатов.

После осуществления выбора испытуемые в виде короткого письменного самоотчета в свободной форме должны были ответить на вопрос «Почему я проголосовал именно за данного кандидата?», аргументировав свой выбор. Дополнительно испытуемым были заданы вопросы об участии в политических выборах («Принимаете ли Вы обычно участие в выборах?») и значимости для них данной процедуры («Считаете ли, что Ваш голос имеет значение?»).

В качестве стимульного материала в данной модели были сконструированы и использованы два политических имиджа. В первом случае мы апеллировали в первую очередь к разуму избирателей: упор делался на детально прописанную политическую программу, биографическую справку, содержащую только факты, деловое обращение к избирателям, и соответствующий визуальный образ строгого политика в официальном костюме. Материалы же второй листовки были составлены в эмоционально-экспрессивной форме: яркие истории из жизни, теплое обращение, преувеличенно патриотичная программа, фотография улыбающегося кандидата в неформальной одежде — все это было призвано воздействовать в большей степени на чувства, нежели на разум избирателя. Отметим, что конструируемые имиджи

были уравнены с точки зрения политических ориентаций и внешней привлекательности кандидатов. В нашем изложении мы будем обозначать эти имиджи как «рациональный политик» и «эмоциональный политик».

Результатом применения экспериментальной модели был подсчет распределения голосов в поддержку и против каждого кандидата, а полученные данные самоотчетов испытуемых анализировались с применением методов контент-анализа и экспертных оценок. С целью определения степени рациональности и эмоциональности выбора испытуемых нами была разработана система критериев оценки выраженности данных свойств.

Отметим, что для моделирования нами была выбрана простейшая ситуация принятия решения — выбор испытуемым одной из альтернатив, а ситуация политического голосования наиболее оптимально репрезентирует данную процедуру, так как позволяет проследить не только конечный результат, но и особенности самого процесса принятия решения. При этом в экспериментальных условиях появляется возможность получить обратную связь (в форме письменных самоотчетов) о причинах предпочтения испытуемым той или иной альтернативы (в данном случае — выбора избирателем одного из кандидатов).

В конечном итоге мы имели возможность проверить, кого из двух кандидатов предпочтут избиратели, какого рода информация (рациональная или эмоциональная) окажет большее влияние на распределение голосов и результаты политического голосования.

Мы предположили, что более рациональный избиратель будет больше ориентирован на оценку и анализ конкретных фактов биографии и политической программы кандидата; в то время как менее рациональный проявит большую чувствительность к экспрессивным текстовым параметрам «эмоционального имиджа», в большей степени обращая внимание на личность кандидата, его внешность на фото, опираясь в основном на чувства.

Анализ полученных таким образом вербальных отчетов испытуемых осуществлялся методом контент-анализа и экспертных оценок.

Согласно современной психолингвистической теории, рациональный и эмоциональный компоненты психики человека находят свое отражение в продуктах речевой деятельности — текстах (М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев). Поэтому психолингвистический анализ текстов был оправданно выбран нами в качестве одного из методов исследования рациональности в данной работе. Качественный контент-анализ отчетов испытуемых использовался нами как дополнительный метод оценки рациональности и эмоциональности выбора и позволил выде-

лить ряд содержательных параметров, характерных для эмоциональных и рациональных текстов.

Также мы посчитали необходимым учесть в модели голосования мотивационный фактор: значимость процедуры политических выборов для избирателя.

В итоге данная модель как экспериментальная ситуация принятия решений позволила нам диагностировать рациональность выбора респондентов по четырем параметрам:

1. Направленность выбора респондентов (выбор испытуемыми определенного кандидата).

2. Количественное определение уровня рациональности выбора испытуемых с помощью метода экспертных оценок.

3. Выявление качественных особенностей проявления свойств рациональности и эмоциональности в текстах испытуемых с помощью метода контент-анализа.

4. Учет мотивационного фактора значимости выбора для респондента.

Таким образом, представленная программа исследования позволила нам поэтапно исследовать свойство рациональности на двух уровнях: как характеристику процесса принятия решений и как личностное свойство субъекта.

Основные задачи данного экспериментального исследования:

- Исследование рациональности принятия решения в условиях смоделированной ситуации политического голосования и выделение на этой основе групп с большей и меньшей выраженностью рациональности.
- Сравнение регуляторных, личностных и когнитивных особенностей выделенных групп испытуемых на основе данных психодиагностики.
- Сравнение индивидуально-психологических особенностей испытуемых, выбравших различных кандидатов.
- Выявление взаимосвязей между индивидуально-психологическими параметрами личности, саморегуляции и интеллекта испытуемых и рациональностью принятия ими решений.
- Выделение основных психологических факторов, влияющих на рациональность принятия решения.

Общая выборка исследования составила 263 человека. В нее вошли студенты и взрослые работники предприятий г. Москвы и г. Железногорска.

Результаты исследования рациональности принятия решений избирателями

Результаты выбора. Результаты «голосования» показали следующее. Выбор в пользу «рационального кандидата» сделали 54% испытуемых, в пользу эмоционального — 29%, и 17% избирателей проголосовали «против всех». Таким образом, большинство испытуемых выбрали «рационального политика», но насколько рационально при этом они аргументировали свой выбор, нам предстояло выяснить.

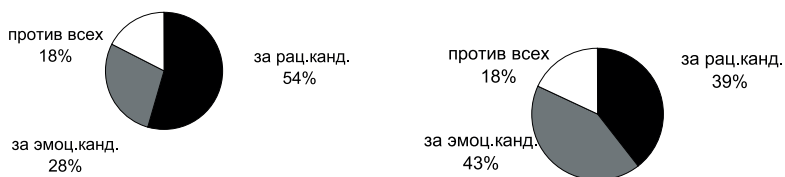
Понятно, что о степени рациональности принятия решения невозможно судить лишь по факту выбора того или иного кандидата. Поэтому была произведена оценка текстов свободных самоотчетов испытуемых с помощью 10 экспертов-психологов. В результате экспертного оценивания (ранжирования) текстов по степени рациональности/эмоциональности и статистической обработки полученных данных каждый испытуемый получил оценку от 1 до 5 по двум шкалам: рациональности и эмоциональности. Впоследствии нами была составлена сводная таблица средних баллов экспертных оценок с учетом степени их согласованности. Мера согласованности оценок определялась по коэффициенту корреляции (r) Пирсона на уровне 0,7–0,9.

Основываясь на результатах экспертных оценок, мы выделили крайние группы — с высокой и низкой рациональностью принятия решений, с высокой и низкой эмоциональностью. Таким образом, были сформированы 4 экстремальных группы испытуемых: группа с высокой рациональностью (57 чел.), группа с низкой рациональностью (61 чел.), группа с высокой эмоциональностью (50 чел.) и группа с низкой эмоциональностью (35 чел.). Затем было подсчитано распределение голосов «за» и «против» каждого кандидата в крайних группах.

Согласно полученным результатам, распределение голосов было следующим:

- В группе с высокой рациональностью (57 чел.) большинство испытуемых (45%) проголосовало за «рационального кандидата», 26% выбрали «эмоционального политика», и 29% проголосовали «против всех».
- В группе с низкой рациональностью (61 чел.) большинство проголосовало за эмоционального кандидата (39%), 34% выбрали «рационального политика», «против всех» проголосовало 27%.
- В группе с высокой эмоциональностью (50 чел.) большинство избирателей (43%) выбрали «эмоционального кандидата», 40% проголосовали за «рационального» и 17% — «против всех».
- В группе с низкой эмоциональностью (35 чел.) большинство проголосовало за «рационального кандидата» (58%), 24% — против всех и 18% отдали свой голос за «эмоционального кандидата».

1.Группа с высокой рациональностью 2.Группа с низкой рациональностью

3.Группа с высокой эмоциональностью 4.Группа с низкой эмоциональностью

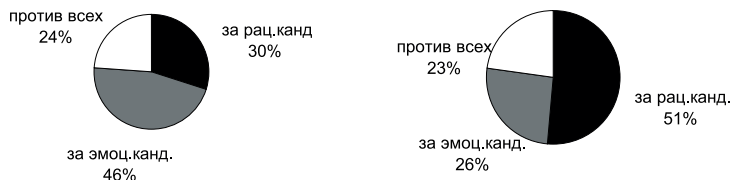

Диаграмма 1. Распределение голосов в крайних группах испытуемых с учетом фактора значимости выбора.

Таким образом, мы видим, что в группе с высокой рациональностью большинство голосов (45%) было отдано за «рационального кандидата», а группе с высокой эмоциональностью большинство избирателей (43%) проголосовало за «эмоционального кандидата», т.е. испытуемые, получившие более высокие экспертные оценки по рациональности, более склонны выбирать «рационального политика», ориентируясь при принятии решения на логику, объективные факты и конкретику политической программы. Испытуемые же с более выраженной эмоциональностью предпочитали «эмоционального кандидата», аргументируя свой выбор в большей степени чувством личной симпатии к кандидату.

На следующем этапе анализа данных нами учитывался мотивационный фактор значимости для испытуемых участия в выборах. Мы включили в анализ лишь тех испытуемых, которые признали значимость для них процедуры политического голосования и положительно ответили на вопрос о своем участии в выборах (см. диаграмму 1).

В такой выборке тенденция предпочтения в крайних группах определенного политика усилилась: в группе с высокой рациональностью процент предпочтения «рационального политика» возрос с 45% до 54%, а в группе с высокой эмоциональностью выбор «эмоционального кандидата» увеличился с 43% до 46%. При этом процент проголосовавших «против всех» в выделенных группах значимо сократился.

Результаты контент-анализа. Контент-анализ письменных высказываний испытуемых заключался в выделении характерных лингвистических особенностей текстов рациональных и эмоциональных избирателей. В результате такого анализа нами были выделены основные категории и специфические особенности, характерные для текстов испытуемых в выделенных крайних группах с высокой рациональностью и высокой эмоциональностью принятия решений (согласно экспертным оценкам). Мы считали, что рациональность как важная характеристика выбора испытуемого будет проявляться не только в том, *кого он выбирает*, но и в том, как он *аргументирует свой выбор*. Мы предположили, что свойства рациональности и эмоциональности как характеристики выбора будут отражаться в продуктах письменной речевой деятельности испытуемых при описании ими обоснований своего решения.

По результатам контент-анализа письменных высказываний испытуемых в качестве наиболее характерных (наиболее часто встречающихся) нами были выделены следующие специфические особенности выбора, проявляющиеся в текстах:

Для *рационального выбора* было характерно: упоминание в текстах испытуемых конкретных пунктов программы кандидатов или их биографии (детализация, факты, примеры); сравнительная оценка и анализ программ и биографического материала двух кандидатов; оценка предложенного агитационного материала кандидатов как продукта (стиль, язык, структура); изложение собственно политической позиции и оценка соответствия ей программы кандидата; критичность в восприятии предложенной информации; выделение главного и второстепенного в содержании листовок; общая логичность и четкость в изложении своих мыслей.

Основными характеристиками *эмоционального выбора* стали следующие особенности текстов: оценка личных качеств кандидатов; выражение собственных соображений о выборах, политиках, устройстве мира и общества в целом; использование анекдотов, притч, рассуждений и «посторонних» историй в тексте; выражение своего впечатления от фотографии, оценка внешности кандидата; яркая эмоциональная окрашенность сообщений (употребление разговорных оборотов, эпитетов, аналогий, метафор в тексте); общая размытость и нечеткость изложения собственной позиции.

Корреляционный анализ показателей рациональности и эмоциональности. На следующем этапе нашего исследования мы сопоставили данные, полученные в результате применения модели «Политическое голосование», с данными диагностических методик. Определяя, каким образом рациональность как характеристика выбора избирателей будет связана с личностными свойствам рациональности и эмоциональности, диагностируемыми опросниками, мы имели возможность

проверить валидность разработанной нами модели. Исследование проводилось на всей выборке испытуемых.

Последовательно прокоррелировав показатель рациональности (согласно экспертным оценкам) с показателем «Рациональность» методики ЛФР Т.В. Корниловой и показателями эмоциональности методики «Характеристики эмоциональности» Е.П. Ильина, мы получили данные, подтверждающие значимую высокую положительную корреляцию рациональности как характеристики выбора испытуемых (согласно экспертным оценкам) с рациональностью как личностным свойством (согласно методике ЛФР) ($r=0,61$ при $p<0,001$) и достаточно высокие значимые отрицательные корреляции показателя рациональности (по экспертным оценкам) с показателями эмоциональности: общим уровнем эмоциональности ($r=-0,21$ при $p<0,001$); эмоциональной возбудимости ($r=-0,28$ при $p<0,001$); интенсивности эмоций ($r=-0,14$ при $p<0,01$); и эмоциональности по экспертным оценкам ($r=-0,58$ при $p<0,01$). Значимых корреляций не было обнаружено по шкалам: «Длительность эмоций» и «Влияние эмоций на деятельность и общение».

Полученные результаты подтверждают валидность использованной нами модели и говорят о том, что, во-первых, рациональность как характеристика выбора связана с личностным свойством рациональности, во-вторых, что рациональность и эмоциональность являются противоположными характеристиками процесса принятия решения. Основываясь на полученных результатах, мы обозначили выделенные с помощью экспериментальной модели крайние группы как «группу рациональных избирателей» и «группу эмоциональных избирателей».

Сравнение групп рациональных и эмоциональных испытуемых по показателям саморегуляции. Для выполнения следующей стоящей перед нами задачи — сравнительного исследования и описания характерных регуляторных, личностных и когнитивных особенностей выделенных групп «рациональных» и «эмоциональных» избирателей, нами был применен метод сравнения средних по t-критерию Стьюдента (см. таблицу 1).

Можно сделать вывод о том, что в группе «рациональных избирателей» значимо выше развита осознанная саморегуляция по показателям: общий уровень саморегуляции, планирование, моделирование, программирование и оценка результата; при этом показатель регуляторной гибкости ниже, чем у «эмоциональных» испытуемых.

Для группы «эмоциональных» испытуемых, напротив, был характерен высокий уровень развития регуляторной гибкости при низко выраженных остальных регуляторных показателях (кроме показателя самостоятельности, значимых различий по которому найдено не было).

Таблица 1. Результаты сравнения крайних групп рациональных и эмоциональных избирателей по показателям саморегуляции, личностным характеристикам, уровню интеллекта и склонности к риску

Показатели	Ме/б	Высок. рац. (57 чел.)	Высок. эмоц. (61 чел.)	t-Стьюдента
Планирование	Ме	6,64	5,02	4,37***
	б	1,45	2,34	
Моделирование	Ме	6,03	4,94	3,33**
	б	1,70	1,68	
Программирование	Ме	6,98	5,28	3,12**
	б	1,32	2,12	
Оценка результата	Ме	5,78	4,20	2,11*
	б	1,44	1,79	
Гибкость	Ме	6,36	5,64	-1,77**
	б	1,82	1,61	
Самостоятельность	Ме	5,03	5,90	-1,03
	б	1,60	1,87	
Общ. Ур. саморегуляции	Ме	31,31	26,67	3,95***
	б	4,43	4,43	
Экстраверсия	Ме	6,24	7,80	-3,93**
	б	2,54	1,22	
Интроверсия	Ме	3,92	2,20	4,96***
	б	2,17	1,22	
Сенсорика	Ме	13,31	9,74	3,57**
	б	2,92	3,82	
Интуиция	Ме	6,68	10,26	-3,57**
	б	2,92	3,82	
Логичность	Ме	13,40	4,82	2,35***
	б	1,70	2,06	
Чувствование	Ме	6,59	15,16	-2,35***
	б	1,70	2,05	
Рассудительность	Ме	16,28	11,66	7,44***
	б	2,02	4,16	
Импульсивность	Ме	3,71	8,34	-7,44***
	б	2,02	4,16	
Готовность к риску	Ме	1,25	3,34	-2,57**
	б	3,94	4,40	
Интеллект (ОУ)	Ме	48,24	44,26	- 3,32*
	б	7,49	6,99	

Уровень статистической значимости: * — при $p < 0,05$; ** — при $p < 0,01$; *** — при $p < 0,001$.

Общий уровень саморегуляции является обобщенным показателем и характеризует функциональную развитость всей системы саморегуляции, включая уровень сформированности регуляторно-личностных свойств. Выраженность основных регуляторных процессов: планирования (характеризует особенности целеполагания и удержания субъектом целей), моделирования (характеризует индивидуальную развитость представлений о системе внешних и внутренних значимых условий, степень их осознанности и адекватности при выполнении деятельности), программирования (способности продумывать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей, разрабатывать детализированные и развернутые программы) и оценки результата (уровня сформированности и устойчивости субъективных критериев оценки успешности достижения результатов деятельности) в группе рациональных испытуемых, а также значимо более высокие показатели уровня осознанной саморегуляции в данной группе свидетельствует о большей функциональной развитости всей системы саморегуляции рациональных личностей.

Однако при увеличении эмоциональности в выборке испытуемых происходит значимое и выраженное снижение общего уровня осознанной саморегуляции и уровня выраженности перечисленных регуляторных процессов при повышении уровня развитости регуляторной гибкости, что говорит о выраженной способности эмоциональных испытуемых перестраивать систему саморегуляции в связи с изменением внешних и внутренних условий. Эмоциональные испытуемые с высокими показателями по шкале гибкости демонстрируют большую пластичность всех регуляторных процессов. При возникновении непредвиденных обстоятельств такие испытуемые легко перестраивают планы и программы поведения, способны быстро оценить изменение значимых условий и перестроить программу действий. При возникновении рассогласования полученных результатов с принятой целью своевременно оценивают сам факт рассогласования, вносят коррекцию в регуляцию. Гибкость регуляторики позволяет испытуемым адекватно реагировать на быстрое изменение событий и успешно решать поставленную задачу в ситуации риска.

Личностные различия между группами рациональных и эмоциональных испытуемых. Выявленные различия по регуляторным показателям были дополнены полученными данными о различиях в выраженности основных личностных свойств в данных группах, диагностируемых с помощью опросника Кейрси. Напомним, что данный диагностический опросник основан на типологии Юнга и содержит шкалы, обозначающие 4 пары противоположных личностных свойств: Экстраверсия (E) – Интроверсия (I); Сенсорика (S) – Интуиция (N); Логика (T) – Чувствование (F); и Рассудительность (J) – Импульсивность (P). Каждое из свойств определяет способ отношения

субъекта к внешнему миру, его предпочитаемый индивидуальный способ получения (извне либо из собственных внутренних ресурсов) и использования информации при принятии решений.

В группе «рациональных избирателей» наиболее выраженными оказались показатели интроверсии, логичности, сенсорики и рассудительности. Это свидетельствует о погруженности рациональных людей в свой внутренний мир, ориентировку на субъективные критерии. Высокие показатели по шкале логичности говорят о склонности рациональных испытуемых принимать решения объективно и беспристрастно, опираясь на логику и факты, во всем соблюдать дисциплину, точность и пунктуальность, о стремлении все «разложить по полочкам». Развитая рассудительность характеризует склонность к планированию и доведению дел до завершения, предварительному взвешиванию, оценке и анализу всех альтернатив, всей имеющейся информации при принятии решения, при этом решения данных личностей обычно детально обоснованы и тщательно продуманы. Выраженный показатель сенсорики свидетельствует о практичности рациональных испытуемых, склонности при принятии решений фиксировать внимание на объективной реальности, ориентированности на настоящее.

Группа «эмоциональных избирателей», согласно полученным данным, характеризовалась большей выраженностью свойств экстраверсии, чувствования, интуиции и импульсивности.

Выраженная у эмоциональных испытуемых экстраверсия характеризует их интерес к внешнему миру, готовность воспринимать внешние события, потребность вступать во взаимодействие с внешним миром. Развитая интуиция означает фиксацию внимания на воображении, установлении скрытых значений и взаимосвязей между событиями, опору при принятии решений на собственные ощущения и предчувствия, субъективные, часто нерациональные ориентиры. Импульсивность описывает предпочитаемый испытуемым способ принятия решения, его непродуманность, отсутствие рациональных критериев, принятие решений «по воле случая». При этом импульсивные люди, как правило, любопытны и открыты всему новому. Выраженность показателя чувствования говорит о повышенной эмоциональности личности и опоре при принятии решений в большей степени на чувства, о придании особого внимания проблеме взаимоотношений и эмоциональному состоянию людей. Для чувствующей личности более важно не то, *что говорят* (информация, которую сообщает собеседник, смысл слов), а то, *как говорят* (интонация, настроение и эмоции собеседника). Эти данные подтверждают сделанные нами выводы о том, что группа «эмоциональных избирателей», предпочитая «эмоционального кандидата», уделяет повышенное внимание оценке его личности, ориентируясь при выборе на эмоциональную подачу информации. Как

показали данные контент-анализа, письменные самоотчеты данных испытуемых так же являются более экспрессивно окрашенными.

Помимо определения выраженности основных личностных свойств в группах «рациональных» и «эмоциональных» избирателей, нами были выделены преобладающие типы личности (что также позволяет сделать диагностический опросник Кейрси). Как оказалось, для «рациональных избирателей» характерна следующая типология: сенсорный – планирующий тип (SJ) – 59%; интуитивный – рациональный тип (NT) – 21%. В группе же «эмоциональных избирателей» преобладали типы: сенсорный – спонтанный (SP) – 42% и интуитивный – эмоциональный (NF) – 27%.

Таким образом, нами были выделены и описаны характерные личностные особенности групп «рациональных» и «эмоциональных» избирателей. Последним этапом описания результатов различий между группами было выделение специфических особенности развития интеллекта и склонности к риску. Как видно из таблицы 2, общий уровень интеллекта оказался значимо выше у «рациональных избирателей», а уровень готовности к риску выше в группе «эмоциональных испытуемых», что дополняет полученные нами описания психологических портретов данных групп избирателей.

Взаимосвязь рациональности принятия решения с познавательными, регуляторными и личностными особенностями субъекта выбора. На следующем этапе нашего исследования с помощью корреляционного анализа были выявлены значимые взаимосвязи свойства рациональности выбора с индивидуальными познавательными, регуляторными и личностными особенностями избирателей.

По результатам корреляционного анализа наиболее значимые высокие положительные корреляционные связи рациональности были отмечены с показателями осознанной регуляции (общим уровнем саморегуляции и планированием), личностными свойствами логичности и рассудительности. Положительные корреляционные связи на уровне $p < 0,01$ рациональность выбора обнаруживала с регуляторными показателями оценки результата, программирования, моделирования и личностными свойствами сенсорики и интроверсии. Положительная корреляционная связь рациональности с общим уровнем интеллекта обнаружена на уровне $p < 0,05$. Отрицательные корреляционные связи рациональность как характеристика выбора обнаруживает с личностными свойствами экстраверсии, интуиции, чувствования, импульсивности и показателем готовности к риску.

Полученные результаты подтверждают данные, полученные нами при сравнении крайних групп, и доказывают, что существуют определенные связи между уровнем рациональности и выраженностью когнитивных, личностных и регуляторных свойств субъекта.

Таблица 2. Корреляционные связи показателя рациональности принятия решений с регуляторными, личностными и когнитивными свойствами избирателей

	Показатели	Me	б	R
Показатели саморегуляции	Общий уровень саморегуляции	29,4	5,13	0,34***
	Планирование	5,61	1,97	0,47***
	Моделирование	5,55	1,76	0,19**
	Программирование	6,05	1,59	0,33**
	Оценка результата	5,37	1,51	0,18**
	Гибкость	6,57	1,78	-0,12
	Самостоятельность	5,49	1,90	-0,06
Личностные особенности (по опроснику Керси)	Экстраверсия	6,40	2,12	-0,11*
	Интроверсия	3,62	2,05	0,14**
	Сенсорика	11,57	3,51	0,40**
	Интуиция	8,42	3,51	-0,40**
	Логичность	9,08	3,55	0,79***
	Чувствование	10,83	3,58	-0,77***
	Рассудительность	13,40	3,66	0,60***
	Импульсивность	6,59	3,66	-0,60***
Тест Равена	Уровень интеллекта	45,5	8,52	0,13*
ЛФР	Готовность к риску	2,34	4,10	-0,20**

Уровень статистической значимости: * – при $p < 0,05$; ** – при $p < 0,01$; *** – при $p < 0,001$

Применение метода иерархического кластерного анализа и метода k-средних позволило выявить существование группировок регуляторных, личностных и познавательных свойств, объединенных свойствами рациональности и эмоциональности (см. график 1).

В частности, с эмоциональностью принятия решений оказались связаны (по экспертным оценкам) личностные показатели чувствования и импульсивности, а так же экстраверсии. При этом в один кластер с рациональностью (по экспертным оценкам) вошли личностные свойства логичности, рассудительности, общий уровень интеллекта и показатели саморегуляции (общий уровень, планирование, моделирование, программирование, оценка результата).

Усреднение показателей испытуемых, принадлежащих выделенным кластерам, показало следующее. Кластер рациональных испытуемых (1) характеризовался более высокими показателями по шкалам рациональности принятия решений (по экспертным оценкам) и рациональности как личностного свойства (по диагностической методике ЛФР),

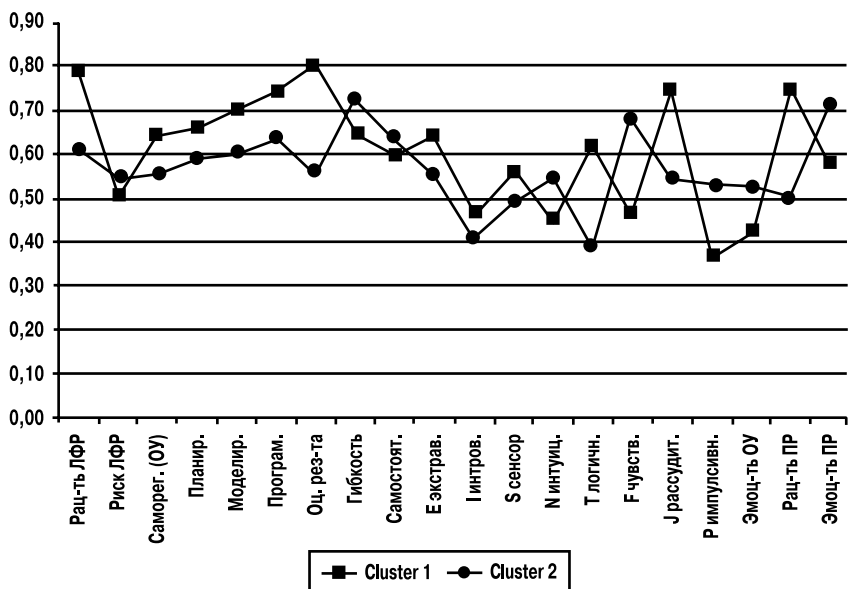

График 1. Результаты кластерного анализа показателей (выделение групп методом k-средних).

большей выраженностью показателей саморегуляции (общий уровень, планирование, программирование, моделирование, оценка результата) и личностных свойств логичности (Т), рассудительности (J), интроверсии (I) и сенсорики (S) при с низкой выраженности эмоциональности и личностных свойств импульсивности, экстраверсии, чувствования.

Кластер эмоциональных испытуемых (2), напротив, характеризовался большей выраженностью эмоциональности (личностной и принятия решений); личностных свойств импульсивности (P), чувствования (F), экстраверсии (E) и интуиции (N); регуляторной гибкости и более низкими показателями рациональности (принятия решений и личностной рациональности), саморегуляции (низкая выраженность общего уровня осознанной саморегуляции и регуляторных процессов планирования, программирования, моделирования и оценки результата). Эти результаты подтверждают данные, полученные нами при сравнении крайних групп.

Результаты регрессионного анализа. С помощью метода регрессионного анализа нами были выделены психологические детерминанты рациональности – индивидуально-типологические свойства, оказывающие непосредственное влияние на уровень рациональности принятия индивидом решений (таблица 3).

В частности, в качестве детерминант, оказывающих положительное влияние на рациональность принятия избирателями решений, были выделены общий уровень саморегуляции, свойства логичности

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа данных

	Показатели:	Beta	Std.Err.	t	p-level
1	Рациональность (личн)	0,641	0,013	49,3076	0,000
2	Саморегуляция (ОУ)	0,610	0,036	16,9444	0,000
3	Логичность	0,572	0,034	16,8235	0,010
4	Рассудительность	0,550	0,019	28,9473	0,006
5	Общий ур. интеллекта	0,424	0,029	14,6206	0,048
6	Интенсивность эмоций	-0,413	0,017	-24,2941	0,034

и рассудительности, показатель общего уровня интеллекта и личностное свойство рациональности. При этом отрицательное влияние на рациональность выбора оказывает показатель эмоциональности (показатель интенсивности эмоций). С помощью метода регрессионного анализа было выведено регрессионное уравнение рациональности принятия решений при политическом голосовании:

$Рац\ ПР = 0,64 Рац\ (личн) + 0,61 С/р + 0,57 Т + 0,55 J + 0,42 IQ - 0,41 ИЭ$,
где Рац ПР – рациональность принятия решений, С/р – общий уровень саморегуляции, J – рассудительность, Рац (личн) – личностное свойство рациональности (по опроснику ЛФР), Т – логичность, IQ – общий уровень интеллекта, ИЭ – интенсивность эмоций.

Как следует из этого уравнения, показатель рациональности принятия решений зависит в первую очередь от степени развития осознанной саморегуляции, т.е. способности субъекта осознанно управлять своей активностью, а следовательно, и принятием решения. Не случайно и близкий к саморегуляции по содержанию показатель рассудительности вошел в это уравнение с высоким коэффициентом. Тут следует вспомнить, что противоположным рассудительности полюсом в используемой методике является импульсивность, что подчеркивает близость рассудительности к понятию рефлексивности, т.е. способности субъекта к осознанию своей активности. С нашей точки зрения рассудительность, также как и личностное свойство рациональности, также вошедшее в уравнение с высоким коэффициентом, являются субъектными качествами, тесно связанными с субъектной активностью, главным психологическим механизмом которой является осознанная саморегуляция.

Таким образом, проведенное нами исследование доказывает, что рациональность как характеристика принятия решения и рациональность как субъектно-личностное свойство оказываются положительно связанными в контексте социальной ситуации принятия избирателями решений о выборе кандидата, а свойства рациональности и эмоциональности являются противоположными полюсами процесса принятия решений. Наличие высокого уровня интеллекта, осознанной саморе-

гуляции и связанных с ними содержательно субъектно-личностных свойств рациональности, логичности и рассудительности обуславливают вероятность того, что решения, принимаемые субъектом в различных ситуациях, будут отличаться рациональностью.

Заключение

В представленной работе нами были рассмотрены основные подходы к исследованию рациональности принимаемых субъектом решений, в частности, проблемы рациональности при политическом голосовании. Нами была разработана экспериментальная модель, воссоздающая процедуру выборов, которая позволила выявить психологические детерминанты и конечный результат принятия избирателем решения о выборе кандидата, а также определить степень рациональности и эмоциональности его выбора.

В результате применения разработанной экспериментальной модели и на основании разделения рациональности как характеристики процесса принятия решения (выбора избирателем одного из кандидатов) и рациональности как личностного свойства избирателя нами были выделены две различные группы: «рациональных» и «эмоциональных» избирателей.

Полученные данные показали, что степень рациональности принятия решения избирателем (выбор определенного кандидата) определяется, с одной стороны, особенностями предъявляемого ему политического имиджа, а с другой стороны, специфическим комплексом индивидуально-психологических особенностей самого избирателя.

Сопоставление данных, полученных с помощью данной экспериментальной модели, с результатами психодиагностических методик позволило описать характерные психологические особенности (личностные, регуляторные и когнитивные) выделенных групп избирателей. При этом группа рациональных избирателей характеризовалась более высоким общим уровнем интеллекта и осознанной саморегуляции, а также содержательно связанными с ними субъектными и личностными качествами, такими как логичность и рассудительность.

Группа эмоциональных избирателей характеризовалась более высокими показателями практически по всем шкалам эмоциональности, повышенным уровнем готовности к риску, выраженностью личностных свойств интуиции, чувствования и импульсивности. В целом для данных испытуемых был характерен более низкий уровень сформированности осознанной саморегуляции при высоком уровне развитости регуляторной гибкости, т.е. умения оперативно реагировать на изменения ситуации.

Характерными личностными особенностями «рациональных избирателей» является развитая интроверсия в сочетании с практичностью, а «эмоциональных избирателей» — экстраверсия и оторванность от практической стороны действительности (установка на чувство). В тоже время нельзя не заметить, что корреляции с измерениями экстраверсии — интроверсии и с некоторыми другими личностными свойствами хотя и значимы, но являются весьма низкими. По-видимому, их влияние на степень рациональности принятия решений опосредствуется развитием у субъекта осознанной саморегуляции и собственно субъектных качеств. В данном исследовании они представлены рациональностью и рассудительностью, именно поэтому эти свойства и вошли в регрессионное уравнение с положительными коэффициентами, в отличие от других личностных измерений.

В наших исследованиях на другом материале была не раз доказана принципиальная закономерность опосредованного влияния осознанной саморегуляции личностных свойств на поступки человека [11]. Это означает, что принципиальными для принятия рационального решения являются не экстраверсия или интроверсия либо другие сугубо личностные измерения индивидуальности. Рациональность поступков зависит, по-видимому, от уровня субъектной активности, проявляющегося в степени развития осознанной саморегуляции и субъектных качеств, список которых не ограничивается только теми, которые позволяют выявить использованные нами методики. Так, субъектными качествами, за которыми стоит высокое и гармоничное развитие всех сторон саморегуляции, являются ответственность и настойчивость, рефлексивность, инициативность и др.

Именно поэтому в проведенном исследовании основными индивидуально-психологическими детерминантами рациональности принятия решений в ситуации политического голосования являются развитая осознанная саморегуляция и интеллект, а также содержательно связанные с ними субъектные качества.

В заключение отметим, что поведение индивида в различных социальных ситуациях (в том числе и его адаптация в социальной среде) опосредовано бесконечным количеством процессов принятия решений. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что степень рациональности деятельности и поведения индивида в социальной среде определяется преимущественно индивидуальными особенностями развития процессов осознанной саморегуляции и специфической выраженностью комплекса субъектных, личностных и когнитивных особенностей индивидуальности, которые, в свою очередь, можно и нужно развивать.

Традиционное утверждение о том, что «россияне голосуют сердцем», представляет, конечно, лишь стереотип общественного сознания. Правда заключается в том, что лишь очень эмоциональные, импульсивные и

экстравертированные избиратели (в сочетании с низким уровнем интеллекта) руководствуются симпатиями и антипатиями, волей настроения и случая при осуществлении выбора. Рационально же, «с умом» принимают решения избиратели, в меньшей степени подверженные эмоциям, с высоким уровнем интеллекта, развитостью таких субъектных качеств, как логичность, рассудительность, настойчивость, ответственность, рефлексивность, уверенность — это в первую очередь индивиды с высоким уровнем развитости системы осознанной саморегуляции своего поведения.

Литература

1. *Айзенк Г.Ю.* Структура личности. СПб., 1999.
2. *Бьюкенен Дж.* Сочинения. Серия: Нобелевские лауреаты по экономике. Т. 1. / Пер. с англ. / Гл. ред. кол. Р.М. Нуреев. М.: Таурис Альфа, 1997.
3. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). Смоленск, 1997.
4. *Вебер М.* Избранные произведения / Составление, общая редакция и послесловие Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990.
5. *Карпов А.В.* Психология принятия решений. Ярославль, 2003.
6. *Конопкин О.А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5—12.
7. *Конопкин О.А., Моросанова В.И.* Стилиевые особенности саморегуляции деятельности // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 18—26.
8. *Корнилова Т.В.* Психологическая регуляция интеллектуальных решений. М., 1999.
9. *Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений. М.: Аспект-Пресс, 2003.
10. *Ланге К.Г.* Психический мир. М., Воронеж, 1996.
11. *Ларичев О.И.* Теория и методы принятия решений. М., 2000.
12. *Макконнелл К., Брю С.* Экономикс. М., 1966.
13. *Моросанова В.И.* Индивидуальный стиль саморегуляции в произвольной активности человека // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 4. С. 7—15.
14. *Моросанова В.И.* Индивидуальный стиль саморегуляции. М., 1998.
15. *Моросанова В.И.* Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство. М.: Когито-Центр, 2004.
16. *Моросанова В.И.* Стилиевые особенности саморегуляции личности // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 121—127.
17. Политическое консультирование: Психологическое пособие для политиков / Отв. ред. Е.В. Егорова-Гантман, И. Минтусов. М., 1994.
18. *Философский словарь* / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1987.
19. *Эллис А.* Гуманистическая психотерапия: Рационально-эмоциональный подход. М.: ЭКСМО, 2002.
20. *Downs A.* An Economic Theory of Democracy. New York: Harper, 1957.
21. *Kahneman D., Tversky A.* On the Psychology of Prediction // Psychological Review. July, 1973. V. 80. P. 150—169.
22. *Simon H.A.* A Behavioral Model of Rational Choice // Quarterly Journal of Economics. February, 1955. V. 69. P. 208—225.

Саморегуляция психических состояний как фактор социальной адаптации субъекта

А.О. Прохоров

Процесс активного взаимодействия человека с социальной средой является характерной особенностью адаптации, к чертам которой, как следует из одного из последних Психологических словарей [7], относятся «усвоение норм и ценностей данного общества (как в широком смысле, так и применительно к ближайшему социальному окружению — общественной группе, трудовому коллективу, семье). Основные проявления психологической адаптации — взаимодействие (в т. ч. общение) человека с окружающими людьми и его активная деятельность» (с. 12).

Адаптация, по мнению В.И. Медведева, может рассматриваться как системная реакция организма, обеспечивающая возможность всех видов социальной деятельности и жизнедеятельности [3]. В свою очередь, Т.Б. Шибутани отмечает, что каждая личность характеризуется комбинацией приемов, позволяющих справляться с затруднениями, и эти приемы могут рассматриваться как формы *адаптации*» [9]. По его мнению, адаптация относится к хорошо организованным способам справляться с типичными проблемами, к приемам, которые кристаллизуются путем последовательного ряда приспособлений. Характеризуя процесс адаптации в целом, А.А. Налчаджян указывает на то, что необходимо также провести различие между *ситуативной* адаптацией и *общей* адаптацией к типичным проблемным ситуациям. Он выдвигает идею, согласно которой общая адаптация (и адаптированность) является результатом последовательного ряда ситуативных адаптаций к ситуациям повторяющимся [5]. По мнению Ф.Б. Березина, психическую адаптацию можно определить как процесс установления оптимального соответствия личности и окружающей среды в ходе осуществления свойственной человеку деятельности, которая позволяет индивидууму удовлетворять актуальные потребности и реализовывать связанные с ними значимые цели (при сохранении психического и физического здоровья, обеспечивая в то же время соответствие психической деятельности человека и его поведения требованиям среды [1].

Можно выделить несколько областей исследований, разработка которых связана с проблемами адаптации. К ним относятся исследования *адаптации сенсорных систем, изучение «адаптационного синдрома» в различных и, прежде всего, экстремальных ситуациях жизнедеятельности, изучение регуляторных механизмов и процессов, а также изучение социальной адаптации.*

Отражением эффективности адаптации субъекта являются его психические состояния. В этом контексте, как считает Л.Г. Дикая, можно выделить три направления исследований состояний, связанных с проблемой адаптации: 1) клинико-психологические исследования стресса, предметом которого является интрапсихическая адаптация субъекта: изменение потребностно-мотивационной сферы личности и т. п.; 2) рассмотрение адаптации как процесса перестройки разнообразных функций и систем организма, направленных на поддержание внутреннего гомеостаза; 3) комплексное изучение психических и функциональных состояний человека в трудовой деятельности [2, с. 55 – 56].

Особую значимость в обеспечении адаптации занимают регуляторные процессы и, прежде всего, саморегуляция. Это связано с тем, что «ядро адаптации как системы и процесса составляет психическая саморегуляция, эффективность которой обеспечивается взаимодействием регуляторных механизмов в триаде «личность – состояние – деятельность» [2, с. 242]. По мнению В.И. Моросановой: «Саморегуляция является функциональным средством субъекта, позволяющим ему мобилизовывать свои личностные и когнитивные возможности (выступающие как психические ресурсы, по выражению К.А. Абульхановой-Славской) для реализации собственной активности... И далее «процессы саморегуляции – это внутренняя целенаправленная активность человека, которая реализуется системным участием самых разных процессов, явлений и уровней психики» [4, с. 140].

Результаты исследования саморегуляции психических состояний позволяют выделить два типа стратегий адаптации – деятельностно-ориентированную и эмоционально-ориентированную, определяющие разную степень устойчивости личности к развитию неблагоприятных функциональных состояний, а также к трудностям и неудачам в профессиональной деятельности, особенно в экстремальных условиях. Если мотивационно-целевые детерминанты саморегуляции функциональных состояний и деятельности в экстремальных условиях определяют общую направленность адаптации, то формирование стратегии адаптации определяется взаимовлиянием таких личностных особенностей, как мотив достижения успеха или избегания неудачи и личностная диспозиция, то есть ориентация на деятельность или на состояние [2, с. 290].

В этом контексте развиваемые нами представления о саморегуляции психических состояний связаны с изучением их системно-функциональ-

ных механизмов — функциональных структур [6], в основании которых — механизмы регуляции отдельного психического состояния. Достижение цели — желаемого состояния — осуществляется через цепь переходных состояний. Переход от состояния к состоянию сопровождается актуализацией «другого» состояния и, соответственно, иного «психологического строя», что феноменологически выражается в переживании «нового» психического состояния. Такая цепь, как показывают наши исследования, может состоять из одного или нескольких состояний. И только в очень редких случаях подобный переход к желаемому состоянию не имеет промежуточных звеньев. Переход от состояния к состоянию осуществляется при использовании различных психорегулирующих средств и приемов, от простых до сложных. Информация о достижении желаемого состояния, т. е. насколько переживаемое состояние соответствует искомому, реализуется при помощи обратной связи. Благодаря рефлексии, образу актуального и желаемого состояния осуществляется оценка, сличение актуального состояния с искомым и, соответственно, в случае необходимости, субъектом вносятся коррекция в применяемые способы и приемы саморегуляции. Очевидно, что этот процесс осознается и связан с активностью сознания. Процесс регуляции совершается при участии психических процессов (и не только восприятия, но и представлений, мнемических процессов, мышления и др.), с опорой на психические свойства (темперамент, характер и пр.). Он мало эффективен в случае отсутствия соответствующей мотивации субъекта и личностного смысла. То есть процесс регуляции состояний, при осознанном регулировании, несет на себе отпечаток личностной значимости для субъекта.

Важным аспектом понимания регуляторного процесса является то, что он осуществляется в конкретной социальной среде на фоне культуральных, этнических, профессиональных и др. влияний, в определенной социальной ситуации и событийности жизнедеятельности: экономической, юридической; обусловлен социальными ролями, статусами и пр., а также спецификой больших социальных групп, членом которых субъект является.

Актуализация механизмов регуляции и длительное поддержание субъектом психических состояний с «заданными» параметрами в диапазоне текущего времени и в условиях повторяющихся ситуаций жизнедеятельности связано с образованием более сложного по организации уровня саморегуляции. *Устойчивые функциональные комплексы регуляции являются основой этого уровня*, обуславливая пролонгированную актуализацию «заданных» состояний с определенными параметрами со стороны знака, качества, интенсивности, длительности и др., в определенных или типичных ситуациях и условиях жизнедеятельности. Типичный функциональный комплекс включает в себя наиболее часто употребляемые способы и приемы

регуляции состояний, «наработанные» или «выработанные», или стихийно сложившиеся в ходе освоения деятельности и жизнедеятельности в целом. Сложившийся функциональный комплекс связан образом жизни субъекта, субъективными моделями мира, включающими в себя жизненные стратегии, ориентации, ценности, цели, и отражает влияние последних. Направленность жизни субъекта «задает» (создает) функциональную структуру саморегуляции состояний. Ее проявления — в типичных действиях и поведении субъекта, в продуктивности и успешности различных форм жизнедеятельности.

В контексте высказанных представлений нами предполагалось, что адаптация к специфике «проживания» в той или иной социальной среде (малой и/или большой группе) и влияние последней должны найти отражение в особенностях переживаемых субъектом состояний и способах их саморегуляции.

Для изучения этих особенностей нами было проведено исследование саморегуляции психических состояний в малых группах (семья, производственная группа) и представителей больших этнических групп (русских, татар, чувашей, турок и др.).

Методика

Для изучения *саморегуляции в семье* нами был разработан опросник, в содержание которого вошли вопросы социально-демографического плана: возраст, длительность брака и пр., и вопросы, направленные на выявление отрицательных состояний в семье, их причин и особенностей саморегуляции. Было обследовано 50 семей.

Для исследования сферы межличностных отношений детей и родителей использовались детская проективная методика Рене Жилия (с помощью данной методики изучалась социальная приспособленность ребенка, а также его взаимоотношения с окружающими и членами семьи), а также методика PARI E. Шеффер, Р. Белла, адаптированная Т.В. Нещерет [8], предназначенная для изучения отношений родителей и разных сторон семейной жизни. Методика выделяет 23 социально-психологические характеристики семьи: *вербализация, чрезмерная забота, семейные конфликты, раздражительность, излишняя строгость* и др.

Для исследования состояний супругов в семье и способов регуляции этих состояний были заданы следующие вопросы:

1. Какие отрицательные состояния у Вас возникают в семье?
2. Какие способы саморегуляции Вы применяете для нормализации своего состояния?
3. Какие положительные состояния у Вас возникают в семье?

4. Что Вы делаете для интенсификации и продления положительных состояний?

В экспериментах участвовали 93 человека. Из них 62 взрослых (мамы и папы) в возрасте от 22 до 45 лет и их дети (31 ребенок) не старше 6 лет.

Изучение саморегуляции психических состояний в *малой производственной группе* осуществлялось в коллективе аудиторской фирмы. Выбор данной группы обусловлен тем, что производственный коллектив функционирует уже длительное время, что позволяет предположить наличие сложившихся типов взаимоотношений, устойчивых моделей поведения членов коллектива и способов регуляции. В эксперименте участвовал 31 человек. В состав данного коллектива входят лица среднего возраста (от 23 до 35 – 40 лет), сотрудники работают вместе не первый год.

Использовались следующие методики: 1) методика «Q-Сортировка» В. Стефансона [8], направленная на диагностику основных тенденций поведения в реальной группе и представлений о себе. Методика позволяет определить шесть основных тенденций поведения человека в группе: зависимость, независимость, общительность, необщительность, принятие «борьбы» и «избегание борьбы»; 2) методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной) [8]. Ее показателями являются: соревнование (конкуренция) как стремление добиться удовлетворения своих интересов в ущерб другому; приспособление, принесение в жертву собственных интересов ради другого; компромисс и пр.

Кроме указанных методик испытуемым было предложено ответить на вопросы, касающиеся саморегуляции психических состояний в производственном коллективе.

При изучении сложившихся особенностей саморегуляции в *больших национальных группах* респондентами являлись представители разных национальностей: русские, татары, чувашы – и этнические субгруппы – кряшени, мишары, проживающие на территории Татарстана, а также турки, приехавшие по краткосрочным контрактам. В обследовании участвовало 262 человека: русские – 81, татары – 80, кряшени – 23, мишары – 25, чувашы – 23 и турки – 30 чел.

В исследовании использовался разработанный нами опросник «Саморегуляция психических состояний в быту и на производстве», основным содержанием которого являлся предварительно полученный в пилотажном обследовании список типичных переживаемых негативных состояний и наиболее часто применяемых способов саморегуляции. Испытуемые должны были осуществить выбор типичных собственных состояний и способов их саморегуляции в быту и на производстве.

Результаты

Изучение влияния социально-психологических характеристик семьи на саморегуляцию психических состояний показывает, что типичными отрицательными состояниями всех членов семьи (собираТЕЛЬный образ) являются состояния *раздраженности, усталости, агрессии*, для мужчин характерны свои «собственные» состояния, для женщин — свои (таблица 1). Существует определенная гендерная специфика в переживаемых состояниях — женщинам присущ более широкий спектр отрицательных состояний, чем мужчинам, независимо от возраста. Причем «мужские состояния» отличаются от «женских» доминированием психофизиологических характеристик, тогда как у женщин к ним присоединяются еще и переживания отрицательных эмоциональных состояний.

Таблица 1.

Особенности саморегуляции психических состояний в семье

Члены семьи	Типичные психические состояния	Типичные способы саморегуляции
Отец	Раздраженность, усталость	Просмотр ТВ, чтение, хобби, употребление спиртного
Мать	Раздраженность, усталость, тревожность, депрессия, агрессивность, злость	Уборка квартиры, чтение, общение, рукоделие, просмотр ТВ
Дочь	Раздраженность, депрессия, апатия, тревожность, злость, усталость, агрессивность	Общение, прослушивание музыки, чтение, прогулка, рукоделие
Сын	Раздраженность, усталость, агрессивность	Прослушивание музыки, общение

Примечание. Порядок состояний и способов, представленных в таблице, определяется частотой их актуализации и использования.

Другая гендерная особенность — разные способы регуляции отрицательных состояний. Мужчины применяют относительно «спокойные, пассивные» способы, можно сказать, в определенной степени «телесно-ориентированные», тогда как способы женщин — более «активные»: общение, уборка, рукоделие. В целом можно говорить об определенной типичной функциональной структуре регуляции состояний каждого члена семьи, складывающейся в процессе семейной жизнедеятельности.

Саморегуляция психических состояний в зависимости от длительности брака и возраста супругов. Из 50 семей, исследуемых нами, наибольшее количество пришлось на средний возраст от 32 до 42 лет (60% — 30 семей), на втором месте — молодые браки от 27 до 32 лет (24% — 12 семей), ранние и пожилые браки — поровну (8% ранние — 4 семьи, и 8% пожилые — 4 семьи).

В первый период жизни семьи (0 – 5 лет) особенности психических состояний и способы их саморегуляции выглядят следующим образом (таблица 2).

Таблица 2.

Особенности саморегуляции состояний в семьях с продолжительностью брака от начала свадьбы до 5 лет совместной жизни

%	Способы саморегуляции	Регулируемые состояния
100	Речевая разрядка	Раздраженность, переживание вины, некомпетентности, сомнение (трудность принятия решения), страх одиночества, страх будущего, скука, беспомощность
90	Общение с друзьями, компромисс	Раздраженность, чувство вины, некомпетентности, сомнения, страх одиночества
70	Извинения, нежность, любовь	Раздраженность, чувство вины, страх одиночества, потеря интереса к жизни
60	Пассивная разрядка	Нервозность, раздраженность, досада, подавленность, одиночество, печаль
50	Двигательная разрядка	Раздраженность, возбужденность, досада, злость
30	Отключение – переключение	Раздраженность, злость, подавленность, печаль, волнение, апатия, возбужденность, одиночество, волнение
25	Прослушивание успокаивающей музыки, посещение кино	Раздраженность, возбужденность, злость, досада, одиночество, печаль, подавленность

Примечание. Слева представлен процент использования определенного способа саморегуляции.

Молодым бракам (5 – 10 лет) присущи состояния, связанные с рождением и воспитанием детей: напряженностью от постоянного дефицита времени, возрастанием усталости из-за резкого ограничения развлечений, отдыха и досуга и др.

Результаты, представленные в таблице 3, показывают, что общение с близким человеком и детьми, двигательная разрядка, а также занятие любимым делом являются ведущими способами саморегуляции состояний в семейной жизни. В то же время необходимо отметить, что эти способы не единственные в арсенале супругов. Как правило, в саморегуляции состояний супруги применяют несколько разных приемов. В частности, раздраженность регулируется общением с близким человеком и детьми, двигательной разрядкой, занятием любимым делом, физиологическим переключением. Множественность используемых приемов и способов характерна для всех регулируемых состояний.

Таблица 3.

Типичные способы саморегуляции отрицательных состояний в семьях с продолжительностью брака 5 – 10 лет

%	Способы саморегуляции	Регулируемые состояния
90	Общение с близким человеком и детьми	Нервозность, подавленность, печаль, возбужденность, одиночество
75	Активное переключение (двигательная разрядка)	Злость, ярость, гнев, возбужденность, раздраженность
45	Занятие любимым делом, чтение, музыка, кино, ТВ	Раздраженность, страх одиночества, возбужденность
35	Прием успокоительных и снотворных средств, алкоголь	Ревность, злость, иногда ярость, ненависть к себе, боль
30	Агрессивные действия	Чрезмерная возбужденность, злость, ярость, раздраженность
30	Физиологическое переключение	Ревность, злость, ярость, возбужденность, раздраженность
25	Успокоение силой логики	Ревность, злость, иногда неприязнь и отвращение

Средние браки (10 – 20 лет). Отрицательные состояния регулируются выдерживанием паузы (молчанием), терпением, философствованием о смысле жизни и ее краткосрочности, лекарственной терапией. Во всех случаях – беседа, общение, корректное высказывание того, что накопилось в душе, принятие обоюдных соглашений и решений, самовнушения, самоприказы, пассивный отдых (сон), хобби. Любое отрицательное состояние погашается мощнейшим набором средств саморегуляции.

Таблица 4.

Наиболее часто применяемые способы саморегуляции отрицательных состояний в средних по продолжительности браках (10–20 лет)

%	Способы саморегуляции	Регулируемые состояния
90	Беседы, «выплескивание» эмоций, компромиссы, общение, принятие решений	Переживание одиночества, возбужденность, раздраженность, пассивность, досада, огорчение, лень
90	Отключение – переключение	Страх, возбужденность, апатия, лень, обида, одиночество, усталость, досада
80	Занятие любимым делом (хобби)	Нервозность, возбужденность, раздраженность
50	Пассивный отдых (сон)	Угрюмость, усталость, переутомление, меланхолия
45	Логика, размышления о времени бытия	Нервозность, раздраженность, иногда переходящая в ярость и злость, агрессия, угрызения совести, аффект неадекватности

40	Ориентация на терпение, уединение, музыка	Грусть, печаль, подавленность, душевные муки
35	Разрядка с помощью двигательной активности	Усталость, агрессия, грусть/печаль
30	Лекарственная терапия, самовнушение	Боль, напряженность, стресс, усталость, апатия

Примечание. Слева представлен процент встречаемости способа саморегуляции.

Пожилые браки (20 лет и более). Регулируются отрицательные состояния на этом этапе жизни семьи следующими способами (таблица 5).

Таблица 5.

Наиболее часто применяемые способы саморегуляции отрицательных состояний в пожилых браках (свыше 20 лет)

%	Способы саморегуляции	Регулируемые состояния
95	Пассивный отдых, отключение – переключение	Усталость, угрюмость, переутомление, одиночество, апатия
85	Беседа, поиск компромисса, логика, приход к обоюдному согласию	Угрызания совести, аффект неадекватности, огорчение, обида
70	Лекарственная терапия, самовнушение	Подавленность, боль
50	Воспоминания о «хорошем», спиртное	Грусть/печаль, безволие, пассивность, апатия, меланхолия, уныние, одиночество
30	Занятие домашними делами, хобби	Нервозность, раздраженность, огорчение, обида, досада

В таблице 5 показано, что способы регуляции состояний супругов могут быть охарактеризованы как относительно «спокойные» по сравнению с браками «молодых» семей, да и психические состояния супругов могут быть в большей степени отнесены к категории состояний относительно низкого уровня психической активности (усталость, подавленность, огорчение, обида и т. п.).

Таким образом, результаты показывают специфику адаптации к семейной жизни, отражающуюся в переживаемых состояниях и способах их саморегуляции: выявлена гендерная специфика, заключающаяся в различиях применяемых приемов и средств саморегуляции; разная направленность регуляции состояний супругов и детей в семейной жизни; обнаружены различия в способах регуляции состояний супругов, обусловленные продолжительностью брака и переживаемыми состояниями: для «ранних браков» характерны интенсивные отрицательные состояния и соответственно более интенсивные (энергичные) способы регуляции. Более «длительным бракам» присущи менее интенсивно пе-

реживаемые состояния и соответственно менее «энергичные» способы регуляции. Период от свадьбы до пяти лет характеризуется доминированием разного рода разрядок, связанных с нормализацией эмоциональной сферы супругов, плюс общение. Для периода 5—10 лет совместной жизни характерны общение и переключение, для 10—20 лет — применение интеллектуализированных способов, включая переключение (кстати, это наиболее «богатый» на психологические средства саморегуляции период), браки в 20 лет и старше — пассивный отдых, а также переключение внимания и общение. Могут быть выделены типичные повторяющиеся способы и приемы саморегуляции, обусловленные как гендерной принадлежностью, так и продолжительностью брака.

Саморегуляция психических состояний в зависимости от доминирующих отношений в семье. В исследовании мы исходили из представлений о том, что в «семейной системе» складываются и формируются устойчивые функциональные комплексы саморегуляции психических состояний каждого ее члена, позволяющие ему быть адаптивным в этой системе и, в свою очередь, зависящие от социально-психологических закономерностей, характерных для взаимоотношений в семье.

Обратимся к отдельным фрагментам, иллюстрирующим влияние доминирующих отношений в семье на саморегуляцию психических состояний.

Анализ семей по уровню *вербализации* (общению в семье) показывает, что ведущим отрицательным состоянием, возникающим в семьях, является *раздраженность*. Способы саморегуляции самые различные: чтение книг, прослушивание спокойной музыки, самоушшение. У лиц с максимальным показателем «вербализации» отрицательные состояния следующие: *раздраженность, гнев, злость*. Регулируются эти состояния чаще всего путем беседы, «выяснением отношений» и общения с близкими.

Положительные состояния, возникающие у людей с минимальным значением показателя «вербализации», — это *радость, спокойствие*. Интенсификация этих состояний происходит за счет того, что люди пытаются в определенные моменты не думать о насущных проблемах или заниматься любимыми делами, или помогать друг другу и дарить подарки. Положительные состояния, возникающие в семьях с максимальным показателем «вербализации»: *радость, веселость, восхищение, восторг, гордость* за успехи ребенка. Преобладающими способами продления этих состояний являются игра с ребенком или поход всей семьей на природу.

Обнаружены различия в семьях с разным уровнем вербализации: в семьях, где уровень вербализации высок, наблюдается интенсивное общение с братьями и сестрами, при низком уровне — с бабушками, дедушками и подругами.

Нами выявлены следующие отрицательные состояния, возникающие в семьях, где *семейные конфликты имеют максимальный показатель: гнев, раздражение, усталость, злость, тревога* (таблица 6). Нормализуется состояние супругов при помощи общения вне семьи, бесед, размышлений, «выяснения отношений», просмотра телепередач, курения или прогулки в одиночестве. Что касается семей, где конфликты случаются очень редко, то у них *злость, гнев, обида, тревога* являются доминирующими отрицательными состояниями. Саморегуляция у супругов происходит чаще всего за счет общения между мужем и женой, размышлений, уборки в квартире, чтения газет и книг, прослушивания музыки или принятия пищи.

В семьях, где конфликты происходят чаще, положительные состояния следующие: *радость, веселость, восхищение, восторг и бодрость*. Чтобы продлить свое положительное состояние, супруги играют с ребенком, выезжают вместе на природу, дарят подарки друг другу, оказывают взаимопомощь. Физическая близость между ними также помогает продлить положительные состояния.

Супруги, имеющие минимальный показатель семейных конфликтов, испытывают в семье следующие положительные состояния: *радость, веселость, бодрость, восхищение, спокойствие*. Для интенсификации этих состояний супруги играют с ребенком, посещают близких или родственников, шутят, смеются и стараются запечатлеть эти моменты на фотографии.

Нами обнаружены следующие различия в семьях с разными показателями конфликтности. Дети, воспитывающиеся в семьях, где показатель семейных конфликтов минимален, лучше относятся к своим родителям, нежели в конфликтных семьях. Дети, родители которых имеют максимальный показатель семейных конфликтов, в свой круг общения чаще всего включают сестер, братьев, друзей, подруг и авторитетных взрослых.

В семьях, где показатель *раздражительности* максимален, возникают следующие отрицательные состояния: *раздраженность, обида, гнев, тревога и злость*. Супруги стараются нормализовать свои состояния путем игр с ребенком, просмотра телепередач, курения, прогулки или общения вне семьи. Что касается семей с минимальным показателем раздражительности, то выявлены следующие отрицательные состояния: *усталость, гнев, раздражительность, злость, депрессия*. Способы саморегуляции в этих семьях различны: уединение, сон, размышление, общение, курение, иногда и принятие спиртных напитков.

Положительные состояния, возникающие в семьях с максимальной раздражительностью: *гордость за успехи ребенка, веселость, радость, бодрость*. Продление этих состояний происходит за счет игр с ребенком, физической близости супругов, прогулок на природе, кро-

ме того, люди пытаются просто не думать о проблемах в эти моменты. В семьях, где показатель раздражительности минимален, выявлены следующие положительные состояния: *радость, бодрость, веселость, спокойствие*. Интенсифицируются эти состояния путем общения, маленьких семейных праздников, прогулок на природе и игр с детьми.

Обнаружены следующие различия в семьях с разными показателями раздражительности: у детей показатель отношения к маме и авторитетному взрослому высок при минимальной раздражительности родителей, кроме того, наблюдается высокий уровень любознательности, общительности, дети также доминируют в среде сверстников. В семьях, где раздражительность максимальна, дети имеют низкие показатели отношения к маме, но высокий показатель отношений к братьям и сестрам. Хочется отметить, что дети раздражительных родителей менее любознательны и не доминируют в среде сверстников.

Обнаружены следующие различия в семьях с разными показателями *строгости* родителей: отмечен высокий показатель отношения к маме и папе в семьях, где родители не слишком строги. В семьях, где родители чересчур строгие, показатель отношения к друзьям (подругам), братьям и сестрам высокий.

В семьях, где *показатель подавления агрессивности* максимален, возникают следующие отрицательные состояния: *гнев, огорчение, обида*. Супруги стараются нормализовать свое состояние путем общения, чтения книг и журналов. Что касается семей с минимальным показателем подавления агрессивности, то выявлены следующие отрицательные состояния: *раздражение, гнев, злость, иногда грусть*. Способы саморегуляции в этих семьях различны: общение, просмотр телепередач, курение, прогулка в одиночестве.

Положительные состояния, возникающие в семьях с максимальным показателем подавления агрессивности: *радость, веселость, бодрость*. Продление этих состояний происходит за счет игр с ребенком, физической близости супругов или общения с близкими родственниками. В семьях, где показатель подавления агрессивности минимален, выявлены следующие положительные состояния: *радость, спокойствие, веселость*. Интенсифицируются эти состояния путем общения, игр с ребенком, прогулками на природе. Нами обнаружены следующие различия в семьях с разными показателями подавления агрессивности: в семьях, где подавляется агрессивность, дети чаще всего общаются с папой, братьями и сестрами, дедушками и бабушками, авторитетным взрослым.

Что касается семей, где агрессивность не подавляется, дети более близки к маме, подруге или другу, более любознательны и общительны.

В семьях, где *показатель безучастности мужа* имеет максимальное значение, обнаружены следующие отрицательные состояния: *раз-*

Таблица 6.

Особенности психических состояний и их регуляция, а также отношение детей в зависимости от частоты возникновения конфликтов

СЕМЕЙНЫЕ КОНФЛИКТЫ																
	Отрицательные состояния, возникающие в семье	Способы саморегуляции отрицательных состояний	Положительные состояния, возникающие в семье	Способы интенсификации положительных состояний	Отношение к матери	Отношение к отцу	Отношение к матери и отцу, как к родительской чете	Отношения к братьям и сестрам	Отношение к бабушке и дедушке	Отношение к другу (подруге)	Отношение к учителю, авторитетному взрослому	Любознательность	Доминантность	Общительность	Закртость, отгороженность	Социальная адекватность поведения
	СРЕДНИЕ ПОКАЗАТЕЛИ				7,2	6	1	4	6,6	5,75	6,7	4,7	1,5	2,2	3,75	7,2
32	Гнев; раздраженность	Курить; прогулка в одиночестве	Радость; спокойствие	Игра с ребенком, прогулка с семьей; выезд на природу	9	8	1	4	-	4	9	7	2	4	3	9
32	Конфликтные ситуации	Беседа; единое мнение	Веселость; радость	Пытаться не спорить; дарить подарки; помогаем друг другу	10	5	1	4	1	5	6	7	2	2	3	8
32	Усталость; раздраженность; гнев; злость; тревога	Уаживать за собой; выяснение отношений	Восхищение; восторг	Физическая близость; игры с ребенком	11	7	1	2	13	10	7	4	1	2	2	6
32	Раздражение; гнев; злость	Звонить подруге, маме; курить; смотреть TV	Радость; бодрость	Игры с ребенком; поход на природу	9	4	1	6	6	4	5	1	1	1	7	6
	СРЕДНИЕ ПОКАЗАТЕЛИ				8,75	7,25	1	3,5	3	4,2	5,75	5	2	2,3	3	6,2
21	Злость	Слушать музыку	Радость; успех	Больше шутить; смеяться; фотографироваться, сниматься на видеокамеру	8	10	1	2	-	1	5	4	2	1	5	6
21	Гнев; злость	Выяснение отношений путем беседы; разговоры, из-за чего все произошло	Радость; веселье; бодрость; спокойствие	Поездка в гости к бабушке; игры с ребенком; чтение с ним книг	11	7	1	3	1	5	6	6	2	2	1	9
21	Обида; раздраженность; усталость	Пить кофе; есть сладкое; читать книги	Бодрость; веселье; радость	Игры с ребенком; физическая близость	9	7	1	1	1	1	5	5	2	4	1	5
MN (21)	Тревога; обида; переживание; голод	Уборка в квартире; чтение газет	Ощущение сытости; радость; восхищение	-	7	5	1	8	7	10	7	5	2	2	5	5

дражительность, усталость, гнев. Супруги стараются нормализовать свое состояние путем уединения, отдыха, сна, общения вне семьи. Что касается семей, где показатель безучастности мужа минимален, имеют место следующие отрицательные состояния: *гнев, раздражительность.* Способы саморегуляции различны: общение, чтение книг или журналов, прогулка в одиночестве, курение.

Положительные состояния, которые были выявлены в семьях, где муж не принимает активного участия в жизни семьи, следующие: *бодрость, веселость, радость.* Продление этих состояний происходит за счет того, что супруги пытаются не думать о насущных проблемах в эти моменты. В семьях, где отец семейства принимает активное участие в жизни семьи, наблюдаются следующие положительные состояния: *радость, спокойствие, бодрость и веселость.* Интенсифицируются эти состояния за счет игр с ребенком, общения в семье и вне семьи, прогулками на природе.

Нами обнаружены следующие различия в семьях с разным уровнем участия мужа в жизни семьи. Там, где муж принимает активное участие в жизни семьи, наблюдается выраженное положительное отношение ребенка к обоим родителям, а также к бабушке и дедушке, братьям и сестрам, другу или подруге, авторитетному взрослому; кроме того, дети таких пап общительны, любознательны, доминируют в среде ровесников.

Эти же самые показатели имеют более низкие значения в семьях, где муж безучастен к жизни семьи.

Можно и далее продолжить изложение результатов, но все они свидетельствуют о значимости отношений в семье и специфике их влияния на саморегуляцию психических состояний.

Обобщим все полученные результаты. Проведенные нами исследования позволяют сделать вывод, что семьи с разными доминирующими отношениями испытывают практически одинаковые как положительные, так и отрицательные состояния. Обнаружены следующие состояния, которые чаще всего возникают в семьях. Отрицательные: *раздраженность, гнев, скука, злость, тревога, апатия, депрессия, обида, усталость, озорчение, негодование, грусть, печаль.* Положительные: *радость, веселость, гордость за успехи ребенка, восхищение, восторг, спокойствие, удовлетворенность, любовь, бодрость.*

В семье как социальной группе складываются устойчивые типичные комплексы саморегуляции состояний, зависящие, в свою очередь, от особенностей доминирующих взаимоотношений. Более того, в семьях с разной выраженностью одного и того же отношения состояния регулируются способами, значительно отличающимися друг от друга.

Так, в семьях с максимальным показателем вербализации состояния нормализуются путем бесед, диалогов, выяснения отношений,

общения с друзьями или родственниками. И, наоборот, супруги, которые меньше общаются как друг с другом, так и с детьми, регулируя свои отрицательные состояния, замыкаются в себе, т. е. читают книги, слушают спокойную музыку или размышляют. Испытывая положительные состояния в семье, супруги с минимальным показателем ощущения самопожертвования интенсифицируют его за счет игр с ребенком. Супруги, имея максимальные значения по этому же показателю, предпочитают игры с ребенком, будучи в недобром расположении духа, тем самым подчеркивая жертвенность своего положения в семье. Выявлено, что в семьях, где опасение обидеть имеет максимальное значение, супруги совершенно не используют «метод» ругани, выяснения отношений для нормализации состояний. И наоборот. Установлено, что чем строже родители, тем скуднее их способы саморегуляции отрицательных состояний, они ограничиваются лишь уборкой в квартире и чтением книг. Родители же менее строгие имеют широкий спектр способов нормализации состояний: сон, чтение книг, пение, прослушивание музыки, общение с супругом, аутотренинг, размышления, а сладкая пища и кофе помогают снять напряжение. Нами выявлена прямая зависимость между показателем подавления сексуальности в семье и способами интенсификации положительных состояний. В семьях, где сексуальность подавляется, продление положительных состояний происходит за счет физической близости супругов. В семьях же, где показатель подавления сексуальности имеет минимальные значения, интенсификация радости и веселья происходит за счет игр с ребенком, общения с близкими и маленьких семейных праздников. Также в семьях, где выражено доминирование матери, преобладающим способом продления положительных состояний является физическая близость.

Важно отметить, что саморегуляция состояний играет особую роль в отсутствии конфликтов, раздражительности, агрессивности и неудовлетворенности в семье, т. е. обеспечивает адаптацию членов семьи. Именно умение супругов регулировать свои состояния позволяет создать психологически благоприятные и здоровые взаимоотношения в семье.

Особенности саморегуляции психических состояний в малой производственной группе. Рассмотрим особенности психических состояний и способы саморегуляции у лиц с высокими характеристиками *соперничества*. У субъектов с максимальными показателями «соперничества» наблюдается преобладание таких отрицательных состояний как: *стресс, депрессия, утомление, упадок сил* (результат активной борьбы в коллективе). У лиц же с минимальными показателями чаще всего встречаются *раздраженность, враждебность и напряженность*, как результат пассивного противостояния.

Саморегуляция у лиц с максимальными значениями соперничества характеризуется использованием интеллектуальных приемов — *юмора* и пассивных, телесно-ориентированных способов, таких как *сон* и *еда*, тогда как у субъектов с минимальными показателями соперничества преобладает пассивная саморегуляция — *уход в себя*, *в свой внутренний мир*, *в диалог с собой*. Второй типичный способ — *отключение/отвлечение*. В то же время у части опрошенных наблюдается активная саморегуляция — *спорт*, *чтение книги*, *попытка разобрататься в ситуации*.

Положительные состояния у людей обеих групп совпадают — преобладают положительные состояния *радости*, *удовольствия*.

Саморегуляция положительных состояний (продление и повышение интенсивности) у лиц с минимальными показателями осуществляется через *общение и работу в команде*, тогда как у лиц с максимальными показателями — через *общение и юмор*.

Обратимся к шкале *сотрудничества* (таблица 7). Отрицательные состояния, возникающие у лиц с разными характеристиками сотрудничества в коллективе, отличаются между собой. Это *соперничество*, *вражда*, *раздражительность*, *тревога*, *эмоциональная истощенность* — у лиц с высокими значениями сотрудничества, в то время как у лиц с низкими показателями по этому показателю наблюдается преобладание *раздражительности и усталости*. То есть диапазон переживания отрицательных состояний шире и разнообразнее у склонных к сотрудничеству.

У опрашиваемых с максимальными показателями сотрудничества преобладает пассивная саморегуляция — *уход в себя*, *сон*, тогда как лицам с минимальными значениями характерно *переключение внимания (отвлечение)*, *релаксация и спортивные упражнения*.

Что касается положительных состояний, то у лиц с максимальными показателями в половине случаев наблюдается *радость*, *чувство локтя*, *защищенность и поддержка*, тогда как у субъектов с минимальными показателями преобладают *радость*, *удовольствие*. Саморегуляция положительных состояний и у тех и у других совпадает — это общение в коллективе.

Остановимся еще на двух показателях: на «*принятии борьбы*» и «*избегании борьбы*» (таблица 8).

Для группы с максимальными показателями *принятия борьбы*, т. е. активно противодействующими в групповой жизни, характерны следующие отрицательные состояния: *депрессия*, *утомление и переутомление*. Для лиц с минимальными значениями (избегающими противодействия) — *обида и раздражение*.

Для группы с высокими показателями *принятия борьбы* характерна пассивная саморегуляция (*сон*), а также юмор как активно-

Таблица 7.

Особенности саморегуляции психических состояний у лиц с разными значениями *сотрудничества*

а) лица с высокими значениями сотрудничества

№	Отрицательные состояния	Саморегуляция	Положительные состояния	Саморегуляция
1	Соперничество, вражда	Уход в себя	Защищенность, поддержка	Общение
2	Раздраженность	Отвлечение, уход в себя	Чувство локтя, сплоченности	Работа вместе
3	Тревога, обида	Постараться разобраться	Радость, энергия	Общение
4	Эмоциональная истощенность	Уход в себя, сон	Радость, удовлетворение	Общение

Примечание. В крайней левой колонке номера обозначают (здесь и далее) частоту встречаемости.

б) лица с низкими значениями сотрудничества

№	Отрицательные состояния	Саморегуляция	Положительные состояния	Саморегуляция
1	Раздраженность, усталость	Отвлечение, прогулка, «перекур», расслабление, массаж	Радость, удовлетворенность	Общение
2	Раздраженность	Спортивные упражнения, отвлечение другими делами	Эмоциональный подъем	Алкоголь, общение

интеллектуальная разрядка. Для группы с низкими показателями присущи более разнообразные способы саморегуляции — интеллектуальная активность (чтение книг), спортивные упражнения, регуляция внимания — отвлечение.

В первой и второй группе положительные состояния близки — *радость, прилив сил, эмоциональный подъем, удовлетворенность.*

Саморегуляция различна и разнообразна. В группе с высокими показателями — это юмор, разрядка и работа в команде, тогда как у группы с низкими показателями — спорт, общение и алкоголь.

Резюмируя, отметим следующее. Адаптация лиц с типичными формами поведения в малой производственной группе проявляется в специфике переживаемых состояний и способах их саморегуляции. Последние нормализуют психические состояния субъектов, обеспечивая их функционирование в производственной деятельности.

Отмечается разнообразие отрицательных состояний, в то время как положительные состояния мало чем отличаются друг от друга. Преобладающие отрицательные состояния, возникающие у людей

Таблица 8.

Особенности саморегуляции психических состояний у лиц с разными значениями *принятия борьбы*
а) лица с высокими значениями *принятия борьбы*

№	Отрицательные состояния	Саморегуляция	Положительные состояния	Саморегуляция
1	Депрессия	Юмор	Радость	Юмор
2	Утомление	Сон, расслабление		
3	Переутомление	Сон	Прилив сил	Работа в команде

б) лица с низкими значениями *принятия борьбы*

№	Отрицательные состояния	Саморегуляция	Положительные состояния	Саморегуляция
1	Обида	Чтение книг	Радость	Спортивные упражнения
2	Раздражение	Спортивные упражнения, отвлечение другими делами	Эмоциональный подъем	Алкоголь, общение
3			Удовлетворенность	Общение

в производственной группе, — это *раздражительность, усталость, стресс, напряженность, соперничество*, что является результатом активной деятельности, борьбы, противостояния большинства людей в производственном коллективе. Установлено, что лица с низкими значениями *зависимости, независимости, общительности, необщительности, принятия борьбы, избегания борьбы, компромисса* и т. д. чаще всего используют такие способы саморегуляции, как отключение — отвлечение, уход в себя, спортивные упражнения, алкоголь, сон. Для лиц, характеризующихся высокими значениями перечисленных тенденций поведения и проявлений конфликтности, характерны уход в себя, отключение — отвлечение, но в меньшей степени. Они также часто используют юмор как способ саморегуляции и питье кофе.

Этнокультуральные особенности саморегуляции психических состояний. Целью исследования являлось изучение сложившихся способов саморегуляции состояний в большой социальной группе — национальной, членство в которой, посредством влияния культуральных и этнических факторов через психологический склад, традиции, обычаи, нравы и др., должно, на наш взгляд, привести к становлению и закреплению определенных комплексов саморегуляции, обеспечивающих адаптацию субъекта к специфической социальной среде.

Обратимся к результатам. Рассмотрим особенности саморегуляции психических состояний лиц татарской национальности в быту и на производстве (таблица 9).

Таблица 9.

Саморегуляция психических состояний татар в быту и на производстве

	Отрицательные состояния	В быту	На производстве	Доминирующие способы саморегуляции состояний	В быту	На производстве
1	Тревога	38	22	Курение	2	2
2	Агрессия	5	2	Вкусная еда	12	5
3	Депрессия	4	1	Занятие спортом	3	1
4	Гнев	9	5	Слезы (пассивная разрядка)	14	5
5	Обида	20	26	Прогулка	13	6
6	Страх	5	3	ТВ	22	8
7	Одиночество	10	2	Бассейн, баня	4	5
8	Тоска	9	2	Интересная книга	18	7
9	Печаль	6	1	Речевая разрядка (крик на подчиненных)	11	3
10	Грусть	8	2	Быстрая езда на машине	4	2
11	Беспомощность	3	5	Любимая музыка	20	9
12	Шок	2	1	Отъезд из дома	4	1
13	Возмущение	17	25	Анализ ситуации, выяснение причин	37	41
14	Подавленность	5	2	Уединение	8	6
15	Разочарование	11	17	Деятельность, заглушающая эмоциональные переживания	16	19
16	Злость	6	7	Алкоголь	5	0

Примечание. Здесь и далее цифры в столбцах означают количество респондентов.

Сравнивая результаты, отметим, что татары испытывают в быту отрицательные состояния *тревоги, обиды, возмущения*, тогда как на производстве — *обиду, возмущение, тревогу, разочарование*. В быту чаще всего отрицательные состояния регулируются у татар при помощи анализа и выявления причин, слушания любимой музыки, просмотра ТВ, чтения книг, а на производстве — при помощи анализа ситуаций и выявления причин, а также с помощью занятия деятельностью, заглушающей эмоциональные переживания.

Особенности саморегуляции психических состояний русских лиц в быту и на производстве. Анализ результатов показывает, что для русских в быту, также как и у татар, чаще всего характерны переживания состояний *тревоги, обиды, возмущения*, на производстве — *тревоги, обиды,*

возмущения и разочарования. Эти состояния регулируются преимущественным использованием следующих способов: в быту — просмотром ТВ, анализом ситуации, выполнением деятельности, которая заглушает эмоциональные переживания. Эти же способы также характерны для регуляции состояний и на производстве, за исключением просмотра ТВ.

В свою очередь у *мишар* в быту доминируют *тревога, обида*, а на производстве — *возмущение, разочарование*. Чаще всего отрицательные состояния регулируются при помощи анализа и выявления причин на производстве, а в быту — прогулкой, просмотром телепередач и анализом, выявлением причин отрицательных состояний.

Крещенные татары (кряшени) в быту чаще всего испытывают состояния *тревоги, обиды*, а на производстве — *тревоги, обиды и возмущения*. Для регуляции отрицательных состояний в быту кряшени стараются уехать из дома, на производстве — проанализировать, выяснить причину отрицательного состояния.

У *чувашей* в быту доминируют *тревога*, а на производстве — *тревога и возмущение*. Чаще всего отрицательные состояния регулируются в быту при помощи чтения интересных книг, прослушивания музыки, а на производстве — при помощи анализа и выявления причин, а также занятия деятельностью, которая заглушает неприятные переживания.

Сравнительный анализ полученных данных позволяет прийти к следующим обобщениям: независимо от национальности люди на производстве и в быту испытывают практически одни и те же психические состояния: *тревогу, обиду, возмущение и разочарование*. Только у чувашей нет *обиды* в быту и на производстве, они также не испытывают на производстве и *разочарования*. Что касается способов и приемов саморегуляции состояний, то и в этом случае способы саморегуляции лиц разных национальностей практически одни и те же. К ним относятся: при регуляции состояний в быту — анализ ситуации, просмотр ТВ, чтение книг, переключение внимания на деятельность, которая заглушает эмоциональные переживания, прослушивание музыкальных произведений. На производстве состояния регулируются преимущественно благодаря анализу ситуации, переключению внимания на деятельность, которая заглушает эмоциональные переживания. Только чувашаи уезжают из дома в случае переживания неприятных состояний. Малое число приемов саморегуляции, как показывают наши данные, применяют для саморегуляции кряшени и мишары.

В целом выявленные тенденции свидетельствуют о том, что длительное совместное проживание этносов в течение многих веков, совместная деятельность, межкультурные связи и браки практически привели к единообразию в способах саморегуляции психических состояний, что может свидетельствовать о близости адаптационных

процессов в ходе социализации и культурализации представителей разных национальностей, проживающих в средней полосе России.

Наши предположения могут быть подкреплены следующим фактом. В другом, проведенном нами исследовании, изучались особенности саморегуляции психических состояний *русских (30 чел.), татар (30 чел.) и турок (30 чел.)*. Исследование позволило установить, что способы саморегуляции отрицательных состояний русских и татар практически одинаковы, чего не скажешь о способах саморегуляции у лиц турецкой национальности (таблица 10).

Таблица 10.

Способы саморегуляции психических состояний русских, татар и турок

Ранг	Русские	Татары	Турки
1	Речевая разрядка	Пассивная разрядка (слезы)	Поисковая активность
2	Пассивная разрядка (слезы)	Речевая разрядка	Уход в себя
3	Двигательная разрядка	Общение	Самовнушение
4	Самоконтроль	Двигательная разрядка	Пассивный отдых
5	Рационализация	Самовнушение	Самоконтроль
6	Перенесение тревоги на слушателя	Перенесение тревоги на слушателя	Общение

Как следует из результатов, представленных в таблице, русские и татары имеют сходство в 4 из 6 регуляторов психических состояний, русские и турки — один, татары и турки (несмотря на то, что они когда-то считались одним народом и имеют похожий язык, общие религиозные корни) — один.

Эти результаты свидетельствуют о том, что близость народов в пространстве (территориальная близость), информационный и межкультурный обмен в рамках единого государства, а также совместная жизнедеятельность приводят к формированию близких или одинаковых регуляторных комплексов психических состояний и, соответственно, отражают схожие адаптационные процессы в социуме, связанные с включенностью человека в большие этнокультуральные группы. Обнаруженные тенденции — свидетельство тому.

Заключение

Установлено, что в малых и больших группах (семья, производственный коллектив, этнокультуральные группы) саморегуляции психических состояний опосредуются социально-психологически-

ми особенностями и спецификой группы, в которой осуществляется жизнедеятельность субъекта. Сложившиеся способы саморегуляции психических состояний и особенности их проявлений отражают процессы и результаты адаптации человека в той или иной социальной общности, они типичны для субъектов в одних видах деятельности и отличаются в других.

Адаптация к семейной жизни как специфической социальной среде зависит от гендерной специфики и продолжительности брака. В семье, как социальной системе, складываются устойчивые типичные комплексы саморегуляции состояний, зависящие, в свою очередь, от особенностей доминирующих взаимоотношений в семье.

Сложившиеся формы поведения субъекта как результат адаптации в малой производственной группе проявляются в специфике переживаемых состояний (разнообразие отрицательных состояний и близость положительных), а также в особенностях их саморегуляции в зависимости от выраженности той или иной формы поведения.

В больших социальных группах под действием общих культуральных факторов, межнационального взаимодействия совместно проживающих народов, общей деятельности, обучения и пр. в социальной среде возникают схожие адаптационные процессы. Последние находят свое выражение в близости способов саморегуляции психических состояний представителей разных национальностей.

Литература

1. Березин Ф.Б. Психическая адаптация человека. Л.: Наука, 1998.
2. Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
3. Медведев В.И. О проблеме адаптации // Компоненты адаптационного процесса. Л.: Наука, 1984. С. 3 — 16.
4. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция и субъектный подход к исследованию психики // Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа: Матер. 3 Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. С. 137 — 145.
5. Налчаджян А.А. Социально-психологическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). Ереван, 1988. 235 с.
6. Прохоров А.О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. М.: ПЕР СЭ, 2005.
7. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М.: Педагогика-Пресс, 2001.
8. Практическая психодиагностика (Методики и тесты) // Редактор-составитель Д.Я. Райгородский. Самара: Издательский дом «Бахрах», 1998.
9. Шибутани Т.Б. Социальная психология. М., 1969.

Проблема профессионально-личностной не востребованности в условиях современного российского предпринимательства

Е.В. Харитонова

Введение в проблему

Кризисные явления, произошедшие нашей стране за последние десятилетия, в том числе в сфере занятости, привели не только к усложнению адаптации личности, но и в целом к разрушению социальных связей и норм, прежде регулирующих всю социальную действительность. Отсутствие социальной адаптированности лишает сознание возможности понять смыслы происходящего, в котором задачей становится физическое выживание [4]. В связи с уходом в прошлое гарантированной занятости, изменением режима и качества труда из-за простоев предприятий, невыплатой заработной платы или ее падением до критически низкого уровня получили широкое распространение вторичная занятость и самозанятость. Трата времени на изготовление продуктов из-за невозможности их купить, «совместительство» на нескольких рабочих местах дает лишь возможность выжить, но препятствует духовному развитию личности и способствует автоматическому отчуждению от культуры [24].

Имевшая место за период реформ нисходящая мобильность сопровождалась переходом в более низкую профессиональную группу либо полной потерей квалификации и/или снижением доходов большого количества высококвалифицированных работников. Закрытие огромного количества предприятий, снижение занятых в науке, наличие мизерной заработной платы у занятых в бюджетной сфере (врачей, учителей и др.), вынужденный приток в предпринимательство огромного количества людей, не имеющих возможности осуществлять свою профессиональную деятельность — все это, с нашей точки зрения, позволяет говорить о наличии феномена профессионально-личностной не востребованности.

В условиях ограничения возможностей, возникающих в силу несоответствия индивидуальных способностей субъекта социальному месту, условиям и т.д., встают вопросы «о цене» его психической

деятельности, о том, каким образом он разрешает компенсаторную задачу или какими иными стратегиями преодолевает эти трудности, связанные с различного рода ограничениями, идущими по линии объективных условий действительности и его психологических и физиологических ресурсов [2].

Критическая ситуация должна быть определена как ситуация невозможности, т.е. такая ситуация, в которой субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних потребностей своей жизни (мотивов, стремлений, ценностей и пр.). В связи с этим под «кризисом профессионально-личностной невостребованности» в самом общем плане мы понимаем феномен внутреннего мира человека, который проявляется в различных формах переживания противоречия между объективными условиями, требованиями жизни, субъективными возможностями и потребностями личности быть востребованным. Мы выделяем две составляющих данного кризиса.

Профессиональная составляющая обусловлена внутриличностным противоречием между потребностью в профессиональной деятельности при развитых профессиональных способностях и представлениях о способах ее осуществления и объективно обусловленной невозможностью ее осуществления.

Для нормального сознания и его закономерной организации характерно наличие трех составляющих или трех отношений: отношения к себе, к другим, и, наконец, ожидания отношения других к себе [3, 5], в связи с этим личностная составляющая может быть обусловлена кризисом системы отношений личности на различных уровнях (внутриличностном, микро-, мезо-, экзо- и макроуровнях). Основное противоречие личностной составляющей — несоответствие реального и ожидаемого отношения других к себе, причем в роли значимого другого может также выступать государство в целом.

В качестве основных критериев окончания кризиса профессионально-личностной невостребованности будут выступать либо возникновение чувства значимости для других, либо достижение самодостаточности.

Под самодостаточной личностью мы вслед за А.Н. Славской понимаем следующее: «При огромной нагрузке характер деятельности разнообразен, широк ее масштаб и используемые способности (интеллектуальные, нравственные, организационные). Такая личность удовлетворяется не столько использованием способностей для удовлетворения собственных потребностей, но потребностей других людей или своих же, гуманистических просоциальных потребностей. Такие люди часто не нуждаются в общественном одобрении и признании, во всяком случае не зависят от него, они самодостаточны. Их жизнь протекает в межличностном пространстве, относительно свободном

от социальной неизбежности, хотя люди, которым они помогают, находятся в том же пространстве необходимости» [24, 237–238].

Не имея возможности в пределах данной статьи подробно остановиться на анализе различных подходов к изучению кризисов, хотелось бы отметить, что наиболее близкими к предлагаемому нами кризису профессионально-личностной невостребованности являются биографические кризисы [7], индивидуальный кризис занятости [11], кризис идентичности [27], кризисы профессионального становления [19] и др.

Кризис «профессионально-личностной невостребованности» может быть обусловлен как нормативными, так и ненормативными и сверхнормативными критическими событиями. В качестве факторов, порождающих кризис профессионально-личностной невостребованности, можно выделить и безработицу, и неудовлетворительную зарплату (в частности, для представителей бюджетных профессий), и выход на пенсию, и мн. др. Одним из факторов является обращение в сферу малого бизнеса людей, не востребованных по основной профессии.

Характеризуя социальные возможности стать субъектом, открывшиеся в настоящее время, в связи с расширением форм предпринимательской деятельности, К.А. Абульханова отмечает, что «эти, казалось бы реальные, возможности стать субъектом деятельности для большинства личностей пришли в противоречие с той степенью социальной (экономической и пр.) неопределенности, которая превышает способность личности эту неопределенность минимизировать и это противоречие разрешить [2]. То, что многие люди находятся не на своем месте и делают не свое дело, является одной из главных причин психологических и личностных потерь. Если человек выбрал не свою профессию, когда вынужден решать непосильные задачи для его психики, это неизбежно приводит к профессиональному неблагополучию, утомлению, профессиональной непригодности [3].

Все вышеизложенное определяет актуальность исследования психологических особенностей личности, переживающей кризис профессионально-личностной невостребованности в условиях рыночного предпринимательства.

Целью нашего исследования является поиск путей реадaptации личности, переживающей кризис профессионально-личностной невостребованности. Одним из аспектов исследования стало изучение психологических особенностей предпринимателей сферы малого бизнеса при субъективном переживании профессиональной невостребованности.

В данной статье мы представим результаты пилотажного исследования, проведенного в феврале – марте 2005 г. В нем приняли участие 60 предпринимателей сферы малого бизнеса, работающих на рынках г. Краснодара (в дальнейшем – рыночные предприниматели). Исследовалась специфика смысловых ориентаций, мотивационно-потребност-

ной сферы, а также адаптационных способностей при субъективном переживании профессиональной невостребованности в условиях рыночного предпринимательства. Нами были применены следующие методики: тест смысловых ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева [16], опросник А. Шострома «Самоактуализация личности» [22], оценка удовлетворенности потребностей работника методом парных сравнений [22], многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО) [22].

Достоверность выявленных особенностей определяли с помощью многофункционального критерия Фишера и коэффициента Стьюдента вычислением достоверности данных методом непрямых разностей.

Результаты исследования и их обсуждение.

Всего было опрошено 60 человек. Из них 25 мужчин и 35 женщин. 29 человек (48%) имеют высшее образование, 18 (30%) — средне-специальное, 6 (10%) — неоконченное высшее, 5 (9%) — среднее, 2 (3%) — другое. По основной профессии это экономисты, юристы, бухгалтеры, финансисты, военные, медицинские работники, педагоги и др., 33 предпринимателя (55 %) считают себя невостребованными как профессионалы (из них 13 мужчин и 20 женщин).

Анализ анкетных данных показал у исследованных нами предпринимателей такие мотивы выбора основной профессии, как «возможность максимально реализовать себя», «семейная преемственность», а также «возможность сделать карьеру», причем чаще всего мотивы, выступающие в тандеме, сменились на «случайность» или «высокий заработок» (в случае предпринимательской деятельности). Чаще всего предполагалось временное место работы.

Отмечена динамика и восприятия привлекательных сторон профессии. «Возможность видеть результаты своего труда», «профессиональное общение», а также «необходимость и возможность приобретать новые знания» уступили место «зарботной плате» и «режиму работы».

На вопрос «Нравится ли Вам Ваша работа?» более половины предпринимателей ответили «Пожалуй, нравится». Самый большой процент встречаемости безразличных к работе и тех, кому работа не нравится, был выявлен среди «невостребованных» мужчин (по 23,1%).

На вопрос «Хотели бы Вы изменить место работы?» утвердительно ответили 25 % «востребованных мужчин», 69,2% «невостребованных» мужчин, 27% «востребованных» женщин и 55% «невостребованных» женщин, что свидетельствует о неудовлетворенности их данной работой.

Учитывая, что более половины исследованных предпринимателей считают себя невостребованными как профессионалы, для нас интересным был анализ восприятия ими самого феномена профессиональной невостребованности. Для большинства исследованных профессиональная невостребованность отмечена «при достаточной квалифицирован-

ности и желании работать по профессии». Хотя в ряде случаев были даны и такие определения, как «время, потраченное зря; место, занятое не тем человеком»; «лень», «человеческие предрассудки».

В качестве причин профессиональной невостребованности чаще всего были названы низкая зарплата, «ненужность стране как молодых, так и опытных специалистов», развал предприятий, перенасыщение рынка труда специалистами определенных профессий, невозможность устроиться на работу без опыта.

Особенности удовлетворенности потребностей

Учитывая, что деятельность — это активное взаимодействие человека с окружающим миром, в ходе которого он целенаправленно воздействует на объекты и за счет этого удовлетворяет свои потребности, для нас определенный интерес представляла оценка удовлетворенности потребностей рыночных предпринимателей.

Согласно точке зрения А.Н. Леонтьева, деятельность — форма активности. Активность побуждается потребностью, т. е. состоянием нужды в определенных условиях нормального функционирования индивида.

Анализируя особенности удовлетворенности потребностей методом парных сравнений, мы выявили, что материальные потребности удовлетворены лишь у 8% мужчин и 5,7% женщин, в безопасности — лишь у 12% мужчин, социальные — у 8% мужчин и 14,3% женщин, в признании у 16% мужчин и 5,7% женщин, в самовыражении у 20% мужчин и 5,7% женщин. У 24% мужчин-предпринимателей не удовлетворены материальные потребности, у 16% — в безопасности, у 8% — социальные и у 16% — в самовыражении, у женщин несколько меньше: у 5,7% не удовлетворены материальные, в безопасности, социальные и у 2,9% — в самовыражении. Остальные попадают в зону частичной удовлетворенности.

Мы проранжировали потребности по степени убывания предпочтения (1 — наиболее актуальные, 2 — менее актуальные и т.д.) и затем вычислили среднюю выраженность актуальности каждой потребности.

В целом исследованные нами предприниматели наиболее актуальными считают наряду с потребностью в самовыражении материальные потребности, затем следуют социальные (межличностные) потребности, наименее актуальными для себя они считают потребности в безопасности и признании ($p < 0,05$ относительно потребности в самовыражении и материальных потребностей). У «невостребованных» предпринимателей потребность в безопасности является наиболее актуальной наряду с потребностями в самовыражении и матери-

альными, в то время как у «востребованных» предпринимателей эта потребность наименее выражена ($p < 0,05$).

В целом можно отметить, что у исследованных нами предпринимателей не удовлетворены или частично удовлетворены не только потребности второго рода (высшие), но и потребности первого рода (низшие). Наиболее актуальными для них являются такие потребности, как «Развивать свои силы и способности», «Стремиться к новому и неизведанному», «Заниматься делом, требующим полной отдачи», так и наравне с ними — «Зарабатывать себе на жизнь», «Обеспечить себе материальный комфорт», «Покупать хорошие вещи», наименее актуальными — «Обеспечить свое будущее», «Упрочить свое положение», «Избегать неприятностей», «Добиться признания и уважения», «Повышать уровень мастерства и компетентности», «Обеспечить себе определенное влияние в обществе».

Перечисляя одну за другой потребности личности, мы узнаем лишь сами эти потребности, а не личность человека. Представление о личности превращается в разнообразно сконструированную модель нужд человека, а сама личность сводится исключительно к коллекции нужд, потребностей и влечений [5]. Но как видно из представленного выше списка, личность рыночного предпринимателя можно свести, как минимум, к «коллекции» конфликтующих между собой потребностей.

Г. Маркузе [18] различает потребности ложные и истинные. Ложные (и их большинство) — это те, что навязываются внешними силами, контроль над которыми индивиду недоступен. Нам кажется, что актуальность для исследованных нами предпринимателей материальных потребностей (что для многих является наряду с потребностями в безопасности подтверждением потребности в выживании) свидетельствует, если не о наличии внутренней свободы, то хотя бы о стремлении ее обрести. Одной из причин обращения в рыночное предпринимательство является обретение хотя бы материальной независимости и самостоятельности.

Деятельность по преодолению тревожащих личность психических состояний реализуется только при достаточном самообеспечении. С точки зрения Д.А. Китовой [14], потребность в материальном самообеспечении как бы сопровождает все другие потребности, понимаемые как нужды, и является источником социальной активности личности в форме материального самообеспечения. В результате анализа психологической литературы и на основе собственных эмпирических материалов Д.А. Китова утверждает, что целью материального самообеспечения как деятельности является добывание и присвоение доходов, достаточных для повышения уровня жизни до состояния, близкого к притязаниям хозяйствующей личности.

Как показало наше исследование, у «невостребованных» предпринимателей потребность в безопасности является наиболее актуальной наряду с потребностями в самовыражении и материальными, в то время как у «востребованных» предпринимателей эта потребность наименее выражена. Для объяснения полученного феномена как нельзя кстати подходит высказывание В.Д. Попова: «Причиной духовного кризиса, грозящего США, является несбалансированное, негармоничное развитие материальных и духовных потребностей, акцентуация на первых и неразвитость вторых. Российский же народ — духовный, у нас наоборот: мы никак не можем одолеть кризис удовлетворения материальных потребностей, разрешить вечный парадокс: богатая страна и бедный народ. Магистральный путь выхода из этого кризиса — создание такой системы хозяйствования, которая бы как можно больше плодила эффективных хозяев-собственников, но с развитыми духовными потребностями» [21].

Особенности самоактуализации

Анализ особенностей самоактуализации показал, что 54 предпринимателя (90%) по коэффициенту «Ориентация во времени» являются не самоактуализирующимися личностями, т. е. неправильно ориентируются во времени, они либо живут прошлым, их мучают раскаяния за совершенные проступки, либо живут будущим, строят недостижимые планы, ставят перед собой нереальные цели. Лишь 6 человек (10%) могут отнести себя к «средней нормальной личности». По коэффициенту «Поддержки» 27 человек (45%) могут отнести себя к самоактуализирующейся личности, т. е. они позволяют себе быть такими, какие они есть, а не какими их хотели бы видеть окружающие их люди. Свои проблемы они решают так, как считают нужным, не считаясь с возможными огорчениями. Они спокойнее относятся к критике в свой адрес со стороны других, чаще значимых людей. Остальные 33 предпринимателя (55%) являются «нормальными» личностями. Анализ особенностей самоактуализации при субъективном переживании невостребованности не выявил достоверных различий между «невостребованными» и «востребованными» предпринимателями.

Под самоактуализацией в современной психологии понимается особый вид деятельности человека, направленный на самосовершенствование, развитие своей социальной и индивидуальной компетентности, максимально возможное использование своего потенциала на благо общества и самого себя. Самоактуализация — это «потребность человека стать тем, кем он способен стать». Для исследованных нами

предпринимателей актуальным на данный момент является не потребность стать тем, кем они могли бы стать, а наряду с потребностью просто выжить, остаться теми, кто они есть.

Потеряв работу, человек утрачивает возможность удовлетворять свои высшие потребности в самореализации, социальных связях и контактах. Активизируется потребность в безопасности: страшит неизвестность завтрашнего дня, когда нет уверенности в возможности что-либо изменить, на что-то повлиять, утрачивается чувство жизненной стабильности. Затрудняется реализация потребностей низших уровней: приходится ограничивать себя в средствах, нет возможности реализовать себя в целенаправленной активности [10]. Несмотря на то, что исследованные нами предприниматели нашли работу, все вышеизложенное полностью можно к ним отнести.

Особенности адаптационных способностей

Анализ особенностей адаптационных способностей показал, что все исследованные нами предприниматели попали в группу заниженной адаптации. Эта группа обладает признаками явных акцентуаций характера и некоторыми признаками психопатий, а психическое состояние можно охарактеризовать как пограничное. Процесс адаптации протекает тяжело. Возможны нервно-психические срывы, длительные нарушения функционального состояния. Лица этой группы обладают низкой нервно-психической устойчивостью, конфликтны, могут допускать делинквентные поступки.

Среди «не востребовавшихся» предпринимателей наряду с практически не различающимися значениями в поведенческой регуляции и коммуникативном потенциале чаще встречается средний уровень моральной нормативности (таблица 1). Это может свидетельствовать о более быстром и активном усвоении ими социального опыта, приобретаемого в трудовой деятельности, четком определении своего места в коллективе в отличие от «востребованных» предпринимателей, особенно яркие различия были выявлены у предпринимателей-женщин.

Как видно из приведенных данных, как у «востребованных», так и у «не востребовавшихся» предпринимателей преобладает низкий уровень поведенческой регуляции, т. е. они склонны к нервно-психическим срывам, не имеют адекватной самооценки и адекватного восприятия действительности. Почти у половины исследованных выявлен низкий уровень коммуникативного потенциала, что может свидетельствовать о затруднениях в построении контактов с окружающими.

Таблица 1.

Особенности адаптационных способностей при переживании профессиональной невостребованности (в процентах)

Категория	Поведенческая регуляция		Коммуникативный потенциал		Моральная нормативность	
	Средний уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Невостребованные (33 чел.)	12,0	88,0♦	48,5	51,5	73,0*	27,0♦*
Востребованные (27 чел.)	18,5	81,5♦	51,85	48,15	51,85	48,15
Мужчины «невостребованные» (13 чел.)	7,8	92,2♦	46,0	54,0	46,0	54,0
Мужчины «востребованные» (12 чел.)	25,0	75,0♦	25,0	75,0♦	75,0	25,0♦
Женщины «невостребованные» (20 чел.)	15,0	85,0	50,0	50,0	80,0*	20,0♦*
Женщины «востребованные» (15 чел.)	13,0	87,0♦	33,0	67,0♦	47,0	53,0

Примечание: * – $P < 0,05$ относительно значения аналогичного показателя у «востребованных», ♦ – $P < 0,05$ относительно частоты встречаемости среднего уровня.

Согласно исследованиям А.Л. Журавлева, А.Б. Купрейченко, основная функция неформальной нравственной регуляции – защита субъекта от разрушающего воздействия окружающей среды и негативных последствий собственных действий. Неформальная нравственная регуляция часто осуществляется в неявном виде через формирование отношения личности к различным социально-экономическим феноменам: труду, собственности, деньгам [13]. Хотя мы не проводили специального исследования отношения рыночных предпринимателей к таким феноменам, как собственность и деньги, обращают на себя внимание особенности динамики мотива выбора и восприятия профессии на фоне роста безразличных к выполняемой деятельности.

Социальная адаптация – это целостный, непрерывный, динамический и относительно устойчивый процесс установления соответствия между уровнем актуализированных (имеющихся на данный момент) потребностей и уровнем их возможного (перспективного) удовлетворения. Смысл социальной адаптации заключается в принятии норм и ценностей, жизненного уклада, образа жизни, в освоении норм, правил и практик социального взаимодействия [17].

Е.С. Балабанова, рассматривая негативные и позитивные формы успешной социально-экономической адаптации россиян, предлагает сле-

дующий критерий ее успешности: поддержание такого уровня жизни, который позволяет им сохранять или повышать социальный статус и удовлетворять материальные и духовные потребности индивида (или социальной группы) [9]. Исследованные нами предприниматели вряд ли могут себя отнести к наиболее адаптированным личностям, даже несмотря на стаж предпринимательской деятельности протяженностью в 5–10 лет. Все они попали в группу заниженной адаптации. Причем на фоне практически не различающихся значений поведенческой регуляции и коммуникативного потенциала у «невысокообразованных» предпринимателей был выявлен более высокий уровень моральной нормативности.

Анализ представлений личности об отношении к ней значимых других позволил К.А. Абульхановой и Е.В. Гордиеенко выделить четыре значимых фактора: профессиональный, личностный, семейный и родительский [5]. Причем, чем более зрелая личность, тем более высоких оценок она ожидает. Высокие оценки присущи также личностям с гуманитарным образованием [5]. Профессиональный фактор образуют показатели характеристик и оценок поведения личности и ее отношения к другим, ожидаемых ею от руководства, коллег (по работе) и друзей [5] и, как нам кажется, от государства в целом.

Осознавая, что его труд не стоит тех усилий, которые на него затрачиваются, что результат покупается слишком дорогой ценой, и постоянно живя с этим сознанием, человек неизбежно деградирует как личность. Определение субъекта как разрешающего противоречия позволяет понять, почему личность, уходящая от таких решений, начинает подвергаться деформации, деградации, фрустрации. Во внутриличностной организации происходит изменение оптимальных для нее пропорций в силу неадекватного способа жизни и деятельности. Оставаясь личностями, они перестают быть субъектами в силу своей «неподлинности». Защиты, фрустрации, стрессы, комплексы, большое самолюбие — проявление этой неподлинности [2].

Случайность как мотив при выборе профессии предпринимателя вряд ли будет свидетельствовать о подлинности субъекта. Хотя низкая адаптированность исследованных нами предпринимателей, возможно, свидетельствует о том, что они не смирились со своей «неподлинностью», а значит, рано или поздно либо личность найдет выход из сложившейся ситуации, либо ее перестанет заботить собственная «неподлинность».

Особенности смысложизненных ориентаций

Наличие успешной адаптации к социуму, социально-значимых достижений (по критериям общества) не приводит к переживанию удовлетворенности процессом жизни, смыслонаполненности и пол-

ноты жизни (чего-то не хватает) [8]. Согласно Д.А. Леонтьеву, ощущение смыслонаполненности или бессмысленности жизни — это индикатор переживания успеха или неуспеха в самореализации [15]. В связи с этим анализ смысложизненных ориентаций у исследованных нами предпринимателей представлял для нас большой интерес, учитывая низкий уровень личностного адаптационного потенциала и стремления к самоактуализации.

В целом полученные нами средние значения субшкал теста СЖО соответствуют средним значениям, полученным Д.А. Леонтьевым [16, 6–8]. Учитывая полученные им средние значения и стандартные отклонения, мы проанализировали частоту встречаемости среди исследованных нами предпринимателей значений субшкал выше и ниже средних.

Анализ полученных данных показал (таблица 2), что у «невостребованных» предпринимателей чаще встречаются низкие значения субшкал «Процесс» и «Результат», т.е. «невостребованные» предприниматели менее склонны воспринимать сам процесс жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом, а также менее удовлетворены прожитой частью жизни.

Таблица 2.

Особенности смысложизненных ориентаций при субъективном переживании невостребованности (в процентах)

Субшкала	«Невостребованные» (33 чел.)			«Востребованные» (27 чел.)		
	выс. зн.	средн. зн.	низ. зн.	выс. зн.	средн. зн.	низ. зн.
ОЖ	12,0	64,0	24,0	11,0	70,0	19,0
ЦЕЛИ	12,0	61,0	27,0	3,7	74,3	22,0
ПРОЦЕСС	15,0	55,0	30,0 *	11,0	78,0	11,0
РЕЗУЛЬТАТ	18,0	55,0	27,0 *	14,8	77,8	7,4
Л.К.-Я	18,0	64,0	18,0	14,8	74,2	11,0
Л.К.-Жизнь	9,0	67,0	24,0	7,4	66,6	26,0

Примечание: * - $P < 0,05$ относительно значения аналогичного показателя у «востребованных».

Анализ гендерных различий смысложизненных ориентаций при переживании профессиональной невостребованности позволил нам выявить ряд интересных особенностей (таблица 3).

У мужчин-предпринимателей, считающих себя невостребованными как профессионалы, чаще выявлялось снижение осмысленности, направленности и временной перспективы жизни; неудовлетворенность своей жизнью в настоящем; неудовлетворенность прожитой частью жизни; убежденность, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода иллюзорна, и бессмысленно что-

либо загадывать на будущее ($p < 0,05$, по сравнению с «востребованными» мужчинами).

У женщин-предпринимателей, считающих себя невостребованными как профессионалы, чаще выявлялось восприятие самого процесса своей жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом; представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о смысле ($p < 0,05$, по сравнению с «востребованными» женщинами).

Таблица 3.

Гендерные особенности смысложизненных ориентаций при субъективном переживании невостребованности (в процентах)

Шкала	«Невостребованные»			«Востребованные»		
	выс. зн.	средн. зн.	низ.зн.	выс. зн.	средн. зн.	низ.зн.
<i>Мужчины</i>						
ОЖ	7,7 * ♦	61,3	31,0	42,0 ♦	50,0 ♦	8,0
ЦЕЛИ	0 * ♦	62,0	38,0 *	42,0 ♦	58,0	0
ПРОЦЕСС	7,7 ♦	54,3	38,0 *	25,0 ♦	67,0	8,0
РЕЗУЛЬТАТ	15,0	47,0	38,0 *	17,0	75,0	8,0
Л.К.-Я	7,7 ♦	69,3	23,0	25,0 ♦	67,0	8,0
Л.К.-Жизнь	0 * ♦	85,0	15,0 *	25,0	75,0	0
<i>Женщины</i>						
ОЖ	20,0 *	65,0	15,0	0	87,0	13,0
ЦЕЛИ	20,0	60,0 *	20,0	6,7	86,6	6,7
ПРОЦЕСС	25,0 *	60,0 *	15,0	0	87,0	13,0
РЕЗУЛЬТАТ	20,0	60,0	20,0	26,7	60,3	13,0
Л.К.-Я	15,0 *	60,0	25,0	0	80,0	20,0
Л.К.-Жизнь	30,0	55,0	15,0	26,7	60,3	13,0

Примечание: * – $P < 0,05$ относительно значения аналогичного показателя у «востребованных», ♦ – $P < 0,05$ относительно значения аналогичного показателя у женщин.

Анализируя особенности ответов исследованных предпринимателей на 20 предлагаемых пар утверждений, мы выявили ряд наиболее сложных (более половины предпринимателей не смогли с ними согласиться).

Для «востребованных» мужчин – это утверждения:

«Моя жизнь сложилась так, как я мечтал»,

«Если бы я мог выбирать, то я бы прожил жизнь еще раз так же, как живу сейчас»,

«В жизни я нашел свое призвание и цели».

Для «невостребованных» мужчин:

«Моя жизнь сложилась так, как я мечтал»,

«Я осуществил многое из того, что было мною запланировано в жизни».

Для «востребованных» женщин:

«В жизни я имею очень ясные цели и намерения»,

«Каждый день мне кажется всегда новым и непохожим на другие»,

«Моя жизнь сложилась так, как я мечтала»,

«Мои повседневные дела приносят мне удовольствие и удовлетворение».

Для «невостребованных» женщин:

«Моя жизнь сложилась так, как я мечтала»,

«Когда я смотрю на окружающий мир, он совсем не вызывает у меня беспокойства и растерянности».

Вряд ли представленные выше данные нуждаются в комментариях.

Переживание смысла жизни, или жизни как имеющей смысл, связано не только с предваряющим наличием целей, планов, замыслов. Оно связано с мерой соответствия этих в широком смысле притязаний и их реализации — в широком смысле достижений, которая и дает переживание жизни как подлинной, т.е. имеющей смысл [1]. Как видно из представленных выше данных, в наиболее тяжелом положении оказались «невостребованные» мужчины. Невозможность поддерживать высокий профессиональный статус (8 из 13 «невостребованных» мужчин имеют высшее образование, 2 — военных), безразличие к выполняемой деятельности (как было показано выше) препятствует общей осмысленности жизни. Наши данные полностью согласуются с рядом исследований; в частности, И.Н. Тартаковской была показана большая готовность женщин расстаться со своей профессией, понизить свой статус и пополнить ряды торговцев на улицах и вещевых рынках, оказавшись в ситуации экономической депривации [25].

В качестве факторов, влияющих на протекание кризиса, можно выделить:

семейный статус: из 13 «невостребованных» мужчин лишь 5 человек (38,5%) женаты, 4 разведены (30,8%) и 4 холосты (30,8%); среди «востребованных» 7 человек женаты (58,3%) и 5 холосты (41,7%); из 20 «невостребованных» женщин 9 человек (45%) замужем, 9 (45%) не замужем, 2 (10%) разведены; из 15 «востребованных» 8 человек (53,3%) замужем, 4 (26,7%) не замужем, 3 (20%) разведены;

уровень образования: из 33 «невостребованных» 20 человек (60,6%) имеют высшее образование, 3 (9,1%) — неоконченное высшее образование, 7 (21,2%) — среднее специальное, 1 (3,0%) — среднее образование; из 27 «востребованных» предпринимателей 9 человек (33,3%) имеют высшее образование, 3 (11,1%) — неоконченное вы-

сшее образование, 12 (44,4%) — среднее специальное и 3 (11,1%) — среднее образование;

возраст: в ряде случаев имеет место умноженный кризис личности (одновременное протекание профессионального нормативного, социокультурного, возрастного и других кризисов) и т.д.

Заключение

В заключение хотелось бы отметить, что предпринимательство — многоаспектное явление в жизни нашего общества, новое и практически не изученное. Часто решение стать предпринимателем человек принимает в связи с невозможностью осуществлять свою профессиональную деятельность. Поэтому ему приходится заниматься поисками такого рода деятельности, который позволил бы не отказываться от мечты и не обрекать себя и свою семью на жизнь впроголодь. Как видно из вышеизложенного, возможность обеспечить себя и свою семью далеко не всегда сопровождается удовлетворением ведущих потребностей, успешным протеканием адаптации или осмысленностью жизни.

Проводя анализ особенностей выбора профессиональной роли как поведенческой стратегии, В.А. Поликарпов и В.Ю. Пекарская [20] пришли к выводу, что школьники, нацеленные на получение высшего образования, с одной стороны, не склонные к предприимчивости, с другой, имеют все шансы оказаться материально неудовлетворенными в будущем. Согласно данным А.Л. Журавлева и Н.А. Журавлевой [12], индивиды, обладающие высоким субъективным экономическим статусом, ориентируются на материальный достаток, здоровье и семейное благополучие, а те, кто недоволен своим материальным положением, на здоровье, семью и работу. Причем первые в качестве средств достижения данных ценностей видят предприимчивость, независимость и честность, вторые — честность, образованность, твердость воли и терпимость. Многих исследованных нами предпринимателей можно отнести именно ко второй группе, и причина их неуспешности в условиях рыночной экономики, возможно, кроется в особенностях менталитета российского народа.

К исследованным нами предпринимателям, к сожалению, нельзя отнести слова Карла Ясперса: «Человек становится тем, что он есть, благодаря делу, которое он делает своим». Низкая адаптированность, затруднения в поисках смысла как прожитой, так и жизни в настоящем, снижение стремления к самоактуализации — все это свидетельствует о том, что человек оказался «не на своем месте», т. е. он берется выполнять профессиональную роль, к которой не готов, не способен.

Осознавая этот недостаток, но, в нашем случае, имея возможность материально себя обеспечивать, субъект труда тем не менее продолжает трудиться в этой роли. Снижение трудовой активности, безразличие по отношению к выполняемой деятельности, раздвоенность личности препятствуют полноценной реализации в профессии. Все вышеперечисленное свидетельствует о появлении такого варианта профессионально-личностной деформации, как личностно-ролевой диссонанс [23]. Нельзя «сделать дело своим», если основным мотивом его выбора является случайность или высокий заработок. Э. Хьюз [28] предложил рассматривать маргинальность как явление социальной мобильности, в том числе при рассмотрении ситуаций, в которых имеет место одновременная самоидентификация личности с различными социальными статусами или референтными группами, на границе между которыми она вынуждена балансировать. Отсутствие полного принятия позиции предпринимателя и невозможность осуществления профессиональной деятельности, с которой субъект продолжает себя идентифицировать, свидетельствует о маргинальности исследованных нами предпринимателей.

Дополняя утверждение Виктора Франкла, мы считаем, что не только «человек, не имеющий работы, переживает пустоту своего времени как свою внутреннюю пустоту, как пустоту своего сознания. Будучи безработным, он чувствует себя ненужным. Он считает, что раз он лишен работы, то и жизнь его лишена смысла» [26]. Жизнь лишается смысла и при наличии работы, целью которой является лишь материальное самообеспечение.

Пытаясь найти ответ на вопрос «Почему жизнь и работа наших современников буквально раздирается случайными, необходимыми, но внутренне незначительными делами, лишая их внутренней цельности и направленности?», К.А. Абульханова приводит слова В.Г. Асеева: «Личность сплошь и рядом следует актуальному, но личностно не значимому мотиву. Выполняя необходимое, она не успевает совершить главного» [1]. «Случайность» или «Хоть какой-нибудь заработок, чтобы прокормить семью» как мотив выбора деятельности не могут обеспечить цельность и направленность жизни исследованных нами предпринимателей. Время, затраченное на непрофессиональный труд, работа только для поддержания жизни, для «выживания», существования есть непростительно высокая цена, которую «платит» личность за предельно низкий уровень качества своей жизни [24].

Своим исследованием мы бы хотели обратить внимание на тот факт, что внешняя благополучность, занятость человека в сфере малого бизнеса, более или менее высокий заработок не являются на самом деле признаками разрешения кризиса профессионально-личностной невостребованности. Как говорил Ницше: «Если есть Зачем жить,

можно вынести почти любое Как». Очевидно, что для большинства исследованных нами предпринимателей ответ на этот вопрос еще предстоит найти.

Литература

1. *Абульханова К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетей, 2001. 304 с.
2. *Абульханова К.А.* Мироззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Изд-во ИП РАН, 1997а. С. 56–74.
3. *Абульханова К.А.* Регресс и утраты личности и возможности психологической поддержки // Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Изд-во ИП РАН, 1997б. С. 170–186.
4. *Абульханова К.А.* Российский менталитет: Кросс-культурный и типологические подходы // Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Изд-во ИП РАН, 1997в. С. 7–37.
5. *Абульханова К.А., Гордиенко Е.В.* Представления личности об отношении к ней значимых других // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 5. С. 37–47.
6. *Асмолов А.Г.* Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М., 2001.
7. *Ахмеров Р.А.* Биографические кризисы личности: Автореф. дис... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 1994.
8. *Ахмеров Р.А.* Жизненные программы личности: на пути к индивидуации // 2-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений. М.: Смысл, 2004. С. 61–73.
9. *Балабанова Е.С.* Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм как формы адаптации к социально-экономическим условиям // Российские общественные науки: Новая перспектива: Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. М.: МОНФ, 1999. Вып. 11. С. 16.
10. *Глухачук Н.С., Колобкова А.И., Печеркина А.А.* Психология безработицы: Введение в проблему. М.: Московский психолого-социальный институт, 2003. 84 с.
11. *Демин А.Н.* Личность в кризисе занятости: Стратегии и механизмы преодоления кризиса. Краснодар: Кубанский гос.ун-т, 2004. 315 с.
12. *Журавлев А.Л., Журавлева Н.А.* Влияние субъективного экономического статуса на экономическое сознание личности // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: 1998. С. 221–245.
13. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во ИП РАН, 2003. 436 с.
14. *Китова Д.А.* Материальное самообеспечение личности как предмет психологического исследования // Проблемы экономической психологии. Т. 2 /

- Под ред. А.Л.Журавлева, А.Б. Купрейченко. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 577—601.
15. *Леонтьев Д.А.* Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 156—176.
 16. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций. (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
 17. *Луковицкая Е.Г.* Адаптационные стратегии в меняющемся обществе // Социальные трансформации в России: Теории, практики, сравнительный анализ / Под ред. В.А. Ядова. М.: Флинта, Московский психолого-социальный институт, 2005. С. 364—390.
 18. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994.
 19. *Поваренков Ю.П.* Психологическое содержание профессионального становления человека. М.: Изд-во УРАО, 2002. 160 с.
 20. *Поликарпов В.А., Пекарская В.Ю.* Выбор профессиональной роли как поведенческая стратегия, ведущая к материальной неудовлетворенности // Проблемы экономической психологии. Т. 2 / Под ред. А.Л. Журавлева, А.Б. Купрейченко. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 602—622.
 21. *Попов В.Д.* Трансформация отношений собственности: поиск идентичности // Проблемы экономической психологии. Т. 2 / Под ред. А.Л. Журавлева, А.Б. Купрейченко. М. Изд-во ИП РАН, 2005. С. 98—122.
 22. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности // Под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриева, В.М. Снеткова. СПб.: Речь, 2001. 448 с.
 23. *Рогов Е.И.* К вопросу о профессиональной деформации личности // РПО: Ежегодник. — Т. 1. Вып. 2. Материалы Учредительного съезда РПО (22—24 ноября 1994 г., Москва). М., 1995.
 24. *Славская А.Н.* Жизненный путь личности и его время // *Абульханова К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя. 2001. С. 235—264.
 25. *Тартаковская И.Н.* Социальное положение мужчин и женщин: Гендерные проблемы постсоветской России // Социальные трансформации в России: Теории, практики, сравнительный анализ: Учебное пособие / А.Н. Богаевская, Е.Н. Данилова, Л.М. Дробижева и др. Под ред. В.А. Ядова. М.: Флинта: МПСИ, 2005. С. 391—420.
 26. *Франкл И.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
 27. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
 28. *Hughes E.C.* Social Change and Status Protest: An Essay on the Marginal Man // *Phylon*. 1945. Vol. 10. N 1. P. 59—65.

К вопросу о профессионально-личностной не востребованности в пожилом возрасте

Е.В. Харитонова

Введение в проблему

Выраженная во многих странах мира тенденция старения населения, а также широкий круг проблем, с которыми сталкивается пожилой человек, способствуют привлечению к себе внимания все большего и большего количества исследователей. Многие исследователи отмечают необходимость ориентации пожилых людей не только в новой внешней ситуации, но и реагировать на изменения в самих себе [14, 17, 24, 34, 35]. Необходимость в адаптации непрерывна и нарастает вместе с изменяющимися условиями среды, в том числе и адаптация к изменениям в семейной структуре и в дружеской среде [3]. К широкому кругу проблем, с которыми сталкиваются пожилые люди во всем мире, в нашей стране добавляются еще и проблемы радикальной трансформации российского общества. Травматичность последних обусловлена их внезапностью, неожиданностью, охватом всех сфер общественного устройства, включая повседневную жизнь человека [23, 32]. Наиболее болезненно обесценивание привычных правил социальных действий, накопленных прежним жизненным опытом, безусловно, воспринимается в пожилом возрасте. Согласно В.А. Ядову, «социальный ресурс индивида часто рассматривается как ресурс его конкурентоспособности: помимо экономического и социального статуса, он включает уровень образования и богатство жизненного опыта, в российских условиях — возраст (пенсионеры у нас в труднейшем положении), оценку собственных способностей продвигаться вперед по жизненному пути и т.д.» [23]. Несмотря на богатство жизненного опыта, согласно предложенной К.А. Абульхановой классификации психосоциальных личностных типов, пенсионеры относятся к типу, вдвойне не адаптированному к новым условиям — в силу консерватизма своих ценностей, принадлежности к населению, занимающему низкое социальное положение и имеющему низкий уровень благосостояния [2]. Все вышеизложенное обуславливает важность системного комплексного исследования про-

блем старения и старости в условиях современной России. В частности, Г.П. Медведева подчеркивает, что такое исследование «позволит наметить обоснованные пути оптимизации процесса старения как отдельного индивида, так и общества в целом, «раздвинуть» рамки активного трудоспособного возраста, повысить статус пожилых граждан в обществе, сделать жизнедеятельность пожилого человека благополучной, активной и полноценной, предоставить ему возможности не только для достаточно долгой жизни, но и для дальнейшего раскрытия собственного потенциала и самореализации в этом возрасте» [22].

К моменту выхода на пенсию большинство людей достигают максимально возможных для каждого из них качеств, связанных с профессиональным и образовательным уровнем. Учитывая тот факт, что структуризация и передача опыта может рассматриваться как ведущая деятельность в старости, вслед за М. Ермолаевой мы признаем чрезвычайную важность тиражирования своего опыта, плодов своей жизненной мудрости, что делает пожилого человека значимым для общества (хотя бы с его собственной точки зрения) и тем самым обеспечивает сохранность и его связей с обществом, и самого чувства социальной сопричастности обществу [13]. Но так как это удается далеко не всегда, для многих людей пожилого возраста остро встает проблема разрешения «драмы невостребованности».

Выделяя в кризисе невостребованности две составляющие, профессиональную и личностную, мы предполагаем, что профессиональная составляющая данного кризиса в пожилом возрасте обусловлена, прежде всего, желанием и способностью пожилого человека осуществлять профессиональную деятельность и невозможностью ее осуществлять в связи с вынужденным уходом на пенсию. Мы подчеркиваем: именно вынужденным уходом, обусловленным хронологическим возрастом человека и ничем более.

Основное противоречие личностной составляющей — несоответствие реального и ожидаемого отношения к себе. Личностная составляющая данного кризиса может быть связана как с негативным отношением к пожилому человеку окружающих людей (в том числе невниманием государства к проблемам пожилых людей), так и с негативным отношением самого пожилого человека к себе, а также с полным отсутствием значимых социальных контактов. В частности, по мнению К. Роджерса, переживание одиночества порождается индивидуальным восприятием диссонанса между истинным Я и тем, как видят Я другие [39].

Важность позитивного отношения к себе в пожилом возрасте подчеркивается многими исследователями [3, 5, 6, 10, 33, 36, 39 и др.].

С точки зрения Л.И. Анцыферовой, снижение веры в себя, сдержанное отношение окружающих блокируют актуализацию потенци-

алов жизненного опыта, препятствуют накоплению новых приобретений [5, 6]. Влияние и биологических, и общественно-исторических факторов опосредуется личностью, которая наделяет их той или иной значимостью, оценивает со своих позиций, усиливает или ослабляет их воздействие. И все же в сильнейшей степени на возможности поступательного развития стареющих людей влияет их отношение к себе [8, 9].

Кухлен [36] определял отношение к себе, а также субъективное переживание счастья и удовлетворенности как проявления «личностного приспособления». С точки зрения Биррен [33], «успешное старение особенно близко к переживанию собственной социальной значимости, переживанию своего отношения к прожитой жизни и к самому себе». Определяя мудрость стариков не только как опыт, знания, но и сильное Я, силу духа, субъектность, которая сохраняет личность и разум, Н.Х. Александрова считает, что «в каждом конкретном моменте жизни человека, на каждом этапе его жизненного пути субъектность включает в себя достижения в развитии самосознания, характер эмоциональной отзывчивости к себе самому и к другим. Причем взаимообусловленные изменения у пожилого и старого человека, на основе которых формируется отношение к себе человека как к деятелю, осуществляет субъектность» [3].

Характеризуя процесс самоопределения в пожилом и старческом возрасте, Н.Х. Александрова [3] представляет его как преодоление психологического разрыва между наличным состоянием и необходимостью самореализации и самоосуществления. Обозначенное нами выше противоречие между желанием передать свой опыт и невозможностью это осуществить — далеко не единственное в череде противоречий, стоящих перед пожилым человеком.

С точки зрения Н.Х. Александровой [3], в процессе функционирования личности пожилого возраста формируются противоречивые представления о связи между сущим и должным. Такие противоречия бывают между:

- ситуационными изменениями и сущностными устойчивыми отношениями личности;
- объективной логикой самодвижения отношений, заданной объективными обстоятельствами жизни и способностью субъекта постичь эту логику;
- способами организации и осуществления субъектом своих жизненных отношений и сущности «я», в соответствии с которой субъект должен строить свои жизненные отношения, свою адаптацию к среде, к другим, к самому себе;
- объективными условиями жизни личности, требующими от нее определенного уровня и качества проявлений отношений в поведении, и реальным способом объективизации этих отношений и их качеством;

- внутренними возможностями субъекта для продуктивной реализации своих жизненных отношений, наличной результативностью жизненных отношений и т.д.

Способность личности регулировать жизнь, организуя ее как целое, подчиненное ценностям, позволяет ей стать относительно независимой, свободной по отношению к внешним требованиям, давлению обстоятельств. Жизненный путь личности детерминирован самой личностью, с одной стороны, и объективными преднаходимыми ей условиями, требованиями, событиями, обстоятельствами, эпохой, к которой она принадлежит, с другой стороны. Эти детерминанты никогда не совпадают друг с другом. Поэтому качества личности как субъекта жизненного пути проявляются в способе разрешения противоречий, возникающих на ее жизненном пути при осуществлении его организации [2]. Круг проблем, стоящих перед пожилым человеком и требующих своего разрешения, значителен, и все же мы склонны утверждать, что наиболее значительной и острой проблемой, стоящей перед пожилым человеком в нашей стране, является разрешение кризиса невостробованности.

Представление о невостробованности как основной проблемы пожилого возраста

Согласно теории Пека [37], одним из конфликтов, свойственных старости и требующих разрешения, является конфликт переоценки «Я» вне профессиональной роли. Многие работающие люди (особенно мужчины) рассматривают свое положение и самого себя сквозь призму своей профессиональной деятельности. Уход на пенсию составляет центральный момент ситуации развития в период старости. Отделение человека от референтной группы, от дела, которому посвятил долгие годы, часто сопровождается «шоком отставки». С уходом на пенсию профессиональный статус нивелируется, и пенсионер вынужден заменить свою профессиональную уникальность иным видом уникальности [37].

Согласно теории разобществления, разработанной Дж. Розеном и Б. Ньюгартемом, в пожилом возрасте происходит изменение мотивации, сосредоточение на своем внутреннем мире и спаде коммуникативности. Причем, если объективно разобществление проявляется в утрате прежних социальных ролей, ухудшении состояния здоровья, снижении дохода, утрате или отдалении близких людей, то субъективно оно выступает в ощущении своей ненужности, сужении круга интересов — сосредоточении их на своем внутреннем мире [18]. Важнейшим фактором разобществления, по мнению В. Генри, является незанятость старых людей, причем важное значение здесь имеет общество, включая или

выключая пожилого человека из социальной жизни. Ощущение себя как ненужных людей, как обузы для своих детей — психологическая основа общественной и профессиональной пассивности пенсионеров.

На потерю уважения к себе и переживание тягостного чувства ненужности как типичного примера потери личностной идентичности и неспособности человека построить новую систему идентификации указывает и Л.И. Анцыферова, характеризуя один из личностных типов старости [4].

Характеризуя возрастную динамику мотивов в период поздней зрелости и старости, А.А. Реан с соавт. [26] пишут, что «человек, перешагнувший 60-летний рубеж, движим во многом теми же желаниями и потребностями, которые побуждают к действию более молодых людей. Это потребности в самореализации, созидании и передаче наследства (духовного и/или материального) следующему поколению, в активном участии в жизни общества, ощущение полезности и значимости для него». 70-летних они описывают как продолжающих принимать участие в ситуациях, в которых можно проявить свои способности и умения. А для 80-летних особо выделяют «потребность в позитивном внимании, когда тебя воспринимают не как обузу и проблему, а любят просто за то, что ты есть» [26].

Как видно из вышеизложенного, для пожилых людей выражена потребность сознавать свою значимость, а также в позитивном внимании. Эта потребность может быть удовлетворена ощущениями того, что ты нужен семье и внукам, и возможностью служения другим людям своим профессиональным и жизненным опытом, а также сохранившимися способностями [13]. Неспособность пожилого человека что-либо сделать для других вызывает у него чувство неполноценности, усугубляется раздражительностью и желанием спрятаться [1, 11, 13]. Если пожилой человек способен что-либо сделать для других, но эта способность не востребована ни государством, ни значимым окружением, вряд ли эмоциональный фон будет лучше. На 60—69-летний период жизни приходится наибольшая насыщенность стрессогенными факторами в пожилом возрасте с заметным снижением этого показателя в более поздних возрастных периодах. И именно на этот возраст, согласно нашим данным, приходится пик переживания собственной ненужности, наиболее остро ощущаемый одинокими мужчинами, а также пожилыми людьми, проживающими в геронтологическом центре.

Быстрые инволюционные процессы, обнаруживающиеся у людей именно в ранний постпенсионный период, В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев [27] определяют как результат неспособности противостоять мощному влиянию социальных стереотипов.

Выработке позитивного отношения к себе стареющего человека, его усилиям по творческой реконструкции себя мешают определенные социальные силы, особенно характерные для высокоразвитых индустриальных стран. В условиях рыночной экономики распространено негативное, снисходительно-неуважительное отношение к старым людям, которые якобы деградируют во всех отношениях. Парадокс заключается в том, что многие из пожилых людей в период своего социально-психологического расцвета тоже в той или иной мере разделяли такие взгляды и в более поздние годы осадок этих установок заставил их гипертрофировать собственные даже незначительные промахи.

Изменение психологического и социального статуса пожилых людей нарушает привычные жизненные стереотипы, требует мобилизации физических и психических резервов. Негативные установки по отношению к старым людям, возникшие на ранних этапах прогресса общества, оказывают существенное влияние на мотивы поведения, самочувствие и даже состояние здоровья пожилых людей, считающих себя лишними в обществе. Стереотипы мешают воспринимать пожилых людей дифференцированно, как индивидуумов с действительно существующими между ними различиями, и могут приводить к социальным установкам или действиям, которые отбивают у них охоту принимать активное участие в коллективном труде и проведении досуга [17].

По данным А.В. Писарева [25], около половины респондентов считают, что уровень образования и профессионально-квалификационный статус пожилых в России, в сравнении с их сверстниками за рубежом, лучше или примерно такой же, но вот полнота социальной реализации пожилых (занятость в соответствии с потребностями, общественная активность, социальное признание) и даже реализации в частной жизни (круг интересов, общения, семейное благополучие) ниже. С его точки зрения, именно идея невостребованности и, как следствие — низкого уровня жизни — лежит, наряду с представлением о плохом состоянии здоровья, в основе «опекаемого» образа пожилых. Низкая востребованность в современной социально-экономической жизни профессиональных навыков, согласно данным А.В. Писарева [25], в 40,2% случаев отмечается как наиболее характерная черта современного пожилого населения России. Часто о невостребованности профессиональных навыков пожилых людей упоминают госслужащие, ИТР предприятий, представители гуманитарной и творческой интеллигенции и предприниматели. Причем, согласно данным Писарева, низкая востребованность профессиональных навыков чаще упоминается людьми с высоким уровнем доходов и жителями мегаполисов. Анализируя последний факт, Писарев предполагает, что «в условиях крупных городов, где ско-

рость социально-экономических преобразований существенно выше, пожилые люди оказались в более конкурентной среде, и, несмотря на более благополучные, по сравнению с сельскими жителями, профессионально-квалификационные и образовательные характеристики, обладают меньшими шансами на реализацию имеющегося потенциала» [25].

Наличие нереализуемого потенциала, ощущение или опасение собственной ненужности признали как пожилые, так и опрошенные нами более молодые люди [30]. Ненужность, невостребованность в качестве самой тяжелой проблемы старости подростками была названа в 22,50% случаев, в юношеском возрасте — в 34,55%, в зрелом возрасте — в 25,00%, в пожилом возрасте — в 38,75%, в старческом возрасте — 11,25%. Возможно, в юношеском возрасте высокая частота упоминания невостребованности как самой тяжелой проблемы людей пожилого возраста соответствует собственной невостребованности в связи с необходимостью поиска работы. Снижение частоты упоминания людьми зрелого возраста этой проблемы может объясняться как неготовностью адекватно оценивать особенности приближающегося возрастного периода, так и необходимостью «бороться» за рабочие места на рынке труда, поскольку основную массу исследованных нами людей зрелого возраста составляют представители низкооплачиваемых бюджетных профессий. Страх, вызываемый признаками старения, у этих людей еще более может усиливаться в том случае, если в предыдущие периоды жизни они привыкли ориентироваться на мнение окружающих, не выработали способности руководствоваться собственными взглядами и сопротивляться навязываемым им убеждениям [8, 9].

Негативные стереотипы могут способствовать формированию негативного отношения к себе пожилых людей, а также проявлению феномена «выученной беспомощности» [6]. Большинство пожилых болезненно осознают грубые негативные стереотипы и избегают их [18]. С нашей точки зрения, пожилые люди способны противостоять распространенным в обществе негативным стереотипам старости. Хотя нужно признать, что при большем внимании государства к проблемам пожилых людей эта задача была бы значительно облегчена.

Личностная невостребованность как главная проблема одиноких пожилых людей

Согласно когнитивному подходу к одиночеству, человек начинает ощущать одиночество, когда он понимает несогласие между желаемым и достигнутым уровнем социального контакта [38]. Проведенное нами ранее исследование [28] показало выраженные психологические различия между людьми пожилого возраста, проживающими в семьях, одиноко

или в геронтологическом центре. У последних была выявлена высокая устойчивость аффекта, болезненная обидчивость, крайне низкая терпимость в области социального взаимодействия, сконцентрированность на мрачных, печальных сторонах жизни, а также выраженная экстернальность, повышенная тревожность, обеспокоенность и агрессивность. И именно пожилые люди, проживающие в геронтологическом центре, чаще отмечали собственную ненужность, прежде всего, близким людям.

Помещение в интернаты является одним из трех предиктов скорой смерти старых людей. Л.И. Анцыферова объясняет это явление: «Приюты сильно ограничивают число степеней свободы личности, не стимулируют их социальной активности, не порождают чувства своей нужности. В интернатах отсутствует такой важный фактор продолжения социально-психологического развития старых людей, как интенсивное общение между разными поколениями» [7, 9]. В подтверждение своих слов автор приводит данные исследования С.Г. Максимовой пожилых людей, проживающих в доме-интернате [21]. Характеризуя себя, пожилые люди, использовали негативные штампы: «старик», «старуха», «пенсионер», «теперь никто», «никчемный балласт для общества».

Основная психологическая причина резкого изменения отношения к себе заключается в том, что сам человек разрывает связь времен своей жизни. Под влиянием недостойного, по его мнению, собственного существования в настоящем, он принижает значимость своих прошлых достижений и заслуг. Субъект отказывается от своей прежней идентичности, не пытается развить и обогатить ее [8, 9]. На наш взгляд, появление негативных штампов такого рода, как «никчемный балласт для общества», «никому не нужный» и др., свидетельствует о переживании пожилым человеком невостребованности и может наблюдаться не только при помещении в дом-интернат, но и в случае отсутствия возможности общения со значимым окружением: родственниками, друзьями, учениками и др. К сожалению, одинокие пожилые люди при наличии живых родственников, причем проживающих в непосредственной близости, — для нашей страны явление нередкое. Причем, как показало проведенное нами ранее исследование, в наиболее тяжелом положении оказались одиноко проживающие мужчины [31].

Опрошенные нами одиноко проживающие пожилые мужчины в качестве основных проблем называли одиночество, здоровье, тоску, маленькую пенсию, старость, отсутствие смерти. На вопрос «Кто я?» преобладали такие ответы, как: «никто», «старик», «вдовец», «одинокий», «немогущий», «никому не нужный». Лишь в 39% случаев были даны положительные характеристики.

Пожилые мужчины, проживающие в семьях, на первое место в качестве основных проблем ставили собственное здоровье, здоровье жены, проблемы детей, маленькую пенсию, плохую медицину. В качестве опре-

делений «Кто я?» преобладали следующие: «человек», «больной», «старик», «инвалид», «муж», «хозяин», «участник ВОВ», «специалист». В 70% случаев мужчины оценивали себя положительно, т. е. в 1,8 раза чаще, чем одинокие пожилые мужчины, и лишь в 30% случаев — отрицательно.

Для одиноко проживающих пожилых женщин основными проблемами были одиночество и здоровье, далее идут быт, скука, маленькая пенсия, проблемы детей. Чаще всего они определяли себя так: «хозяйка», «женщина», «мать», «бабушка», «пенсионерка». Причем положительные ответы были даны в 80% случаев.

Пожилые женщины, проживающие в семьях, на первое место ставили проблемы, связанные со здоровьем, а также проблемы, связанные с близкими людьми (проблемы детей и внуков, здоровье мужа, болезнь сына). В ответах преобладали следующие определения: «мать», «хозяйка», «пенсионерка», «бабушка», «работница» или «трудолюбивая». В 70% случаев они оценили себя положительно, в 30% — отрицательно.

Согласно данным Т.Б. Карцевой, в ситуациях жизненных перемен происходит следующее изменение образа Я и личности: 1) изменение отношения к себе; 2) разрушение образа Я («утрата себя») и дестабилизация личности; 3) перестройка образа Я; 4) «обретение себя», изменение личности и оптимизация психического состояния [15]. Как видно из представленного выше материала, «обретение себя» затруднено при переживании собственной ненужности.

Есть много свидетельств того, что для людей даже один короткий, но насыщенный большим социальным и личностным смыслом отрезок прошлого становится навсегда центром их идентичности и источником самоуважения [7, 9]. Анализ значимых событий показал чрезвычайную важность для исследованных нами пожилых людей событий, связанных с войной и работой. В частности, наиболее значимыми событиями (на них указали свыше 35% опрошенных) для исследованных нами одиноких мужчин оказались: смерть жены, война, прошлая работа; для мужчин, проживающих в семьях: война, работа, женитьба, события, связанные с детьми; для одиноких женщин: война и события, связанные с семьей; для женщин, проживающих в семьях: события, связанные с семьей, детьми и внуками, события, связанные с работой, войной, смертью родителей и родных.

Степень негативного воздействия трудных социальных обстоятельств, событий и ситуаций в значительной степени зависит от позиции, занимаемой личностью в системе всех этих условий, и от отношения к самой себе [7, 9]. Переживание ненужности препятствует не только позитивной идентификации, но также способствует обесцениванию прожитой жизни и выработке пассивной жизненной позиции.

Как показало проведенное нами ранее исследование [29], ощущение собственной ненужности сопровождалось повышением интро-

вертированности, невротизма, акцентуированности ряда черт (в том числе застреваемости, эмотивности, циклотимности, возбудимости, дистимности и экзальтированности), повышением экстернальности. Экстерналов отличают повышенная тревожность, обеспокоенность, меньшая терпимость к другим и повышенная агрессивность, конформность, меньшая популярность. Исследования показали, что люди с внешним локусом контроля менее склонны контролировать свою жизнь, так как не верят, что в этом есть какая-то польза [12]. В целом полученные нами данные свидетельствуют о высокой степени дезадаптации «невостробованных» пожилых людей и необходимости оказания им психологической помощи.

«Истории жизни» в преодолении кризиса невостробованности

Одним из признаков старения является гиперболизированная адаптация субъекта к выработанным приемам решения жизненных проблем, стратегиям поведения в социальных ситуациях и определенному образу жизни. Очувтившись в новых социально-исторических условиях, такая личность не может заново осмыслить свой путь, дать новую интерпретацию событиям собственной жизни [5, 6].

«Болтливость», свойственная многим пожилым людям, их стремление обстоятельно и детально рассказывать о разных эпизодах своего прошлого, является одновременно и попыткой как бы «растянуть» свою жизнь, особенно личностно значимые ее моменты, и в то же время способом ее переинтерпретации, подтверждаемой или отвергаемой слушателями, а также самим рассказчиком. При этом некоторые жизненные задачи, ситуации сделанного (или несделанного) выбора могут тревожить человека до последних мгновений [9]. В связи с этим, на наш взгляд, при оказании психологической помощи пожилым людям перспективно использование психобиографического метода. С точки зрения Л.И. Анцыферовой, психобиографические методы, повествование субъектов о личностно значимых для них событиях, исследование степени согласованности внешнего рисунка жизни с ее оценкой самим человеком и хорошо знавшими его людьми помогают выявить те особенности жизненного пути индивида, которые повлияли на процесс его психологического старения [5, 9].

Позитивное переосмысливание себя в прошлом становится основанием для поддержания личностью самоуважения, утверждения позитивной идентичности, конструирования нового содержательного жизненного мира. Другой вопрос касается такой стратегии, как поиск пожилым человеком, утратившим смысловые опоры своей жизни (лишившимся работы, переживающим нелады в семье, потерявшим друзей), новых

смыслов — «того, ради кого и чего стоит жить». Безусловно, переживание своей нужности, необходимости, незаменимости для дела, для близких людей, для общества способствует поддержанию жизнеспособности человека, выступает высоко значимым мотивом его деятельности... Личность как субъект своей жизни должна развивать способность подняться над собой и увидеть в себе значимого для себя (и для других) человека [8, 9].

Используя психобиографический метод в исследовании пожилых людей, мы обратили внимание на положительный психотерапевтический эффект, который при этом достигается. Осознание того, что их жизненный опыт может быть для кого-то интересен, способствовало повышению их самооценки и более позитивному оцениванию прожитой жизни. Важными компонентами интеллектуальной деятельности, лежащей в основе интеграционных усилий по обретению личностной целостности, является выраженная реминисценция отдаленных событий, умственные действия осмысливания, переоценки, реконструкции прошлой жизни [5, 6]. Продуктивный способ жизни опирается на систему малоизученных жизнетворческих дарований личности. Это способности личности рассматривать жизнь и ее события в разных системах координат, выявлять латентные возможности жизненных ситуаций; воспринимать неожиданность, неопределенность многозначность обстоятельств жизни как стимул для своего развития и т.п. Для активизации интеллектуальной деятельности и, возможно, жизнетворческих дарований мы решили не только записывать биографию пожилых людей, но и предложили каждому человеку рассказать одну из наиболее значимых историй, произошедших в его жизни, причем после набора текста у каждого есть возможность отредактировать его. Для кого-то наиболее значимым оказалось событие, изменившее когда-то весь ход жизни, ставшее переломным моментом, а для кого-то это важный ресурс, позитивное воспоминание. Мы надеемся, что издание книги «Истории жизни» будет способствовать позитивному переосмыслению прожитой жизни благодаря возможности увидеть ее как бы со стороны, а также будет способствовать развитию способности подняться над собой и увидеть в себе значимого для себя (и для других), т.е. разрешению кризиса не востребоваемости.

Заключение

Проблема психологии пожилых имеет дело с комплексным пространством функционирования человека, складывающимся из природных, психических, личностных условий его функционирования, с одной стороны, социальных условий, с другой, и способов организации жизнедеятельности как труда, профессии, своего дела — с третьей [3]. У компетентного профессионала сохраняется высокая самооценка, ощущение своей нужности и социальной значимости. При этом прежние честолюбив-

вые стремления сделать карьеру, достичь личного успеха уступают место потребности продолжить себя, персонифицироваться в новых поколениях. Личность поднимается на новый уровень духовного развития [8, 9].

Анализируя теоретико-психологические основы понимания субъекта человеческой реальности, Н.Х. Александрова [3] пишет, что теоретическое определение субъекта как способа организации имеет в своей основе противоречие, несоответствие между его возможностями и ограничениями и той объективной системой, в которой он должен функционировать. Главная психологическая задача, которая стоит перед личностью в поздние годы, — это несмотря ни на что сохранить самоуважение и позитивную самооценку [8, 9]. Принятие пожилым человеком себя как активного деятеля в оставшийся период жизни позволяет ему активно адаптироваться к изменяющейся среде, к другим людям, к собственным физическим, физиологическим, личностным изменениям. Такие факторы, как возможность сильно помогать детям, содержательно общаться с детьми, участие в воспитании внуков и принятии семейных решений, способствуют поддержанию престижа пожилого человека, нахождение применения своему жизненному и профессиональному опыту. Все это способствует разрешению главной проблемы пожилых людей — «драмы невостребованности». Психологическая позиция людей в большей степени зависит от культурной традиции. Именно традиции общества, сформировавшие уважительное отношение к старости, помогают старику справляться с усугубляющимся ощущением ненужности. Важными прогностическими факторами оптимального прохождения адаптации к изменяющимся условиям внутренней и внешней среды в пожилом возрасте является позитивная оценка своей жизни, целостность восприятия себя как пожилого человека, гражданина, человека, достигшего высот в своей деятельности, профессионала, родителя.

Старость как психологический возраст может и не наступить в жизни человека. С точки зрения Н.В. Хамитова, условием длящейся или нарастающей зрелости является творчество во всех его проявлениях, включая творчество собственной жизни, каждого его дня. Замена старения нарастающей зрелостью — нравственный долг перед собой. С этой точки зрения интересна характеристика пожилого человека, данная В.П. Козырьковым: «Пожилым человек становится тогда, когда воспитывает взрослых детей, которые способны сами создать семью. Пожилой — это человек, передавший жизненный опыт своим детям. Пожилой человек способен иметь учеников...» И все же пожилым человека принято считать с наступлением пенсионного возраста. Учитывая, что скорость вхождения в профессию, достижение пика карьеры, профессионального мастерства зависит от самого субъекта, мы вслед за К.А. Абульхановой и Т.Н. Березиной склонны считать, что постпрофессиональный период может быть по-разному использован челове-

ком — для продолжения профессиональной деятельности до глубокой старости и смерти или отдыха от труда) [2]. Выход на пенсию должен быть не вынужденным, а осуществленным по собственному желанию человека.

Переживание продления собственной жизни в детях, незавершенных делах, переживание социального бессмертия — это условия преодоления старения как увядания и деградации.

Мы хотели бы присоединиться к выводу, который делает Н.Х. Александрова, подводя итог исследованию особенностей субъектности человека на поздних этапах онтогенеза [3], «средством оптимизации и психологической профилактики процесса жизни людей на поздних этапах онтогенеза является специальная деятельность окружающих людей — родных, психологов, социальных работников, медицинского персонала, направленная на создание условий, наиболее благоприятных для поддержания активного тонуса, интереса к миру, ощущения своей нужности, ответственности за себя и близких людей и пр.».

Субъект должен сохранять, утверждать и развивать свою идентичность, не забывать, что он продолжает существовать в созданных им предметах материальной и духовной культуры, в воспоминаниях людей, общавшихся с ним, в своих детях и внуках [8, 9]. С точки зрения О.Б. Крушельницкой [19], продолжение развития тенденции к расширению возможностей старших граждан быть социально востребованными способствует уменьшению страха надвигающейся старости у молодого окружения, что, в свою очередь, должно привести к снижению конфликтности взаимоотношений между поколениями «отцов» и «детей». Изменение существующих стереотипов в отношении к пожилым людям у более молодого поколения способствует не только улучшению состояния пожилых людей, но и благоприятному прохождению адаптации в старости самих молодых людей, сейчас негативно относящихся к пожилым.

Помощь пожилому человеку в достижении переживания собственной востребованности как профессионала и личности, с нашей точки зрения, способно разрешить основную проблему геронтологии, состоящую в изучении старения организма с целью профилактики преждевременного старческого увядания. Важным здесь является внимание не только со стороны близких людей, но и государства в целом. И хотя в «Международном плане действий по проблемам старения» ООН подчеркивается важная роль самих пожилых людей в формировании позитивного восприятия старости в обществе, в котором существует культ молодости и пренебрежительное отношение к старости, мы считаем, что государство должно принять активное участие в освобождении пожилого человека от таких негативных штампов, как ««никчемный балласт для общества», «никому не нужный». Чувство социальной вос-

требованности стариков связано не только с субъективным восприятием действительности, но и с осознанием самим пожилым человеком и окружающим его более молодым поколением возможности активного и социально значимого участия в жизни общества.

Закончить нашу статью нам бы хотелось словами Л.И. Анцыферовой: «...Безусловно, переживание своей нужности, необходимости, незаменимости для дела, для близких людей, для общества способствуют поддержанию жизнеспособности человека, выступает высоко значимым мотивом его деятельности... Личность как субъект своей жизни должна развивать способность подняться над собой и увидеть в себе значимого для себя (и для других) человека» [8, 9]. Возникновение чувства значимости для других либо достижение самодостаточности (в том числе как независимости от общественного одобрения и признания) и будет, с нашей точки зрения, свидетельством успешного разрешения личностью кризиса профессионально-личностной невостребованности. Обстоятельства и мотивы могут не господствовать над человеком, если он им этого не позволит [20]. Очень важно, чтобы пожилой человек чувствовал в себе силы, позволившие ему господствовать над любыми обстоятельствами и мотивами.

Литература

1. *Абрамова Г.С.* Возрастная психология. М.: Академия, 1997.
2. *Абульханова К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.
3. *Александрова Н.Х.* Особенности субъектности человека на поздних этапах онтогенеза. Дис... докт. психол. наук. М., 2000.
4. *Анцыферова Л.И.* Новые стадии поздней жизни: время теплой осени или суровой зимы? // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 3. С. 99—105.
5. *Анцыферова Л.И.* Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6.
6. *Анцыферова Л.И.* Психологические приобретения и потери человека в период поздней зрелости // «Современная личность: социальные представления, мышление, развитие в норме и патологии» / Под ред. К.А. Абульхановой и др. М.: Изд-во ИП РАН, 2000.
7. *Анцыферова Л.И.* Психология старости: особенности развития личности в период поздней зрелости // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3.
8. *Анцыферова Л.И.* Диалектика развития личности в поздние годы жизни // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во ИП РАН, 2002.
9. *Анцыферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
10. *Волкова Е.Н.* Психологические аспекты субъектности учителя. Н. Новгород: НГЦ, 1997.
11. *Грановская Р.М.* Элементы практической психологии. СПб.: Свет, 1997.
12. *Гринберг Дж.* Управление стрессом. СПб.: Питер, 2002.
13. *Ермолаева М.* Практическая психология старости. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
14. *Йолов Г.* Третата възраст. С., 1982.

15. *Карцева Т.Б.* Изменение образа Я в ситуациях жизненных перемен. Автореф. дис... канд. психол. наук. М., 1989.
16. *Козырьков В.П.* Пожилой человек как социокультурный тип // Пожилые люди — взгляд в XXI век / Под. ред. З.М. Саралиевой. Н. Новгород: НИ-СОЦ, 2000. С. 140—143.
17. *Крайг Г.* Психология развития. СПб.: Питер, 2002.
18. *Краснова О.В., Лидерс А.Г.* Социальная психология старости. М.: Академия, 2002.
19. *Крушельницкая О.Б.* О некоторых аспектах средового воздействия на восприятие старости // 3-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. М.: Психологический институт РАО, 2003. С. 235—237.
20. *Леонтьев Д.А.* Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии. Вып. 1. / Под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 56—65.
21. *Максимова С.Г.* Социально-психологические и биологические аспекты жизнеосуществления старших возрастных групп. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1997.
22. *Медведева Г.П.* Введение в социальную геронтологию. М.: МПСИ НПО «МОДЭК», 2000.
23. *Оберемко О.А., Ядов В.А.* Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М.: Флинта. С. 10—44.
24. *Петров И.* Стареене на психиката. С., 1978.
25. *Писарев А.В.* Образ пожилых в современной России // Социс. 2004. № 4.
26. Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А.Н. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.
27. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология развития человека. М.: Школьная пресса, 2000.
28. *Харитонова Е.В.* Анализ личностных особенностей людей пожилого возраста / 3-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. М.: Психологический институт РАО, 2003. С. 242—244.
29. *Харитонова Е.В.* Профессионально-личностная невостребованность пожилого человека // «Здоровье семьи — XXI век». Материалы IX Международной научной конференции. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2005. С. 326—329.
30. *Харитонова Е.В.* Особенности социально-психологической адаптации в пожилом и старческом возрасте // Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Материалы Международной научной конференции. М.: «ЭКО». ООО «ПКЦ Альтекс», 2004. С. 398—402.
31. *Харитонова Е.В., Уджуху Б.Р.* Социально-психологические аспекты одинокой старости // Материалы VIII Международной научной конференции «Здоровье семьи — XXI век». Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004. С. 292—294.
32. *Штомпка П.* Социальные изменения как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6—16.
33. *Birren J.E.* The psychology of aging. Englewood Cliffs. New Jersey: Prentice-Hall, 1964. 303.
34. *Erikson E.* The life cycle completed. Review. New York: W.W.Norton, 1982.
35. *Kausler D.H.* Experimental psychology and Human aging (3rd ed.). New York: Wiley, 1991.
36. *Kuhlen R.G.* Aging and life-adjustment // Handbook of aging and the individual. Chicago, 1959. P. 852—900.
37. *Peck R.C.* Psychological developments in the second half of life // B.L.Neugarten. Middle age and aging. Chicago: University of Chicago Press, 1968.
38. *Perlman D., Peplau L.N.* Towards a Social Psychology of Loneliness // R.Gilmor & S. Duck (Eds.). Personal Relationships. London: Acad. Press, 1981.
39. *Rogers C.R.* The loneliness of contemporary man as scen in the case of «Ellen West» // Annals of Psychology. 1961. 3. P. 22—27.

РАЗДЕЛ 3.
Личностные детерминанты
адаптации

Становление контроля поведения как проявление индивидуальности и его роль в процессе адаптации¹

Е.А. Сергиенко

Курт Левин в работе «Поведение и развитие как функция ситуации» писал, что проблема общих законов и индивидуальных различий часто кажутся несвязанными, противоположными вопросами. Но проблемы индивидуальных различий и общих законов тесно переплетены. Научный закон выражается в уравнении, которое связывает определенные вариации. Индивидуальные различия должны пониматься как разные величины, варьирующие в определенном случае. Другими словами, общие законы и индивидуальные различия являются просто двумя аспектами одной проблемы. Они существенно зависят друг от друга и исследование одного, не может происходить без изучения другого [29].

Полностью разделяя представления о тесном переплетении индивидуального и общего в организации человека, следует подчеркнуть, что индивидуальность человека проявляется в полной мере в том, как человек регулирует свое поведение, достигая согласования с требованиями окружения. Данная проблема известна как проблема саморегуляции человека.

Проблема становления саморегуляции поведения интенсивно разрабатывается различными психологическими школами и направлениями. Эта проблема остается ключевой в понимании организации индивидуальных особенностей человеческой деятельности, возможностей регуляции функциональных состояний, своеобразия жизненного пути личности. Большинство работ анализируют уже взрослые уровни саморегуляции.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 05-06-06469а.

Структурно-функциональный подход и концепция индивидуального стиля саморегуляции (О.А. Конопкин, В.И. Моросанова)

Модель системы регуляции построена по аналогии с поэтапной информационной обработкой, но средствами человеческой психики. Регуляция осуществляется основными регуляторными процессами планирования (Пл), моделирования (М), программирования (Пр), оценки результатов (Ор) и регуляторно-личностными свойствами гибкости (Г) и самостоятельности (С). Открытыми вопросами данного подхода остаются проблемы развитие саморегуляции в онтогенезе. Предложенная модель саморегуляции, формируется и осуществляется в деятельности, тогда как индивидуальные особенности человека остаются за скобками. В последнее время предпринимаются попытки найти индивидуально-психологическое своеобразие саморегуляции [15; 16], однако, концептуально неясно, что определяет профили саморегуляции – деятельность или индивидуальная специфичность, тогда как это важнейший вопрос психологических механизмов управления поведением.

Данная модель описывает только произвольные и осознанные уровни регуляции деятельности. Но известно, что *осознанная регуляция и более медленная, и более энерго- и психически затратная*. Спонтанная активность человека реализуется в большей степени на уровне неосознанной регуляции, и деятельность не подвергается постоянной рефлексии.

Авторами структурно-функционального подхода используются опросники для анализа стилей саморегуляции, которые требуют высокого развития рефлексивных процессов. Более того, сам человек не может давать о себе совершенно объективную информацию. Это в большей степени самопрезентация.

Мы полагаем, что индивидуальность человека, включая его ментальный опыт (когнитивное представление о мире), определяет и саму деятельность, т. е. способность к самоорганизации, а значит целостность на каждом определенном этапе развития существует до становления зрелой и сознательной системы саморегуляции, произвольной активности и служит основой ее становления в дальнейшем. Модель саморегуляции является когнитивной, т. е. предполагающей, что любой процесс может быть разложен на ряд этапов, на каждом из которых выполняется какая-либо операция над информацией [27], но информация об окружающей действительности, которую использует человек, может обрабатываться и параллельно, и вызывает в нем определенное отношение. Это отношение отражено в другом принципе психологии – принципе единства сознания и переживания [20].

Сам автор структурно-функционального подхода отмечает: понимание сути саморегуляции существенно возросло бы при опоре на теоретическое представление о системно-организованном процессе, имеющем закономерную внутреннюю структуру [12].

Концепция воли В.А. Иванникова

Под волевой регуляцией в данном подходе понимается регуляция побуждения к действию, сознательно принятому по необходимости. Психологическим механизмом при этом является намеренное изменение или создание дополнительного смысла действия. Развитие волевой регуляции происходит в процессе развития и обуславливается воспитанием. Дополнительные побуждения первоначально создаются через изменения смысла действия другими людьми, затем эти способы регуляции присваиваются и становятся частью личного арсенала самоорганизации. Таким образом, волевая регуляция — это сознательный личностный уровень регуляции, опосредованный знаниями человека о мире, собственных ценностях и возможностях (Иванников [9]). Близкая точка зрения высказывается Е.О. Смирновой [26]. Она рассматривает произвольность как развитие средств овладения собой и своим поведением, фактически отождествляя ее с процессом формирования опосредованного поведения. Движущей силой процесса развития произвольности является взрослый, становящийся посредником между ребенком и культурным содержанием. Открытыми в данной концепции остаются следующие вопросы. Волевой контроль признается результатом воспитания, не учитывается индивидуальность человека.

Неясным остается взаимодействие с другими аспектами саморегуляции: эмоциональными, когнитивными.

Концепции контроля за действием Ю. Куля

Волевая сфера понимается Ю. Кулем как система, состоящая из автономных подсистем: самоконтроля и саморегуляции, которые функционируют, гибко взаимодействуют и обеспечивают удержание намерения в активном состоянии. Самоконтроль предполагает осознанную борьбу мотивов, которая требует дополнительных ресурсов для выполнения действия в виде усилий по поддержанию активности и эмоциональной напряженности.

Для саморегуляции характерно произвольное внимание к цели, отсутствие усилий по поддержанию активности, связь эмоций с настоящими результатами действия, а не с прошлым опытом, эмоциональная напряженность, не превышающая операциональную. При этом типе регуляции препятствия вызывают произвольное увеличение усилий. В данной концепции можно выделить также сложные, нерешенные проблемы.

Концепция не рассматривает развитие контроля за действием в онтогенезе, не объясняет причины, по которым возникает та или иная ориентация. Остается неясным, каким образом происходит дружественное взаимодействие самоконтроля и саморегуляции, как уровень индивидуальности субъекта (т.е. внутренняя психическая организация) детерминирует этот процесс [28].

Модель регуляции поведения Л. Пуллкинен

Модель Л. Пуллкинен [30; 31] регуляции эмоций и поведения представляет двухкомпонентную систему, включающую темпераментальные характеристики индивида, определяемые созреванием тормозящих возможностей центральной нервной системы, которые определяют *поведенческую реактивность* и уровень развития *когнитивного контроля* эмоционального поведения. Комбинация факторов создает определенный тип поведения, который проявляется в течение жизни как персональный стиль проявления собственной активности. Они соответствуют некоторым аспектам волевой регуляции, а именно *ориентации или на действие, или на состояние во время деятельности при возникновении трудностей*. При *высоком когнитивном самоконтроле* личность проявляет способности к нейтрализации негативной информации и фокусируется на тех аспектах ситуации, которые помогают регулировать уровень активности эмоций и поддерживать поведение. Способность к нейтрализации связана с развитием когнитивных возможностей и, соответственно, увеличивается с возрастом при нормальном психическом развитии. Этому способствуют как высокий уровень реактивности, заложенный в темпераменте, так и позитивный тип родительской социализации.

Низкий когнитивный самоконтроль, напротив, способствует интенсификации эмоций, мешающих деятельности, фиксируясь на тех обстоятельствах, которые вызывают тревогу, страх, агрессию. Особенности темперамента с низкой реактивностью в сочетании с высоким контролем родителей за поведением ребенка приводят к подавлению собственной активности и ориентации на внешний контроль, авто-

ритетную фигуру. При таких условиях личность, скорее всего, будет *ориентирована на состояние* при выполнении действия. Напротив, *высокая реактивность и активность* как темпераментальная особенность в сочетании с разрешающим поведением родителей приводит к поиску возможностей реализации собственных намерений и проверке своих возможностей, что обуславливает интенсивность ориентации на реализацию действий [30; 31].

Концепция регуляции состояний А.О.Прохорова

Неравновесные состояния как функциональная структура образуются при нарушении симметрии между организмом и средой. Состояния высокой активности менее устойчивы и чаще бывают кратковременными, в то время как низкоактивные неравновесные состояния длятся значительно дольше. Таким образом, длительность и энергетический уровень являются основными характеристиками неравновесных состояний. Регуляция психических состояний отражена в системно-функциональной модели, основными составляющими которой являются рефлексия переживаемого состояния, осознанный образ желаемого состояния, актуализация соответствующей мотивации и использование психорегулирующих средств. В основе процесса регуляции находятся общие функции состояний, главной и наиболее общей из которых является интегрирующая функция, образующая психологическую строй личности: свойства — состояния — процессы. Благодаря этому обеспечивается эффективное функционирование субъекта на основе устойчивого взаимодействия психических процессов и психологических свойств. Напряженность взаимодействия субъекта и среды, наиболее заметные на переходных этапах жизни, требуют от него формирования новых качеств и реализации еще не проявленных возможностей. Одновременно с этим при усилении неравновесности субъект проявляет качества, характеризующие его в наибольшей степени, например, волевые или эмоциональные способности. Основная роль в усилении адаптационных процессов принадлежит при этом энергоинформационным процессам, что приводит к рассеиванию энергии и нормализации информационного обмена [18; 19]. Концепция А.О. Прохорова — *необходимое, но не достаточное условие для организации саморегуляции*. Одинаковые по сложности и тяжести ситуации у различных людей приводят к возникновению различных неравновесных состояний, а при возникновении одинаковых состояний время и способы нормализации могут значительно варьировать. Так, самим автором приводятся данные о таких различиях

ях в возрастных и гендерных способах регуляции состояний [17]. Это может быть связано с различными способностями к самоорганизации, такими, как когнитивная оценка ситуации, уровень эмоциональной регуляции, ориентация на действие или состояние.

Системно-деятельностная концепция психической саморегуляции функциональных состояний Л.Г. Дикой

Теоретико-экспериментальный анализ характеристик саморегуляции в экстремальных условиях профессиональной деятельности позволил разработать концепцию, в основе которой лежат представления о иерархической структуре саморегуляции субъекта, межсистемном взаимодействии механизмов произвольной и непроизвольной саморегуляции психических состояний, целенаправленной активности и личностных уровней организации субъекта деятельности. Эффективность саморегуляции функциональных состояний как деятельности будет определяться степенью межсистемного взаимодействия, образующих интегративную систему. Автор выделяет возможности и ограничения произвольных и непроизвольных уровней саморегуляции в экстремальных условиях профессиональной деятельности. Положительный эффект непроизвольной саморегуляции достигается в условиях нормального протекания деятельности и на начальных этапах экстремальной деятельности, тогда как произвольная саморегуляция приводит к адаптивным последствиям на более поздних этапах деятельности и особенно ее роль высока на личностно-мотивационном уровне организации регуляторных систем. Л.Г. Дикая выделила индивидуальные стили саморегуляции функциональных состояний, которые определяют преобладание и эффективность разных ее форм — волевой, эмоциональной, непроизвольной и произвольной психофизиологической, личностной. С этих позиций функциональное состояние выступает как следствие межфункционального взаимодействия разных уровней. При этом такое взаимодействие включает когнитивный, эмоциональный и активационный компоненты.

Для обоснования нашего подхода к изучению регуляторной функции субъекта — контроля поведения особое значение имеет выделение когнитивного, эмоционального и активационного компонентов в структуре межсистемного взаимодействия. В нашем понимании контроля поведения мы выделяем когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и контроль действий, что перекликается с положениями концепции Л.Г. Дикой. В нашем понимании индивидуальный паттерн контроля поведения будет складываться в раннем возрасте и служить интегративной характеристикой того, как субъект на разных уровнях

своего развития использует индивидуальные способности к адаптации при взаимодействиях со средой (объектной и социальной). Возможно именно на основе этих паттернов будут формироваться индивидуальные стили как соотношение разных форм волевой, эмоциональной, произвольной и произвольной психофизиологической регуляции, о которых пишет Дикая. Заметим, что мы относим к контролю действия и становление уровня произвольности, который составляет континуум от непроизвольности — к произвольности — до волевых действий.

Еще два положения концепции психической саморегуляции функциональных состояний для нас имеют самое важное значение. Первое относится к ментальному механизму регуляции. Л.Г. Дикая пишет, что «...одним из механизмов саморегуляции функциональных состояний является психический образ, который представляет собой отражение в сознании субъекта текущего и потребного состояния и самооценки его объективных проявлений на уровне функционирования систем организма, психики и предметной (реальной) деятельности» [8, с. 287]. Данное положение чрезвычайно созвучно с нашими представлениями о ментальных механизмах в организации любой деятельности. Однако имеются и существенные отличия, состоящие в том, что репрезентация цели деятельности, включающая и объект, и действия в самом общем виде, может быть как осознанной, так и неосознанной, выраженной на всех уровнях организации систем регуляции, а шире — взаимодействия.

Второе положение, выделяемое Л.Г. Дикой, состоит в том, что существует взаимозависимость между личностными качествами субъекта и саморегуляцией. С одной стороны, чем выше уровень регуляции функциональных состояний и эффективнее деятельность человека, тем успешнее субъект преодолевает трудности и развивается как личность и профессионал. С другой стороны, чем выше профессиональный уровень и личностные качества, тем эффективнее регуляция функциональных состояний. Личность тогда выступает системообразующим фактором целостности субъекта профессиональной деятельности. Подобное системное решение, на наш взгляд, дает представление о континуальности и интегративности психической саморегуляции, где низшие и высшие уровни составляют единое целое и взаимозависимы. Положение о непрерывности, континуальности развития как отдельного психического процесса, так и всего развития подчеркивалось в рамках системного и субъектно-деятельностного подходов и полностью разделяется нами.

Системная концепция психической регуляции Л.Г. Дикой значительно шире концепции саморегуляции О.А. Конопкина и В.И. Моросановой, поскольку охватывает всю иерархию уровней саморегуляции, включающую и психофизиологический уровень, и уровень ценностно-мотивационный, задаваемый личностью.

Сравнивая подход к саморегуляции состояний Л.Г. Дикой и А.О. Прохорова, можно выделить общие черты и особенности двух подходов. Общим для авторов является возможность высшего личностного уровня регулировать состояния. Но раскрывается эта возможность влияния у этих авторов различно. Представление о неравновесных состояниях А.О. Прохорова фактически указывает на механизм изменений организации личности, тогда как Л.Г. Дикая описывает условия, когда регуляция личностно-мотивационного уровня может быть эффективна. Принципиально два этих подхода могут рассматриваться как взаимодополнительные в понимании саморегуляции функциональных состояний.

Когнитивно-мотивационная модель Р. Лазаруса

Способность личности к совладанию с трудными ситуациями связана с гармоничным функционированием мультимодальной системы, все-сторонне отражающей ситуацию. Травмирующие события первоначально оцениваются на сенсорном уровне, затем подвергаются когнитивной оценке, т. е. выделяются особенности ситуации — ее сильные и слабые стороны, смысл и значение, собственные способности и возможности, а затем возникают эмоции определенного качества. Выбор стратегии совладания зависит от развитости механизма когнитивного оценивания, его гибкости, всесторонности, что в свою очередь связано с уровнем эмоционального контроля уверенности в себе и помощи других, способности актуализировать весь свой жизненный опыт [29]. Открытыми вопросами данной концепции остаются следующие: отсутствует представление об индивидуальности, непонятны условия организации мультимодели, нет представлений о развитии модели и ее детерминации и размыты критерии оценки продуктивности стратегий совладания.

Теория В.С. Мерлина об интегративной индивидуальности

Представление В.С. Мерлина об интегративной индивидуальности остается современной и креативной концепцией [14]. В школе В.С. Мерлина интегративная индивидуальность — это особый характер связей между всеми свойствами человека [7]. Системообразующей функцией интегративной индивидуальности является деятельность. Однако возможно рассматривать не вероятностные связи между всеми свойствами на всех уровнях их организации, а попытаться выделить содержательные психологические составляющие контроля пове-

дения, связанные с особенностями уровневой организации субъекта и ресурсами индивидуальной организации человека, реализуемыми субъектом. Деятельность как системообразующая функция не может, на наш взгляд, выступать изолированно, вне субъекта, в реализации систем его активности. Любая деятельность субъекта целенаправлена. Следовательно, цель — это цель субъекта, она должна быть результатом ее соотнесения с внутренним миром, ментальной организацией субъекта, куда входят «понимание» цели и условий ее достижения, эмоциональная «оценка» значения цели и возможностей ее достижения и программирование исполнительного компонента, учет собственных возможностей реализации.

Понятие об интегративной индивидуальности или «совокупности внутренних условий» восходит к научным разработкам С.Л. Рубинштейна. Он рассматривал совокупность внутренних условий как синтез низших и высших специфических свойств, выполняющих в деятельности определенную приспособительную функцию. В школе Б.Г. Ананьева индивидуальность понималась как триединство индивида, личности и субъекта деятельности. С нашей точки зрения, контроль поведения осуществляет всегда субъект, развитие которого непрерывно: на всех уровнях происходит его становление как личности, как субъекта деятельности и как индивидуальности.

Приведенные точки зрения на процесс саморегуляции и его становления показывают, что, несмотря на интенсивные и продуктивные разработки, многие аспекты проблемы остаются нерешенными и требуют дальнейших усилий.

Мы предлагаем изучение саморегуляции, которое мы обозначаем как контроль поведения.

Контроль поведения мы понимаем как психологический уровень регуляции поведения, обеспечивающий целенаправленную деятельность, которая является основой самоконтроля. Используя термин «контроль поведения», мы хотим подчеркнуть именно психологический уровень в организации регуляции, поскольку термин «регуляция» используется очень широко: регуляция напряжения, кровяного давления, питания и т.д. Термин «саморегуляция» указывает в большей степени на уровень осознанной, произвольной регуляции собственного поведения, который, как мы считаем, имеет предшествующие более низкие уровни. Однако особенности более низких уровней регуляции поведения являются предшествующими в формировании зрелых форм. Более того, индивидуальность человека возникает не вдруг, а формируется шаг за шагом, опираясь на его генетико-средовую уникальность: его индивидуальный генотип и его уникальный средовой опыт. Эта индивидуальность предполагает наличие определенных *ресурсов*, способностей индивида: его интел-

лектуального потенциала (способности извлекать и упорядочивать ментальный опыт, на его основе прогнозировать результат и его последствия), эмоциональности (интенсивности эмоций, эмоциональной лабильности, активности, способности к сопереживанию, пониманию эмоций Других, и т.д.), способности к произвольной организации действий, волевых усилий, предполагающих организацию исполнительного компонента, гибкости реализации действий в зависимости от изменяющихся условий задачи, анализа результата исполнения.

Любая деятельность субъекта — целенаправлена. Следовательно, цель как атрибут субъекта должна быть результатом ее соотнесения с внутренним миром, ментальной организацией субъекта, куда входят «понимание» цели и условий ее достижения, эмоциональная «оценка» значения цели, возможностей ее достижения и программирование исполнительного компонента. Таким образом, в качестве **системообразующего фактора мы можем рассматривать не деятельность, а цель, выбранную субъектом (произвольно или непроизвольно, осознанно или неосознанно).**

Ведущая роль в развитии регуляции поведения у ребенка в отечественной психологии отводится внешнему регулятору (взрослому) при недооценке внутренних предпосылок ребенка к возможности становления саморегуляции и при недооценке индивидуальных особенностей, модулирующих скорость и формы развития регуляции поведения. Нам представляется, что более адекватным при изучении регуляции поведения человека будет учет влияния как внешних факторов, так и внутренних условий, опосредующих процессы ее формирования. Близка к этим представлениям гипотеза индивидуальной специфичности Уочз и Грач (Waches, Gratch, 1978) [см.: 21]. Она предсказывает различную реактивность индивидов к одним и тем же средовым воздействиям, т. е. ставит индивидуальные различия в центр рассмотрения роли раннего опыта. Экспериментальная проверка данной гипотезы показала, что индивидуальные особенности 6-месячных младенцев, классифицированных как «легкие» и «трудные», имеют две решающие особенности. «Легкие» более сензитивны к окружающим параметрам, чем «трудные». Когнитивное развитие «трудных» детей было задержано, что проявлялось в неспособности координировать сенсомоторные схемы. «Трудные» дети, имеющие узкую избирательность и слабый контроль поведения, удивительно похожи по типу организации поведения на детей с ранней сенсорной (зрительной) депривацией в случаях врожденной билатеральной катаракты, с характерной для них узкой избирательностью и использованием эндогенных средств регуляции [21]. Таким образом, контроль поведения имеет свой «архитип» в раннем развитии человека. Согласно положению психологии субъекта, субъект всегда индивидуален, и в процессе его

развития индивидуальность выступает все с большей отчетливостью. Однако это положение разработано недостаточно. Требуется уточнение специфичности раскрытия индивидуальности субъекта. Мы считаем, что проявлением индивидуальности субъекта может выступать контроль поведения как интегративная характеристика субъектности.

Мы исходим из следующих основных положений.

1. Единство, неразрывность когнитивных, эмоциональных и исполнительных (действий) компонентов психической организации.

2. Принципиальное положение состоит в том, что именно субъект как носитель психического реализует интегративное взаимодействие данных компонентов.

3. Субъект всегда индивидуален. Это означает, что организация трех компонентов контроля поведения будет обладать своей спецификой. Более того, уникальность в организации компонентов контроля поведения сочетается с универсальными закономерностями становления субъектности.

Таким образом, контроль поведения рассматривается как единая система, включающая три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль), которые основаны на **ресурсах индивидуальности и интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции.**

Уровень развития данной интегративной характеристики определяется уровнем развития человека как субъекта деятельности и отражает степень интегративности всех его психических особенностей и свойств. **Эффективность контроля поведения связана с возможностями реализации психических ресурсов для решения жизненных задач, значимость которых определяется субъектом, им же отбираются осознанно и/или неосознанно стратегии их решения.** Соотношение стратегий решения может указывать на профиль контроля поведения, на ресурсы функционирования которого они опираются.

Если наши предположения верны, то профиль контроля поведения как своеобразное соотношение когнитивного, эмоционального и волевого компонентов будет определять не только типы стратегий совладения, но и виды предпочитаемых психологических защит.

Эти соображения приводят к двум важным следствиям:

1. Уровневая организация субъекта может выступать как основа контроля поведения, как интегративное проявление субъектности.
2. Ресурсные возможности субъекта определяют реализацию контроля поведения на определенном уровне субъектного развития.

Каким образом можно верифицировать данное предположение?

На сегодняшний день уровень разработок состоит в операциона-

лизации данного предположения традиционными методами, которые не являются, по моему мнению, точными для нашей концепции.

Проверка нашей гипотезы экспериментально осуществляется в следующих работах:

1. Контроль поведения в трудных жизненных ситуациях (в период беременности) — канд. психол. наук *Ю.В. Ковалева*;
2. Исследование становления контроля поведения в раннем детстве — канд. психол. наук *Г.А. Виленская*;
3. Изучение агрессивного поведения у подростков с разным уровнем интеллектуального развития — аспирантка *Е.В. Рязанцева*;
4. Исследование соотношения контроля поведения и совладающего поведения у подростков — аспирантка *И.Н. Ветрова*;
5. Контроль поведения при сложной социальной адаптации (в случае нетрадиционной сексуальной ориентации) — аспирантка *Д.К. Голованова*;
6. Эмоциональный интеллект как механизм регуляции поведения — аспирантка *О.В. Мозжухина*.

Широкая программа экспериментальной проверки гипотезы о трехкомпонентном составе контроля поведения позволит понять генезис процессов саморегуляции, их индивидуальное и гендерное своеобразие.

Проиллюстрируем полученные результаты только некоторыми примерами, поскольку их подробное изложение и обсуждение может составить отдельную книгу.

Данная гипотеза нашла свое подтверждение в нашем исследовании индивидуального развития близнецов и одиночно рожденных детей первых трех лет жизни. В нашей совместной работе с Г.А. Виленской проверялась гипотеза об интегративной функции индивидуальности — регуляции поведения, пронизывающей все сферы психической жизни и определяющей адаптацию человека в социальной, когнитивной и других сферах деятельности (Виленская, Сергиенко, 2004) [4].

В лонгитюдных исследованиях на близнецах (дизиготных — ДЗ и монозиготных — МЗ и одиночно рожденных — ОР детях) от 4 мес. до 3,5 лет одной из задач работы была оценка стабильности и непрерывности в развитии контроля поведения у детей. Контроль поведения оценивался следующим образом: показатели когнитивного контроля — общие индексы ментального развития и показатели отдельных когнитивных субшкал; регуляции действий (исполнительного компонента) — показатели психомоторного развития и отдельных субшкал), эмоциональной регуляции — составляющие шкалы темпераментального развития.

Наш близнецовый лонитюд (27 пар МЗ и 32 пары ДЗ близнецов) был дополнен исследованием одиночно рожденных (ОР) детей того

же возраста (70 детей), которые представляют контрольную выборку для сравнения.

Целью нашего лонгитюдного исследования детей раннего возраста было выделение генетических и средовых составляющих когнитивного, психомоторного развития, изучение становления индивидуальности, исследование особенностей близнецового развития в указанных направлениях, а также совмещение задач психогенетического исследования с задачами психологии развития — анализ тенденций и закономерностей психического развития на близнецовой модели.

Для оценки уровней ментального и психомоторного развития младенцев применяется тест «Шкалы развития младенца» (BSID) Н. Бейли (Bayley, 1993, 2-е издание). При обработке результатов тестирования осуществляется вычисление шкальных индексов — ментального и психомоторного (MDI, PDI) — и субшкальных показателей, отражающих различные линии развития внутри психической и моторной сферы. Были выделены следующие субшкалы в составе шкалы ментального развития: **когнитивное развитие**: зрительные координации; интерсенсорные координации; экстраполяция, предполагающая непрямые действия; контроль действий; **коммуникативное развитие**: кооперация; вокализация, жесты, речь; для более старшего возраста (с 30 мес.): общая категоризация, **психомоторное развитие**: координация позы (статическая моторика); локомоторные координации; мануальные координации. Исследование темперамента проводилась с помощью теста «День ребенка» Ж. Балляги [24], а также поведенческой шкалы теста Бейли и дополнительных опросников, разработанных авторами.

Для данного исследования изучение контроля поведения операционализировался следующим образом.

Контроль действий проявляется на различных этапах построения целостного поведенческого акта. Это может быть контроль движений руки при дотягивании до предмета у совсем маленьких детей, выполнение достаточно сложного действия, например, нанизывание бусин или расстегивание пуговицы, в более старшем возрасте, наконец, это может быть выполнение последовательности действий при имитации действий взрослого или при действии по вербальной инструкции. Во всех этих случаях ребенку необходимо организовать моторное действие (или действия) так, чтобы достичь желаемой цели.

Эмоциональная регуляция — это, прежде всего, способность справляться со стрессом, вызванным внешними воздействиями, и регулировать собственный уровень эраузала. Процесс регуляции эмоций также может протекать на разных уровнях. Ребенок может регулировать уровень своего внутреннего напряжения, приводя его к оптимальному, или же находиться преимущественно в крайних состояниях,

но даже в этом случае степень эмоциональной регуляции будет различной. Так, высокое эндогенное напряжение может первоначально проявляться в неориентированных разрядах типа плача, общего моторного беспокойства. Затем оно может реализоваться уже в целенаправленном агрессивном поведении по отношению к конкретному лицу (чаще всего к матери), что является более высокой ступенью эмоциональной регуляции. С возрастом физическая агрессия может смениться вербальной, в чем проявляется еще более высокий уровень контроля, поскольку это более социально приемлемая форма поведения.

Понятие *когнитивного контроля* относится не только к когнитивной регуляции эмоционального поведения, как это рассматривалось в концепции Л. Пуллкинен [30], но, на наш взгляд, и к процессам решения когнитивных задач. Когнитивный контроль предполагает сосредоточение на задаче и удержание ее в фокусе внимания, целеполагания, построение плана действия и действие в соответствии с планом, а также сличение полученного результата с исходным представлением о нем (что требует также удержания представления об ожидаемом исходе). Задачами, для выполнения которых необходима развитая (соответственно возрасту) когнитивная регуляция, являются также задачи, включающие построение целостного поведенческого акта по вербальной инструкции, включая имитацию действий экспериментатора. Такой поведенческий акт может состоять из одного действия или последовательности нескольких действий, что требует соотнесения многих сенсомоторных схем при условии интеграции когнитивного и исполнительного компонентов.

Эти компоненты контроля поведения, конечно, тесно связаны между собой, что, однако, не предполагает синхронности в их развитии. Наши результаты показали, что существует гетерохронность развития разных составляющих регуляции поведения у различных групп испытуемых (МЗ и ДЗ близнецы, ОР дети). Дефицит регуляции поведения в той или иной сфере приводит к дезадаптации в этой сфере, что не обязательно сказывается на развитии других аспектов регуляции поведения. Так, обнаружено, что недостаточность когнитивной регуляции может сочетаться у близнецов с удовлетворительным развитием эмоциональной регуляции, и дети с низкими индексами ментального и психомоторного развития могут иметь легкий или даже стеничный характер.

Исходя из теоретического положения С.Л. Рубинштейна: внешние предпосылки действуют через внутренние условия, мы предположили, что одним из внутренних условий развития регуляции поведения может являться темперамент ребенка, как внутренне обусловленная основа его индивидуальности. Мы использовали концепцию темперамента Ж. Баллеги, поскольку в ней темперамент рассматривается

как наиболее тесно связанная с процессами эмоциональной и поведенческой регуляции характеристика человеческой индивидуальности. Изменение факторной структуры темперамента детей с возрастом мы рассматривали как изменение структуры эмоциональной составляющей регуляции поведения, связанное с ее развитием. Эти изменения закономерным образом сочетаются с возможностями детей в когнитивном и психомоторном развитии. В то же время дефицит одного из компонентов регуляции поведения может компенсироваться различными способами за счет других компонентов, что еще раз подтвердило взаимосвязь различных аспектов регуляции поведения.

Развитие регуляции поведения, опосредованной темпераментом, определяется как средовыми факторами, так и генетическим вкладом.

Генетические влияния на протяжении всего исследуемого периода были обнаружены только в отдельных характеристиках темперамента. Роль генетического фактора в свойствах темперамента подвержена большим изменениям в зависимости от применяемого метода оценки темперамента и возраста детей. В нашей работе не было обнаружено стабильности темперамента в первые три года жизни. Возможно, необходимо дополнительное исследование на большей выборке близнецов. Однако, если рассматривать темперамент как индивидуальный механизм адаптации, то вполне вероятно допустить его раннюю настройку, изменчивость, поиск индивидуальных путей адаптации.

Как показывают результаты анализа [5; 25], пассивный темперамент в наибольшей степени подвержен генетическому влиянию. Самый большой вклад генотипа при этом типе темперамента отмечается в шкалы неприятных ощущений, самостимуляции, боязни незнакомого, защитных реакций, высокого напряжения и ориентации на вещи. Помимо генотипа, большой вклад вносит также общая среда. Влияние разделенной среды в наибольшей степени ощутимо в шкалах слабого и высокого напряжения, самостимуляции, неориентированных разрядок. Иная картина наблюдается для других типов темперамента. В случае легкого темперамента существенный генетический вклад отмечается только в шкалу неприятных ощущений. Небольшое влияние генотипа отмечается в шкалах боязни незнакомого, ориентации на вещи и предметы, пассивности, самостимуляции и слабого напряжения. Наибольшее влияние имеет общая среда, разделенная среда существенна лишь для самостимуляции. При трудном темпераменте генетический вклад отмечен в шкалы среднего и высокого напряжения, защитных реакций, неприятных ощущений и неориентированных разрядок. Для разрядок и самостимуляции наиболее существенно сравнительно с другими шкалами влияние индивидуальной среды. Это означает, что менее адаптивные типы темперамента (трудный и пассивный) в большей мере подвержены генетическому влиянию, чем легкий.

При изменчивом и незначительном для большинства характеристик генетическом вкладе в темперамент, опосредующий проявления регуляции поведения, средовые воздействия приобретают весьма значительную, хотя не всеобъемлющую роль в становлении регуляции поведения. Как показали полученные данные, тип семейного воспитания может как способствовать более скорому и более успешному развитию регуляции поведения и, следовательно, лучшей адаптации детей, так и приводить к дезадаптации и формированию неадекватных стратегий регуляции поведения.

Были обнаружены и выделены стратегии поведения, характерные для детей разных групп. Одной из наиболее эффективных стратегий является ориентация ребенка на людей, прежде всего, близких взрослых. Эта стратегия характерна для ДЗ близнецов и одиночно рожденных детей. Наиболее заметную роль ориентация на человека играет в становлении эмоциональной регуляции поведения. Другими, менее эффективными и неспецифическими стратегиями являются пассивность, неориентированные разрядки, ориентация на предметы, избегание стрессовых ситуаций, более характерные для МЗ близнецов.

Внешним условием, способствующим формированию эффективных стратегий регуляции поведения, оказывается аффективно положительное отношение родителей к ребенку при наличии упорядоченной последовательной системы предъявляемых к нему требований и правил. При отсутствии упорядоченной внешней среды (системы правил) или избыточной строгости и ригидности или тесной симбиотической связи между матерью и ребенком, когда не происходит своевременной сепарации ребенка от матери, развитие регуляции поведения задерживается. Особое значение для близнецов от 4 до 36 месяцев приобретают развитые, разнообразные отношения с отцом, начиная с первых месяцев жизни. Как правило, именно отцы являются носителями системы социальных правил и требований, которую они и передают ребенку. У близнецов, особенно МЗ, наблюдается недостаточность отношений с отцом, что отчасти может тормозить развитие регуляции поведения.

Необходимо отметить, что близнецы являются группой биологического и психологического риска по целому ряду причин. К группе биологического риска они относятся вследствие частой недоношенности, недостаточного веса при рождении и осложнений при родах. К факторам психологического риска традиционно относят проблемы сепарации близнецов друг от друга и самоидентичности, а также осложнения когнитивного развития, замедленное развитие речи, криптофазии. Данные, полученные в нашей работе, дают основания добавить к факторам психологического риска у близнецов также и дефицит регуляции поведения, что особенно выражено у МЗ близнецов.

Рассматривая индивидуальные типы регуляции поведения, мы показали, что существует своеобразие адаптации у МЗ и ДЗ и ОР детей. Это означает, что в самом начале развития человека как субъекта существуют базовые формы индивидуальности человека, изначально преломляющие воздействия среды. Индивидуальная организация вносит в развитие свои предпочтения и модификации. Наша работа показала большое значение среды, семейного стиля воспитания для развития регуляции поведения ребенка, однако, средовое влияние действует не прямо, а опосредуется и изменяется индивидуальными особенностями ребенка, стиль поведения которого складывается в первые три года жизни. Обнаружена гетерохронность в развитии различных составляющих контроля поведения. Контроль действий складывается наиболее рано в первый год жизни у всех детей. Развитие когнитивного контроля поведения у dizygотных (ДЗ) и одиночно рожденных детей происходит раньше, чем у monozygotных (МЗ) близнецов, а существенные различия эмоциональной регуляции становятся очевидными только на 3-м году. У ДЗ близнецов недостаточность эмоциональной регуляции ведет к дезадаптации в когнитивной и моторной сферах. У МЗ близнецов не наблюдается подобных влияний [5; 4].

В заключение анализа данного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Наблюдается перестройка системы регуляции у детей в возрасте около 18–24 мес., причем у МЗ она начинается несколько позже (на 0,5 года). Она выражается в слабой предсказуемости уровня развития компонентов контроля поведения данными предыдущего возраста, а также результатов последующего возраста, т. е., видимо, имеет место нестабильность в развитии, связанная со сменой детерминации контроля поведения с внешней на внутреннюю (что опосредуется развитием речи и сложных когнитивных функций).

2. Подтверждением такой перестройки могут служить данные регрессионного анализа, попытка на основании уровня развития того или иного аспекта контроля поведения предсказать уровень развития других компонентов. Возраст 24 мес. плохо предсказывался предыдущими данными и был мало связан с результатами, показанными детьми в последующем. Все это и дало нам основания предположить, что 2-й год жизни является периодом качественной перестройки системы регуляции поведения.

3. На 3-м году жизни происходит интеграция отдельных компонентов контроля поведения, что выражается в согласованном изменении (чего не наблюдалось до этого) показателей эмоционального контроля (шкала контроля в тесте «День ребенка»), когнитивного контроля (индекс ментального развития) и контроля действия (индекс психомоторного развития), хотя последнего в меньшей степени.

Этот процесс протекает с разной скоростью в зависимости от зиготности и пола испытуемых (по-видимому, у МЗ мальчиков он происходит медленнее всего, у ДЗ нет зависимости от пола детей).

4. Стиль семейного воспитания, стабилизирующийся на 2-м году жизни, может быть фактором, обеспечивающим устойчивость среды и облегчающим ребенку задачу адаптации и преодоления кризиса в формировании регуляции, состоящего в передаче функций регуляции поведения от взрослого к ребенку.

Дальнейшая верификация высказанной гипотезы будет состоять в сравнении индивидуальных профилей контроля поведения и их возрастной динамики.

Второй пример, иллюстрирующий наш подход, взят из диссертационной работы Ю.В. Ковалевой, выполненной под моим руководством. В исследовании контроля поведения в трудных жизненных ситуациях (период беременности) сравнивались оценки контроля поведения при благополучном и неблагополучном течении беременности, а также показатели психического развития и регулятивных показателей родившихся детей. При исследовании беременных женщин (78 человек) использовались методики, оценивающие разные аспекты когнитивных, эмоциональных и волевых subsystemов контроля поведения. Для оценки *когнитивного контроля* использовался опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения — 98, ССП—98», основные показатели которого: Планирование, Программирование, Гибкость, Моделирование, Оценка результата, Самостоятельность, Общий уровень саморегуляции произвольной активности. *Эмоциональная регуляция* оценивалась при помощи методик диагностики самооценки Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина. Для определения уровня депрессии использовалась методика дифференциальной диагностики депрессивных состояний В.А. Жмурова. Показателями эмоциональной регуляции выступали следующие переменные: реактивная тревожность, личностная тревожность, уровень депрессии. Для оценки *волевого контроля* мы использовали тест «Шкалы контроля за действием» Ю. Куля, анализировались следующие показатели: контроль за действием при неудаче, контроль за действием при планировании, контроль за действием при реализации.

Кроме того, измерялся локус контроля (диагностический опросник Роттера), и ретроспективно анализировался тип родительского отношения, как он представлялся беременными женщинами, для этой цели была модифицирована методика диагностики родительского отношения А.Я. Варги и В.В. Столина [11; Ковалева, 2004].

Психическое развитие детей после рождения и их темпераментальные характеристики изучались с помощью теста «Шкалы развития младенца» Н. Бэйли (BSID — II, 1993) и опросника для родителей

«День ребенка» Ж. Баллеги [24]. Неонатальные характеристики изучались в свободной беседе с матерью во время тестирования. Было обследовано 34 ребенка, чьи матери дали согласие на участие во втором этапе исследования. Все обследуемые дети на момент тестирования были здоровы.

Самые общие выводы данной объемной и сложной работы могут быть следующими:

- Интегративная характеристика индивидуальности — контроль поведения определяет качественное своеобразие реализации поведения, направленного на достижение цели. В трудной жизненной ситуации, в качестве которой в нашем исследовании выступает беременность, эффективную стратегию поведения и благополучное вынашивание ребенка обеспечивают высокий общий уровень саморегуляции поведения, где наибольший вес имеют процессы моделирования, оценки результата и программирования, эмоциональная устойчивость и экономная волевая регуляция.
- Основой организации эффективного поведения во время беременности является целостная, интегрированная система возможностей, включающая согласованные составляющие контроля поведения — когнитивный, эмоциональный и волевой контроль, личностное качество — ответственность, а также родительское доверие в детстве.
- Качественное своеобразие поведения матерей во время беременности соотносится с формированием базовых навыков саморегуляции их детей после рождения. Субъектные качества будущих матерей в форме оптимального и конструктивного отношения к актуальной ситуации создают среду для развития субъектных качеств самих детей, а именно в их способности регулировать собственное поведение.

Наглядная иллюстрация интегрированности разных subsystemов контроля поведения при благополучной беременности, т. е. эффективной адаптации к сложной жизненной ситуации, представлена на рисунке 1 (ср. с рисунком 2).

Обобщая результаты исследования родившихся детей, можно заключить, что способность матери осуществлять адаптивное поведение в трудной жизненной ситуации связана с будущими адаптивными возможностями детей. Соотношение более высоких показателей ментального развития, более оптимальный уровень эмоциональной регуляции наблюдается у детей, родившихся от благополучной беременности, их матери характеризуются высокой степенью интегративности subsystemов контроля поведения.

Более того, если рассматривать темперамент как вариант индиви-

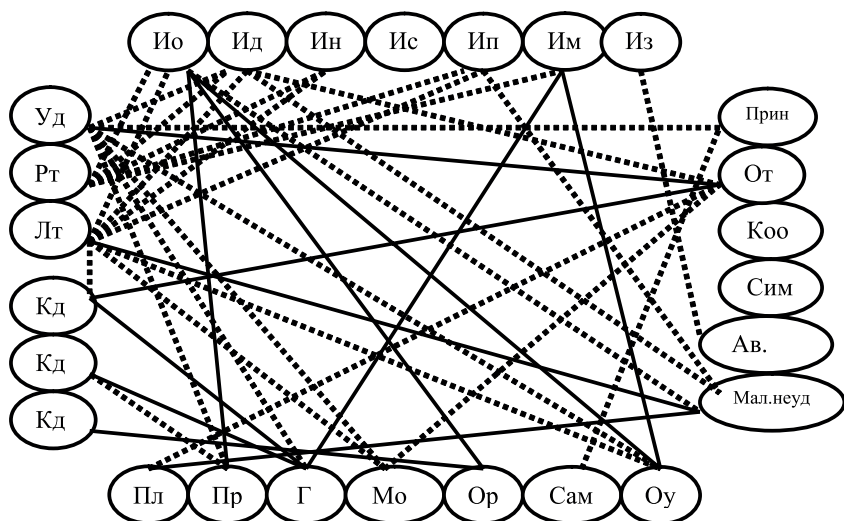

Рис. 1. Корреляционные связи между показателями контроля поведения, субъективного контроля и представлений о раннем детском опыте (благополучная беременность)

УД – Уровень депрессии, РТ – Реактивная тревожность, ЛТ – Личностная тревожность, ПЛ – Планирование, ПР – Программирование, Г – Гибкость, МОД – Моделирование, ОР – Оценка результата, Сам-самостоятельность, ОУ – Общий уровень регуляции произвольной активности, Кдн – Контроль за действием при неудаче, Кдр – Контроль за действием при реализации, Ио – Общая интернальность, Ид – Интернальность в достижениях, Ин – Интернальность в неудачах, Ис – Интернальность в семейных отношениях, Ип – Интернальность на производстве, Им – Интернальность в межличностных отношениях, Из – Интернальность в вопросах здоровья, Прин – Принятие, Отв – Отвержение, Кооп – Кооперация, Сим – Симбиоз, Ав.тип – Авторитарная гиперсоциализация, Мал.неуд – Маленький неудачник.

дуальной адаптации (уникальный профиль регуляции поведения), то становятся понятны различия в распределении типов темперамента детей, родившихся от благополучной и неблагополучной беременности (рисунок 3).

Обобщая уже полученные результаты, можно говорить о том, что возможность регуляции собственного поведения и адаптации к ситуации зависит от степени субъектной интегрированности и уровня субъектной организации, показателем которой является контроль поведения.

Важнейшим заключением на основе приведенных исследований является тесная связь между особенностью контроля поведения как характеристикой субъектности матери и характеристика ребенка [11;

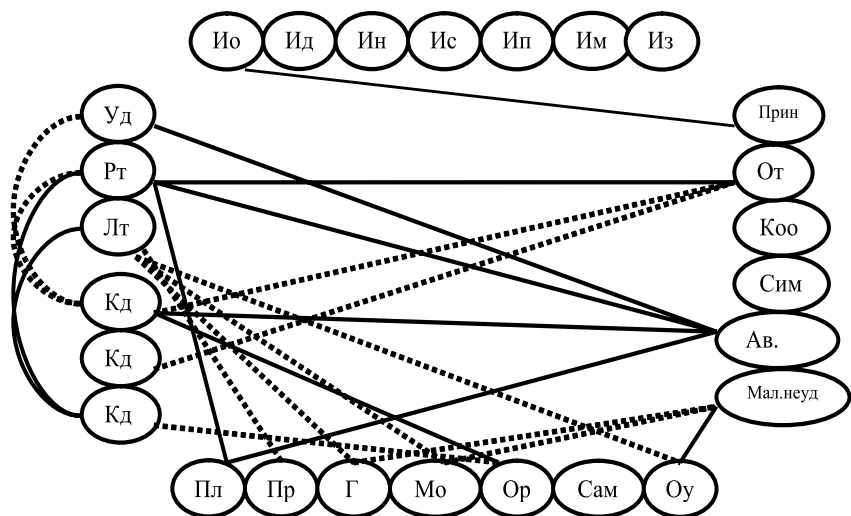

Рис. 2. Корреляционные связи между показателями контроля поведения, субъективного контроля и представлений о раннем детском опыте (неблагополучная беременность)

УД – Уровень депрессии, РТ – Реактивная тревожность, ЛТ – Личностная тревожность, ПЛ – Планирование, ПР – Программирование, Г – Гибкость, МОД – Моделирование, ОР – Оценка результата, Сам – самостоятельность, ОУ – Общий уровень регуляции произвольной активности, Кдн – Контроль за действием при неудаче, Кдп – Контроль за действием при планировании, Кдр – Контроль за действием при реализации, Ио – Общая интернальность, Ид – Интернальность в достижениях, Ин – Интернальность в неудачах, Ис – Интернальность в семейных отношениях, Ип – Интернальность на производстве, Им – Интернальность в межличностных отношениях, Из – Интернальность в вопросах здоровья, Прин – Принятие, Отв – Отвержение, Кооп – Кооперация, Сим – Симбиоз, Ав. тип – Авторитарная гиперсоциализация, Мал. неуд – Маленький неудачник.

Ковалева, 2004], стилями воспитания и характеристиками индивидуальных возможностей регуляции детей первых трех лет жизни [5; 4].

Безусловно, семья представляет более широкую систему отношений. Роль отношений мать—отец—ребенок можно рассматривать как единую систему, объединенную в «коллективный субъект». Данное, пока еще спекулятивное предположение может быть подтверждено сравнением оценок будущих отцов и матерей. Как показатель эмоциональной регуляции реактивная и личностная тревожность будущих отцов вносят различный вклад в организацию поведения беременных. Так, высокие значения показателя реактивной тревожности мужа соотносятся с низкими значениями показателя реактивной тревожности и высоким уров-

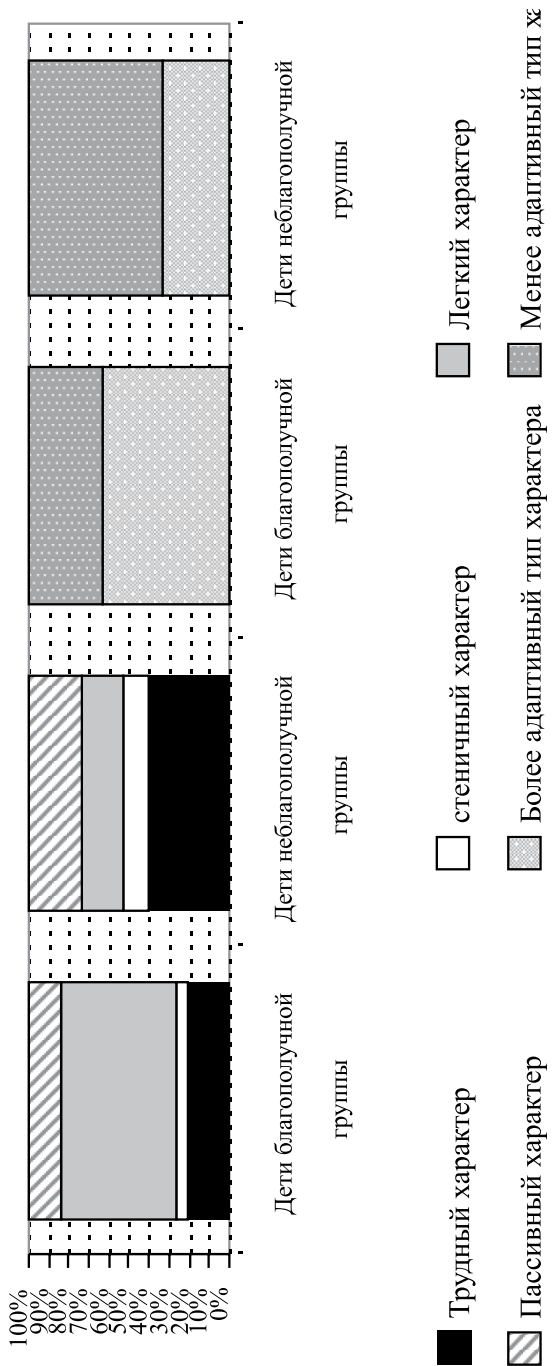

Рис. 3. Соотношение типов темперамента у детей, родившихся от матерей с благополучным и неблагополучным течением беременности.

нем показателей самостоятельности, оценки результата действия и интервальности в достижениях жены. Напротив, личностная тревожность будущих отцов, свидетельствующая о беспокойстве в широком круге ситуаций и неуверенной личностной позиции, соответствует депрессивному настрою будущей матери и ее низким возможностям по осознанию условий, необходимых для достижения целей беременности.

Таким образом, переживающие, вовлеченные в ситуацию беременности отцы предположительно компенсируют ситуативную тревогу жены и предоставляют ей ресурс поддержки, которая способствует проявлению активности и самостоятельности, в то время как неуверенные в себе мужчины не могут создать условия, в которых женщина чувствовала бы себя надежно и защищено. Возможно, такие женщины вынуждены сами поддерживать мужей, решать насущные семейные задачи и недостаточно внимания уделяют беременности [13].

Представленный анализ некоторых дискуссионных вопросов психологии субъекта свидетельствует об огромном потенциале данного направления в психологии, основная разработка которого принадлежит А.В. Брушлинскому, креативность данного подхода все в большей мере очевидна.

Перспективы данного подхода мы видим в разработке следующих направлений поиска:

- Совмещение представлений о контроле поведения и об уровнях его становления с представлениями о модели психического как ядре субъектной организации. Понимание Себя и Других, включенных в континуум Я-Окружение, возможно, будет шагом в направлении разработки возможностей контроля поведения субъекта и как универсального, и как уникального образования.
- Разработка уровней развития когнитивного контроля как антиципирующего планирования включает уровень ментальной компетентности, определяет избирательность активности, оценку собственных возможностей, моделирование, планирование собственной активности и возможности прогнозирования последствий собственных действий и взаимодействий с Другими людьми.
- Антиципирующее планирование — это то, что возникает в эволюции только у человека как субъекта и усложняется на протяжении всего жизненного пути. Реализация антиципирующего планирования означает необходимость не только когнитивного контроля поведения, но и эмоциональной регуляции и целенаправленной произвольной организации исполнительных действий. В данной категории сочетаются и универсальные, и уникальные особенности антиципирующего планирования, субъект и личность связывают воедино возможности адаптивного взаимодействия человека с окружением.

Литература

1. *Брушлинский А.В.* Целостность субъекта — основание для системности всех его качеств // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. Брушлинского А.В. М.: Изд-во ИП РАН, 1997. Гл. 9. С. 559—570.
2. *Брушлинский А.В.* О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. Брушлинского А.В., 2002. Гл. 1. С. 9—34.
3. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. М.: Алетей, 2003.
4. *Виленская Г.А., Сергиенко Е.А.* Роль темперамента в развитии регуляции поведения в раннем возрасте // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3. С. 68—85.
5. *Виленская Г.А.* Стабильность и изменчивость темперамента детей первых трех лет жизни как показатели эмоциональной регуляции // Исследования по когнитивной психологии / Под ред. Е.А.Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 377—403.
6. *Виленская Г.А., Сергиенко Е.А.* Стратегии развития контроля поведения у близнецов в раннем онтогенезе и развитие индивидуальности // Современная психология: состояние и перспективы (Тезисы докладов на юбилейной научной конференции Института психологии РАН. 28—29 января 2002 г.). М.: Изд-во ИП РАН, 2002. Т. 1. С. 91—93.
7. *Вяткин Б.А.* Избранные психологические исследования индивидуальности: Теория, эксперимент, практика. Пермь: Книжный мир, 2005.
8. *Дикая Л.Г.* Психическая саморегуляция функционального состояния человека. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
9. *Иванчиков В.А.* Психологические механизмы волевой регуляции. М., 1998.
10. *Ковалева Ю.В., Сергиенко Е.А.* Контроль поведения при различном течении беременности // Ежегодник Российского психологического общества. Специальный выпуск. М.: Январь, 2005. Т. 1. С. 136—138.
11. *Ковалева Ю.В., Сергиенко Е.А.* Контроль поведения при различном течении беременности // Исследования по когнитивной психологии / Под ред. Е.А. Сергиенко М.: Изд-во ИП РАН. 2004. С. 424—464.
12. *Конопкин О.А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. №1. С. 5—12.
13. *Матвеев С.В., Ковалева Ю.В.* Контроль поведения и психические состояния во время беременности // Труды молодых ученых по психологии. М.: ИП РАН, 2006. С. 112—122.
14. *Мерлин В.С.* Проблемы интегрального исследования индивидуальности человека // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 1. С. 58—72.
15. *Моросанова В.И.* Индивидуальный стиль саморегуляции. М., 2001.
16. *Моросанова В.И., Коноз Е.М.* Диагностика и психологическая характеристика саморегуляции при экстраверсии и нейротизме. Набережные Челны, 2001.
17. *Мурзиев И.Х., Прохоров А.О.* Особенности регуляции психических состояний в трудных жизненных ситуациях // Психология психических состояний / Сб. статей под ред. А.О. Прохорова. Казань, 2002.
18. *Прохоров А.О.* Психология неравновесных состояний. М., 1998.
19. *Прохоров А.О.* Системно-функциональная модель регуляции психических состояний // Психология психических состояний / Сб. статей под ред. А.О. Прохорова. Казань, 2002.

20. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер. 1998.
21. *Сергиенко Е.А.* Влияние ранней зрительной депривации на интерсенсорное взаимодействие // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 5. С. 32–49.
22. *Сергиенко Е.А.* Контроль поведения как развитие представлений о индивидуальности с позиций субъектно-системного подхода // XX Мерлинские чтения. В.С.Мерлин и системные исследования индивидуальности человека. Материалы межрегиональной юбилейной научно-практической конференции 19–21 мая. 2005 г. Пермь. Ч. 1. С. 34–48.
23. *Сергиенко Е.А.* Контроль поведения как психологический механизм саморегуляции субъекта // Ежегодник Российского психологического общества. Специальный выпуск. Январь. М., 2005. Т. 1. С. 225–226.
24. *Сергиенко Е.А., Виленская Г.А.* Тест-опросник «День ребенка»: Цели, возможности, структура, применение // Психолог в детском саду. М., 2003. № 1–2.
25. *Сергиенко Е.А., Виленская Г.А.* Динамика изменений раннего психического развития: психогенетический и онтогенетический аспекты // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2004. 4 (37). С. 105–118.
26. *Смирнова Е.О.* Развитие воли и произвольности в раннем онтогенезе // Вопросы психологии. 1990. № 3. С. 49–57.
27. *Солсо Р.* Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996.
28. *Шапкин Е.А.* Экспериментальное изучение волевых процессов. М., 1997.
29. *Lazarus R.* Stress and emotion/ A new synthesis. Free association book. London, 1999.
30. *Pulkkinen L.* Self-Control and Continuity from Childhood to Late Adolescence // Life-Span Development and Behaviour. 1992. Vol. 4. P. 84–105.
31. *Pulkkinen L.* Female and Male Personality Styles: A typological and Developmental Analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 70. No 6. 1288–1306.

Индивидуальные стратегии личностной адаптации

С.Т. Посохова

Интерес к проблемам адаптации уже длительное время сохраняется как в научной сфере, так и в обществе. Этот интерес не случаен, поскольку адаптация представляет собой один из вполне реальных способов сохранения жизнеспособности человека не только в современном стремительно меняющемся мире, но и в будущем. И если мы сможем понять механизмы адаптации, то найдем ключ к объяснению многих новых форм отношений человека с обществом, природой и с самим собой, к прогнозированию изменений его поведения.

Сегодня же разобраться в сути адаптации, увидеть ее уникальность, отличие от других способов существования человека довольно сложно. Трудности возникают прежде всего из-за отсутствия единого ориентира для описания и объяснения адаптационных процессов. Преимущественная ориентация на признаки среды привела к появлению социальной, профессиональной, климатической адаптации, ориентация на уровень человеческой организации — к социально-психологической, психической, психофизиологической адаптации [17; 19].

Длительное изучение возможностей жизнедеятельности человека в разных средовых условиях убеждает в том, что достаточно надежный ориентир для объяснения адаптации заключен в личности человека: во всей ее сложной организации свойств и качеств, во всем многообразии взаимодействия с окружающей реальностью, в соотносённости с конкретным историческим периодом развития общества. Можно не без оснований считать, что адаптация — это феномен психологии личности. Именно в психологии личности заложен исток адаптации, в психологии личности адаптация находит свое завершение. Личность включает в себя основной внутренний регулятор адаптации в изменяющихся социальных, культурных, предметно-технологических и природных условиях. Личностными свойствами определяется содержание адаптации человека на социально-психологическом, психологическом, психофизиологическом и других уровнях его организации.

Личностные феномены внутренне присущи адаптации, вплетены в структуру ее проявлений, представляют собой устойчивый ее признак. Правомерно полагать, что широко исследуемые многочисленные виды адаптации — это по своей сути адаптация личности.

Основной смысл участия личности в адаптации сводится к обеспечению внутренних условий для преобразования сложившихся устойчивых взаимоотношений со средой и создания новых. Личность конвергирует все возможности, содержащиеся в условиях среды, и возможности самого человека. Эффективное использование возможностей среды раскрывается, с нашей точки зрения, в предпринимательской стратегии адаптации [10]. Максимальное включение личности в регуляцию проявлений адаптационного потенциала наблюдается в экстремальных условиях, таких например, как локальный военный конфликт. Наряду с этим личность направляет свою активность на преодоление зависимости от влияния среды. Наибольшая автономность личностной регуляции характерна для адаптации в условиях, в которых самосохранение и самораскрытие зависят преимущественно от психофизических и психофизиологических возможностей, в частности, в условиях радиационного загрязнения и высокогорья [20]. Возникает предположение о том, что личность активно участвует в выборе стратегий адаптации в разных условиях жизнедеятельности.

Понятие «стратегия» глубоко вошло в современную психологическую науку и занимает все более прочную позицию, хотя его содержание и специфика остаются во многом неопределенными. Стратегия характеризует не только вектор действий и поступков, но и вовлеченность личности в переживание происходящего, придающую поведению своеобразные оттенки. В стратегии закрепляется зависимость жизни от прошлого опыта и индивидуального смысла будущего. Все это и определяет легкость использования данного понятия при описании самых разных психических проявлений.

Бросается в глаза многообразие видов стратегий: «уверенная, социальная, гибкая, нормативная» [6], «эмоциональная, когнитивная, коммуникативная» [2], «субъективно ориентированная, объективно ориентированная» [13], «активная, пассивная» [10] и т.п. Понятие «стратегия» применяется по отношению к адаптации к социальным, культурным, природным факторам, к изменениям внутренней среды организма, к изменяющемуся образу Я. Оно используется и по отношению к какой-либо конкретной ситуации, например, освоения профессии, и по отношению вообще к жизни, к миру и т.п. [1].

Диапазон суждений относительно критериев дифференциации адаптационных стратегий и принципов их классификаций достаточно велик. Нередко стратегии основываются на частных психологических или психофизиологических критериях, например, на скорости пере-

стройки физиологических реакций, на доминирующем эмоциональном переживании. Возможны также стратегии, дифференцирующие адаптационное поведение по высоко обобщенным психологическим критериям, в частности, по характеру человека, активности его взаимодействия с окружающей реальностью. К числу первых относятся стратегии, выделенные Р.М. Баевским [5]. Признавая связь адаптации не только с сохранением функционального уровня физиологических систем, но и с выбором поведения, автор выделяет инертную и пластическую стратегии. В основе дифференциации — скорость перестройки физиологических реакций с одного уровня функционирования на другой, более адекватный изменившимся условиям среды. Формирование каждой из стратегий обусловлено индивидуальными типологическими особенностями человека. В.П. Казначеев [12], ориентирующейся на конституционно-генетическую обусловленность адаптационного реагирования, выделяет стратегии «спринтера» и «стайера». Стратегия «спринтера» предполагает высокую приспособленность к кратковременным нагрузкам. Длительные нагрузки могут привести к срыву механизмов адаптации и развитию патологических состояний. «Стайер», напротив, способен переносить длительные нагрузки, сохраняя высокую работоспособность и оптимальное состояние физиологических систем.

Т.И. Ронгинская [21] выделяет эмоциональную и когнитивную стратегии адаптации. Эмоциональная стратегия обусловлена в большей мере зависимостью личности от среды, от социального окружения, что приводит к конформному, подчиняющемуся поведению. Она направлена на сохранение имеющегося репертуара поведения и сложившихся систем отношений. Личность использует проверенные образцы поведения и получает лишь небольшую степень свободы для активности. Именно эмоциональная стратегия наиболее часто сочетается с желанием спрятаться за неопределенный вариант решения, со стремлением уйти от активного прямого взаимодействия с проблемной ситуацией, с сопротивлением к адаптирующему воздействию. Подобная стратегия была обозначена как реактивно-пассивное сопротивление, сохраняющее достигнутый уровень адаптированности. Наличие сопротивления приводит к снижению адаптационных возможностей при возникновении новой ситуации. Требуется длительное время для овладения этой ситуацией. Трудности стимулируют избегание, что в итоге может провоцировать глубокий внутриличностный конфликт, вплоть до развития невроза.

Когнитивная стратегия подразумевает развитую критичность, рефлексивность и саморегуляцию, способность предвидеть развитие событий и последствия поведения, конструирование поведения в зависимости от объективных признаков ситуации. Поэтому возможна конфронтация со средой, с окружающими людьми. Личность с доминированием когнитивной стратегии адаптации характеризуется

сознательным, целенаправленным созданием когнитивных конфликтов, отказом от быстрых тривиальных ответов на языке прошлого опыта, отсутствием опасений за неправильный выбор. В результате значительно возрастает способность личности к пониманию нюансов собственных переживаний и самоотношения, что, в свою очередь, увеличивает свободу выбора конкретных путей преодоления проблемной ситуации. Когнитивная стратегия позволяет трансформировать содержание внешних стимулов и требований среды. Активное взаимодействие с ситуацией может быть расценено как признак активного сопротивления, направленного на сознательное нарушение имеющегося равновесия. Активная сущность этого вида сопротивления позволяет отнести его к факторам творческого построения жизни.

Когнитивная стратегия обладает большими адаптационными возможностями. Как показал В. Франкл [24], она помогала выживать в жесточайших условиях концентрационного лагеря. Переориентация интеллекта на будущее реально расширяла возможности сохранения жизни. Тот, кто не мог принять будущее, утрачивал духовный стержень, деградировал телесно и психологически.

В качестве критерия описания адаптационных стратегий может использоваться ориентация личности на источник информации об изменениях в окружающей среде, в частности, на субъективные переживания или на объективную оценку. В процессе длительной адаптации в условиях жаркого климата были выявлены стратегии, условно названные «субъективно и объективно ориентированные». Субъективно ориентированная стратегия адаптации наблюдалась главным образом у лиц с пониженной теплоустойчивостью. Доминирующая роль в регуляции состояния и работоспособности принадлежала эмоциональным переживаниям. На экстремальные факторы внешней среды эти лица реагировали развитием состояния эмоционального напряжения, чувством тревоги, снижением умственной и физической работоспособности, выраженными физиологическими реакциями. Объективно ориентированная стратегия определялась главным образом информационными и мотивационными признаками. Она была свойственна тем, кто был физиологически более устойчив к перенесению условий жаркого климата. Адаптационное состояние формировалось быстро, охватывало различные уровни и психические проявления. Видимо, это помогало сохранять умственную и физическую работоспособность, устанавливать и поддерживать межличностное взаимодействие [13].

Стратегии адаптации могут определяться смыслом переживаемой конкретной ситуации. Так, пострадавшие от землетрясения в Армении разделились по специфике осмысления произошедшего события. Одна группа соотносила землетрясение и связанные с ним переживания с прошлым, не влияющим на настоящее. Это благоприятно ска-

зывалось на их эмоциональных переживаниях, на определении жизненной перспективы. Другая стратегия выстраивалась на расширении смыслового поля актуальной ситуации. Ситуация воспринималась как причинившая горе, в котором человек не одинок. Собственное положение соотносилось с положением других, преодолевались ощущение изолированности и фиксация только на собственных душевных страданиях, открывались новые смысловые опоры. Ориентация на другого человека обеспечивала сохранение чувства единства со всеми, пережившими трагедию, и позволяла преодолевать болезненное чувство одиночества и уменьшать страдания [15].

Известны стратегии, основанные на отношении к жизни. А. Менегетти [16] определяет два стратегических типа. Первый тип предполагает отношение к жизни как «неосознаваемой, как таковой» с характерным восприятием жизни через отдельные связи, в которые включен человек. Каждое отношение — это отношение к конкретному явлению, но не к жизни в целом. Человек испытывает существенные трудности в осмыслении целостного жизненного пути и потому представляет свою жизнь как неуправляемый стихийный процесс, как поток явлений, в котором он сам просто подчиняется любым доминирующим тенденциям или воле большинства. Второй тип отношения к жизни основан на постоянном, активном развитии рефлексии. Человек осознает и анализирует свою жизнь как целое, как единство прошлого, настоящего и будущего, превращаясь в творца себя, собственной жизни и жизни общества, к которому он себя относит.

Отношение к жизни определяло стратегии адаптации в социальной среде у воинов-интернационалистов при получении ранения или при развитии у них хронических заболеваний. Так, активно-оборонительная стратегия проявлялась в адекватной самооценке и оценке тяжести заболевания либо в тенденции к его игнорированию. Пассивно-оборонительная стратегия характеризовалась тревожным, депрессивным, ипохондрическим отношением к заболеванию и к своей жизни, отступлением, примирением или капитуляцией перед болезнью и ее последствиями. Деструктивная стратегия отличалась асоциальной направленностью и включала в себя элементы делинквентного поведения, сопровождающегося постоянной внутренней напряженностью, мрачно-озлобленным настроением, взрывчатостью, конфликтами с окружающими людьми [18].

Классификация стратегий адаптации к социальной среде Э. Фромма [25] опирается на концепцию характера. Для Э. Фромма характер — это не только обеспечение последовательного и разумного поведения, но одновременно и основа приспособления к обществу. Человек организует свою жизнь в соответствии с собственным характером и тем самым достигает определенной степени соответствия между своим внутренним миром и внешним миром. Стратегии адап-

тации к социуму отражают два ключевых процесса взаимодействия человека с миром — ассимиляцию и социализацию. Ассимиляция предполагает приобретение и потребление вещей, социализация — установление взаимосвязей с окружающими людьми и самим собой. Второй признак адаптивной стратегии подчеркивает доминирующую форму ориентации личности: продуктивную либо непродуктивную. Ориентация реализуется при взаимодействии человека с миром вещей и с миром людей в материальной, эмоциональной и интеллектуальной сферах его деятельности. Э. Фромм полагает, что каждая ориентация диалектична и имеет как позитивный, так и негативный аспект. И любой человек воплощает в себе элементы непродуктивной и продуктивной ориентации. Соотнесение ориентаций в процессе ассимиляции и социализации дает пять стратегий адаптации к социуму: рецептивную, эксплуататорскую, накопительскую, рыночную и производящую. Суть непродуктивной ориентации раскрывают рецептивный, эксплуататорский, накопительский и рыночный типы адаптации, а продуктивной — производящий. При этом каждая стратегия реализуется определенным типом личности.

Для понимания личностной адаптации имеет смысл то, что продуктивная ориентация распространяется на самого человека, поскольку объектом продуктивности может быть он сам. Объективность требует от человека рассмотрения не только предмета как данности, но и себя самого, как есть. При продуктивной ориентации субъект обнаруживает себя в качестве наблюдателя складывающейся ситуации, находящегося в определенном отношении к объекту наблюдения. Это дает основания для постановки проблемы адаптации личности к самой себе.

В связи с поисками внутренних резервов адаптации к агрессивным средовым воздействиям сегодня все интенсивнее изучаются особенности преодолевающего поведения. Идея копинга преимущественно связывается с именем Р. Лазаруса [14]. Он определял механизмы совладания как стратегию действий в ситуациях психологической угрозы. Копинг-стратегия — это не что иное, как актуальный ответ личности, способ управления стрессом, основанный на стремлении к решению проблем. Это стремление возникает в том случае, если требования активизируют адаптивные возможности. Смысл копинга состоит в некоей попытке преодолеть ситуацию, будь она угрожающей, опасной, ставящей в неловкое положение или радостной и благоприятной, и создать новую [23; 26].

К базовым копинг-стратегиям обычно относят разрешение проблем, поиск социальной поддержки и избегание. Формы избегания наиболее разнообразны, среди них выделяют отвлечение, агрессию, изоляцию, подавление эмоций, фантазирование и эмоциональное отреагирование. Копинг включает в себя не только стратегию поведения, но и средовые и личностные копинг-ресурсы. Одним из на-

ибо более значимых средовых копинг-ресурсов считается социальная поддержка. К личностным копинг-ресурсам относятся: Я-концепция, позитивная самооценка, низкий нейротизм, интернальный локус контроля, эмпатический потенциал, мораль, восприятие социальной поддержки и другие психологические конструкты [22].

Копинг относится к важным процессам психосоциального приспособления, которое обусловлено способностью и умением организма справляться с социальными условиями и условиями окружающей среды, мотивацией приспособления Я, а также возможностью или способностью поддерживать психическое равновесие. Е. Хейм, выделивший 26 форм копинга, предложил классификацию соотнесения адаптивных стратегий и копинга. Каждая стратегия обладает или адаптивными, или относительно адаптивными, или неадаптивными возможностями. Так, в поведенческой сфере адаптивные стратегии копинга реализуются через сотрудничество, обращение, альтруизм и самообладание, относительно адаптивные — через компенсацию, разгрузку, отвлечение и конструктивную активность, неадаптивные — через активное избегание, отступление, покорность, самообвинение и агрессивность. В когнитивной сфере адаптивные стратегии копинга прослеживаются в проблемном анализе, установке на собственную ценность, относительно адаптивные — в относительности, в определении смысла события, религиозности, неадаптивные — в смирении, растерянности, диссимуляции и игнорировании. К адаптивным стратегиям в эмоциональной сфере были причислены протест против трудностей и оптимизм, к относительно адаптивным — эмоциональная пассивная кооперация, к неадаптивным — подавление эмоций [по: 26].

В настоящее время получены экспериментальные доказательства связи копинга и адаптационного поведения. В частности подростки демонстрируют модели активного адаптивного функционального копинг-поведения, псевдоадаптивного дисфункционального копинг-поведения, а также пассивного и дезадаптивного копинг-поведения. Основным результатом использования подростками соответствующих возрасту копинг-стратегий с преобладанием активных проблемно-разрешающих и копинг-ресурсов — социальная интеграция и конструктивная адаптация. Модель псевдоадаптивного дисфункционального копинг-поведения характерна для подростков с аддиктивным поведением. Она отражает дисгармонию как базисных копинг-стратегий, так и копинг-ресурсов и может реализоваться в наркотизации. Модель пассивного копинг-поведения реализуется в конечном счете в дезадаптации, социальной изоляции. Она наиболее характерна для подростков — воспитанников детского дома. Этой модели присущи преобладание пассивных копинг-стратегий над активными, преимущественная ориентация на «избегание» и уход от решения проблем,

а также низкая эффективность использования личностно-средовых ресурсов [22].

Анализ известных в литературе стратегий адаптации и результатов собственных исследований приводит к заключению о том, что они могут быть объединены в два больших класса: стратегии самораскрытия личности и стратегии самосохранения личности.

Можно допустить, что одна из первых стратегий самораскрытия отражена в библейской модели взаимодействия человека с окружающим миром. Она предполагает, что для человека Эдемский сад был идеальной средой обитания. Грехопадение необратимо исказило природу человека. Рай перестает быть для него комфортным. Начинается мучительная попытка человека своими силами преобразовать окружающую среду. Согрешившие люди срывают листья и изготавливают из них одежду, начинается строительство городов, обработка металлов, возведение башен и т.п. [11]. Нередко этот библейский сюжет используется, чтобы выделить важную для понимания роли личности в адаптации деталь. Оказавшись без моральной и физической поддержки, человек обрел возможность саморазвития и преображения. Этот путь ему не был ни кем показан. Он выбрал его сам [8]. Э. Фромм [25] неоднократно подчеркивал, что в ходе исторического процесса человек создает себя сам.

Суть стратегии самораскрытия заключается в том, что при изменении привычных внешних или внутренних условий существования личность отказывается от устаревших, переставших быть эффективными стереотипов взаимодействия с обществом, культурой, предметами, природой и собой. Человек начинает активно создавать новую систему взаимоотношений. Стратегия самораскрытия — это стратегия преобразования себя, условий, прежнего образа жизни. Ее ядро составляют совершаемые самой личностью внутренние и внешние трансформации, преодоление трудностей, неудовлетворяющих отношений. При этом личность ориентирована исключительно на собственные резервы, собственный внутренний потенциал, готова отвечать за свои действия и решения, за свою судьбу и судьбу окружающих людей, общества в целом.

В основе стратегии самораскрытия лежит реалистическое отношение к жизни, понимание сложности, неоднозначности происходящего, способность видеть не только негативные стороны действительности, но и ростки нового, позитивного. Человек воспринимает многие преграды как преодолимые, при этом он ориентируется на собственные возможности и знание объективных условий. Доминирующий мотив успеха обеспечивает высокую целенаправленность, организованность и структурированность жизненной деятельности личности. Стратегия реализуется преимущественно на позитивном эмоциональном фоне: радость, ощущение счастья, наслаждение разнообразием жизни, в том числе трудностями.

Адаптационная стратегия самораскрытия, так же как и любая стратегия, с одной стороны, актуализируется конкретными личностными свойствами, с другой — формирует определенный психологический тип личности. Лицам с преобладанием стратегии самораскрытия свойственны социальная направленность действий и решений, социальная уверенность и уверенность в себе, высокая личная ответственность, коммуникативность, высокий уровень притязаний и высокая самооценка, эмоциональная устойчивость, умение находить компромиссные решения и избегать явной конфронтации с окружающими людьми.

Стратегия самораскрытия обеспечивает не только возможность выживания, но и развитие, самосовершенствование личности при глубоких социально-экономических и культурных преобразованиях общества, экстремальных природных условиях. Возможно, что к подобной форме адаптивной стратегии одни приходят сразу, обладая необходимым адаптационным потенциалом для быстрого выхода из состояния социально-эмоционального шока или для предупреждения его возникновения. Другие постепенно овладевают этой стратегией через различные по продолжительности этапы реализации менее эффективных форм адаптационного поведения. Основная ценность стратегии самораскрытия заключается в активном отношении к окружающей реальности, в потенцировании прогрессивных изменений общества и реализации собственных возможностей и индивидуального жизненного ресурса. Однако это не исключает противоречивых тенденций в поведении, психическом состоянии и в межличностных отношениях личности.

Выбор, осуществляемый личностью, может привести к предпочтению во многом противоположной стратегии — стратегии, направленной на самосохранение. Суть стратегии самосохранения заключается в использовании такого способа взаимодействия с изменяющейся окружающей реальностью, который обеспечивает личности прежде всего сохранение себя как биологической единицы. Эта стратегия предоставляет возможность сохранения в неизменном виде сложившегося образа жизни и ранее эффективных стереотипов отношений с общественными и хозяйственными институтами, с окружающими людьми и с собой.

Предположительно, ядро стратегии самосохранения составляют негативные эмоциональные переживания. Человек находится во власти тревоги, фрустрации, депрессии, сопровождающихся ощущением невозможности удовлетворения самых насущных потребностей, несправедливости судьбы по отношению к себе, утраты прежнего «рая». Прошлое кажется прекрасным, независимо от того, каким оно было в реальности. Настоящее воспринимается драматично, только с негативной стороны. Возникает ощущение невозможности преодоления объективно или субъективно возникших преград. Важно, что помощь ожидается извне. Чело-

век отказывается от активных поисков выхода из проблемных ситуаций, боясь взять на себя ответственность за принятие рискованных решений. Собственные способности противостоять происходящим событиям оцениваются им как минимальные. В случае отсутствия внешней помощи особый смысл приобретают поиски виновников «утраченного рая», по отношению к которым демонстрируется явная или завуалированная агрессия. Утраченные духовные и материальные ценности прошлого нередко замещаются паранаучными мировоззренческими позициями, спекулятивными верованиями и т.п. Агрессивные реакции в форме обесценивания личности могут найти выход и по отношению к себе.

Самосохраняющая стратегия адаптации наиболее характерна для лиц, находящихся в состоянии социального или эмоционального шока [6; 9]. При этом она формирует и в свою очередь реализует определенный личностный тип. С высокой долей вероятности он включает в себя неспособность принимать многоплановость, полифоничность, рыночность жизни современного общества. Доминирующее положение в структуре личности занимают: осторожность, предубежденность, педантичность, ригидность, унылость, предпочтение регламентации всякой креативности и свободе решений, ориентация на принятие коллективно выработанного решения, тяга к обезличиванию, безоговорочному принятию социальных норм, ответственное выполнение своих функциональных профессиональных обязанностей и т.п.

Главное преимущество подобной стратегии состоит в том, что личность приобретает необходимую «биологическую защищенность». Одновременно с этим ослабевает потенциал самораскрытия, что, естественно, негативно сказывается на успешности адаптационного поведения. Самосохраняющая стратегия имеет свои психологические предпосылки, корнящиеся, прежде всего, в самой личности. Данная форма адаптации может быть как постоянной, так и временной. Длительность ее сохранения зависит от глубины переживаемого человеком социального или эмоционального шока, от его индивидуально-личностных особенностей, от динамики воздействующих условий.

При всем многообразии взглядов многих исследователей объединяет идея личностной обусловленности стратегии адаптации. Л.И. Анцыферова [4], описывая стратегии совладания с критическими ситуациями, делает акцент на роли личностных особенностей в их формировании. Вполне возможно, что специфика осмысления и интеграции трудных ситуаций, применение тех или иных «техник жизни» выступают в качестве индикатора различных типов личности. Автор полагает, что те, кто предпочитает конструктивно-преобразующие стратегии — это личности с оптимистическим мировоззрением, реалистичным подходом к жизни, выраженной мотивацией достижения, устойчивой положительной самооценкой. Лица, выбирающие

стратегию ухода от трудных ситуаций, склонны воспринимать мир как источник опасности, они пессимистичны, тревожны, им свойственна низкая самооценка, устойчивость психических защит.

В. Франкл [24], касаясь темы выживания в нечеловеческих условиях концентрационного лагеря, обратил внимание на значимость личностных свойств узников. Достоинно выносили духовные муки и физические страдания те, кто привык к активной духовной работе, внутренней свободе и отстаиванию своих позиций, несмотря на давление непереносимой окружающей обстановки. «Упрямство духа» позволяло не только противостоять тяжелой внешней ситуации, но и формировать соответствующий характер.

Адаптационные стратегии в условиях профессиональной деятельности также зависят от психологических свойств личности. Офицеры военно-морского флота, отличавшиеся повышенной эмоциональной чувствительностью, приспосабливались к условиям учебно-боевой деятельности за счет усиления общего контроля текущих событий и социально значимых ситуаций. Они в большей степени ориентировались на общегрупповые нормы. Их поведение в целом можно было охарактеризовать как конформное. Иное поведение демонстрировали офицеры, отличавшиеся рациональным отношением к окружающей реальности. У них доминировали мотивы взаимодействия и успешной деятельности при сохранении независимости, самостоятельности в принятии решений [3].

Е.В. Витенберг [6], изучая социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям, установила четыре адаптивные стратегии: «социабельную», «гибкую», «уверенную» и «нормативную». Важно, что каждая стратегия обуславливалась личностными свойствами, одни из которых могли способствовать, а другие препятствовать адаптации. Например, лица, использовавшие «уверенную» стратегию, обладали способностью преодолевать препятствия, уверенностью в себе, высокой самооценкой. Эти психологические особенности обеспечивали адаптивный эффект. Одновременно им были свойственны такие психологические особенности, которые препятствовали адаптации, прежде всего — недостаточная гибкость и нетерпимость по отношению к недостаткам других. При «социабельной» стратегии можно наблюдать социальную направленность поведения, коммуникабельность, социальную уверенность и высокую самооценку, отнесенные к способствующим адаптации психологическим особенностям. Указанные особенности сочетались с негибкостью, нетерпимостью, со слабо развитыми преодолевающими реакциями и выраженной психологической защитой, что в целом мешало адаптации.

Стратегии адаптации к природно-климатическим факторам также оказались связанными с личностными свойствами. В частности, с пре-

возможностью и эмоциональной чувствительностью, которые обеспечивают первичную экспресс-оценку биологической значимости условий существования и отражение изменений, прежде всего, важных для индивида условий существования. Установлено, что субъективно ориентированная стратегия адаптации к условиям жаркого климата более свойственна тревожным, эмоционально неустойчивым лицам, объективно ориентированная стратегия — эмоционально устойчивым [13].

Идея копинга основывается на роли личностных особенностей в поддержании или сохранении баланса между требованиями среды и необходимыми ресурсами. Н.Е. Водопьянова [7] показала связь копинг-стратегий с жизненной позицией личности в современных условиях существования. Лица с доминированием активной жизненной позиции обладают большей гибкостью стратегий преодоления стрессов, большей социальной смелостью и устойчивостью к стрессам кризисного периода общества. Несомненным подтверждением этого вывода послужили реальные факты. Вопреки обострению социально-экономического кризиса, 80% лиц, имевших высокий индекс жизненной активности, не только сохранили уровень профессиональной успешности, но в ряде случаев повысили свой статус.

Несмотря на явную экспансию феномена стратегии в различные области практической и теоретической психологии, до сих пор четко не определено его место в ряду других форм взаимодействия человека с окружающей реальностью. Так, копинг-поведение рассматривается как результирующая копинг-стратегий и копинг-ресурсов. В этом случае стратегия занимает подчиненное положение по отношению к поведению. Нередко можно встретить объединение стратегий и поведения, и тогда возникает категория «поведенческая стратегия». Возможно, что сужение смысла стратегии вызвано линейным построением ее моделей, ориентацией лишь на различные формы активности как системообразующий признак. По всей видимости, необходимы определенные концептуальные уточнения. Если исходить из психологического содержания, стратегию следует признать более широким понятием, чем поведение или стиль — она служит для упорядочения взаимодействия человека с изменяющейся реальностью. К этому подталкивают и результаты ряда исследований.

Тем не менее следует признать, что индивидуальная стратегия необходима для сохранения уникальности личности, постоянно взаимодействующей с изменяющейся окружающей реальностью, для создания собственной модели мира и своего Я. Ее отсутствие может привести к хаосу существования, к остановке развития личности. Индивидуальная стратегия — личностно регулируемый способ упорядочения поведения. Личность выступает в роли основного регулятора реализации стратегии, обеспечивая ее качественное своеобразие и оп-

ределяя ее динамические особенности. Благодаря этому структурируется общий адаптационный эффект, из беспорядочных поведенческих выделяются проявления те, которые необходимы личности, вовлеченной в преобразующуюся среду. Благодаря личностной регуляции, с одной стороны, увеличивается число вариантов поведения на уровне группы и общества, с другой — возрастают дифференциация и избирательность адаптационного поведения на уровне индивидуальности.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. *Алдашева А.А.* Особенности личностной адаптации в малых изолированных коллективах. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1984.
3. *Алдашева А.А.* Психологическая адаптация специалистов ВМФ к условиям деятельности. Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Бишкек, 1995.
4. *Анцыферова Л.И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1.
5. *Баевский Р.М.* Кибернетика и прогностика: некоторые проблемы оценки адаптационно-приспособительной деятельности организма // Кибернетические аспекты адаптации системы «человек — среда» / Под ред. Б.А.Неймана. М., 1975.
6. *Витенберг Е.В.* Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1994.
7. *Водопьянова Н.Е.* Активная жизненная позиция личности и профессиональная адаптация в условиях социально-экономического кризиса // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. А.А.Реана, Л.А.Коростылевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. Вып. 2.
8. *Гуревич П.С.* Человек в авантюре саморазвития // Вступительная статья к книге Э. Фромма «Психоанализ и этика». М.: Республика, 1993.
9. *Дмитриева М.В.* Мотивационные установки личности в ситуации потери работы. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1999.
10. *Завьялова Е.К., Посохова С.Т.* Психология предпринимательства. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
11. *Залесский М.Ю.* Среда обитания современного человека в системе библейской симметрии // Взаимодействие науки, философии и богословия в формировании современного экологического мышления / Под ред. А.В. Солдатова. СПб.: Изд-во СПбМТУ, 1995.
12. *Казначеев В.П.* Современные проблемы адаптации человека // Адаптация и проблемы общей патологии. Новосибирск: Изд-во АМН СССР, 1974. Т. 2.
13. *Коваленко В.П., Наталенко В.П., Посохова С.Т.* Психофизиологические особенности лиц с различной устойчивостью к перегреванию в начальный период адаптации к условиям жаркого климата // Физиология человека. 1991. Т. 15. № 1.
14. *Лазарус Р.* Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Под ред. Л. Леви, В.Н. Мясичева. Л.: Медицина, 1970.
15. *Мазур Е.Ф., Тельфанд В.Б.* Смысловая регуляция негативных переживаний

- у пострадавших при землетрясении в Армении // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 2.
16. Менегетти А. Словарь образов. Л.: Экос, 1991.
 17. Медведев В.И. Адаптация человека. СПб.: Институт мозга РАН, 2003.
 18. Мягоных В.С. Патология нервной системы у ветеранов Афганистана. Екатеринбург: Наука, 1994.
 19. Осипицкий А.В. Проблемы психического здоровья и адаптация личности. СПб: Серебряный век, 2004.
 20. Посохова С.Т. Психология адаптирующейся личности. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001.
 21. Ронгинская Т.И. Феномен сопротивления адаптирующим воздействиям. Автореф. дис. ... докт. псих. наук. СПб.: 1995.
 22. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Копинг-поведение и психопрофилактика психосоциальных расстройств у подростков // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1994. № 1.
 23. Ташлыков В.А. Психологическая защита у больных неврозами с психосоматическими расстройствами. СПб., 1993.
 24. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
 25. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.
 26. Чехлатый Е.И. Личностная и межличностная конфликтность и копинг-поведение у больных неврозами и их динамика под влиянием групповой психотерапии. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб.: 1994.

Жизнеспособность подростка: понятие и концепция

А.В. Махнач, А.И. Лактионова

Подростковый возраст и юность — это переходный период, особенно важный для развития здоровых адаптационных способностей, при этом целый ряд трудностей таких, например, как употребление наркотиков и токсических веществ, сексуальный опыт, насилие, эмоциональные травмы и проблемы психического здоровья делают этот возраст особенно опасным [58]. Вызывает тревогу и то, что в период между подростковым возрастом (10–14 лет) и юностью (15–19 лет) уровень смертности возрастает более чем в два раза [62]. В связи с этим в последнее десятилетие проблемам социальной адаптации подростков и юношей стало уделяться более пристальное внимание.

На развитие адаптационных способностей индивида значительное влияние оказывают факторы риска и защитные факторы. К защитным факторам (факторам жизнеспособности) можно отнести личностные или ситуативные переменные, которые уменьшают опасность развития у индивида расстройства адаптации, тогда как факторы риска делают обратное — они увеличивают вероятность того, что у индивида возникнут трудности. Защитные факторы и факторы риска рассматриваются как процессы, а не как абсолютные величины, поскольку одно и то же событие или условие может выступать как в качестве защитного, так и в качестве фактора риска, в зависимости от общего контекста, в котором оно возникает [65]. К таким факторам относятся биологические, психологические и социальные факторы. Биологические факторы включают в себя генетические и нейробиологические влияния. К психологическим влияниям можно отнести поведенческие и когнитивные, а также влияния, связанные со сферой эмоций и взаимоотношений. Помимо биологических и психологических влияний, и нормальное, и асоциальное развитие подростков во многом зависят от социального контекста. Понимание этого контекста требует учета и проксимальных (ближних), и дистантных (отдаленных) событий, а также событий, непосредственно влияющих на подростка в конкретной ситуации и в конкретное время [19]. Социальные условия и

жизненный опыт подростка следует рассматривать в контексте семьи, культуры в целом и его взаимоотношений со сверстниками [62].

По мнению К. Левина, подросток находится в положении маргинальной личности и одновременно принадлежит двум культурам. Он уже вышел из сообщества детей, но еще не является взрослым и поэтому подростка можно отнести к маргинальным личностям. Типичными чертами поведения такой личности являются эмоциональная неустойчивость и чувствительность, застенчивость и агрессивность, эмоциональная напряженность и конфликтные отношения с окружающими, склонность к крайним суждениям и оценкам [32].

Следует отметить, что жизнеспособные подростки адаптируются к опасной среде, что происходит благодаря их твердой уверенности в своих силах, навыкам преодоления трудностей и умению избегать опасных ситуаций, они способны противостоять подстерегающим их бедам или оправляться от них [74]. Такие подростки часто демонстрируют свою компетентность, попадая в стрессовые условия, или возвращаются к прежнему, здоровому уровню компетентности после травматического опыта или стресса [70]. Важно отметить, что жизнеспособность не является универсальным, безоговорочным или фиксированным качеством подростка; она изменяется в зависимости от вида стресса, его контекста и иных факторов. Некоторые подростки могут быть жизнеспособны по отношению к одним специфическим стрессорам, но при этом неустойчивы по отношению к другим, кроме того, жизнеспособность может меняться со временем и в разных условиях [59]. Жизнеспособность подростков связана с защитной триадой, которая включает в себя индивидуальные возможности, тесные семейные связи и возможность получения поддержки общества. Понятие «жизнеспособность» не предполагает существования какого-то прямого причинного пути, ведущего к конкретному результату; напротив, оно связано с непрерывными интеракциями между защитными факторами и факторами риска, связанными с самим индивидом, а также возникающими между индивидом и его окружением [19]. Если учесть, что при этом «социальный фон воспитания детей в современной России определяется как кризисный и неблагоприятный» [21], проблема определения понятия жизнеспособности подростков и факторов, ее формирующих, становится особенно актуальной.

Определение понятия «жизнеспособность»

Термин «жизнеспособность» (resilience) буквально переводится как гибкость, упругость, эластичность, устойчивость (к внешним воздействиям) и как способность быстро восстанавливать здоровое физи-

ческое и душевное состояние. Психологами впервые это интегративное качество личности было выделено в лонгитюдном исследовании жителей о. Кауи (Гавайские острова) Э. Вернер и его сотрудниками [70]. В рамках этого исследования на протяжении сорока лет проводилось наблюдение за 697 испытуемыми, которые жили в неблагоприятных жизненных условиях: плохие перинатальные условия, бедность, некоторые нарушения в раннем развитии, психопатологические нарушения у родителей, ранний разрыв с семьей, нарушения в физическом, когнитивном и психосоциальном развитии. К 18 годам примерно 2/3 юношей и девушек нельзя было назвать адаптированными к жизни, однако треть выросла в компетентных, уверенных в себе молодых людей, со способностью «работать хорошо, играть хорошо, любить хорошо». В дальнейших исследованиях на этой выборке (до 40-летнего возраста испытуемых) эта часть испытуемых оставалась успешной по жизни: они жили в устойчивых браках, имели хорошие отношения со своими детьми, работали и не алкоголизировались [70].

Существует целый ряд определений понятия «жизнеспособность». Это понятие определяют как способность к развитию, выживанию и самостоятельному существованию. «Жизнеспособность — это способность на протяжении продолжительного времени сохранять важные свойства личности, а в краткосрочной перспективе — к сохранению менее важных, но более актуальных здесь и сейчас свойств. Это понятие включает в себя способность рационально планировать и эффективно, успешно совершать действия в определенных условиях. Жизнеспособность в более широком смысле — это сочетание устойчивости системы и ее адаптивности, ее самоидентичности и соответствия, полезности, пригодности; оптимальности и неоптимальности» [24].

Термин «жизнеспособность» является междисциплинарным. Модели жизнеспособности первоначально были разработаны в технике и в прикладных науках. Впервые термин «жизнеспособность» был употреблен А.А. Богдановым [6] для определения динамической устойчивости системы в средних условиях среды. В дальнейшем это понятие используют И.И. Шмальгаузен [36], К. Поппер и др. У. Эшби [38] определяет «жизнеспособность» как способность системы сохранять свои характеристики в заданных пределах. Несмотря на «техническое» первенство в исследованиях и разработках модели, первые исследователи жизнеспособности опирались при этом на жизнеспособность живых систем. Психологи, нуждающиеся в теоретическом осмыслении жизнеспособности как системного свойства человека, попытались ассимилировать эти результаты. Жизнеспособность систем стали рассматривать как форму проявления активности и адаптивности системы [24].

Обобщая номологические утверждения, имеющие отношения к другим дисциплинам, но демонстрирующие общие законы жизнеспособности, рассмотрим принципы и законы, описанные Н.Ф. Реймерсом [26]. Позволим себе при этом выбрать только то, что, на наш взгляд, согласуется с психологическими представлениями о жизнеспособности.

1. Поскольку число элементов и свойств системы, обеспечивающих рост жизнеспособности, ограничено, приходится прибегать к повышению индивидуальной жизнеспособности, устойчивости и надежности элементов.
2. В рамках системы элементы, нежизнеспособные, неустойчивые или ненадежные индивидуально, могут образовать жизнеспособное, устойчивое и надежное целое. Прикрытие нежизнеспособного по отношению к данному воздействию элемента жизнеспособным (механизмы совладания и защитные механизмы) позволяет «погасить» воздействие и не допустить нежизнеспособного состояния системы. При воздействии противоположного типа элементы меняются ролями. Таким образом, жизнеспособная система может состоять из различных по жизнеспособности элементов.
3. Жизнеспособность, устойчивость и надежность систем имеют пространственные и временные границы («локусы» существования). В исследованиях организационного стресса особое внимание уделяется проблеме соответствия ресурсов имеющимся задачам. Теория соответствия утверждает, что не существует хороших или плохих ресурсов, важно, соответствуют ли они требованиям текущей задачи. Хобфолл и Во [55] представили собственное понимание соответствия. Они отмечали, что не ресурсы соответствуют требованиям, а скорее люди адаптируют (или подготавливают) свои ресурсы для встречи с ними.
4. Локус существования системы обеспечивает ее жизнеспособность тогда, когда он «разрешает» ей движения и изменения по всем возможным направлениям. При этом может изменяться количество, качество, состав элементов, действий, связей, их структурирования, агрегирования, кооперации, адаптации к среде и т.д. Из сказанного следует также, что утрата возможности изменений для системы в целом ведет к ее стагнации и катастрофе.
5. Отношения среды с системой подразделяются на три группы: благоприятные, неблагоприятные и индифферентные.

Система может повысить свою жизнеспособность и устойчивость следующим образом:

- а) сокращая свой объем и внешнюю границу в локусе существования в пределах своих «характерных» объема и границы;

б) система может повысить жизнеспособность и устойчивость за счет реструктурирования, агрегирования элементов и кооперирования их в подсистемы, блоки и т.п., не выходя за рамки своей «характерной структуры» или организации;

в) минимизируя опасность границы путем агрегирования данной системы с другими системами из актуальной среды («эффект союза»).

Развитые жизнеспособные (и устойчивые) системы являются относительно гармонизированными внутренне и, тем самым, относительно стабильными. В результате этого во всех своих взаимодействиях со средой они выступают как внутренне непротиворечивые. Известно также, что сильные флуктуации среды разрушают любую систему. В итоге может быть сформулирован принцип: в ходе развития жизнеспособности степень качества, устойчивости и надежности системы возрастают, если сами системы стабильны, а среда устойчива и гармонизирована с этими системами. [24]. Возвращаясь к выдвинутому К. Левиным положению о маргинальности подростков (как нестабильной системы) и о состоянии среды (как неустойчивой и негармонизированной системы), мы приходим к выводу о необходимости рассмотрения элементов системы жизнеспособности подростков как факторов обеспечения роста их жизнеспособности.

Среди индивидуально-личностных свойств, повышающих жизнеспособность, важными и постоянно присутствующими являются следующие: эмоциональная регуляция и мотивация, уровень субъективного контроля (локус контроля), особенности самооценки, защитные механизмы и механизмы совладания, жизнестойкость. Эти свойства по-разному формируют и/или оказывают влияние на жизнеспособность подростка. М. Унгар (M. Ungar), руководитель международного проекта по исследованию жизнеспособности подростков (см: www.resilienceproject.org и [61]), определил это понятие как способность человека управлять ресурсами собственного здоровья и социально приемлемым способом использовать для этого семью, общество и культуру [68].

На приведенной ниже схеме (рисунок 1) показано соотношение факторов, формирующих жизнеспособность человека. Важно отметить, что предметом данного исследования являются, прежде всего, индивидуально-личностные свойства.

Таким образом, соглашаясь с тем, что жизнеспособность подростка определяют факторы риска и защитные факторы (биологические, психологические, средовые и социальные), мы придерживаемся следующего определения жизнеспособности — это индивидуальная способность человека управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами в контексте социальных, культурных норм и средовых условий.

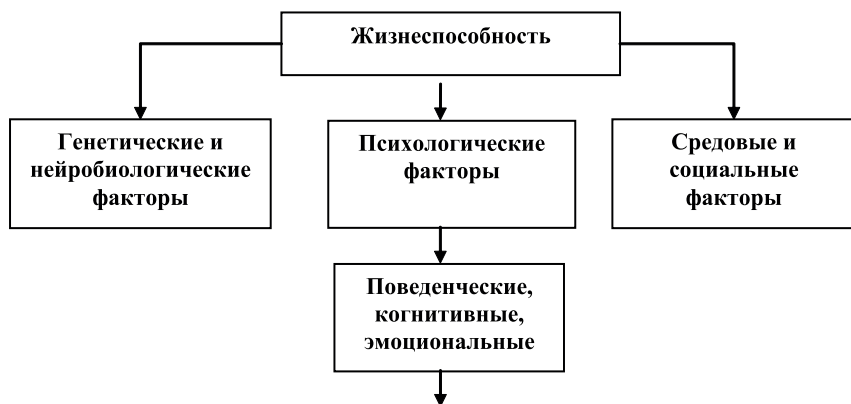

Рис. 1. Соотношение факторов, формирующих жизнеспособность человека.

Рассмотрим индивидуально-психологические свойства личности, оказывающие влияние и/или формирующие жизнеспособность подростка.

Эмоциональная регуляция

Подростковый возраст представляет собой период, когда эмоции играют важную роль в социальной адаптации подростка. Они являются важными внутренними системами, предназначенными для положительной или отрицательной оценки событий, и при этом непосредственно связаны с инстинктами, потребностями и мотивацией деятельности [73]. Эмоциональные процессы можно разделить в соответствии с двумя параметрами: эмоциональной реактивностью и эмоциональной регуляцией. Эмоциональная реактивность и регуляция являются важнейшими аспектами раннего и последующего развития ребенка, влияя на качество социальных интеракций детей и их отношения с социальной средой на протяжении всей жизни. Эмоциональная реактивность относится к индивидуальным различиям, проявляющимся в границах и интенсивности выражения эмоций, которые влияют на уровень переживания индивидом дистресса и его сензитивность к среде. Эмоциональная регуляция влияет на увеличение, сохранение или торможение эмоционального возбуждения, это влияние обычно имеет конкретную направленность [63]. При этом проблемы регуляции связаны со слабостью управляющих эмоциями структур или их отсутствием, а в случае эмоционального дисбаланса подобные структуры функционируют неадекватно [44].

Важными характеристиками как нормального, так и патологического функционирования этих структур являются возможности индивида к эмоциональной регуляции, проявляющиеся в эмоциональной реактивности и степени выражения эмоций. Следует заметить, что некоторые формы эмоционального дисбаланса могут быть адаптивными в определенной среде или в определенное время, но неадаптивными в других условиях. Известное явление оцепенения, при котором дети и подростки, подвергшиеся эмоциональному и сексуальному насилию, могут почти не проявлять эмоций, является симптомом посттравматического расстройства и является для ребенка защитой от сильнейших переживаний и травмы. Но оно может помешать его дальнейшему адаптивному функционированию и достижению долговременных целей, если впоследствии становится для него характерным способом борьбы со стрессорами. Развитие эмоциональной регуляции обусловлено как социализацией, так и темпераментом, формируя определенные отношения между индивидом и средой [50]. Таким образом, «эмоциональная регуляция предполагает многообразие все более усложняющихся задач развития, достижение каждой из которых облегчается формированием здоровых отношений и другими ресурсами среды. Возможность возникновения различных препятствий на пути выполнения этих задач зависит от взаимного соответствия индивида и среды и согласованности их интеракций. Считается, что эмоциональная дисрегуляция является следствием помех в соответствующих процессах развития» [19].

Мотивация как направленность поведения

Мотивация является основным «психологическим стержнем» формирования и осуществления поведения подростка [14]. Главным признаком мотивированного поведения является наличие намерения — интенции к выполнению деятельности. Мотивированное поведение есть результат действия двух факторов: ситуационного и личностного. При рассмотрении ситуационного фактора, в первую очередь, учитываются не только объективные параметры среды, но и оценки и интерпретации личностью контекстуальных аспектов своего поведения, т.е. субъективное отражение объективных условий и то значение, которое она этим условиям придает.

Мотивация девиантного поведения отражает в себе не только асоциальную ситуацию, но и, главным образом, все предшествующее негативное влияние социальной среды, сформировавшей личность с асоциальной направленностью. Именно через отражательную функ-

цию мотивации реализуется детерминация девиантного поведения внешней средой.

Выделяют два типа мотивации и два соответствующих им типа поведения:

- 1) внешнюю мотивацию (extrinsic motivation) и, соответственно, внешне мотивированное поведение (extrinsic motivated behavior);
- 2) внутреннюю мотивацию (intrinsic motivation) и, соответственно, внутренне мотивированное поведение (intrinsic motivated behavior).

Внешняя мотивация детерминирует поведение в тех ситуациях, когда факторы, которые его инициируют и регулируют, находятся вне «Я» личности или вне ее поведения. Наиболее ярко концептуализация данного типа мотивации представлена в бихевиористских теориях [56, 66] и в теориях инструментальности [40, 69]. Внутренняя мотивация детерминирует поведение, когда инициирующие и регулирующие его факторы проистекают изнутри «Я» и полностью находятся внутри самого поведения. «Внутренне мотивированная деятельность не имеет поощрений, кроме самой активности. Такая деятельность является самоцелью, а не средством для достижения некоей другой цели» [47].

Термин «внутренняя мотивация» впервые был введен Г. Харлоу [53]. Р. Уайт в статье «Пересмотр мотивации: понятие компетентности» ввел понятие «компетентность» (competence), показав, что те виды поведения, при выполнении которых человек не получает никаких видимых подкреплений, преследуют одну цель: повышение его компетентности и эффективности. Силой, детерминирующей это стремление к компетентности, является «мотивация через чувство эффективности» [70]. Первичной мотивационной предрасположенностью человека является стремление эффективно взаимодействовать с окружением. Он стремится к тому, чтобы быть первопричиной, источником своего собственного поведения; он стремится к личностной каузальности [46]. Р. де Чармс, анализируя психологическую природу внутренней и внешней мотивации, использует конструкт «локус каузальности». Как только личность начинает воспринимать себя как первопричину своего собственного поведения, можно говорить о внутренней мотивации ее активности. И, соответственно, когда личность воспринимает причины своего поведения как внешние по отношению к ней самой, то ее активность является внешне мотивированной [46]. Таким образом, при внутренней мотивации личность имеет внутренний локус каузальности (личностную причинность). Отталкиваясь от этой идеи и опираясь на работы Р. Вудвортса и Р. Уайта, Э. Дисси высказал гипотезу о существовании двух фундаментальных

мотивационных тенденций: потребностей к самодетерминации и компетентности. Он предположил, что человек имеет врожденную тенденцию к выполнению таких видов активности, которые дают ему ощущение наличия личностной каузальности и мастерства. При этом можно говорить о наличии внутренне мотивированного поведения. Исследования, проведенные в соответствии с этой гипотезой, показали, что те условия окружения, которые наделяют человека свободой выбора, позволяют ему чувствовать себя самодетерминированным, приводят к интернализации локуса каузальности и, как следствие, повышают уровень его внутренней мотивации. В результате дальнейших исследований были сделаны следующие выводы:

1. В зависимости от наличия или отсутствия намерения — интенции к выполнению деятельности и от восприятия ее источника личность может находиться в одном из трех основных мотивационных состояний: состоянии внутренней мотивированности, внешней мотивированности или состоянии амотивации. В состоянии внутренней мотивации, определяемом потребностями в самодетерминации и компетентности, индивид ощущает себя истинной причиной осуществляемого преднамеренного поведения (имеет внутренний локус причинности) и воспринимает себя как эффективного агента при взаимодействии с окружением (чувство компетентности), что является одной из ведущих психологических потребностей «Я» человека. В состоянии внешней мотивации человек воспринимает причины своего преднамеренного поведения как внешние, навязанные извне, а себя как человека, от которого ничего не зависит и которым манипулируют. В этом состоянии индивид может воспринимать себя компетентным и эффективным, но это чувство не приводит к внутренней мотивации.

Состояние амотивации (выученная беспомощность, впервые описанная М. Селигманом [65]), характеризуется отсутствием намерения к осуществлению поведения и сопровождается чувствами некомпетентности и неэффективности при взаимодействии с окружением.

2. Стимулы (событие, сообщение, коммуникация), с которыми человек сталкивается при выполнении деятельности, могут иметь для него контролирующее или информирующее значение. Стимулы, воспринимающиеся как принуждение, являются контролирующими. Стимулы, которые воспринимаются не как контролирующие, а как предоставляющие свободу выбора и снабжающие человека информацией, необходимой для эффективного взаимодействия с окружением, являются информирующими. Человек, находящийся в состоянии амотивации, может быть выведен из него или применением контролирующих подкреплений (тогда он перейдет в состояние внешней мотивации), или оптимизацией трудности выполняемой им деятельности и упорядочиванием обратной связи (тогда при условии сво-

боды выбора он может перейти в состояние внутренней мотивации). Применение контролирующих стимулов сказывается положительно на поддержании и регуляции имеющегося мотивационного состояния в том случае, если человек находится в состоянии внешней мотивации при выполнении неинтересной или непривлекательной деятельности. И наоборот, контролирующие стимулы снижают уровень внутренней мотивации, лишая человека чувства самодетерминации и компетентности. При этом информирующие воздействия не только не снижают ее уровень, но также могут способствовать его возрастанию.

Необходимыми условиями существования внутренней мотивации являются наличие свободы выбора деятельности, обеспеченность оптимальной обратной связью и уверенность человека в своей компетентности. Внутренняя мотивация будет максимальной при выполнении новой, перцептивно и/или когнитивно сложной деятельности оптимальной трудности [33].

Социальный контекст, в котором действует личность, и межличностные отношения, составляющие его основное содержание, также могут быть контролирующими или информирующими (поддерживающими автономию). Так, например, учитель, для которого характерен контролирующий стиль, скорее всего, вызовет у учеников падение внутреннего интереса к учебе. Учитель же, ориентированный на поддержание автономности у детей, будет усиливать их внутреннюю мотивацию, самоуважение и тенденцию к компетентности. Эти гипотезы были проверены в исследовании. Промежуточным показателем между ориентацией учителя и характером мотивации учащихся выступает восприятие детьми атмосферы в классе. Учителя, ориентированные на автономию, создают своим поведением, оценками, репликами и комментариями такую атмосферу в классе, которая воспринимается учениками как поощряющая самостоятельность, развитие любознательности и мастерства. Учительская ориентация при этом наиболее тесно связана с такими параметрами мотивационного климата в классе, как личная ответственность за принятые решения и внутренний контроль. Наиболее сильное влияние на мотивацию учеников ориентация учителя оказывает в первые шесть недель учебы. После приспособления учеников к стилю учителя она остается практически неизменным в течение всего учебного года. Ученики ориентированного на контроль учителя после полутора месяцев учебы переставали верить в свои силы, начинали бояться неудач и теряли интерес к ней [48].

Изучение влияния родительского стиля на развитие механизмов саморегуляции ребенка было проведено в 1989 г. [52]. Исследования подтвердили вывод о том, что ориентация родителей на поддержку автономности своих детей положительно связана с успехами ребенка в школе, с высоким уровнем его саморегуляции, наличием у него

чувства компетентности и отсутствием симптомов дезадаптации в школе. «Таким образом, особенности межличностных отношений между людьми, находящимися в отношениях субординации, оказывают существенное влияние на характер мотивации, уровень самоуважения, способность к саморегуляции личностей, находящихся в подчиненном или зависимом положении» [34]. По данным исследований (Н.Н. Толстых, Ю.А. Васильева), делинквентному подростку свойственно восприятие себя как человека пассивного, интеллектуально ленивого, зависящего от воли обстоятельств и других людей, мало влияющего на ход событий, склонного «жить сегодняшним днем». В результате склонности подростка к девиантным формам поведения в первую очередь деформируется внутренняя мотивация учебной деятельности — исчезает стремление к получению новых знаний. Учебная деятельность больше не выступает в качестве ведущей и, как следствие, происходит снижение академической успеваемости [29].

Уровень субъективного контроля

В исследованиях субъективного контроля была установлена связь разнообразных форм поведения и параметров личности подростка с экстернальностью и интернальностью. Предполагается, что локус контроля играет важную роль в формировании межличностных отношений, в способе разрешения личностных кризисных ситуаций и, как следствие, в процессе социальной адаптации подростков. Имеются данные о том, что интерналы отличаются более высокой благожелательностью к окружающим; подростки с внутренним локусом контроля чаще позитивно относятся к учителям, а также к представителям правоохранительных органов. У интерналов временная перспектива охватывает значительно более дальнюю зону, как в будущем, так и в прошлом, и насыщена большим количеством событий [23]. Выявлена положительная корреляция между интернальностью и смыслом жизни [18].

Важную роль локус контроля играет в трудовой и учебной деятельности. Интерналы больше, чем экстерналы, убеждены в том, что успешность их деятельности и величина вознаграждения в первую очередь зависит от них самих. Их общая удовлетворенность трудом значительно выше, чем у экстерналов, они более успешны в учебе, как в средней, так и в высшей школе. Уровень субъективного контроля (УСК) влияет на ощущение человеком своей ответственности за происходящее, на самоуважение, социальную зрелость и самостоятельность личности. Низкий УСК будет отражать тенденцию к пассивному решению проблем, что может привести к возникно-

вению девиантного, делинквентного поведения в группе, например, под воздействием человека, являющегося лидером, примером для подростка. С.В. Быков в своем исследовании локуса контроля личности в асоциальных группах пришел к выводам о том, что подросткам с делинквентным поведением в большей степени, чем подросткам с просоциальными наклонностями, присуща экстернальность. Ему удалось выявить, что общий уровень экстернальности в среде подростков тоже достаточно высок, что объясняется состоянием социальной тревожности в обществе как ответной реакции на социальные изменения. С возрастом уровень ответственности повышается, что, в свою очередь, ведет к снижению показателей экстернальности [8].

Механизмы психологической защиты, совладания и жизнестойкость

Развитие тех или иных форм поведения в подростковом возрасте, адаптивность или дезадаптивность подростков к социальной среде напрямую зависят от уровня развития поведенческих навыков и их сочетания. Защитные механизмы представляют собой особую форму стратегий преодоления трудностей [30]. Явление психологической защиты связывается с основными функциями психики: приспособлением, уравниванием и регуляцией. Согласно Ф.В. Бассину и по мнению некоторых других исследователей (Б.В. Зейгарник, А.А. Налчаджян, Е.Т. Соколова и др.), психологическая защита является нормальным, повседневно работающим механизмом. Основным в психологической защите является перестройка системы установок, направленная на устранение чрезмерного эмоционального напряжения [4, 9, 20, 30]. Э. Киршбаум и А. Еремеева считают психологическую защиту непродуктивным средством решения внутренне-внешнего конфликта [10]. Мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой основная цель психологической защиты состоит не в решении непосредственно проблемы, а в «предотвращении дестабилизации личности путем редукции напряжения и мобилизации на этой основе всех имеющихся у нее возможностей для борьбы с наступающей проблемой» [31]. «То, что мы у зрелых взрослых называем защитами, не что иное, как глобальные, закономерные, здоровые, адаптивные способы переживания мира» [16]. Таким образом, здоровая, творческая адаптация включает в себя способы защиты, которые действуют на протяжении всей жизни, но не повсеместно.

Недостаточное действие психологической защиты приводит к неспособности адаптироваться к сложным жизненным условиям. В других случаях защита действует настолько мощно, что индивид не

воспринимает даже значимую для личностного развития информацию. В.К. Мягер, вслед за З. Фрейдом, предлагает различать патологическую и нормальную профилактическую защиты. «Степень и уровень, на котором они используются, и составляет действительную разницу между здоровьем и болезнью. Причем это дело исключительно количества, а не качества» [цит. по: 17]. Таким образом, «если защита начинает выступать основой поведения, приобретает свойства патологического стереотипа, становится ригидной, она мешает здоровому функционированию» [31]. Искажение реальности, выходя за пределы условной среднестатистической нормы, сообщает поведению индивида девиантный характер. Возникает социальная дезадаптация, нарушающая стабильность позитивного образа «Я». Защита, работая бессознательно (А. Фрейд), опережает действие механизмов совладания, которые создаются, опираясь на результаты функционирования психологической защиты. Действие стратегий совладания основано на достаточно полном осознании способов эффективного совладания. Таким образом, личность оказывается способной конструктивно справляться с напряженными ситуациями.

Активное становление стиля совладающего поведения приходится на подростковый возраст. Концепция совладания включает поведенческую, эмоциональную и когнитивную активность, которую индивиды привлекают с целью приспособления и адаптации к сложным жизненным обстоятельствам [19]. Результатом такой активности субъекта может быть устранение трудности (стрессора), преобразование ситуации либо адаптация к ее требованиям. «Совладание опосредовано требованиями ситуации, «запускающей» копинг, и внутренней активностью субъекта, его отношением к ней, обусловленными системой его личностных смыслов и диспозиционной структурой» [13]. С. Фолкман и Р. Лазарус считают, что совладание выполняет две основные функции: регуляции эмоций (к этой функции относят когнитивные, эмоциональные и поведенческие усилия, с помощью которых личность пытается редуцировать эмоциональное напряжение, эмоциональный компонент дистресса) и управления проблемами, вызывающими дистресс (устранение угрозы, влияние стрессора). Обе функции используются в большинстве стрессовых ситуаций, при этом их процентное соотношение зависит от того, как стрессовые ситуации оценены человеком [51].

В процессе совладания со стрессом используются поведенческие стратегии на основе личностных и средовых ресурсов совладания. Стратегии совладания подразделяются на активные и пассивные. Активные стратегии включают все варианты поведения человека, направленного на разрешение проблемной и/или стрессовой ситуации и поиск социальной поддержки. Пассивное совладающее поведение

включает в себя базисную стратегию избегания, но некоторые формы избегания могут носить и активный характер.

С. Хобфолл и К. Донахью предложили двухосевую модель совладания, которая включает активно-пассивное и просоциально-антисоциальное измерения [54]. К. Донахью обнаружил половое и ролевое различие в совладании. По его мнению, мужчинам более присуще активно-антисоциальное совладание, тогда как для женщин характерно пассивно-просоциальное совладание. В исследовании подростков, подвергшихся экстремальным стрессовым воздействиям (похищение, изнасилование, онкологическое заболевание), была обнаружена высокая интенсивность использования пассивных, отказных защитных стратегий [49]. Также выявлена взаимосвязь особенностей структуры личности подростков со способами совладания со стрессом. Так, эмоционально лабильные подростки с низкой самооценкой и высокой степенью тревоги, сочетающейся с эмоциональным дистрессом, наиболее склонны к употреблению наркотических веществ. Подростки, использующие активные способы совладания со стрессом, имеют высокую самооценку и хорошие отношения с родителями, а пассивно совладающие со стрессом проявляют признаки депрессии [28]. Исследования на учащихсЯ общеобразовательной школы, проведенные лабораторией психологии детского и подросткового возраста ГНЦС и СП им. В.П. Сербского, показали, что наиболее конструктивным поведением является наличие базисной стратегии совладания, направленной на решение конфликтной ситуации. Такое поведение наблюдается у подростков с высоким УСК, что свидетельствует о способности брать на себя ответственность, и наиболее сформированной системой ценностей, что позволяет делать осознанный выбор, опираясь на уже усвоенные морально-этические нормы.

Н. Крик и К. Додж представили социально-когнитивную теорию, объясняющую поведение социально-агрессивных мальчиков. Согласно их модели, серия мыслительных процессов возникает во время адекватных социальных взаимодействий и отсутствует или искажается во время нецелесообразных социальных взаимодействий. Мышление и поведение агрессивных подростков в социальных ситуациях оказывается нетипичным. При этом учитывается обратная связь между навыками подростков по обработке информации в определенных социальных ситуациях и их «базой данных» о социальных схемах, воспоминаниями, знанием и культурными ценностями или правилами [45]. Важный вклад в эту базу данных вносят контакты родителей и детей и качество первой привязанности ребенка. Учитывается также влияние похвал/реакций сверстников и эмоциональных процессов как определяющих факторов социальной приспособленности. Агрессивные подростки меньше используют вербальные коммуникации и нападают физически [19].

Формы мышления и поведения агрессивных детей в социальных ситуациях выглядят следующим образом:

Шаг 1: Кодирование — поиск и сосредоточение внимания на постоянном стимуле. Когда агрессивные подростки принимают решение, делают вывод и разрешают межличностную ситуацию, им требуется меньше информации о событии, прежде чем начать действовать [67].

Шаг 2: Интерпретация — извлечение смысла из информации, привлечшей внимание. Агрессивные подростки приписывают враждебный характер двусмысленным событиям.

Шаг 3: Поиск реакции — зарождение альтернативы реакции. Агрессивные подростки имеют более ограниченный ассортимент реакций, эти реакции носят агрессивный характер, включают меньше знания о разрешении социальных проблем.

Шаг 4: Реакция решения — выбор специфической реакции. Агрессивные подростки чаще выбирают агрессивные решения.

Шаг 5: Исполнение — осуществление самой подходящей реакции.

Исследователи совладающего поведения предполагают, что в различных возрастных и социальных группах имеются личности, отличающиеся жизнестойкостью, которые лучше справляются со стрессом, обладают особыми стратегиями преодоления трудных ситуаций, и, вероятно, большим их количеством и разнообразием.

В связи с этим было введено понятие «жизнестойкость» (*hardiness*), отражающее, с точки зрения С. Мадди и Д. Кошаба, психологическую «живучесть» и расширенную эффективность человека и являющееся показателем психического здоровья [60]. Понятие «жизнестойкость» [15] используется в контексте проблематики совладания со стрессом и подчеркивает наличие установок, мотивирующих человека преобразовывать стрессогенные жизненные события. Понятие «жизнестойкость» не тождественно понятию «стратегия совладания». Во-первых, стратегия совладания — это прием, алгоритм действия, привычное и традиционное для личности поведение, в то время как «жизнестойкость» — черта личности, установка на выживаемость. Первой характеристикой жизнестойкости, согласно С. Мадди, является «включенность» (*commitment*), позволяющая индивиду чувствовать свою значимость и ценность для того, чтобы полностью включаться в решение жизненных задач, несмотря на наличие стрессогенных факторов и изменений. Жизнестойкость включает установку, условно названную «контролем», которая во многом сходна с понятием «локус контроля» Роттера: она мотивирует к поиску путей влияния на результаты стрессогенных изменений, в отличие от состояния беспомощности и пассивности. Помимо установок, «жизнестойкость» включает в себя такие базовые ценности, как кооперация, доверие и креативность. П. Уильямс, Д. Вибе и Т. Смит сумели доказать наличие

положительной связи между жизнестойкостью и адаптивными стратегиями совладания, а также показателями здоровья—болезни [72].

Можно сказать, что жизнестойкость — это особый паттерн установок и навыков, позволяющих превратить изменения, происходящие с личностью, в ее возможности.

Таким образом, психологическое совладание представляет собой особый вид социального поведения личности, обеспечивающий ее адаптацию в социуме. Именно это «умение справляться с трудностями образует фундамент стойкости субъекта, понимание себя самого» [7].

Я-концепция: самосознание и самооценка

Характер самооценки подростков влияет как на процесс формирования у них определенных качеств личности, так и на процесс социальной адаптации в целом. Являясь системообразующим ядром индивидуальности, определяя жизненные позиции подростка, уровень его притязаний, всю систему оценок, она воздействует на формирование стиля его поведения, обуславливая, таким образом, динамику и направленность его развития. Самооценкой называют составляющую Я-концепции, связанную с отношением к себе или отдельным своим качествами, а образ Я представляет описательную ее часть. «Я-концепция — это обобщенное представление человека о самом себе, система его установок относительно собственной личности» [25]. В формировании Я-концепции и чувства идентичности ведущая роль, по мнению большинства исследователей, принадлежит системе межличностных отношений. В подростковом возрасте расширяются социальные связи субъекта, межличностные отношения становятся более интенсивными, дифференцированными, особенное значение приобретают отношения со сверстниками, с референтной группой. Определяющую роль в складывании интегральной самооценки играет межличностное сравнение [5]. При этом базовая роль межличностного общения в формировании чувства идентичности отражается не только на способе презентации Я, но и на всей системе ценностей в целом [35].

Становление самосознания происходит на протяжении всего онтогенеза, однако в подростковом возрасте поиск и определение собственного Я приобретают особую актуальность. Именно в этот период «сознание, пройдя через многие объекты отношений, само становится объектом самосознания и, завершая структуру характера, обеспечивает его целостность, способствует образованию и стабилизации личности» [2]. Самосознание в это время отличается неустойчивостью, подверженностью внешним воздействиям, оно менее позитивно по

сравнению с младшим школьным возрастом. Пик этих изменений приходится примерно на 12—13 лет [12], когда начинается интеграция и осмысление всей информации, относящейся к «Я». По мнению Э. Эриксона, возникающий в этот период параметр связи с окружающим миром колеблется между положительным полюсом идентификации «Я» и отрицательным полюсом путаницы ролей [37]. В сознании подростка происходит постепенная переориентация с внешних оценок (преимущественно родительских) на внутренние. В результате формируется система представлений о себе, которая в значительной степени определяет поведение подростка.

Так, адекватный уровень самооценки формирует у подростка уверенность в себе, самокритичность и настойчивость. Подростки с адекватной самооценкой лучше и без скачков учатся и имеют более высокий общественный и личный статус. Подростки с завышенной самооценкой проявляют некоторую ограниченность в видах деятельности и большую направленность на общение, при этом малосодержательное. Агрессивные подростки характеризуются крайней самооценкой (либо максимально положительной, либо максимально отрицательной), повышенной тревожностью, страхом перед широкими социальными контактами, эгоцентризмом, неумением находить выход из трудных ситуаций [22]. И.С. Кон в своих работах формулирует уровневую концепцию «Я-образа», используя понятие установки и основываясь при этом на теории диспозиционной регуляции социального поведения [39]. В целом «Я-образ» понимается как установочная система. Установки обладают тремя компонентами: когнитивным, аффективным и производным от первых двух — поведенческим (готовность к действиям в отношении объекта). Нижний уровень «Я-образа» «составляют» неосознанные, представленные только в переживании установки, традиционно ассоциирующиеся в психологии с «самочувствием» и эмоциональным отношением к себе, выше расположены осознание и самооценка отдельных свойств и качеств; затем эти частные самооценки складываются в относительно целостный образ, и, наконец, сам этот «Я-образ» вписывается в общую систему ценностных ориентаций личности, связанных с осознанием ею целей своей жизнедеятельности и средств, необходимых для достижения этих целей [12].

Самооценка оказывает непосредственное влияние на процесс социальной адаптации и дезадаптации подростка. Необходимость быть принятым другими людьми отражается в самосознании, которое есть перенесение вовнутрь отношения других — принятия другими или отвержения ими. Подростки с проблемами в поведении могут иметь низкую самооценку, тем не менее, существует мало подтверждений в пользу того, что низкая самооценка — это основная причина антисоциального поведения. Асоциальное поведение скорее связано с завышенным, не-

устойчивым или нереалистичным представлением о себе [42]. Любая кажущаяся угроза самосознанию подростков может привести к агрессивному поведению, помогающему избежать принижения Я-концепции [43]. Так что, хотя низкая самооценка и не является основной причиной проблем в поведении, подростки с такими проблемами могут иметь ряд нарушений Я-концепции, усиливающих их асоциальное поведение.

А.А. Реан рассмотрел в качестве основного пускового механизма отклоняющегося поведения наличие конфликта самооценки и оценки социума («интеракционный конфликт самооценки») [25]. А.А. Баранов в своем исследовании особенностей самооценки подростков с делинквентным поведением подтвердил, что для таких подростков, в отличие от обычных школьников, характерно наличие конфликта самооценки с внешней оценкой (в исследовании — педагогической). Полученные им результаты показали, что внешняя оценка всегда ниже самооценки подростка (даже если последняя достаточно адекватна). При этом конфликт самооценки усугубляется ожиданиями, которые не подкрепляются в реальности. Тем самым «увеличиваются стремления подростка в асоциальные группы, где реализуется одна из важнейших потребностей личности — потребность в уважении и признании» [3].

Заключение

Учитывая тот факт, что подростковый период и юность — это важный период жизни для развития здоровых адаптационных способностей, мы считаем, что необходимо изучать факторы жизнеспособности, способствующие социальной адаптации. К факторам жизнеспособности мы относим биологические, психологические и социальные. Биологические факторы включают в себя генетические и нейробиологические влияния; психологические — эмоциональная, мотивационно-волевая, когнитивная сферы, а также факторы, связанные со сферой взаимоотношений. Жизнеспособность рассматривается в контексте не только биологических и психологических факторов, но и социальных, культурных норм и средовых условий.

Среди психологических факторов, повышающих жизнеспособность, важными и постоянно присутствующими являются: эмоциональная реактивность и регуляция, мотивация как направленность поведения, уровень субъективного контроля, особенности самооценки и самоотношения, защитные механизмы и механизмы совладания, наличие жизнестойкости.

В нашем исследовании мы показали, что эмоциональная регуляция оказывает влияние на качество социальных интеракций подрост-

ков и их отношения с социальной средой на протяжении всей жизни. Особенности межличностных отношений между подростком и людьми, по отношению к которым он находится в отношениях субординации, оказывают существенное влияние на характер его мотивации, уровень его самоуважения, способность к саморегуляции. Как правило, делинквентному подростку свойственно восприятие себя как человека пассивного, интеллектуально ленивого, зависящего от воли обстоятельств и других людей, мало влияющего на ход событий, склонного «жить сегодняшним днем». Поэтому локус контроля играет важную роль в процессе социальной адаптации подростков: подросткам с делинквентным поведением в большей степени, чем подросткам с просоциальными наклонностями, присуща экстернальность. В свою очередь, низкий УСК будет отражать тенденцию к пассивному решению проблем, что может привести к возникновению делинквентного поведения.

Известно, что развитие тех или иных форм поведения в подростковом возрасте, адаптивность или дезадаптивность подростков к социальной среде прямо зависит от уровня развития поведенческих стратегий и навыков и их сочетания. Поэтому мы обращаем внимание на тот факт, что недостаточное действие механизмов защиты приводит к неспособности адаптироваться к сложным жизненным условиям. Если защита начинает выступать основой поведения, приобретает свойства патологического стереотипа, становится ригидной, она мешает здоровому функционированию и в результате адаптированность подростка снижается. Следствием этого является девиантное поведение как проявление неэффективной, социально-психической адаптации индивида к внешней реальности с помощью ригидных и сверхнормативных средств психологической защиты.

В статье мы стремились показать, что психологическое совладание представляет собой особый вид социального поведения подростка, обеспечивающий его адаптацию в социуме. Поэтому наиболее конструктивным является наличие базисной стратегии совладания, направленной на решение конфликтной ситуации. Такое поведение наблюдается у подростков с высоким УСК, свидетельствующим о способности брать на себя ответственность, и наиболее сформированной системой ценностей, что позволяет делать осознанный выбор, опираясь на уже усвоенные морально-этические нормы. На адаптивное поведение также оказывает влияние обратная связь между навыками подростков по обработке информации в определенных социальных ситуациях и их «базой данных» о социальных схемах, воспоминаниями, знанием и культурными ценностями или социальными правилами. Важный вклад в эту базу данных вносят контакты родителей и детей и наличие привязанности у подростка. Для психологического совладания важен опыт похвал/реакций сверстников, определяющих социальную приспособленность подростка.

Самооценка оказывает непосредственное влияние на процесс социальной адаптации и дезадаптации подростка. Для подростков-делинквентов, в отличие от школьников с нормативным поведением, характерно наличие конфликта самооценки с внешней оценкой. Внешняя оценка всегда ниже самооценки подростка (даже если последняя достаточно адекватна). При этом конфликт между самооценкой и внешней оценкой усугубляется ожиданиями подростка, которые не подкрепляются в реальности. Тем самым увеличиваются его стремления уйти в асоциальные группы, где реализуется одна из важнейших потребностей личности — потребность в уважении и признании.

В исследовании обращено внимание на следующий факт: в различных возрастных и социальных группах имеются личности, отличающиеся жизнестойкостью, которые лучше справляющихся со стрессом, обладают особыми стратегиями преодоления трудных ситуаций и, вероятно, большим их количеством и разнообразием.

Список литературы

1. *Александрова Л.А.* К концепции жизнестойкости в психологии // Сибирская психология сегодня. Сб. научн. трудов. Вып. 2 / Под ред. М.М. Горбатова, А.В. Серого, М.С. Яницкого. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. С. 82–90.
2. *Ананьев Б.Г.* К постановке проблемы детского самосознания // Известия АПН РСФСР. 1948. № 18. С. 101–124.
3. *Баранов А.А.* Особенности самооценки подростков с делинквентным поведением // Дети России: насилие и защита. М., 1997. С. 108–111.
4. *Бассин Ф.В.* О силе «Я» и психологической защите // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 118–125.
5. *Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.
6. *Богданов А.А.* Тектология: Всеобщая организационная наука. Т. 1. М.: Экономика, 1989. С. 213–215.
7. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта / Под ред. В.В. Знакова. М.: ИП РАН; СПб.: Алетейя, 2002.
8. *Быков С.В.* Диагностика локуса контроля личности в асоциальных подростковых группах // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 34–43.
9. *Зейгарник Б.В.* Основы патопсихологии. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1973.
10. *Кирибаум Э., Еремеева А.* Психологическая защита. СПб.: Питер, 2005.
11. *Кон И.С.* В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Прогресс, 1984.
12. *Кон И.С.* Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.
13. *Крюкова Т.Л.* Творческое наследие А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова и современная психология мышления // Роль когнитивного оценивания в психологическом совладании личности. Тез. докл. научн. конф. М.: Изд-во ИП РАН, 2003. С. 86–89.
14. *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение. Норма и патология. М.: Наука, 1982.
15. *Леонтьев Д.А.* Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Уч. зап. каф. общ. психол. МГУ им. М.В.Ломоносова. Вып. 1. М.: Смысл, 2002. С. 56–65.

16. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: М.: Класс, 1998.
17. *Менинжер В., Лиш М.* Психические механизмы // Самосознание и защитные механизмы личности. Хрестоматия. Самара, 2000. С. 509—536.
18. *Муздыбаев К.* Психология ответственности. Л.: Наука, 1983.
19. *Мэй Э., Волф Д.* Детская патопсихология. Нарушения психики ребенка. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
20. *Началджян А.А.* Социально-психологическая адаптация личности: формы, механизмы и стратегии. Ереван: Изд. АН Арм ССР, 1988.
21. *Никитина Л.Е.* Состояние и проблемы современного воспитания: идеология и принципы развития // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2003. № 2. С. 32—37.
22. Психология подростка. Учебник / Под ред. А.А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
23. Психология. Учебник / Под ред. А.А. Крылова. М.: Проспект, 1998.
24. *Разумовский О.С., Хазов М.Ю.* Проблема жизнеспособности систем // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 1. С. 1—7.
25. *Реан А.А.* Психология изучения личности: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999.
26. *Реймерс Н.Ф.* Экология: Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. М., 1994. С. 45—49.
27. *Ремшмидт Х.* Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. М., 1994.
28. *Сирота Н.А., Ялтонский В.М.* Копинг-поведение подростков с наркотической зависимостью, находящихся в воспитательно-трудовых колониях. СПб., 1998.
29. *Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В.* Подросток: нормы, риски, девиации. М., 2005.
30. *Соколова Е.Т.* Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Изд-во МГУ, 1989.
31. *Соловьева А.В.* Психологическая защита и различия в ее понимании // Психологические исследования личности / Под ред. Е.А. Чудиной. М.: Изд-во ИП РАН, С. 7—15.
32. *Фельдштейн Д.И.* Психология развивающейся личности. М.- Воронеж, 1996.
33. *Чирков В.И.* Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека // Вопросы психологии. 1996. № 3. С. 116—132.
34. *Чирков В.И.* Межличностные отношения, внутренняя мотивация и саморегуляция // Вопросы психологии. 1997. № 3. С. 102—110.
35. *Шильштейн Е.С.* Особенности презентации Я в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 69—79.
36. *Шмальгаузен И.И.* Пути и закономерности эволюционного процесса. М.-Л., 1939.
37. *Эриксон Э.* Идентичность; юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
38. *Эшби У.Р.* Введение в кибернетику. М., 1975.
39. *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. СПб., 1975.
40. *Atkinson J.M.* An introduction to motivation. Princeton, N.J.: Van Nostrand, 1964.
41. *Benware C., Deci E.L.* Quality of learning with an active versus passive motivational set // Amer. Educat. Res. J. 1984. Т. 21. С. 755—65.
42. *Baumeister R.F., Bushman B.J., Campbell W.K.* Self-esteem, narcissism, and ag-

- gression: Does violence result from low self-esteem or from threatened egotism? // *Current Directions in Psychological Science*. 2000. T. 9. C. 26–29.
43. *Baumeister R.F., Smart L., Boden J.M.* Relation of threatened egotism to violence and aggression: The dark side of high self-esteem // *Psychol. Rev.* 1996. T. 103. C. 5–33.
 44. *Cicchetti D., Ackerman B., Izard C.* Emotions and emotion regulation in developmental psychopathology // *Development and Psychopathology*. 1995. T. 7. C. 1–10.
 45. *Crick N.R., Dodge, K.A.* A Review and reformulation of social information-processing mechanisms in children's social adjustment // *Psychol. Bull.* 1994. T. 115. C. 74–101.
 46. *De Charms R.* Personal causation: the internal affective determinants of behavior. N.Y.: Acad. Press. 1968. P. 269–328.
 47. *Deci E.L.* Intrinsic motivation. N.Y.: Plenum, 1975. P. 23
 48. *Deci E.L., Neziek J., Sheinman L.* Characteristics of the rewarder and intrinsic motivation of the rewardee // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1981. T. 7. P. 79–83.
 49. *Dunahoo C.L.* The Tri-axial model of coping: Theory and instrument development // Unpublished doctoral dissertation. Kent State University. Kent, 1996.
 50. *Emde R.N., Spicer P.* Experience in the midst of variation: new horizons for development and psychopathology // *Development and Psychopathology*. 2000. T. 12. C. 313–331.
 51. *Folkman S., Lazarus R.S.* An analysis of coping in a middle-aged community sample // *J. Health and Social Behavior*. 1980. T. 21. C. 219–239.
 52. *Grolnick W.S., Ryan R.M.* Parent style associated with children's self-regulation and competence in school // *J. Educ. Psychol.* 1989. T. 81. C. 143–154.
 53. *Harlow H.F.* Learning and satiation of response in intrinsically motivated complex puzzle performance by monkeys // *J. Compar. and Physiol. Psychol.* 1950. T. 43. C. 289–294.
 54. *Hobfoll S.E., Dunahoo C.L., Ben-Porath Y., Monnier J.* Gender and coping: The dual-axis model of coping // *Am. J. of Community Psychol.*, 1994. T. 22. C. 49–82.
 55. *Hobfoll S.E., Vaux A.* Social support: social resources and social context // *Handbook of stress: theoretical and clinical aspects* / Ed. by L. Goldberger, S. Breznitz. N.Y.: The Free Press. 1993. C. 685–705.
 56. *Hull C.L.* Principles of behavior. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1943.
 57. *Khoshaba D., Maddi S.* Early antecedents of hardiness // *Consulting Psychol. J.* 1999. T. 51. № 2. C. 106–117.
 58. *Kilpatrick D.G., Acierno R., Saunders B.E., Resnick H.S., Best C.L., Schnurr P.P.* Risk factors for adolescent substance abuse and dependence: Data from a national sample // *J. of Consulting and Clinical Psychol.* 2000. T. 68. C. 19–30.
 59. *Luthar S.S., Cicchetti D., Becker B.* The construct of resilience: a critical evaluation and guidelines for future work // *Child Development*. 2000. T. 71. C. 543–562.
 60. *Maddi S.R., Khoshaba D.M.* Hardiness and Mental Health // *J. of Personality Assessment*. 1994. T. 63. № 2. C. 265–274.
 61. *Makhnach A.V., Laktionova A.I.* Social and cultural roots of Russian youth resilience: interventions by state, society, family // *Handbook for working with children and youth. Pathways to resilience across cultures and contexts* / Ed. by M. Ungar. L.: Thousands Oaks – New Delhi: Sage Publications, 2005. C. 371–386.
 62. *Millstein S.G., Petersen A.C., Nightingale E.O.* Adolescent health promotion:

- rationale, goals, and objectives // Promoting the health of adolescents: new directions for the twenty-first century / Ed. by S.G. Millstein, A.C. Petersen, E.O. Nightingale. N.Y: Oxford University Press, 1993. C. 3–10.
63. *Rubin K.H., Coplan R.J., Fox N.A., Calkins S.D.* Emotionality, emotion regulation, and preschoolers' social adaptation // *Development and Psychopathology*. 1995. T. 7. C. 49–62.
 64. *Rutter M., Rutter M.* Developing minds: challenge and continuity across the life span. N.Y: Basic Books, 1993.
 65. *Seligman M.E.P.* Helplessness: on depression, development and death. San Francisco: Freeman, 1975.
 66. *Skinner B.F.* Science and human behavior. N.Y.: Free Press, 1953.
 67. *Slaby R.G., Guerra N.G.* Cognitive mediators of aggression in adolescent offenders: 1st Assessment // *Developmental Psychology*. 1988. T. 24. C. 580–588.
 68. *Ungar M.* A thicker description of resilience // *The International Journal of Narrative Therapy and Community Work*, 2005. № 3–4. C. 89–96.
 69. *Vroom V.H.* Work and motivation. N.Y.: Wiley, 1964.
 70. *Werner E.E.* Risk, resilience, and recovery: perspectives from the Kauai longitudinal study // *Development and psychopathology*. 1993. T. 5. C. 503–515.
 71. *White R.W.* Motivation reconsidered: the concept of competence // *Psychol. Rev.* 1959. T. 66. C. 297–333.
 72. *Williams P.G., Wiebe D.J., Smith T.W.* Coping processes as mediators of the relationship between hardiness and health // *J. of Behavioral Medicine*. 1992. T. 15. № 3. C. 237–255.
 73. *Zahn-Waxler C., Klimes-Dougan B., Slattery M.J.* Internalizing problems of childhood and adolescence: prospects, pitfalls, and progress in understanding the development of anxiety and depression // *Development and Psychopathology*. 2000. T. 12. C. 443–466.
 74. *Zimmerman M.A., Arunkumar R.* Resiliency research: implications for schools and policy // *Social Policy Report*. 1994. T. 8. C. 1–17.

Взаимосвязь полезависимости и индивидуально-личностных характеристик в процессе социальной адаптации

Е.Г. Удачина, С.В. Квасовец, О.П. Стерлигова

Индивидуально-своеобразные способы переработки информации человеком в современной психологии анализируются с точки зрения когнитивных стилей. Когнитивный стиль полезависимость—полenezависимость (ПЗ/ПНЗ) привлекал, пожалуй, самое большое внимание исследователей. Многие авторы полагают, что это является следствием того, что данный стиль проявляется в большинстве психологических явлений. Достаточно большое количество сведений имеется относительно связи показателей ПЗ/ПНЗ с особенностями межличностных отношений.

Так как полезависимые люди в большей степени ориентированы на внешние факторы, они являются более социально-ориентированными. Они более чувствительны к социальным воздействиям, больше зависят от социальных источников информации. Они более склонны к коллективным формам деятельности, легче ладят с другими людьми, разрешают конфликтные ситуации [7, 5].

В то же время полезависимые люди более конформны, менее самостоятельны в принятии решений. При исследовании связи ПЗ/ПНЗ и психологической защиты показано, что полезависимые люди в неопределенной или угрожающей ситуации демонстрируют более простые, неспециализированные формы защит [5].

Таким образом, можно сказать, что оценка полезависимости—полenezависимости является важным аспектом в изучении социальной адаптации.

Широкое распространение получили два метода исследования ПЗ/ПНЗ. Это разработанные Witkin методики: «включенные фигуры» (Embedded Figures Test) и «стержень и рамка» (Rod and Frame Test). Автор предполагал, что эти методики сходным образом оценивают полезависимость—полenezависимость. Однако, согласно ряду данных, эти методики далеко не всегда коррелируют между собой, что объясняется различием психологических механизмов, задействованных при выполнении той и другой задачи [5].

При выполнении методики «включенные фигуры» полезависимость определяется по суммарному количеству решенных задач. Стратегии решения этих задач не учитываются. При выполнении методики «стержень и рамка» при установке стержня в вертикальное положение в условиях предъявления его на фоне наклонной рамки в качестве показателя обычно используется результирующая величина отклонения от вертикали.

Однако каждая проба (установка стержня в вертикальное положение) представляет собой перцептивную задачу, в которой, как мы предполагаем, определенную роль играют собственно полезависимость, т. е. влияние фона (наклонной рамки), неравнозначность полей зрения, а также компенсаторные механизмы, связанные с контролем и регуляцией деятельности.

Чтобы учесть эти факторы, нами была разработана модифицированная методика «стержень и рамка», реализованная в компьютерном варианте и позволяющая более подробно проанализировать роль перечисленных выше механизмов в данной методике оценки ПЗ/ПНЗ. Для сравнения с традиционно применяемыми методами оценки ПЗ/ПНЗ использовалась методика «включенные фигуры».

Целью настоящей работы являлось изучение связи различных аспектов полезависимости—полenezависимости (влияние фона, неравнозначность полей зрения, контроль и регуляция деятельности) с индивидуально-личностными характеристиками испытуемых.

Методика и испытуемые

Использовались две группы методов:

Компьютерная методика, являющаяся модифицированным вариантом методики Witkin «стержень и рамка», и методика «включенные фигуры» (групповой вариант).

Тестовые методики, направленные на изучение:

личностных черт: опросник Кеттелла (форма С), опросник Айзенка ЕРІ; психической дезадаптации: опросник SCL [4]; структуры защитных механизмов: опросник LSI [3].

Методика «включенные фигуры»

Задания этой методики заключаются в нахождении простой фигуры, входящей в состав более сложной. Быстрое решение задач соответствует меньшей зависимости от контекста (сложной фигуры) и свидетельствует о большей полenezависимости. Показателем является количество выполненных за ограниченное время заданий (всего заданий 18).

Модифицированная методика «Стержень и рамка»

Компьютерный модифицированный вариант методики «стержень и рамка» позволял анализировать как точность воспроизведения эталона — вертикали — в отсутствие рамки, так и влияние фона — наклонной рамки, при этом рамка могла предъявляться как целиком, так и в виде фрагментов, расположенных в левом и правом полях зрения.

Классический вариант методики «стержень и рамка» заключается в предъявлении испытуемому наклонной рамки, внутри которой вращается стержень. Задачей испытуемого является установка стержня в вертикальное положение. Исходное положение стержня и угол наклона рамки меняются (по направлению наклона), и полезависимость оценивается как величина отклонения стержня от вертикали. При этом начальное положение стержня и направление наклона рамки не учитывается. Не учитывается также направление и степень ошибки при установке стержня в вертикальное положение в отсутствие рамки, что не связано с собственно полезависимостью (поскольку фон отсутствует), но оказывает определенное влияние на получаемые значения.

Мы полагаем, что, при исследовании индивидуально-личностных характеристик, связанных с ПЗ/ПНЗ, необходим анализ различных аспектов, участвующих в формировании оценки полезависимости-полнезависимости: во-первых, собственно полезависимости, которая заключается в увеличении наклона стержня при предъявлении фона (наклонной рамки) в ту сторону, в которую наклонена рамка, по сравнению с тем, как стержень устанавливается в отсутствие рамки; во-вторых, влияния неравнозначности полей зрения; в-третьих, стратегии испытуемого, направленной на контроль и компенсацию перцептивных искажений, вносимых фоном.

Для решения поставленных задач использовались изображения стержня без рамки, стержня с рамкой, а также стержня и элементов рамки, предъявляемых раздельно в левое и правое полуполя зрения (рисунок 1).

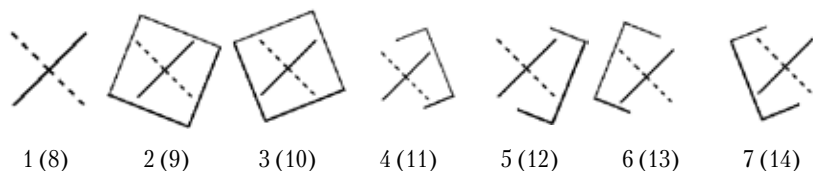

Рис. 1. Стимульные конфигурации, использовавшиеся в модифицированной методике «стержень и рамка». Без скобок — номера ситуаций с начальным положением стержня 45 градусов (сплошная линия). В скобках — номера ситуаций с начальным положением стержня —45 градусов (пунктирная линия).

Как показано на рисунке 1, всего использовалось 14 ситуаций, различающихся по исходному положению стержня (45 или -45 градусов), направлению наклона рамки, положению фрагментов рамки. Угол наклона рамки равнялся 28 или -28 градусам. Все ситуации были рандомизированы по порядку предъявления и предъявлялись многократно для того, чтобы повысить надежность получаемых результатов. Количество предъявлений в случае ситуаций 1(8), 2(9) и 3(10) равнялось 10, остальные ситуации предъявлялись по 5 раз. Шаг перемещения (поворота) стержня составлял 1 градус.

Для анализа величины собственно полезависимости из значений наклона стержня в условиях предъявления рамки (или ее фрагментов) вычитались средние значения наклона стержня, полученные в ситуациях, когда стержень предъявлялся без рамки. Забегая вперед, отметим, что в отсутствие рамки, при установлении стержня в вертикальное положение в случае движения его справа налево, т. е. при начальном положении 45 градусов (рисунок 1, ситуация 1), результаты существенно отличались от тех, что получались при движении стержня слева направо (рисунок 1, ситуация 8). Поэтому при формировании показателей, характеризующих собственно полезависимость, из значений наклона стержня в условиях предъявления фона вычитались значения, полученные в отсутствие фона именно для этого исходного положения стержня.

Анализировались также обобщенные показатели, например, величина полезависимости независимо от направления наклона рамки. В этих случаях при отрицательном угле наклона рамки величина полезависимости учитывалась с обратным знаком. Другими словами, положительные значения полезависимости всегда, независимо от угла наклона рамки, соответствовали тому, что результирующая позиция стержня имела больший наклон в ту же сторону, что и рамка, чем в условиях предъявления его без рамки.

В работе анализировались следующие показатели:

1. Показатель методики «включенные фигуры».
2. Среднее значение угла установки стержня в отсутствие рамки, независимо от исходного положения.
3. Средне-квадратичное отклонение установки стержня в отсутствие рамки.
4. Среднее значение угла установки стержня в отсутствие рамки при исходном положении 45° (наклон вправо).
5. Среднее значение угла установки стержня в отсутствие рамки при исходном положении -45° (наклон влево).
6. Среднее значение угла установки стержня на фоне рамки, независимо от наклона рамки.
7. Среднее значение угла установки стержня на фоне рамки, рамка наклонена вправо.

8. Среднее значение угла установки стержня на фоне рамки, рамка наклонена влево.
9. Среднее значение угла установки стержня на фоне фрагментов рамки, предъявляемых в правое поле зрения.
10. Среднее значение угла установки стержня на фоне фрагментов рамки, предъявляемых в левое поле зрения.

При создании методики учитывалась необходимость отсутствия каких-либо визуальных ориентиров вертикали и горизонтали. Во-первых, использовались программные средства, исключающие искажения графических изображений стержня и рамки вследствие ограниченного разрешения монитора. Во-вторых, вертикальные и горизонтальные элементы монитора маскировались с помощью специальной маски (черный круг с отверстием, внешний диаметр круга равен размеру монитора по диагонали, диаметр отверстия равен высоте рабочей части дисплея). В третьих, обследование проводилось в полностью затемненном помещении.

Было обследовано 52 человека, 24 женщины и 28 мужчин в возрасте от 19 до 28 лет, средний возраст испытуемых 23,5 года.

Результаты и обсуждение

Соотношения показателей модифицированной методики «стержень и рамка»

В таблице 1 представлены средние значения показателей методик «включенные фигуры» и модифицированной методики «стержень и рамка». Среднее значение наклона стержня в отсутствие рамки отрицательно. При движении стержня справа налево (исходное положение 45°) величина отрицательного наклона существенно больше, чем при движении слева направо (исходное положение -45°). Сравнение этих ситуаций с помощью критерия Вилкоксона показывает, что различия показателей 4 (движение стержня справа налево) и 5 (движение стержня слева направо) достоверны на весьма высоком уровне значимости ($T = 213$, $Z = 4.097$, $p = 0.000042$).

Эти данные свидетельствуют о неравнозначности левого и правого полуполя зрения: левая половина зрительного поля обладает большей значимостью, поэтому наклон стержня в отсутствие рамки в среднем отрицателен. При движении стержня справа налево (по градиенту значимости) большая значимость левой половины зрительного поля способствует определенной «инерции», ведущей к большим отрицательным значениям, а при движении слева направо (против градиента значимости) большая значимость левой половины зритель-

Таблица 1. Средние значения и средние квадратичные отклонения показателей методик «включенные фигуры», «стержень и рамка» и модифицированной методики «стержень и рамка»

№	Показатель	M	SD
1	Включенные фигуры	14.556	2.932
<i>Стержень в отсутствие рамки</i>			
2	Независимо от исходного положения	-.525	1.107
3	Индивидуальное средне-квадратичное	1.089	.456
4	Исходное положение – наклон вправо (45°)	-.772	1.194
5	Исходное положение – наклон влево (-45°)	-.277	1.150
<i>Стержень на фоне рамки</i>			
6	Независимо от наклона рамки	.478	.878
7	Рамка наклонена вправо (28°)	.200	.956
8	Рамка наклонена влево (-28°)	.753	1.190
<i>Стержень на фоне фрагментов рамки</i>			
9	Фрагменты рамки в правом поле зрения	.417	.662
10	Фрагменты рамки в левом поле зрения	.568	.664

ного поля препятствует этой «инерции», приводя также к отрицательным, но гораздо меньшим значениям.

Из результатов, представленных в таблице 1, видно, что величина полезависимости при наклоне рамки влево (показатель 8, ситуация 3(10), рисунок 1) значительно больше, чем величина полезависимости при наклоне рамки вправо (показатель 7, ситуация 2(8), рисунок 1). Это различие в высокой степени достоверно (критерий Вилкоксона, $p = 0.0034$).

Необходимо отметить также, что величина полезависимости при предъявлении фрагментов рамки в левое поле зрения (показатель 10) больше, чем при предъявлении их в правое поле зрения (показатель 9). Эти различия достоверны (критерий Вилкоксона, $p = 0.048$).

Полученные результаты свидетельствуют, что влияние фона (наклонной рамки или ее фрагментов) в значительной степени зависит от неравнозначности различных частей перцептивного поля, при этом существенное значение имеют и направление наклона рамки, и исходное положение стержня.

Неравнозначность полей зрения при предъявлении стержня в отсутствие рамки проявляется в том, что, во-первых, средний угол наклона стержня отрицателен; во-вторых, результирующий наклон стержня при движении его справа налево существенно больше, чем при движении слева направо.

В условиях предъявления наклонной рамки неравнозначность полей зрения влияет на величины собственно полезависимости: при наклоне рамки влево величина полезависимости достоверно больше,

чем при наклоне рамки вправо. При предъявлении фрагментов рамки в левое поле зрения полезависимость достоверно больше, чем при предъявлении их в правое поле зрения.

Полученные результаты согласуются с точкой зрения, что независимость от поля связана в большей степени с активностью левого полушария, а полезависимость — с активностью правого [6].

Показатели ПЗ/ПНЗ и индивидуально-личностные характеристики

В таблице 2 приведены коэффициенты ранговой корреляции между показателями методик оценки ПЗ/ПНЗ со значениями шкал опросника Кеттела.

Из результатов, представленных в этой таблице, видно, что фактор А опросника (общительность) коррелирует с низкими значениями (т. е. с полезависимостью) по методике «включенные фигуры», а также практически со всеми показателями полезависимости методики «стержень и рамка».

Фактор Е опросника Кеттела (подчиненность—доминантность) коррелирует с наклоном стержня в отсутствие рамки: чем менее отри-

Таблица 2. Корреляции (по Спирману) значений шкал опросника Кеттела и показателей методик оценки ПЗ/ПНЗ. Достоверные коэффициенты ($p < 0.05$) выделены жирным шрифтом

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
A	-.450	-.112	.336	-.123	-.135	.413	.104	.478	.403	.380
B	-.089	.023	.216	-.055	.102	-.028	-.058	.016	.193	-.006
C	.167	.078	-.064	.112	.058	-.004	-.109	.080	-.033	.021
E	.133	.362	.048	.256	.391	-.111	.204	-.243	-.029	-.006
F	.005	.090	.048	-.002	.081	.258	.282	.081	.249	.192
G	-.022	-.101	-.087	-.123	-.071	.163	-.014	.289	.087	.060
H	-.094	-.032	.055	-.081	.014	.321	.356	.200	.248	.339
I	.025	.068	.145	.165	.008	-.237	-.349	-.087	-.041	-.180
L	.392	.159	-.060	.171	.093	-.057	.232	-.263	-.014	-.095
M	.179	.070	.134	.097	.090	-.099	-.211	-.043	.008	-.123
N	.085	-.152	.059	-.043	-.248	-.058	-.126	-.072	-.038	.018
O	-.294	-.024	.297	-.080	.020	.105	.067	.057	.175	.041
Q1	.063	.068	.002	.093	.057	-.389	-.204	-.413	-.262	-.380
Q2	.447	.180	.017	.198	.205	-.276	-.031	-.352	-.029	-.321
Q3	.050	-.010	-.258	-.000	.029	.235	.232	.085	.151	.056
Q4	.029	-.000	.110	.002	-.026	.198	.157	.183	.179	.220

Обозначения показателей методик ПЗ/ПНЗ — те же, что в таблице 1.

цательным является этот наклон, чем менее акцентуированным является левое поле зрения, тем выше доминантность. Таким образом, этот фактор связан, скорее, не с полезависимостью, а с функциональной асимметрией полушарий.

В противоположность этому, фактор Н (робость—смелость) опросника Кеттелла коррелирует с показателями полезависимости — чем выше полезависимость, особенно при предъявлении рамки в левое полуполе зрения, тем ниже реактивность на угрозу и выше активность в социальных контактах.

Аналогично этому и факторы Q1 (консерватизм—радикализм) и Q2 (конформизм—нонконформизм) коррелируют с показателями полезависимости: чем выше полезависимость (опять-таки в основном при предъявлении рамки в левое поле зрения), тем более консервативности и конформизма проявляет испытуемый. Фактор Q2, кроме того, коррелирует с полнезависимостью, определяемой с помощью методики «включенные фигуры».

Фактор О — тревожность — коррелирует с полезависимостью по методике «включенные фигуры», а также с дисперсией, т. е. с большим разбросом при установке стержня в вертикальное положение в отсутствие рамки.

Фактор L (доверчивость—подозрительность) коррелирует с полнезависимостью по методике «включенные фигуры», т. е. более доверчивыми и менее подозрительными в социальных контактах являются полезависимые люди.

В целом полученные результаты согласуются с имеющимися данными о большей социальной ориентированности полезависимых людей. Полезависимость оказывается связанной с общительностью, активностью в социальных контактах, конформностью. Вместе с тем следует отметить, что результаты разных методик оценки полезависимости во многих случаях коррелируют с различными факторами опросника. Кроме того, отдельные результаты свидетельствуют о том, что, помимо полезависимости, определенную роль в регуляции социального поведения играет асимметрия полушарий мозга — при установке стержня в отсутствие рамки левополушарная активность, проявляющаяся в уменьшении отрицательного наклона стержня, коррелирует с направленностью на социальное доминирование.

В таблице 3 представлены коэффициенты ранговой корреляции между показателями методик оценки ПЗ/ПНЗ и значениями шкал опросника Айзенка.

Можно видеть, что все показатели полезависимости по методике «стержень и рамка» достоверно коррелируют с экстраверсией. Эти результаты также соответствуют представлениям о полезависимости как связанной с большей ориентированностью на внешние источники

Таблица 3. Корреляции (по Спирману) значений шкал опросника Айзенка и показателей методик ПЗ/ПНЗ. Достоверные коэффициенты ($p < 0.05$) выделены жирным шрифтом

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
L	-0.14	-0.064	-0.078	-0.024	-0.083	-0.255	-0.294	-0.041	-0.088	-0.133
EXTR	-0.169	.264	.160	.157	.276	.412	.331	.404	.339	.314
NEV	-0.018	-0.127	.050	-0.122	-0.124	.155	.127	.047	-0.008	.090

Обозначения показателей методик ПЗ/ПНЗ — те же, что в таблице 1.

Таблица 4. Корреляции (по Спирману) значений шкал опросника SCL и показателей методик ПЗ/ПНЗ. Достоверные коэффициенты ($p < 0.05$) выделены жирным шрифтом

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
SOM	.030	.087	-0.126	.015	.146	-0.179	-0.090	-0.112	-0.235	-0.326
OC	.105	-0.092	-0.097	.009	-0.173	-0.058	-0.015	-0.061	-0.084	.055
INT	-0.021	-0.376	.029	-0.382	-0.265	-0.033	-0.166	.077	-0.075	.032
DEP	-0.080	-0.138	.077	-0.103	-0.160	-0.301	-0.232	-0.347	-0.154	-0.150
ANX	-0.285	.020	-0.003	.019	-0.014	.024	.064	-0.005	.039	.015
HOS	-0.039	.153	.001	.140	.112	.180	.165	.130	.149	.274
PHB	-0.032	-0.276	-0.042	-0.343	-0.244	.109	.109	-0.009	.080	.200
PAR	.215	-0.019	-0.053	-0.089	-0.012	.107	.215	-0.131	.094	.071
PSY	-0.015	-0.066	.022	-0.106	-0.042	.068	.083	-0.022	.010	-0.145
ADD	.165	.055	.104	.019	.139	.137	.115	.130	.265	.047
GSI	-0.034	-0.027	.097	-0.083	-0.014	.047	.066	-0.082	.098	.056
PST	.042	-0.105	.055	-0.156	-0.081	.128	.164	-0.083	.090	.108
PSD	-0.226	.139	.124	.114	.124	-0.117	-0.101	-0.148	.049	-0.080

Обозначения показателей методик ПЗ/ПНЗ — те же, что в таблице 1.

информации. Нужно отметить, что по результатам методики «включенные фигуры» полезависимость, оцениваемая с помощью этой методики, с экстраверсией не коррелирует.

В таблице 4 показаны коэффициенты корреляции показателей методик оценки ПЗ/ПНЗ и значений шкал опросника SCL.

Согласно приведенным в таблице 4 данным, полезависимость, определяемая с помощью методики «включенные фигуры», не коррелирует ни с какими шкалами опросника.

Показатели методики «стержень и рамка» коррелируют со шкалой соматизации (SOM), отражающей дистресс, возникающий из ощущения телесной дисфункции [4], при этом имеет место отрицательная корреляция в случае, когда фрагменты рамки предъявляются в левое поле зрения. Иными словами, полезависимость в этой ситуации связана с меньшей выраженностью соматизации.

Таблица 5. Корреляции (по Спирману) значений шкал опросника LSI и показателей методик ПЗ/ПНЗ. Достоверные коэффициенты ($p < 0.05$) выделены жирным шрифтом

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Отрицание	-.175	.063	-.038	.010	.077	-.002	-.043	.171	-.044	.094
Подавление	.088	.061	-.154	.090	.039	.052	.141	.018	.019	-.109
Регрессия	-.176	-.035	.143	-.019	-.070	.275	.020	.353	.122	.160
Компенсация	-.280	-.210	.182	-.261	-.176	.123	-.050	.119	-.001	-.080
Проекция	.546	.152	-.155	.124	.123	.046	.311	-.209	.082	.010
Замещение	.171	.434	-.223	.426	.362	.105	.393	-.186	.187	.053
Интеллектуализация	-.049	-.218	.157	-.208	-.167	.059	-.032	-.028	.083	.102
Реактивное образование	-.049	-.357	.105	-.299	-.345	-.173	-.305	-.023	-.067	.016

Обозначения показателей методик ПЗ/ПНЗ — те же, что в таблице 1.

Далее, показатели полезависимости, особенно в случае предъявления рамки, повернутой влево, отрицательно коррелируют со значениями шкалы депрессии (DEP).

Значения шкалы межличностной сензитивности (INT), определяющей чувства личностной неадекватности и неполноценности в сравнении себя с другими, негативных ожиданий в отношении межличностного взаимодействия, отрицательно коррелируют с отклонением стержня в отсутствие рамки, особенно в случае, когда в исходном положении стержень наклонен вправо. Другими словами, чем больше выражены асимметрия зрительного поля, доминирование левого полуполя зрения, тем выше значения шкалы межличностной сензитивности. Сходную структуру имеют и корреляции шкалы фобической тревожности (РНВ). Поскольку эти шкалы (INT и РНВ) не коррелируют с показателями полезависимости, можно думать, что отмеченные корреляционные связи обусловлены полушарной асимметрией, доминированием правого полушария.

В таблице 5 приведены коэффициенты корреляции показателей методик оценки ПЗ/ПНЗ со значениями шкал опросника LSI.

Можно отметить, что степень независимости от поля, определяемая с помощью методики «включенные фигуры», коррелирует с выраженностью защитного механизма проекции.

Полезависимость при наклоне рамки влево коррелирует с выраженностью такого защитного механизма, как регрессия.

Механизмы защиты «замещение» и «реактивное образование» коррелируют с наклоном стержня в отсутствие рамки, т. е. связаны с неравнозначностью полей зрения и таким образом, как мы полагаем, с функциональной асимметрией полушарий. Защитный механизм «за-

Таблица 6. Сравнение (критерий Манна-Уитни) группы испытуемых с «гиперкомпенсацией» (группа 2) с остальными испытуемыми (группа 1). Приведены только достоверные различия

	U	Z	P
Cat_H	14.5	2.272	0.021
Cat_Q1	20.0	-2.043	0.038
SCL_GSI	28.0	-2.288	0.022
SCL_PST	35.5	-2.020	0.043
SCL_PSD	29.5	-2.235	0.025
LSI_INT	16.0	-2.210	0.027
EPI_EXTR	11.0	2.418	0.015

мещение» коррелирует с наклоном стержня положительно, т. е. левое полушарие зрения в случае выраженности этого механизма доминирует в меньшей степени и баланс активности полушарий смещен в сторону левого полушария. Защитный механизм «реактивное образование» коррелирует с наклоном стержня отрицательно, т. е. при выраженности этого типа защиты стержень в большей степени смещается в отрицательную сторону, что говорит о большей значимости левого поля зрения и, по-видимому, большей активности правого полушария.

В ходе анализа полученных результатов было обнаружено, что при суммарной обработке, т. е. при анализе ПЗ/ПНЗ независимо от ориентации рамки и стержня, некоторые испытуемые показывают результаты, которые мы назвали «гиперкомпенсацией», т. е. отклонение стержня у них наблюдалось в сторону, противоположную наклону рамки, независимо от направления этого наклона, причем в степени, существенно превышающей истинную вертикаль. Эти испытуемые, по-видимому, характеризуются повышенной степенью самоконтроля и корректируют свою деятельность (стремясь избежать навязываемого фоном поведения) в значительно большей степени, чем другие испытуемые.

Мы выделили этих испытуемых в отдельную группу (6 человек) и сравнили показатели индивидуально-личностных характеристик в этой группе и в группе остальных испытуемых.

В таблице 6 приведены результаты этого сравнения. Оставлены только достоверные ($p < 0.05$) результаты. Можно видеть, что испытуемые с «гиперкомпенсацией» характеризуются повышенной реактивностью на угрозу, малой активностью в социальных контактах (фактор Н опросника Кеттела), аналитичностью мышления и отсутствием ориентации на авторитеты (фактор Q1), повышением всех общих индексов дистресса по опроснику SCL, что говорит о большей выраженности психической дезадаптации. У этих испытуемых в большей степени, чем у остальных, выражен защитный механизм «интел-

лектуализация», а по данным опросника Айзенка они в значительной степени более интровертированы.

Анализ полученных результатов позволяет говорить о том, что показатели ПЗ/ПНЗ, полученные с помощью разных методик — методики «включенные фигуры» и модифицированной методики «стержень и рамка» — коррелируют с различными показателями индивидуально-личностных характеристик. Далее, в показателях методики «стержень и рамка» выделяются два фактора: собственно полезависимость, определяемая как влияние фона на точность установления вертикали, и неравнозначность левого и правого полей зрения, проявляющаяся при установлении вертикали в отсутствие фона. Как известно, последний фактор в значительной степени связан с функциональной асимметрией полушарий мозга [1, 2].

Полученные в нашей работе результаты можно разбить на две группы. Во-первых, это данные, относящиеся к связи полезависимости с социальной ориентированностью и адаптацией. Корреляции с показателями опросников Кеттела и Айзенка показывают, что полезависимые испытуемые достоверно больше экстравертированы, у них выше показатели общительности, социальной активности, они более консервативны и конформны. Эти результаты согласуются с литературными данными о большей социальной ориентированности людей с повышенной зависимостью от поля [7, 5]. Согласно нашим данным, полезависимые испытуемые также характеризуются меньшей выраженностью признаков психической дезадаптации, проявляющихся в соматизации, т. е. переживании телесных дисфункций, а также меньшей выраженностью депрессивной симптоматики. При анализе механизмов психологической защиты обнаружено, что степень полезависимости (по данным методики «стержень и рамка») коррелирует с выраженностью такого защитного механизма, как регрессия, а по показателям методики «включенные фигуры» отрицательно коррелирует с защитным механизмом «проекция».

Вторая группа результатов относится к данным, связанным с асимметрией поля зрения и, тем самым, с функциональной асимметрией полушарий. Выявлено, что испытуемые с преобладанием левого поля зрения (правого полушария) менее доминантны в социальных отношениях, при рассмотрении признаков психической дезадаптации у них в большей степени выражена межличностная сензитивность (чувство неполноценности в социальных контактах, негативные ожидания в социальных отношениях) и фобическая тревожность. В области психологических защит доминирование левого поля зрения (правого полушария) связано с такой защитой, как реактивное образование, а доминирование правого поля зрения — с защитным механизмом «замещение».

Заключение

В нашем исследовании показана связь полезависимости—поле-независимости с социальной ориентированностью, социальной адаптацией, признаками психической дезадаптации, структурой психологических защит. Кроме того, при использовании модифицированной методики «стержень и рамка» обнаружено, что асимметрия полей зрения, связанная с асимметрией полушарий мозга, также коррелирует с показателями психической и социальной адаптации. Эти механизмы (собственно полезависимость и функциональная асимметрия полушарий) являются независимыми и, в ряде случаев, разнонаправленными. Результирующее поведение, по-видимому, для каждого конкретного испытуемого связано с взаимодействием отмеченных факторов.

В будущих исследованиях необходимо учитывать такие важные аспекты, как, например, гендерные различия, которые проявляются как в индивидуальных особенностях когнитивного стиля ПЗ/ПНЗ, так и в их связях с личностными характеристиками и показателями социальной адаптации.

Литература

1. Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. М., 1981.
2. Николаенко Н.Н. Функциональная асимметрия мозга и структура зрительного поля. Физиология человека, 1989. т. 15. № 6. С. 8—15.
3. Романова Е.С. Психодиагностика. СПб.: Питер, 2006.
4. Тарабрина Н.В. (ред.) Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.
5. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. М., 2002.
6. Хомская Е.Д., Ефимова Н.В., Бudyка Е.В., Ениколопова Е.В. Нейропсихология индивидуальных различий. М., 1997.
7. Witkin H.A., Goodenough D.R. Field dependence and interpersonal behavior. Psychol. Bulletin. 1977. V. 84. P. 661—689.

Опыт категоризации и выделения новых и существенных параметров объекта в процессе адаптации¹

Т.А. Ребеко

Проблема получения, использования и трансляции знаний является многоаспектной и комплексной. Несмотря на многообразие теоретических и прикладных подходов, категория «знание» часто рассматривается в соотнесении с критериями «истинности», хотя операционализация этих критериев может кардинально различаться в зависимости от теоретических представлений о сущности знаний.

Особенно явно связь категорий «знания» и «истинность» прослеживается в прикладных дисциплинах, в которых проблематика «знаний и познания» сводится к разработке обучающих технологий, цель которых состоит в организации процессов усвоения и модификации знаний, в контроле за их нормативным использованием и адекватной трансляцией.

Адаптация или коррекция «старых» знаний применительно к изменившимся «новым» условиям предполагает реконструкцию имплицитных схем и изменение процедур их использования. Теоретическая проблема, возникающая при такой трактовке проблемы адаптации знаний, фактически воспроизводит проблему соотношения и взаимодействия теоретического и практического интеллектов.

Хотя широко распространенным является представление о нетождественности (и даже дополнительности) теоретического и практического интеллектов, научных и житейских понятий, эксплицитного и неявного знания, все же доминирующим долгое время оставалось сведение сущности знаний к форме категорий. Именно этим можно объяснить и поныне не вполне «легальный» с позиций строгой научности статус таких понятий, как «социальный интеллект», «ментальный опыт» и «компетентность».

Моделью истинного знания традиционно считалось знание категориальное. Категории и их структуры фактически рассматривались в качестве «ментального» референта знаний. Если проанализиро-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, номер проекта 03-06-80192.

вать теории, оказавшие самое большое влияние на корпус психологических идей, то с очевидностью выявляется, что критериями зрелых форм интеллекта и процессов интеллектуального развития являются категориальные структуры.

Методологи науки отмечали, что аристотелевское понимание категорий заложило принцип, определяющий как основной каркас теоретических построений, так и программу эмпирических исследований. Система категорий постулировалась как относительно стабильная, организованная по принципу таксономии и удовлетворяющая системе аксиом аристотелевской логики. Естественным следствием «аристотелевской» модели мира стало понимание структуры нормативного знания как организованного в соответствии с таксономической структурой категорий. Именно в рамках данной исследовательской программы возникли дихотомии в качестве своеобразных протестных реакций на сугубо «логическое» толкование знаний. Эти дихотомии, а точнее сказать, антитомии, фиксировали «иные» теоретические модели форматов знаний, уточняющие или дополняющие воззрения на знания исключительно лишь как на структуру категорий: вербальный/образный, аналоговый/пропозициональный, холистический/аналитический и пр.

Если согласиться с точкой зрения, согласно которой процесс усвоения знания сводится к освоению и ментальному воспроизведению категориальной системы, то логически обоснованным является представление об атомарной репрезентации объектов. Поскольку объекты моделировались посредством множества атомарных параметров, различные психологические теории идентификации, опознания, классификации и категоризации различались лишь алфавитом существенных параметров, логическими операциями на всем множестве параметров и критериями истинности/ложности. Таким образом, психологические модели знаний воспроизводили атомарное представление о сущности, содержании и соотношении категорий. «Раньше в теориях категоризации предполагалось, что объекты репрезентируются в памяти как наборы признаков. ... Например, чтобы идентифицировать чашку, некто должен выделить емкость и ручку, прежде чем идентифицировать собственно чашку» [24, р. 681].

Логическим следствием из такого понимания сущности категорий является представление о том, что объекты, обладающие общими свойствами, должны быть похожи. В эмпирической процедуре, разработанной для реконструкции ментальной категориальной структуры, использовался критерий, позволяющий оценить верность или ошибочность отнесения объекта к какой-либо категории — отношение сходства. Мы хотим подчеркнуть, что операция установления сходства, будучи исключительно эмпирической процедурой оценки,

превратилась в теоретический конструкт. Сходство, обслуживающее в качестве эмпирического критерия психофизический метод «да-нет», приобрело онтологический статус и стало интерпретироваться как мера идентичности ментальных объектов, описываемых с помощью стабильных признаков.

На протяжении долгого времени представление об атомарных признаках в качестве базового основания категории оставалась непреложной аксиомой и процесс научения сводился к освоению этого стабильного набора признаков. И хотя этот набор признаков теоретизировался с помощью разных моделей (сети, таксономии, нечетких множеств, распределений и пр.), онтологическая сущность категорий оставалась неизменной. Категория описывалась как организованная в соответствии с принципами необходимости и достаточности.

Несмотря на то, что необходимые и достаточные признаки, а также образуемые с их помощью таксономии позволяли неплохо моделировать стабильное знание, возникло противоречие, которое сначала интерпретировалось как «экспериментальный шум». Так, Д. Медин и Б. Шаффер показали, что мера принадлежности объекта к какой-либо категории определяется тем, насколько данный объект похож на другие объекты данной категории [25]. Примерно в это же время появляются модели репрезентации и памяти (контрастные, контекстные), в которых учитывается факт сравнения объекта не только с членами «своей» категории, но и с контрастной категорией. Многочисленные данные свидетельствовали о том, что принадлежность к конкретной категории зависит не только от сходства с членами своей категории, но и от «некатегориального» контекста или «опыта».

Одновременно исследователи столкнулись с проблемой неравноценности фактов, формально принадлежащих к одной категории. Впервые этот факт был зафиксирован Э. Рош (1975), которая ввела понятие репрезентативности факта, выделила несколько уровней в категориальной структуре и реанимировала понятие прототипа, введенного В. Виттгенштейном.

Выделение прототипа в качестве наиболее репрезентативного примера категории на базовом (промежуточном) уровне абстракции (или структуры таксономии), по существу, оказалось серьезным теоретическим вызовом аристотелевскому пониманию категорий. Прежде всего, прототип нарушал аксиому симметрии, т. е. прототип «санкционировал» наблюдаемое несходство при сравнении двух членов, относящихся к одному уровню таксономии, но различающихся в степени типичности. Например, А. Тверски [7] показал, что Красный Китай больше похож Южную Корею, чем Южная Корея на Красный Китай.

Не углубляясь в обсуждения истории дискуссии о природе прототипа, укажем, что именно прототипичность, зафиксированная сначала

просто в качестве эмпирического феномена, позволила пересмотреть теоретический постулат о неизменности параметров, используемых при категоризации.

Л. Барсалу, а также Дж. Марфи и Д. Медин поставили проблему «что есть признак», о природе корреляционной структуры признаков и недостаточности совпадения или сходства признаков [25, р. 493]. Они показали, что «категория не обязательно отражает отношения сходства по признакам между членами» [цит по: 25, р.493], и структура категории не остается стабильной.

Ж.-Фр. Ле Ни [18] ввел конструкт «профиль признаков» для описания категориального членства и его изменчивости. В работе Фр. Кордые [10] было показано, что изменение несущественных (субдоминантных) признаков приводит к изменению всего «профиля признаков», что, в свою очередь, обуславливает процесс категоризации того или иного явления, а следовательно, и способ поведения.

Результатом «ослабления» жестких аксиом логики явились теории категоризации, в которых признаки подразделялись на необходимые и факультативные. Фактически был поставлен под сомнения основополагающий постулат о стабильности «словаря» признаков. Например, С. Амстронг, Л. Глейтман, Х. Глейтман [25] показали, что даже в хорошо структурированных категориях (четные числа) наблюдаются градиенты «членства», т. е. имеются более и менее «правдоподобные» четные числа.

Особую теоретическую трудность вызывает моделирование ситуаций, в репрезентации которых участвуют не все необходимые признаки. В реальной жизни наряду с объектами, обладающими достаточно четкой категориальной принадлежностью (например, искусственные объекты, объекты, полученные путем дедукции из аксиом), имеется огромное множество объектов, которые только с некоторой вероятностью могут быть отнесены к той или иной категории.

Ф. Шайнс и Р. Люк [24] в теоретическом обзоре теорий категоризации указывают на то, что в ранних теориях уделялось недостаточно внимания природе самих компонентов и что «классификация и процессы научения оперируют на стабильном анализе признаков». «Действительно ли эти компоненты образуют фиксированный словарь, существующий до опыта с объектами, или же признаки выучиваются и развиваются по мере того, как организм репрезентирует мир?» [24, р. 681]. Авторы показали, что признаки «формируются» по мере овладения категорией.

Экспериментальной парадигмой, позволяющей реконструировать ментальную репрезентацию знаний, стала парадигма освоения категорий и разработка процедур для оценки изменений «словаря» используемых параметров в зависимости от содержания знаний («ос-

военных» и «новых»). С помощью исследовательской парадигмы «эксперт-новичок» было показано, что не только алфавит признаков, но и система верификации исследовательских гипотез кардинально различаются в двух группах в зависимости от уровня квалификации. Опыт чтения рентгеновских снимков, категоризация дерматозов, интерпретация шахматных позиций свидетельствуют о том, что новички не всегда способны увидеть признаки, которыми оперируют эксперты.

Одно из объяснений «неравного» видения фактов предложили Дж. Марфи и Д. Медин (1985). Авторы исходят из того, что люди имеют «наивные теории», или «основу знаний», которые определяют градуальную структуру категорий [25, р. 493]. Результатом формирования опыта является «когерентный концепт», который «согласуется с нашими прочими знаниями».

Ж. Верньо [2] ввел понятие «концептуального поля», с помощью которого можно объяснить, как усвоение новых понятий зависит от освоенности прочих понятий, входящих в концептуальное поле. Примерами концептуальных полей в области математики являются структуры сложения, вычитания, и пр. В модель ментального опыта М.А. Холодной [6] вводится понятие «компетентности». Компетентный человек — не тот, кто «знает» признаки, а тот, кто умеет в зависимости от ситуации выбирать «нужные» признаки.

Итак, факты влияния осведомленности (наивных теорий, компетенции) на результат освоения нового знания привели к пересмотру методологического подхода, лежащего в основе **атомарного** воззрения на природу знаний и разработке **молярного** подхода в моделировании ментальной репрезентации.

Суть данного подхода состоит в том, что ментальные структуры, адсорбирующие параметры, необходимые для категоризации, сами претерпевают модификацию. Поэтому результат репрезентации теоретически неправомерно рассматривать без процесса (истории) получения опыта. Большинство исследователей соглашаются с тем, что всякий акт ментального реагирования не только приводит к порождению «новых знаний» с позиций «атомарной» идеологии (в том смысле, что новые факты «пакуются» в старые схемы), но и порождает новые структуры. Однако теоретически «открытым» и дискутируемым остается вопрос о механизмах модификации ментальных структур.

Один из предлагаемых вариантов решения вопроса о механизмах модификации ментального опыта в результате усвоения нового опыта был предложен К.Р. Ливингстон [20]. Автор показала, что при категоризации объекта изменяется его репрезентация в ментальном пространстве, т. е. сам факт категоризации влияет на репрезентацию объектов. Если испытуемые обучались классифицировать объекты в

одну категорию, то эти объекты оценивались как более похожие по сравнению с объектами, принадлежащими другим категориям или «бескатегориальным» [20, р. 735]. Резюмируя выводы автора, можно сказать, что структура ментального пространства не остается неизменной «сеткой координат», при проецировании на которую объекты получают свою топикку.

Ф. Шайнс и Р. Голдстоун [23] провели эксперимент на материале лиц, полученных в результате градуального изменения (смещения) нескольких параметров. Авторы использовали процедуру морфинга и показали, что в том случае, если объекты (лица) заучиваются как принадлежащие к разным категориям, но являются перцептивно очень похожими, «отыскиваются аспекты, которые позволяют осуществить дискриминацию между категориями, и наблюдается эффект расширения». «Если объекты очень различаются, но относятся к одной категории, то наблюдается феномен сжатия» [23, р. 496].

Приведенные результаты позволяют утверждать, что репрезентация объекта изменяется при отнесении его к той или иной категории, а также зависит как от других объектов, входящих в данную категорию, так и от содержания (объектов) смежной категории. Феномены «внутрикатегориальной компрессии» и «межкатегориального расширения» [23] побуждают исследователей учитывать при моделировании механизмов категоризации не только параметры объектов (перцептивные, функциональные), но и опыт категоризации.

Если «опыт категоризации» ограничить только контекстом и рассматривать последний в качестве одной из независимых, но контролируемых переменных, то теоретические выводы вполне согласуются с атомарной парадигмой. Действительно, в многочисленных экспериментальных исследованиях получены неоспоримые факты, свидетельствующие о зависимости когнитивной продуктивности от контекста и целей деятельности.

Однако к понятию «опыт категоризации» можно подойти с позиций молярного подхода и рассматривать его как «неконтролируемую» переменную, которая изменяется в зависимости от целей деятельности. Именно такое понимание позволило некоторым авторам предположить, что наряду со стабильной системой знаний существует временная, или ситуативная. Л. Барсалу для описания временных структур знаний [9] ввел понятие «ad hoc категории». По определению, ad hoc категории изменяются в зависимости от контекста и служат выполнению определенной когнитивной задачи. Собственно говоря, именно необходимость моделирования временных репрезентаций побудила исследователей «пересмотреть» структуру ментальных категорий: онтология ментального опыта, включающая обязательные признаки (параметры, факторы, детерминанты), была

дополнена временными параметрами объектов, связанными с ситуацией или контекстом.

И что особенно важно, эти параметры потеряли статус сугубо «перцептивных»; все больший интерес вызывали функциональные аспекты опыта. Это выразилось в появлении новых исследовательских направлений, ориентированных на изучение комплексных объектов. Например, понятие оперативного образа, введенное и разработанное Д.А. Ошаниным [3] в качестве теоретического конструкта для репрезентации текущей ситуации, дало начало циклу исследований практического мышления, разрабатываемого в отечественной школе. Ж.-Фр. Ле Ни [19] предложил дихотомию двух типов репрезентаций: репрезентации-типы составляют основу наших знаний о мире и имеют пропозициональную структуру. Временные репрезентации образуются при решении конкретных проблем, в конкретных условиях и конкретным исполнителем. Поэтому временные репрезентации — это скорее знания в их функциональном аспекте, включающем контекстуальные и ситуативные составляющие.

Несколько иное направление проблема стабильности/вариативности знаний получила в исследованиях, посвященных способам когнитивной переработки. Остановимся на дихотомии декларативного и процедурного знания, оставляя вне рассмотрения работы, посвященные стилевым и стратегическим типологиям.

В современной когнитивной психологии и психофизиологии принято выделять два типа знаний: декларативное и процедурное (Ф. Кликс, 1980), с помощью которых хранится информация об объектах и процедурах. Правомерность такого разделения подтверждается нейрофизиологическими исследованиями. Так, Н. Кохен (1982) предложил выделить два типа знаний: знание «знать что-то» и «знать как». Декларативное знание изучается в подавляющем большинстве когнитивных исследований на материале объектов (предъявляемых либо визуально, либо вербально). Считается, что посредством декларативного типа знания описывается ментальная репрезентация объектов и ситуаций в форме категорий. Второй тип знания — процедурное — отвечает за переработку информации о действиях, их планирование и контроль исполнения. Процедурное знание «дублирует» в пространственно-временном формате тот опыт, который хранится в пропозициональном формате в декларативном знании.

Однако нерешенной остается проблема взаимодействия этих двух типов знаний, их взаимного влияния друг на друга в ходе онтогенеза и в процессе актуализации опыта.

В частности, остается открытым вопрос о том, как проявляется влияние декларативного знания на выбираемые способы взаимодействия с объектом в ситуации решения как практических, так и коммуникатив-

ных задач. С одной стороны, ясно, что в зависимости от категоризации объекта изменяется реестр допустимых по отношению к нему процедур. Как экспериментальные данные, так и бытовой опыт подтверждают, что декларативное знание (его структура, полнота, адекватность) обуславливает построение конкретных поведенческих программ. Поэтому вполне допустимо предположить, что в отношении тождественных объектов будут применяться тождественные способы реагирования. Долгое время данный постулат полагался в качестве основы в теоретических моделях вывода «по аналогии» или «по индукции».

Однако и здесь мы сталкиваемся с нестабильностью, которую нельзя вывести только из структуры декларативного знания. В частности, Х. Хадихристидис с соавт. [11] ставят проблему порождения новых знаний в ситуации неопределенности на основе индукции. Для этого авторы ввели понятие *центральности*: признак является центральным, если он помогает объяснить существование других признаков. В цепочке ($X \rightarrow Y \rightarrow Z$) «X» является центральным. Оказалось, что в зависимости от того, насколько признак оценивается в качестве центрального для двух объектов, происходит проецирование данного признака с базовой категории на новый объект.

Е. Хайт и Дж. Рубинштейн [12] показали, что нет «единственной меры сходства, лежащей в основе индукции». В экспериментах испытуемые оценивали попарное сходство животных на основе анатомии и поведения. Авторы нашли, что анатомические предикаты («имеет печень с двумя камерами») лучше проецируются с цыплят на ястребов, чем с тигров на ястребов, тогда как для поведенческих предикатов («питается ночью») порядок проецирования противоположный. Они показали, что существует два типа сходства: анатомическое и поведенческое. По данным С. Ларошель [10], в случае сложности визуализации начинают актуализироваться функциональные признаки. Х.Д. Циммер и Й. Энгелькамп [26] изучали репрезентацию действий. Оказывается, что даже в том случае, когда испытуемые выполняют изолированные операции, происходит переработка концептуальной информации, необходимой для реализации операции. Близкую концепцию об интегрированности функциональных, образных и концептуальных репрезентаций развивает Е.Ю. Артемьева [1].

Ш. Йонг-юн Мьюнг с соавт. [16] показали, что «функциональное знание состоит из множества компонентов», от перцептивных до максимально абстрактных. Обычно под функциональным знанием понимают использование или цель объекта (“what for” knowledge). Однако функциональное знание включает и способы обращения с объектом, или что надо делать, чтобы объект использовался по назначению (“how” knowledge). По мнению авторов, этот тип знаний базируется на сенсорно-моторном опыте.

Если мы проанализируем изложенные результаты с интересующей нас точки зрения, то окажется, что таксономически организованное декларативное знание может распадаться на совершенно разные совокупности объектов в зависимости от используемых критериев. И, следовательно, с «одним и тем же» объектом могут реализовываться разные программы поведения даже при относительно стабильной структуре декларативного знания в зависимости от того, к какой из потенциальных совокупностей данный объект оказался приписанным.

На выбор оснований в задаче категоризации оказывает воздействие и характер материала. Например, при категоризации естественных объектов испытуемые больше полагаются на глобальные перцептивные признаки контура, а при выполнении той же задачи на «искусственных» объектах доминирование переходит к функциональным признакам [13]. Эту изменчивость в актуализации признаков описал Л. Барсалу [25, р. 493]. Автор показал, что центральная тенденция категории адекватно предсказывает типичность для общих таксономических категорий, но не может служить в качестве предиктора для целевых категорий (например, одежда, которую носят при снежной погоде).

И хотя эмпирические данные говорят в пользу того, что декларативное знание влияет на процедурное, мишень этого влияния может различаться в зависимости от организованности декларативного знания и того уровня, который актуализируется для реализации текущих целей, от контекста, а также от материала (вербального/образного, естественные/искусственные объекты и мн. др.).

Видимо, имеет место и обратное влияние, а именно влияние процедурного знания на декларативное. В работах Ф. Шайнса и Дж. Марфи (1991, 1994) исследуется влияние категоризации на создание признаков. Авторы использовали схему Мартиан-скалы, состоящей из кляксовой структуры [24, р. 683]. После научения испытуемые должны были разделить эту скалу на сегменты, и разные испытуемые выделяли разные части и разные структуры в скале. Авторы показали, что люди с разной историей научения имеют разные средства для анализа и перцептивной организации идентичного материала. «Мы хотим показать, что экспозиция разных объектов изменяет признаки, которые потом используются для описания идентичного набора итемов». Испытуемые создают разный «признаковый алфавит» в процессе предварительного ознакомления, т. е. опыт категоризации изменяет единицы, участвующие в перцептивном анализе стимулов: «То, что было выучено раньше в опыте категоризации, служит «фокусом» для последующего научения категории» [24, р. 683].

История «категоризации» выражается не только в порождении «алфавита» признаков, репрезентирующих атомарные единицы де-

кларативного знания (категорий), но и в усмотрении элементарных связей между признаками.

В экспериментах Т.А. Ребеко и Е.П. Никитиной [5] использовалась модифицированная методика Роговина «30 карточек». Стимульным материалом служили карточки, на каждой из которых было по 12 элементов (3 простые фигуры, заполненные тремя видами текстур). Все 30 карточек в совокупности образовывали искусственное понятие, которое получалось путем логического умножения двух субпонятий. Оба эти субпонятия представлены в каждой карточке, но не в обобщенной форме, а в виде конкретной реализации. Иными словами, логическое субпонятие, или закономерность, оказывалось как бы «спрятанным» в перцептивном материале. Например, правило «преобладание одних фигур над другими в пропорции 9:3:0» имплицитно представлено в карточке, на которой изображено 9 квадратов и 3 треугольника, но эксплицитовать его невозможно, так как количество третьего элемента («круги») равно нулю. Испытуемые выполняли традиционную задачу на формирование искусственного понятия, но до выполнения основного задания и после выполнения логической категоризации испытуемые должны были оценить «сходство» каждой карточки «по первому впечатлению» с изолированными фигурами, заполненными всеми текстурами.

Было показано, что испытуемые, успешно выполнившие задачу логической категоризации, при спонтанной перцептивной оценке отдельных объектов категории «не обращали внимание» на закономерности, сопряженные с несущественными признаками, тогда как испытуемые, не сумевшие справиться с выполнением задачи логической категоризации, обнаруживают сверхфиксацию на маргинальных закономерностях. Видимо, можно предположить, что бессознательные перцептивные прототипы предопределяют категоризацию перцептивного материала и обуславливают выделение логических субпонятий. Иными словами, испытуемые не только «создают» перцептивные признаки, но пралогические связи между ними, способствующие или препятствующие последующей категоризации.

В экспериментах Дж. Крушке [17] демонстрируется влияние «сырого» материала на еще более «зрелые» формы логического вывода. Автор выявляет признаки, которые используются испытуемыми в задачах дедуктивных умозаключений. Эмпирические данные, полученные при постановке диагноза и оценке эмоциональных состояний, свидетельствуют об иррациональности некоторых умозаключений. Приводится следующий пример, моделирующий реальную ситуацию: пусть имеется два симптома А и В, которые означают болезнь Б1, и пусть два симптома А и С означают болезнь Б2. Если мы сталкиваемся только с одним симптомом А, то должны его диагностировать

с вероятностью S как болезнь B_1 и B_2 , однако наблюдается снос в диагностике болезни: симптом A надежно связывается только с болезнью B_1 . Предлагается следующий механизм: когда мы выучиваем, что симптомы $A+C$ не являются B_1 , внимание смещается с симптома A на симптом C ; симптом C связываем с болезнью B_2 («выходит на первый план») и одновременно игнорируется симптом A .

Другой феномен автор называет «блокировкой». Пусть на фазе научения симптом A предсказывает B_1 , а затем в ходе последующего научения сумма симптомов $A+B$ также предсказывает B_1 . Затем происходит обучение другим симптомам, пусть симптомам $C+D$, которые предсказывают болезнь B_2 . Соответственно симптомы B и D должны с равной вероятностью предсказывать болезнь B_1 и болезнь B_2 . Однако, если испытуемым предъявляется комбинация признаков $B+D$, то они достоверно чаще делают заключение о B_2 . Автор объясняет это тем, что выучивание симптома A блокирует выучивание симптома B , т. е. B является как бы избыточным, и поэтому симптом B игнорируется, когда требуется сделать прогнозы из совместного наличия двух симптомов $B+D$. Поэтому ситуация $B+D$ категоризируется как относящихся к категории B_2 .

Таким образом, мы видим, что, апеллируя к механизмам внимания, автор описывает «историю» получения новых знаний. В первом примере «старый факт» (т.е. симптом A) блокирует по мере научения (при получении знаний о связи симптомов $A+C$ с болезнью B_2) доступ к части необходимой информации (т.е. симптом B игнорируется) и усиливает влияние других знаний на результат умозаключения (вес симптома C возрастает). Во втором примере иная история научения приводит к «когнитивной слепоте» в отношении факта B , когда он встречается в опыте в новом контексте ($B+D$).

В логике наших рассуждений полученные феномены подтверждают вывод о том, что необходимые для категоризации факты изымаются из рассмотрения (как если бы они были избыточными) вследствие очередности (процедуры) освоения декларативных знаний.

Теоретической моделью, позволяющей объяснить полученные данные, может служить модель ЭУС, разработанная Я.А. Пономаревым [4]. Побочные продукты, получаемые на субдоминантных уровнях организации опыта, и формат задачи-подсказки предопределяют, насколько успешно будет выявлена существенная связь.

Для выявления и осознания искомых структур декларативного знания необходимо, чтобы процедурное знание (задачи-подсказки) включало в виде побочных продуктов компоненты, необходимые для выявления существенных связей. В том случае, если с помощью процедурного знания актуализируются компоненты опыта, несущественные для выполнения основной задачи, задача-подсказка мешает вы-

полнению основной задачи. В контур опыта вносятся «избыточные» побочные продукты, которые смещают фокус решения.

Большой цикл исследований, связанный с влиянием процедурного знания на структуру декларативного, проведен в парадигме формирования скриптов. «Скрипты являются чем-то вроде ключа для соединения событий вместе, если они не связаны в поверхностных деталях» [22, р. 253]. Ясно, что концепт скрипта объединяет декларативные и процедурные компоненты знаний. Скрипт и его формирование является распространенной экспериментальной парадигмой, используемой при изучении формирования естественных категорий.

К. Нельсон рассматривала связь между скриптами и концептуальными категориями. Основная идея автора состоит в том, что между этими двумя способами организации знания существует генетическая связь. Было показано, что категориальные (или парадигматические) структуры возникают из скриптов (синтагматических структур). «Парадигматические, абстрактные, структуры происходят из скриптов, или структур синтагматических, (результатов опыта)» [цит. по: 14, р. 66]. К. Нельсон полагает, что сначала в онтогенезе развиваются категории, контекстно-обусловленные, или опирающиеся на несколько скриптов, в затем появляются категории «деконтекстуализированные, не зависящие от конкретных схем». Это происходит, когда объединяются схемы «одежда для завтрака», «одежда для прогулки» и т.д. Последние отвечают правилу инклюзии и организованы иерархически. «Таксономические категории соответствуют декларативному типу репрезентаций» [цит. по: 14, р. 72].

Фр. Кордье рассматривала процессе формирования скриптов в ходе онтогенеза. Автором было показано, что в процессе освоения происходит выделение «основного» прототипического сценария скрипта. На ранних этапах онтогенеза скрипт репрезентирует содержание, связанное с определенным контекстом, т. е. организованное в соответствии с пространственно-временной структурой одного сценария (например, скрипт одеваться включает последовательность действий, выполняемых при одевании по утрам). На более поздних этапах онтогенеза скрипт охватывает содержание, организованное в соответствии со структурой декларативного знания (все виды одевания). О.Удэ [15] полагает, что в ходе онтогенеза сосуществуют два модуса: схематический и категориальный. Схематический модус подчиняется принципу непрерывности, объединяет физические и социальные объекты в синтагматическую структуру, чьи гетерогенные элементы создают схему события («одеться на завтрак») или схему сцены («зоопарк»). Второй модус управляется принципом субстанциональности, включает объекты в ассимилирующую парадигматическую структуру, чьи гомогенные элементы создают категорию, которая группирует

вместе «все» потенциальные значения имеющихся слотов в схеме события или сцены (например, слот «одежда» в схеме «одеться к завтраку»). Они подчиняются отношению субституции.

В работе Й. Авхарам и Ю. Кареева [8] рассматривается проблема выделения отдельных действий скрипта. Стимульным материалом были мультфильмы. Было показано, что отдельные эпизоды выделяются лучше в том случае, если испытуемые просматривали эпизоды фильма в разных контекстах (по сравнению с ситуацией, когда одна и та же последовательность эпизодов предъявлялась в неизменном контексте). Данный результат можно интерпретировать следующим образом: чтобы категоризовать (или построить категориальную репрезентацию), необходимо отделить случайные признаки от существенных признаков, признаки контекстуально-ситуативные (т. е. признаки, организующие тематическую репрезентацию) от признаков, организующих пропозициональные структуры. Изменяющийся контекст является более благоприятным для такого абстрагирования. При этом старые формы репрезентации действий (контекстуально обусловленные) могут сосуществовать с новыми (организованными таксономически). Подтверждением тому служат результаты, полученные в исследовании В. Росса с соавт. [21]. Было показано, что существует одновременная репрезентация двух типов для категории «пища»: таксономическая (овощи, мясо) и организованная согласно скриптам (пища на завтрак, обед). Авторы полагают, что скриптовая структура занимает промежуточное положение между таксономией и *ad hoc* категориями.

Нам представляется крайне важным тезис, постулирующий одновременное наличие в архитектонике ментальной репрезентации структур «разного возраста». Это свидетельствует о том, что опыт освоения знаний не вырождается в зрелые и дефинитивные формы категорий, а всегда присутствует в качестве компонентов, возможно, в латентном состоянии. Такая структура ментального опыта позволяет объяснить факты «интеллектуального» регресса или декаляжа при выполнении однотипных задач (т. е. задач, которые при внешней калибровке оцениваются как равносложные), природу интуиции и интеллектуального блуждания, непрогнозируемое влияние контекста и эмоциональных состояний.

Теоретический анализ литературных данных позволяет сделать вывод о том, что структура и содержание декларативных знаний детерминированы процессом получения этих знаний. Существующие эмпирические данные свидетельствуют о том, что опыт освоения категории влияет на процесс категоризации в двух направлениях: во-первых, создается «словарь» параметров, а во-вторых, между параметрами устанавливаются всевозможные связи, которые составляют

основу для выводов по аналогии, метафор, дедуктивных и индуктивных умозаключений.

Как мы показали, декларативное знание тесно связано с процедурным, и это проявляется, прежде всего, в освоении знаний в форме скриптов. Результаты освоения категории образуют структурные уровни, тесно сопряженные с уровневыми формами процедурных знаний. Так как скрипты образуют таксономию, в которой условно можно выделить зрелые (дефинитивные) и незрелые формы, допустимо предположить разное влияние ситуативных переменных на старые (зрелые) и новые (незрелые) формы декларативных знаний. Следовательно, структура декларативных знаний (выделение существенных параметров объектов) оказывается зависимой от опыта освоения категории или генеративных форм процедурного знания.

Литература

1. *Артемьева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.
2. *Верью Ж.* Ребенок, математика и реальность. Проблемы преподавания математики в начальной школе. М., 1998.
3. *Ошанин Д.А.* Концепция оперативности отражения в инженерной и общей психологии // Образ в регуляции деятельности (К 90-летию со дня рождения Д.А. Ошанина). М.: Рос. психол. общество, 1997. С. 5–23.
4. *Пономарев Я.А.* Психология творения. М.; Воронеж, 1999.
5. *Ребеко Т.А., Никитина Е.А.* Образ предмета и процесс логической категоризации // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М. Изд-во Академический проект, 2000. С. 297–314.
6. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. Москва-Томск, 1997.
7. *Ashby F.Gr., Perrin N.A.* Toward a Unified Theory of Similarity and Recognition // Psychol. Rev. 1988. Vol. 95. N. 1. P. 124–150.
8. *Avrahami J., Kareev Y.* The emergence of events // Cognition. 1994. N. 53 (3). P. 239–261.
9. *Barsalou L.W.* Ad hoc categories. 1983. Memory & Cognition. 1983. Vol.11. p. 211–227.
10. *Cordier Fr.* Les representations cognitives privilegies. Typicalite et niveau de base. Univ. de Lille, 1993.
11. *Hadjichristidis C., Sloman St., Stevenson R., Over D.* Feature centrality and property induction // Cognitive Science. 2004. Vol. 28. Issue 1. P. 45–74.
12. *Heit E., Rubinstein, J.* Similarity and property effects in inductive reasoning. Journal of Experimental Psychology. Learning, Memory, and Cognition. 1994. Vol. 20. P. 411–422.
13. *Hoffmann J.* Vorhersage und Erkenntnis. Hogrefe, 1993.
14. *Houde Ol.* Categorisation et developement cognitif. PUF, 1992.
15. *Houde Ol.* Logical categorization: schematic knowledge, categorical knowledge, and image versus linguistic format. A study of six-to eleven –year-olds // Ca-

- hier de Psychologie Cognitive. European Bulletin of Cognitive Psychology. 1990. Vol. 10. N. 4. P. 343–384.
16. *Jong-yoon Myung, Sheila E. Blumstein and Julie C. Sedivy* Playing on the typewriter, typing on the piano: manipulation knowledge of objects // Cognition Volume 98. Issue 3. January 2006. P. 223–243.
 17. *Kruschke J. K.* Attention shifting: phenomena and explanation // <http://bert.lib.indiana.edu:2048/login?url=http://search.epnet.com/login.aspx?direct=true&db=pdh&an=rev11141072>. 2005.
 18. *Le Ny J.-Fr.* Coherence in semantic representations: text comprehension and acquisition of concept // Text and text processing. 1991. P. 205–221.
 19. *Le Ny J.-Fr.* Wie kann man mentale Repräsentationen repräsentieren? // Sprache&Kognition. 1988. S.113–121.
 20. *Livingston, K. R., Andrews, J. K., Harnad, S.* Categorical perception effects induced by category learning // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1998. Vol. 24. P. 732–753.
 21. *Ross B.H., Murphy G. L.* Food for Thought: Cross-Classification and Category Organization in a Complex Real-World Domain // Cognitive Psychology. 1999. Vol. 38. Issue 4. P. 495–553.
 22. *Shank R.C.* Language and Memory // Cognitive Science. 1980. Vol. 4. P. 243–281.
 23. *Schyms Ph., Goldstone, R.L., Thibaut, J.-P.* The development of features in object concepts // Behavioral and Brain Sciences. 1998. Vol. 21 (1). P. 1–54.
 24. *Schyms Ph.G., Luc R.* Categorization Creates Functional features // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1997. Vol. 23. N. 3. P. 681–696.
 25. *Segalowitz N., Poulin-Dubois D.* The structure of categories: typicality gradients, perceived linguistic familiarity and cross-linguistic comparison // Cahiers de Psychologie Cognitive // European Bulletin of Cognitive Psychology. 1990. Vol.10. N 5. p. 491–512.
 26. *Zimmer H.D., Engelkamp J.* Levels-of-processing effects in subject-performed tasks // Memory and Cognition. 1999. N 27(5). P. 907–914.

Психометрия профессиональных способностей федеральных судей и прогнозирование успешности их деятельности

Э.Л. Адашкин, Ю.Н. Тарасова

Проблема психологического прогнозирования профессиональной пригодности специалистов различных профилей деятельности и специальностей является одной из основных проблем психологии труда, инженерной психологии, эргономики [1, 3]. Она тесно связана с проблемой профессиональной адаптации, а также с теорией и практикой профессионального психологического отбора.

В настоящее время в большинстве развитых стран мира существует развитая система профессионального психологического отбора специалистов различных профессий. Деятельность подразделений, входящих в эту систему, рассматривается в качестве одного из важных звеньев государственной политики, направленной на изучение, учет, рациональное распределение и экономически целесообразное использование человеческих (прежде всего, интеллектуальных) ресурсов общества [4]. Подбор персонала по психологическим критериям обеспечивает успешную профессиональную адаптацию специалистов к новым условиям труда, а в последующем и их эффективную профессиональную деятельность.

И хотя проблема психологического прогнозирования профессиональной пригодности как основы психологического отбора имеет достаточно проработанные теоретические основы и практические результаты благодаря исследованиям В.А. Бодрова, Е.П. Ильина, Г.М. Зараковского, Б.Ф. Ломова, В.Л. Марищука, А.Г. Маклакова, В.Н. Машкова, Г.С. Никифорова, В.А. Пономаренко, К.К. Платонова, В.А. Пухова и многих других авторов, ее нельзя считать решенной применительно к целому ряду профессий.

Одной из них является профессиональная деятельность федерального судьи (судьи суда общей юрисдикции). В настоящее время судьи решают широкий круг проблем, связанных с осуществлением от имени государства правоприменительных функций. Это предъявляет высокие требования не только к профессиональным знаниям и умениям, но и к личности судьи.

В связи с этим значительный научный и, особенно, практический интерес представляет выявление психологических особенностей деятельности и личности федеральных судей, обоснование требований к их профессионально важным психологическим качествам и разработка научно-обоснованных рекомендаций по их профессиональному психологическому отбору и прогнозированию профессиональной пригодности. Это позволит обеспечить успешную профессиональную адаптацию судей к большим стрессовым нагрузкам.

Важными для психологии труда и недостаточно изученными являются вопросы психометрии профессиональных способностей федеральных судей с помощью стандартизированных психодиагностических тестов. Решение этих вопросов позволит выявить комплекс информативных психодиагностических тестов для оценки психологических особенностей личности федеральных судей с различной успешностью профессиональной деятельности.

Полученные по этим тестам данные позволят определить психологические факторы профессиональной успешности федеральных судей и разработать технологии психологического прогнозирования их профессиональной пригодности.

Это обусловило необходимость проведения исследования по психологическому изучению профессиональной деятельности федеральных судей и выявлению комплекса информативных психологических тестов как основы для разработки методики психологического прогнозирования профессиональной пригодности федеральных судей. Полученные данные крайне важны для профессионального психологического отбора кандидатов на должности федеральных судей.

Решение этой задачи проводилось в ходе комплексного исследования, включавшего психологическое обследование 56 федеральных судей (ФС), а также анализ особенностей и эффективности их профессиональной деятельности. Для оценки профессионально важных качеств и успешности деятельности федеральных судей в качестве экспертов привлекались руководители (председатели, заместители председателя) федеральных судов Санкт-Петербурга.

Кроме того, обследовано 85 кандидатов на должности федеральных судей. Проведено сравнение показателей, полученных на выборке судей, с показателями по другим выборкам (медицинские работники, менеджеры, спасатели МЧС, сотрудники МВД России).

Данные об объеме и методиках исследования приведены в таблице 1.

Первый этап исследования был посвящен психологическому анализу профессиональной деятельности федеральных судей, что позволило отметить следующее.

Профессиональная деятельность федерального судьи ориентирована на решение различных по уровню сложности задач. Результатом

Таблица 1.

Психологические методики и направления исследования

Направления исследования	Использованные методики	Количество обследованных
Анализ особенностей и профессиональной успешности деятельности	Беседа, наблюдение, опрос, анкетирование, содержательно-психологический анализ, экспертные оценки. Анализ практических результатов деятельности (статистика по Судебному департаменту). Тест «Эмоциональное выгорание» (Бойко, 1999)	ФС – 56 Эксперты – 5
Оценка уровней выраженности ПВК	Экспертная оценка выраженности основных групп ПВК (мотивационно-волевые, организаторские, коммуникативные, интеллектуальные, регуляторные). Профессиографические опросники В.П. Петрова, В.Н. Машкова	ФС – 53 Эксперты – 5
Психологическое обследование	Биографическая анкета. Тест «Профессиональная мотивация», многофакторный личностный опросник МЛО «Адаптивность», многофакторный опросник СМЛ, интеллектуальный тест КОТ, тест «кольца Ландольга», тест SACS, тест Розенцвейга, тест социального интеллекта Гилфорда-Салливена, цветовой тест Люшера	ФС – 78 Кандидаты в ФС – 56
Статистический анализ данных	Одномерные (t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ) и многомерные (факторный, дискриминантный и множественный регрессионный анализ) методы статистического анализа	ФС – 85 Кандидаты в ФС – 56

деятельности судьи становится принятие решения по делу. Суд как орган одной из ветвей государственной власти (судебной власти) применяет закон в условиях гласности, открытости и доступности для населения.

Деятельность судьи носит эвристический характер и не поддается четкой алгоритмизации. Основными направлениями профессиональной деятельности федерального судьи являются работа с конкретными делами и различные виды коммуникаций, включая истца, ответчика, аппарат суда, СМИ, представителей ответчика и истца, адвоката, свидетелей, прокурора, судебных приставов и др.

Судья, в соответствии с процессуальным законодательством, ведет судебное заседание. В ходе заседания судья обязан проявлять беспристрастность, то есть не проявлять симпатии ни к одной из сторон процесса.

Судья руководит судебным заседанием, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств и обстоятельств по делу, устраняет все, что не имеет отношения к рассматриваемому делу.

Он принимает необходимые меры по обеспечению надлежащего порядка в судебном заседании, его распоряжения обязательны для всех участников процесса, а также для граждан, присутствующих в зале суда [5, 6].

В судебном заседании идет работа над исследованием доказательств по делу. Основными положениями, согласно закону, на данном этапе являются: устность (исследование доказательств происходит в устной форме в виде заслушивания участников процесса); непрерывность (за исключением времени, назначенного судьей для отдыха). До окончания рассмотрения данного дела либо до отложения его разбирательства судья не вправе рассматривать другие дела.

Этап принятия судебного решения предъявляет повышенные требования к таким психологическим качествам личности судьи, как ответственность, социальная зрелость, независимость и самостоятельность суждений, аналитические способности, долговременная и оперативная память, нервно-психическая устойчивость, самообладание и выдержка.

Составление мотивированного решения является показателем профессионализма судьи. По стилю решения можно определить индивидуальный стиль судьи, так как мотивировочная часть (основная часть) является наиболее творческой. Определенная в законе схема написания решения наполняется каждым судьей индивидуально [5].

Психологический анализ профессиональной деятельности федеральных судей показал, что по своему содержанию деятельность судьи разнообразна и многоаспектна, носит эвристический характер и включает реализацию организационных, правоприменительных, воспитательных, коммуникативных действий.

К психологическим особенностям деятельности федерального судьи, отличающим ее от других профессий, относятся: государственный и нормоприменительный характер деятельности; многоплановый и эвристический характер решаемых судебных задач, вариативность и нестандартность ситуаций в условиях дефицита времени; выраженная организаторская направленность, большое число коммуникативных контактов, индивидуальный характер, высокая ответственность и социальная значимость, правовая регламентация; наличие властных полномочий и воспитательных функций; процессуальная самостоятельность, своеобразие общественно-психологической атмосферы судебного заседания; стрессогенность.

Профессиональная деятельность федерального судьи предъявляет повышенные требования к его психологическим качествам личности. К ним прежде всего относятся профессиональная компетентность (знания, умения, навыки, профессиональный опыт), социальная зрелость, ответственность, аналитическое мышление, концентрация внимания, работоспособность, нервно-психическая устойчивость, управ-

ленческие и коммуникативные способности, морально-нравственные и эмоционально-волевые качества, самоконтроль, интуиция, наблюдательность, стремление к познанию нового, общая эрудиция.

В результате использования вторичной ранговой оценки значимости ПВК из общего перечня качеств был определен комплекс из 20 общих профессионально важных психологических качеств федерального судьи. Перечень этих ведущих качеств, по сути, представляет собой «ядро» психограммы федерального судьи.

С помощью метода экспертной оценки были установлены 20 профессионально важных психологических качеств федерального судьи, объединенные в 4 относительно независимых группы, характеризующих организаторские, когнитивные, коммуникативные и эмоционально-волевые качества.

Все опрошенные эксперты отметили, что деятельность судьи отличается вариативностью и непредвиденностью ситуации, профессионализм судьи обусловлен во многом практическим опытом, а также наличием ряда личностных качеств, типологически обусловленных.

В связи с тем, что результаты психологического изучения деятельности судьи показали, что она отличается высоким уровнем вариативности, напряженности и нестандартности ситуаций, протекает в условиях дефицита времени, а эмоциональная и нервно-психическая устойчивость влияют на качество деятельности судьи больше, чем на иные другие виды деятельности, была проведена психологическая оценка «эмоционального выгорания» как негативного феномена в деятельности федеральных судей. Психологические признаки эмоционального выгорания указывают на дезадаптацию личности и формирование деструктивных, чаще всего психосоматических, нарушений состояния здоровья.

Полученные в ходе исследования эмоционального выгорания федеральных судей данные показали, что «вхождение» в зону профессионального стресса происходит по-разному, в зависимости от предыдущего опыта, общего состояния здоровья, возраста судей.

Причинами профессиональных изменений у судей становятся как «внешние» (большой объем информации, «контроль» за деятельностью судьи со стороны квалификационной коллегии и вышестоящих судебных инстанций), так и «внутренние» факторы (осознание высокой ответственности, значимость оценки со стороны коллег, сомнения в процессе принятия решения, недостаток практического опыта). В виду высокой социальной значимости деятельности федеральных судей адаптация к указанным выше профессиональным стресс-факторам практически не наступает.

У высокоуспешных судей шире представлены варианты психологических защит личности. Они больше вовлечены в процесс ком-

муникации. Негативные последствия высокого эмоционального напряжения выражаются у них в эмоциональной и личностной отстраненности, положительные — в выработке индивидуального стиля деятельности [7].

Сравнение групп высокоуспешных и среднеуспешных судей показало большую напряженность и эмоциональную вовлеченность высокоуспешных, особенно в фазе «Резистенции» (таблица 2).

Таблица 2.

Результаты сравнения выраженности эмоционального выгорания у высоко- и среднеуспешных судей

Фазы эмоционального выгорания	Высокоуспешные	Среднеуспешные	P<
Напряжение	36,18 ± 3,03	30,40 ± 3,68	—
Резистенция	53,46 ± 3,02	39,76 ± 4,31	0,01
Истощение	29,11 ± 2,04	23,36 ± 3,29	—

Из данной таблицы видно, что существуют различия в фазе «Резистенции» — на этапе сопротивления нарастающему стрессу. На этом этапе каждый судья начинает выбирать наиболее адекватную для него стратегию поведения и свой набор психологических защит, которые определяют успешность профессиональной адаптации и качество деятельности. Статистически значимые различия показывают более высокую концентрацию на поиске новых приспособительных механизмов у высокоуспешных судей. У них с увеличением стажа работы и приобретением профессионального опыта формируются следующие симптомы: «Переживание психотравмирующих обстоятельств», «Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование», «Эмоциональная отстраненность», «Личностная отстраненность».

С помощью проективного цветового теста М. Люшера была выполнена оценка актуального (текущего) психического состояния федеральных судей [8]. Наличие неблагоприятных психических состояний указывает на признаки дезадаптации личности и стрессогенности условий труда.

Группа судей в сравнении с нормативной группой характеризовалась достоверно более высоким уровнем психического утомления и психического напряжения, что, по-видимому, является объективным отражением напряженного характера профессиональной деятельности судей, связанной с постоянным хроническим эмоциональным стрессом (таблица 3).

Это позволяет говорить о необходимости дальнейшего использования подобных методик для динамического контроля психического

Таблица 3.

Сравнение показателей актуального психического состояния федеральных судей и нормативной группы по тесту М. Люшера

Показатели теста	Нормативная группа	Федеральные Судьи	Уровень значимости, $p <$
Психическое утомление	7,02±0,30	8,62±0,30	0,05
Психическое напряжение	4,41±0,53	6,60±0,42	0,05
Тревога	5,15±0,40	5,38±0,35	—
Эмоциональный стресс	6,70±0,52	6,47±0,28	—
Суммарное отклонение	13,63±1,12	13,13±0,90	—
Вегетативный коэффициент	1,21±0,14	1,06±0,06	—

состояния судей, их психологического сопровождения и медико-психологической реабилитации.

Следующий этап исследования был посвящен разработке и обоснованию методики прогнозирования профессиональной пригодности федеральных судей как основы профессионального психологического отбора кандидатов на должности федеральных судей. С помощью приведенного в таблице 1 комплекса методов было проведено психологическое обследование федеральных судей и кандидатов на должности федеральных судей.

Содержательный анализ данных, полученных с помощью тестов «SACS», СМИЛ, МЛО «Адаптивность», КОТ, теста Розенцвейга, теста Гилфорда-Салливена, теста Ландольта, позволил определить индивидуально-личностные особенности федеральных судей, особенности их общего и социального интеллекта, основные паттерны их поведения в ситуациях стресса, уровень работоспособности.

Так, сравнение копинг-стратегий преодоления стресса у судей и представителей коммуникативных профессий показало (таблица 4), что ведущими стратегиями копинг-поведения у федеральных судей являются три модели поведения (уровень выраженности более 20 баллов) — «вступление в социальный контакт», «поиск социальной поддержки» и «осторожные действия», т.е. просоциальная и пассивная стратегии преодоления стресса. Это отражает психологические особенности деятельности федеральных судей, коммуникативный характер их взаимодействия с участниками гражданского или уголовного процесса, осторожность и взвешенность решений, высокую ответственность, ориентацию на общественные нормы и правила в виде закона.

При определении индивидуально-психологических особенностей личности ФС и при сравнении между собой групп высоко- и среднеуспешных ФС по тесту СМИЛ установлено, что в группе высокоуспешных федеральных судей в сравнении со среднеуспешными отме-

Таблица 4.

Сравнение стратегий преодоления стресса у представителей коммуникативных профессий и федеральных судей

Копинг стратегии	Представители коммуникативных профессий	Федеральные судьи	P<
Ассертивные действия	20,03±0,45	19,81±0,48	—
Вступление в социальный контакт	23,25±0,43	24,72±0,75	—
Поиск социальной поддержки	22,36±0,47	24,83±0,77	0,05
Осторожные действия	20,65±0,40	21,47±0,48	—
Импульсивные действия	18,39±0,40	17,75±0,49	—
Избегание	15,65±0,49	16,79±0,50	—
Манипулятивные действия	18,89±0,52	18,85±0,57	—
Асоциальные действия	15,86±0,61	13,62±0,73	0,05
Агрессивные действия	16,41±0,52	16,64±0,67	—

чены достоверные различия по четырем дополнительным шкалам: 7-ой «Du» («Зависимость»), 9-ой «Sf» («Самоудовлетворенность»), 13-ой «As» («Отношение к себе») и 17-ой «Lp» («Лидерство»).

Эти показатели позволяют характеризовать группу высокоуспешных судей как более зависимую, т.е. социально ориентированную, с более низким уровнем удовлетворенности собой, более требовательную к себе и имеющую менее выраженные лидерские способности [9].

Сравнение обследованной группы федеральных судей с группой кандидатов показало существенные различия. Федеральные судьи достоверно отличались от кандидатов по 8 основным шкалам СМИЛ и имели более высокие показатели. Полученные отличия позволяют охарактеризовать судей как более зрелых, более приверженных социальным нормам, активных, индивидуалистичных, целеустремленных по сравнению с кандидатами.

По результатам статистического анализа теста МЛО «Адаптивность» у среднеуспешных судей ниже уровень морально-нравственной нормативности, группа высокоуспешных федеральных судей в сравнении со среднеуспешными характеризуется (статистически достоверно) более низким уровнем поведенческой регуляции ($p<0,05$) и адаптационного потенциала личности ($p<0,05$), что может указывать на истощение их психологических резервов и напряженный характер деятельности.

По данным теста Розенцвейга в стрессовых ситуациях федеральные судьи характеризуются высокой активностью, стремлением управлять ситуацией, снижением уровня личной ответственности за разрешение ситуации, повышенной чувствительностью к окружающему поведению людей, рациональным поведением.

По данным теста оценки социального интеллекта Гилфорда-Салливена основная часть высокоуспешных судей относится к группе лиц с высоко- и средне- развитым социальным интеллектом. Можно предположить, что высокоуспешные судьи лучше анализируют поведение людей, имеют более выраженные навыки к пониманию невербальной коммуникации, лучше способны распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике.

На основе исследования работоспособности (тест Ландольта) федеральных судей был сделан вывод о том, что, несмотря на отсутствие статистически достоверных отличий в группах по критерию успешности, высокоуспешные судьи имеют тенденции к более точной работе, более высокой скорости обработки материала, большей продуктивности, обладают большей выносливостью.

Анализ распределения испытуемых по показателям выносливости, точности, колебаниям продуктивности, надежности работы позволил отметить преобладание более высоких показателей в группе высокоуспешных судей.

Завершающий этап исследования был посвящен разработке критериев прогнозирования профессиональной пригодности федеральных судей как основы для профессионального психологического отбора кандидатов на должности федеральных судей. Для этого были разработаны нормативы информативных показателей психологических тестов и с помощью методов многомерного математико-статистического моделирования на основе валидных показателей психологических тестов (СМИЛ, МЛО «Адаптивность», КОТ, тест Розенцвейга, SACS, тест Гилфорда-Салливена) был разработан психодиагностический алгоритм в виде регрессионной модели, который с достаточно высокой точностью (0,85) и достоверностью ($p < 0,001$) позволил прогнозировать профессиональную пригодности федеральных судей и оценивать профессиональную пригодность кандидатов на должности федеральных судей.

Таким образом, с помощью методов многомерного статистического моделирования на основе валидных показателей психологических тестов был разработан психодиагностический алгоритм прогноза профессиональной пригодности кандидатов на должности федеральных судей. Этот алгоритм целесообразно использовать как важную составную часть профессионального отбора и психологического сопровождения федеральных судей. Его практическое применение будет обеспечивать успешную профессиональную адаптацию федеральных судей к новым стрессогенным условиям труда, а также их эффективную правоприменительную деятельность.

Литература

1. *Бодров В.А.* Психология профессиональной пригодности. М.: PerSe, 2001.
2. *Венцлав С.В. и др.* Применение математических методов в задачах профессионального отбора и распределения кадров. Л.: МО, 1987.
3. Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М.: Наука, 1977.
4. *Климов Е.А.* Психология профессионала. М.: 1996.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. М.: Юрайт-Издат, 2003.
6. Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 22.08.2004) «О статусе судей в Российской Федерации» // «Российская юстиция». 1995. № 11.
7. *Водотьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Стратегии и модели преодолевающего поведения // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / Под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб.: Речь, 2001. С. 311–322.
8. *Семикин В.В.* Цветовой тест Люшера в задачах диагностики функционального состояния и работоспособности человека-оператора // Методики исследования и диагностики функционального состояния и работоспособности человека-оператора в экстремальных условиях. М., 1989. С. 61–71.
9. *Собчик Л.Н.* СМИЛ. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности: Методическое руководство. СПб., 2003.

РАЗДЕЛ 4.
Адаптация субъекта
к профессиональной
деятельности

Динамический аспект профессиональной адаптации

Д.Н. Завалишина

Категория «адаптация» широко используется в общей и прикладной психологии как методологическое основание анализа соотношений человека (в том числе разных уровней его психической организации) и среды (понимаемой преимущественно как совокупность внешних объективных условий, факторов, различных форм взаимодействия человека с миром). При этом явно или неявно акцентируется реактивный характер этих соотношений на стороне человека, приспособляющегося или преобразующего свое психическое оснащение в ответ на требования (в том числе новые) и изменения среды с целью восстановления равновесия с ней.

В отраслях прикладной психологии, исследующих разные виды трудовой (главным образом профессиональной) деятельности, адаптация человека к среде специфицируется как «профессиональная адаптация», которая понимается как процесс приспособления, приобщения человека к новым для него или изменяющимся характеристикам профессиональной среды (в первую очередь к условиям, требованиям, режимам профессиональной деятельности) [6; 18; 24].

При определении общих характеристик профессиональной адаптации (или ее результатов, специфицируемых с помощью понятий полной, неполной адаптации, адаптированности и т.д.) используются как специфические, так и неспецифические концепты.

К специфическим концептам адаптивной парадигмы относится понятие «дезадаптация» («дезадаптированность»), которая проявляется в различных нарушениях деятельности — снижении ее эффективности, ошибках, отказах, а также в регрессивных «дефицитах» ее психического обеспечения. Естественно в этом случае считать общим «показателем адаптированности ... отсутствие признаков дезадаптации» [6, с. 46].

Неспецифическими же характеристиками выступают критерии адаптации (адаптированности). Они делятся на объективные (эффективность, надежность, качество труда) и субъективные (главным в последних выступает удовлетворенность человека трудом в его

разных аспектах [6; 18]. Нетрудно видеть, что подобные критерии используются практически в любых моделях трудового функционирования человека, в том числе в исследованиях диахронической динамики последнего. При том эти критерии являются «сквозными» для любых этапов этой динамики (с первых дней работы человека до его выхода на пенсию).

Можно выделить две позиции в понимании динамического аспекта профессиональной адаптации человека.

Согласно первой позиции, категория «адаптация» является не только базовой, но и единственной, в контексте которой интерпретируются любые психические изменения субъекта труда, в том числе соизмеримые с его целостным профессиональным путем. В частности, в прикладной психологии долгие годы бытовали типологии адаптационных процессов, длительность и качественные характеристики которых связывались преимущественно с масштабом объективных изменений в условиях и требованиях профессиональной деятельности. Например, М.А. Дмитриева выделяет «общую профессиональную адаптацию», предполагающую «длительную и глубокую перестройку» субъекта труда в ответ на устойчивые изменения профессиональной среды, и «ситуативную адаптацию» в условиях «кратковременных возмущений» [6, с. 44]. А.А. Алдашева также выделяет «долгосрочные адаптации», направленные на приспособление к «общим требованиям деятельности на всем профессиональном пути» и «краткосрочные, оперативные приспособления», связанные, например, со сменой режимов труда [1, с. 12].

Соответственно профессиональная адаптация (фактически профессиональное развитие) рассматривается как непрерывный процесс становления (и восстановления) динамического равновесия в системе «субъект труда — профессиональная среда». Основными этапами этого процесса являются: «первичная адаптация, период стабилизации, возможная дезадаптация, вторичная адаптация, возрастное снижение адаптационных возможностей» [6, с. 44].

Вместе с тем намерение оставаться в рамках адаптационной парадигмы при объяснении психической динамики субъекта труда вынуждает ее адептов, в действительности имеющих дело с разнокачественной «встречной» активностью человека, всячески корректировать, содержательно расширять эту базовую категорию.

Подобные «уточнения» исходного понимания адаптации осуществляются по крайней мере двумя путями. Во-первых, адаптация начинает интерпретироваться как «пассивно-активный» процесс: «будучи противоположной активности, адаптация неотрывна от активности. Конкретные исследования показывают, что соотношение этих сторон взаимодействия человека со средой зависит от индивидуальных особенностей, от характера деятельности и от этапа адаптации»

[6, с. 52—53]. В этой связи говорится уже о «двух составляющих» (компонентах) профессиональной адаптации, о «двух видах активности», свойственных адаптации. При этом собственно активная составляющая фактически презентует уже не реактивную, а творческую направленность субъекта, реализуемую в различных прогрессивных преобразованиях. Во-вторых, включение в состав адаптации творческих компонентов осуществляется также с помощью принципа «взаимной адаптации» человека и профессии. В данном случае речь идет о том, что субъект, овладев профессиональной деятельностью, начинает ее совершенствовать, творчески преобразовывать «под себя», под свои возросшие возможности (адаптация профессии к человеку) [18].

Методологический смысл рассмотренной выше первой позиции в понимании динамического аспекта профессиональной адаптации, полагающей категорию «адаптация» в качестве базовой при объяснении любых психических изменений субъекта труда, может быть раскрыт в двух положениях.

1. Категория «адаптация» начинает трактоваться слишком широко вопреки ее исходному определению. Характеристики «приспособления», «восстановления равновесия», «реактивности» психических изменений человека в ответ на воздействия профессиональной среды перестают быть определяющими для адаптационных процессов. Таковыми становятся модусы активности, творчества, развития человека (притом прогрессивного). Но тем самым эти модусы лишаются собственной «качественной определенности», а следовательно, и категориальной значимости для психологической науки. Но психология давно уже отказалась от методологии «единственной категории» при объяснении психических явлений [8].
2. Адаптивная парадигма предполагает, кроме того, два момента. Во-первых, ее естественным сопровождением выступает постулат специализации, т. е. сведение динамики психического оснащения профессионального труда к процессу максимального «сближения» человека со спецификой профессии. Во-вторых, методологической «рамкой» психологического анализа трудовой деятельности выступает лишь система «человек и профессия». В результате оказываются не востребованными остальные жизнедеятельностные отношения человека с миром, реально так или иначе опосредствующие особенности его трудовой активности.

Согласно второй позиции в понимании места процессов адаптации в диахронии профессионального функционирования человека (в его профессиональном развитии) эти процессы характеризуют преимущественно начальный этап «вхождения» человека в профессиональный труд. В этом случае речь идет о стадии приспособления

субъекта к основным нормам, требованиям, режимам профессиональной деятельности, ее новым для него условиям.

Адаптация как стадия профессионального развития субъекта труда представлена обычно в профессионал-генетических моделях (относящихся к собственно профессиональной деятельности человека). Чаще всего это трехэтапные модели, фиксирующие лишь одну линию профессионального развития субъекта (как социально наиболее значимую) — от новичка до творчески работающего мастера [5; 23].

Методологически важными во второй позиции по сравнению с первой являются два момента. Во-первых, профессионал-генетические модели демонстрируют недостаточность единственной категории «адаптация» для описания профессионального развития, поскольку на разных его этапах субъект труда качественно изменяется, приобретает новую «качественную определенность» (что фиксируется в том числе в самом названии стадий), во-вторых, намечается разведение процессов адаптации и творчества — путем отнесения их к разным этапам этого развития.

Вместе с тем вторая позиция в понимании динамического аспекта профессиональной адаптации также не может рассматриваться как исчерпывающая. Во-первых, творческие специалисты, как известно, составляют меньшинство в любой массовой профессии. И совершенно необязательно успешная адаптация субъекта труда к его условиям и требованиям закономерно приведет человека к профессиональному творчеству как своему линейному эффекту. На это обстоятельство специально обращает внимание А.К. Маркова, которая подчеркивает, что подобная адаптация субъекта к требованиям и факторам труда (или достижение им профессионализма, в терминологии автора) еще не означает, что он владеет профессией «в форме творчества» (станет суперпрофессионалом) [14]. Во-вторых, субъект может осуществлять разные варианты профессионального развития, так или иначе отмечаемые исследователями (частичная реализация человека в профессии, профессиональная деформация личности и т.д.) [11; 17]. И эта реальная многовариативность профессиональной динамики субъекта не «схватывается» описанными выше профессионал-генетическими моделями, фиксирующими лишь одну линию этой динамики (фактически прогрессивную линию профессионального развития). Кроме того, вторая позиция в целом сохраняет методологические основания первой, не выходя за пределы постулата специализации и системы «человек и профессия». Третья позиция в понимании динамики адаптационных процессов в труде, которую реализует наш подход к этой проблеме, предполагает иной контекст ее обсуждения.

Ведущую роль в этом контексте начинает выполнять важнейшая для любого психологического исследования категория «субъект», точнее, иной уровень ее рассмотрения.

Постулаты специализации и рамки системы «человек и профессия», фундирующие в качестве методологического основания рассмотренные выше, и первую, и вторую позицию в понимании профессиональной адаптации, фактически приводят и к зауженному пониманию самого субъекта профессиональной деятельности. Согласно С.Л. Рубинштейну [19], любые определения субъекта, соотносимые лишь с отдельными аспектами существования человека в мире (в данном случае с трудом), фиксируют лишь «качественную определенность» или «специфическое качество» реального субъекта. Вся же полнота жизненных отношений человека, необходимо опосредствующая любые его «специфические качества», раскрывается лишь при обращении к онтологическому субъекту. Мы остановимся лишь на некоторых характеристиках последнего, необходимых в контексте данной статьи.

1. Существенной характеристикой человека как онтологического субъекта является обращение к системе «человек и мир». Именно в этой системе он «выявляется во всех своих человеческих качествах по мере того, как он выступает по отношению ко всем сторонам бытия, жизни» [19, с. 365]. В этой связи С.Л. Рубинштейн выделяет наряду с действенными познавательные и этические отношения, «эстетическое начало», составляющие совокупный «родовой» потенциал человека и необходимо опосредствующие (хотя и в разной степени) его любые «частичные» взаимодействия с миром.

Чем более полно представлены эти отношения в жизни человека, тем более он преодолевает свои «частичные» специфические качества и соответствует модусу онтологического субъекта, реализуя себя и как субъект целостной жизнедеятельности.

2. Второй важный аспект потенциалов онтологического субъекта образуют тенденции универсализации [19; 20]. Наряду с реализацией перечисленных выше разнообразных отношений с миром эти тенденции проявляются и как причастность жизни человека к бесконечному бытию человечества в прошлом, настоящем и будущем.

Исследуя развитие субъективности человека (как важнейшего аспекта его субъективности), В.И. Слободчиков выделяет в этом развитии ступень универсализации как выход за пределы любых «частичных» граней своего внешнего и внутреннего бытия, «за пределы мерного и пограничного *в сферу подлинного вселенского и универсального со-бытия*» [20, с. 68].

3. Третью характеристику онтологического субъекта составляют два способа существования, или общего отношения человека к жизни [19]. Эти два способа в обобщенном виде представляют характер реализации (или нереализации) субъектом его сущнос-

тных характеристик и тенденций универсализации. Первый способ существования — «жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек... Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом» [19, с. 351]. Второй «способ существования» связан с появлением рефлексии, мысленно выводящей человека за пределы непосредственного непрерывного потока жизни, позволяя субъекту занять позицию вне ее «для суждения о ней» [19, с. 352]. «Отсюда с этого момента возникает проблема “ближнего” и “дальнего”, проблема соотношения, взаимосвязи непосредственного отношения к жизни, к окружающему его и осознанного отношения, опосредованного через “дальнее”... От такого обобщенного, итогового отношения человека к жизни зависит и поведение субъекта в любой ситуации, и степень зависимости его от этой ситуации или свободы в ней» [19, с. 352].

Именно эти два способа существования онтологического субъекта послужили методологическим основанием нашей третьей по счету позиции в понимании профессиональной адаптации, выделения в последней еще одного аспекта. В этом аспекте адаптация (или творчество) выступают как обобщенные характеристики двух разных способов существования человека в профессии, приобретающих на поздних этапах его профессионального функционирования достаточно устойчивый характер.

Методологическим «каркасом» содержательного определения творческого и адаптивного способов существования человека в профессии послужила разработанная нами модель развития субъекта профессиональной деятельности в ходе ее многолетнего выполнения.

В этой модели основной акцент был сделан на спецификации каждой стадии этого развития через определение интегрального качества субъекта труда, что позволяет, с нашей точки зрения, выявлять качественные изменения любых компонентов психического обеспечения профессиональной деятельности.

Модель включает три стадии: 1) адаптация человека к профессиональному труду — стаж работы до 5 лет; 2) его идентификация с профессией — стаж работы около 10 лет; 3) выбор субъектом способа существования в профессии — стаж работы более 10—15 лет. На третьей стадии человек реализует тот или иной избранный им «стиль» (вариант) профессионального развития, тем самым осуществляя и свое жизненное самоопределение.

Для выявления интегрального качества субъекта на разных стадиях этого развития нами предлагаются четыре показателя:

- 1) конкретизация системы, в которую включен специалист на каждой стадии развития, задающей «рамки» качественной

- спецификации тех или иных психических составляющих профессиональной деятельности;
- 2) определение основной задачи, которую решает субъект на данной стадии;
 - 3) выделение ведущего [13] противоречия развития, которое разрешается субъектом;
 - 4) степень (уровень) профессионализма субъекта.

На основании этих четырех показателей на третьей стадии — стадии выбора субъектом способа существования в профессии — его интегральное качество можно раскрыть следующим образом: 1) система («рамки») этой стадии — «человек и мир», что позволяет перейти от субъекта как «специфического качества» к онтологическому субъекту; 2) человек выступает подлинным субъектом своей профессиональной судьбы, решая задачу, стоит ли ему вкладывать все свои силы и жизненные потенциалы (потребности и способности) в профессиональный рост и совершенствование своего труда, т. е. избрать ли ему творческий «стиль» профессионального развития или же ограничиться социально-приемлемым выполнением своих непосредственных профессиональных функций, т. е. избрать адаптивный стиль; 3) основное противоречие этой стадии — «универсализация-специализация» (активное приобщение субъекта к профессиональному и культурному универсуму или разные формы деформации психологического обеспечения своего труда; 4) степень профессионализма субъекта на этой стадии — «профессионал» («зрелый специалист»).

Онтологический субъект как главное методологическое основание анализа адаптивного (или творческого) способа существования человека в профессии предполагает введение еще одного параметра. Таковым является параметр «профессиональная деятельность—жизнедеятельность», который так или иначе презентует существенные характеристики онтологического субъекта (систему «человек и мир», тенденции «универсализации—специализации»). Данный параметр позволяет выявить характер реального сопряжения субъектом своего труда с ценностями, отношениями и приобретениями своей целостной жизнедеятельности.

Такое сопряжение реализуется субъектом по разным линиям, важнейшими из которых выступают: а) ценностно-смысловая (какие именно ценности являются главными для него в профессиональном труде и как они соотносятся с его общими жизненными ценностями); б) линия потенцирования жизненными приобретениями субъекта его профессионального труда; в) линия опосредствования жизни человека его профессиональными занятиями (известный феномен «переноса» в иные бытийные отношения эфффектов и деформаций психологического оснащения его труда).

Параметр «профессиональная деятельность—жизнедеятельность» предполагает выявление наиболее общих характеристик адаптивного или творческого способа существования человека в профессии — его ценностных и потенцирующих оснований в системе жизненных отношений субъекта. Можно сказать, что этот параметр презентует в определенном смысле наиболее высокий уровень психологического анализа этих двух способов.

Другим уровнем анализа выступают довольно многочисленные исследования общей и прикладной психологии, связанные с выявлением когнитивно-регуляторных процессов, обеспечивающих адаптивный или творческий статус субъекта (его поведение, развитие и т.д.).

Во-первых, отмечаются различные формы деформации, «зауженности», «дефектности», познавательной активности человека, реализующего адаптивный (и тем более дезадаптивный) способ функционирования (в отличие от творческого). Применительно к профессиональному труду подобные «искажения» характеризуют отражение субъектом как внешних факторов деятельности и профессиональной среды («закрытость» чужому опыту, ориентация на ближайшие, конкретно-утилитарные, «здесь и сейчас», условия и требования деятельности), так и познание себя как профессионала (в том числе недостаточность и/или не критичность этого познания, относящегося к самым разным аспектам субъектно-личностного оснащения профессионального труда) [8; 9; 10; 16].

Во-вторых, в качестве важнейших регуляторов адаптивного поведения выступают жесткие, ригидные клише, стереотипы, относящиеся к наиболее типичным ситуациям, неоднократно встречавшимся человеку ранее [2; 8; 15; 16; 17]. Соответственно концепт «стереотип» (и стереотипизация) становится важным теоретическим конструктом при анализе адаптации как способа существования человека в жизни и труде.

Рассмотренные выше общие характеристики (параметры) адаптивного способа существования могут служить методологическими и содержательными средствами анализа данного способа и в профессиональной деятельности.

Поскольку адаптивный и творческий способы должны по возможности исчерпывать реальную многовариативность профессионального развития субъекта, в том числе его регрессивные направления, целесообразно сохранить при анализе вариантов адаптивного способа параметр дезадаптивности (понимаемый обычно как регресс).

Нами выделяются три варианта реализации этого способа: 1) адаптивно-репродуктивный; 2) адаптивно-деформирующий; 3) дезадаптивно-деформирующий.

Адаптивно-репродуктивный вариант существования человека в профессии реализует значительное число специалистов массовых

профессий. Если творческие профессионалы «адаптируют» профессию к себе посредством совершенствования средств деятельности и себя как ее субъекта, то «репродуктивные» специалисты достаточно успешно справляются с нормативными профессиональными функциями в основном путем упрощения реальных трудовых ситуаций, их некритичного сведения к наработанным в ходе многолетнего функционирования стереотипам, шаблонам.

Так, Л.М. Митина отмечает три существенные характеристики учителей, реализующих «адаптивное поведение» (которое автор даже не считает профессиональным развитием — точнее, характеризует его как стагнацию): 1) неспособность субъекта выйти за пределы повседневного функционирования, осмыслить его в более широком контексте общих задач учебно-воспитательного процесса (и тем более в контексте общечеловеческих ценностей): в самосознании учителя «доминирует тенденция к подчинению профессиональной деятельности внешним обстоятельствам в виде выполнения социальных требований, ожиданий, норм» [16, с. 88]; 2) регуляция деятельности осуществляется за счет «достижений прошлого, эксплуатации стереотипов, канонизации и универсализации прошлого опыта» [16, с. 90], что влечет невосприимчивость к новому, неуважение ученика как равноправного субъекта учебного процесса; 3) стагнация как форма развития не опосредствуется саморазвитием, которое определяется автором как «активное качественное преобразование учителем своего внутреннего мира, приводящее к принципиально новому строю и способу жизнедеятельности — творческой самореализации в профессии» [16, с. 85—86]. Необходимым же условием такого преобразования выступает самокритичная рефлексия субъекта над своими возможностями, ценностными установками и мотивами труда, оценка последних в контексте как общих жизненных смыслов, так и высших профессиональных ценностей (учитель не только и не столько ретранслятор конкретных знаний, но и со-творец интеллектуального и личностного развития учеников).

Вопросы саморазвития учителя (конкретизируемого в том числе как установка субъекта на самосовершенствование) изучает М.М. Кашапов [10], связавший подобную рефлексивную и преобразующую активность с «надситуативным уровнем проблемности» педагога (т. е. с наличием способности видеть текущие проблемы в контексте упомянутых выше принципиальных задач учебного процесса). Учителя, находящиеся на «ситуативном уровне проблемности», как правило, погружены в решение задач конкретного момента и с ростом стажа работы начинают активно использовать наработанные стереотипы.

Специально занимавшаяся вопросами конкурентоспособности специалистов разных профессий в современных условиях Ф.И. Исмагилова [9] отметила как закономерность следующий факт: неконкурент-

тоспособные работники обычно абсолютизируют свой прошлый опыт, не готовы его критически пересмотреть и тем более преобразовать (по образному выражению автора, «опыт становится субъектом»).

Что же касается специфических особенностей адаптивно-репродуктивного варианта существования человека в профессии по параметру «профессиональная деятельность—жизнедеятельность», то, как правило, труд для этих людей не становится приоритетной жизненной ценностью, и они уходят в иные сферы жизнедеятельности (семья, хобби), где чувствуют себя более реализованными.

Характер использования иных жизненных приобретений в труде демонстрирует функции досуга. Если в труде высокообразованных и высококвалифицированных специалистов досуговые занятия выполняют важные развивающие функции (как связанные со спецификой профессии, самообразованием в ней, так и обеспечивающие общее развитие субъекта в результате занятий внепрофессиональным творчеством, искусством), то функция досуга в жизни менее продуктивных работников ограничена релаксацией, отдыхом, отвлечением от труда [8].

Можно сказать в этой связи, что отношение «профессиональная деятельность — жизнедеятельность» осуществляется субъектом как рядоположенность профессионального труда и остальной его жизни. Типичен также для адаптивно-репродуктивного варианта (как, впрочем, и для других вариантов адаптивного способа) «перенос» профессиональных стереотипов в обыденную жизнь (например, назидательность в общении с людьми, демонстрируемая педагогами [6]).

Второй вариант адаптивного способа существования человека в профессии — *адаптивно-деформирующий* — обладает противоречивыми характеристиками.

С одной стороны, в отличие от адаптивно-репродуктивного варианта его представителям свойственна высокая ценностная погруженность в свой труд (особенно ярко это демонстрируют специалисты, связанные с компьютерным программированием). Они обладают высокой компетентностью в своей узкоспециализированной области (форма гиперспециализации) и способны в принципе обеспечить высокое качество специфического продукта своей деятельности (создаваемых программ). Вместе с тем суперпрограммисты зачастую «закрыты» для иных сфер жизни, коллапсируя последнюю в «точку» профессии. Для них «компьютер выступает как средство создания и соавтор особого мира», а «самосознание программиста скорее релевантно мироощущению демиурга» [7, с.120 и 121].

Такая «зауженность» жизненных интересов специалистов, целиком поглощенных созданием с помощью компьютера иной, виртуальной реальности, способствует формированию у субъекта особой структуры смысла жизни (как многомерного феномена), которую

В.Э. Чудновский назвал «монолитной». Вместо гармоничного иерархического взаимодействия больших и малых смыслов человеческой жизни, относящихся в том числе к разным ее сферам, «ведущий компонент иерархии становится самодовлеющим... Смысл жизни приобретает упрощенную однонаправленную структуру» [26, с. 158], который начинает играть негативную роль в развитии личности. Свою позицию автор иллюстрирует пушкинским образом Сальери (психологический анализ этого образа был произведен Б.М. Тепловым): «Музыка, к которой Сальери с детства был очень чувствителен, стала для него не окном в мир, а глухой стеной, заслоняющей этот мир» [26, с. 158].

В результате профессиональная деятельность отгораживает субъекта от иных отношений с миром, что в конечном счете препятствует использованию этих отношений в труде, тем самым способствуя прекращению творческого роста специалиста.

Другое противоречие, характеризующее этот вариант существования человека в профессии, состоит в том, что создание программ часто превращается в «искусство для искусства». Программист, аксиологизируя средства своего труда (формальные языки, процедуры), вместо того, чтобы глубоко изучать запросы заказчика и пользователя, характер программируемой деятельности, ограничивается техническими аспектами программирования [12]. В результате основная цель его труда — создание программного обеспечения определенной деятельности — не достигается в полном объеме: «красивые» программы могут оставаться неудобными (и даже непонятными) для пользователя. «Многие разработчики стремятся писать как можно более сжатый и запутанный код, нарекая приложения элегантными вследствие их новизны. Они считают, что им удалось достичь небывалых высот, но никто ничего не может понять в их программах» [цит. по: 3, с. 219].

Одним из источников появления такого рода «огрехов» в работе высококвалифицированных специалистов является наличие содержательно-смысловых барьеров между ними и заказчиками, а также недостаточное развитие навыков непосредственного и опосредствованного общения при чрезмерном развитии («заострении») профессионально-важных качеств, обеспечивающих технические и математические аспекты работы.

Перспективным путем преодоления таких барьеров может стать активизация различных жизненных потенциалов программистов, в том числе их способности к метафорическому мышлению. Осуществляется это путем включения в совместную деятельность разных специалистов (вместе с заказчиками) по проектированию интерфейса процедур формирования групповой метафоры проектируемого продукта. Это позволяет, во-первых, создать общее когнитивное поле для проектировщиков и заказчиков, способствующее их взаимопонима-

нию, во-вторых, сформировать целостное представление проектируемой деятельности у разработчиков, в-третьих, сделать «прозрачной» организацию этой деятельности для пользователя [12].

Любые варианты адаптивного способа существования человека в профессии в той или иной степени демонстрируют профессиональную деформацию личности, т. е. известный феномен «переноса» специфических установок, способов поведения и общения во внепрофессиональные сферы бытия субъекта. Однако мера выраженности такого «переноса» может быть различной: от достаточно «безобидной» (для жизни человека и его труда) «непохожести на людей других профессий» (или профессиональной «типичности», на которую указывали как отечественные, так и зарубежные исследователи) до «психического выгорания» как феномена абсолютно негативного и для профессиональной деятельности субъекта, и для его жизненных отношений [17].

Этот вариант существования человека в профессии назван нами *дезадаптивно-деформирующим*.

Феномен «психического выгорания» является проявлением и «полного регресса профессионального развития, поскольку оно затрагивает личность в целом, разрушая ее и оказывая негативное влияние на эффективность трудовой деятельности» [17, с. 372], вызывая стойкую неудовлетворенность последней.

Обобщая различные исследования данного феномена, В.Е. Орел выделяет следующие его характеристики. «Психическое выгорание представляет собой синдром, включающий в себя эмоциональное истощение, деперсонализацию (цинизм) и редукцию профессиональных достижений. Под эмоциональным истощением понимается чувство эмоциональной опустошенности и усталости, вызванной собственной работой. Деперсонализация предполагает циничное отношение к труду и объектам своего труда. В частности, в социальной сфере деперсонализация предполагает бесчувственное, негуманное отношение к клиентам; редукция профессиональных достижений представляет собой возникновение у работников чувства некомпетентности в своей профессиональной сфере, осознание неуспеха в ней» [17, с. 373–374].

Неудовлетворенность трудом, в высшей степени свойственная специалистам при «психическом выгорании», естественным образом приводит к высокой ценности для них иных сфер жизни. Существенной характеристикой дезадаптивно-деформирующего варианта является мощная мобилизация субъектом таких жизненных его приобретений, как психологические защиты.

«Защитные механизмы начинают свое действие, когда достижение цели нормальным способом невозможно, или когда человек полагает, что оно невозможно. Важно подчеркнуть, что речь идет не о

способе достижения желаемого результата, а о способе организации частичного или временного душевного равновесия» [6, с. 56].

Осознавая определенное позитивное значение психологических защит в жизни человека (особенно когда это лишь его временный «уход» из сложной, опасной ситуации) «с тем, чтобы собрать силы для реального преодоления возникших трудностей» [6, с. 56], следует помнить об их негативной функции: «потребность в сохранении уровня самооценки приводит к защитному игнорированию неудач, объяснению их внешними причинами, что ослабляет стимул к их преодолению» [6, с. 56]. Иницируемое защитами искаженное восприятие действительности также не способствует адекватному действию.

Тем не менее существуют позиции, согласно которым количество актуализируемых защит является чуть ли не главной детерминантой не только адаптивного поведения личности, но и ее зрелости, а также творческого потенциала.

«С уверенностью можно утверждать, что широта используемых механизмов и количество связей между ними определяет гибкость личности, ее адаптивность, потенциальные возможности использования разных средств в зависимости от ситуации» [22, с. 181]. «Чем более зрелая и цельная личность, тем больше она использует активных механизмов психологической защиты (соответствующих моделей поведения)». Вследствие же ограниченности количества используемых защит, по мнению автора, «снижен и уровень развития творческого потенциала личности» [22, с. 185].

Подобная переоценка позитивной роли психологических защит (и тем более придание им статуса чуть ли не источника творческой активности субъекта) противоречит как исходному пониманию этого феномена (как фактора преодоления лишь внутренних негативных состояний и переживаний), так и многочисленным данным, свидетельствующим об опосредствовании характера, количества, функций защит различными личностными инстанциями человека (его мотивацией, ответственностью и т.д.), а также уровнем развития его интеллекта [10; 20; 25]. Более того, имеются данные, что психологические защиты могут не выполнять даже функции снятия уровня тревожности у субъекта, если «задействовано» либо слишком мало, либо слишком много защитных механизмов [27].

Регрессивные тенденции профессионального развития специалиста (в том числе в форме «психического выгорания») поставили перед психологами практическую задачу купирования таких тенденций. Наряду с традиционными тренингами, связанными с конкретными «дефектами» определенной деятельности, арсенал средств развивающего воздействия пополнился в последние годы широким распространением арттерапевтических процедур (занятия музыкой, живописью и т.д.).

Методологическое значение подобного подхода состоит в том, что в нем основной акцент делается не на предметной близости психокоррекционных процедур тому или иному виду профессиональной деятельности, а на максимальном вовлечении всей совокупности жизненных потенциалов человека (эмоциональных, когнитивных, личностных) с помощью неспецифических средств (так, например, многогранная музыкальная активность клиентов — не только музыкантов, но и психологов и педагогов — позволила им существенно усовершенствовать профессионально важные навыки сценического и межличностного общения средствами самовыражения и воздействия на людей) [4].

Литература

1. *Алдашева А.А.* Психологическая адаптация специалистов: Автореф. дис... докт. психол. наук. М., 1995.
2. *Асмолов А.Г.* Психология личности. М.: Изд-во МГУ, 1990.
3. *Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е.* Одаренный ребенок за компьютером. М.: Сканрус, 2003.
4. *Блинова О.А.* Методика личностно-ориентированной коррекции профессионального развития средствами музыки. Автореф. дис...канд. психол. наук. М., 2002.
5. *Волкова Е.Н.* Субъективность педагога: теория и практика. Автореф. дис... докт. психол. наук. М., 1998.
6. *Дмитриева М.А.* Психологические факторы профессиональной адаптации // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности. СПб.: Изд-во СПГУ, 1991. С. 43—60.
7. *Должикова Н.А., Чудова Н.В.* Психологические особенности суперпрограммистов // Психологический журнал. Т. 18. 1997. № 1. С. 113—121.
8. *Завалишина Д.Н.* Практическое мышление. Специфика и проблемы развития. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
9. *Исмагилова Ф.И.* Профессиональный опыт специалистов и управление им в условиях формирования рыночной экономики. Автореф.дис... докт. психол. наук. М., 2002.
10. *Кашапов М.М.* Психологические основы решения педагогической ситуации. Ярославль: ЯрГУ, 1992.
11. *Кудрявцев Т.В., Шегурова В.Ю.* Психологический анализ динамики профессионального самоопределения // Вопросы психологии. 1983. № 2. С. 51—59.
12. *Ложкина Е.Р.* Социально-психологические аспекты междисциплинарного подхода к проектированию современного компьютерного интерфейса. Автореф. дис... канд. психол. наук. Ярославль, 2001.
13. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
14. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М., 1996.
15. *Матюшкин А.М.* Психологическая структура, динамика и развитие познавательной активности // Вопросы психологии. 1982. № 4. С. 5—17.

16. *Митина Л.М.* Психология профессионального развития учителя. Автореф. дис... докт. психол. наук. М., 1995.
17. *Орел В.Е.* Профессиональное развитие личности // *Общая и прикладная психология: Хрестоматия.* М.-Ярославль, 2001. С. 358–378.
18. *Поваренков Ю.П.* Психология профессионального становления личности (основы психологической концепции профессионализации). Курск, 1991.
19. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
20. *Семенова Т.И.* Взаимосвязь интеллекта и механизмов психологической защиты: Автореф. дис... канд. психол. наук. М., 2004.
21. *Слободчиков В.И.* Развитие субъективной реальности в онтогенезе. Автореф. дис... докт. психол. наук. М., 1994.
22. *Субботина Л.Ю.* Психологическая защита в структуре личности // *Психология субъекта профессиональной деятельности.* М.-Ярославль: Аверс-Пресс, 2002. Вып. II. С. 175–195.
23. *Сухарева А.И.* О проявлении индивидуально-психологических особенностей в трудовой деятельности ткачих-ковровщиц в зависимости от мастерства и стажа работы // *Психофизиологические вопросы становления профессионала.* М.: Советская Россия, 1976. Вып. 2. С. 34–56.
24. *Тернопол В.Я.* Структурно-психологические закономерности субъектных детерминант профессиональной адаптации. Автореф. дис... канд. психол. наук. Ярославль, 2001.
25. *Харламенкова Н.Е.* От эффектов самоутверждения личности к его внутриличностным коррелятам: анализ психологических механизмов // *Российский менталитет. Психология личности, сознания, социальные представления.* М.: ИП РАН, 1996. С. 108–120.
26. *Чудновский В.Э.* Проблема структуры смысла жизни как психологического феномена // *Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни.* М.: ПИ РАО, 2001. С. 156–163.
27. *Юркова М.В.* Структура и динамика защитных механизмов личности. Автореф. дис... канд. психол. наук. Ярославль, 2000.

Идентификационные аспекты социальной адаптации профессионалов¹

Е.П. Ермолаева

В системе человек—профессия—общество профессионал выступает одновременно в двух ипостасях: как объект влияния других компонентов системы и как субъект, преобразующий эти влияния в конкретные профессиональные действия [5]. Как объект он испытывает влияние социально-экономических перемен, которые редко бывают синхронными и взаимосвязанными. Чаще они выступают несогласованно и ставят профессионала в позицию «ценностно-нравственного выбора в конфликтной ситуации».

Несбалансированные социально-экономические воздействия разрушают сложившуюся определенность в понимании функций профессии. В результате у субъекта, общества и профессионального сообщества формируются разные модели профессии. Мы назвали их индивидуальной, социальной и инструментальной моделями. Рассогласование между ними может принимать вид расхождения смыслообразующих целей профессии или различной трактовки профессиональных функций и иерархии их значимости. Возможно также несовпадение по фазам качественных изменений в каждой из моделей и неодинаковая скорость преобразования моделей под влиянием инновационных процессов.

Если обратиться к терминологии точных наук, *социально-психологический тип профессии* представлен точкой в пространстве координат, образуемых континуальными шкалами: а) социальный масштаб действия профессиональных решений: от локального до глобального; б) соотношение функций внутри профессии: от преобладания технических до приоритета социальных; в) степень субъектности адресата профессионального поступка: от материальных объектов (с нулевой субъектностью) через механизмы и технические системы с обратной связью, включая ЭВМ, до природных живых объектов, человека и социума, способных в разной мере оказывать противодействие профессионалу; г) уровень и качество субъектности профессионала: от

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-06-06247а

исполнителя (ведомого социумом) до преобразователя (ведущего социум за собой). В той же терминологии *психосоциальный вес профессии* — это точка пересечения проекций интересов профессионала и общества. Но обе эти проекции подвижны. Причем стимулом этого движения могут выступать как сами профессионалы, так и общество.

В одних случаях общество позволяет себе не замечать изменившиеся социальные отношения с профессионалами, в других — само подталкивает профессионалов к изменению социальных функций профессии. Путь к новой социальной функции профессии — это взаимосвязанный процесс изменений в обществе и в профессии, когда либо актуализируется нечто, что уже было в профессии и в отношении ее с обществом, но на втором, третьем или более дальних планах; либо улавливается новая тенденция направленности макросоциальных изменений по отношению к профессии. В результате этого «встречного движения» может даже происходить легализация тех теневых функций профессии, которые постепенно становились типичными, и к которым общество смогло психологически адаптироваться. Когда новые «правила профессионального поведения» воспринимаются как «норма», изменяется социальная роль профессии в обществе. При кардинальных преобразованиях в системе человек—профессия—общество можно говорить о смене *профессиональных эпох*.

Любая эпоха как качественно своеобразная взаимосвязь человека, профессии и общества имеет типичные признаки, которые выступают как ее опознавательные знаки, или «символы». Мы выделили три таких «символа».

Первый — преобладание той или иной *социальной направленности профессиональных ошибок*. В эпохи социальных перемен это демонстративное нарушение социальных функций профессии; в эпохи застоя — превалирование теневых функций профессии над официально декларируемыми; в эпохи бурного технического прогресса — «техногенные» ошибки и социальный эффект от них. Если профессия преобразуется и приобретает новое качество, преодолевая ошибки, то их можно назвать «ошибками роста». Второй символ — *ведущий тип профессионального субъекта* по критериям ценностно-нравственных ориентаций, социальной активности и самореализации. Третий символ — *материализованный в ведущих профессиях «знак прогресса»*.

В современной (постреволюционной) истории России можно выделить по крайней мере три эпохи.

В *эпоху профессиональной изоляции и профессиональной диктатуры* советского периода две профессиональные системы — советская и мировая — существовали, практически не пересекаясь. Не общество, а государство определяло перечень профессий. Оно же формировало человека, который *как бы свободно* выбирал профессию, нужную государству.

В *эпоху перемен* связи в системе «человек—профессия—общество» распались, профессиональные ценности сдвинулись почти на противоположные, а социальные критерии ошибочности профессиональных решений потеряли однозначность. Это период непредсказуемого и стихийного порождения социально неадекватных профессиональных действий на базе неверного прогноза.

Наступающая *эпоха глобализации* вносит качественные изменения в содержание понятий общества, профессии и профессионала и в отношения между ними, делая их соотносимыми с масштабами международного рынка труда и с общецивилизационными стандартами социальной адекватности и безопасности профессий.

Основной психологический конфликт современного этапа связан с наличием одновременно существующих разнонаправленных тенденций в профессиональной сфере. С одной стороны, происходит маргинализация профессионалов как следствие изменений в отраслевой структуре и социальном статусе профессий. С другой стороны, наблюдается рост социальной потребности в профессиональных услугах на уровне мировых стандартов и усиление индивидуальных устремлений к высоким достижениям в профессиональном труде как средству самореализации, повышения материального благосостояния и социального статуса.

В субъективном плане этот конфликт переживается как кризис профессиональной идентичности, а в поведенческом — выступает в форме «психологического сопротивления изменениям» как самого субъекта труда, так и потребителей его профессиональных услуг в тех случаях, когда эти услуги все менее отвечают социальному назначению профессии.

Ментальной основой сопротивления изменениям служит формируемая субъектом концепция враждебности социальной среды, в которой он находится и которая отторгается им тем более, чем меньше он сам участвует в ее создании.

Типичные формы психологического сопротивления изменениям в профессиональной сфере: уход (реальный или виртуальный), пассивное сопротивление (имитация деятельности или саботаж), активное противодействие (попытка повлиять на враждебную среду), деструктивная адаптация (рассогласование структуры притязаний и мотивационно-потребностной сферы).

Методологической базой для *конструктивной* адаптации профессионала [6] в меняющейся социальной среде может служить взвешенное сочетание индивидуальных притязаний и социальной целесообразности в стратегиях подготовки и реабилитации профессионалов.

Адаптация человека — это функция *произвольного* субъекта, поэтому она в принципе не может представлять собой приспособление личности к среде только как одностороннее усвоение ее норм и ценностей. Условно в этом процессе в «Я» субъекта присутствует отражение

потребностей среды, т.е. отраженное «Мы». Но в то же время, конструктивная адаптация невозможна без присутствия в самой социальной среде необходимого диапазона вариативности, дающего индивиду возможность найти свой собственный способ самореализации в адаптационной стратегии, т. е. в «Мы» также должно присутствовать отраженное «Я», точнее, в среде должен быть заложен прообраз вариантов стратегий адаптации субъекта к ее социальным нормам и ценностям.

Таким образом, для конструктивной адаптации социальная среда должна обладать определенной степенью *открытости для субъекта*, а индивид резервом *толерантности*, т.е. необходимой степенью открытости для принятия ценностей разных социальных сред. Различные сочетания индивидуальной толерантности и социальной открытости могут быть представлены в виде универсальной модели в системе двух координат, одна из которых отражает степень открытости субъекта, другая — степень открытости среды. Эта модель позволяет описывать известные в настоящее время разновидности социальной адаптации: прогрессивную и регрессивную, одностороннюю и взаимную, принудительную и добровольную, аллопластическую и аутопластическую, а также такую форму дезадаптации, как профессиональный маргинализм (рисунок 1).

Квадрант I соотносится с *действующим пассивным профессиональным маргинализмом*, означающим «внутренний уход». Квадрант II включает все варианты *конструктивного преобразования идентичности профессионала*, приводящие к ее развитию. Квадрант III отражает ситуации профессионального *маргинализма с «истинным уходом из профессии»*. Квадрант IV отражает взаимоотношения субъекта и социальной среды, благоприятствующие развитию *действующего агрессивного профессионального маргинализма* [4].

Предложенная Р. Хайбером [7] при анализе аффективного от-

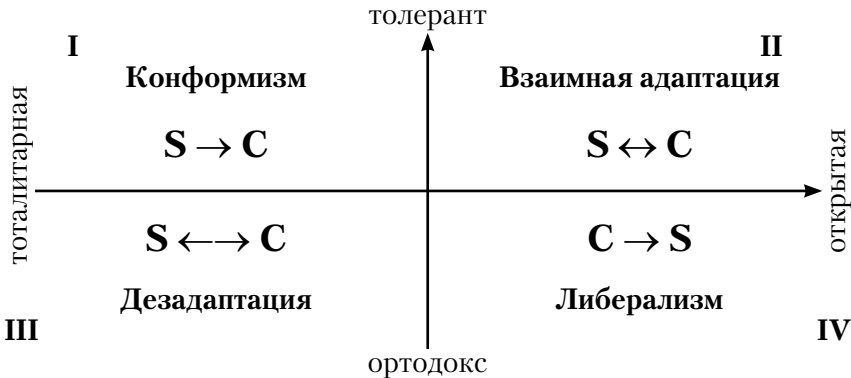

Рис. 1. Универсальная адаптационная модель. На схеме: S — субъект, C — социальная среда.

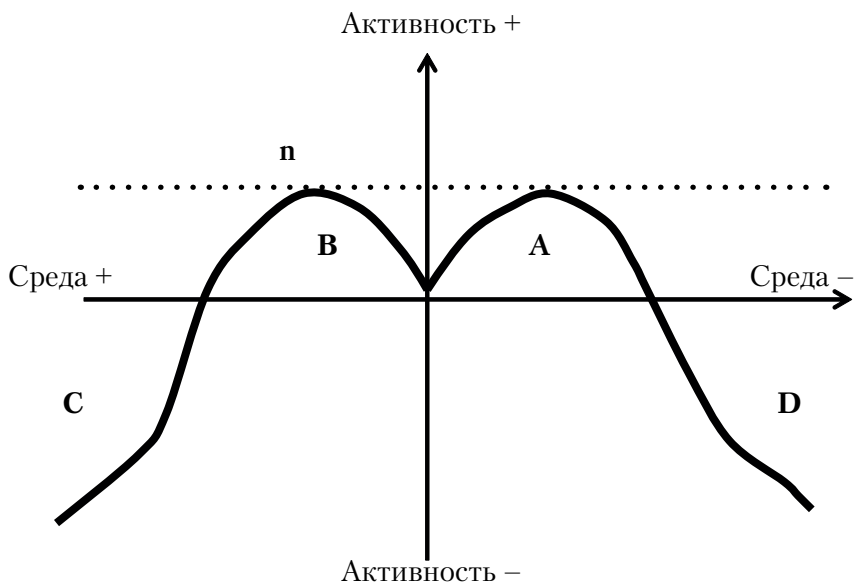

Рис. 2. «Мотыльковая кривая» переидентификации профессионала. На схеме: 0 – фоновый рабочий уровень социальной идентичности профессионала в стабильной системе; «Среда +» – степень позитивных изменений в социально-профессиональном пространстве; «Среда –» – степень негативных изменений в социально-профессиональном пространстве; «Активность +» – конструктивная социально-профессиональная активность личности; «Активность –» – деструктивная социально-профессиональная активность личности; А, В, С, D – зоны различных типов переидентификации профессионала.

клонения от нулевого уровня физической адаптации (тела человека к температуре воды) так называемая «мотыльковая кривая» оказалась удобной моделью и для нашего описания адаптационных аспектов переидентификации профессионала при позитивных и негативных изменениях социальной среды разной степени выраженности (рисунок 2).

Первое, что необходимо отметить в этой модели – то, что умеренные изменения социальной среды, как позитивные, так и негативные, вызывают конструктивную профессионально-преобразовательную активность личности, а чрезмерные, в том числе и позитивные, изменения – приводят к стагнации или деструктивной реакции профессионала.

Диапазон 0–п отражает наличие операционального резерва идентичности и запаса вариативности поведения профессионала, не нуждающегося в кардинальной переидентификации, чтобы оставаться адекватным изменениям ситуации в пределах зон А и В. Умеренные изменения социальной среды вызывают адреналиноподобный всплеск ориентировочного поведения, что стимулирует творческую, поисковую и защитную активность профессионала, положительно окрашенную эмоционально как при

благоприятных изменениях среды (А), так и при неблагоприятных (В). Разница лишь в том, что при негативных изменениях социальной среды больше выражены защитные тенденции, и преобразование идентичности идет преимущественно по типу конформизма, а при благоприятном развитии социальных условий происходит раскрытие резервных возможностей социальных функций профессии и переход идентичности профессионала на более высокий качественный уровень.

В этот же диапазон 0—п входит и феномен спонтанной самопроизвольной смены (с периодичностью от 3-х до 7-ми лет) рода занятий, темы научной работы и т.п. в пределах той же профессии, наличие которого неоднократно отмечалось психологами в эмпирических исследованиях, а также учеными разных профилей по опыту самонаблюдения, рассматриваемый как необходимый стимул для поддержания уровня творческой активности.

В отличие от этого, зоны С и D, отражающие слишком радикальные или быстрые социальные изменения, представляют необратимые ситуации кризиса профессиональной идентичности, завершающиеся, как правило, разными вариантами отказа от профессии, ухода в другие сферы или принятием на себя теневого функций.

В зоне С сосредоточены все виды «уходов» в другие сферы с утратой профессии, требующие полной переидентификации профессионала, так как в рамках прежней идентичности социальное приспособление прежней профессии к новым условиям невозможно: это зона *разрушения идентичности*.

Зона D, связанная хотя и с чрезмерными, но все же позитивными социальными изменениями, представляет смену профессиональной идентичности *по типу трансформации ее же*, позволяющей сохранить часть связей с прежней профессией путем поиска новых ее применений при радикальной смене ценностных приоритетов. «Уходы» в другие сферы происходят с использованием прежних профессиональных навыков, либо в прежнюю профессию внедряются новые принципы и методы работы (например, коммерческие), делающие ее, по сути, другой.

Рассмотрим более подробно некоторые аспекты этой модели.

Адаптационный резерв идентичности в условиях профессиональной динамики

Современные темпы изменения профессионального пространства и требований к профессионалу создают проблему вынужденной переквалификации. Некоторые формы переквалификации, позволяющие субъекту сохранять тождество самому себе, протекают на базе

прежней идентичности, для других необходима переидентификация, когда характер трансформации профессионального пространства затрагивает ценностно-ментальный уровень личности.

Если в стабильных условиях психологическая идентичность служит основанием устойчивой согласованности внешних и внутренних компонентов профессиональной деятельности и инвариантности поведения, то в меняющейся социальной среде она выступает в качестве механизма регуляции и адаптации, определяющего, с одной стороны, границы применения старых эталонов и приемов труда, а с другой — возможные для данного субъекта направления изменения профессиональной ориентации вне этих пределов.

Основные параметры, по которым можно установить регуляторный диапазон и адаптационный резерв профессиональной идентичности, — устойчивость, перенос навыков и универсальность. *Устойчивость* — неизменность основных характеристик осуществления и эффективности деятельности при изменении условий ее протекания, временно искажающих профессиональное пространство. *Перенос* — сохранение навыков при непроходящих изменениях профессионального пространства (качественное преобразование прежнего пространства или переход профессионала в другую культурную, ментальную, социальную или информационную среду). Параметр *универсальности* отражает сущность истинного профессионализма как явления надситуативного, наднационального и надкультурного.

Возможности профессиональной переидентификации зависят от имманентных свойств субъекта (лично-типологических и индивидуально-психологических), а также от его ментальных и установочных позиций как профессионала.

Среди личностных факторов, снижающих адаптационный резерв профессиональной идентичности, выделяются такие механизмы сопротивления изменениям, как психологическая защита самооценности собственной личности (феномен «вложенного труда»), свойственная высококвалифицированным специалистам, и «моральное старение», являющееся следствием длительного пребывания в одной профессиональной роли. Личностная основа успешной переидентификации — склонность к разрушению стереотипов, присущая творческим людям и «первопроходцам». Показателями адаптационной динамики выступают *гибкость*, *мобильность* и альтернативная им *косность*. Профессиональная гибкость (лабильность) обеспечивает освоение новых областей прежнего профессионального пространства; профессиональная мобильность — освоение новых профессиональных пространств; профессиональная косность — свидетельство хронической неспособности к перемещению в профессиональном пространстве и выходу за его пределы. Эти показатели не должны расцениваться только как

положительные или отрицательные: излишняя мобильность может граничить с понятием «летун», лабильность — с профессиональной поверхностностью, а «отрицательная» косность становится «положительной» константностью при характеристике тех специалистов и творческих работников, которые отождествляют себя с профессией и готовы терпеть лишения ради возможности заниматься любимым делом.

Более частные индивидуально-психологические факторы неблагоприятного прогноза профессиональной переидентификации связаны с неспособностью к саморазвитию и низкой автономностью личности, проявляющимися, в частности, в недостаточной мотивации достижения, затруднениях в принятии и реализации решений, неадекватной оценке и низкой скорости реагирования на ситуацию. Не последнюю роль играют дисбаланс риска, состоящий в преобладании эмоционального компонента над рациональным (или наоборот), и невосприимчивость к новой информации, усугубляющая профессиональный догматизм.

Ментально-установочные аспекты динамики профессиональной идентичности обусловлены тем, что человек реагирует на изменения сквозь призму сразу нескольких Я-концепций. Современный человек — это не только «человек разумный», но еще и человек-товар, человек в системах информации и техники, человек прагматический, человек корпоративный, человек в виртуальном мире, человек вне природы, человек в сетях предрассудков... Подобные факторы «несвободы», препятствующие профессиональной переидентификации, можно сгруппировать по критерию их носителя: идеальный, культурный, социальный, материальный, информационный, позиционный...

В частности, идеальный аспект включает: неадекватные установки, содержащие как элементы социального и личного «мифотворчества» в профессиональной сфере, так и противоречия сознания, свойственные переходным ситуациям; сверхценные идеи, дающие очень устойчивую, но не всегда адекватную идентичность; профессиональную амбициозность, выражающуюся в преобладании желания «казаться» над стремлением «быть», которая обнаруживает свою несостоятельность в условиях, требующих действенной активности от субъекта.

Социокультурный аспект отражает степень метакультурной универсальности профессионала, основу которой создают: универсальные навыки и межкультурный опыт; характер формализации и тип профессионального языка; не зависящее от культурных наслоений и социальной среды сущностное единство объекта приложения профессиональных умений. Информационная доступность, т.е. свобода получения информации, возможность распоряжения ею и открытость результатов ее использования рассматривается как второй, неспецифический слой универсального профессионализма.

Социально-психологическая обусловленность действия личност-

ных факторов профессиональной переидентификации проявляется в той мере, в какой субъект выступает «личностью», «лицом» или «человеком массы», и зависит от типа деятельности, в которой сформировался профессионал и к которой ему предстоит адаптироваться; например, «человек массы» легче адаптируется в профессиях реализующего типа, а «личность» — в «преобразующих» профессиях [2].

Социальная ценность профессиональной идентичности относительна: чем радикальнее меняются условия, тем меньший адаптационный потенциал несет в себе профессиональная идентичность как фактор устойчивости. Зато возрастает роль личностной идентичности, особенно в кризисные периоды при низкой социальной поддержке.

Противоречие между требованием к профессиональной идентичности как цели, условию и сущности высшего уровня профессионализма и возникшей потребностью общества в частой переквалификации, которая легче как раз тогда, когда идентификация человека с профессией недостаточно сильна и устойчива, не разрешается однозначно. Для сохранения постоянства личности лучше иметь, а для возможностей адаптации в условиях, требующих внутренних изменений, лучше не иметь устойчивой идентичности как чего-то однозначного, раз и навсегда закрепленного. С трудностью разрешения этого противоречия можно связать апатию депрофессионализированных слоев общества или их агрессию, а также такие психологические феномены социальной дезадаптации, как отставание ментальности от реальности, субъективная суженность пространства выбора, недостаточная концептуализация профессионального самосознания.

Рассогласование потребностей и интересов личности и общества как причина неидентичности наблюдается в двух вариантах: изменяющийся мир сталкивается с неизменностью «Я» или с запаздыванием изменения «Я», что является характерной тенденцией в периоды социальных скачков, резких перемен; изменяющееся «Я» сталкивается с неизменностью мира: «Я» в силу естественных потребностей продвигается в развитии, в запросах, а общество стоит на прежних позициях, — это характерно для периодов «застоя», когда потенциал «Я» остается нереализованным.

При этом могут самостоятельно и разнонаправленно проявляться три аспекта рассогласования — поведенческий, субъектный и мотивационно-ценностный, в разном сочетании дающие различные формы неидентичности. Назовем лишь крайние из них: а) профессиональный конформизм — подчинение себя чужому плану поведения (поведенческий аспект), которому соответствует подавление «Я», недооценка своего «Я» и психология «человека толпы» (субъектный аспект), преобладание массовых ценностей и тяготение к массовым профессиям (ценностный аспект); б) профессиональный фанатизм — подчинение других своему плану поведения (поведенческий аспект), сверхцен-

ность своего «Я» (субъектный аспект), несоответствие низкого уровня профессиональных предложений высокому уровню потребностей в профессиональной самореализации (ценностный аспект).

Реальная идентификация — встречный процесс коррекции запросов с учетом предложений практики; стремление исходить только из целей самореализации личности — такой же фактор неидентичности, как и полное подчинение своих интересов внешним запросам. Оценивая перспективы адаптации конкретного человека в меняющемся профессиональном пространстве, необходимо отграничивать имманентные личностные и деятельностные основания психологической идентичности, определяющие ее сущностные характеристики и не поддающиеся изменениям, от психологических установок, которые можно целенаправленно формировать. При адекватной социальной установке на смену профессии не должна меняться и не меняется идентичность личности, но ее «профессиональный» компонент становится пластичным и приобретает более широкую базу идентификации.

Адаптационные аспекты преобразования профессиональной идентичности в эпоху глобализации

Анализ того, насколько российское профессиональное сообщество готово принять новые правила поведения, ценностные ориентиры и критерии профессионального соответствия, чтобы адекватно действовать в условиях глобализации, проходит по линии размежевания «общества» в традиционном понимании и «мегаобщества» как социальной среды глобальной экономики. Каждое из них имеет свои приоритеты и иерархии ценностей. Будут ли ценности «общества» включены в «мегаобщество» или наоборот? произойдет ли их трансформация или поглощение более универсальной культурой? Решение этих вопросов смыкается с общими психологическими проблемами адаптации субъекта профессионального труда (толерантностью, космополитизмом), которые применительно к профессиональной сфере конкретизируются в расширенной трактовке профессиональной идентичности как соответствия общецивилизационным критериям профессионализма и наднационального профессионального универсализма [1].

Глобализация — процесс объективный, развивающийся по естественным законам; это данность, современная среда профессиональной и социальной активности субъекта труда. В нормальных условиях психологическая глобализация происходит содружественно с развитием средств связи, передвижения и универсальных технологий. Но если процесс информационно-технологической глобализации искусственно

задержан, прерван, или, наоборот, форсирован из прагматических, политических, корпоративных соображений, он неизбежно расходится во времени с психологической глобализацией, которая может либо опережать его, либо отставать и противодействовать. Антиглобалисты есть во всем мире, главным образом, по экономическим и политическим причинам. Но у нас, помимо исторических, экономических и политических корней, в идеологии антиглобализма велика доля психологических факторов (см. рисунок 1: взаимное отторжение субъекта и среды: $\leftarrow S C \rightarrow$).

В теоретическом плане глобализация является рациональной моделью мира, предполагающей наличие космополитической способности сознания встать выше национальных или узкопрофессиональных интересов, т.е. она апеллирует к приоритету общих целей и ценностей над узконациональными и групповыми (корпоративными, политико-партийными и т.д.), ассоциируется с положительно окрашенными понятиями толерантности, терпимости, общего блага. Антиглобализм, как иррациональная модель мира, напротив, ориентирован на приоритет частных целей и ценностей узких профессиональных или политических сообществ; он ассоциируется с негативно окрашенными понятиями национального эгоизма и т.п.

На практике происходит смысловая трансформация, а иногда и инверсия целей и мотивов этих движений. Антиглобализм часто смыкается с более высокими общечеловеческими ценностями, надэкономическими и надпрагматическими: экология, гуманизм, право на свободу выбора собственного пути. Глобализация, являясь жесткой прагматической моделью, неизбежно стягивает капитал и творческие человеческие ресурсы в центры мировой экономики в ущерб остальным регионам. Антиглобализм — ответная компенсаторная реакция на противоречия интересов глобального мира и национальных, профессиональных, групповых интересов.

Экономисты-прагматики при оценке глобализационных перспектив экономики России исходят исключительно из расчетных критериев экономической эффективности, без учета социального эффекта и потерь от психологического сопротивления профессионалов, неадекватных новым условиям. Отчасти поэтому психология глобализации не обрела массового характера в среде профессионалов: рядовому профессионалу ее ценности в лучшем случае безразличны, а в худшем — неприемлемы для него; глобализация совпала по времени со снижением жизненного уровня и потерей привычной работы, а подобные связи имеют тенденцию закрепляться в сознании как причинно-следственные.

В условиях глобализации каждый из элементов системы *человек — профессия — общество* приобретает новое качество соотносимости с метасистемой глобального мира. При этом возникает проблема критериев и параметров этой соотносимости. Психологический ана-

лиз позиций для оценки социальной адекватности/неадекватности профессиональных действий в рамках глобального мира позволил выделить следующие аспекты, по которым глобализация приводит к изменению мировоззренческих координат общества, в том числе — координат в профессиональной сфере: общецивилизационные; национально-патриотические; профессионально-корпоративные; экономико-прагматические; политико-олигархические; обывательские (как атрибут массового сознания).

Общество, как элемент системы ЧПО, уже не может рассматриваться в его национально-традиционной трактовке, понятие общества расширяется до метапонятия «весь цивилизованный мир».

Профессия: а) как сугубо прагматическая функция в рамках международного разделения труда соотносится уже с наднациональными критериями эффективности; б) как социальная функция профессия должна соответствовать общецивилизационным критериям и мировыми стандартами социальной адекватности и безопасности; в) профессия как организационная структура должна опираться на мировой уровень информационных и обеспечивающих технологий.

Человек в условиях глобальной экономики лишается n -ного количества степеней свободы в выборе сферы профессионального труда. Наиболее экономически эффективные сферы будут создавать условия для пополнения и воспроизводства профессионалами только своих отраслей. Многие ныне массовые профессии отмирают, другие преобразуются, приобретают большую прагматическую направленность, исчезают варианты. Редкие, трудоемкие, творческие профессии, требующие особых профессионально-важных качеств и дорогостоящего длительного обучения, становятся неэффективными в узкоориентированной на добывающие отрасли экономике и в перспективе будут существовать лишь в немногочисленных научных и культурных центрах, а люди, обладающие уникальными природными задатками и способностями, окажутся невостребованными в своей стране (тенденция эта уже наметилась за последние 10 лет). Социальный результат — снижение общенационального уровня знаний и культурных потребностей населения. Психологический результат — неполная творческая и профессионально-статусная самореализация личности.

Общество, входя в структуру мирового рынка, вынуждено менять социальные приоритеты в соответствии с мировыми стандартами в сторону меньшей поддержки государством социальной сферы. При этом неизбежно понесут потери те профессиональные группы, которые еще сохраняют жизнеспособность за счет государственного дотирования. Они окажутся перед новым профессиональным выбором, что далеко не для всех приемлемо в силу разных причин: ментальных, морально-этических, материальных, физических, возрастных, образовательных.

Говоря об образовательных ограничениях, мы имеем ввиду не недостаточность исходного уровня образования, а скорее наличие слишком высокого уровня образования, но иного профиля (известно, что сложнее осваивать новое, преодолевая старое, чем «с чистого листа»).

Это все — объективные процессы. Субъективно же трудно рассматривать свою страну как рядовое звено, которому отведено не самое значительное место в глобальном мире. Обычному человеку свойственно мыслить не макроглобалистскими масштабами, а соотносить все с личными потребностями, ценностями и интересами. И даже небольшое ущемление личных интересов будет в его сознании гораздо весомее любых аргументов в пользу объективной целесообразности или «временного характера» ущемляющих мероприятий.

Позитивные и негативные тенденции в сфере профессионального труда в условиях глобализации переплетены настолько, что их не всегда удается разделить.

Так, *унификация профессиональной ментальности*, сознания, ценностей, с одной стороны, формирует одновекторную профессиональную культуру, ориентированную на единые стандарты труда и потребления, что приводит к нивелированию национальных особенностей труда и творчества. Но, с другой стороны, она же является условием для повышения уровня взаимопонимания, единого мировоззрения, профессионального языка, сужения сферы для национальных, региональных и конфессиональных конфликтов.

Унификация информационной базы профессии также несет амбивалентное психологическое содержание: позитивный рост профессионального самосознания, соотносимого с общецивилизационными критериями, сопровождается утратой редких, уникальных ремесел и традиционно-трудоемких профессий.

Абсолютизация принципов *целесообразности* и *прагматизма* в обеспечении профессиональной сферы приводит к тому, что профессионально адекватные с позиции глобализации действия могут стать социально неадекватными в масштабах конкретного общества, социума, группы, и тем самым вызывать психологическое отторжение самих идей глобализации у членов этих естественных сообществ (помимо организованных движений и партий антиглобалистского толка).

Следует указать на особенности психосоциальных тенденций российской динамики профессиональной идентичности и маргинализма в условиях глобализации. Известные успехи Юго-Восточной Азии в рамках глобализации во многом обусловлены отсутствием в этих странах базового профессионализма, устойчивой профессиональной идентичности, конкурирующих профессиональных традиций и структур. В отличие от этого в России существовал сложившийся за десятилетия своеобразный *советский профессионализм* (СП) и *совет-*

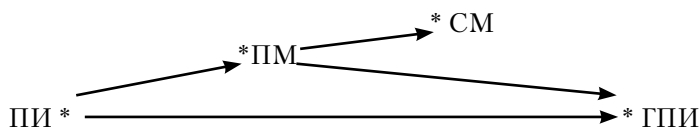

Рис. 3. Возможные направления преобразования профессиональной идентичности в условиях глобализации. На схеме: ПИ — прежняя профессиональная идентичность, ПМ — профессиональный маргинализм, СМ — социальные маргиналы (безработные, бомжи), утратившие ментальную связь с профессией, ГПИ — глобализационная профессиональная идентичность.

ская профессиональная идентичность (СПИ), постепенно обретавшие за годы перестройки признаки деградации и профессионального вырождения, завершившегося к началу XXI в. формированием заметного (настолько, что позволяет считать его массовым) слоя профессиональных маргиналов, отвергавших прежние советские профессиональные ценности, но так и не приобщившихся к общецивилизационным.

Таким образом, для формирования в России новой *глобально-ориентированной профессиональной идентичности* (ГПИ) необходимо преодоление не только прежней профессиональной ментальности (что вполне закономерно для любой страны, изменяющей свой статус в глобальном мире), но и дезорганизующего и деморализующего влияния *профессионального маргинализма* (ПМ), явившегося следствием потрясений от внутренних реформ.

Предлагается следующая модель взаимосвязей (рисунок 3).

Если представить преобразование идентичности в виде нормального распределения, то линия ПИ → ПМ → ГПИ будет соответствовать процессам преобразования, типичным для «массового профессионального субъекта», когда ПМ выступает как звено, обуславливающее психологическое сопротивление процессам глобализации в России. Это психологическое сопротивление негативно окрашено эмоционально, а функционально отражает этап переоценки ценностей. Линии ПМ → СМ и ПИ → ГПИ соответствуют крайним позициям, представляющим более локальные процессы преобразования профессиональной идентичности. Например, прямой переход ПИ → ГПИ возможен лишь в немногочисленных случаях у руководителей производства, экономистов «новой волны» и ментальных глобалистов, способных мыслить не только с позиции узкопрофессиональных или узконациональных установок, но и с учетом мировых критериев социального прогресса, общецивилизационных норм профессиональной морали (а не только экономической эффективности). Сюда же относятся профессионалы и ученые «экстра-класса», работавшие и раньше на уровне мировых стандартов (ибо глобализация — это не только мировой рынок, но и мировой уровень стандартов профессионализма во всех сферах труда, а не только в облас-

ти экономики и передовых технологий). Работа на уровне мировых стандартов, с одной стороны, предполагает, а с другой — формирует особую профессиональную идентичность — наднациональную или вненациональную, которая дает новую позицию для оценки роли своей страны в мировых процессах и своей роли как ее гражданина. Главное в этой позиции — непротиводействие прогрессивным и либеральным тенденциям.

Если линия ПИ → ПМ → ГПИ — отражение наиболее типичных и массовых психосоциальных тенденций профессиональной динамики, то переходы ПМ → СМ и ПИ → ГПИ, как крайние позиции «гауссового» распределения, отражают не столько малочисленные, сколько индивидуальные и даже уникальные случаи, где нельзя понять результат без детального исследования личности в рамках всех именно ее социальных связей и психологических индивидуальных особенностей.

Способность профессионала быть интегрированным в систему глобальных ценностей зависит от социального масштаба и степени субъектности принимаемых им решений, адаптационного потенциала профессии и индивидуально-психологической готовности к участию в глобализационных процессах. Большей готовностью к интеграции обладают молодые люди, которые владеют основами профессии, инвариантной к культурным и национальным особенностям, не обременены узкой профессиональной специализацией, имеют склонность к переменам и не дистанцируют себя от понятия «весь цивилизованный мир».

Негативные психологические последствия разнонаправленных глобализационных воздействий на профессионала имеют признаки «культурного шока» и «социального стресса», сопровождаются нарастанием неопределенности в ценностных ориентациях личности и снижением уровня социальной и профессиональной компетентности общества в целом. Самоощущение многочисленных групп профессионалов как *жертв реорганизационного произвола* приводит к утрате профессиональной идентичности и к появлению «вынужденных» профессиональных маргиналов. Диссонанс разных срезов сознания профессионала служит питательной средой для укоренения идеологии антиглобализма, антирыночных настроений, особенно популярных среди представителей «отмирающих» профессий, нарастают и *иррациональные тенденции* в сознании, мировоззрении, поведении профессионалов.

В подобных проблемных и внутренне конфликтных ситуациях возможности адаптации выше у людей с широкой идентификацией; дистанцирование образа своей профессии от других — профессиональная самоизоляция — затрудняет адаптацию и «наведение мостов» при переходе в иное профессиональное пространство. Эти факторы в совокупности составляют преобразующий потенциал профессионала. Любая преобразующая активность осуществляется в специфической

для данной личности форме и приобретает свойственные именно данному типу черты.

Так, нарушение согласованности в системе человек—профессия—общество действует на разных профессионалов по-разному: может привести к самомобилизации и стимулировать позитивную перестройку субъекта труда и трудовых функций, тогда оно выступит как фактор *развития*. Как фактор *опасности* может побуждать к социальной защите. Как фактор «*враждебной среды*» — вызывать со стороны субъекта активное сопротивление. И, наконец, оно может выступать как фактор *подавления* личности и *деградации* профессионала.

Когда социальные и технологические инновации меняют устоявшееся соотношение компонентов в системе ЧПО, *критерии выбора* антикризисных стратегий становятся нечеткими, а иерархическая структура ценностных ориентаций — размытой. Неизменными остаются только самые базовые характеристики профессионала как субъекта и как личности. Поэтому стратегии реагирования профессионала на негативные воздействия мы расположили в системе двух координат. Первая, **социально-личностная**, связана с принципиальными различиями в *ценностно-нравственных* ориентациях. Личности с *позитивной* доминантой выбирают одну из конструктивных стратегий профессионального поведения: социально-адаптивную, индивидуально-адекватную или функционально-преобразующую, которые по-разному решают проблему профессиональной модификации при сохранении идентичности. Носители *негативной* ценностно-нравственной доминанты выбирают деструктивную позицию и отказ от социально-профессиональной идентичности. Вторая координата, **социально-субъектная**, характеризует ведущую тенденцию *реагирования* на ситуацию. Уход, защита, адаптация, сопротивление, деформация, преобразование, обусловлены социальной автономностью либо зависимостью, степенью активности, локусом контроля, а также тем, является ли профессия для человека средством самореализации, самоутверждения, выживания — или привычкой, видом заработка и способом «убить время».

В таблице 1 представлены: основная стратегия поведения, ведущий принцип реагирования и выход из ситуации для конформиста, прагматика, маргинала, действующего маргинала, ортодокса, трудоголика и идентичного профессионала [5]. Например, к сохранению статуса в условиях экономических реформ и глобализации стремятся не только идентичные профессионалы, но и конформисты, а также часть профессиональных маргиналов, привыкших использовать свое служебное положение в личных целях. Однако достигают они этого разными путями. Если идентичный профессионал старается нейтрализовать негативные изменения путем творческого поиска новых приложений своей профессии и рационального преобразования себя, а конформист

Таблица 1.

Формы реагирования на изменения профессиональной среды

Идентификационный тип профессионала	Основная стратегия поведения	Ведущий принцип реагирования	Выход из ситуации
Конформист	Ригидно-рациональная	Адаптация Защита	Сохранение (снижение) статуса
Прагматик	Прагматическая	Преобразование Замещение	Переориентация Уход в «другое дело»
Маргинал	Ригидно-иррациональная	Разрушение	Уход «в никуда»
Действующий маргинал	Агрессивно-рациональная Агрессивно-иррациональная	Деформация Замещение Разрушение	Сохранение (имитация) статуса Уход «в тень»
Ортодокс	Ригидно-иррациональная Агрессивно-иррациональная	Сопrotивление Защита	Уход «в оборону»
Трудоголик	Творчески-иррациональная	Защита Замещение Преобразование	Уход «в идею»
Идентичный профессионал	Творчески-рациональная	Сопrotивление Преобразование	Сохранение (повышение) статуса

просто пытается приспособиться, то маргинал разрушает профессиональную среду изнутри и замещает социально-полезную функцию профессии на социально опасную, «подгоняя» профессию «под себя».

В различных сочетаниях с ведущим принципом реагирования на глобализационные воздействия указанные стратегии могут стать оптимизирующей основой для конструктивной адаптации профессионалов разных идентификационных типов.

Нравственные регуляторы социальной адаптации профессионала

Социальная самореализация в современном мире тесно связана с профессиональной сферой. Самореализационную весомость этой сферы доказывают не только факты из биографий «замечательных людей», многие из которых отказывались от «личного» ради творчества и науки, но и многочисленные примеры самоотверженных профессиональных поступков заурядных, не выдающихся людей.

От направленности и устойчивости нравственной позиции профессионала зависит, пойдет ли процесс самореализации его как субъекта труда по линии позитивной самоактуализации личностных

ресурсов либо по сценарию негативного самоутверждения и профессиональной маргинализации.

В профессиях, мало связанных с людьми, где результат деятельности — количественный прирост продукции, лишь иногда переходящий в «социальное качество», роль нравственных аспектов личности профессионала кажется незначительной. Иное дело — гуманитарные и социально-ориентированные сферы труда: там трактовка целей, функций и качества труда зависит от личной нравственной позиции его субъекта.

Чем больше «измерений» существует для «психологического качества профессии», тем больше вариантов действующего профессионального маргинализма можно описать. Безнравственный плотник — это просто безнравственный плотник и его профессиональное качество не изменится от безнравственности его личного поведения. Безнравственный врач — это уже профессиональный маргинал, так как в перечне профессионально-важных качеств врача личная нравственность занимает не последнее место.

Общество вынуждено создавать социально значимые профессии (чтобы обеспечить жизненно или социально необходимые услуги, которые каждый человек сам себе оказать не может) и институт «избранных» лиц — профессионалов, наделенных правами и обязанностями. Не выполняя социально-необходимой роли, профессионал теряет моральное право на соответствующее место в обществе.

Различие в функциях технических и социально значимых профессий проистекает не только из их неодинакового операционального наполнения, но и от качественной специфики (живое, одушевленное) и принципиальной изменчивости объекта труда в социальной сфере. Причем чем «живее» объект профессионального воздействия, тем сложнее применить к нему универсальные профессиональные приемы, и тем важнее изучение роли «нравственной позиции профессионала» как психологического регулятора, действующего почти автоматически, на уровне рефлекса, непосредственно влияющего на качество повседневных профессиональных решений.

Нравственно-психологический аспект профессионализма — готовность нести ответственность за свои действия без ссылки на других людей, обстоятельства, инструкции и т.д.

Одна из основных причин расщепления нравственных основ личности профессионала, или «двойной морали» — «зашумление» базовой социальной функции профессии второстепенными, бюрократическим наслоением должностных обязанностей, что приводит к распылению ответственности и утрате инициативы.

Существующая система вообще не предназначена для воспитания профессионала как идентичной профессиональному долгу и самой себе личности, а лишь для формирования функционера, которому ни-

чего не стоит заменить одни функции (социально необходимую роль профессии) на другие (теневые функции профессиональной роли). Она продуцирует таких профессиональных субъектов, к принятию которых общество ею же и подготовлено. Часто этот встречный процесс деградации профессиональных функций и социальных ожиданий становится массовым и находит свое выражение в преобладающем типе маргинальных профессионалов.

К этой категории относятся прежде всего социально «полезависимые» профессионалы, которые либо по расчету, либо под влиянием ситуативных факторов в свое время сделали профессиональный выбор, в целом их удовлетворявший (не затрагивая глубоко личностных позиций и ценностных ориентаций) до тех пор, пока не наступили негативные макросоциальные изменения (т. е. внезапная, кардинальная и устойчивая деструкция сложившихся и прежде работоспособных на социально-приемлемом уровне профессиональных структур и отношений) и прежде престижная массовая профессия (врач, учитель, инженер) не перестала соответствовать как мотивам профессионального выбора, так и текущим социальным и материальным потребностям личности.

Для этой категории профессионалов мало применим анализ динамики собственно профессиональных ценностей, которые никогда не занимали заметного места в иерархии их ориентаций. Здесь более интересен другой момент, связанный с ценностями — «сбрасывание маски» и обнажение истинных внепрофессиональных потребностей в профессиональной сфере в условиях изменения социального «контекста» и разрушения временного «тандема» между социумом, субъектом и профессией.

Сформированные профессиональным обучением морально-этические установки в условиях, не позволяющих их реализовать, как правило, подвергаются трансформации и приобретает более прагматическую направленность. При этом неизбежно меняется «знак» или социальный статус психологической направленности личности (доминантная миссия).

У личности в профессиональной сфере может быть одна из двух позитивных доминантных миссий: либо профессиональная самореализация (с преимущественной ориентацией «на социум») — сделать успешную карьеру, достичь вершин мастерства и общественного признания; либо наиболее полная самореализация именно как личности (ориентированная «на себя»), что не всегда совпадает с профессиональной самореализацией.

К числу негативных доминантных миссий в профессиональной сфере можно отнести: стремление к власти в целях использования других для нужд личной профессиональной карьеры; «потребление» профессии и злоупотребление должностным положением в качестве механизма психологического и экономического давления; ненадлежащее использование профессиональной роли для компенсации «комп-

лексов собственной неполноценности» как в самой профессии, так и в других сферах жизни, т.е. теневое самоутверждение.

Соответственно различным «миссиям личности» будут действовать и разные механизмы преодоления социогенных профессиональных кризисов. Типичными можно считать деструктивную, адаптивную, персонализированную и преобразующую модели преодоления кризиса профессиональной идентичности, среди которых адаптивная, персонализированная и преобразующая — это модели конструктивного поведения в условиях кризиса, когда человек, так или иначе преодолевая его, сохраняет профессиональную идентичность. Деструктивная же модель отражает парадоксальный способ преодоления кризиса идентичности путем отказа от нее, а легализация теневой функции профессиональной роли служит свидетельством окончательной утраты идентичности. Если при этом человек остается на своей должности, он становится «действующим» маргиналом, использующим профессию для осуществления теневых функций.

Трансформации прежде всего подвергаются «умозрительные» (в отличие от реально действующих) ценностные ориентации, сложившиеся под влиянием внешних или случайных факторов и включенные в «социальный контекст», при смене которого ценности «умозрительные» и реально действующие часто меняются местами. Степень и характер разрушения системы ценностных ориентаций «среднего» профессионала зависят от внезапности, силы, длительности и устойчивости макросоциальных изменений (причем эти же факторы не являются достаточными для распада устойчивой личности со сбалансированной системой ценностных ориентаций) [4].

Социогенные изменения структуры ценностных ориентаций личности происходят на «середине» профессионального пространства (если рассматривать его как «нормальное» гауссово распределение), в отличие от «краев», где остаются: *устойчивая личностная структура*, адекватная назначению профессии, для которой характерна «профессиональная самоотдача», и *личность вне профессионально-ценностной сферы*, формально пребывающая в профессиональной роли, для которой характерно «потребление профессии».

Для иллюстрации вышеизложенного приведем некоторые конкретные результаты, полученные на основе психологической реконструкции типичных мотивов профессиональных решений и поступков в социально-значимых сферах труда по различным источникам (социологические опросы, мемуары, публикации) и собственным данным (беседы, интервью).

Нравственные аспекты управления. По словам известного политолога Сабурова, «для нашего чиновника типична такая перевернутая пирамида ориентиров: 1) приказ начальника, 2) инструкция ведомств-

ва, 3) закон, 4) конституция, — а должно быть наоборот. Наши чиновники всегда служили начальнику, а не государству или народу». Т. е. происходит психологическая замена социально-необходимой профессиональной функции посредника между народом и властью на теневую функцию буфера между ними.

Проведенный нами психологический анализ нескольких бесед с муниципальными чиновниками позволил выявить характерные особенности нравственной позиции типичного представителя низшего звена управления, главные из которых: а) стремление уйти от ответственности; б) ничего не предпринимать.

Способы достижения этого:

- попытка спрятаться за систему (даже старую, если нет новой);
- ссылка на компетентность соответствующих органов и отсылка просителя к вышестоящему начальству (в мэрию) по сугубо местному вопросу;

- уклонение от конкретных реализуемых решений и ссылки на исходные нормативные документы, на которых якобы построены ответы на обращения граждан;

- отсутствие осознания социальной функции своей должностной роли как лица, наделенного властью и имеющего не только права (посылать запросы в компетентные органы), но и полномочия (получать от них содержательные, аргументированные и исчерпывающие ответы);

- отсутствие установки на активное применение своей власти (проводить проверку на месте с целью выявить реальное положение дел в конкретных случаях).

По сути, подобный чиновник ничего не добавляет в процесс управления, он «пустое звено» в управленческой цепочке, т.е. профессиональный маргинал.

Причем существуют две разновидности маргинализма у чиновников:

- а) «концептуализированный», когда каждая отговорка аргументирована: либо ссылкой на систему и сложившуюся практику, либо ссылкой на авторитет: исключительную подведомственность данного вопроса иным органам и организациям, безусловную компетентность тех органов, которые дают в управу разъяснения для составления ответов на обращения граждан;

- б) «рефлекторный», когда должностное лицо даже не пытается как-то объяснить свои отказные ответы и просто выпроваживает просителя: автоматическая реакция самоустранения от «хлопотных» должностных функций и рефлекс отторжения источника беспокойства, в роли которого выступают посетители и их проблемы.

Нравственные регуляторы научной деятельности рассмотрены на примере психологического анализа роли нравственного аспекта социально опасных научных открытий и ошибок. Показано, что на-

учная ошибка выступает как индикатор неблагополучия не только в научном, но и в социальном мировоззрении ученого; вместе с тем, она может служить стимулом формирования новых нравственных принципов в научной практике.

По публицистическим работам и мемуарам ученых с выраженной нравственной позицией, склонных к социальному самоанализу (Кюри, Эйнштейн, Капица, Сахаров, Легасов и др.), выявлены (как бы «от обратного») *два психологических источника* опасных открытий и научных ошибок:

а) гипермотивация достижения, даже в сочетании с субъективно нравственной позицией ученого, при объективно ограниченных технических возможностях науки и методов научного прогнозирования последствий внедрения открытий;

б) экспансия субъективно-безнравственной позиции, когда личность свой корыстный взгляд на мироустройство переносит в разряд «нравственных» принципов науки в целом; пример тому расхожий тезис: «Наука — вненравственная категория».

Описанные Н. Винером модели человека «творец» и «робот» могут служить аналогом двух диаметрально противоположных нравственных позиций ученого по отношению к миру, своей работе и ее целям. Нравственность в науке — это атрибут «творца»; прагматизм, порождающий социально опасные изобретения — это «робот в человеке». Безнравственность часто выступает под личиной целесообразности, государственных интересов, служения отечеству, научного и военного приоритета: «Даже если для военного приоритета государства погибнут люди, живущие вокруг испытательного центра — это неизбежная плата за прогресс, который надо заплатить, чтобы не терять первенства». Вторая сторона этой социальной позиции: «Я, как профессионал, делаю свое дело, а уж как применять мои результаты — дело правительства или руководства».

Есть еще и третья позиция — вообще вне категории нравственности — «животное в человеке», когда на первый план выступает «потребление профессии» в личных целях и духовная нищета: «Нет ничего опаснее нищего врача» (Б. Шоу).

Мысль остановить нельзя, поэтому ученые могут сделать открытия потенциально опасные, даже не осознавая этого (как произошло с супругами Кюри). Но управленцы науки способны сделать эти открытия актуально опасными, создающими угрозу обществу, когда обеспечивают практическую реализацию таких открытий, вынося за скобки вопрос о нравственности. Удельный вес влияния на общество чиновника от науки гораздо больше, а его научный кругозор гораздо уже, чем ученого — автора открытия. Часто опасные открытия попадают в руки людей, даже не способных их понять.

Для теоретического обобщения результатов следует обратить внимание на неоднозначность роли принципов *целесообразности* и *нравственного выбора* в профессиональной деятельности. Они могут выступать как дополняющие друг друга однонаправленные установки на социально-полезный результат, так и в качестве альтернативных ценностных позиций и основы для противоположных стратегий профессионального поведения.

Принцип целесообразности соотносится с категориями прагматизма, выгоды, личного блага и служит в качестве *«разрешительной»* стратегии принятия профессиональных решений и профессиональных поступков. В одних условиях это база для позитивного профессионального прагматизма, в других — психологический механизм «открывающий двери» для реализации теневых функций должностной роли и теневого самоутверждения профессионала [3].

Принцип нравственного выбора корреспондируется с категориями ответственности, совести, общего блага и выполняет функцию *«запретительного»* механизма профессионального поведения. Его основная функция — страховка от безнравственных и авантюристических профессиональных поступков, но он может выступать и барьером для смелых и рискованных профессиональных решений с труднопрогнозируемым социальным эффектом.

Позитивная основа принципа целесообразности состоит в способности к соотносению потребностей с возможностями, а принципа нравственного выбора — в готовности пойти на самоограничения ради общего блага.

В современном мире, где научный и технический потенциал человечества стал соизмерим с силами природы, любое социально значимое профессиональное воздействие должно оцениваться как с позиции целесообразности средств, методов достижения конечного результата, цены этого результата, так и с точки зрения нравственной перспективы его последствий.

Нравственная интуиция отражает неосознанную системную работу мозга по учету всего множества факторов, сопутствующих проблеме, а нравственная позиция — тот системообразующий фактор профессионального решения, следуя которому можно снизить вероятность ошибок, когда не все факторы ситуации могут быть учтены и просчитаны и трудно логически доказать, чем обусловлено решение.

В сфере принятия социально значимых профессиональных решений действие принципов целесообразности и нравственного выбора определяется более широким спектром дополнительных к основной, профессиональной, проблеме факторов, принципиально не поддающихся учету. Поэтому принцип нравственного выбора в таких решениях необходим, но не может быть реализован в полной мере в обще-

стве, где диапазон разброса самих нравственных позиций очень велик в разных социумах и у разных людей.

В условиях априорной несформированности структуры профессиональных ценностей или ее распада при внезапных негативных макросоциальных изменениях профессиональной среды, степень влияния нравственных позиций на профессиональное поведение зависит от исходной социальной неопределенности профессиональной среды или силы, длительности и масштабности ее негативных изменений. Сценарии нравственной регуляции профессионального поведения идут либо по линии позитивного сочетания «разрешительной» и «запретительной» стратегий, либо по линии внутренней борьбы между ними и выбора субъектом одной из них.

В качестве общего вывода отметим, что системное представление адаптационных аспектов в разных «координатах» позволит не только повысить надежность прогнозирования тенденции профессиональных изменений, но и принимать превентивные меры для профессионального переориентирования и обучения тем трудовым функциям, которые станут реальностью лишь завтрашнего дня.

Литература

1. Дикая Л.Г., Ермолаева Е.П. Направления психологической адаптации профессионалов в условиях глобализации // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2005. № 4. С.140—150.
2. Ермолаева Е.П. Идентификационные аспекты профессионального маргинализма в нестабильном обществе // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2002. № 3. С.129—136.
3. Ермолаева Е.П. Теневые функции должностной роли в структуре профессионального маргинализма // Психол. журн. 2003. № 3. С. 56—65.
4. Ермолаева Е.П. Психология профессионального маргинала в социально значимых видах труда // Психол. журн. 2001. № 5. С. 69—78.
5. Ермолаева Е.П. Социальные функции и стратегии реализации профессионала в системе «человек—профессия—общество» // Психол. журн. 2005. № 4. С. 30—40.
6. Ермолаева Е.П. Принципы конструктивной адаптации профессионала в эпоху глобализации / Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития современной России. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (17—20 ноября 2005 г.). Психологический факультет МГУ, 2005.
7. Haber R.N. Discrepancy from adaptation level as a source of affect // Journal of experimental Psychology, 1958. № 56.

Концепции адаптивной автоматизации и подходы к человеку и технике для современных человеко-машинных комплексов

Ю.Я. Голиков

Для анализа проблем взаимодействия человека с техникой в инженерной психологии, психологии труда и эргономике используется достаточно большое количество методологических подходов к человеку и технике, концепций ее автоматизации и проектирования, известных и обсуждаемых как в отечественной, так и в зарубежной литературе — в работах А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, Н.Д. Заваловой, В.А. Пономаренко, А.А. Крылова, В.М. Ахутина, В.Ф. Венды, А.И. Галактионова, Г.В. Суходольского, А.И. Губинского, В.М. Мунипова, В.П. Зинченко, Л.П. Щедровицкого, Т. Шеридана (Т.В. Sheridan), Ч. Биллингса (С.Е. Billings), О. Брауна (O. Brown), Б. Кантовица (В.Н. Kantowitz), Н. Морая (N. Moray), Г. Йоханнсена (G. Johannsen), А. Левиса (A.H. Lewis), Х. Стассена (H.G. Stassen), Дж. Бендерса (J. Benders), Г. Салвенди (G. Salvendy) и других [1, 3, 6, 11–12, 16, 20–26, 30–31, 34–35].

В них предлагаются различные варианты решения проблем организации процессов управления техническими системами, выбора роли человека-оператора, распределения функций между ним и автоматикой, оптимизации взаимодействия человека-оператора с автоматизированной системой, а также и *адаптации человека к технике*.

В теоретическом плане о необходимости адаптации человека к технике заявлено еще в машиноцентрическом подходе на начальном этапе развития инженерной психологии, в 40–50-х годах, который обозначали как подход «от машины (техники) к человеку». В этом подходе человек рассматривается как простое звено системы; функционирование этого звена исследуется в плане тех схем, принципов и методов, которые разработаны для описания и анализа технических систем. В качестве позитивных аспектов использования машиноцентрического подхода можно рассматривать развитие точных методов в психологии и выявление некоторых существенных моментов деятельности человека-оператора: с одной стороны, его ограничений и, с другой стороны, преимуществ перед автоматом, что, безусловно, содействовало решению некоторых задач автоматизации [12].

Однако с развитием инженерно-психологических исследований все более проявлялась ограниченность машиноцентрического подхода. Поэтому возникла необходимость создания принципиально нового подхода к анализу систем «человек — машина», который бы полнее учитывал психологические особенности операторской деятельности. Таким подходом стал антропоцентрический подход (АЦП), разработанный в 60—70-х годах в основном в работах А.Н. Леонтьева и Б.Ф. Ломова, который его авторы определили как подход «от человека к машине (технике)». Как известно, в этом подходе человек-оператор рассматривается уже не как специфическое звено технической системы, а как субъект труда, осуществляющий сознательную, целенаправленную деятельность. Главной задачей инженерно-психологических исследований с позиций данного подхода становится проектирование деятельности человека-оператора [12, 18].

В АЦП сам технический объект, его системные свойства, требования к человеку отходят на задний план, что стало основанием для его критики представителями системотехнических и эргатических концепций проектирования техники. В связи с этим в рамках идеологии АЦП возникает ряд концепций адаптации человека и машины, адаптивного взаимодействия оператора с системами управления и средствами отображения информации, в которых предпринимаются попытки учитывать реальные условия операторской деятельности и свойства технического объекта. Среди них можно выделить структурно-психологическую концепцию анализа и многоуровневой адаптации человека и машины В.Ф. Венды, концепцию синтеза адаптивных биотехнических систем эргатического типа В.М. Ахутина, подход взаимной адаптации человека и техники Г.В. Суходольского.

Структурно-психологическая концепция анализа и многоуровневой адаптации человека и машины, разработанная В.Ф. Вендой, предназначена для решения проблем проектирования «социотехнических» систем адаптивного информационного взаимодействия — «гибридного интеллекта». С позиции этой концепции работа человека с ЭВМ рассматривается как «псевдиалог» — скрытый диалог человека-оператора с разработчиками систем, зафиксировавшими свои знания в вычислительных программах и средствах отображения информации. При этом главная задача в практической реализации концепции состоит в индивидуальной адаптации организации, задач и средств деятельности к каждому участнику системы информационного взаимодействия [3, 4].

Вычислительные возможности ЭВМ должны позволять накапливать опыт решения задач разных классов отдельными операторами и данные об их индивидуальных особенностях для определения оптимальных форм предоставления каждому из них советов, справочных

данных, инструкций. В зависимости от конкретного хода решения и трудностей, с которыми сталкивается оператор, ЭВМ может выводить на средства отображения информации рекомендации о значениях различных психологических факторов сложности решения задач. В случае «сверхнормативной задержки или очевидных ошибок в информационной подготовке решения оперативной задачи, а также по данным психофизиологического контроля состояния оператора постепенно ограничивается неопределенность задачи и числа степеней свободы перцептивной и интеллектуальной деятельности вплоть до предъявления однозначного алгоритма некоторого резервного решения или даже отстранения оператора от участия в управлении» [4, с. 59–60].

На принципе адаптации режимов функционирования технических элементов системы к динамике изменения состояния организма оператора построена *концепция синтеза адаптивных биотехнических систем эргатического типа* В.М. Ахутина. В качестве биотехнических систем в ней рассматривается «особый класс больших систем, представляющих собой совокупность биологических и технических элементов, связанных между собой в едином контуре управления» [1, с. 149]. Проектирование биотехнических систем, в частности, и с учетом различных свойств человеческого организма в условиях нестационарной внешней среды, осуществляется с помощью поэтапного моделирования, в рамках которого ставятся задачи согласования характеристик режимов управления с показателями организма человека-оператора как управляющего звена системы.

Как некоторое обобщение взглядов и теоретических представлений инженерной психологии и эргономики 1970–80-х годов можно рассматривать подход взаимной адаптации человека и техники Г.В. Суходольского. Анализируя развитие инженерно-психологических воззрений на операторскую деятельность как систему, Г.В. Суходольский выделяет три линии их развития и соответствующие им *три подхода: техноцентрический (или машиноцентрический), антропоцентрический и взаимной адаптации человека и техники*, синтезирующий первые два. Необходимость идеи взаимной адаптации человека и техники обуславливается, по его мнению, двумя факторами: во-первых, трудностями реализации на практике требований оптимального сопряжения человека с техникой за счет ее адаптации к человеку при проектировании техники в качестве орудий его труда в рамках антропоцентрического подхода (вследствие слабой изученности конкретных особенностей разных видов деятельности, их сложности, стохастичности, нестационарности, а также неразвитости методов инженерно-психологического проектирования деятельности); во-вторых, необходимостью в любом случае профессиональной подготовки к работе с усложняющейся техникой, т. е. определенной адаптации человека к ней [22].

Для третьего подхода «характерно представление операторской деятельности с позиций ее внутренней изменчивости, динамичности и стохастичности одновременно. Техника в целом — орудие труда человека, но орудие, развивающееся по особым законам. Ее нельзя раз и навсегда спроектировать пригодной на все ситуации работы и состояния работника. Ее нужно проектировать как адаптивную систему, которая автоматически (либо полуавтоматически) приспосабливается к оперативным ситуациям и особым состояниям человека-оператора» [22, с. 64–65]. Но в то же время из-за сложности современной техники становятся все более трудными и задачи адаптации человека к ней: возрастают требования к профессиональному отбору и обучению, возникает потребность в создании адаптивных технических средств обучения и тренажа и автоматизированных обучающих систем.

В реальной практике проектирования современных технических систем инженеры, даже рассматривая человека как отдельное звено системы, стремятся все-таки согласовывать характеристики машины и человека, а инженерные психологи, интерпретируя технику как орудие труда человека, не отрицают необходимость и его приспособления к этому орудью. «Тем не менее представляется несомненным, — делает вывод Г.В. Суходольский, — что в концепции взаимной адаптации человека и техники техноцентрический и антропоцентрический подходы синтезированы на новом уровне инженерно-психологических воззрений и технических возможностей» [22, с. 65].

В 1980–1990-х годах антропоцентрический (или человекоцентрический) подход (Human-Centered Approach) стал одной из ведущих теоретических позиций и в зарубежных исследованиях Ч. Биллингса, Б. Кантовица, Р. Соркина (R.D. Sorkin), Т. Шеридана, Г. Йоханнсена, А. Левиса, Х. Стассена, Н. Морья, Д. Миллера (D.P. Miller) и А. Суэйна (A.D. Swain), Д. Леноровица (D.R. Lenorovitz), М. Филлипса (M.D. Phillips), Д. Вудса (D.D. Woods) и других [5, 13, 17, 19, 25, 30–33]. И так же, как и в отечественной инженерной психологии, в рамках идеологии этого подхода значительное количество исследований утверждает *концепции адаптивной автоматизации и «кооперативные» (cooperative) позиции* решения проблем проектирования автоматизированных систем, создания средств поддержки оператора при управлении техникой, взаимодействия человека с нею.

Они базируются на представлениях о гибком изменении задач оператора, динамическом перераспределении функций между оператором и автоматикой. Эти теоретические позиции обусловлены еще и тем, что они возникли на волне бурного роста вычислительной техники; во многих из них в качестве иерархической структурной схемы автоматизированного управления используется 10-уровневая шкала степени автоматизации Т. Шеридана, которая как раз и отражает не-

которые абстрактные представления о неограниченных возможностях компьютерных средств. На первом уровне этой шкалы — «полностью ручного управления» (no automation) — человек-оператор выполняет управление самостоятельно, обращаясь к компьютеру только как исполнителю своих решений. По мере увеличения степени автоматизации к компьютеру переходит все больше «полномочий»: на седьмом уровне компьютер все операции по управлению выполняет самостоятельно и только информирует человека о том, что им было сделано; на высшем, десятом уровне — «полностью автоматизированного управления» (complete automation) — «компьютер выполняет все задачи автоматически, игнорируя оператора, который должен совершенно доверять компьютеру во всех аспектах принятия решений» [33, с. 214].

Так, в соответствии с взглядами Б. Хильбурна (B. Hilburn), П. Джорна (P.G. Jorna), И. Бирна (E.A. Byrne), К. Бабб-Льюис (C. Bubb-Lewis), М. Шербо (M.W. Scerbo), Дж. Дули (J. Duley), Р. Моллоя (R. Molloy) и других, *идеология адаптивной автоматизации* должна приводить к созданию таких систем, которые были бы способны к динамическому перераспределению ответственности и задач между человеком и машиной. Цель адаптивной автоматизации заключается в обеспечении кооперативной среды, в которой оператор и компьютерные средства должны работать как партнеры; они должны дополнять друг друга для того, чтобы поддерживать оптимальное функционирование технической системы. И в то же время адаптивная автоматизация означает динамическую помощь оператору за счет перераспределения рабочей нагрузки между ним и компьютером [27–29].

Г. Йохансен, А. Левис и Х. Стассен считают, что при разработке экспертных систем, систем поддержки, контроля и управления автоматизированными техническими объектами могут быть применены разные типы *кооперации между человеком и компьютером*. В их работе рассмотрены примеры возможного использования кооперации, в том числе и при создании системы поддержки для диагностики отказов техники, функционирование которой основано на обобщении и синтезе процессов принятия решений человеком и программными средствами компьютера. Конечной целью кооперации и здесь полагается динамическое распределение задач между оператором и автоматикой, причем в данном случае компьютер выполняет функции информационного обеспечения решений человека и реализации исполнительных управляющих воздействий [30].

Во многом аналогичную теоретическую позицию предлагают и А. Левис, Н. Морей и Б. Ху (B. Hu) для решения задач проектирования современных высокоавтоматизированных промышленных производств, в основе которой лежит следующее требование к разработчикам: они должны стремиться к максимально возможной взаи-

мосогласованности человека и машины. Это может быть достигнуто за счет реализации *принципа синергии* (the principle of synergy) — *оптимального динамического распределения задач между оператором и автоматикой*, когда человек и машина действуют совместно, согласованно и помогают друг другу для того, чтобы получить результат, который не может быть обеспечен в случае, если они действуют по отдельности [33].

Результаты наших исследований по анализу адекватности существующих отечественных и зарубежных подходов к человеку и технике и концепций ее автоматизации и проектирования (в том числе и концепций адаптивной автоматизации), а также их соответствия системным свойствам современных сложных человеко-машинных комплексов, позволяют сделать вывод, что в целом множество подходов и концепций характеризуется разнородностью доминирующих направлений решения задач организации субъектно-объектных отношений, неполнотой рассмотрения закономерностей развития свойств объекта, социальных аспектов активности субъектов разных профессиональных групп. В частности, показана недостаточность общего, содержательного анализа структуры и развития техносферы, отсутствие общепринятой классификации техники, которая выделяла бы качественное своеобразие, основные свойства, типологию системно-структурной организации объектов. В большинстве подходов и концепций область существования используемых теоретических понятий, таких, как система «человек-машина», интерфейс между человеком и компьютером или социотехническая система, охватывает все многообразие автоматизированных технических объектов; и, таким образом, остается открытым вопрос о правомерности такой абсолютизации. Отсутствие общих вариантов классификации техники затрудняет оценку применимости подходов и концепций для разных классов объектов, проверку адекватности их теоретических позиций и методов решения проблем проектирования.

Кроме того, следует подчеркнуть, что в теоретических позициях существующих подходов и концепций слабо отражены закономерности и особенности функционирования объектов со свойствами неустойчивости, нестабильности, критических состояний, в частности, трудности организации межсистемных взаимодействий, ограничения и неполнота моделей управления, потенциальные свойства современных сложных человеко-машинных комплексов (как новые аспекты активности объекта), а также изменение характера труда, межличностных отношений и социальной активности профессионалов, принимающих участие в проектировании, создании и эксплуатации техники, особенно возрастание требований к ответственности и социальной зрелости специалистов, социальной значимости профессий инженера-разработ-

чика, оператора, инженерного психолога (т. е. появление новых форм активности субъекта в сфере субъект-объектных отношений) [8].

Так как именно эти особенности активности объекта и субъекта характеризуют, по нашему мнению, процесс развития и усложнения техники на современном этапе научно-технического прогресса, описывая специфику субъект-объектных отношений для ее нового класса — человеко-машинных комплексов, данные ограничения существующих отечественных и зарубежных подходов и концепций подтверждают актуальность создания новых методологических средств анализа субъект-объектных отношений в технике.

Что касается адекватности концепций адаптивной автоматизации, кроме этих ограничений, общих для всего множества подходов и концепций, для них в качестве собственного существенного ограничения необходимо отметить некоторую абстрактность их теоретических позиций и, прежде всего, основополагающей конструкции 10-уровневой схемы автоматизации Т. Шеридана. В частности, в классах техники еще невысокой сложности — автоматизированных систем и систем «человек-машина», например, транспортных средств, практическая реализация многоуровневой схемы адаптивного управления должна быть очень дорогой и достаточно сложной: ее сложность и стоимость могут оказаться выше сложности и стоимости всех других систем объекта. В то же время следует заметить, что уже сейчас возможности вычислительных средств позволяют ставить отдельные задачи адаптивного характера, в том числе, задачи обеспечения надежности и безопасности объекта за счет резервирования человека автоматикой, как это показано в работах А.Н. Костина [15].

Для преодоления отмеченных ограничений существующих подходов и концепций в процессе создания новых методологических подходов к решению психологических проблем проектирования и эксплуатации современной техники нами был разработан комплекс теоретических оснований методологического анализа психологических проблем взаимодействия человека и техники, в частности, определены основные понятия для описания качественного своеобразия и свойств активности объекта и субъекта-профессионала. Нами были выделены объективная и субъективная сложности как многофакторные образования, раскрывающие особенности системно-структурной организации, функционирования и управления объектом и деятельности субъекта, его отношений к объекту, социальной среде, обществу и другим субъектам, а также обоснована классификация технических объектов на три типа в зависимости от их системно-структурной организации (автоматизированные системы, системы «человек-машина» и человеко-машинные комплексы).

С учетом требований этого комплекса предложены новые ме-

тодологические подходы к человеку и технике для разных типов ее системно-структурной организации (подходы подчиненных, независимых и равнозначных отношений между профессионалами в управлении). Они содержат представления, понятия и принципы, описывающие особенности функционирования и управления техническим объектом, деятельности трех групп субъектов-профессионалов (работчиков, операторов и инженерных психологов), их взаимоотношений с объектом и между собой, а также позволяют получить целостное решение основных проблем проектирования и эксплуатации технического объекта (выбора стратегии автоматизации и роли человека в управлении, распределения функций между профессионалами, обеспечения эффективности, надежности и безопасности функционирования технического объекта, организации деятельности и взаимодействия профессионалов) на единой теоретико-методологической основе (в отличие от традиционных решений отдельных проблем взаимодействия оператора и систем управления в существующих подходах к человеку и технике и концепциях автоматизации) [7].

В подходе подчиненных отношений между профессионалами для автоматизированных систем (АС), которые рассматриваются как объекты невысокой сложности, состоящие из небольшого количества основных элементов и блоков с однородной природой и стационарными условиями функционирования, положения по определению их системно-структурной организации заключаются в том, что для этих основных элементов и блоков возможно создание формальных моделей управления; для обеспечения функционирования второстепенных элементов и блоков, формализация управления которыми затруднительна, должен использоваться оператор. Примерами таких объектов могут служить, в частности, автоматизированные двигательные системы в самолетах и авиакосмических комплексах, системы проведения астрономических и астрофизических экспериментов в научных модулях орбитальной станции.

Главные проблемы разработчика при проектировании данной технической системы состоят в создании автоматических режимов управления основными элементами и блоками системы, а также полуавтоматических и ручных режимов управления второстепенными элементами и блоками. В свою очередь, основной задачей оператора при эксплуатации АС необходимо считать обеспечение управления ее второстепенными элементами и блоками. Таким образом, в данной системе основная часть множества ситуаций управления реализуется автоматикой, а оператор в управлении играет незначительную и второстепенную роль. Поэтому *специфической особенностью системы на этапе эксплуатации необходимо считать доминирование автоматики по отношению к оператору.*

Для АС при доминировании в управлении автоматики фактически главная роль принадлежит разработчику; оператор играет второстепенную роль, т.е. по отношению к разработчику он находится в подчиненной позиции, тогда как, соответственно, разработчик по отношению к нему — в подчиняющей позиции (если использовать теоретические представления логики о трех разновидностях совместимых отношений между понятиями равнозначности, независимости и подчинения). За счет акцентирования внимания на такой разновидности отношений между профессионалами, методологический подход для автоматизированных систем и определен как *«подход подчиненных отношений между профессионалами в управлении»*.

Подход независимых отношений между профессионалами предложен для систем «человек-машина» (СЧМ) — технических объектов уже достаточной сложности, состоящих из значительного количества компонентов (элементов, блоков и подсистем), процессы функционирования которых могут быть разнородными и происходить в различных условиях (внутренних и внешних), как стационарных, так и нестационарных. Примерами таких объектов могут быть постоянно действующие системы самолетов нового поколения, авиакосмических комплексов и транспортных космических кораблей, в частности, системы навигации, обеспечения теплового режима, обеспечения жизнедеятельности экипажа.

В случае СЧМ основные трудности для разработчиков при организации автоматизированного управления системой, т. е. ее внутрисистемным взаимодействием, возникают из-за многообразия условий функционирования и состояний системы. Несмотря на достаточную сложность СЧМ, вследствие рационального характера внутрисистемного взаимодействия формализация режимов управления для стационарных, нормативных условий функционирования объекта и внешней среды может быть достижимой, но не полностью: из-за большого количества состояний отдельные операции, например, выбор автоматических режимов управления компонентами и системой в целом, разработчикам приходится возлагать на оператора. Они также вынуждены передавать человеку-оператору активное управление объектом в нестационарных, ненормативных условиях функционирования системы и ее взаимодействия с внешней средой, так как для этого необходимы непосредственное наблюдение и конкретное знание этих условий.

Исходя из этих особенностей управления СЧМ, основные задачи для разработчиков в процессе проектирования объекта должны состоять в создании автоматических (если их длительность допустима для активности оператора) и полуавтоматических режимов управления для стационарных, нормативных условий функционирования объ-

екта и его взаимодействия с внешней средой, полуавтоматических и ручных режимов управления для нестационарных, ненормативных условий, а также резервных режимов управления теми компонентами, для которых существует достаточная вероятность возникновения их отказов, при обеспечении надежности и безопасности системы. Оператору в качестве основных функций предписывается непосредственное управление системой в ненормативных условиях ее функционирования и взаимодействия с внешней средой, а его дополнительными обязанностями должны быть контроль работы автоматики и выполнение полуавтоматических режимов управления системой в нормативных условиях, а также ручное и полуавтоматическое управление в резервных режимах. Эти функции непосредственного управления как в ненормативных, так и в нормативных условиях, возлагаемые на оператора, делают его главной, центральной фигурой в управлении СЧМ. Автоматика здесь играет второстепенную, дополнительную роль, ее основные функции должны заключаться в информационном обслуживании оператора, помощи ему в принятии решений. Поэтому *специфической особенностью данной системы на этапе эксплуатации необходимо считать доминирование оператора по отношению к автоматике.*

Что касается характера отношений между разработчиком и оператором СЧМ, в отличие от АС здесь они оба представляют собой самостоятельные фигуры в решении проблем обеспечения эффективности, надежности и безопасности, но на разных этапах ее существования: на этапе проектирования и создания ведущую роль играет разработчик и вся ответственность за решение этих проблем лежит на нем; в процессе эксплуатации главная роль в управлении принадлежит оператору, т. е. и основная ответственность за обеспечение эффективности, надежности и безопасности системы должна быть возложена на него. Таким образом, если вновь использовать теоретические представления логики о разновидностях совместимых отношений, можно утверждать, что разработчик и оператор в данном случае находятся в независимых отношениях. Учитывая это, предлагаемый методологический подход для систем «человек-машина» можно определить как *«подход независимых отношений между профессионалами в управлении».*

Подход, постулирующий равнозначные отношения между профессионалами в управлении наиболее сложной современной техникой — человеко-машинными комплексами (ЧМК) — отражает специфику системно-структурной организации объекта и новый, инженерный, исследовательский (а не исполнительный) характер профессиональных функций операторов. В данном подходе полагается, что человеко-машинный комплекс в нормативных условиях функционирования необходимо рассматривать как Метасистему, состоящую из некоторого множества отдельных систем и имеющую многоуров-

невую иерархическую структуру управления. Трудности организации управления объектом здесь обусловлены особенностями межсистемного взаимодействия, причем вследствие многообразия взаимосвязей между системами, неоднозначности и даже непознанности их взаимовлияния межсистемные взаимодействия характеризуются возможностью возникновения нелинейных и неустойчивых процессов функционирования систем, а также и непредсказуемых ситуаций. В случае ненормативных условий функционирования объекта могут актуализироваться его потенциальные свойства либо детерминирующего, либо деструктивного характера, вследствие которых объект или сохраняется как Метасистема, или распадается на автономно функционирующие системы, или становится системным комплексом. При этом системный комплекс является множеством самостоятельных систем, взаимодействия между которыми носят нелинейный, неустойчивый, непредсказуемый характер [9]. Примерами таких объектов могут являться энергетические комплексы, нефтедобывающие комплексы на суше и на морском шельфе, космические пилотируемые транспортные корабли и орбитальные станции, крупнотоннажные морские суда, самолеты нового поколения, различные типы автоматизированных производств и военной техники.

Для такого объекта формализация межсистемного взаимодействия и, следовательно, автоматизация режимов управления допустимы только в нормативных условиях функционирования для ограниченной области стандартных расчетных ситуаций; для ненормативных условий, когда процессы функционирования могут приобретать нелинейный и неустойчивый характер, их формализация уже затруднительна из-за ограниченной адекватности и неоднозначности количественных критериев надежности, безопасности и эффективности систем. Таким образом, модели управления, используемые разработчиком для множества реальных, но неформализуемых ситуаций, становятся неполными; из-за неполноты моделей управления в случаях нелинейных и неустойчивых процессов функционирования (в ненормативных условиях) разработчики вынуждены возлагать на оператора осуществление управления в области неформализуемых ситуаций.

Но разработчики должны передавать управление оператору и в случаях возникновения непредсказуемых, непредусмотренных ситуаций, потому что только он может непосредственно наблюдать развитие этих ситуаций, то есть *процесс актуализации потенциальных свойств объекта при эксплуатации*. Знание конкретных условий функционирования объекта, использование качественных, содержательных критериев оценки надежности должны позволить ему провести целостный анализ и интерпретацию актуализированных ситуаций, разработать модели управления для них и реализовать некоторый

вариант автоматического, полуавтоматического или ручного режима управления. *Именно эти функции — по разработке моделей управления и осуществлению непосредственного управления в потенциальных, непредсказуемых на этапе проектирования и создания объекта ситуациях — и становятся главными, основными для оператора в ЧМК.*

Для осуществления активных функций оператора по непосредственному управлению комплексом в непредсказуемых ситуациях необходима разработка новых технических средств, которые позволяли бы оператору решать задачи по анализу возникающих ситуаций, моделированию и реализации соответствующих управляющих воздействий по выходу из них. Эта новая проблема требует проектирования специальных экспертных, интеллектуальных систем поддержки принятия решений, предназначенных для осуществления оператором контроля и анализа функционирования систем и комплекса в целом, прогнозирования состояния систем, определения рекомендаций для оператора по управлению, математическому моделированию функционирования систем и межсистемного взаимодействия в нерасчетных, нестандартных ситуациях управления.

Что касается характера отношений между разработчиком и оператором, то, в отличие от автоматизированных систем и систем «человек-машина», где оператор играет второстепенную роль или представляет собой самостоятельную, независимую фигуру в управлении, *для человеко-машинного комплекса отношения между разработчиком и оператором становятся принципиально иными: различия между их профессиональными функциями фактически исчезают.* На этапе эксплуатации оператор должен не только реализовывать исполнительные функции по непосредственному управлению объектом, но и выполнять инженерные, исследовательские функции (подобные функциям разработчика на этапе проектирования и создания объекта) по моделированию управления в потенциальных, непредвиденных ситуациях.

Таким образом, *заметной разницы в роли разработчика и оператора быть не должно, и поэтому ответственность за обеспечение эффективности, надежности и безопасности функционирования объекта и на разработчика, и на оператора следует возлагать в равной степени.* Тогда, в соответствии с теоретическими представлениями логики о разновидностях совместимых отношений, следует полагать, что разработчик и оператор в данном случае находятся в равнозначных отношениях. Учитывая это, предлагаемый методологический подход для ЧМК необходимо определить как *«подход равнозначных отношений между профессионалами в управлении».*

С позиции данного подхода в нерасчетных, нестандартных ситуациях для принятия решений операторам необходима вся информация об объекте, о внешних условиях функционирования комплекса, о си-

туации, о возможностях средств управления по выходу из ситуации, а также и все средства управляющих воздействий на объект. Здесь, на наш взгляд, нерационально говорить о каких-либо ограничениях информации и средств управления для операторов при организации адаптивных методов распределения задач между автоматикой и персоналом, кооперации между человеком и компьютером или гибкого изменения степени автоматизации, которые предлагаются в рассмотренных выше концепциях адаптивной автоматизации. Поэтому в данных условиях — *а именно, для области нерасчетных, потенциальных ситуаций управления* — и встают очень сложные проблемы создания интеллектуальных средств поддержки деятельности операторов, работы над которыми сегодня ведутся очень интенсивно.

Для *области расчетных ситуаций управления* реализация некоторых адаптивных идей, например, интеллектуального интерфейса, учета функциональных возможностей человека на базе современных и перспективных вычислительных средств, видимо, может быть оправданной. Но, на наш взгляд, все-таки более адекватная позиция в этой области — максимально возможная автоматизация режимов управления для освобождения человека от рутинной работы, чтобы все его усилия были направлены на основные функции по управлению сложными объектами — обеспечение психологической готовности к нерасчетным ситуациям управления, поиску решений по выходу из них.

Строго говоря, для современной и перспективной сложной техники адаптивные теоретические позиции необходимо рассматривать как существенное упрощение объективной реальности. Попытки «облегчить жизнь» оператору в сложных ситуациях, казалось бы гуманистические по своей направленности, по сути являются следствием традиционных способов упрощения действительности, обусловленных ограниченностью наших знаний о ней, несоответствием общего научного метода «от простого к сложному» исследуемой объективной реальности, доминированием формальных методов ее познания.

Мы все еще не можем осознать, что в развитии техносферы уже давно перешли порог сложности, когда необходимо кардинальное изменение научных методов исследования сложных объектов, идеологии проектирования техники, представлений о роли оператора и характере его труда, совершенствование систем и методов профессиональной подготовки, повышение социальной и творческой, исследовательской активности операторов.

Данный вывод об ограничениях концепций адаптивной автоматизации и подходов к человеку и технике, постулирующих необходимость адаптации оператора к системам управления, в настоящей работе показан *с теоретической позиции* необходимости создания

новых методологических средств анализа субъект-объектных отношений для сложной техники, новых методологических средств решения основных проблем ее проектирования и эксплуатации (в частности, выбора роли человека в управлении, распределения функций между разработчиками, операторами и инженерными психологами, обеспечения эффективности, надежности и безопасности функционирования технического объекта, организации деятельности и взаимодействия профессионалов).

Но, безусловно, сама проблема адаптации в технике — *в ее практическом плане* как проблема приспособления человека к автоматизированным средствам управления техническими объектами — до настоящего времени остается достаточно серьезной и на этапах профессионального обучения, становления и развития профессионализма, и на этапах эксплуатации сложной техники. Более того, сегодня в связи с модернизацией автоматизированных объектов, внедрением новых поколений вычислительных средств в системы управления проблема адаптации человека к технике становится еще острее. Она является предметом серьезных исследований в инженерной психологии, психологии труда и эргономике [2, 10, 14].

Значимость проблемы адаптации человека к техническим объектам и искусственно созданной среде обитания будет еще больше возрастать в связи с бурным развитием высоких технологий: информационных сетей, искусственного интеллекта и экспертных систем, виртуальной реальности, симбиоза человека и компьютера, роботизированных объектов, нанотехнологий. Фактически наша цивилизация стоит на пороге формирования новой культуры жизни человека в условиях глобальных информационных сетей, в мире искусственного интеллекта и робототехники. Здесь, в новейших технологиях, начинают заявлять о себе такие проблемы субъект-объектных отношений, непосредственно связанные и с проблемой адаптации, как непредсказуемое воздействие симбиоза человека и компьютера, виртуальной реальности, информационных систем и искусственного интеллекта на психические состояния и сознание человека, автономность существования робототехники на принципах саморазвития и самовоспроизводства, социальные и этические нормы взаимодействия человека и информационных технологий, искусственного интеллекта, робототехнических объектов.

Эти проблемы, в свою очередь, потребуют и разработки новых теоретико-методологических средств анализа субъект-объектных отношений, новых методических и практических средств решения задач проектирования и эксплуатации объектов высоких технологий, в том числе и адаптации человека к среде обитания и деятельности на базе информационных сетей, искусственного интеллекта и робототехники.

Литература

1. Ахутин В.М. Поэтапное моделирование и синтез адаптивных биотехнических и эргатических систем // Инженерная психология: теория, методология, практическое применение. М.: Наука, 1977. С. 149—180.
2. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности. М.: ПЕР СЭ, 2001.
3. Венда В.Ф. Системы гибридного интеллекта: эволюция, психология, информатика. М.: Машиностроение, 1990.
4. Венда В.Ф. Методологические проблемы адаптивного информационного взаимодействия // Инженерная психология: теория, методология, практическое применение. М.: Наука, 1977. С. 55—66.
5. Вудс Д., О'Брайен Дж., Хейнс Л. Роль человеческих факторов в управлении атомными энергетическими установками // Человеческий фактор. М.: Мир, 1991. Т. 4. С. 406—487.
6. Галактионов А.И. Основы инженерно-психологического проектирования АСУ ТП. М.: Энергия, 1978.
7. Голиков Ю.Я. Методологические подходы к решению психологических проблем проектирования современной техники // Психол. журн. 2004. № 1. С. 70—82.
8. Голиков Ю.Я. Современные концепции автоматизации и подходы к человеку и технике // Психол. журн. 2002. Т. 23. № 1. С. 18—30.
9. Голиков Ю.Я., Костин А.Н. Проблемы и принципы исследования межсистемных взаимодействий в сложных человеко-машинных комплексах // Системные исследования. Ежегодник 1992—1994. М.: Эдиториал УРСС, 1996. С. 293—316.
10. Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
11. Журавлев Г.Е., Парсонс С.О., Строун Л.Т. Психологические основы культуры безопасности атомной энергетики и промышленности (системные аспекты). М.: Институт психологии РАН, 1996.
12. Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А. Принцип активного оператора и распределение функций между человеком и автоматом // Вопросы психологии. 1971. № 3. С. 3—15.
13. Кантовиц Б., Соркин Б. Распределение функций // Человеческий фактор. М.: Мир, 1991. Т. 4. С. 85—113.
14. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
15. Костин А.Н. Принцип взаимного резервирования при распределении функций между человеком и автоматикой. Дисс. ... докт. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2000.
16. Крылов А.А. Человек в автоматизированных системах управления. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972.
17. Леноровиц Д., Филлипс М. Проектирование эргономических требований к системам управления воздушным движением // Человеческий фактор. М.: Мир, 1991. Т. 4. С. 320—351.
18. Леонтьев А.Н., Ломов Б.Ф. Человек и техника // Вопросы психологии. 1963. № 5. С. 29—37.
19. Миллер Д., Суэйн А. Ошибки человека и его надежность // Человеческий фактор. М.: Мир, 1991. Т. 1. С. 360—417.

20. *Мушатов В.М., Зинченко В.П.* Эргономика: человекоориентированное проектирование техники, программных средств и среды: Учебник. М.: Логос, 2001.
21. *Пископтель А.А., Вучетич Г.Г., Сергиенко С.К., Щедровицкий Л.П.* Инженерная психология: дисциплинарная организация и концептуальный строй. М.: Касталь, 1994.
22. *Суходольский Г.В.* Основы психологической теории деятельности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
23. *Шеридан Т.В.* Диспетчерское управление // Человеческий фактор. М.: Мир, 1991. Т. 3. С. 322–367.
24. *Benders J., Haan J., Bennett D.* Will symbiotic approaches become main stream // The Symbiosis of Work and Technology. London: Taylor and Francis, 1995. P. 135–148.
25. *Billings C.E.* Toward a human-centered aircraft automation philosophy // The Intern. Journal of Aviation Psychology. V. 1. № 4. 1991. P. 261–270.
26. *Brown O.* The evolution and development of macroergonomics // Designing for Everyone // Proceedings of the Eleventh Congress of the International Ergonomics Association, Paris, 1991. V. 3. London: Taylor and Francis, 1991. P. 1175–1177.
27. *Bubb-Lewis C., Scerbo M.W.* Getting to know you: human-computer communication in adaptive automation // Human-Automation Interaction: Research and Practice / Ed. by M. Mouloua, J.M. Koonce. Mahwah, New Jersey: Erlbaum, 1997. P. 92–99.
28. *Duley J.A., Molloy R., Parasuraman R.* Display configuration in adaptive automation: integration and dynamic presentation // Human-Automation Interaction: Research and Practice / Ed. by M. Mouloua, J.M. Koonce. Mahwah, New Jersey: Erlbaum, 1997. P. 109–116.
29. *Hilburn B., Jorna P.G., Byrne E.A., Parasuraman R.* The effect of adaptive air traffic control (ATC) decision aiding on controller mental workload // Human-Automation Interaction: Research and Practice / Ed. by M. Mouloua, J.M. Koonce. Mahwah, New Jersey: Erlbaum, 1997. P. 84–91.
30. *Johannsen G., Levis A.H., Stassen H.G.* Theoretical problems in man-machine systems and their experimental validation // Automatica. V. 30. № 2. 1994. P. 217–231.
31. *Kantowitz B.H., Sorkin R.D.* Human factors: understanding people-system relationship. N.Y.: Wiley, 1983.
32. *Lee J., Moray N.* Trust, control strategies and allocation of functions in human-machine systems // Ergonomics. V. 35. № 10. 1992. P. 1243–1270.
33. *Levis A.H., Moray N., Hu B.* Task decomposition and allocation problems and discrete event systems // Automatica. V. 30. № 2. 1994. P. 203–216.
34. *Meshkati N.* Cultural context of the safety culture: a conceptual model and experimental study // Human-Automation Interaction: Research and Practice / Ed. by M. Mouloua, J.M. Koonce. Mahwah, New Jersey: Erlbaum, 1997. P. 286–297.
35. *Stanney K.M., Maxey J., Salvendy G.* Social contexts in systems design // Human-Automation Interaction: Research and Practice / Ed. by M. Mouloua, J.M. Koonce. Mahwah, New Jersey: Erlbaum, 1997. P. 305–312.

Адаптация и взаимное резервирование человека и автоматики

А.Н. Костин

Адаптация при распределении функций между человеком и автоматикой является одним из популярных направлений по разработке стратегии автоматизации процессов управления. Общим для такого подхода является представление о зависимости степени автоматизации процессов управления от характеристик решаемых задач, условий деятельности и величины когнитивной или умственной рабочей нагрузки (workload) оператора. Считается необходимым снижение степени автоматизации при малой величине нагрузки и наоборот, что позволяет поддерживать ее на относительно постоянном уровне — не слишком низком и не слишком высоком.

В концепции адаптивного информационного взаимодействия В.Ф. Венды [2, 3] изменение степени автоматизации и функций оператора происходит в зависимости от сложности решаемых им задач. При возникновении в деятельности оператора затруднений, сверхнормативных задержек или ошибок в управлении должно осуществляться повышение степени автоматизации. Адаптация с помощью передачи управления автоматике в случае ухудшения психофизиологического состояния оператора и наоборот предлагалась и В.М. Ахутиным [1]. За рубежом одним из первых идеи адаптивного (или динамического) распределения функций начал развивать В. Руз (W. Rouse) [28], к их сторонникам можно отнести Б. Кантовича (B. Kantowitz) и Р. Соркина (R. Sorkin) [14, 26].

Методы адаптации в основном можно разбить на две группы: физиологические и деятельностные. К первой группе относятся методы, использующие для адаптивной автоматизации различные психофизиологические параметры, прежде всего характеризующие активность мозга [24, 25, 29]. Эти параметры должны отражать изменения в рабочей нагрузке, чтобы затем использоваться для переключения уровней автоматизации. В некоторых исследованиях для этого применялся метод ЭЭГ. В.М. Ахутин для создания адаптивных биотехнических систем предлагал использовать измерения дисперсии стабильных точек ЭКГ [1].

Вторая группа методов основывается на непрерывном отслеживании результативных или исполнительных параметров деятельности. Так, если при программировании распределения функций используются ограничения по максимальной и минимальной величинам рабочей нагрузки (для предотвращения как недогрузки, так и перегрузки), тогда при ее несовпадении со специальным критерием задача или ее часть будут переданы для выполнения автоматике или человеку.

Несколько по-другому классифицируют адаптивное распределение функций Д. Бивис (D. Beevis) и П. Эссенс (P. Essens) [22]. Они считают, что к настоящему времени адаптивное распределение функций развивается в двух направлениях: первое — **ориентированное на оператора**, в котором рассматривается возникающее у него состояние и вопросы его измерения и моделирования; второе — **ориентированное на события**, где рассматривается возникновение критических ситуаций, т.е. изменение состояния систем. При этом основой для каждой адаптивной системы является подход, ориентированный на события, который затем должен быть дополнен подходом, ориентированным на оператора.

Адаптивное распределение функций по замыслу его сторонников должно обеспечить поддержание включения человека в управление и адекватный контроль им состояния и функционирования технических систем, привести к повышению осознания ситуации, а также к предотвращению задержек в ручном управлении и угасанию навыков решения проблем, которые могут потребоваться в аварийных ситуациях. Однако, несмотря на внешнюю привлекательность адаптивного распределения функций, в нем содержатся серьезные недостатки.

Во-первых, данный принцип достаточно формален и исходит из необходимости обеспечения некоторого комфорта для оператора посредством изменения степени автоматизации, а не посредством определения сущностных функций по обеспечению надежности, возлагаемых на человека и автоматику. Во-вторых, небезупречна и его процессуальная логика. Так, возникновение нештатных, аварийных ситуаций почти всегда сопровождается увеличением объемов поступающей информации, возрастанием сложности решаемых задач, или, иначе говоря, рабочей нагрузки. Согласно адаптивному подходу в этих случаях необходимо ее снижение, например, за счет повышения степени автоматизации и сокращения предоставляемой оператору информации. Но повышение степени автоматизации при возникновении отказов может быть нереализуемо, а сокращение выдаваемой информации — нецелесообразно, так как оно будет препятствовать анализу оператором ситуации и принятию необходимого решения. Наоборот, нужно не уменьшение, а увеличение предоставляемой человеку информации за счет подключения дополнительных ресурсов, например, экспертных систем.

Серьезным препятствием для практической реализации адаптивного распределения является теоретическая и методическая размытость и противоречивость существующих концепций рабочей нагрузки на основе разных психофизиологических показателей (ЭЭГ, ЭКГ, ЭОГ, КГР, дыхание). Однако кроме концепции ментальной нагрузки существуют концепции когнитивной, информационной нагрузки, нагрузки внимания, эмоциональной нагрузки и др. В основе концепций рабочей нагрузки обычно лежит оценка затрат или количества различного вида психофизиологических ресурсов, необходимых человеку для выполнения деятельности. При этом рабочую нагрузку трудно отделить от стресса, напряженности, сложности и других показателей деятельности.

Кроме того, несмотря на различия в концепциях, умственная рабочая нагрузка всегда оценивается по непрерывной однородной шкале (в полюсах низкая — высокая). Это является следствием рассмотрения нагрузки как имеющихся у человека ресурсов, которых может быть больше или меньше. Но тогда принципиально не учитывается изменение содержания и качества деятельности при смене уровней психических процессов.

Можно полагать, что при незначительной нагрузке актуализируются простые психические процессы низших уровней деятельности (например, сенсорные и перцептивные), а при высокой — сложные, относящиеся к высшим уровням деятельности (например, творческое мышление). Но возникает вопрос: где на шкале рабочей нагрузки лежат границы между этими процессами и уровнями? Естественно, градаций может быть много, но где находятся границы между ними на шкале нагрузки и в чем заключается их психологическая специфика, никогда не указывается, и авторы соответствующих концепций обычно даже не задаются этим вопросом.

В противовес взаимной адаптации мы предлагаем иную стратегию гибкого изменения степени автоматизации — **принцип взаимного резервирования оператора и автоматики** [8, 15, 16]. Суть принципа заключается в том, что оператор резервирует автоматику (в случае возникновения отказов техники или непредвиденных ситуаций) посредством самостоятельного снижения степени автоматизации; автоматика резервирует оператора (при возникновении в его деятельности высокой субъективной сложности) путем принудительного повышения степени автоматизации процессов управления. При этом полуавтоматические режимы управления должны являться основными, а автоматические и ручные — рассматриваться как резервные для страховки оператора и автоматики соответственно.

Необходимость резервирования оператора автоматикой возникает тогда, когда он не может найти решения по выходу из непредвиденной ситуации. Иначе говоря, он оказывается в ситуации, субъективная

сложность деятельности в которой гораздо выше, чем при выполнении предшествующих профессиональных функций. Поэтому при возможности регистрации субъективной сложности средствами системы управления резервирование оператора автоматикой должно происходить при превышении некоторой ее нормативной величины, допустимой для профессиональных функций в данном режиме управления. И чем больше превышение этой нормативной величины, тем выше должна устанавливаться степень автоматизации, включая в предельном случае и переход на автоматический вариант осуществляемого режима управления, если он возможен. В противном случае должны реализовываться специальные автоматические режимы, но направленные не на достижение основной цели управления, а резервные или аварийные режимы, обеспечивающие прежде всего надежность и безопасность.

Повышение степени автоматизации, освобождая оператора от функций по управлению, тем самым предоставляет ему возможность для более полного и детального анализа ситуации. И если ситуация разъясняется, то оператор осуществляет переход обратно к полуавтоматическому режиму управления, если же нет — контролирует ход автоматического режима.

В то же время значительная субъективная сложность деятельности может возникнуть при принятии оператором нестандартного, творческого, интуитивно найденного решения, радикальным образом меняющего стратегию процесса управления. В этом случае оператор должен иметь право снизить степень автоматизации до первоначального полуавтоматического режима или даже ниже, вплоть до ручного, ввести запрет на ее принудительное повышение и реализовать принятое решение. Затем оператор может перейти к нужному варианту полуавтоматического режима и снять введенный запрет.

Может показаться, что разработанный принцип аналогичен адаптивному распределению функций, при котором степень автоматизации устанавливается в зависимости от величины рабочей нагрузки. При взаимном резервировании такая зависимость вроде бы существует — не от рабочей нагрузки, а от субъективной сложности деятельности, но замену одного понятия на другое можно считать простой формальностью.

Существенные различия между двумя принципами все-таки есть. Действительно, в принципе взаимного резервирования при увеличении субъективной сложности деятельности предполагается повышение степени автоматизации управления, что совпадает с логикой адаптивного распределения функций. Однако при последующем уменьшении субъективной сложности соответствующего снижения степени автоматизации, как при адаптивном распределении, уже не происходит, его осуществляет сам оператор, если посчитает нужным! Поэтому при вза-

имном резервировании отсутствует однокритериальная зависимость по поддержанию некоторого оптимального уровня, неважно, рабочей нагрузки или субъективной сложности, присущая адаптивному распределению. Изменение степени автоматизации в предлагаемом принципе в сторону увеличения и уменьшения имеет разную основу и подчинено другой логике — двойного, взаимного резервирования.

Практическая реализация данного принципа возможна при использовании авторского метода оценки субъективной сложности деятельности — метода таксономии межсаккадических интервалов (МСИ) движений глаз [8, 17]. Его суть заключается в разграничении суммарного диапазона изменения МСИ, представляющего шкалу сложности деятельности, на несколько поддиапазонов, которые сопоставлены с содержанием и качеством деятельности на разных уровнях регуляции. Это позволит адекватно анализировать многоуровневую регуляцию деятельности и оценивать сложность процессов разного содержания на единой основе.

Теоретическим базисом при разработке указанного метода явилась концепция анализа проблемностей, созданная совместно с Ю.Я. Голиковым [7—9]. В качестве источника процессов психической регуляции деятельности мы рассматриваем постоянно возникающее у человека и преодолеваемое им несоответствие между объективной реальностью и ее психическим отражением. Это несоответствие имеет разные формы и заключается в неопределенности, неоднозначности или затруднении в понимании причин, содержания и последовательности изменения объективной реальности или особенностей психического отражения. Человек, естественно, стремится преодолеть или разрешить возникающие несоответствия, и это стремление направляет его последующую активность посредством организации и актуализации разных психических функций, что и составляет содержание процессов психической регуляции.

Разные формы указанного несоответствия, т.е. неопределенности, неоднозначности и затруднения, мы определяем общим понятием **«проблемность»**, полагая, что проблемность — это психическое явление, возникающее вследствие субъективно значимого изменения объективной действительности и ее психического отражения, представляющее одну из форм несоответствия между ними, возникновение и преодоление которого обеспечивается механизмами психической регуляции.

Все проблемности по своей сложности разделены на три класса: **проблемные моменты** (незначительные быстро преодолеваемые проблемности при непосредственном реагировании на несущественные события), **проблемные ситуации** (проблемности по осмыслению некоторых ситуаций при возникновении достаточно существенных событий) и **проблемы** (проблемности по пониманию новых, нежиз-

данных событий). Каждому классу будет соответствовать некоторый диапазон сложности проблемностей, а все эти классы вместе составят некоторую ее шкалу.

Преодоление проблемностей разных классов происходит на различных уровнях психической регуляции. По критерию направленности, назначения регуляции выделены следующие пять уровней (от низшего к высшему): **непосредственного взаимодействия, опосредованной координации, программно-целевой организации, личностно-нормативных изменений и мировоззренческих коррекций**. При этом для преодоления проблемных моментов необходим уровень непосредственного взаимодействия, проблемные ситуации требуют включенности уровней опосредованной координации или программно-целевой организации, а проблемы — уровней личностно-нормативных изменений или мировоззренческих коррекций.

В индивидуальной деятельности проблемности образуют некоторые последовательности, которые называются алгоритмами их разрешения. Процесс организации психической активности по реализации алгоритма разрешения проблемностей определяется как **цикл регуляции**. При этом сущность доминирующих психических процессов в каждом цикле характеризуется ведущим уровнем регуляции или проблемностями максимального уровня в алгоритме. Соответственно, ими будет определяться и субъективная сложность деятельности.

Возрастание сложности проблемностей должно приводить к увеличению длительности циклов регуляции при росте уровней. В силу стохастической природы регуляционных процессов длительность циклов регуляции на каждом уровне составит некоторый диапазон с размытыми границами. При этом размеры этих диапазонов увеличиваются от уровня к уровню.

Теперь перейдем к методам анализа деятельности. Понятно, что нужны индикаторы циклов регуляции, которые надо искать среди психофизиологических процессов, отражающих сложность деятельности. С этой позиции нами были проанализированы особенности глазодвигательной активности человека как одной из главных психических функций, необходимых для выполнения операторской деятельности.

Исследование движений глаз — популярное направление. Прежде всего анализируют зрительные маршруты, т.е. перемещения взгляда по элементам внешней обстановки (пульту, приборам, внекабинным объектам). Считается, что в моменты фиксации взгляда человек воспринимает и анализирует визуальную информацию.

Результаты многочисленных исследований как отечественных, так и зарубежных, показали, что в наибольшей степени сложность деятельности связана с длительностью фиксации взгляда. При этом длительность фиксации как параметр оценки использовался в ос-

новном в тех видах операторской деятельности, которые связаны с активным информационным поиском. Максимальная длительность указанных фиксаций достигала нескольких десятков секунд.

Однако кроме фиксаций существует еще два типа движения глаз. Первый — дрейфы, т.е. медленные сползания взгляда с точки фиксации, второй — быстрые скачки, или саккады. На последнем типе движений остановимся подробнее.

Саккады бывают как контролируемые, произвольные, когда человек меняет точки фиксации, так и непроизвольные, т.е. неконтролируемые им, которые возникают в ходе фиксаций. В работах отечественных исследователей, в частности, Ю.Б. Гиппенрейтер и ее сотрудников, показана особая роль саккад в цикличности переработки и дискретизации поступления зрительной информации, самого процесса видения [4, 5]. Ими было выдвинуто предположение, что саккады ограничивают любой «квант» процессов регуляции, даже если последний не использует зрительную информацию [4, с. 238].

Аналогичную позицию занимает другой наш исследователь, В.А. Филин, которым разработана концепция автоматии саккад [20, 21]. Согласно этой концепции, саккады возникают не в ответ на стимул, а генерируются в определенном ритме в основном через 0,2–0,6 с подобно автоматии (ритмике) сердца и дыхания. Это подтверждается и тем, что саккады существуют при закрытых глазах и у слепых, когда они вроде бы не нужны. Но в случае умственной работы саккады следуют гораздо реже, т.е. интервалы между ними резко (в разы) увеличиваются.

Во многих работах показано, что при усложнении деятельности происходит увеличение интервалов между саккадами (или межсаккадических интервалов) как произвольного, так и непроизвольного характера. При этом диапазон изменения длительности указанных интервалов составляет значительную величину — от 0,03 до 30 с и более.

Легко видеть, что длительность фиксаций и длительность межсаккадических интервалов во многом аналогично зависят от сложности деятельности. В то же время в понятии «длительность фиксаций» акцентируется больше внешний план деятельности, связанный с различного вида информационным поиском.

Для раскрытия более сложных психических процессов уместнее использовать такие понятия, как «отстройка от ситуации», «мысленное представление», «внутренний взор», «внутреннее зрение», которые характеризуют деятельность во внутреннем плане. При этом всем известно явление, когда в случае глубокой задумчивости человек «смотрит, но не видит», т.е. глаз фиксирует какой-то объект, но человек его не замечает. Поэтому использование акцентированного на внешней стороне деятельности понятия «длительность фиксаций»

в общем случае приводит к серьезной неоднозначности в понимании результатов анализа движений глаз.

Кроме того, термин «фиксация» предполагает неподвижность взгляда и, соответственно, глаз относительно некоторого внешнего объекта. Однако в ходе фиксации возможны медленные, дрейфовые движения глаз, приводящие к смещению взгляда по объекту, что делает различия между отдельными фиксациями нечеткими.

От перечисленных неоднозначностей свободно понятие «длительность межсаккадических интервалов», так как в нем нет привязки к внешнему или внутреннему плану деятельности, а также не предъявляется требование неподвижности глаз. Кроме того, становится ненужным и анализ зрительных маршрутов. Поэтому нами было выдвинуто предположение, что наиболее адекватно свойства *циклов регуляции* должна отражать *длительность межсаккадических интервалов* (МСИ) движений глаз и она может быть использована как параметр оценки сложности психических процессов. Задача заключается в том, чтобы определить, какие диапазоны изменения МСИ соответствуют разным уровням психической регуляции. Тем самым будет преодолена однокачественность шкалы оценки психических процессов деятельности, которая отмечалась при обзоре умственной рабочей нагрузки.

Если суммировать все вышесказанное, то указанный метод базируется на следующих положениях:

1) длительность МСИ возрастает при увеличении сложности процессов регуляции деятельности;

2) длительность МСИ для каждого уровня регуляции меняется в определенном диапазоне, так как сложность процессов регуляции, определяемая их психологическим содержанием и качественным своеобразием, ограничена на конкретном уровне;

3) диапазон изменения МСИ для каждого уровня регуляции одинаков для разных людей в силу общих закономерностей мыслительной деятельности;

4) диапазоны изменения МСИ увеличиваются при возрастании уровней регуляции в соответствии с увеличением сложности их психологического содержания;

5) суммарные величины диапазонов МСИ всех пяти уровней регуляции от 0,03 до более 30 с образуют единую шкалу сложности деятельности, а границы диапазонов на этой шкале являются универсальными константами для каждого из уровней регуляции.

Регистрация движений глаз осуществляется достаточно комфортным методом электроокулографии (ЭОГ), а выделение саккад происходит программным образом на компьютере. В связи с ограниченной чувствительностью данного метода, которая составляет 1–1,5 угловых градуса, в процессе регистрации движений глаз неизбежно будет

происходить потеря некоторой части саккад малой амплитуды. Это может привести к возникновению неоднозначности при сравнении одинаковых по длительности МСИ.

Величина указанной неоднозначности будет определять степень достоверности регистрируемых МСИ как параметра циклов регуляции. Эта достоверность будет зависеть как от характеристик используемой аппаратуры ЭОГ, так и особенностей конкретной деятельности. Косвенная оценка достоверности использования МСИ может быть получена при сопоставлении их длительностей с результатами анализа проблемностей, так как в случае несущественных потерь саккад не должна часто возникать неоднозначность между значениями МСИ и проблемностями соответствующего им уровня.

При анализе МСИ следует, конечно, учитывать стохастический характер циклов регуляции и размытость отличий между ними на соседних уровнях. Однако статистические методы для такого анализа не применимы вследствие их исходных аксиоматических требований квазистационарности исследуемых процессов и наличия большого числа данных для обработки. В случае нестационарности макродинамики деятельности, когда возможно появление единичных циклов регуляции каких-либо уровней, а также с учетом размытости различий между диапазонами циклов регуляции соседних уровней, более приемлемы методы нечетких множеств, кластеризации и таксономии. Поэтому для выделения диапазонов изменения МСИ на разных уровнях регуляции разработана модификация одного из методов таксономического анализа [12, 13], заключающегося в поиске локальных максимумов МСИ при последовательном уменьшении радиуса поиска.

Для валидации результатов таксономии МСИ нами использовался разработанный Ю.Я. Голиковым метод анализа проблемностей [6, 8]. Основой выделения проблемностей в этом методе служат данные наблюдения, опроса и репортажа операторов. Его данные заносятся в специальные бланки, обобщаются и т.д. Метод достаточно трудоемок, но главное, что результаты количественной оценки получают качественную интерпретацию на языке проблемностей, в том числе для выяснения причин возникновения тех или иных величин субъективной сложности деятельности.

Параметры таксонов для разных уровней регуляции приведены в таблице 1. При этом размытость таксонов выражается в том, что они перекрываются, т.е. нижняя граница каждого следующего таксона меньше, чем верхняя граница предыдущего. Тем самым МСИ, попадающие в диапазоны перекрытия, нельзя однозначно соотнести с конкретным уровнем регуляции. Размытость границ между соседними таксонами увеличивается при возрастании уровней регуляции.

Оценка практической реализуемости принципа взаимного резер-

Таблица 1.

Параметры таксонов МСИ

№	Уровни психической регуляции	Таксоны МСИ (с)
1	Непосредственного взаимодействия	0,03–1,0
2	Опосредованной координации	0,9–2,0
3	Программно-целевой организации	1,9–5,0
4	Личностно-нормативных изменений	4,6–11,5
5	Мировоззренческих коррекций	более 10,7

вирования оператора и автоматики была осуществлена экспериментально. В силу того, что проблема резервирования автоматики человеком теоретически и экспериментально решена в рамках исследований по принципу активного оператора [10, 11, 18, 19], необходимо было доказать возможность реализации второй части принципа взаимного резервирования — резервирования оператора автоматикой.

В качестве объекта управления были использованы авиационные компьютерные симуляторы по управлению реактивными самолетами, позволяющие осуществлять полет как в ручном режиме, так и в автоматическом режиме на автопилоте. Для выполнения исследования была создана экспериментальная установка, состоящая из двух соединенных персональных компьютеров. На первом компьютере оператор выполнял режимы управления на симуляторе. Второй компьютер обеспечивал выполнение программы регистрации и анализа МСИ движений глаз операторов, регистрацию нажатий на клавиатуру оператором и выдачу команд принудительного перехода на автопилот в случае превышения предельно допустимой величины субъективной сложности деятельности.

Автопилот в используемых симуляторах осуществлял горизонтальный полет. Тем самым при принудительном переходе на автопилот этот режим мог осуществлять функции страховки оператора при возникновении у него высокой субъективной сложности деятельности, предоставляя ему возможность разобраться в ситуации. Это в конечном итоге и должно было повысить надежность выполнения процессов управления самолетом. Затем оператор мог отключить автопилот и продолжить полет в ручном режиме.

Специальной методической задачей являлось определение предельно допустимой величины субъективной сложности операторской деятельности и порогового значения МСИ движений глаз для осуществления резервирования оператора автоматикой. Эта задача решалась на основе следующей логики.

Из разработанного нами принципа соответствия между объективной сложностью деятельности и минимально необходимой для ее преодоления субъективной сложностью [8] следует, что у профессио-

нально подготовленного оператора, независимо от его индивидуально-личностных особенностей, при выполнении конкретных режимов управления не должна возникать субъективная сложность деятельности выше некоторого предела, который будет задавать определенный уровень регуляции. Эта предельно допустимая величина субъективной сложности, в свою очередь, обуславливает пороговое значение МСИ движений глаз, которое можно оценить по верхней границе таксона МСИ, соответствующего данному уровню регуляции.

Следует заметить, что в общем случае при существенной неоднородности профессиональных функций по сложности в рамках одного режима управления, предельно допустимая величина субъективной сложности деятельности, а значит, и пороговое значение МСИ может меняться на разных этапах его выполнения.

Применительно к режимам управления самолетом, используемым в экспериментах, профессиональные функции операторов заключаются в реализации управляющих воздействий, оценке и анализе визуальной обстановки, состояния индикации и органов управления, параметров полета, пространственного положения самолета, выборе целей и задач полета. Соответственно для осуществления этих функций минимально необходима включенность, актуализация следующих уровней психической регуляции: непосредственного взаимодействия, опосредованной координации и программно-целевой организации. Таким образом, предельно допустимая величина субъективной сложности деятельности определяется уровнем программно-целевой организации. В связи с тем, что диапазон таксона МСИ для этого уровня равен 2–5 с, пороговое значение МСИ в экспериментах нами было определено по верхней границе этого таксона — оно равно 5 с.

В экспериментах по проверке адекватности средств резервирования оператора автоматикой приняла участие группа из 14 испытуемых — инженеров, работающих в космической промышленности. Испытуемые в зависимости от опыта работы на используемых симуляторах выполняли от 15 до 20 режимов.

Результаты экспериментов показали, что при выбранном основном пороговом значении МСИ для резервирования оператора автоматикой, равном 5 с, почти у всех испытуемых наблюдались ситуации, в которых происходил принудительный переход с ручного управления на автопилот. В качестве наиболее характерных примеров такого резервирования можно привести следующие результаты.

Так, случай с очень значительной субъективной сложностью, когда были зарегистрированы МСИ величиной 11,94 с (начало 106,9 с) и принудительный переход на автопилот, наблюдался в режиме 14 у оператора Рв (рисунок 1). Резкое выполнение второго разворота на больших углах крена в усложненных условиях ночного полета при-

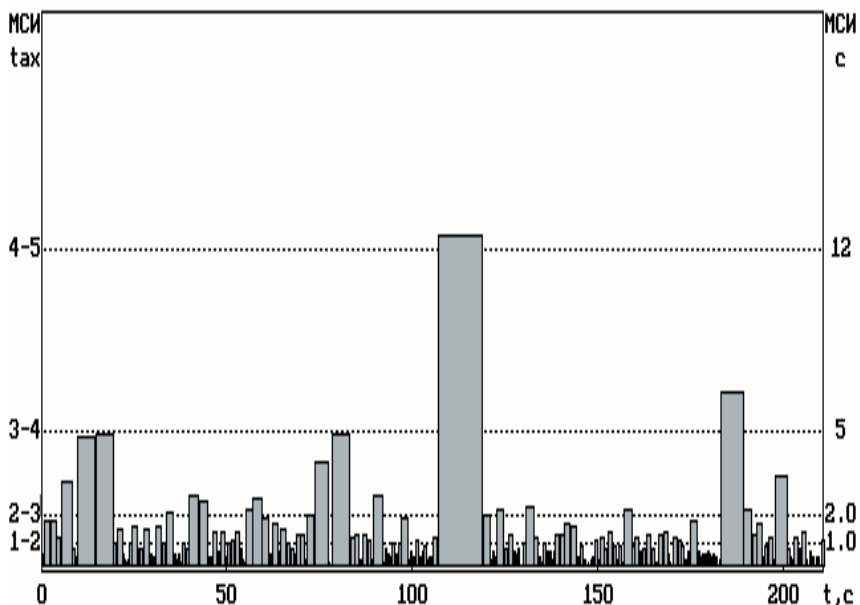

Рис. 1. Циклограмма длительностей МСИ у оператора Рв в режиме 14.

вело к тому, что оператор на фоне наземных огней пропустил метку, указывающую направление на аэродром. Закончив разворот на 180 градусов по компасу и не обнаружив метки, оператор пришел в сильное замешательство, перестал комментировать деятельность и полностью прекратил управление. Только подсказка инструктора-экспериментатора о пролете и необходимости обратного разворота вывела его из замешательства.

В послеполетном опросе оператор объяснил причину замешательства тем, что новизна условий полета, необычность наземных огней и ориентиров вызвали полное непонимание ситуации и дальнейших действий по управлению. В данной ситуации оператор столкнулся с проблемностью, связанной с поиском принципиально нового знания об управляемом объекте, то есть проблемностью высшего уровня – мировоззренческих коррекций. При этом следует заметить, что субъективная сложность деятельности на данном интервале существенно отличается от других интервалов с достаточно значительной субъективной сложностью, также обусловленной необычными условиями полета, и длительностью МСИ в 5–7 с.

Безусловно, что принудительный переход на автопилот в данной ситуации был полностью адекватным, так как позволил исправить ошибку оператора на развороте. И если бы не было подсказки инструктора, то автопилот обеспечил бы полет по направлению на аэродром.

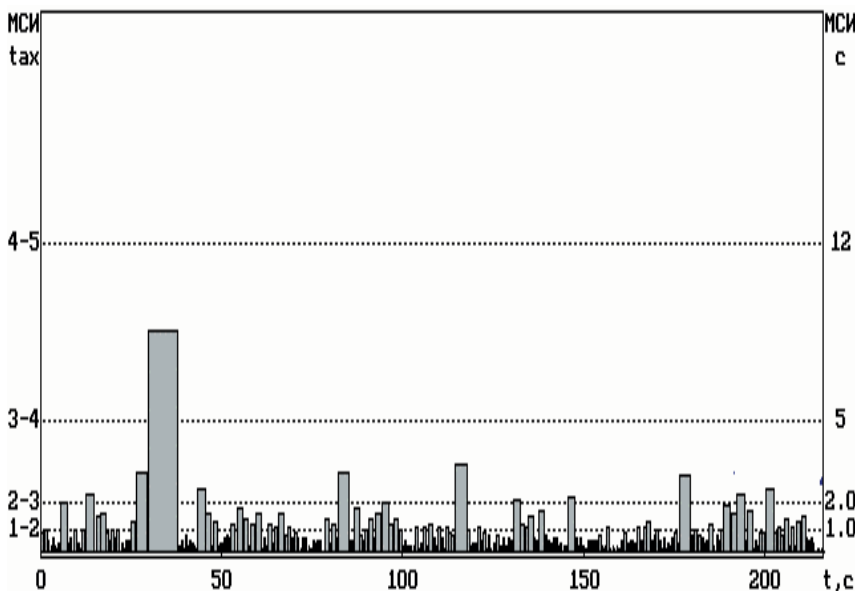

Рис. 2. Циклограмма длительностей МСИ у оператора Хс в режиме 20.

Также адекватным было принудительное включение автопилота в этом режиме на интервале 180–190 с при МСИ величиной 6,37 с. Субъективная сложность на этом интервале была обусловлена проблемностью уровня личностно-нормативных изменений, возникшей у оператора перед приземлением вследствие отсутствия у него понимания нормативных параметров полета на участке снижения.

У оператора Хс при выполнении режима 20 на втором типе самолета, динамика которого ему была еще незнакома, в процессе первого разворота, осуществляемого им очень энергично с большим креном, произошло резкое уменьшение скорости, что привело к срабатыванию предупредительной сигнализации об опасности срыва в штопор. В это время у оператора было зарегистрировано резкое увеличение длительности МСИ, достигшее 8,25 с (начало 29,7 с), в ходе которого был реализован принудительный переход на автопилот (рисунок 2).

По наблюдению, оператор не реагировал на включение автопилота и немного уменьшил крен, а после повторного перехода на автопилот отстраненно наблюдал за автоматическим окончанием разворота и переходом на горизонтальный полет. При этом комментарий деятельности в репортаже у него отсутствовал. Опрос после режима показал, что для оператора возникшая ситуация была совершенно незнакомой и отличающейся от его представлений об общей динамике разворотов и ее нормативных ограничениях с позиции обеспечения

безопасности полета. Оператор пытался проанализировать создавшуюся ситуацию, связать тенденцию уменьшения скорости на развороте с возможным риском. После того как оператор разобрался в ситуации, он продолжил полет в ручном режиме.

Эти данные позволили определить, что проблемности, возникшие у оператора на рассматриваемом интервале деятельности, заключаются в пересмотре отдельных профессиональных норм деятельности, связанных с выполнением разворотов, и поэтому относятся к уровню личностно-нормативных изменений. Тем самым подтверждается, что в данной ситуации у оператора действительно наблюдается высокая субъективная сложность деятельности, обусловленная новизной и непониманием нормативных ограничений аэродинамики самолета. Исключительность этой ситуации в режиме видна из сравнения ее с любым другим его интервалом, на которых субъективная сложность деятельности гораздо ниже и только иногда соответствует уровню программно-целевой организации, а МСИ не превышают 3,5 с.

Принудительное включение автопилота привело к уменьшению угла крена и ликвидировало опасность срыва в штопор. Поэтому резервирование человека автоматикой в данной ситуации следует признать адекватным, так как оно явилось средством обеспечения надежности управления.

Во многом аналогичный случай произошел у оператора Гл. На этапе снижения для захода на полосу оператор впервые для себя выполнил достаточно резкое маневрирование по курсу. В начале и в конце этого маневрирования у оператора возникают два МСИ длительностью примерно 7 с на интервалах 140–150 и 160–170 с и, соответственно, принудительные переходы на автопилот (рисунок 3). В послеполетном опросе оператор объяснил, что в начале маневра необычная динамика полета привела его в некоторое замешательство, которое он преодолел волевым усилием и, отключив автопилот, продолжил полет для того, чтобы исследовать и понять эту динамику. Перед окончанием маневра оператор с облегчением убедился в успешном выходе на полосу, что дало ему доказательство принципиальной возможности использования таких маневров в полете. Также отключив автопилот, оператор продолжил снижение в ручном режиме.

Изложенные данные позволяют утверждать, что в начале маневра у оператора возникает проблемность, связанная с неизвестностью о возможности и нормативности выполняемого маневра, которая на данном интервале была преодолена им только частично путем принятия решения о продолжении полета и изучения возникшей ситуации. Эта же проблемность вновь актуализировалась перед окончанием маневра и здесь уже была преодолена за счет принятия подобных маневров в качестве новых, дополнительных профессиональных норм.

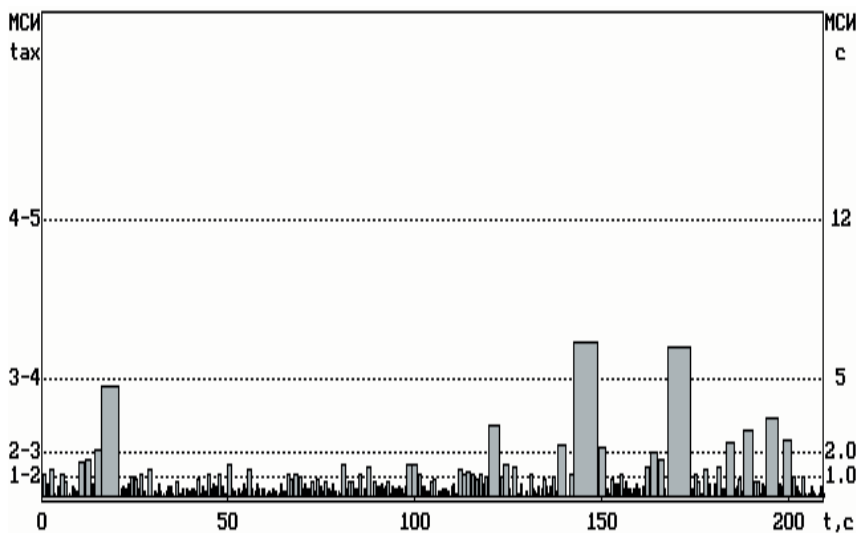

Рис. 3. Циклограмма длительностей МСИ у оператора Гл в режиме 5.

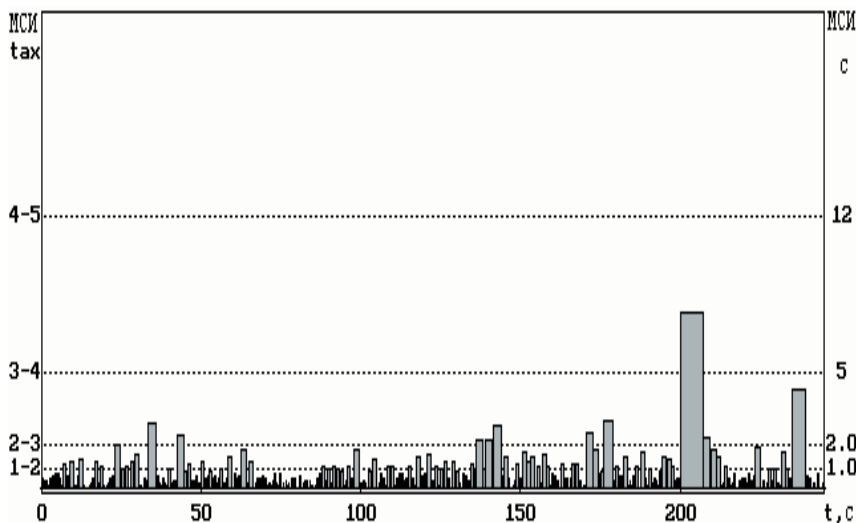

Рис. 4. Циклограмма длительностей МСИ у оператора Шв в режиме 15.

Следовательно, в обоих случаях возникшие проблемности относятся к уровню личностно-нормативных изменений.

Субъективная сложность этих двух ситуаций была существенно выше, чем в любой другой момент времени этого режима. Принудительное включение автопилота здесь также было оправдано, так как

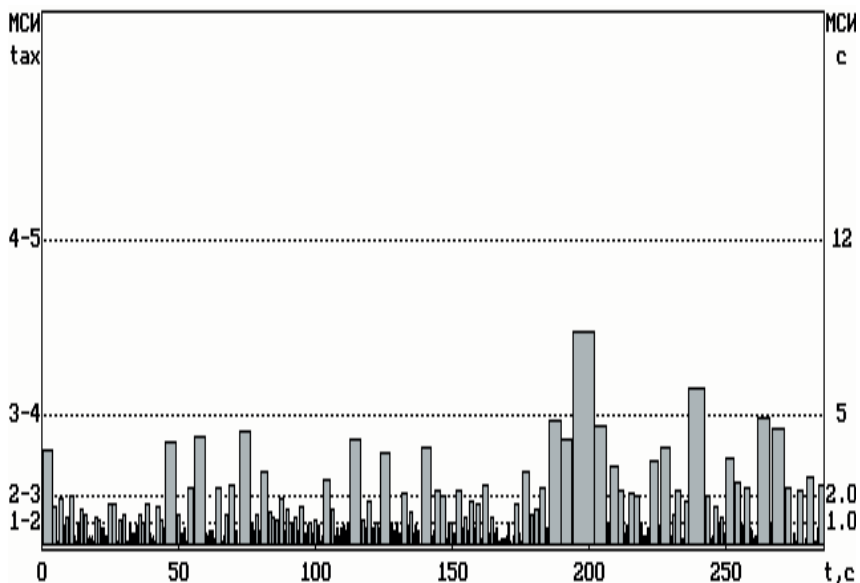

Рис. 5. Циклограмма длительностей МСИ у оператора Тл в режиме 9.

если бы возникшие проблемности не были бы преодолены, то автопилот обеспечил бы по крайней мере безопасный выход из маневра на горизонтальный полет в направлении полосы.

Проблемности уровня личностно-нормативных изменений были типичными для многих операторов. Так, переход на автопилот наблюдался у оператора Шв, циклограмма МСИ у которого представлена на рисунке 4, на интервале 200–210 секунд при МСИ порядка 8 с. Значительная субъективная сложность на этом интервале определялась той же самой проблемностью, выразившейся в неопределенности понимания нормативной динамики полета. Эта же проблемность возникла и у оператора Тл на интервале 190–205 секунд при МСИ 8,02 с и на интервале 235–245 секунд при МСИ 5,95 с (рисунок 5), а также у оператора Рв на интервалах 50–60, 85–95 и 200–210 с при МСИ около 6 с (рисунок 6).

Таким образом, результаты экспериментов показывают, что принудительные переходы на автопилот, происходящие после регистрации у испытуемых МСИ с длительностью более 5 секунд, адекватно осуществляли резервирование оператора автоматикой. Субъективная сложность деятельности в случаях этих переходов была обусловлена возникновением проблемностей высших уровней регуляции: личностно-нормативных изменений и мировоззренческих коррекций. Эти проблемности в основном заключались в необходимости формирования, изменения и дополнения профессиональных норм деятельности, в поиске принципиально нового знания о процессах управления.

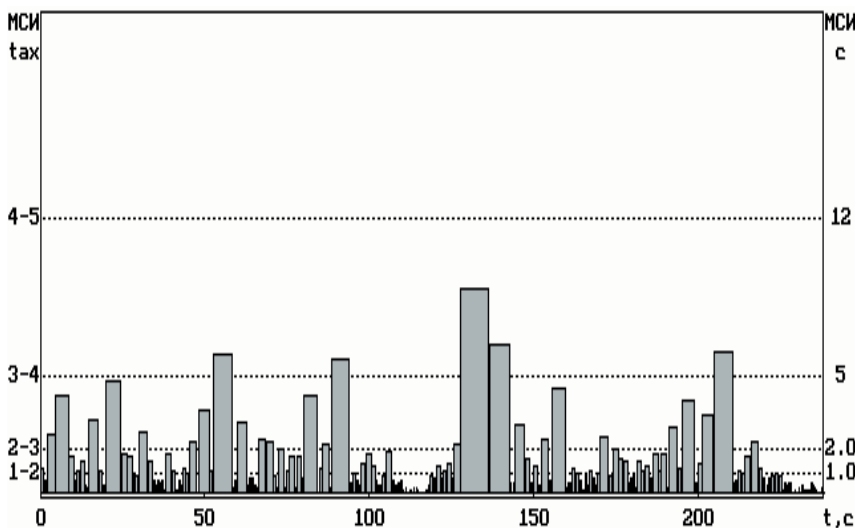

Рис. 6. Циклограмма длительностей МСИ у оператора Рв в режиме 13.

Неразрешение оператором указанных проблемностей, которые к тому же часто сопровождались его ошибочными действиями, могло бы привести к созданию и развитию опасных ситуаций. Переход на автопилот в большинстве случаев фактически предоставлял оператору возможность для преодоления существенных проблемностей, а также компенсировал его ошибки, в частности, сглаживал резкую динамику полета, ликвидировал опасность срыва в штопор, обеспечивал разворот самолета в правильном направлении. Тем самым эти переходы позволяли повысить надежность и безопасность полета. Сами операторы переход на автопилот оценивали как средство страховки и помощи в таких субъективно сложных ситуациях.

Таким образом, проведенное экспериментальное исследование подтверждает возможность практической реализации принципа взаимного резервирования оператора и автоматики на основе разработанных методов оценки субъективной сложности деятельности. Лежащая в их основе концепция проблемностей и многоуровневая структура психической регуляции оказались более эффективным теоретическим средством, чем расплывчатые концепции рабочей нагрузки. Кроме того, показано, что принципы адаптации применительно к распределению функций между человеком и автоматикой содержат серьезные недостатки и не являются адекватным решением проблемы обеспечения надежности процессов управления сложной техникой.

Литература

1. *Ахутин В.М.* Поэтапное моделирование и синтез адаптивных биотехнических и эргатических систем // Инженерная психология: теория, методология, практическое применение. М.: Наука, 1977. С. 149—180.
2. *Венда В.Ф.* Инженерная психология и синтез систем отображения информации. М.: Машиностроение, 1982.
3. *Венда В.Ф.* Методологические проблемы адаптивного информационного взаимодействия // Инженерная психология: теория, методология, практическое применение. М.: Наука, 1977. С. 55—66.
4. *Гиппенрейтер Ю.Б.* Движения человеческого глаза. М.: Изд-во МГУ, 1978.
5. *Гиппенрейтер Ю.Б., Романов В.Я., Самсонов И.С.* Метод выделения единиц деятельности // Восприятие и деятельность. М.: Изд-во МГУ, 1976. С. 55—67.
6. *Голиков Ю.Я.* Метод выделения проблемных моментов и ситуаций в психологическом анализе операторской деятельности // Методики анализа и контроля трудовой деятельности и функциональных состояний. М.: Институт психологии РАН, 1992. С. 6—13.
7. *Голиков Ю.Я., Костин А.Н.* Особенности психической регуляции и классы проблемностей в сложной операторской деятельности // Психол. журнал. 1994. Т. 15. № 2. С. 3—16.
8. *Голиков Ю.Я., Костин А.Н.* Психология автоматизации управления техникой. М.: Институт психологии РАН, 1996.
9. *Голиков Ю.Я., Костин А.Н.* Теория и методы анализа проблемностей в сложной операторской деятельности // Проблемность в профессиональной деятельности: теория и методы психологического анализа. М.: Институт психологии РАН. 1999. С. 6—79.
10. *Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А.* Принцип активного оператора в инженерной психологии // Инженерная психология: теория, методология, практическое применение. М.: Наука, 1977. С. 119—133.
11. *Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А.* Принцип активного оператора и распределение функций между человеком и автоматом // Вопр. психологии. 1971. № 3. С. 3—15.
12. *Загоруйко Н.Г.* Методы распознавания и их применение. М.: Сов. радио, 1972.
13. *Загоруйко Н.Г., Елкина В.Н., Лбов Г.С.* Алгоритмы обнаружения эмпирических закономерностей. Новосибирск: Наука, 1985.
14. *Каитовиц Б., Соркин Р.* Распределение функций // Человеческий фактор. М.: Мир, 1991. Т. 4. С. 85—113.
15. *Костин А.Н.* Гибкое изменение степени автоматизации как средство распределения функций между человеком и автоматикой // Психологические проблемы профессиональной деятельности. М.: Наука, 1991. С. 62—71.
16. *Костин А.Н.* Изменение принципов распределения функций между человеком и автоматикой при возрастании сложности техники // Психол. журнал. 1992. Т. 13. № 5. С. 57—63.
17. *Костин А.Н.* Метод таксономии межсаккадических интервалов движений глаз для оценки операторской деятельности // Методики анализа и контроля трудовой деятельности и функциональных состояний. М.: Институт психологии РАН, 1992. С. 14—20.

18. Пономаренко В.А., Завалова Н.Д. Практическая психология: Проблемы безопасности летного труда. М.: Наука, 1994.
19. Сильвестров М.М., Козиоров Л.М., Пономаренко В.А. Автоматизация управления летательными аппаратами с учетом человеческого фактора. М.: Машиностроение, 1986.
20. Филин В.А. Автоматия саккад. М.: МЦ «Видеоэкология», изд. Московский университет, 2001.
21. Филин В.А. О механизме произвольных скачков глаз и их роли в зрительном восприятии // Моторные компоненты зрения. М.: Наука, 1975. С. 69–101.
22. Beevis D., Essens P. The NATO defence research group workshop on function allocation // Proceedings of the 1st International Conference on Allocation of Function. Galway, Ireland. Vol. 1. 1997. PP. 1–15.
23. Hancock P.A., Chignell M.H. Mental workload dynamics in adaptive interface design // IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics. Vol. 18, No. 4. 1988. PP. 647–658.
24. Harris W.C., Hancock P.A., Arthur E.J., Caird J.K. Performance, workload, and fatigue changes associated with automation // The International Journal of aviation psychology. Vol. 5, No. 2, 1995. PP. 163–185.
25. Human-automation interaction: research and practice / Eds. M. Mouloua, J.M. Koonce. Proceedings of the 2nd Automation and Human Performance Conference. Cocoa Beach, Florida, March 7–9, 1996. Lawrence Erlbaum Ass., Publishers, Mahwah, NJ. 1997.
26. Kantowitz B.H. Flight deck automation and pilot workload // 22nd International Conference on Environmental Systems. Seattle, Washington, July 13–16, 1992. SAE Technical Paper Series, 921132.
27. Kostin A., Golikov Yu. The experimental investigations of mutual reservation of man and machine // Human-automation interaction: research and practice. Lawrence Erlbaum Ass., Publishers, Mahwah, NJ. 1997. P. 100–108.
28. Rouse W.B. Adaptive allocation of decision making responsibility between supervisor and computer // Monitoring behavior and supervisory control. New York, Plenum, 1976. P. 295–306.
29. Sammer G. Concepts of mental workload in psychophysiological research // IEA'97, Proceedings of the 13th Triennial Congress of the International Ergonomic Association, Tampere, Finland, 1997. Vol. 5. PP. 368–370.

Профессиональная переподготовка руководителей образования как жизненное событие: психологические трудности

Л.Ф. Вязникова

Используя термин «профессиональная переподготовка», обратимся к смыслу приставки «пере-», семантика которой близка приставке «пре-» в ряду таких понятий, как пре-одоление, пре-образование, пре-вращение, смысловое наполнение которых связано с пере-ходом на некий новый уровень состояния системы, изменения ее качественных характеристик. Потому *пере-подготовка* обязательно связана с *пере-осмыслением* своей профессиональной деятельности. Такое понимание профессиональной пере-подготовки дает основание рассматривать этот процесс как важное жизненное событие, как сложный период профессиональной судьбы.

Согласно С.Л. Рубинштейну, «*жизненное событие* — поворотный этап жизненного пути человека, связанный с принятием им на длительный период его жизни важных решений» [12, с. 684].

Экстраполируя это положение на профессиональную деятельность, можно акцентировать внимание на «поворотных», этапных событиях профессионального пути человека, под влиянием которых и происходят изменения в личности. Мы считаем, что в условиях переходного периода, в условиях смены образовательных парадигм обучение руководителей в системе профессиональной переподготовки следует рассматривать (и моделировать этот процесс) именно как такое «поворотное» событие внутренней жизни профессионала, которое «запускает» механизмы внутренней активности субъекта, помогает ему *пере-осмыслить*, *пере-оценить* и видоизменить свой опыт, и, наконец, образ Я.

Именно проблема Я должна быть выдвинута на передний план при исследовании личностных изменений, так как представление о себе, образ Я является итоговой характеристикой работы личности над познанием самой себя, отношения к себе и своему месту в жизни на каждой фазе развития личности. По отношению к личности образ Я выступает как регулирующее образование. В то же время именно в нем выражаются результаты деятельности, активности личности.

Можно предполагать, что свершение таких этапных событий вызывает необходимость личностного изменения, перестройки всей системы Я и весьма болезненно переживается личностью. «Поворотное» событие ставит человека перед выбором, необходимостью самоопределения. Нам представляется возможным определить нахождение человека в точке бифуркации как «поворотное», этапное событие. Такие свойства гуманитарных систем, как «своеобразные принципы неопределенности» [5, с. 99], особенно усиливаются в сложные кризисные периоды, когда резонансное воздействие на систему может существенно повлиять на ее дальнейшее развитие. Усиливая возникающие в образовательном процессе флуктуации, можно дать слушателю импульс к изменениям и даже вызвать профессиональный кризис, трансформация которого выведет систему (руководителя) на новый уровень функционирования.

Характеризуя личностный контекст последипломого образования, нельзя не учесть такие параметры, как возрастные и половые особенности слушателей, их индивидуальность.

Психологическое сопровождение процесса профессиональной переподготовки должно строиться на нормах и законах психического развития человека. Одной из фундаментальных для психологии развития является категория возраста.

Для организации процесса профессиональной переподготовки чрезвычайно важно понимание психологических *особенностей взрослого человека*, природы зрелости, потенциалов развития взрослых людей. Еще Б.Г. Ананьев отмечал: «Парадоксально, но в центре психологического познания развития человека оказался ранний и поздний онтогенез, а на «периферии» — именно те фазы человеческой жизни, которые являются наиболее продуктивными, творческими и социально-активными» [2, с. 7]. Но и до сих пор, к сожалению, остается много «белых пятен» в исследовании психологии взрослых. Больше внимания уделялось изучению генезиса тех психофизиологических структур, сформированность которых обеспечивает оптимальные режимы их функционирования, гораздо меньше — динамике личностных преобразований. Активное развитие *акмеологии* вселяет надежду на возможность разработки фундаментальной научной теории образования взрослых, качественных изменений их личности.

Рассматривая проблемы обучения взрослых, С.И. Змеев выделяет пять специфических отличительных характеристик взрослого: 1) осознает себя самостоятельной, самоуправляемой личностью; 2) обладает запасом жизненного (бытового), профессионального, социального опыта, который становится все более важным источником обучения его самого и его коллег; 3) в основе его готовности к обучению лежит стремление с помощью учебы решить свои жизненно важ-

ные проблемы и достичь конкретных целей; 4) стремится к безотлагательной реализации полученных знаний, умений, навыков и качеств; 5) учебная деятельность взрослого в значительной мере обусловлена временными, пространственными, бытовыми, профессиональными, социальными факторами (условиями) [6, с. 66]. По мнению ученого, указанные характеристики помогают взрослому стать реальным субъектом процесса обучения.

Руководители образовательных учреждений разных типов, включаясь в процесс профессиональной переподготовки, попадают в особые условия (психологически сложные): они переходят от профессиональной управленческой деятельности к учебной деятельности слушателей (от труда к учению). Поскольку они уже имеют жизненный опыт традиционной учебной деятельности (школа, вуз), то чаще всего автоматически осуществляется перенос устойчивых стереотипов поведения школярского типа в условия повышения квалификации: пассивное слушание и заучивание предлагаемого преподавателями материала, отсутствие попыток сотрудничества в учебной работе, исключительно индивидуальная ответственность за результаты учения и т.п. Эти стереотипы, дополненные зачастую профессиональным снобизмом и критическим отношением к содержанию обучения и преподавателям, невосприимчивостью к новому и закрытостью к профессиональному развитию, срываются, как только специалист занимает позицию «слушателя». Проблема преодоления трудностей перехода от одной деятельности к другой может быть решена путем психологически и дидактически обоснованного сближения учебной и профессиональной деятельности [11].

Ситуация усложняется для слушателей, находящихся в возрастных границах 27–33 года, 39–45 лет и 55–65 лет. В это время переходный период в социуме, внутренние «переходные» процессы, связанные с профессиональной переподготовкой, совпадают с возрастными кризисами:

- 27–33 года — кризис молодости;
- 39–45 лет — кризис зрелости;
- 55–65 лет — кризис старости.

Не ставя задачу рассмотрения психологической природы указанных кризисов в рамках данной статьи, отметим лишь наиболее важные их характеристики, которые могут выступать в качестве факторов, влияющих на организацию образовательного процесса в системе последиplomного образования и определяющих специфику психологической помощи слушателям.

Феноменология **кризиса тридцатилетних** связана с рефлексивной оценкой пройденного пути, с осознанием возможностей и перспектив дальнейшего развития. С профессиональной стороны основ-

ным содержанием этого, одного из самых острых кризисов развития, становится потребность в подведении промежуточных итогов, чувство некоторого застоя и потребность в ощутимых переменах наряду с некоторым страхом перед ними (страх неудач). Происходит глубокий самоанализ и критический пересмотр собственной личности, приводящий к переоценке ценностей [13].

Постепенно возрастает противоречивость внешнего и внутреннего (потенциального) в профессиональном росте слушателей: необходимости изменения профессиональной деятельности и усиления стремления к стабильности. К. Юнг также обратил внимание, что психика меняет свой курс во второй половине жизни, что обычно происходит между 35 и 40 годами. Время с 32 лет по 42 года — период стремления к самосовершенствованию. Но в период между 36 и 46 годами происходит снижение возможностей появления новообразований. М.В. Гамезо указывает на **противоречие, выражающиеся в том, что при высокой интеллектуальной активности и продуктивности в привычных условиях профессиональной работы человек испытывает серьезные затруднения в овладении новыми видами деятельности**. В исследовании Е.Б. Петрушихиной было обнаружено снижение уровня рефлексивных процессов у педагогов старше 42 лет. Поэтому подготовка, переподготовка и постоянное повышение квалификации работников, создание на производстве системы непрерывного образования кадров являются важными условиями профессионального и интеллектуального развития человека [13, с. 350].

Причины **кризиса зрелости**, кризиса середины жизни исследователи видят по-разному. Нам близка позиция В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева, определяющих **кризис зрелости** как **кризис ценностей** и объясняющих его поиском новых ценностных оснований жизни, прежде всего, духовных опор [там же]. В этот период жизни начинают доминировать «духовно-душевные стремления», человеку приходится производить *переосмысление* жизненных и профессиональных целей, вносить изменения во все области привычного существования. Появляется новый образ Я, человек становится способным на самые радикальные шаги, осуществляя поиск пути дальнейшего самосовершенствования. По замечанию А.В. Толстых, происходит нечто вроде «терапии смысла жизни». Следует отметить, что у педагогов кризис зрелости может усиливаться тем, что у многих из них к 40 годам наступает «эмоциональное старение», а по мнению Н.А. Аминова к этому возрастному периоду эмоционально сгорают все (!) учителя. Исследования И. Вачкова частично подтверждают эти грустные выводы: резкий спад показателей социальной адаптации происходит у педагогов старше 42 лет [3, с. 12].

По нашим данным, 71% слушателей ФППК в целом (разные категории работников образования, включая учителей) составляют

представители этой возрастной категории (35—46 лет). Среди руководителей образования их 86%.

Если предположить, что у этих 86% слушателей-руководителей имеет место (в той или иной степени) кризис зрелости, то происходит его «наложение» на кризис переходного периода в обществе, когда идет разрушение старых и «наработка» новых ценностей (в том числе образовательных, которые особо значимы для наших слушателей, для их профессионального саморазвития). **Одномоментное соединение нескольких кризисов является опасным**, так как ведет к фрустрированности личности. Безусловно, таким слушателям крайне необходима психологическая поддержка в процессе профессиональной переподготовки.

В период **кризиса зрелости** возникает «новая гроза» (Б. Ливехуд) — страх оказаться ненужным. Кажется, что исчезает всякая перспектива, а это может вызвать кризис идентичности. Человеку трудно видеть, как устаревают, отходит на второй план то, что было сделано (создано) им ценой огромных усилий, напряжения, ему хочется сохранить свой профессиональный статус. Мучителен переход от состояния максимальной активности к ее постепенному ограничению. Этот кризис преодолевается многими людьми, которые не только принимают необходимость прогресса, обновления профессиональной деятельности, прихода новых людей, но и сами включаются в процесс созидания нового, используя все влияние своего общественного и профессионального положения. Если обновляется концепция жизни, Я-концепция, если устанавливаются эмоциональные связи с миром, то появляется новая энергия для осуществления жизни с опорой на свои духовные возможности [13]. Поэтому для слушателей из данной возрастной страты, сохранивших высокую работоспособность, процесс профессиональной переподготовки — это возможность не просто сохранить свой профессиональный статус, но и на основе самоанализа сохранить (или восстановить) тождественность себе в новых условиях, найти себя в этих условиях, продолжить творческую деятельность и профессиональный рост, подготовить себе смену, передать профессиональный опыт. Не исключено, что для некоторых руководителей этот возраст окажется периодом профессионального акме. «Все очевиднее становятся возможности удлинения человеческой жизни, в том числе и за счет внутреннего саморазвития самого индивида, выработки его психологической устойчивости против старения» [15, с.131—132].

В усилении внимания к слушателям, находящимся в указанных возрастных кризисных периодах, в оказании им психологической поддержки мы видим практическую реализацию идей антропоориентированного подхода в последипломном образовании. Б.З. Вульфов

психологически точно, на наш взгляд, характеризует периодические профессиональные кризисы как «результат усталости, проявление неразрешенной духовности, темный власти механического профессионализма, ремесленничества, видимого, а то и кажущегося всевластия собственного опыта, сложившихся умений и навыков» [4, с. 50].

Следует обратить внимание еще на один важный психологический феномен: в процессе трудовой профессиональной деятельности в жизни человека проявляются и **особые типы кризисов развития** — личностные кризисы, кризисы индивидуальной жизни, которые могут и не совпадать с возрастными-нормативными критическими периодами. Поэтому у представителей одной и той же возрастной группы могут быть разноуспешные периоды вхождения в «акме».

На возможность такой «*неодинаковости*» в построении человеком своей индивидуальной линии жизни указывает и К.А. Абульханова-Славская: «Жизненный путь подлежит периодизации не только возрастной (детство, юность, зрелость, старость), но и личностной, которая, начиная с юности, уже перестает совпадать с возрастной. Один человек проходит один социальный этап в более раннем, другой — в более позднем возрасте, юноша оказывается по-стариковски мудрым, а старик по-юношески незрелым. Личность выступает как движущая сила жизненной динамики, интенсивности, содержательности своей жизни» [1, с. 42–43]. Размышляя о том, что волны творчества «пронизывают» жизнь человека, А.И. Суббетто пишет: «Представления о циклически-волновой структуре жизни человека как «жизни творчества» порождают представления о периодичности вершин творчества (акме) в каждой волне» [14, с. 46.]. На наш взгляд, эти «циклы-волны» творчества можно считать *сензитивными периодами* для профессионального роста, облегчающими процесс профессиональной переподготовки человека.

Однако на факультет профессиональной переподготовки приходят слушатели, находящиеся на разном уровне профессиональной зрелости, в том числе — на спаде «волны» творчества. В этом случае задача команды преподавателей усложняется, доминирующей становится (объективно) их фасилитирующая функция в образовательном процессе. **Главная задача — помочь слушателям осознать, что предлагаемое на факультете содержание образования приведет каждого из них к естественному подъему «волны» профессионализма. Но траектория и динамика этого движения у каждого будет своя, адекватная его индивидуальной природе.** Наша же задача — создать условия для того, чтобы этот процесс *осознания возможности изменений* был естественным. В этом мы видим суть психологической поддержки слушателей.

Для решения этой задачи представляется возможным говорить о

ведущей деятельности в этот период как *рефлексивно-образовательной* деятельности. Такая характеристика указывает сразу и на важнейший механизм этой деятельности — рефлексию. Подчеркнем сразу, что непрерывное образование — это скорее качественная характеристика профессионального образования вообще и в том числе — последипломного. И тогда становится понятным, что определить хронологические границы возраста, когда рефлексивная образовательная деятельность становится ведущей, не представляется возможным, ибо так же, как и этап расцвета личности — акме, последипломное образование может иметь место в разные периоды жизни взрослого человека (или, что не исключается, не иметь места вообще). Возможно, таких периодов может быть несколько (во время кризисов профессиональной компетентности). Точно так же не может быть зафиксирована длительность этих периодов. Постоянно растущие возможности (определяемые достижениями науки, техники, медицины, информации и пр.) обуславливают новую ситуацию развития взрослого, раздвигая рамки его жизни. Безусловно, рефлексивная образовательная деятельность как ведущая в профессиональном развитии в постдипломный период будет способствовать тому, чтобы «рамки жизни» взрослого человека раздвигались еще больше.

В контексте нашего исследования актуализируется также проблема половых различий, учет которых важен в процессе профессиональной переподготовки. Трудность заключается в том, что основной контингент слушателей факультета — руководители образовательных учреждений — женщины (в Хабаровском крае среди руководителей 92% женщин). Эта ситуация является типичной для Дальневосточного региона. Гендерные аспекты профессионально-личностного развития женщины приобретают, на наш взгляд, особую значимость в системе последипломного образования при организации процесса переподготовки руководителей образовательных учреждений, подавляющее большинство из которых — женщины. Организация данного процесса, безусловно, предполагает понимание командой преподавателей специфики проявления половых особенностей женщин и мужчин в сферах их личностной и профессиональной самореализации, учет этой специфики в системе повышения квалификации.

Считается, что культура руководителя — это, прежде всего, мужская культура, ориентированная на стратегическое «видение» перспектив, на образ «потребного будущего» (по Н.А. Бернштейну). Женщине свойственно стремление к стабильности, некоторые авторы (О. Вейнингер) даже указывают на «пассивность женской природы». Исследования американских ученых позволили сделать вывод о том, что женщины для решения практических проблем предпочитают частные задачи комплексным. Мужчины же проявляют большую

склонность к абстрактному мышлению и обобщению, их действия в сложных ситуациях оказались более логичными и рациональными. Женщины в своей деятельности и межличностном общении предпочитают опираться на свой профессиональный опыт и интуицию, предпочитая привычное эмоциональное состояние любым серьезным жизненным изменениям. Следовательно, вполне объясним большой консерватизм женщин по сравнению с мужчинами. Стремление женщин к стабильности объяснимо и с социально-исторической точки зрения, так как женщины на протяжении десятилетий объективно больше зависели от рушащейся в условиях реформ системы социальных гарантий, а также исторически были «привязаны» к отраслям, сильнее всего зависевшим от государственного патернализма. Такие условия не требовали от женщин готовности к риску, к инновационной деятельности, к серьезным профессиональным изменениям, что в свою очередь повлияло на снижение конкурентоспособности женщин на рынке труда в переходный период, привело, по определению Е.В. Клиновой, к их «профессиональной дискриминации» [5]. Вследствие этого, на наш взгляд, активизировались негативные процессы: стремление выполнить распоряжения «сверху» любой ценой (даже ценой разрушения своего «Я»), «организовать» инновации, чтобы «не выглядеть хуже других», «удержаться на плаву» и т.п.

В условиях неопределенности, «переходности» женщине гораздо сложнее «обрести» новые ориентиры, изменить стратегию своей профессиональной деятельности. Однако на уровне *тактических* действий женщина гораздо легче приспосабливается к новым условиям, быстрее ориентируется в новой обстановке, чем мужчина. На наш взгляд, именно эти особенности являются теми психологическими факторами, которые нередко обуславливают имитацию женщинами-руководителями инновационной деятельности во вверенном им образовательном учреждении, увлечение новомодным форматворчеством, ничего не меняющим по сути. «Профилактизация» подобных процессов (развитие стратегического видения) — одна из задач профессиональной переподготовки руководителей образования.

Добавим к этому, что повышенная чувствительность женщины к микросредовым влияниям, повышенная эмоциональность, более выраженная открытость по сравнению с мужчинами, зависимость от эмоциональной поддержки партнеров по общению, большая, чем у мужчин, склонность к доверительным отношениям, легкость актуализации «следов опыта» и т.д. требуют учета при организации образовательного процесса.

Как указывалось выше, многие психологические проблемы особенно обостряются в периоды возрастных кризисов, когда идет переоценка человеком собственных ценностей и целей жизни. Например,

в исследованиях психологов отмечено, что в период от 27 до 33 лет мужчины и женщины по-разному переживают процесс пересмотра жизненных целей. Женщины на переходе 30-летнего рубежа часто меняют приоритеты, свойственные молодому возрасту [13, с. 344]. Сначала происходят скрытые, а затем явные существенные перестройки в картинах мира, в системах ценностей, в том числе — профессиональных. Г.С. Абрамова отмечает, что в переходном возрасте отношение женщины к карьере обостряется тем, что она на фоне естественного прилива сил в то же время начинает по-новому реагировать на социальные отношения, вторгающиеся в ее семейную жизнь. Социологи называют этот период в жизни женщины периодом «кухонного бунта», когда женщина делает попытку изменить свое социальное положение за счет профессионального совершенствования, психологи говорят о переоценке решений о карьере, о стиле жизни. Если учесть, что женщины выполняют социальные обязанности, обладая особой способностью индивидуализировать социальную коллективную ситуацию, то можно надеяться, что именно женщины-руководители быстрее могут создать условия для процветания индивидуальности, нежели мужчины.

Женская «специфика» предполагает необходимость выделения в качестве приоритетной задачи в последипломном образовании психологическую поддержку слушателей в процессе профессиональной переподготовки. Это связано еще и с гиперсоциальностью женщин-руководителей, а «гиперсоциальность в женщине — это катастрофа... Женщина берет на себя тяготы социальной активности ценой утраты собственной женственности, а ее гиперсоциальность обрекает мужчин на инфантилизм» [7, с. 36]. Результаты исследований оценки деловых и личностных качеств женщин-руководителей показывают, что у 89% из них доминируют черты мужского стиля управления: стремление к эмансипации, самостоятельность в принятии решений, умение настоять на своем, доминирование и т.д. Им также свойственны слабая дипломатичность, жесткость, прямолинейность.

Высокий уровень рефлексивности, понимание себя, адекватность самооценки, готовность к личностному и профессиональному саморазвитию, саморегуляции и т.д. — это характеристики, которые могут способствовать разрушению гиперсоциальности слушателей.

И, наконец, нельзя не акцентировать внимание на индивидуальности человеческой личности. По мнению Э. Эриксона, развитие человеческой индивидуальности, неповторимости является наградой за овладение способностью к саморазвитию (в том числе к профессиональному).

В.С. Мерлин ввел в психологию понятие «интегральная индивидуальность», дающее представление об индивидуальности как це-

лостной системе индивидуальных свойств человека, форме реального бытия человека как общественного существа [10]. Теория интегральной индивидуальности В.С. Мерлина подрывала бытующие представления о взаимоотношениях человека и социума как части и целого, давала толчок новым представлениям о месте человека в социуме. Интегральная индивидуальность, по мнению В.С. Мерлина, в своем существовании оказывается лишенной жесткой детерминации законами и природы, и общества — она имеет собственную логику развития. Именно этот феномен, на наш взгляд, помогает при рассмотрении такой сложной системы, какой является Человек, реализовать *принцип целостности*: «несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов, невыводимость свойств целого из свойств элементов, зависимость всех элементов, процессов и отношений внутри системы от принципа организации целого» [5, с. 79].

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М., 1991.
2. *Ананьев Б.Г.* Психология и проблемы человекознания. М., 1996.
3. *Вачков И.* В общем пламени // Школьный психолог. 2001. № 18. С. 8.
4. *Вульфов Б.З.* Учитель: профессиональная духовность // Педагогика. 1995. № 2. С. 48–52.
5. *Гусинский Э.М.* Образование личности: Пособие для преподавателей. М., 1994.
6. *Змеев С.И.* Андрогогика: становление и пути развития // Педагогика. 1995. № 2. С. 64–67.
7. *Каширина Л.В.* Женщина и власть: психологические проблемы // Человек. Власть. Общество. Хабаровск, 1998. С. 35–37.
8. *Клинова Е.В.* Профессиональная сегрегация и дискриминация женщин // Вопросы философии. 1999. № 4.
9. *Ливехуд Б.* Кризисы жизни — шансы жизни. Калуга, 1994.
10. *Мерлин В.С.* Психология индивидуальности. М.; Воронеж, 1996.
11. *Пасечная Н.А.* Переподготовка кадров как предметная область психологии образования // Проблемы психологии образования. М., 1994.
12. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. 2-ое изд. М., 1946.
13. *Слабодчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология развития человека. М., 2000.
14. *Субетто А.И.* Онтология и феноменология педагогического мастерства. Тольятти, 1999.
15. *Фельдштейн Д.И.* Психология взросления. М., 1999.

Факторы профессиональной адаптации психолога-диагноста кадровой службы

Манухина С.Ю.

Для обеспечения успешного функционирования кадровой службы предприятия задействуются специалисты самых различных профилей (юристы, экономисты, психологи и др.). Среди них особое место отводится специалистам психологической службы.

В настоящее время трудно себе представить организацию, занимающую более или менее весомое положение на рынке, в состав которой не входила бы подобная служба. Ведь только на основе специальных психологических технологий возможно провести качественный отбор персонала, с последующей оценкой и развитием профессиональных навыков и психологических качеств специалиста. В противном случае, предприятие может потерять свою конкурентоспособность.

В то же время, постоянное ужесточение требований к персоналу не может не отразиться на требованиях, предъявляемых к самим специалистам-психологам, работающим с этим персоналом. Так, на особом месте встает вопрос о качестве подготовленности специалистов, берущих на себя ответственность оценивать способность специалиста, претендующего на занятие определенной должностной позиции. Вместе с тем, даже наличие хорошего «багажа знаний» не является гарантией его успешной работы. Взаимодействия специалиста с профессиональной средой, в которой тот оказался, может самым различным образом отразиться на эффективности, а иногда даже и на самой возможности выполнения им своей профессиональной деятельности. Процесс становления и сохранения динамического равновесия в системе «субъект труда – профессиональная среда» называют психологической профессиональной адаптацией [7]. В случае рассогласования между компонентами системы происходит разрушение самого процесса деятельности специалиста, с возможной его дестабилизацией не только на профессиональном, но и на общесоциальном уровне.

Работа психолога в организации отличается огромной ответственностью. Особенно это касается психолога-диагноста, отвечающего за каждую реплику при личной беседе с сотрудниками, за каждое сло-

во в письменном заключении о результате оценки. С одной стороны, психолог, также как и врач, не имеет права на ошибку: фактически от его мнения может зависеть профессиональная судьба человека, с другой, как любой субъект трудовой деятельности, он не может избежать процессов, неизменно ей сопутствующих.

Тем не менее в каждой профессиональной области существует группа людей более успешно и менее успешно проходящая процесс профессиональной адаптации. По-видимому, для того чтобы максимально снизить уровень вероятности появления «профессиональной ошибки» в работе психолога-диагноста необходимо особенно пристально обратить внимание на механизмы его профессиональной адаптации и факторы, обуславливающие успешность ее протекания.

Принято рассматривать три основных аспекта профессиональной адаптации [14]: 1) психофизиологический аспект — адаптация субъекта труда к физическим условиям профессиональной среды; 2) профессиональный аспект — адаптация к профессиональным задачам, операциям, профессиональной информации; 3) социально-психологический аспект — адаптация личности к социальным компонентам профессиональной среды. Все эти аспекты отражают единый результат процесса приспособления специалиста к условиям профессиональной среды.

При этом самого субъекта труда необходимо рассматривать как активного элемента в системе «человек — профессиональная среда», способного к регуляции своих состояний и управления деятельностью. Как активный элемент системы субъект труда может выбирать стратегию преодоления противоречий между ним и профессиональной средой. Ронгинская Т.И. предложила четыре типа таких стратегий [21]: 1. Реактивно-пассивное сопротивление — конформно-подчиненный способ реагирования на изменение профессиональной ситуации; 2. Активное взаимодействие с ситуацией — активное взаимодействие личности с условиями изменяющейся ситуации при одновременном желании сохранить наработанный опыт; 3. Конфронтация с ситуацией — активное взаимодействие личности с условиями изменяющейся ситуации с одновременной готовностью к глобальному самоизменению; 4. Пассивное реагирование — отказ от активных действий, стремление к сохранению имеющихся способов поведения.

Активация ресурсов субъекта труда для прохождения процесса профессиональной адаптации прежде всего зависит от его мотивационно-волевых направленностей и структуры ценностно-смысловых представлений. «Эти процессы обеспечивают координацию всех компонентов адаптации и тем самым придают устойчивость и непрерывность процессу адаптации в целом» — пишет Л.Г. Дикая [6, стр.73–74]. Тем не менее рассмотрение только этих процессов обособленно от других компонентов личности, на наш взгляд, может привести к неоднознач-

ным, противоречивым или даже ложным выводам относительно факторов, обуславливающих профессиональную адаптацию специалиста. Так, Дж. Равен отмечает, что рассмотрение когнитивных, мотивационных и ценностных систем в отдельности друг от друга приводит к сомнительным результатам [20]. Подобную точку зрения мы встречаем и в работах российских авторов [3, 4, 26 и др.]. Известны исследования [8, 24 и др.], результаты которых показывают, что высокий уровень мотивационной направленности субъектов труда может служить причиной значительных профессиональных достижений. Однако, если человек при этом обладает слабыми предпосылками для выполняемой им профессиональной деятельности (например, когнитивными способностями), то функциональная продолжительность его работы будет в значительной степени сокращена. Такие люди более склонны к перепадам настроения, появлению болезней психосоматического плана, перегоранию. Их профессиональная адаптация протекает нестабильно: видимая адаптация к деятельности может резко спадать на нет.

Кроме того, хотя мотивация во много и определяет содержательную сторону психических процессов, функциональные возможности последних сами оказывают влияние на содержательную и динамическую сторону мотивации [1]. Соответственно, наличие только сильно выраженной мотивации с низким уровнем ее подкрепления другими индивидуально-психологическими характеристиками (когнитивными способностями, личностным потенциалом и др.) является недостаточным для длительного стабильно-успешного процесса деятельности.

По-видимому, для более достоверного предсказания успешности профессиональной адаптации специалистом, необходимо учитывать как можно больше факторов, оказывающих на нее непосредственное влияние. Выявление психических детерминант профессиональной успешности психолога-диагноста, а также построение профиля выраженности этих характеристик, позволит максимально оптимизировать процесс адаптации субъекта труда к профессиональной среде. Впоследствии на основе этих и других данных можно будет разработать программы, методы и, возможно, создать целые технологии, способствующие эффективному взаимодействию человека (в нашем случае психолога-диагноста) с профессиональной средой, несмотря на уровень его готовности к выполнению данной профессиональной деятельности.

Таким образом, основной **целью** нашей работы стало выявление комплекса факторов (как внешних, так и внутренних), способствующих профессиональной адаптации психолога-диагноста кадровой службы.

В качестве основных **задач** исследования выступили:

- выявление причин, осложняющих профессиональную деятельность психолога-диагноста и, соответственно, негативно влияющих на их профессиональную адаптацию;

- описание основных требований к профессиональной деятельности психолога-диагноста, его прав и обязанностей;
- проведение эмпирического исследования выраженности и взаимосвязи психических характеристик (когнитивных, мотивационных факторов, личностно-динамических черт, ценностно-смысловых представлений) психолога-диагноста и их совместного влияния на успешность его профессиональной деятельности.

В качестве **объекта** исследования рассматривалась деятельность психологов, работающих в сфере кадрового бизнеса не менее 1,5 лет, занимающихся преимущественно подбором и/или оценкой персонала.

Предметом исследования стали особенности профессиональной деятельности и психической сферы психолога-диагноста, способствующие и мешающие успешности выполнения им профессиональной деятельности.

Методика

В исследовании принимал участие 71 специалист. Все они имели высшее психологическое образование и работали в сфере подбора и/или оценки персонала не менее 1,5 лет. Средний возраст испытуемых составил 26,1 лет.

Выявление причин, осложняющих деятельность психолога-диагноста, а также основных требований, прав и обязанностей к его профессиональной деятельности, проводилось в рамках большой исследовательской работы, посвященной профессиографическому анализу деятельности психолога-диагноста, работающего в сфере кадрового бизнеса [15]. Экспертов, принимающих участие в этом исследовании, просили выполнить две основные процедуры: ответить на вопросы структурного интервью, представленного Ивановой Е.М. (2003) [9] и модернизированного нами под задачи работы, и выделить 10 психических характеристик, способствующих и 10 мешающих успешности протекания профессиональной деятельности специалистов данного профиля. Всего в процедуре экспертной оценки принимал участие 21 эксперт.

Обработка полученных данных проводилась при помощи метода контент-анализа и выделения процентного соотношения данных.

Эмпирическое исследование выраженности и взаимосвязи психических характеристик проводилось при помощи комплекса диагностических методик (таблица 1). Оценке подвергались характеристики когнитивной, личностной, мотивационной и ценностно-смысловой сфер. Методики, направленные на диагностику уровня выраженности

Таблица 1. Методики, применяемые при психодиагностическом обследовании

Сферы исследования	Методики	Измеряемые показатели (и их условные сокращения)
Когнитивная сфера	«Черно-красные таблицы» (Testmake) «Счет по Крепелину» (Testmake)	Переключаемость внимания (Пер.вн.)
		Концентрация внимания (Кон.вн.)
		Устойчивость внимания (Уст.вн.)
		Утомляемость (Утом.)
	«Заучивание 12 слогов» (Testmake) «Шкалы» (Testmake)	Объем кратковременной памяти (КП)
		Коэфф. успешности запоминания (Куз)
	«Сложные аналогии» (Testmake) «Прогрессивная матрица Равена» (Testmake) «Компасы» (Testmake) «Кубы» (Testmake) «Числовые ряды» (Testmake)	Объем долговременной памяти (ДП)
		Объем оперативной памяти (ВОП)
		Показатель понятийного мышления (ПМ)
		Способность воспринимать целостный образ (СВЦО)
Личностная сфера	EPI (Eysenck Personality Inventory) (адаптация Русалова В.М., модификация Шапкина С.А.)	Экстраверсия (Е)
		Нейротизм (N)
		Социабельность (S)
		Импульсивность (I)
Мотивационная сфера	Мотивационные шкалы Мегральяна А., Куля Ю. (адаптация и модификация Шапкин С.А.)	Мотив достижения (MD)
		Мотив лидерства (ML)
		Мотив аффиляции (МА)
		Мотив статуса (MS)
		Мотив чувствительн. к отвержен. (SO)
		Мотив интернальности (ИО)
Сфера ценностно-смысловых представлений	«Структура трудовой мотивации» (Шмелев А.Г., Зеличенко А.И.) (Maintest`02)	Ценностно-смысл. представления: – интерес к процессу (Инт), – творчество (Творч), – общение (Общ), – включенность в команду (Вкл), – помощь людям (Пом.люд.), – служение обществу (С.луж), – признание (Призн), – руководство (Рук), – деньги (Деньги), – связи (Связи), – следование традициям (Трад), – сохранение здоровья (Здор)

показателей когнитивной сферы и сферы ценностно-смысловых представлений, предъявлялись в компьютерной форме (тестовые оболочки Testmake и Maintest`02), остальные методики — в бланковой форме. Для обработки, анализа и описания полученных данных применялись методы факторного анализа (метод главных компонент, вращение Varimax), корреляционного анализа (коэффициент корреляции Спирмена), контент-анализа, использовался непараметрический критерий Манна-Уитни (U-критерий), проводилась процедура стандартизации данных (приведение данных к 10 балльной шкале). Всего в эмпирическом исследовании принимало участие 50 испытуемых.

Статистическая обработка информации и представление полученных данных проводились посредством использования статистического пакета SPSS 10.0 for Windows и программы Microsoft Excel 2000.

Результаты и их обсуждение

Выявление факторов, способствующих профессиональной адаптации психолога-диагноста, можно осуществить различными способами. Нами было решено пойти от противного и вначале обозначить перечень причин, осложняющих деятельность специалиста данного профиля. Затем, в случае если, благодаря проведенной процедуре, будут выделены группы факторов, без которых психологу-диагносту сложно успешно осуществлять свою профессиональную деятельность, мы рассмотрим их более подробно.

Причины, осложняющие профессиональную деятельность психолога-диагноста и мешающие его профессиональной адаптации.

Экспертами, принимающими участие в нашем исследовании, были отмечены ряд причин, мешающих успешному выполнению работы при психодиагностической деятельности. Условно мы объединили их в четыре основные группы:

- *Низкий уровень собственной компетентности.* Здесь упоминались низкий уровень компетенции в области общепсихологического знания; неумение или низкий уровень компьютерной грамотности, слабые коммуникативные способности, владение только одной технологией диагностики (узкий профессиональный кругозор), неумение адаптировать диагностический материал требованиям сегодняшнего дня, придерживаться психодиагностической позиции в отношении клиента и др.
- *Личностные особенности.* К таким особенностям, мешающим успешному выполнению психодиагностической деятельности, были отнесены: склонность к ведению психотерапевтической

беседы, высокий уровень альтруистических наклонностей, низкий уровень стрессоустойчивости (эмоциональная нестабильность, несдержанность) и др.

- *Некорректное поведение заказчика.* Были отмечены две стороны такого поведения: 1) *нарушение прав респондента*, что часто приводит к осложнениям в установлении взаимодействия психолога с ним, и, как следствие, к усложнению самого процесса работы; 2) *нарушение прав психолога* — кардинальное нарушение предварительно оговоренных условий работы, что, чаще всего, ведет за собой разрыв контракта.
- *Особенности производственной среды.* Среди особо мешающих работе были указаны: низкий уровень информированности психолога-диагноста о персонале и условиях, в которых ему придется работать; отсутствие личного кабинета или специально подготовленного рабочего места, плохая обеспеченность оргтехникой.

В качестве «несовместимых» с работой психодиагноста были особо выделены: отсутствие общепсихологического базиса знаний; неумение владеть психодиагностическим материалом, склонность к ведению психотерапевтической беседы, кардинальное нарушение предварительно обговоренных условий работы.

Благодаря выделению этих четырех категорий причин, мешающих профессиональной деятельности психолога-диагноста, мы смогли выделить круг основных «проблемных областей» этого специалиста и обозначить ряд тех факторов, без которых ему будет сложно адаптироваться к условиям деятельности и успешно работать. Остановимся на них более подробно.

Профессиональная компетентность.

Экспертами, принимавшими участие в нашем исследовании, было отмечено, что специалист не может считаться компетентным в своей профессиональной области прежде всего без багажа общепсихологических знаний, «офисных навыков» работы с компьютером и навыков взаимодействия. Дополнительное исследование этого вопроса показало, что для того, чтобы быть конкурентоспособным специалистом в данной области, необходимо получить хорошую профессиональную подготовку, включающую в себя как теоретическую, так и практическую стороны. На рынке труда среди психологов, желающих работать в этой сфере, предпочтение работодателей отдается выпускникам, имеющим высшее психологическое образование по специальностям «Психология труда, инженерная психология и эргономика» (19.00.03), «Социальная психология» (19.00.05). Особенно важным для дальнейшей работы является прохождение таких курсов, как «Общая психология»,

«Психология труда и инженерная психология», «Социальная психология», «Основы психодиагностики», «Основы теории вероятности и математической статистики», «Управление персоналом», «Методы наблюдения и ведения беседы», «Основы маркетинга», «Основы экономики и рыночных отношений», «Основы делопроизводства» и др.; а также прохождение коммуникативных, социально-личностных тренингов и т.п. Кроме того, чтобы быть успешным и конкурентноспособным, психолог-диагност должен все время находиться в гуще событий: посещать конференции, профессиональные сообщества, отслеживать новые литературные источники, методики, технологии работы — быть эрудированным в своей и смежных областях, постоянно самосовершенствоваться. Само общество, его взгляды и запросы имеют тенденцию меняться со временем. Чтобы провести грамотную диагностику специалиста, необходимо уметь строить критерии оценки, исходя из ситуации сегодняшнего дня, поскольку наработки пятилетней давности уже могут быть неадекватны для той или иной должностной позиции. Без подобных умений и навыков психолог-диагност не может считаться действительно хорошим специалистом.

При этом все это предъявляет большие требования к индивидуально-психологическим и личностным особенностям психологов.

Кроме того, профессиональная компетентность заключается не только во владении знаниями, но и в умении их применять на практике. Практическое же применение знаний и навыков требует соблюдения этических принципов работы, осознания своих прав и обязанностей. Без их знания и умения ими пользоваться психологу-диагносту крайне сложно адаптироваться к условиям внешней среды. Проведенный нами опрос экспертов, а также анализ литературных и нормативных источников [2, 5, 10, 12, 16, 18, 19, 22, 23, 25, 27 и др.] позволил выделить следующий перечень основных прав и обязанностей психолога диагноста. Отметим только, что, к сожалению, общих централизованных нормативных документов на государственном уровне для психологов, работающих в сфере кадрового бизнеса, принято крайне мало по сравнению с психологической службой в образовательной среде. В результате психологи, работающие в сфере кадрового бизнеса, вынуждены преимущественно ориентироваться на ту «внутреннюю» нормативно-правовую базу, которой придерживается каждое конкретное предприятие, с которым они сотрудничают.

Психолог обязан:

1. уведомлять заказчика о пределах своей компетентности и пределах своих возможностей в области сформулированного заказчиком запроса;
2. использовать стандартизированные методики и/или технологии работы, адекватные целям проводимого исследования;

3. знакомить испытуемого и заказчика с этическими нормами и принципами своей работы;
4. следовать следующим морально-этическим принципам работы (при этом каждый из принципов подкрепляется рядом правил):
 - 4.1. принцип уважения личности:
 - 4.1.1. правило равных отношений — недопустимость дискриминации испытуемого (клиента) по социальному положению, полу, вероисповеданию и любым другим признакам,
 - 4.1.2. правило ненанесения ущерба испытуемому (клиенту),
 - 4.1.3. правило отказа от психологического вмешательства в том случае, если психолог считает, что действия могут нанести вред испытуемому;
 - 4.2. принцип профессиональной компетенции:
 - 4.2.1. правило научности применяемых методов — психолог должен использовать методы, получившие научное признание (представленные на научных конференциях и/или опубликованных в специальных научных изданиях),
 - 4.2.2. правило взаимодействия с заказчиком — необходимо уведомлять заказчика о пределах своей компетенции и возможностях психологической науки относительно решений конкретных практических вопросов,
 - 4.2.3. правило повышения профессиональной квалификации — психолог может обратиться за консультацией к более профессиональным коллегам (если это не противоречит интересам заказчика, заранее обговоренным в договоре); постоянное совершенствование профессиональных знаний и умений;
 - 4.3. принцип конфиденциальности:
 - 4.3.1. правило использования психологической информации — психологическая информация об испытуемом не должна подлежать открытому обсуждению или передаче кому-либо за исключением заранее обговоренных случаев,
 - 4.3.2. правило ограничения разглашения информации личного характера — при осуществлении психологического вмешательства по просьбе испытуемого, полученная информация о нем может быть сообщена третьему лицу только по разрешению самого сотрудника и в определенных им пределах,
 - 4.3.3. правило учета лиц, получивших доступ к психологической информации;
 - 4.4. принцип ответственности:
 - 4.4.1. правило безопасности методов работы — психолог должен применять только те методы, использовать те технологии, которые являются безопасными для клиента,
 - 4.4.2. правило предотвращения необоснованных ожиданий — пе-

ред началом работы психолог должен четко обговорить (а желательно и подтвердить документально) свои условия работы как с заказчиком, так и с испытуемым,

4.4.3. правило невовлечения в профессионально неопределенную ситуацию — невовлечение в ситуацию, в которой роль или функции психолога окажутся неуместными или двусмысленными,

4.4.4. правило несения законодательной ответственности — в случае несанкционированного разглашения психологической информации лицо, виновное в разглашении информации, несет ответственность в соответствии с действующим законодательством;

4.5. принцип профессиональной независимости:

4.5.1. правило пересмотра результатов психологического обследования — пересмотреть результаты психологического обследования может только экспертная комиссия, состоящая минимум из трех психологов, квалификация которых не ниже, чем квалификация специалиста, получившего первоначальный результат,

4.5.2. правило профессиональной независимости от идеологических, политических и религиозных убеждений — психолог должен стремиться к тому, чтобы его заключение было максимально объективным.

К правам психолога относятся:

- право на согласование норм и критериев работы перед ее началом с заказчиком;
- право на уточнение с заказчиком норм и критериев работы в ее процессе;
- право на использование литературы, методического материала, материально-технической базы в процессе подготовки и проведения работы;
- право прекратить доступ к психологической информации должностному лицу, допустившему нарушение ее конфиденциальности;
- получать конфиденциальную информацию об испытуемом (если данный пункт специально не запрещен в договоре с заказчиком и/или он не противоречит уставу предприятия) из других документальных источников и других компетентных лиц;
- обсуждать результаты обследования с компетентными коллегами об испытуемом (если данный пункт специально не запрещен в договоре с заказчиком и/или он не противоречит уставу предприятия);
- использовать материалы своей работы в научно-исследовательских целях и публиковать их результаты в открытой печати (если данный пункт специально не запрещен в договоре с заказчиком и/или он не противоречит уставу предприятия);

- право отказаться от выполнения работы по условиям подписанного договора в случае несоответствия требований заказчика этическим принципам работы психолога (невежливое обращение с респондентом, принудительное участие респондента в исследовании, прохождении процедуры оценки и др.).

Еще одним признаком профессиональной компетенции психолога-диагноста является умение придерживаться определенной профессиональной позиции. Особенно важными для успешности профессиональной деятельности эксперты отмечают два момента: во-первых, умение занимать «оценочную», диагностическую позицию по отношению к респонденту и, во-вторых, умение работать в области сформулированного заказчиком запроса. Если психолог при подборе или оценке персонала занимает психотерапевтическую позицию по отношению к респонденту, занимать позицию диагноста ему становится сложно. Он переходит на другой (более глубинный) личностный уровень общения с респондентом, что мешает ему в достижении основной цели работы — определении пригодности специалиста для профессиональной деятельности и/или обучения. Кроме того, само выстраивание процесса взаимодействия с клиентом при психотерапевтической позиции и профессиональной позиции психодиагноста имеет принципиальное отличие. В начале работы психотерапевт исходит лишь из приблизительного образа клиента, основываясь на той информации, которую тот ему предоставил, корректируя ее в процессе последующей работы. В основную его задачу не входит строгое отнесение качеств клиента под заранее заданный шаблон требований. Его действия основаны на принципе «помощи клиенту» в той проблеме, с которой тот пришел. В ней суть и основная цель всего психотерапевтического консультирования [11, 13, 17]. Напротив, психодиагност, работающий в сфере кадрового бизнеса, с самого первого момента взаимодействия с респондентом исходит из некоего «идеального эталона», шаблона профессиональной позиции, отвечающего требованиям заказчика. И на основе этого эталона он выстраивает основную линию своей дальнейшей деятельности. «Оценочная позиция» здесь понимается не в общепсихологическом плане, где понятие «оценка» граничит с понятием «критика». Под умением занимать «оценочную позицию» подразумевается умение психолога держать четкие границы с респондентом (или группой обследуемых) в рамках рабочей ситуации, отвечающей целям обследования.

Умение видеть проблемы респондента, но при этом касаться их в общении с ним ровно настолько, насколько того требует профессиональный интерес психолога и стоящая перед ним профессиональная задача — то необходимое мастерство, без которого психологу-диагносту в кадровом бизнесе сложно успешно работать.

Особенности психической сферы психолога-диагноста. Их влияние на успешность его деятельности и профессиональной адаптации.

Для более подробного перечня личностных особенностей психолога-диагноста, оказывающих влияние на успешность его деятельности и профессиональной адаптации, экспертов просили выделить 10 психических характеристик способствующих и 10 осложняющих его деятельность. Полученный перечень характеристик позволил говорить не только о личностных свойствах, но и о когнитивных качествах, играющих значительную роль для эффективности деятельности психолога-диагноста и его адаптации к ней. Благодаря проведенному нами контент-анализу было выделено четыре основных сферы таких характеристик: когнитивная сфера, мотивационная сфера, сфера личностно-динамических черт, сфера ценностно-смысловых представлений. Согласно полученному перечню психических характеристик были подобраны диагностические методики, на основе которых проводилось диагностическое обследование выраженности психических характеристик у психологов-диагностов, работающих в сфере кадрового бизнеса. Список психических характеристик и методического инструментария представлены в таблице 1.

Выявление факторов, способствующих адаптационному процессу специалиста, подразумевает не только и не столько представления их перечня, сколько определения причин их наличия у одних специалистов и отсутствия или слабой выраженности у других. Для выделения этих факторов целевая группа психологов-диагностов была разделена нами на группы более успешных («успешные») и менее успешных («неуспешные») специалистов. Процедура разделения осуществлялась по результатам проводимого с испытуемыми специально составленного нами структурного интервью, а также результатам опросника оценки удовлетворенности условиями труда (наша модификация опросника Шейнис М.Ю.) и итоговой анкеты исследователя. Испытуемые, которые по совокупным результатам «диагностики успешности» оценивались нами как «успешные» более чем на 60%, были отнесены нами к группе более успешных специалистов («успешные»), те, которые были признаны «успешными» менее чем на 60%, были отнесены к группе менее успешных («неуспешные»). В результате в группу более успешных психологов-диагностов были включены 26, в группу менее успешных — 24 испытуемых. Правильность процедуры разделения была подтверждена статистическими данными. Более подробно описание процедуры разделения группы представлена в нашей диссертационной работе [15].

В каждой из групп данные обрабатывались при помощи факторного и корреляционного анализов, а также был проведен сравнительный анализ средних и стандартного отклонения выраженности показателей переменных. В результате нами были выделены следующие группы

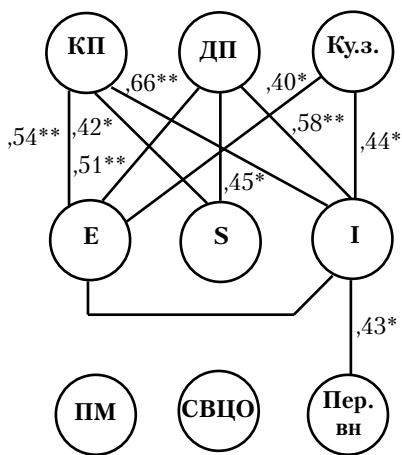

Рис.1. Взаимосвязь показателей личностной сферы с показателями когнитивной сферы, вошедших в фактор 1 группы «успешные»¹.

факторов, оказывающих влияние на деятельность и профессиональную адаптацию психолога-диагноста.

Было выявлено, большое значение выраженности социально-когнитивного интеллекта для профессиональной деятельности психолога-диагноста. Было определено, что более успешных от менее успешных специалистов отличает значимо более высокий уровень показателей переключения ($p=,006 \leq ,01$) и устойчивости ($p=,049 \leq ,05$) внимания, оперативной ($p=,037 \leq ,05$) и долговременной ($p=,024 \leq ,05$) памяти, понятийного мышления ($p=,031 \leq ,05$), способности к восприятию целостного образа ($p=,053 \leq ,05$) и способности

к анализу формы и размера объекта ($p=,047 \leq ,05$), а также показателей экстраверсии ($p=,000 \leq ,01$), социабельности ($p=,000 \leq ,01$), импульсивности ($p=,000 \leq ,01$), мотивов достижения ($p=,000 \leq ,01$), лидерства ($p=,000 \leq ,01$) и интернальности ($p=,000 \leq ,01$). Кроме непосредственной выраженности этих показателей более успешных специалистов отличает большое количество значимых связей между ними. Значимые связи наблюдаются как между когнитивными ({КП; Ку.з.} $s=,74$ $p \leq 0,01$; {КП; ДП} $s=,78$ $p \leq 0,01$; {Ку.з.; ДП} $s=,42$ $p \leq 0,05$; {КП; Пер.вн.} $s=,44$ $p \leq 0,05$; {КП; СВЦО} $s=,49$ $p \leq 0,05$; {ДП; СВЦО} $s=,56$ $p \leq 0,01$), так и между личностными показателями ({Е; S} $s=,92$ $p \leq 0,01$; {Е; I} $s=,88$ $p \leq 0,01$; {S; I} $s=,72$ $p \leq 0,01$), и, что особенно важно, между когнитивными и личностными показателями ({Пер.вн.; I} $s=,43$ $p \leq 0,05$; {КП; E} $s=,54$ $p \leq 0,01$; {КП; S} $s=,42$ $p \leq 0,05$; {КП; I} $s=,66$ $p \leq 0,01$; {ДП; E} $s=,51$ $p \leq 0,01$; {ДП; S} $s=,45$ $p \leq 0,05$; {ДП; I} $s=,58$ $p \leq 0,01$; {Ку.з.; E} $s=,40$ $p \leq 0,05$; {Ку.з.; I} $s=,44$ $p \leq 0,05$) (рисунок 1).

В то же время, хотя у менее успешных психологов-диагностов среди когнитивных показателей также наблюдается изрядная сплоченность ({Кон.вн; Уст.вн} $p \leq 0,01$; {КП; Ку.з.; ДП; ВОП} $p \leq 0,01$; {ПМ; СОП} $p \leq 0,01$; {ПМ; СВЦО} $p \leq 0,01$; {ПМ; СОП} $p \leq 0,05$; {ПМ; ЧИ} $p \leq 0,01$; ({СОП; ЧИ} $p \leq 0,01$; {СОП; СВЦО} $p \leq 0,01$; {СВЦО; ЧИ} $p \leq 0,01$; ({Уст.вн; СВЦО} $p \leq 0,05$; {Уст.вн; СОП} $p \leq 0,05$; {Уст.вн; ПМ} $p \leq 0,01$; {Уст.вн; ЧИ} $p \leq 0,01$; {Кон.вн; СВЦО} $p \leq 0,01$; {Кон.вн; ПМ}

¹ Здесь и далее: p – уровень значимости корреляционной связи; * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

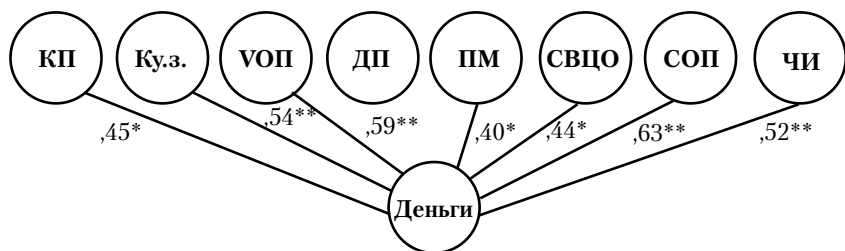

Рис.2. Взаимосвязь между показателем сферы ценностно-смысловых представлений Деньги и показателями когнитивной сферы, вошедшими в Фактор 1 группы «успешные».

$p \leq 0,01$; {Кон.вн; ЧИ} $p \leq 0,05$; {ПМ; ВОП} $p \leq 0,05$; {ПМ; КП} $p \leq 0,05$; {ПМ; Ку.з.} $p \leq 0,01$; {ЧИ; КП} $p \leq 0,05$; {ЧИ; ДП} $p \leq 0,01$; {СВЦО; V ОП} $p \leq 0,05$; {СВЦО; Ку.з.} $p \leq 0,05$; {СОП; КП} $p \leq 0,01$; {СОП; Ку.з.} $p \leq 0,01$; {СОП; ДП} $p \leq 0,05$; {СОП; V ОП} $p \leq 0,01$), однако связей их с показателями личностной сферы практически не наблюдается, за исключением показателя сферы ценностно-смысловых представлений «Деньги» (рисунок 2).

По-видимому, проявление когнитивного интеллекта психологов-диагностов группы менее успешных специалистов сильно зависит от денежного, материального стимулирования. Однако, как известно из литературных источников [27, 28], только лишь материальное стимулирование является ненадежным и недолговременным источником мотивации персонала к деятельности. Работа специалиста по принципу «Деньги решают все!» или «Деньги ради денег!» приводит к обесцениванию выполняемой им деятельности, снижению выраженности мотивации достижения результата, продуктивности и эффективности работы. Даже успешные бизнесмены, которые, по мнению окружающих «делают деньги из воздуха», в большинстве своем руководствуются не только желанием подержать ворох хрустящих купюр в руках, а и другими, не менее значимыми мотивами, такими как «Стремление к власти», «Лидерство», «Повышение собственного статуса», «Интерес к процессу деятельности», чувство азарта, «адреналина в крови».

Стремление более успешных психологов-диагностов к материальному вознаграждению связано с повышением собственного *статуса* в глазах своего профессионального окружения. В свою очередь, стремление к статусу взаимосвязано со стремлением к руководству. Однако прямой связи между стремлением к руководству и материальному стимулированию не наблюдается (рисунок 3). Отсюда можно заключить, что более успешные психологи-диагносты повышение денежного вознаграждения и занятие руководящей позиции напрямую не связывают, в то время как приобретение профессионального статуса является гарантом и материального благополучия, и руководящей позиции.

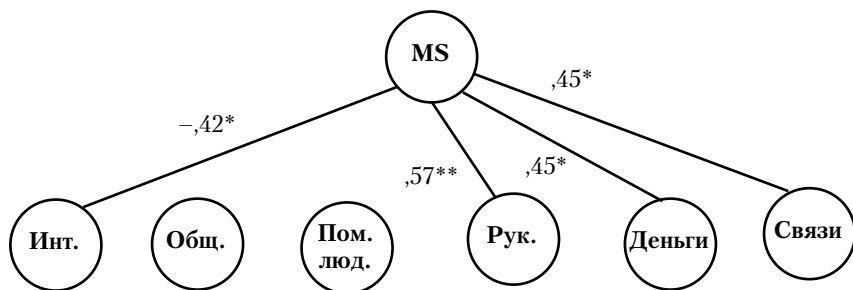

Рис.3 Взаимосвязь показателя мотива статуса с показателями сферы ценностно-смысловых представлений, вошедшими в Фактор 1 группы «успешные».

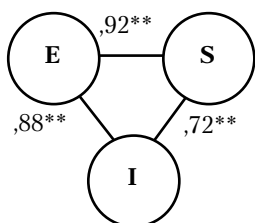

Рис.4. Взаимосвязь показателей личностной сферы, вошедших в Фактор 1 группы «успешные».

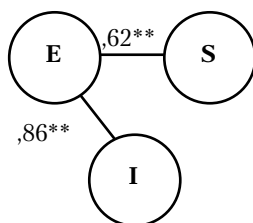

Рис.5. Взаимосвязь показателей личностной сферы, вошедших в Фактор 1 группы «неуспешные».

Тем более, что занятие именно ведущей, руководящей позиции в отношении к обследуемому, как мы отмечали ранее, является необходимым фактором эффективности его деятельности. Следует также отметить, что и чрезмерное стремление к повышению статуса может негативно сказаться на работе психолога-диагноста, в частности, отразиться на его интересе к самому процессу работы (рисунок 3).

Еще одним фактором, оказывающим влияние на эффективность деятельности и профессиональную адаптацию психолога-диагноста, является особенности его *социально-коммуникативного взаимодействия*. По результатам факторного и корреляционного анализов в исследуемых группах психологов-диагностов были выявлены две идентичных триады показателей — экстраверсия, социальность, импульсивность. Однако, если в группе более успешных специалистов все показатели этой триады значимо положительно взаимосвязаны между собой (рисунок 4), то в группе менее успешных — наблюдается «разрыв триады» (рисунок 5), что, может сказываться на процессе взаимодействия между психологом и респондентом, когда коммуникация между ними начинает осуществляться по принципу «Общение ради общения», нарушая тем самым психодиагностический характер

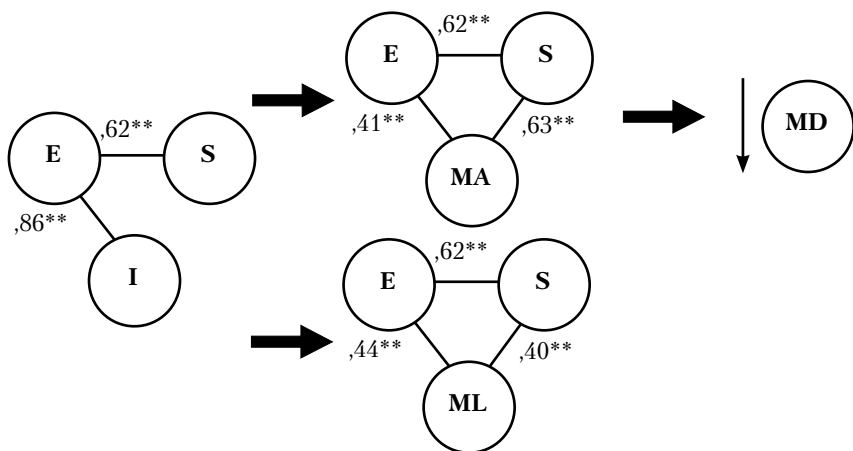

Рис.6. Взаимодействие показателей сферы личностно-динамических черт и мотивационной сферы в группе менее успешных психологов-диагностов.

деятельности. На это же указывает и появление в группе менее успешных психологов-диагностов других триад показателей, в состав которых входит взаимодействие показателей «экстраверсия, социабельность»: «экстраверсия, социабельность, мотив аффиляции», «экстраверсия, социабельность, мотив лидерства».

Проводя аналогию между молекулярными и корреляционными соединениями, можно предположить, что из-за «слабой связи» между переменными происходит «реакция замещения», где «импульсивность» уступает место мотиву аффиляции или мотиву лидерства (рисунок 6). По-видимому, умеренная выраженность импульсивности играет в коммуникативной активности психолога-диагноста значительную роль. Эта личностная черта позволяет быть гибкими и эмоционально-лабильными в ситуации взаимодействия с окружающими. В то же время, ее заниженный уровень (как в случае с психологами-диагностами группы «неуспешные») лишает специалиста такой возможности, заставляя быть инертными. Замещение же импульсивности мотивом аффиляции «усиливает» диаду «экстраверсия, социабельность» в сторону коммуникативной активности. В результате деятельность психолога направляется не на решение поставленных задач и достижение результата, а на поддержание процесса общения с респондентом: общение становится самоцелью (рисунок 6).

Другой вариант замещения — появление триады «экстраверсия, социабельность, мотив лидерства». В данном случае коммуникативная активность направляется на реализацию лидерских амбиций психолога. Само по себе проявление лидерских стремлений, желания занятия руководящую позицию не является негативным фактором для

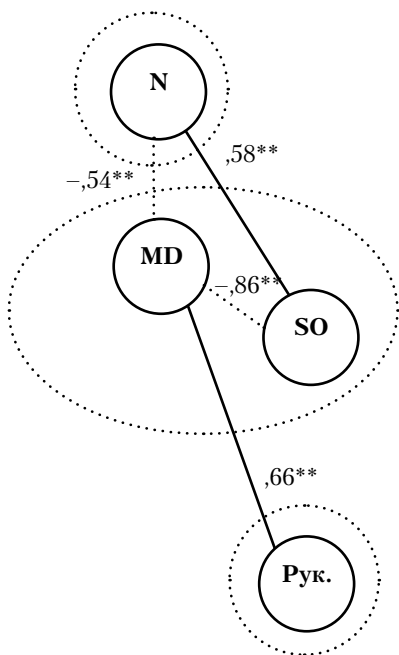

Рис.7. Взаимосвязь показателей «нейротической диады» с показателем мотива достижения и стремлением к руководству в группе «неуспешные».

деятельности психолога-диагноста, а скорее наоборот, оно необходимо для занятия «психодиагностической позиции» по отношению к респонденту, выбору линии поведения с ним, адекватной ситуации. В то же время, коммуникативная активность, производимая только ради лидерских стремлений, нарушает сам процесс деятельности психолога-диагноста и, по-видимому, отрицательно сказывается не только на продуктивности его работы, но и на его взаимоотношениях с клиентом.

На проявление стремления к достижению результата также может оказывать влияние выраженность *нейротивных тенденций* специалиста. Нами было показано, что высокий уровень показателей нейротизма и мотива чувствительности к отвержению негативно сказывается на стремлении психолога-диагноста к достижению результата и стремлении к занятию руководящей позиции (рисунок 7). Умеренный

уровень диады этих показателей оказывает мобилизующее воздействие на специалистов данного профиля: в группе более успешных психологов-диагностов, уровень выраженности диады показателей средний, в отличие от группы менее успешных специалистов, где выраженность показателей «нейротизм, мотив чувствительности к отвержению» значительно выше ($\{N; SO\} p=0,000 \leq 0,01$).

Заключение

Проведенная нами работа позволила выявить ряд факторов, оказывающих влияние на профессиональную адаптацию психолога-диагноста, работающего в сфере кадровой службы. Эти специалисты требуют особенно пристального внимания со стороны исследователей и методистов, поскольку та работа, которую они делают, отличается повышенной ответственностью: от их заключения может зависеть «профессиональная судьба» человека.

Профессиональная адаптация — процесс, протекающий на протяжении всего периода профессиональной деятельности субъекта труда. Психолог, хорошо представляющий «дизайн» своей работы, «предсказывающий» возможность выбора неверной линии поведения с клиентом, уже во многом огражден от «профессиональных заблуждений». Процесс профессиональной адаптации такого специалиста проходит более мягко и незаметно для окружающих. Результаты нашей работы важны не только для специалистов, занимающихся отбором и/или оценкой деятельности психологов-диагностов, а для самих психологов, желающих заниматься психодиагностической деятельностью в сфере кадровой службы. Знания факторов, мешающих их профессиональной деятельности, основных аспектов своей профессиональной компетентности и особенностей психических характеристик, отличающих успешного психолога-диагноста, способствует грамотной профессиональной адаптации.

В заключение остановимся на основных заблуждениях, с которыми сталкиваются начинающие психологи, воздействие которых может оказать негативное влияние на эффективность деятельности психолога-диагноста и, как следствие, его профессиональной адаптации:

- «Деятельность психолога в основном связана с общением с окружающими. Поддержание процесса общения — основная задача его работы». Результаты нашего исследования показали, что чрезмерная выраженность стремления к коммуникативной активности может негативно сказываться на мотиве достижения результата и, как следствие, эффективного выполнения психологом, поставленных перед ним задач;
- «Профессия психолога относится к профессиям социоэкономического типа». Это заблуждение, вероятно, не распространяется на все области профессиональной деятельности психологов. О неправильности этого утверждения мы можем говорить только исходя из результатов нашей работы относительно деятельности психолога-диагноста в сфере кадровой службы. Требования к этой области профессиональной деятельности психологов и особенность выраженности когнитивной и личностной сфер специалистов данного профиля указывают на то, что профессия психолога-диагноста в сфере кадрового бизнеса имеет равноплановую причастность к социоэкономическим и к знаковым специальностям. Отнесение ее только к типу социоэкономических может повлечь построение плана действий, неадекватного ситуации, что может повлечь за собой как временную профессиональную дезадаптацию, так и признание своей некомпетентности с возможным уходом из профессии.
- «Низкий уровень тревожности — один из главных признаков успешного психолога». Умеренный уровень тревожности поз-

воляет психологам-диагностам быть гибкими в своем поведении: своевременно мобилизовывать эмоциональные ресурсы и контролировать их тогда, когда этого требует ситуация. Чрезмерно низкий уровень тревожности лишает специалиста важного механизма взаимодействия с клиентом. Высокий уровень тревожности «разрушает» границы эмоционального реагирования, препятствует адекватному восприятию ситуации.

- «Профессия психолога — альтруистическая профессия». Это одно из самых серьезных заблуждений, с которым может столкнуться начинающий психодиагност. Желание оказать всяческую поддержку клиенту может негативно отразиться на самом психодиагностическом процессе. Грамотный психолог-диагност должен придерживаться в своей работе исключительно тех целей и задач, которые перед ним ставятся.

Выводы

1. К основным причинам, оказывающим негативное воздействие на профессиональную адаптацию психолога-диагноста, работающего в кадровой службе, относятся: низкий уровень профессиональной компетенции, личностные особенности специалиста, некорректное поведение заказчика, особенности производственной среды.
2. Психолог-диагност, работающий в сфере кадровой службы, должен обладать комплексом общепсихологических и специальных знаний, а также умениями и навыками, отличающими специалистов как социономических, так и знаковых профессий.
3. Для эффективности деятельности психолога-диагноста и его адаптации к профессиональной среде особую роль играет умение занимать диагностическую позицию по отношению к респонденту и работать в области сформулированного заказчиком запроса. Занятие психотерапевтической позиции в отношении респондента может разрушить сам процесс психодиагностической деятельности.
4. Отличительной чертой более успешных психологов-диагностов является выраженность социально-когнитивного интеллекта, направленного на реализацию поставленных перед ними задач, в то время как у менее успешных психологов-диагностов проявление интеллектуального потенциала в первую очередь связано с достижением финансового благополучия и поддержанием коммуникативной активности, а не достижением результата.

- Эти закономерности оказывают влияние на профессиональную адаптацию психологов-диагностов кадровой службы.
5. Среди показателей сферы личностно-динамических черт выделена триада показателей, выраженность которой оказывает благоприятное воздействие на успешность деятельности и профессиональной адаптации психологов-диагностов. Разрыв связи между показателями триады и/или низкий уровень выраженности показателей отрицательно сказывается на эффективности выполняемой деятельности психологами-диагностами.
 6. Диада мотивационно-личностных показателей «нейротизм — мотив чувствительности к отвержению» отражается на мотивационной направленности и ценностно-смысловой сфере психологов-диагностов: высокая степень выраженности диады негативно сказывается на стремлении специалистов к достижению результатов и стремлении к занятию руководящей позиции в отношении респондента.

Список литературы

1. *Асеев В.Г.* Мотивация поведения и формирование личности. М.: Изд-во Мысль, 1976.
2. *Ахмеров Р.А.* О психологической службе в таможенных органах // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 2. С. 175—179.
3. *Барбанищikov В.А., Насуленко В.Н.* Системность. Восприятие. Общение. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
4. *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М., Воронеж.: Изд-во Институт практической психологии; НПО «Модэк», 1996.
5. *Гуревич К.М.* Психологическая диагностика: Учебное пособие. М., 1997.
6. *Дикая Л.Г.* Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
7. *Дмитриева М.А.* Схема описания профессии // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности. Часть 1: Психология профессиональной деятельности. Раздел: Психологическое изучение профессиональной деятельности / Под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб.: Речь, 2001.
8. *Зинченко Т.П., Фрумкин А.А., Винокуров Л.В.* Адаптационный синдром и профессиональная психодиагностика // Психологические исследования: Сборник научных и методических материалов. Вып.2. СПб., 1999.
9. *Иванова Е.М.* Психологическая системная профессиография. М.: Изд-во PerSe, 2003.
10. *Кабаченко Т.С.* Психология в управлении человеческими ресурсами: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Питер, 2003.
11. *Капустин С.А.* Границы возможностей психологического консультирования // Вопросы психологии. 1993. №5. С. 50—56.
12. Конституция и государственная символика Российской Федерации. М.: Эксмо, 2005.

13. *Колтачкиков В.В.* Общее введение в индивидуальное психологическое консультирование // Вопросы психологии. 1998. №6. С. 35—39.
14. *Крылова Г.Ю.* Личностные и ситуационные детерминанты профессионального становления субъекта труда в экстремальной профессии // Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 2005.
15. *Манухина С.Ю.* Психологические детерминанты профессиональной успешности психолога-диагноста кадровой службы (в сфере бизнеса) // Дис. канд. психол. наук. М., 2006.
16. *Мотовилин О.Г.* Оценка персонала: Методическое пособие. М.: Изд-во Высшая школа психологии, 2005.
17. *Певзнер М.М.* Процесс консультирования // Мастерство психологического консультирования / Под ред. А.А. Бадхена, А.М. Родиной. СПб.: Изд-во Европейский дом, 2002.
18. *Писаревская Е.Л.* Выпускники вузов на рынке труда // Справочник кадровика. 2002. №7. С. 114—116.
19. Психологическая служба. Информационный бюллетень 2/99 год. Издание управления кадровой службы ГТК РФ, 1999.
20. *Равен Дж.* Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М.: Изд-во Когито-Центр, 2002.
21. *Ронгинская Т.И.* Феномен сопротивления адаптирующим воздействиям // Автореф. дисс... докт. психол. наук. СПб., 1995.
22. Справочник работника кадровой службы / Сост. А.В. Веховцев. М.: ИНФРА-М, 2001.
23. Трудовой кодекс Российской Федерации. М.: Изд-во ОМЕГА-Л, 2005.
24. *Толочек В.А.* Стили деятельности: Модель стилей с изменчивыми условиями деятельности. М., 1992.
25. *Хижнякова А.В.* Аттестация как определение творческой ценности сотрудника // Справочник кадровика. 2002. №7. С. 109—113.
26. *Холодная М.А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума: Учебное пособие. М.: ПЕР СЭ, 2002.
27. *Шейнис М.Ю.* Рабочая книга психолога организации. Самара: Бахрах-М, 2001.
28. *Robbins S.P.* Organizational Behavior (9th edition). Englewood Cliffs: Prentice Hall, 2001.

Адаптация человека к профессиональной предметной среде

О. Н. Чернышева

1. Адаптация и специфика условий профессиональной деятельности

Исходно адаптация, являясь одним из центральных понятий биологии, рассматривалась как приспособление *организма*, его органов к *условиям среды*, направленное на сохранение гомеостаза. В настоящее время это понятие широко применяется и в других естественных науках, включая психологию. Оно помогает трактовать взаимоотношения индивида и его окружения как процессы гомеостатического уравнивания на разных уровнях работы организма.

Специфической особенностью адаптации как процесса является то, что любые воздействия, вызывающие ее, обычно затрагивают все уровни работы организма — от молекулярного до уровней психической регуляции деятельности. Однако системный анализ адаптации человека (не организма) к различным сторонам его жизнедеятельности затруднен из-за сложности соотнесения и интерпретации получаемых разномасштабных результатов. Это во многом связано с тем, что большинство проводящихся исследований касается отдельных уровней реализации деятельности, обычно так называемых высших, отдельных фрагментов деятельности, а не ее целостных проявлений. Измерения проводятся в разных условиях, масштабах, единицы измерения несопоставимы друг с другом. Отсутствуют надежные паттерны, единомерные показатели и критерии, позволяющие свести воедино данные, например, таких наук о человеке, как физиология и психология. Анализ адаптации человека к профессиональной предметной среде является одной из первых попыток реализации такого подхода.

Мы будем рассматривать этот специфический вид адаптации как способ *приспособления* профессионала-пользователя, человека, непосредственно взаимодействующего с предметной средой, к тому предметно-пространственному окружению, в котором он вынужден реализовывать свою трудовую деятельность.

Исследование взаимодействия человека с профессиональной предметной средой достаточно давно выступает объектом пристального внимания и воздействия со стороны специалистов в области человеческого фактора, таких специалистов, как инженерные психологи и психологи труда, эргономисты, физиологи и гигиенисты труда. Работы по оптимизации проектируемого или уже созданного профессионального оборудования, его приспособление к *возможностям, особенностям и потребностям* человека предваряют стадию проектирования. Обычно деятельность специалистов по человеческому фактору связана с изучением и оптимизацией выполнения операционально-технологических функций профессиональной деятельности человека и его предметно-пространственного окружения для предоставления научно обоснованных рекомендаций специалистам, занимающимся проектированием. Изучение же процессов, сопровождающих реализацию этих функций, не проводится.

За более чем шестьдесят лет поиска методов и средств изучения особенностей приспособления человека к предметной среде и проектирования предметной среды, которая обеспечивала бы заданную степень комфорта работающему человеку, характер этой работы претерпел ряд изменений. Как отмечает Singleton [11], она включила следующие этапы:

- сбор, сортировку, и хранение специалистами по человеческому фактору, и, прежде всего, по трудовой деятельности человека, сведений о труде человека и поведении людей в процессе труда;
- разработку на основе полученных сведений научно-обоснованных рекомендаций (требований) к организации выполнения человеком отдельных трудовых функций и к предметно-пространственному окружению, в котором живет и работает человек;
- доведение до сведения проектировщиков, дизайнеров, специалистов по человеческому фактору результатов этих работ в виде нормативных документов, обязательных или желательных для исполнения (стандарты, соответствующие нормы и правила и т. п.);
- создание научных рекомендаций, не являющихся нормативными, для выполнения определенных конкретных групп разработок или конкретной разработки;
- составление опросных листов для проектировщиков, дизайнеров, позволяющих им самостоятельно, не пользуясь услугами эргономистов, создавать эргономически обоснованные решения, подбирая из справочников ответы на заданные вопросы.

Появление последнего направления было связано не столько с потребностью проектировщиков в эргономических данных, сколько с их нежеланием привлекать специалистов по человеческому фактору к проектированию в качестве равноправных участников из-за непонимания их роли в проектировании и невысокой эффективности их деятельности.

Попытки целостного подхода к организации профессиональной

предметной среды, начатые еще Ф. Джильбретом и Г. Фордом, были позднее связаны с реализацией схем Р. Барнеса, характеризовавшихся использованием критерия антропометрического соответствия. Последние были удобны тем, что позволили эффективно, в адекватной проектированию размерности оценивать формы, размеры и объемы моторного пространства человека. В этих условиях и при наличии на первый взгляд эффективных схем использования данных о человеческом факторе проблемы системного изучения адаптации человека-пользователя (а не потребителя и не человека вообще) к предметно-пространственному окружению, вопросы создания предметной среды, адекватной работе профессионала-пользователя отходили на второй план.

Вместе с тем реалии профессиональной деятельности таковы, что представители наук о человеке отмечают ухудшение состояния здоровья профессионалов, связанное, в частности, с особенностями взаимодействия человека с его предметно-пространственным окружением. Это ухудшение существенно значимее, чем получаемое от других видов взаимодействий, и связано с нарушениями в работе скелетно-мышечного аппарата и других функциональных систем организма.

Систематизация особенностей двигательного взаимодействия человека с предметной средой в различных условиях профессиональной деятельности дает богатый исходный материал как для обоснования недостаточности существующих сейчас подходов, так и для фиксации направления дальнейших исследований и взаимодействий с различными областями практики. В частности, она позволяет выявить психические функции и их особенности, которые значимы для решения задач взаимодействия с предметно-пространственным окружением, приспособления к нему. Одной из высших функций, которую обычно не рассматривают при изучении поведения человека в предметной среде, является функция потребности, связанная с порождением смысла- и целеобразования.

Очевидно, что потребности, представленные смыслом и целью деятельности, должны в первую очередь сказываться на особенностях поведения человека в предметно-пространственном окружении, его адаптации к нему. Специфика проявления этой функции в различных видах деятельности человека может оказывать существенное влияние на возможности ее фиксации как во внешних, так и во внутренних проявлениях, а следовательно, и на определение критериев этого феномена.

Сравним особенности потребностного взаимодействия человека с предметной средой в различных видах деятельности (см. таблицу 1).

Как видно из таблицы, наибольшие возможности к изучению влияния потребностей на особенности взаимоотношения с предметно-пространственным окружением предоставляет профессиональная деятельность. Обоснуем это положение.

Таблица 1.

Особенности функционирования потребностной сферы человека при его взаимодействии с предметной средой в различных видах деятельности

№№ п/п	Вид деятельности	Характер потребности и ее проявление	
		Психологические особенности формирования потребности	Особенности протекания предметной деятельности
1	2	3	4
1.	Бытовая деятельность	<p>Внутренние, личностные побуждения к деятельности, чаще разовый характер проявлений.</p> <p>Оценка деятельности и ее значимости носит личностный характер.</p> <p>Диапазон степени профессионализма задан личностно.</p>	<p>Разовые проявления тех или иных взаимодействий с предметной средой.</p> <p>Умения и навыки взаимодействия могут быть любого уровня.</p> <p>Длительность обычно связана с реализацией потребности субъекта.</p>
2.	Рекреационная деятельность	<p>Внутренние, личностные побуждения к деятельности, хотя часто она может быть социализирована.</p> <p>Оценка деятельности и ее значимости носит личностный характер.</p> <p>Диапазон степени профессионализма задан личностно, хотя в ряде случаев требует социального допуска.</p> <p>Качество взаимодействия и его длительность определяется личностно.</p>	<p>Разовые или многократные повторения однотипных взаимодействий.</p> <p>Необходимость повторений задается внутренними побуждениями.</p>
3.	Спортивная деятельность	<p>Внутренние, личностные побуждения к деятельности, но протекает в социализированных формах.</p> <p>Оценка результатов значима и личностно, и социально.</p> <p>Диапазон конечной степени профессионализма задан социально.</p> <p>Качество взаимодействия высокое и определяется личностными и социальными потребностями и возможностями субъекта.</p>	<p>Многократные повторения однотипных взаимодействий, задаваемых как исходя из внутренних, так и социальных побуждений.</p> <p>Формы поведения и его длительность социально определены.</p>

1	2	3	4
4.	Учебная деятельность	<p>Внутренние, личностные побуждения к деятельности, но в зависимости от возраста и выраженности потребности она оказывается больше или меньше социализирована. Протекает обычно в социализированных формах. Оценка качества результатов значима не только лично, но и социально.</p>	<p>Повторение взаимодействия с предметно-пространственным окружением определяется необходимостью достижения определенного уровня навыков взаимодействия.</p> <p>Формы поведения, его динамика, качество и длительность социально определены.</p> <p>В процессе освоения они все больше приближаются к нормативным.</p>
5.	Профессиональная деятельность	<p>Социальные побуждения к деятельности. Протекает в социализированных формах. Во внешней оценке результатов доминируют социальные нормы. Диапазон степени профессионализма задан, социально определен.</p>	<p>Формы поведения, его длительность и качество социально определены и личностно приняты субъектом.</p>
6.	Деятельность в условиях экспериментальной	<p>Побуждения к деятельности отличны от побуждений, свойственных как профессиональной, так и другим видам деятельности.</p> <p>Уровень профессионализма может колебаться в значительной степени, чем в профессиональной деятельности.</p> <p>В оценке результатов деятельности у испытуемых могут преобладать соревновательные, познавательные или материальные мотивы, у исследователей — познавательные интересы.</p>	<p>Формы поведения не могут полностью воспроизводить изучаемые формы деятельности, в частности, из-за изменения исходной потребностной мотивации к деятельности.</p>

2. Специфика профессиональной деятельности человека относительно других видов деятельности

Первым признаком профессиональной деятельности выступает ее максимальная социализированность относительно других видов деятельности. Этот факт позволяет нам утверждать, что взаимодействие с предметной средой в этом виде деятельности также носит наиболее социализированный характер. Профессиональная предметная среда существенно ограничивает личностные проявления поведения работника, заменяя их социально нормированными. Наше утверждение может быть обосновано еще целым рядом показателей, свидетельствующих об особой роли профессиональной предметной среды в деятельности человека.

Рассмотрим наиболее значимые для нашей темы ограничения в трудовой деятельности относительно бытовых ее проявлений.

Главное отличие между двумя рассмотренными видами деятельности заключается в том, что в бытовой деятельности доминирует личностная составляющая мотивации. В профессиональной же деятельности присутствует необходимость совмещать как *социальную*, так и *личностную* составляющие. Действительно, труд по своей природе социален, направлен на решение значимых для общества задач. Вместе с тем, в каждом конкретном случае, будучи определен социальными требованиями на более высоких уровнях организации деятельности, операционально он решается через актуализацию индивидуальных, личностных качеств человека, начиная от воли и заканчивая простейшими исполнительными сенсорными и моторными реакциями.

Между *личным* и *социальным* в процессе профессиональной деятельности, особенно производственной, неизбежно возникают определенные противоречия. Например, *социальное* требует строгой регламентированности ряда параметров деятельности для получения продукции, максимально соответствующей заданным социальным требованиям. Это относится как к длительности деятельности, качеству продукта труда и т. п., так и к метрическим, химическим, физическим, силовым и т. п. условиям деятельности. *Личное* же противится регламентированности, однообразию этого процесса.

Таким образом, важным отличием профессиональной деятельности от других видов деятельности (бытовой, рекреационной, частично спортивной и учебной) выступает более жесткая социальная заданность физических, предметно-пространственных, временных и социальных условий ее протекания, что сказывается и на формировании личностных смыслов профессиональной деятельности. Если в иных видах деятельности и существуют ограничения, отличные от личностных устремлений, то они не столь жесткие, их проще обойти. Например, можно выбрать другой вид спорта (если это не профессио-

Таблица 2. Сравнение уровня социальных ограничений в бытовой и трудовой деятельности.

№№ п/п	Бытовая деятельность	Профессиональная деятельность
1.	Определение целей и задач деятельности осуществляется на основе внутренних побуждений.	Доминирует социальная, внешняя заданность целей и задач деятельности.
2.	Произвольность в выборе объема выполняемой задачи.	Обязательность выполнения поставленной задачи в заданном объеме.
3.	Произвольность выбора способов и приемов выполнения задания.	Регламентированность способов и приемов выполнения задания.
4.	Произвольность выбора предметной среды и необходимого для деятельности оборудования.	Обязательность работы в заданной предметной среде, на предоставленном оборудовании.
5.	Произвольность организации пространственных условий деятельности.	Заданность пространственных условий деятельности.
6.	Доступность внесения любых изменений в исходные условия.	Невозможность произвольного внесения изменений в заданные условия.
7.	Отсутствие единой мотивации при выполнении сходных видов деятельности.	Идентичность выполняемых операций порождает достаточно стабильную идентичность мотивации.
8.	Произвольность временных характеристик деятельности, как в течение дня, так и для отдельных действий и операций.	Заданность временных характеристик деятельности (как длительности работы в течение дня, так и отдельных ее циклов и операций).
9.	Малая вероятность выявления других лиц, выполняющих сходные операции в ближайшем окружении.	Наличие в одной организации рабочих, выполняющих идентичные операции. Число подобных исполнителей может колебаться от нескольких единиц до десятков и сотен.
10.	Крайнее разнообразие предметно-пространственной среды деятельности.	Отличия в структуре рабочих мест профессионалов, выполняющих одинаковые трудовые задачи, сводятся к минимуму. Эти отличия чаще связаны с изменением пространственного расположения элементов рабочих мест.

нальная деятельность), отказаться от него вообще, обучаться другим знаниям, умениям и навыкам, в других условиях, временных ритмах и т. п. Особенно это касается личной жизни человека.

Общество весьма серьезно относится к проблемам социальной в профессиональной деятельности. Социальные требования реализуются, в частности, через целый ряд *социальных ограничений* — законов, стандартов, нормативов, которым подчиняется любая профессиональная, особенно производственная, деятельность. Личностной составляющей зачастую пренебрегают, т. к. она не формализована, отсутствуют социальные критерии ее учета.

В результате возникает необходимость разносторонней (социально-психологической, психологической, физиологической, личностной и др.) адаптации субъекта к условиям профессиональной деятельности. Она проявляется в определенных психических и физиологических реакциях работающего на существующие ограничения.

3. Некоторые особенности профессионального взаимодействия человека с предметно-пространственным окружением на рабочем месте

Если внимательно изучить публикации по эргономике, инженерной психологии, физиологии и гигиене труда и т. п., то можно обратить внимание на то, что в качестве ведущего механизма приспособления предметной среды к человеку выступает принцип метрического соответствия пространственных параметров оборудования размерам человеческого тела (критерий антропометрического соответствия). Вместе с тем, при изучении особенностей поведения человека в предметно-пространственном окружении вопрос такого рода адаптации практически не поднимается.

Вне поля зрения исследователей остаются большинство *психологических* аспектов этого вида адаптации. Решаются, как было отмечено выше, лишь уровни операционального взаимодействия человека с предметной средой рабочего места. Так, достаточно разработанными можно считать вопросы, связанные с оценкой качества зрительного восприятия в условиях деятельности операторов и, частично, вопросы иерархии расположения органов контроля и управления. Но вопросы, связанные с обеспечением этих аспектов работы *пользователя* в предметной среде, выявлением адекватности способов и особенностей *его адаптации*, в ней практически не рассматриваются.

Дополнительные сложности в изучении двигательной активности связаны со стремлением психологов работать в естественно-науч-

ной парадигме. Авторы пытаются совместить идеи психологического построения движений с физическим, естественно-научным их толкованием, предпочитая вводить дополнительные понятия для описания двигательной активности человека. Эту мысль очень хорошо выразил Ж. Амар. В книге «Человеческая машина» он писал: «Движение есть единственное явление (психическое. — *О.Ч.*), которое поддается наблюдению: можно изучать его, выводить его законы, не прибегая к гипотезам. Что же касается причины движения, то она, *ничего не меняя в точности изучения* (выделено мною. — *О.Ч.*), является понятием метафизическим, вносящим лишь смуту в научное изучение». И далее: «Причину движения материальной точки или системы мы называем *силой* и этим же именем называем причину, изменяющую равномерное движение тел» [1, с. 23]. В этом высказывании наглядно просматривается стремление уйти от проблем, связанных с «причинами» возникновения и реализации движений человека, с его произвольностью, активностью, целенаправленностью, осмысленностью и т. п., и свести их к чисто физическому процессу, свойственному неживой природе.

Начиная с Декарта, представители естественных наук утверждали, что в теле человека нет ничего, что имело бы отношение к душе (психике). Такой подход был принят многими ведущими представителями, работавшими в области человеческого фактора, особенно на Западе. Но значительное число специалистов считало, что это не так. Для них было очевидно, что различные формы двигательной активности являются проявлением, внешней реализацией психической активности человека. Взаимодействие человека с предметно-пространственным окружением не является с этой точки зрения исключением.

Теоретически проблемы связи двигательной активности с психической деятельностью, определены в общем плане еще И.М. Сеченовым. Он писал: «Все внешние проявления мозговой (в т. ч. психической. — *О.Ч.*) деятельности действительно могут быть сведены на мышечное движение» [7, с. 10]. Аналогичные утверждения мы встречаем и у У. Джемса. «Все душевные явления (независимо от их полезности) сопровождаются известного рода телесными процессами... Не только известные душевные состояния, как, например, волнения, но все вообще психические явления, как таковые, даже чисто мыслительные процессы и чувствования по вызываемым ими результатам суть двигатели» [3, с. 4].

Но до сих пор механизмы превращения психической активности в двигательную не систематизированы, а частично и не вскрыты. Одним из важных направлений с этой точки зрения может выступить выявление и анализ механизмов преобразования афферентных сигналов, предшествующих движению, в эфферентные, но пока здесь не наблюдается серьезных успехов. По нашему мнению, такое состояние дел связано с

отсутствием единой теоретической картины исследуемых процессов, не выявлены «носители этих преобразований», что не позволяет операционально представить существующие в объекте связи логически однородно и доступно для непосредственного сравнения и сопоставления.

Обычно в исследованиях эти связи носят формальный характер, рядоположены, рассматриваются только на уровне внутреннего побуждения (входа) и внешнего выхода, иногда на уровне афферентного входа (получен сигнал) — эфферентного выхода. Общепринятая схема на практике выглядит следующим образом: «*Желая* (внутреннее, а не внешнее побуждение. — *О.Ч.*) напрячь мышцу, чтобы выполнить какое-либо действие, мы посылаем из мозга в мышцу импульс... и мышца сокращается (внешнее выражение на уровне организма. — *О.Ч.*)» [5, с. 119]. Мы намеренно взяли цитату из книги начала XX века, выражающей достаточно специфические для европейцев знания. Но в данном случае изложение материала полностью соответствует тому, с чем мы часто встречаемся как в старой, так и в современной научной литературе, особенно носящей прикладной характер. Мы мыслим мышцей, конечностью, забывая, что любое движение одной мышцы приводит к перестройке работы всего скелетно-мышечного аппарата.

В ряде работ подход к изучению движений носит скрыто дуалистический характер. С одной стороны, в них присутствует осознание того, что для психологического описания произвольного движения необходим подход, отличный от изложенного физического понимания движения. Так, в одной из лучших работ по психологическому анализу произвольных движений человека А.В. Запорожец, отдавая дань естественно-научному подходу, пишет: «Под движением, совершаемым рукой, следует — *в строгом смысле этого слова* (выделено мною. — *О.Ч.*) — понимать смещение отдельных звеньев руки относительно друг друга и прилегающих частей тела (сгибание, разгибание, приведение, отведение, ротация и т. д.)» [4, с. 100]. Но далее там же он отмечает, что «в отличие от этого операции характеризуются движениями руки как естественного орудия в отношении внешнего предмета. ... Хотя операция может производиться лишь с помощью соответствующих движений руки, однако между ними нет однозначных отношений». В этом высказывании мы сталкиваемся с неким внутренним противоречием, которое постоянно возникает у психологов, изучающих двигательную активность человека, — противоречием между естественно-научной парадигмой, к которой пытается примыкать психология, чтобы считаться «подлинной наукой», и особенностями объекта исследования. С одной стороны — физическое, механистическое определение движения. С другой — его недостаточность для описания феномена движения человека. Отсюда сложности в реализации изучения самого феномена. С одной стороны, он открыт

для изучения, с другой — есть нечто, что не позволяет изучать движение только с позиций механики.

Аналогичное высказывание: «Движения, особенно так называемые произвольные, обычно служат для выражения действий, посредством которых осуществляется поведение; поэтому свойства движений могут быть по большей части поняты, лишь исходя из этих действий», и далее — действия связаны со *смыслом*, а исследований смысловых характеристик движений слишком мало [6, с. 546]. В этом высказывании также подчеркивается связь двигательной активности с психологической составляющей деятельности, показывается, что исследование движений не может ограничиться изучением только физических и физиологических законов, описывающих их протекание. Однако интерпретация движений, исходя из действий человека, дается психологам и другим специалистам в области человеческого фактора чрезвычайно трудно.

Ниже мы попытаемся изложить некоторые результаты достаточно нетрадиционного подхода к решению рассматриваемой задачи, полученные на кафедре психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ [8, 9, 10].

Суть новизны заключается в том, что изучение сенсомоторной активности человека проводилось не по схеме «внешнее воздействие — внутренний импульс — двигательный ответ», а включало и изучение и других внешних проявлений взаимодействия человека с предметно-пространственным окружением на рабочем месте в процессе профессиональной деятельности. Помимо этого, различные наблюдавшиеся проявления двигательной активности интерпретировались не только физически, но и психологически.

Первое исследование было связано с изучением влияния изменения пространственного расположения элементов рабочего места на деятельность намотчиц на Электрозаводе им. В.В. Куйбышева. В процессе исследования, помимо традиционных методов исследования двигательной активности, параллельно был применен и анализ статических составляющих двигательной активности, который в то время мы ограничивали только анализом позной активности. Кроме того, был применен мало используемый в психологии графический метод анализа деятельности.

В естественном эксперименте контроль за изменением рабочей позы позволил нам выявить:

- качественное единство поз при работе на разных станках;
- феномен перемещения сиденья в рабочем пространстве при подготовке к работе.

Этот феномен известен каждому из житейского опыта, и по умолчанию предполагает индивидуальное приспособление (адаптацию) чело-

века к деятельности в индивидуальном пространстве. Но он не привлекал внимания исследователей и не описан в доступной нам литературе.

Однако в условиях производства проявление этого феномена у всех работниц при освоении нового станка (перемещении сиденья в рабочем пространстве перед тем, как приступить к выполнению исполнительных движений), имело целый ряд особенностей:

- если намотчицы не выполняли этих действий перед началом работы, не придавая значения акту смены оборудования, то через несколько циклов намотки они вынуждены были его выполнить;
- выполнение этих действий было одновременно сопряжено с пробными движениями левой руки по управлению вращением планшайбы;
- завершались пробные движения одинаковой для всех работниц локализацией тела относительно планшайбы. При этом продолжение плоскости планшайбы проходило через центр левого плечевого сустава (рисунки 1, 2).

Можно было говорить о выявлении нового феномена, отражающего адаптацию человека к профессиональной предметной среде при вхождении с нею в контакт. Позже мы назвали это явление феноменом **константности локализации** работниц относительно профессионально значимых элементов рабочих мест [8].

Вторая часть работы была связана с проверкой константности локализации работниц разных цехов в рабочем пространстве. Именно здесь очень эффективным показал себя графический метод, подтвердивший сделанные выше выводы.

Этот метод позволил обеспечить:

- 1) наглядное отображение *реального* пространственного положения человека относительно элементов оборудования;
- 2) возможность фиксации и выявления сходства и различий в расположении различных работниц в пространствах рабочих мест;
- 3) возможность выявления степени идентичности локализации всех работниц при достижении одинаково понимаемой цели;
- 4) возможность количественной оценки отклонения работника от единственно возможного в данной ситуации положения;
- 5) возможность прогноза расположения профессионально важных элементов рабочего места, адекватного изучаемой деятельности, т.е. проектирования пространственных характеристик рабочих мест.

Таким образом, получению данных выводов способствовало осознание роли социально заданных условий организации предметно-пространственной активности намотчиц, решающих однотипные психологические задачи. Остановимся подробнее на условиях работы намотчиц.

Пусковое устройство

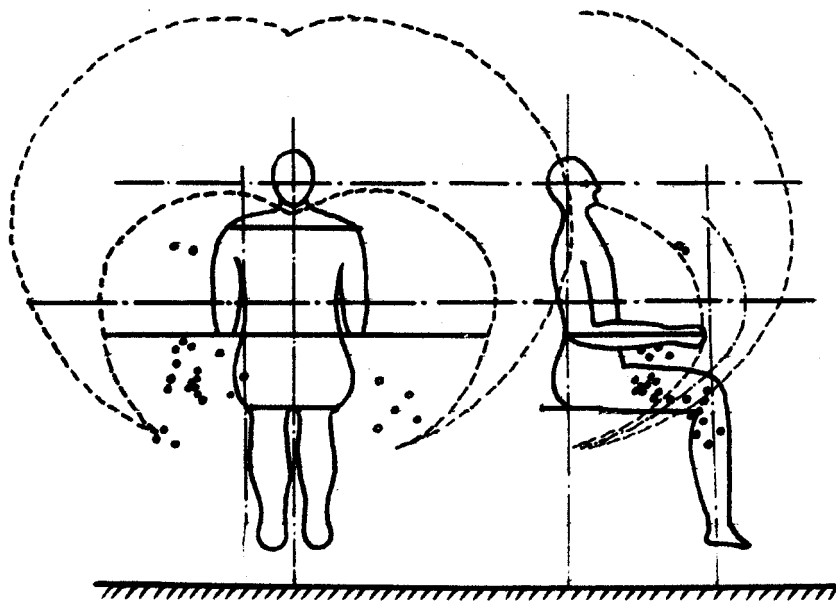

Рис.1.

Характерной особенностью использования оборудования в цехе было единство целей и задач деятельности. Все оборудование имело идентичные органы контроля и управления. При этом наблюдался разброс пространственного расположения практически всех этих элементов, поскольку станки были изготовлены разными фирмами (рисунки 3). Необходимость сравнения положений работников за станками при смене ими рабочих мест в экспериментальной серии потребовала выявления некоего фактора, обеспечивающего возможность сравнения взаимного расположения намотчиц и обслуживаемого ими оборудования. Это сравнение в экспериментальной серии выполнялось следующим образом.

1. Выполнялось наглядное отображение станка в масштабе 1:10 с использованием принципов проекционного черчения. Эскизы делались для каждого из станков, расположенных в цехе. При этом были введены некоторые ограничения, связанные с упрощением отображения сложных пространственных форм.

Предварительно выделялись все сенсорно и моторно используемые элементы рабочего места, с которыми взаимодействует человек

в процессе выполнения технологических операций. Мы назвали их профессионально важными элементами рабочего места (по П.Я. Гальперину это предметы актуальной потребности).

2. Далее на эскизе, а затем и на чертеже отражалась упрощенная конфигурация оборудования и профессионально важные элементы рабочего места. Детальная информация о внешнем виде оборудования, конфигурации его элементов и т. п. могла быть получена из фотографий, технических чертежей и т. п.

Выполненный чертеж позволял получить следующую информацию:

- о компонентах рабочего места, актуализируемых в деятельности профессионала;
- о габаритных размерах рабочего места в целом и его отдельных элементов, актуализируемых в деятельности профессионала;
- о пространственных и размерных соотношениях между компонентами рабочего места, используемых в деятельности человека при решении конкретной трудовой задачи профессионалом;
- о форме и размерах основных компонентов, *используемых в деятельности*;
- о компоновке деталей и элементов, *используемых в деятельности субъекта труда* (положение *отдельных* деталей, элементов, органов управления, средств отображения информации, крепежных элементов и т. п.).

Кроме того, на эскизах отображалась локализация человека в пространстве рабочего места.

3. Проводилось сопоставление расположения намотчиц, работающих на разных станках, друг с другом в натуре и по эскизам. Анализ показал, что **все** работницы в процессе деятельности *локализируются* в рабочем пространстве схожим образом. Причем это было не просто сходство, а полная идентичность локализации всех работниц.

4. Анализ расположения остальных профессионально важных элементов рабочих мест относительно работающего человека осуществлялся совмещением полученных чертежей относительно единой для всех пространственной системы координат, которая отражает возникающую в деятельности связь работница — станок. В качестве баз отсчета во фронтальной и профильной плоскостях выступила планшайба. В горизонтальной плоскости базой отсчета выступил уровень пола, единый для всех намотчиц.

Изучение расположения остальных профессионально важных элементов рабочего места с учетом факта локализации намотчицы относительно планшайбы во фронтальной и профильной плоскостях показало крайний разброс их пространственного расположения (рисунок 3). Отсюда можно сделать вывод о том, что взаимодействие с

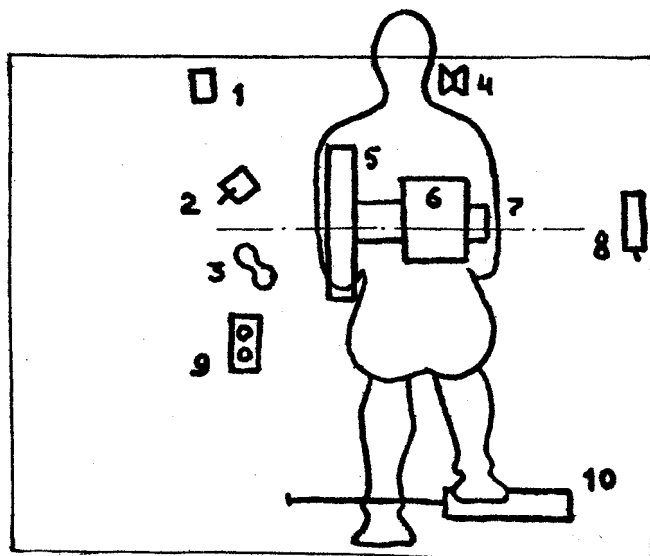

Рис.2. Блок-схема намоточного станка. 1 — ванночка с оловом; 2 — счетчик числа оборотов; 3 — рукоятка переключения направления хода каретки; 4 — направляющая каретка; 5 — планшайба; 6 — наматываемая катушка; 7 — ось станка; 8 — ручное управление ходом каретки; 9 — кнопки включения станка; 10 — педаль включения станка.

этими элементами осуществлялось с помощью иных механизмов. На локализацию намотчиц в пространстве рабочего места влиял только один элемент рабочего места — планшайба. Мы назвали ее *профессионально доминирующим элементом* рабочего места (по П.Я. Гальперину это можно трактовать как предметное воплощение проблемной ситуации). Его функция столь важна для субъекта деятельности, что он локализуется относительно него. Остальные используемые в деятельности элементы, как было отмечено выше, мы назвали *профессионально важными элементами* рабочего места.

Следующей задачей, стоящей перед нами, выступила психологическая и физиологическая интерпретация выявленного нами акта соматической локализации субъекта деятельности в предметно-пространственной среде рабочего места.

В деятельности намотчиц факт локализации содержательно связан с укладкой первого витка, операцией, выполняя которую, намотчица вручную вращает планшайбу и вручную же укладывает первый виток провода на катушке. (рисунок 1). Роль этой операции в профессиональной деятельности весьма краткосрочна и, на первый взгляд, незначительна. Однако психологический анализ деятельности намотчиц показал, что точность выполнения этого действия определяет успешность

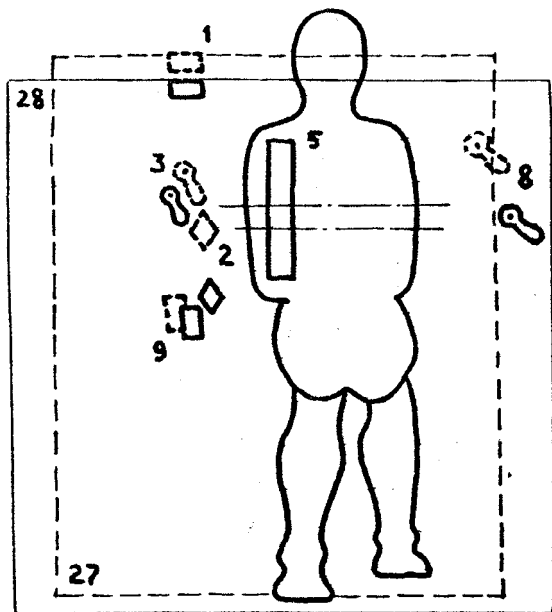

Рис.3. Схема пространственного расположения органов контроля и управления станками № 27 и № 28.

выполнения всех последующих операций. Неправильная укладка первого витка ведет к неправильному изготовлению всего изделия.

Попытаемся интерпретировать полученные результаты с позиций психологической и физиологической адаптации человека к предметно-пространственному окружению. Для этого сначала обратимся к проблемам анализа механизмов построения движения в профессиональной предметной среде, взяв за основу мысль Н.А. Бернштейна о том, что анализ двигательной активности человека позволяет выделить две группы характеристик, связанных с построением движений [2, с. 321]. Рассмотрим каждую из этих групп как отдельную стадию построения движения. Первая из них связана с **«выявлением и развертыванием»** двигательного состава действия», т. е. с **«интересами и качеством решения»** стоящей перед человеком двигательной **задачи**. *Выявление и развертывание* двигательного состава действий выступает *фоном* дальнейшего развертывания двигательной активности человека, т. е. может рассматриваться как адаптация его организма к внешним условиям, подготавливающая реализацию второй стадии движения.

Эта вторая стадия и есть собственно то движение, которое изучается всеми исследователями. Она связана с **«закреплением и стабилизацией»** двигательного состава действия, т. е. с **«интересами и качеством протекания»** самого **движения** и степенью достигнутой в нем

автоматизации» — с тем, что мы называем исполнительным движением. Эта группа характеристик достаточно хорошо изучена на разных уровнях и хорошо поддается измерению и наблюдению. Первую же стадию, по мнению Н.А. Бернштейна, очень трудно обнаружить и оценить, сделать ее доступной измерению.

Вернемся к первой стадии. Очевидно, что выявление двигательного состава действий во многом связано с работой афферентных систем организма. Афферентные системы, как единодушно отмечается и психологами, и физиологами, есть то звено в работе организма, которое первым сигнализирует ему о реалиях внешнего мира и их изменениях. Действительно, по Н.А. Бернштейну, «в самом эффекторном процессе нет и следов координации, координация лежит вне эффекторного импульса, в определенном смысле над ним». Это взаимодействие решается на основе принципа сенсорных коррекций «осуществляемых совместно самыми различными системами афферентации» [2, с. 45]. Соглашаясь с Н.А. Бернштейном, мы можем утверждать, что стадия выявления двигательного состава связана в первую очередь с работой сенсорных систем, их выбором и настройкой в соответствии с *целями и задачами* деятельности. Именно на этой стадии происходит согласование работы организма с условиями внешней среды, задаваемыми целями и задачами деятельности субъекта. Происходит согласование внешних условий «с **интересами и качеством решения**» стоящей перед человеком двигательной *задачи*. Напомним, что эти параметры в профессиональной деятельности задаются извне.

Основная сложность изучения, обнаружения и оценки процесса *выявления и развертывания* двигательного состава действий была связана с тем, что она:

- осуществлялась на основе анализа только внутренних условий построения движения вне опредмеченной деятельности;
- рассматривался только ведущий, высший, осознаваемый уровень построения движений;
- не исследовалось деятельностное взаимоотношение человека с осваиваемым пространством.

Вместе с тем, если учесть, что, в соответствии с утверждениями многих исследователей, построение движения связано не только с внутренними, но и с внешними условиями деятельности человека, прежде всего с условиями предметной среды, то сложности в обнаружении и оценке процесса *выявления и развертывания* двигательного состава действий будут устранены.

Разберем, как же осуществляется этот процесс у намотчиц. Описанный нами феномен локализации профессионалов в предметной среде рабочего места может рассматриваться как одна из фаз **выявления и развертывания** двигательного состава действий, направленная

на **интересы и качество решения** стоящей перед человеком двигательной **задачи**.. Вернемся к характерным чертам протекания профессиональной деятельности в предметной среде. Изучение машинно-ручных видов труда оказывается очень удобной моделью для оценки процесса построения движений. Их характерной особенностью выступает:

- освобождение человека от энергетической функции (приведение в движение средств труда, что имеет место в инструментальной деятельности);
- относительно простой, но вполне определенный алгоритм деятельности;
- ограниченный объем сенсорной информации, необходимый для реализации двигательной активности;
- использование движений только для совмещения предмета труда с механизированным рабочим органом машины, осуществляющим его преобразование по заданному алгоритму;
- многократное последовательное повторение одинаковых циклов технологических операций без изменения взаимоотношений с предметной средой вне рабочего цикла.

При этом сохраняется мотивация, направленная на соблюдение определенных, заданных извне стандартов качества деятельности, заданность ее задач и способов. Реализация последних требует оптимальной работы всех систем организма для обеспечения протекания технологического процесса в течение длительного времени. Последнее, по мнению Н.А. Бернштейна, связывается с обеспечением минимальной вариативности результатов деятельности при высокой стабильности и точности результатов действий (выполнением социальных требований), что обеспечивается низким уровнем построения движений — уровнем А. Он обеспечивает высокую точность и устойчивость выдерживаемых и регулируемых абсолютных значений *тонуса* как шейной и туловищной мускулатуры, так и антагонистических пар мышц конечностей. Уровень А представляет собой уровень *высокой и жесткой точности* и в значительной мере связан с проприоцептивной координацией двигательной активности.

Анализ деятельности намотчиц показал, что операциями, требующими наиболее высокой точности и стабильности действий, оказываются наименее автоматизированные эффекторные действия по укладке первого витка катушки. Причем эта операция повторяется в каждом цикле работ в течение всего рабочего дня. Остальные операции либо не требуют столь высокой точности, либо выполняются на уровне достаточно высоко автоматизированных, координированных движений и двигательных действий. Отсюда можно сделать вывод, что именно эти операции в максимальной степени требуют регулирующего воздействия сенсорных систем организма, выступая ее доминантой.

В выполнение рассматриваемых действий максимально включены зрительная и проприоцептивная системы. При этом в процессе всех двигательных действий по намотке зрительный контроль носит поверхностный характер, то усиливаясь, то сходя на нет. На этапе же укладки первого витка зрительный контроль усиливается, помогая оценке степени точности движений рук, одна из которых корректирует движение провода, а другая поворотом планшайбы способствует его плотному прилеганию к обечайке катушки. Именно от этих движений и получает намотчица основную информацию.

Таким образом, на данном этапе работы в качестве ведущего выступает проприоцептивный контроль, что подтверждает наш вывод о включении в работу двигательной системы уровня А.

Константность локализации тела относительно планшайбы обеспечивает, прежде всего, получение стабильной информации о выполняемом действии, характеризующейся минимально возможными вариациями, вытекающими из допустимых изменений положения тела. Следовательно, с физиологической точки зрения *мы можем рассматривать локализацию относительно планшайбы как адаптацию профессионала к работе низшего уровня построения движения — уровня А к интересам и качеству решения двигательной задачи, т. е. к длительной и точной работе человека.* Важно отметить, что локализация осуществляется относительно профессионально доминирующего источника сенсорной информации, служащего предметным выражением проблемной ситуации, связанной «с **интересами и качеством решения**» стоящей перед человеком двигательной *задачи*. В данном случае в качестве доминирующей выступила проприоцептивная информация. Анализ других видов деятельности — швей, раскройщиков, деятельности представителей различных машинно-ручных видов труда в часовой промышленности и др. — показал, что доминирующими могут выступать любые модальности — зрительная, слуховая, обонятельная и т. п.

Поскольку координация двигательных действий неразрывно связана с источником информации, источником афферентных сигналов, то очевидно, что фазе локализации должна предшествовать фаза ориентировочно исследовательской деятельности, которая направлена на ориентацию в проблемной внешней среде, выражаемую как в движении собственно сенсорных систем, так и в движении тела человека. Исследования подтвердили наличие этой фазы. Внешне она выражается в поисковых движениях органов чувств, изменении ориентации тела в пространстве, т. е. в поиске доминантной направленности *вектора активности* как сенсорных систем, так и тела человека.

Надо отметить специфический характер направленности ориентировочной деятельности при построении предметного движения. Она связана с созданием условий оптимальной деятельности организма

человека в пространстве. Ее можно было бы назвать фазой пространственной ориентировки. Однако более детальный анализ характера и результатов этого этапа ориентировочно-исследовательской деятельности показывает, что этот процесс сложнее, чем кажется на первый взгляд. В нем задействованы не только механизмы, связывающие тело человека с предметной средой, но и механизмы осмысления роли этой среды для предстоящей деятельности и необходимость обеспечения достижения стоящей перед субъектом цели. На этом уровне решаются задачи оптимального соматического достижения поставленной цели в заданной предметной среде. Таким образом, помимо пространственной ориентировки, в данной группе действий присутствует и ориентировка в смысловых и целевых характеристиках предметной среды. Человек должен приспособить метрические характеристики своего тела к оптимальной работе с заданной предметной средой для решения в движении к конечной цели своей деятельности. Поэтому нам следует говорить не о пространственной ориентации человека, а о *предметно-пространственной координации деятельности*.

На этом уровне происходит преобразование социальных смыслов и целей деятельности в личностный смысл; соотнесение, координация принятых субъектом личностных смыслов с внешними пространственными (метрическими) условиями и возможностями работы афферентных и эфферентных систем конкретного субъекта, настроенных на решение конкретной задачи.

Завершение этой фазы проявляется в:

- *фиксации направленности* сенсорных и соматических систем на профессионально доминирующий элемент рабочего места, завершающей фазу ориентации. Это может быть выражено вектором, отражающим эту связь;
- *фиксации скалярной величины* этого вектора, отражающей расстояние от доминантного рецептора до источника доминирующего сенсорного сигнала — локализации тела в пространстве, завершающей фазу ориентации.

Физиологически возникновение фазы локализации обусловлено еще одной особенностью работы уровня А. Как отмечает Н.А. Бернштейн, стабильность его работы связана с обеспечением минимально возможного изменения положения головы и плечевого пояса в пространстве [2].

Психологический анализ выявленных фаз позволяет утверждать, что минимальная подвижность головы и плечевого пояса может быть обеспечена лишь при локализации афферентных систем относительно профессионально доминирующих элементов рабочего места, в которых предметно выражается проблемная ситуация — цели деятельности на данном уровне построения движения. Таким образом,

выявление в процессе овладения профессиональной предметной средой психологически доминантных элементов деятельности позволяет координировать взаимодействие в работе физиологических, психологических и соматических систем организма.

Психологическое содержание фазы ориентировки не вызывает сомнений. Какое же психологическое содержание имеет фаза локализации?

Если мы вспомним, что в процессе выполнения исполнительных действий фаза локализации субъекта не претерпевает изменений в течение всего выполнения деятельности, служит исходной точкой для наиболее значимой в цикле деятельности операции, то можно с высокой степенью уверенности назвать ее *установкой на цель* в процессе реализации исполнительной деятельности.

При этом становится очевидным феномен затухания ориентировочной деятельности в процессе решения тех или иных двигательных задач в предметной среде. Завершенная ориентировочно-исследовательская деятельность переходит в установку на решение этой предметной задачи.

Однако две рассмотренные фазы движения не полностью охватывают механизм, связанный «с **интересами и качеством решения**» стоящей перед человеком двигательной задачи выявления и развертывания двигательного состава действий. Остается не определенным место и смысл всем известного феномена принятия рабочей позы. До сего времени этот феномен выступает единственным механизмом, связывающим двигательную активность человека с предметно-пространственной средой.

В существующих традициях этот феномен рассматривался как фаза подготовки к движению, постуральная модель и т. п. Однако конструктивных, органических связей, которые бы не только объясняли *post factum* негативную роль той или иной позы, но и позволяли бы прогнозировать ее заранее, в литературе нет.

В нашем подходе формирование рабочей позы органически сочетается и вытекает из первых двух фаз. Действительно, обращаясь снова к деятельности намотчиц, мы видим, что, решая профессиональные задачи, им приходится взаимодействовать, помимо планшайбы, еще с целым рядом органов управления и средств контроля. Наличие дополнительных профессионально важных элементов рабочего места и определяет формирование разнообразных проявлений рабочих поз у намотчиц. Это третья фаза адаптации к предметной среде связана с изменением конфигурации тела и осуществляется на уровне синергий — уровне В. Она обеспечивает минимальную вариативность (т. е. высокую кучность) прежде всего *позы*, рисунка суставных углов, формы траекторий и скорости движения по ним. Таким образом, поза выступает механизмом соматического приспособления к решению

конкретных двигательных *задач* в процессе профессиональной деятельности в заданной предметной среде. Мы можем рассматривать принятие той или иной рабочей позы как психологическую установку на решение стоящих перед профессионалом двигательных задач в заданном предметно-пространственном окружении.

Выводы и заключение

Подводя итоги вышесказанному, мы можем отметить, что

- взаимодействие человека с профессиональной предметной средой носит более сложный характер, чем это отражено в большинстве работ, изучающих двигательную активность человека;
- построение двигательного действия и осуществление исполнительской деятельности реализуется в две стадии — стадия адаптации к конкретному предметно-пространственному окружению, которая имеет сложное строение и богатое психологическое и физиологическое содержание и стадии собственно исполнительского движения;
- стадия подготовки к реализации профессионального исполнительского действия в предметной среде состоит из трех фаз:
- фазы соматической и сенсорной ориентации в предметно-пространственном окружении, направленной на выделение проблемных (профессионально важных) элементов предметной среды для формирования оптимальных предметно-пространственных связей, основанных на функционировании потребностно-мотивационной сферы, с соматическими и двигательными возможностями человека;
- фазы соматической локализации в предметно-пространственном окружении рабочего места относительно профессионально доминирующего элемента рабочего места. Она обеспечивает оптимальное преобразование в конкретных условиях заданных социального смысла и целей деятельности в личностный смысл. Этим обеспечивается использование тела работника для реализации соматической связи внешних и внутренних условий деятельности, отражается осуществляемая в заданном предметно-пространственном окружении соматическая установка на цель;
- фазы принятия основной рабочей позы, отражающей установку на задачу в конкретных предметно-пространственных условиях. Она направлена на обеспечение решения дополнительных задач по выполнению исполнительских действий;

- Существование этих трех фаз неразрывно вытекает друг из друга. С одной стороны, локализация выступает завершающим этапом ориентировочно-исследовательской деятельности, фиксируя тело относительно определенного элемента предметной среды, отражая переход от ориентировки к установке на цель. С другой стороны, она выступает в качестве исходной позиции для фазы принятия рабочей позы, которая реализует установку на задачу;
- поза выступает в качестве исходного момента для выполнения следующей стадии — стадии построения собственно исполнительного движения, стадии «закрепления и стабилизации двигательного состава действия, т. е. с интересами и качеством протекания самого движения» (Бернштейн);
- фазы имеют не только физиологическую и психологическую наполненность, но и могут быть количественно оценены и отображены в пространственной системе координат;
- включение стадии адаптации в цикл изучения и проектирования профессиональной двигательной активности человека наравне с исполнительностью позволяет более конструктивно и обоснованно решать проблемы организации предметной среды профессиональной и других видов деятельности.

Литература

1. Амар Ж. Человеческая машина. М.-Л.: ГИ, 1926.
2. Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений. Москва-Воронеж, 1997.
3. Джемс Уильям. Психология, СПб., 1898.
4. Запорожец А.В. Развитие произвольных движений. М., 1960.
5. Рамачарака. Хатха-йога. Философия физического благополучия. М., 2003.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 2-е изд. М., 1946.
7. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. Собр. соч.: В 2 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 1.
8. Чернышева О.Н. Психологический анализ предметно-пространственной структуры рабочего места и особенностей рабочих движений. Дис. ... канд. психол. наук. М., 1987.
9. Чернышева О.Н. Векторно-координатный метод оценки рабочих мест // Спецпрактикум по инженерной психологии / Под ред. Ю.К. Стрелкова. М.: Изд-во АСАДЕМІА, 2003.
10. Чернышева О.Н. Психоморфология профессиональной предметной среды // Ежегодник Российского психологического общества. Специальный выпуск. Январь. М.: Изд-во Эслан, 2005. Т. 2. С. 385–388.
11. The body at work. Edited by W.T. Singleton, Cambridge University Press. Cambridge, London, New York. New Rochelle Melburn, Sydney, 1986.

РАЗДЕЛ 5.
Адаптация человека
к экстремальным условиям
деятельности

Социально-психологические аспекты профессиональной адаптации в стрессогенных условиях деятельности¹

Г.Ю. Крылова, Л.Г. Дикая

Актуальность исследования фундаментальных закономерностей профессиональной и социальной активности субъекта труда обусловлена значительными изменениями в профессиональном пространстве, которое подверглось стрессогенному воздействию широкого спектра социо-технологических и социо-экономических изменений, включая изменения, вызванные глобализационными процессами. К ним можно отнести: рост потенциально опасных технологий; широкое использование информационных и коммуникационных технологий в трудовой деятельности; усложнение содержания профессиональной деятельности, появление новых видов профессиональной деятельности, требующих новых умений и навыков работы; рост числа профессионалов, деятельность которых осуществляется в чрезвычайных обстоятельствах, опасных для их жизни и жизни окружающих. Все эти изменения предъявляют новые требования к личности профессионала, диктуют новые стили и правила работы; приводят к трансформации социальных функций профессионала и инверсии его ценностных ориентаций; возрастанию рассогласования между социальной и профессиональной идентичностью профессионалов. Это вызывает появление новых социо-психологических и психофизиологических факторов профессионального стресса и, как следствие, возрастание несоответствия между адаптационными возможностями субъекта профессиональной деятельности и требованиями к нему со стороны профессиональной среды.

Анализ *современного состояния разработанности* моделей и детерминант развития адаптации свидетельствует о множественности имеющихся тенденций и концепций, созданных для объяснения и диагностики адаптационных процессов в организме, поведении, профессиональной деятельности.

Разработаны и продолжают свое совершенствование многие отечественные концепции соотношения адаптации и развития професси-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-06-06247а.

анализа. На психофизиологическом уровне исследования адаптации в трудовой деятельности содержат анализ механизмов адаптации на уровне организма, психологические исследования направлены на изучение психологических механизмов и детерминант, способствующих адаптации, изменений в структуре профессиональных действий или на анализ отдельных операций на уровне индивида, практически не учитывая социально-психологический и организационный контекст деятельности. Однако до сих пор нет комплексной и непротиворечивой концепции, связывающей все эти уровни адаптации. Общенаучную методологию нашего исследования определили полисистемный и субъектно-деятельностный подходы и представленные в этих подходах и принципы изучения сложных социальных объектов: системности, детерминизма, единства сознания и деятельности, развития [18]. Это позволяет изучать адаптацию как целостное явление, выявлять специфику процессов, происходящих при инициации, развитии и воздействии на адаптивные свойства и стратегии адаптации работников, групп [подразделений] и организаций из разных профессиональных областей.

Как известно, адаптация профессионалов проявляется в деятельности и развивается под влиянием большого числа факторов, конфигурирующих этот процесс. В процессе профессионального роста содержание требований к профессионалу изменяется: увеличиваются требования к одним компонентам адаптации и снижаются к другим, изменяются представления специалистов о квалификационных требованиях к их должности, изменяется их отношение к этим требованиям как стрессогенным, происходит изменение ценностей, мотивов и других характеристик личности. Особенно явно эти феномены проявляются в экстремальных условиях деятельности.

Если в исследованиях адаптации в отношении операторских профессий, начиная с 1970-х годов и по настоящее время, достигнуты значительные результаты по психодиагностике адаптации, подготовке и поддержанию деятельности профессионалов в экстремальных условиях и состояниях стресса, то для специалистов социномических профессий, действующих в таких же условиях, подобные психологические исследования начаты только в последние годы [4, 5, 6, 11, 12, 16, 21 и др.].

В основу нашего исследования были положены теоретические представления о профессиональной адаптации в социномических профессиях как процессе взаимодействия личности или социальной группы с социальной средой, в ходе которого согласовываются требования и ожидания его участников. В этих профессиях в процессе адаптации, как со стороны профессиональной среды, так и со стороны профессионала происходит формирование новых требований, «с запасом» превышающих исходные возможности конкретной ситуации. Данный процесс назван В. А. Петровским [25] «надситуативной адаптивной активностью»

личности, которая имеет место там и тогда, где и когда изменяются социальные условия жизни человека. В экстремальных условиях привычное поведение может оказаться малоэффективным или невозможным [22] и приводить к различным нарушениям, которые могут затрагивать разные стороны трудового процесса: профессиональную деятельность, личность профессионала, профессиональное общение.

Поэтому *основная цель настоящего исследования* состояла в выявлении основных тенденций в изменении соотношения внешних и внутренних факторов профессиональной деятельности, определяющих течение процесса адаптации и профессионального становления специалистов – представителей социоэкономической профессии.

В нашей работе динамика профессиональной адаптации определялась не только эффективностью профессиональной деятельности и психическим состоянием работающих, но и изменением содержания и числа факторов профессиональной среды, субъективно воспринимаемых как стрессогенных. Мы предполагали, что в процессе адаптации к профессиональной деятельности в особых и экстремальных условиях происходит изменение субъективного отношения к факторам профессиональной среды, которое отражает динамику профессионализации. И на основе анализа этих факторов можно выделить этапы профессиональной адаптации, качественно различающиеся по структуре факторов, субъективно воспринимаемых как стрессогенных, специфике конфликтных ситуаций и доминированию личностных качеств субъекта труда.

Для проверки выдвинутой гипотезы, выполнения цели и задач были проведены *эмпирические исследования* на примере деятельности младших инспекторов уголовной исполнительской системы (УИС). Выбор в качестве объекта данной профессиональной группы обусловлен, во-первых, тем, что на фоне сложных социально-экономических изменений профессиональная деятельность сотрудников УИС становится все более напряженной и стрессогенной, обусловленной постоянным ожиданием опасных столкновений с осужденными. Это приводит к высокой текучести кадров исправительных учреждений (особенно на первом году службы сотрудников), постоянному увеличению дефицита новых сотрудников, высоким показателям дисциплинарных нарушений и злоупотреблений служебным положением. Одновременно с этим снижаются профессиональные качества кадрового состава. Все это резко увеличивает требования к профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС).

Во-вторых, данная профессия относится к классу тех социоэкономических профессий, для работы в которых этап профессиональной подготовки и обучения не обязателен, и поэтому знакомство с профессиональными функциями и становление профессиональных навыков происходит в процессе работы.

В-третьих, профессиональная адаптация и профессиональное становление сотрудников УИС не нашли достаточного отражения в научной психологической литературе: не достаточно изучены и факторы, влияющие на эти процессы, не определены особенности влияния профессиональной деятельности на личность сотрудника. Это объясняется тем, что длительное время условия работы сотрудников УИС не рассматривались как экстремальные, а также и из-за особенностей и закрытости структур УИС (в связи с режимностью). А исследования специфических особенностей функционирования коллективов сотрудников ОВД, УИС, проблем адаптации сотрудников-выпускников специализированных вузов к воспитательной деятельности в колонии, реальных организационных отношений в системах управления ОВД проводились преимущественно в рамках отечественной юридической педагогики и психологии.

В число факторов, влияющих на адаптацию специалистов социологического профиля, были включены факторы психофизической природы, условий и содержания профессиональной деятельности, личностные особенности субъекта труда, а также психосоциальные факторы — коммуникативные и межличностные отношения. Как известно, межличностные отношения выступают как субъективная социально-психологическая сторона профессиональной среды, характер которых оказывает воздействие на профессиональную адаптацию и профессионализацию [7, 12, 16, 24, 25, и др.].

Этапы и методы исследования. В исследовании принимали участие младшие инспектора (совокупная выборка составляла 121 человек), поскольку именно эта профессиональная группа в учреждениях УИС испытывает в своей деятельности наибольшее воздействие со стороны экстремальных факторов. Исследование проводилось **в несколько этапов и в различных ситуациях** (тестирование при профподборе, вступительные собеседования, наблюдения в процессе выполнения заданий и т. п.). На первом этапе был предпринят психологический анализ профессиональной деятельности младших инспекторов УИС учреждений различных типов. На втором этапе изучались стрессогенные факторы профессиональной среды, включая конфликтные ситуации, свойственные для работников этой сферы профессиональной деятельности. На третьем этапе определялось влияние этих факторов на успешность деятельности.

В работе для психологического изучения профессии были использованы **методы**, принятые в психологии труда: организационные (сравнительный, лонгитюдный, комплексный), эмпирические (изучение документации, наблюдения, опроса, трудовой, экспертный), методы обработки экспериментальных данных (качественные и количественные), интерпретационные методы. Психологическое обследование

проводилось в соответствии с требованиями максимальной краткости процедуры обследования, простоты и доступности содержания и информативности отдельных методик. Кроме того, принималась во внимание возможность использования того или иного метода в групповом обследовании. Это обусловило выбор следующих конкретных методов: модифицированный тест ММРІ — Мини-Мульг—вариант стандартизированного многофакторного метода исследования личности [32], тест смысложизненных ориентаций-СЖО [Д.А. Леонтьев, 1992], Цветовой тест Люшера [Л.Н. Собчик, 1999], опросники Басса-Дарки и К. Томаса и разработанные Г.Ю. Крыловой «Опросник значимости влияния стрессогенных факторов деятельности и «Опросник значимости конфликтных ситуаций профессиональной деятельности».

1. Исследование личностных и ситуационных детерминант в процессе профессионального становления сотрудников исправительных учреждений

Рассматривая в качестве основных показателей адаптации снижение числа и изменение содержания факторов и ситуаций деятельности, стрессогенных по субъективной оценке сотрудников, в начале исследования по данным опроса и анкетирования была проведена систематизация стрессогенных факторов (СФ), которые наиболее часто встречаются в их деятельности. Из всего списка факторов нами были выделены *4 группы факторов, детерминирующих* риск развития профессиональной дезадаптации сотрудников (таблица 1).

Из них наибольшее воздействие на деятельность и психо-эмоциональное состояние всех сотрудников (независимо от стажа службы и успешности) оказывают *экономико-правовые факторы*, такие, как низкая зарплата, несовершенство нормативных актов, и *деятельностно-психологические* — беспокойный характер работы, большое количество обязанностей и близкие к ним по значимости *профессионально-средовые* — низкая техническая оснащенность, особые санитарные условия (рисунок 1).

1.1. На следующем этапе все сотрудники — младшие инспектора (МИ) — были разделены на две группы: младшие, начинающие сотрудники со стажем работы до 3-х лет (М МИ) и старшие, уже опытные сотрудники со стажем работы больше 3-х лет (С МИ).

Средние оценки значимости влияния большинства этих факторов в группе М МИ были выше по сравнению со старшими сотрудниками, что может объясняться, во-первых, более интенсивным переживанием ими психологических проблем, а во-вторых, большей (пока еще) открытостью молодых сотрудников, потому что они считают возможным для себя быть искренними и открыто обсуждать свои мнения, взгляды, переживания (рисунок 2).

Таблица 1.

Стрессогенные факторы в деятельности сотрудников УИС

№ п/п	Блоки факторов	Факторы
1	Экономико-правовой	1. Недостаточное денежное вознаграждение за работу
		2. Несовершенство нормативных актов
		3. Невыполнение социальных гарантий
2	Профессионально-средовой	4. Низкая техническая оснащенность
		5. Особые санитарные условия
		6. Опасность инфицирования
		7. Закрытое пространство
3	Деятельностно-психологический	8. Беспокойный характер работы
		9. Противоречия в деятельности
		10. Необходимость принятия быстрого решения
		11. Наличие нештатных ситуаций
		12. Многоплановость профессиональной деятельности
		13. Недостаточная профессиональная подготовка
		14. Противоречивые требования руководства
		15. Риск в общении с осужденными
4	Коммуникативно-оценочный	16. Недооценка руководством
		17. Напряженность во взаимоотношениях с сотрудниками
		18. Напряженность во взаимоотношениях с осужденными
		19. Напряженность во взаимоотношениях с руководством
		20. Дефицит времени для семьи

Распределение средней частоты встречаемости СФ

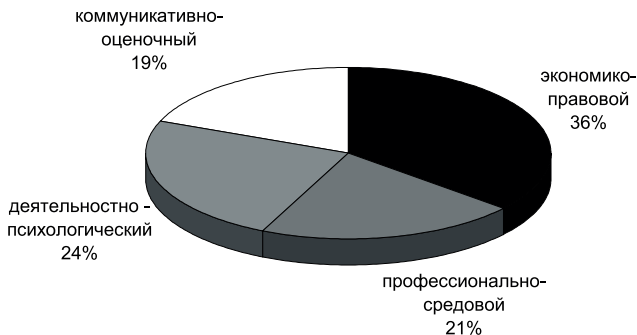

Рис. 1. Процентное распределение факторов риска психологической дезадаптации сотрудников УИС по 4-м группам.

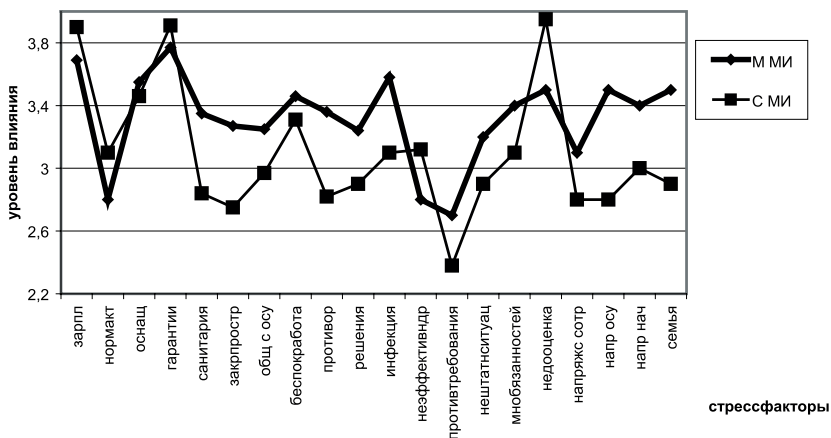

Рис. 2. Субъективная значимость влияния стрессогенных факторов на сотрудников групп М МИ и С МИ.

К группе факторов, личная значимость влияния которых была выше у М МИ, относятся: социальные («санитарные условия», «закрытое пространство» при $p < 0,01$); профессионально-психологические («риск при общении с осужденными», «противоречия в деятельности», «необходимость быстрого принятия решения», «наличие нештатных ситуаций», «противоречивые требования начальства» при $p < 0,05$, «опасность инфицирования» при $p < 0,01$); социо-психолого-педагогические («напряженные отношения с сотрудниками», «напряженные отношения с начальством» при $p < 0,05$, «дефицит времени для семьи», «напряженные отношения с осужденными» при $p < 0,01$). Для группы М МИ именно эти факторы определяют повышение нервно-психической, эмоциональной и интеллектуальной напряженности.

Со временем, с увеличением стажа работы отношение сотрудников к факторам, повышающим риск профессиональной дезадаптации, изменяется. В группе С МИ значительно выше по средним значениям (при $p < 0,05$) становится влияние таких факторов, как «несовершенство нормативных актов», «недостаточная профессиональная подготовка сотрудников» (других), «недооценка деятельности МИ руководством». Уровень влияния факторов «низкая зарплата» и «невыполнение социальных гарантий» также у них повышается, хотя различия в этом случае не достигают уровня статистической достоверности.

У старших сотрудников прослеживается тенденция к большей откровенности, когда речь идет о влиянии факторов, относящихся к совершенно очевидным, не требующим признания их личной уязвимости, необходимости самораскрытия, не «нарушающим» их личные

границы, например, к факторам экономико-правового блока. У этих опытных сотрудников актуализируется активность в направлении улучшения условий и содержания профессиональной деятельности, возникает стремление изменить нормативные акты в сторону большей определенности ситуаций деятельности, больших полномочий для сотрудников, возможно, в сторону ужесточения правил содержания осужденных в исправительных учреждениях.

Обращает на себя внимание и тот факт, что старшие сотрудники достаточно низко оценивают влияние фактора «дефицит времени для семьи». Сотрудник либо не стремится в семью (из-за конфликтов, по другим причинам), либо считает, что уделяет ей и так достаточно времени. Эти изменения в структуре СФ характеризуют начало формирования у старших и наиболее опытных сотрудников потребности в подтверждении социальной, общественной значимости их труда и его оценки со стороны руководства и государства.

В целом в восприятии стрессовых факторов младшими и опытными сотрудниками существуют значимые различия (по 15 факторам из 20). Для младших сотрудников более стрессогенными являются условия профессиональной среды, а также факторы социально-психолого-педагогического (50% СФ), профессионально-психологического (33% СФ) и социального блока (17% СФ).

Результаты статистического анализа представлены в таблице, в которой приводятся данные, подтверждающие гипотезу об отсутствии статистически значимых различий.

Для определения факторов, оказывающих наибольшее влияние на успешность адаптации, по данным экспертной оценки и самооценки были выделены 2 подгруппы: более и менее успешных сотрудников.

1. 2. В процессе анализа влияния СФ на успешность деятельности сотрудников было выявлено, что для всех неуспешных сотрудников, независимо от стажа работы, более важными являются подтверждение значимости их работы и оценка профессионализма со стороны руководства (сотрудники выделяют значимость фактора «недооценка деятельности»), т. е. для них выше личностная значимость тех стресс-факторов, которые относятся к социально-психологическим условиям профессиональной среды (рисунок 3).

Для младших неуспешных сотрудников характерна взаимосвязь успешности с СФ, относящимися к деятельности: наличие нештатных ситуаций, восприятие характера своей служебной деятельности как непрерывного и беспокойного. Кроме того, отрицательное влияние на них оказывают факторы условий деятельности: «опасность инфицирования», «работа в закрытом пространстве» Нештатные ситуации могут вызывать у сотрудников со сниженной толерантностью к стрессу состояние психической дезадаптации разной степени выраженности, выра-

Таблица 2.

Сравнение показателей влияния СФ на сотрудников групп М МИ и С МИ

	Группа М МИ	Группа С МИ
Критерий Манна-Уитни		
Критические значения U		U=1434 U=1307
Экономико-правовые	H0	H1 при p < = 0,05 H1 при p < = 0,01
1. Денежное вознаграждение	*	
2. Нормативные акты		1367
Профессиональная среда		
3. Техническое оснащение	*	
4. Социальные гарантии	*	
5. Санитарные условия		1128,5
6. Закрытое пространство		1157
Профессионально-психологические		
7. Риск в общении с осужденными		1398,5
8. Беспокойный характер работы	*	
9. Противоречия в деятельности		1394,5
10. Необходимость быстрого решения		1430
11. Опасность инфицирования		1148
12. Недостаточная подготовка и др.		1319
13. Противоречивые требования начальства		1214,5
14. Наличие нештатных ситуаций		1110
15. Много обязанностей	*	
Социально-психологические		
16. Недооценка руководством		1375
17. Взаимоотношения с сотрудниками		1417,5
18. Отношения с осужденными		1428
19. Отношения с начальством		1338,5
20. Время для семьи		1187

жающееся в неадекватных формах реагирования на «нештатные ситуации» при выполнении ими своих профессиональных обязанностей.

Чем большее влияние этих факторов ощущают неуспешные младшие сотрудники, тем ниже их оценки по различным параметрам успешности (за исключением дисциплинированности), в то время как в группе успешных младших сотрудников даже высокие оценки стрессогенного влияния факторов профессиональной среды обнаруживают прямую корреляцию с высокой адаптивностью и дисциплинированностью.

На неуспешных старших сотрудников большее влияние оказывают факторы экономико-правового характера, недостаточно, по их мне-

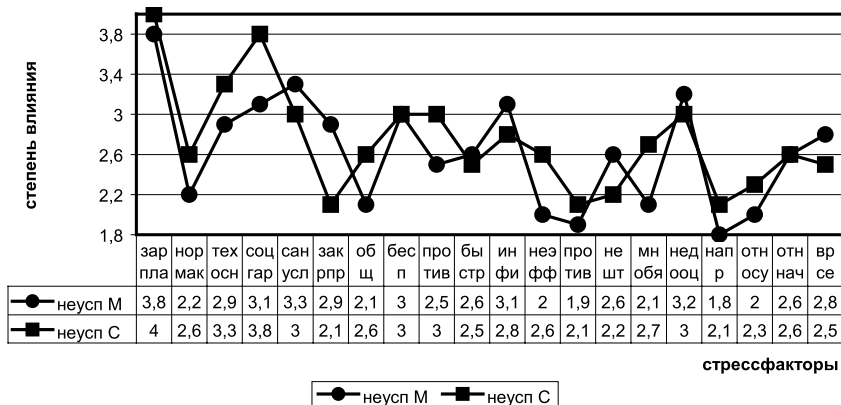

Рис. 3. Влияние СФ на неуспешных сотрудников групп М и С МИ.

нию, разработанные нормативные акты, невыполнение социальных гарантий, низкая зарплата. Они более высоко оценивают напряженность в своих отношениях с осужденными, с другими сотрудниками; считают, что многие работают не так эффективно, как необходимо, более, чем младшие, ощущают влияние большого количества должностных обязанностей. В то же время на них в меньшей степени действует фактор дефицита времени для семьи.

При проведении регрессионного анализа было выяснено, что именно в группе **неуспешных старших сотрудников** показатель успешности отрицательно коррелирует с наибольшим количеством СФ: в первую очередь таких, как большое количество обязанностей, противоречия в деятельности, противоречивые требования начальства, наличие нештатных ситуаций. У них снижается дисциплинированность, субъективная удовлетворенность, ощущение отсутствия перспектив роста, повышается частота заболеваний.

В группах **успешных** сотрудников (рисунок 4) статистически значимыми ($p < 0,05$) между старшими и младшими являются различия в оценке влияния 5 факторов, по 4 из которых личностная значимость выше у успешных М МИ. К ним относятся: «санитарные условия», «риск в общении с осужденными», «противоречия в деятельности», «напряженные отношения с начальством». Можно предположить, что сотрудники этой группы более вдумчиво относятся к деятельности, более восприимчивы к противоречиям, осознают риск профессии. В группе успешных С МИ значимо выше среднее значение по влиянию фактора «недооценка деятельности сотрудника со стороны руководства». Зная, что они «выкладываются» на работе, С МИ ждут поддержки, высокой оценки со стороны руководства, как морального вознаграждения за затраченные усилия.

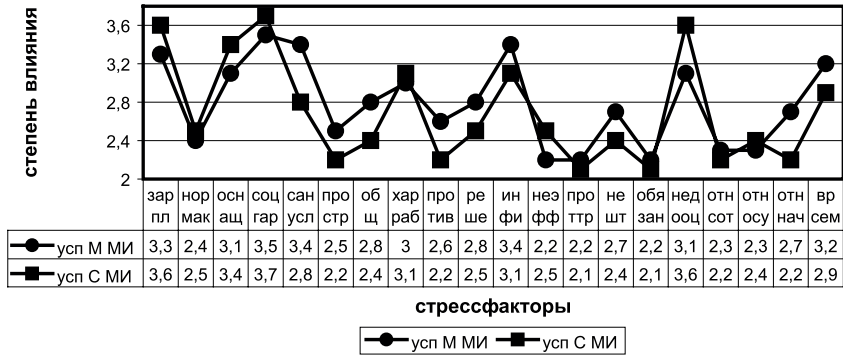

Рис.4. Влияние СФ на успешных сотрудников групп М и С МИ.

В данной группе сотрудников выявляется прямая корреляция СФ с дисциплинированностью и обратная — с субъективной удовлетворенностью и адаптивностью. Для С МИ особенно сильным является влияние таких факторов, как противоречивость требований и напряженные отношения с начальством, несовершенство нормативных актов, дефицит времени для семьи. Высокие оценки значимости СФ деятельности имеют в данном случае обратную связь с субъективной удовлетворенностью деятельностью.

В целом на младших успешных сотрудников, по сравнению с успешными старшими сотрудниками, стрессогенные факторы оказывают более сильное воздействие, следовательно, они больше подвержены риску дезадаптации. Это проявляется в обезличивании подчиненных или осужденных, в равнодушном отношении к многочисленным ситуациям и происшествиям на работе, в возникновении беспричинных межличностных и профессиональных конфликтов. Поэтому в своей деятельности успешные младшие сотрудники проявляют формы агрессивного поведения, они более социабельны, импульсивны, демонстративны по сравнению с неуспешными, и в целом у них преобладает активно-оборонительная позиция. Они больше доверяют жизненным обстоятельствам, принимают профессиональную среду, отличаются осознанностью в выборе профессии, целеустремленностью.

Анализируя средние значения показателей по опроснику СФ для групп успешных и неуспешных МИ, мы видим, что практически идентичны для всех сотрудников оценки влияния таких факторов, как беспокойный характер работы, неисполнение социальных гарантий государством, опасность инфицирования (в меньшей степени характерно для неуспешных С), недооценка со стороны руководства (особенно для успешных С МИ).

Отметим, что успешные сотрудники, по сравнению с неуспеш-

ным, более осознают дефицит времени для семьи, особенно младшие, которые испытывают выраженный дискомфорт из-за дефицита времени, которое могут уделить семье, что свидетельствует об их теплых семейных отношениях. В целом на успешных М МИ стрессфакторы оказывают более сильное воздействие, и они больше, по сравнению с успешными С МИ, подвержены риску дезадаптации.

Можно предположить, что такая многомерность труда младшего инспектора, включающая в себя различные аспекты: психологические, социальные, правовые — может вызывать состояния выраженной фрустрации из-за невозможности глубокого усвоения необходимых знаний, чувства неуверенности, неудовлетворенности собой.

Все это позволило нам определить *этап профессиональной адаптации у сотрудников ИСУ со стажем до 3-х лет как этап вхождения в профессию, приспособления к условиям и содержанию профессиональной деятельности, а период после 3-х лет работы — социально-психологическим этапом адаптации, на котором происходит становление социально-психологических и коммуникативных качеств профессионала.*

2. Особенности профессиональных и межличностных конфликтов у младших и опытных сотрудников уголовно-исполнительной системы

Вторым критерием, подтверждающим выделение в процессе адаптации двух качественно различающихся этапов, является содержание и отношение сотрудников к конфликтным ситуациям, возникающим в процессе их деятельности. Именно в них проявляются не прогнозируемые по источнику опасности и длительности воздействия факторы, оказывающие стрессогенное воздействие на их профессиональную деятельность, психоэмоциональное состояние и на адаптацию специалистов к профессиональной деятельности.

Из конфликтных ситуаций, входящих в эту группу, обычно выделяют ситуации, возникающие в отношениях с начальством и коллегами. Для инспекторов уголовной системы специфика межличностных отношений состоит в том, что им приходится выстраивать их не только с коллегами и начальством, но и с субъектами, имеющими высокую степень криминальной зараженности, свою субкультуру. Только с учетом многогранности профессиональных отношений можно говорить об их профессиональной адаптации для представителей этой и подобных ей профессий.

С целью более детального изучения факторов, вызывающих риск развития дезадаптивных процессов, были подробно проанализированы особенности профессиональных и межличностных конфликтов и факторов, их вызывающих, у младших и опытных сотрудников — инспекто-

ров уголовно-исполнительной системы. Особенности межличностных отношений младших инспекторов с разным стажем службы и разным уровнем успешности их деятельности изучались нами с помощью специально разработанного «Опросника значимости конфликтных ситуаций», который состоит из списка наиболее часто встречающихся типов конфликтных ситуаций в деятельности сотрудников исправительных учреждений. Всего опросник содержит 69 ситуаций, относящихся к различным видам межличностных отношений: «начальник—сотрудник», «сотрудник—сотрудник» и «осужденный—сотрудник».

Все конфликтные ситуации по проявлениям в поведении сотрудников были распределены по 12 типам «конфликтогенов», их вызывающих. Для 6 типов конфликтных ситуаций характерны более жесткие поведенческие проявления — превосходство, категоричность, обман, агрессивность, своекорыстие, перебивание, для других 6 типов — более мягкие акты поведения, к которым мы отнесли навязчивость, несоблюдение правил этикета, утаивание информации, снисходительность, перекладывание ответственности, просьбы об одолжении.

2.1. Конфликтные ситуации в межличностных отношениях «начальник—сотрудник»

Рассматривая конфликты между начальством и сотрудниками, следует сказать о стереотипе, существующем в силовых структурах: «начальник должен быть жестким, твердым, настойчивым». Согласно этому стереотипу начальник должен обладать такими характеристиками, как требовательность, настойчивость, категоричность, стремление «указывать», сочетающиеся в некоторых случаях с резким и грубым тоном ведения диалога. По мнению начальников, успешность и эффективность поведения вышестоящего сотрудника подразделения по отношению к нижестоящему обеспечивается позицией «над», проявлением твердости и жесткости [5]. К наиболее распространенным конфликтным ситуациям, отражающим затруднения в отношениях с начальством, все сотрудники относят ситуации проявления снисходительности и категоричности со стороны руководства. Этот стереотип наиболее ярко проявляется при сравнении сотрудников с разным стажем работы.

При этом значимые различия между младшими и старшими сотрудниками имеются только по 4 ситуациям. Как более конфликтные (при $p < 0,01$), старшие сотрудники оценивают ситуации проявления со стороны начальника превосходства, категоричности, снисходительности, утаивания информации, несоблюдения этических норм. Резкое негативное отношение их к ситуации проявления превосходства со стороны начальства, возможно, является ответной реакцией на стереотипные представления о начальнике, о чем упоминалось выше.

Было выявлено, что для группы младших сотрудников с небольшим

стажем службы наиболее конфликтными в отношениях с начальством являются ситуации обмана и утаивания, проявления корысти со стороны начальника, в то же время ситуации проявления со стороны начальства превосходства воспринимаются ими как менее конфликтные (при $p < 0,05$). На восприятие младшими сотрудниками как конфликтных ситуаций обмана и дезинформации со стороны начальства влияют следующие факторы, относящиеся к деятельности: беспокойный характер работы, наличие нестандартных ситуаций, много обязанностей, эмоциональная напряженность в отношениях с начальством. Одновременно снижается критичное восприятие низкой технической оснащенности рабочего места.

На восприятие ситуации обмана как конфликтной старшими сотрудниками влияют другие СФ или те же, но с другим знаком. Более значимыми в развитии конфликта в ситуации обмана оказывается фактор низкой заработной платы, необходимость оперативного принятия решений, а влияние несовершенства нормативных актов и напряженных отношений с осужденными становится менее значимыми. Таким образом, в обеих группах на восприятие ситуации обмана как конфликтной влияют несовершенство нормативных актов и напряженные отношения с осужденными.

Анализ различий в восприятии конфликтных ситуаций с начальством у более и менее успешных сотрудников показал, что более успешными сотрудниками как конфликтные во взаимоотношениях с начальством воспринимаются ситуации обмана и просьб об одолжении, менее успешными — ситуации перекалывания ответственности и проявления корысти (рисунок 5). Статистически значимой в отношениях с начальством для менее успешных сотрудников является ситуация проявления снисходительности и категоричности со стороны начальства (при $p < 0,05$).

В целом необходимо отметить, что профиль значимости конфликтных ситуаций во взаимоотношениях с начальством у менее успешных сотрудников выше, чем у старших, что свидетельствует об их большей «уязвимости» в этих взаимоотношениях, возможно, из-за неадекватной самооценки. Наиболее типичным проявлением в реакциях МИ на анализируемые конфликтные ситуации с начальством является отношенческий аспект: безразличие и равнодушие (47% в группе старших и 52% в группе младших). За этим, вероятно, скрывается осознание невозможности по-настоящему повлиять на ситуацию, изменить ход событий. Такой тип реагирования может быть связан и с особенностями службы — необходимостью соблюдения субординации. Другие реакции в подобных конфликтных ситуациях встречаются реже.

Если оценивать проявления адаптации по отношению старших сотрудников к конкретным ситуациям и по реакциям на них, то можно выявить следующие изменения:

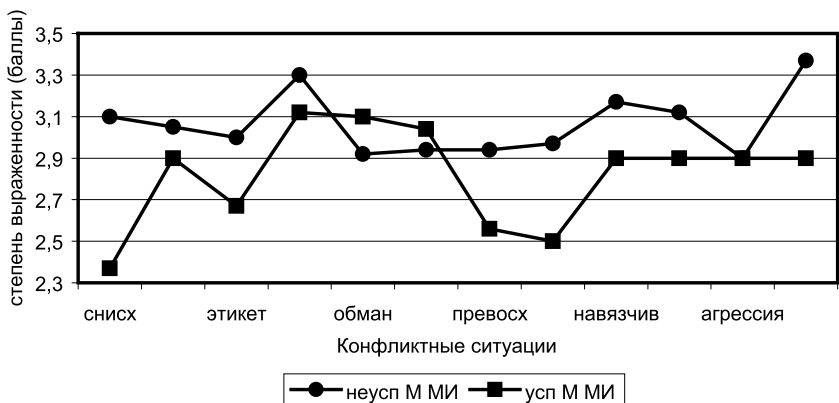

Рис. 5. Конфликтные ситуации «начальник—сотрудник» в группах успешных и неуспешных М МИ.

- в когнитивном компоненте — жесткое обозначение своей позиции, чаще проявляется у С МИ при проявлении навязчивости (39%) и превосходства (43%), а в группе М МИ — при проявлении навязчивости (70%) и снисходительности (60%).

Более эмоционально реагируют С МИ в ситуациях утаивания информации (37%) и обмана (35%), а М МИ — при просьбе об одолжении (40%).

2.2. Конфликтные ситуации в межличностных отношениях «сотрудник—сотрудник»

Конфликты в отношениях «сотрудник—сотрудник» чаще всего происходят при проявлении агрессии, своекорыстия и эгоизма, утаивании информации (рисунок 6). Но профили значимости конфликтных ситуаций для младших и старших сотрудников имеют определенные отличия (достоверные по шести ситуациям).

Младшие сотрудники в начале своей работы в целом более «тонко», чувствительно реагируют на взаимоотношения в коллективе, на отношение к себе как к личности, что может быть связано с поиском своего места и роли в коллективе. На восприятие ситуаций как конфликтных усугубляющее действие оказывают такие факторы, как риск общения с осужденными, беспокойный характер работы, наличие нештатных ситуаций, многообразие обязанностей, напряженные отношения с сотрудниками.

Наиболее конфликтными в группе старших сотрудников являются ситуации утаивания и проявления агрессии, в группе младших сотрудников — утаивания и перекладывания ответственности на них другими сотрудниками ($p < 0,01$), просьбы об одолжении со стороны

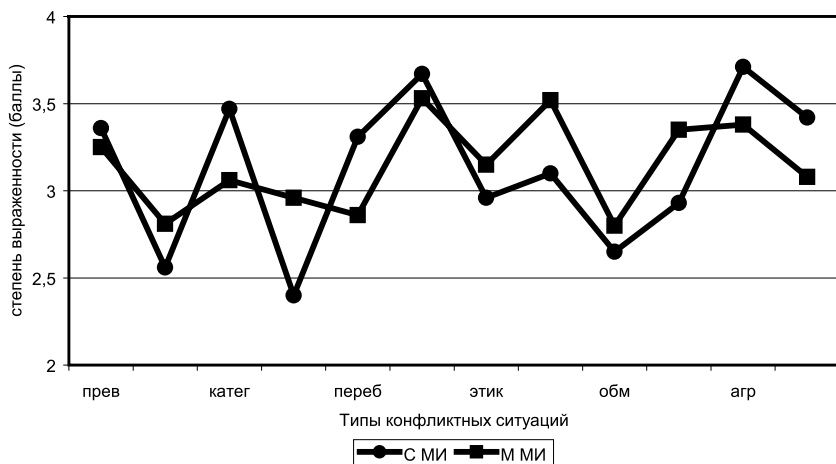

Рис. 6. Выраженность конфликтов «сотрудник—сотрудник» в группах М МИ и С МИ.

коллег, навязчивость ($p < 0,05$). Обратим внимание, что и в отношениях «сотрудник—начальник», и в отношениях «сотрудник—сотрудник» наиболее яркий конфликт связан с недостатком информированности (обман, утаивание информации).

Старшие сотрудники как более конфликтные определяют ситуации проявления со стороны других сотрудников перебивания ($p < 0,01$), категоричности и своекорыстия ($p < 0,05$). То есть, более значимыми для них оказываются ситуации, которые можно определить как более жесткие, связанные с попыткой других проявить давление (средние баллы также выше по ситуациям превосходства, утаивания, агрессии). Обратим внимание на то, что на ситуации, являющиеся наиболее конфликтными в отношении «сотрудник—сотрудник» для младших и старших сотрудников, влияют, наряду с другими, два одинаковых фактора профессиональной среды — это беспокойный характер работы и напряженные отношения с сотрудниками.

В восприятии конфликтных ситуаций «сотрудник—сотрудник» в группах успешных сотрудников с разным стажем работы статистически значимых различий не выявлено.

Для неуспешных младших сотрудников на первом этапе адаптации более значимы ситуации снисходительности, несоблюдения правил этикета (при $p < 0,01$), агрессии, перебивания (при $p < 0,05$), на этапе профессионального становления возрастает конфликтность в ситуации утаивания, проявления сотрудниками по отношению друг к другу превосходства и перекладывания ответственности. Для неуспешных С МИ более конфликтным кажутся проявления со стороны

сотрудников ситуации превосходства и перекалывания ответственности. Возможно, они не желают брать на себя ответственность за что бы то ни было, или им это кажется ненужным и сложным, они также не приемлют различного рода критику и указания от коллег, считая себя заслуживающими уважения профессионалами.

Наиболее типичная реакция в конфликтных ситуациях между сотрудниками — жесткое обозначение своей позиции (40% — С МИ, 45% — М МИ), т. к. оба участника конфликтной ситуации находятся на одной ступеньке иерархической лестницы, когда их активное вмешательство в ситуацию может ее изменить. Такое поведение чаще встречается в группе С МИ при проявлении навязчивости (53%), эгоизма и агрессивности (53 и 55% соответственно), при перекалывании ответственности (37%); в группе М МИ — при проявлении снисходительности (60%), при утаивании информации (40%), при проявлении своекорыстия (60%).

Это можно объяснить не только служебными взаимоотношениями, но в большей степени — личностными особенностями. Межличностный компонент (безразличие, равнодушие) в обеих группах проявляется чаще в ситуациях несоблюдения правил этикета, в случае обмана, при проявлении категоричности, снисходительности (только в группе С МИ), навязчивости и просьбы об одолжении (только в группе М МИ).

Эмоциональный компонент (эмоциональное выражение недовольства) у младших и старших сотрудников чаще всего проявляется при утаивании информации, при перекалывании ответственности, у старших он проявляется более ярко.

2.3. Конфликтные ситуации в межличностных отношениях «сотрудник—осужденный»

Конфликты между осужденными и младшими инспекторами наиболее часто возникают при утаивании осужденными информации, при проявлении ими превосходства или агрессии, обмане, перекалывании ответственности.

Профиль конфликтных отношений «осужденный—сотрудник» (рисунок 7) является более низким у С МИ, что объясняется их более спокойной, безразличной реакцией на осужденных в целом. Исключение составляет, как мы видим, отношение старших к ситуациям проявления превосходства и снисходительности, категоричности и агрессии ($p < 0,05$), задевающим личное достоинство сотрудника.

М МИ, напротив, как более конфликтные во взаимоотношениях с осужденным, расценивают ситуации, относящиеся к служебным, когда осужденный либо мешает им выполнять свои обязанности (навязчивость, перебивание — самый высокий средний балл — $p < 0,05$),

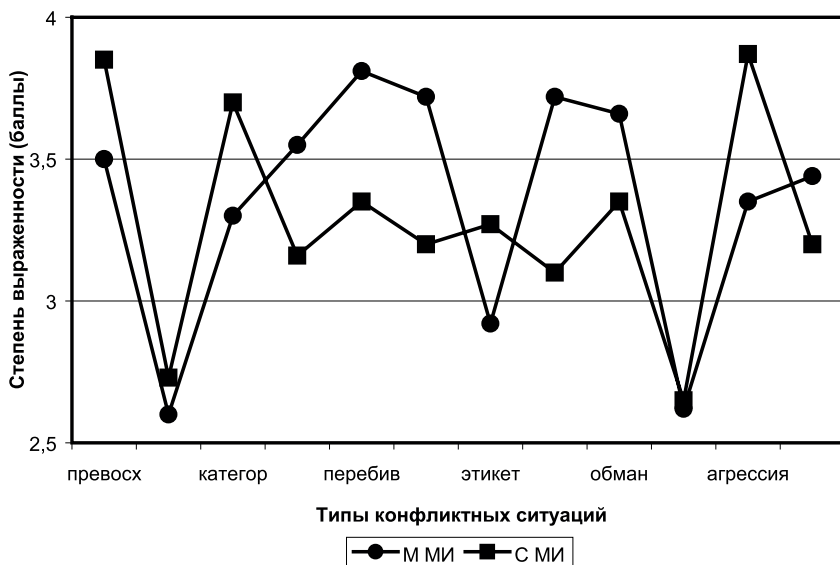

Рис. 7. Значимость конфликтных ситуаций «осужденный—сотрудник» для групп М МИ и С МИ.

либо скрывает, искажает какие-то факты (перекалывание ответственности, $p < 0,01$, обман, корысть).

Нами был включен в опросник конфликтных ситуаций пункт по ситуации «просьба об одолжении» с целью увидеть уровень оценки ее как конфликтной для МИ. Сотрудники не видят в просьбе об одолжении со стороны осужденного причин для особого беспокойства, не придают этой ситуации статуса конфликтной. Именно ситуации проявления снисходительности, навязчивости, мелких просьб об одолжении позже могут смениться угрозами и запугиванием.

На степень выраженности конфликтных ситуаций с осужденными у младших сотрудников значимое влияние оказывают такие факторы профессиональной среды, как низкая техоснащенность, многоплановость обязанностей, у старших сотрудников — влияние беспокойного характера работы, необходимость быстрого принятия решений, наличие нештатных ситуаций, опасность инфицирования, риск в общении с осужденными, а также напряженные отношения с начальством. Старшие и более опытные сотрудники в отношении с осужденными считают необходимым немедленно реагировать в основном в ситуациях жесткого противостояния (проявление превосходства, агрессии, категоричности).

Типичной реакцией МИ в обеих группах при конфликтной ситуации осужденный—сотрудник является жесткое отстаивание своей позиции — когнитивный компонент (64% — группа М, 55% — группа С).

Скорее всего, это происходит в связи с тем, что жесткая деловая реакция на действия, поступки осужденных входит в должностные обязанности МИ, обусловлена определенными властными полномочиями.

Отношенческий компонент проявляется в равнодушии, «бездеятельности» сотрудников обеих групп и чаще всего в ситуациях, когда осужденный проявляет по отношению к ним снисходительность (57% – группа С МИ, 65% – группа М МИ), своекорыстие, эгоизм (49% – группа С МИ, 60% – группа М МИ).

Успешные М МИ в восприятии конфликтных ситуаций «сотрудник–осужденный» как более конфликтные считают проявления категоричности, перебивание, проявление корысти; успешные С МИ – обман, категоричность, агрессия. Успешные С МИ чаще реагируют как на конфликтные, так и на ситуации проявления снисходительности, одолжения, обмана со стороны осужденных. Профиль восприятия ситуаций «осужденный–сотрудник» в целом выше в группе М МИ, что объясняется большей восприимчивостью к поведению осужденных, возможно, более строгим контролем (или его демонстрацией) за своей ролью в отношениях с осужденными в первые годы службы успешных М МИ.

В целом неуспешные М МИ как бы игнорируют любые проявления в отношениях со стороны осужденных, что может способствовать их виктимизации, с одной стороны, огрублению, нечувствительности – с другой. Неуспешные С МИ, напротив, слишком конфликтны в отношениях с осужденными (более конфликтными считают ситуации перекалывания ответственности, проявления категоричности, агрессии, корысти (при $p < 0,05$), что на практике может проявляться в написании рапортов на осужденных по любому поводу, неправомерному применению к ним каких-либо мер воздействия.

Сравнение оценок ситуаций по уровню конфликтности в группах младших и старших инспекторов подтверждает нашу гипотезу об изменениях межличностных отношений с увеличением стажа службы:

- в отношениях «сотрудник–начальник» профиль оценок ситуаций как конфликтных повышается со стажем службы, что может быть связано с повышением самооценки, представлениями о своей «опытности», особенности;
- в отношениях с сотрудниками в группе С МИ повышаются оценки конфликтности ситуаций, которые можно рассматривать как явное противостояние, где более выражена попытка давления на коллег для достижения цели;
- в отношениях сотрудника и осужденного С МИ считают конфликтными ситуации, затрагивающие их самоуважение и достоинство.

Перечисленные особенности поведения С МИ также могут рассматриваться в качестве механизмов приспособления к сложным ус-

ловиям деятельности. Настораживает тот факт, что у них проявляются некоторые признаки деперсонализации и стереотипного поведения, что со временем может привести к дезадаптивному поведению сотрудников.

Обсуждение результатов

Результаты психологического и социально-психологического исследования сотрудников уголовно-исполнительной системы показали, что полученные нами данные в целом укладываются в теоретически обоснованное пространство проблемы психической адаптации и профессионального становления лиц, занятых психоэмоциональной и напряженной деятельностью.

Выявлено, что факторы риска развития состояний психической дезадаптации, влияющие на процесс профессионального становления сотрудников, связаны не только с объективными операционно-техническими характеристиками трудового процесса и отражением последних в сознании работающих, но и со способностью субъектов труда использовать имеющиеся у него внутренние ресурсы для решения сложных проблемных ситуаций, с характером выбираемой стратегии в процессе адаптации к деятельности.

Что касается выделенных нами конкретных факторов, оказывающих непосредственное влияние на развитие состояний психической дезадаптации младших инспекторов УИС (недостаточное денежное вознаграждение, несоблюдение социальных гарантий, недооценка деятельности со стороны руководства, беспокойный характер работы, неудовлетворительные санитарные условия), то можно увидеть некоторые несоответствия в их ответах. Например, влияние постоянного риска при общении с осужденными на свое эмоциональное состояние часть сотрудников явно отрицает (этот фактор на 4 и 5 баллов оценили только 20% испытуемых), хотя риск вообще очень высок; достаточно низкая оценка влияния на эмоциональное состояние условий работы в закрытом пространстве при одновременно высоком общем показателе влияния фактора «санитарные условия»; при отрицательном влиянии на эмоциональное состояние риска общения с осужденными признается наличие угроз, словесных оскорблений, опасности заражения инфекционными заболеваниями со стороны спецконтингента, как следствие возникновения конфликтов с ними. Какие могут быть причины такого «отрицания» сотрудниками очевидного влияния данных факторов на их эмоциональное состояние и работу? Ведь обобщенный образ выбранной ими деятельности включает работу с осужденными в закрытом, ограниченном пространстве (будь то колония, тюрьма или СИЗО). Во-первых, возможно, сказывается

демонстрация «социальной желательности» данной профессии или, наоборот, закрытость, желание выглядеть ни от чего не зависящими, самостоятельно справляющимися со всеми трудностями (в возникновении которых им сложно признаться), успешными. Во-вторых, причина может скрываться в том, что обстоятельства, связанные с работой, вытесняются из сознания, образуя отрицательно заряженный эмоциональный комплекс, заставляющий избегать работы в мыслях и желаниях. Работы как бы не существует, они не хотят принимать ее в расчет. В этом случае мы, возможно, имеем дело с проявлением механизма защиты, направленного на устранение из сознания болезненных, травмирующих переживаний. Сотрудникам «легче» вытеснить негативное влияние каких-либо факторов, чем признать его.

Это подтверждает, что основные характеристики стресса в профессиональном становлении сотрудников УИС связаны с отражением особенностей организации трудового процесса в сознании работников, другими словами, с профессиональным самосознанием субъектов труда, обусловленным их индивидуально-личностными свойствами.

Анализ соотношения ситуационных, социально-психологических и личностных факторов в процессе профессионализации в данной социомической и экстремальной профессии (без предварительного профессионального обучения) позволил нам выделить два качественно различающихся этапа: этап вхождения в профессию как адаптацию к условиям и содержанию профессиональной деятельности и этап становления личности профессионала. По мере развития адаптационных процессов структура стрессогенных факторов, воздействующих на них, достоверно изменяется: на втором этапе снижается число факторов, относящихся к условиям деятельности, и возрастает роль социально-психологических факторов, связанных с самооценкой и отношением к деятельности, с оценкой их деятельности со стороны общества, начальства, с взаимоотношениями с начальством, коллегами, со спецконтингентом.

Нам кажется, что можно говорить о *механизме двойного действия* стрессогенных факторов на адаптацию и профессиональное становление специалиста. С одной стороны, они вызывают в состоянии и поведении активацию адаптационных процессов за счет снижения стрессогенности профессионально-средовых и деятельностно-психологических компонентов адаптации, с другой стороны, они оказывают на работников развивающее действие, вследствие активации социального (экономико-правового) и коммуникативно-оценочного компонентов. Становится очевидным, почему уже на первом этапе вхождения в профессию можно прогнозировать дальнейший карьерный рост специалиста.

Таким образом, синтез структур адаптации и профессионального становления личности в стрессогенных условиях профессиональной деятельности позволяет своевременно выявлять изменения в деятель-

ности, поведении, психическом состоянии профессионала, вызванные процессами приспособления, активности и развития.

В исследовательском плане этот подход может обеспечить методическую преемственность при разработке и реализации процедур изучения человека на различных этапах профессионального пути, включая готовность к деятельности, самостоятельную профессиональную деятельность, личностные и ситуационные детерминанты, определяющие профессиональное и личностное развитие.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегии жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды. В 2-х т. Т. 1. М.: Педагогика, 1980.
3. *Андреев Н.В.* Психологическое обеспечение деятельности сотрудников ОВД в экстремальных условиях. Учебно-методические материалы. М.: Академия управления МВД России, 1997. С. 21–26.
4. *Анциферова Л.И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал, 1991. № 1.
5. *Борисова Е.М., Логинова Г.П.* Индивидуальность и профессия. М., 1992.
6. *Буданов А.В.* Педагогика личной безопасности сотрудников органов внутренних дел. Учебно-методическое пособие. М.: Академия управления МВД России, 1996.
7. *Георгиева И.А.* Социально-психологические факторы адаптации личности в коллективе. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Л., 1986.
8. *Гранат Н.Л.* Деформация профессионального сознания личности работников правоохранительных органов и возможности ее профилактики // Проблемы действия права в новых исторических условиях. Труды Академии МВД РФ. М.: Академия МВД РФ, 1993. С.30–44.
9. *Дикая Л.Г.* Психическая саморегуляция функционального состояния человека. Изд-во ИП РАН. М., 2003. 318 с.
10. *Дмитриева М.А.* Психологические факторы профессиональной адаптации // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности. СПб., 1991. С. 43–60.
11. *Жмыриков А.Н.* Диагностика социально-психологической адаптированности личности в новых условиях деятельности и общения. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1989.
12. *Исмагилов Р.У.* Особенности вторичной социально-психологической адаптации рабочего. Дисс. ... канд. психол. наук. Л., 1981.
13. *Казначеев В.П.* Современные аспекты адаптации. Новосибирск: Наука, 1980. 190 с.
14. *Кользаева Н.Г.* Формирование адаптивных характеристик личности у студентов в начальный период обучения. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Л., 1989.
15. *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. М.: Наука, 1983.
16. *Кряжева И.К.* Социально-психологические факторы адаптированности рабочего на производстве // Прикладные проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1983. С. 203.

17. *Кухарева Т.А.* Адаптация молодых специалистов-инженеров. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Л., 1980.
18. *Лебедев В.В., Шамис А.В.* Профессиональная деформация у сотрудников ИТУ. Подход к проблеме и способы ее разрешения // Проблемы профилактики дезадаптации и профессиональной деформации у сотрудников ОВД // Сб. научн. трудов № 150. ВНИИ МВД России. М., 1993. С. 4–10.
19. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука. 1984. 444 С.
20. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл. 1999.
21. *Медведев В.С.* Профессиональная деформация сотрудников ИТУ: Анализ проблемы // Совершенствование воспитательной деятельности органов, исполняющих наказания. Сб. науч. трудов, Рязань. РВШ МВД РФ, 1993. С. 33–39.
22. *Моросанова В.И.* Стилевые особенности индивидуальной саморегуляции и личностные диспозиции человека // Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека / Под ред. В.И. Моросановой. Изд-во Психологический Институт РАО. М., 2006.
23. *Налчаджан А.А.* Социально-психологическая адаптация личности: формы, механизмы, стратегии. Ереван, 1988.
24. *Новиков Б.Д.* Психологические особенности возникновения профессиональных деформаций сотрудников исправительно-трудовых учреждений // Дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 1993.
25. *Овдей С.В.* Проблемы социально-психологической и профессиональной адаптации молодых учителей. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Л., 1978.
26. *Паткин А.И.* Психологические основы формирования отношений сотрудников ИТУ в процессе исполнения уголовного наказания. Рязань, 1984. 64 с.
27. *Петровский В.А.* К психологии активности личности // Вопросы психологии. № 3. 1975. С. 26–38.
28. Преступная деятельность американской полиции // Проблемы преступности в капиталистических странах, 1981. № 4. С. 3–6.
29. *Пономарева Е.А.* Формирование профессиональной психологии сотрудников специализированных подразделений по борьбе с организованной преступностью // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с организованной преступностью в России. Материалы научно-практической конференции. Вып. 1. М., 1994. С. 248–254.
30. *Раздобурдина Е.П.* Динамика психологического состояния сотрудников специальных подразделений МВД в процессе адаптации к условиям служебной деятельности. Автореф. дис. ... канд. психологических наук. Архангельск, 1999.
31. *Реан А.М.* Психологический анализ проблемы удовлетворенности избранной профессией // Вопросы психологии, 1988. № 1.
32. *Селин В.Ю.* Соотношение операциональных и личностных показателей, значимых для эффективности трудовой деятельности в условиях Крайнего Севера. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1990.
33. *Собчик Л.Н.* Введение в психологию индивидуальности. М., 1997.
34. *Шибутани Т.* Социальная психология / Пер. с англ. В.Б. Ольшанского. Ростов-на-Дону: Издательство Феникс, 1998. 544 с.
35. *Ядов В.А.* Личность как предмет изучения // Социальная психология в трудах отечественных психологов / Сост. А.Л. Свеницкий. СПб.: Питер, 2000. С. 70–75.
36. *Яскова Л.А.* Социально-психологическое прогнозирование профессионального развития руководителя. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1988.

Факторы адаптации к условиям морского рейса

О.А. Истомина, В.В. Павловский

Трудовая деятельность в условиях морской среды сопряжена с рядом противодействующих человеку обстоятельств. Вице-адмирал В.М. Головин в своей работе «О состоянии Российского флота в 1824 году» писал: «Кажется, надобно согласиться, что из всех занятий, коим посвящает себя человек для общественного блага, морская служба есть занятие самое трудное, самое несносное и самое опасное. Вступающие в нее должны с самых юных лет, на все время цветущей молодости, лишить себя почти всех приятностей жизни; лучшее время года находиться в крепости, носящейся над глубиной морской; словом, быть вечно на страже против воды, огня, ветров, туманов, мелей и подводных камней, и даже против своих спутников, товарищей на море...» [14].

Морской труд — это не только профессиональная деятельность, но и жизнедеятельность человека в рамках автономной технической системы — судна: «Ни на одном другом производственном объекте, кроме космических кораблей, человек не находится круглосуточно, оставаясь там и по окончании рабочего дня (смены)» [11]. Понятие «автономности морского труда» связано с выходом человека из привычной ему среды обитания и адаптацией к новым условиям жизни и труда [13]. Это определяет морской труд как деятельность в особых условиях, с учетом которых формируются модели профессиографирования (В.И. Лебедев, А.И. Еремеева, В.Г. Семенов). Согласно А.К. Марковой, человек адаптируется как целостная структура: как организм (физическая адаптация), как индивид (психологическая адаптация), как личность (социальная адаптация), как субъект труда (профессиональная адаптация) [10]. В случае морского труда «приспособление к условиям профессиональной деятельности» как компонент «профессиональной адаптации» [10] предъявляет повышенные требования ко всем перечисленным адаптационным «уровням».

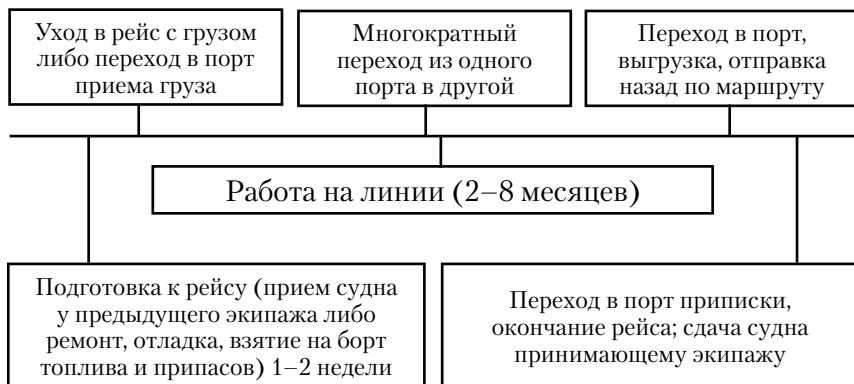
Можно обозначить два подхода к выделению факторов особых условий труда в целом: а) «статический» — выделение наиболее типичных факторов, постоянно воздействующих на человека в данных

условиях (монотонность, десинхроз, измененная информационная структура, ограничение информации, угроза для жизни, одиночество, групповая изоляция) [8]; б) «динамический» — выделение в особых условиях труда групп ситуаций, каждой из которых свойственны конкретные закономерности (психофизиологические, психологические и социально-психологические) влияния на профессионала [10]. Существует несколько типологий факторов, учет которых необходим при рассмотрении вопроса об адаптации моряка к условиям трудовой деятельности (Л.И. Лурье, А.А. Репин, Э.С. Вересоцкий, В.Н. Парохин и др.). Классификация, предложенная А.И. Еремеевой, является одной из наиболее распространенных; в ней выделяются объективные факторы макросреды, специфические факторы микросреды, субъективные человеческие факторы; факторы фонового, ежедневного воздействия на человека, а также дополнительные факторы экстремальных нагрузок, встречающихся в деятельности моряка [2]. Одновременно выделяются ряд условий труда, которые принципиально неустранимы (к таковым относятся смена климатических и часовых поясов, смена сезонов в ходе рейса, вибрация и излучение от судовых энергетических установок, сенсорная и половая депривация, совмещение зон отдыха и труда, однообразный круг общения, сужение спектра социальных ролей) и спорадически возникающие факторы (тайфуны, штормы, сложная навигационная обстановка, аварийные и предаварийные ситуации).

Однако с точки зрения «прогностических возможностей» в отношении адаптации морских специалистов необходимо отметить относительность такого подхода. Например, поддающимися наибольшему «учету» являются факторы микросреды (уровень шума, естественной и искусственной освещенности, электромагнитного излучения, вибрации, газового загрязнения воздушной среды, обуславливающий «классность» вредности судовой среды, определяемой по степени отклонения условий конкретного судна от санитарно-гигиенических норм, и допустимые сроки пребывания в них [5]), но и этого иногда оказывается недостаточно¹. Принимая во внимание рост технического обеспечения деятельности моряка (автоматизацию управления и контроля состояния судна, компьютеризацию прокладки курса, совершенствование системы обнаружения и предупреждения, повышение обитаемости судов), необходимо констатировать, что в современных

¹ Так, например, суда типа СРТМ-К, построенные в начале 80-х годов XX в., обладали низким уровнем обитаемости при вынужденной автономности в 45 суток и среднем времени нахождения в рейсе около 6 месяцев, поскольку запасы воды в 130 тонн не позволяли экипажу комфортабельно удовлетворять потребности в личной гигиене; в то же время суда типа БАТМ, отечественной и зарубежной постройки, по данному параметру соответствовали более высокому уровню обитаемости.

Транспортное судно

Рыбообрабатывающее или добывающее судно

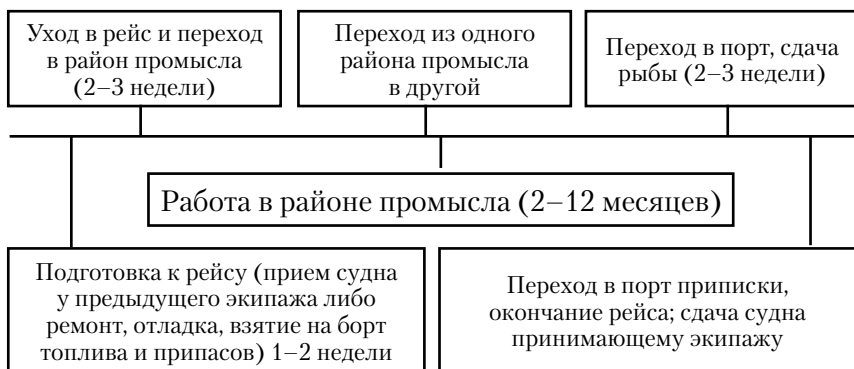

Рис. 1. Структура морского рейса на судах транспортного и рыбодобывающего флота.

условиях меняются степень актуальности, а также содержательная специфика и многих других факторов.

Одной из переменных, которую необходимо учитывать при изучении вопросов адаптации современных морских специалистов, является динамическая характеристика морского рейса, который правомерно рассматривать как целостное профессионально-психологическое явление. Любой из рейсов завершен по своей структуре (рисунок 1); при этом на одни и те же процессы порой отводится разный промежуток времени, что влияет на степень интенсивности труда, успешность адаптации морских специалистов и, несомненно, на безопасность мореплавания, формируя «человеческий фактор» морской аварийности.

Е.А. Климов выделяет два вида адаптации к месту работы: производственно-технологическую и социально-психологическую [6]. Ниже представлен перечень факторов, наиболее актуальных, на наш взгляд, при изучении данных видов адаптации морских специалистов, а также некоторые особенности собственно адаптации к условиям морского рейса, выявленные в результате эмпирических исследований в 2003—2005 гг.

Факторы «производственной» макро- и микросреды

В условиях рейса происходит осознание индивидом зависимости успешности его жизнедеятельности от окружающей технической и природной среды — именно эта особенность морского труда и формирует специфическое отношение экипажа к судну. *Осознание* моряками «враждебности» окружающей среды оказывает стрессогенное воздействие.

Его источником может быть макросреда, *морское пространство*, которое по традиции делится на *подводное* и *надводное* (включая природные и искусственные элементы). Выделение подводных объектов (подводные скалы и мели, притопленные суда и объекты искусственного происхождения, подводные лодки) важно для обеспечения навигационной безопасности судна; при этом угроза для судна, исходящая от объекта, расположенного в пространстве ниже ватерлинии, воспринимается как более значимая.

Метеорологическая обстановка в районе плавания является значимым фактором условий морского труда, что неоднократно отмечалось исследователями (А.И. Еремеева, В.Е. Пономарев, В.А. Леонтьев). В то же время можно выделить *актуальную* и *потенциальную* метеообстановку: переход в тропиках или в условиях шторма оказывает непосредственное воздействие, в то время как «ожидание» появления шторма, о котором предупреждает метеорологическая служба, разворачивается постепенно — экипаж готовится к изменению погоды (выполняются плановые работы — идет закрепление крышек технических люков и др.) либо выполняет маневр ухода от шторма; нередко потенциальная метеообстановка оказывает значительное негативное воздействие. К данному фактору относится и температура окружающей среды. Так, характерные для северных широт низкое солнцестояние, большое число пасмурных дней (туманы, облачность), сильные морозы, ограничивающие пребывание на открытых палубах, снижают до минимума возможность использования моряками естественного ультрафиолетового излучения [4, 13]; одновременно в северных морях средняя температура воды составляет 3—4 С° — человек, попавший за борт, считается погибшим по истечении 12 минут.

Вероятно, «объективными» детерминантами адаптации в данном случае выступают «география» рейса и его временные параметры (в частности — время года), «субъективными» — опыт следования данным маршрутом, степень овладения профессиональными знаниями, умениями и навыками, а также комплекс личностных характеристик (в том числе — степень уверенности в компетентности своей и экипажа в целом); исследования в данной области крайне малочисленны.

К «переходным» факторам (палуба и борта судна — промежуточное пространство, на котором могут действовать факторы как внешней, так и внутренней среды) можно отнести слемминг, обледенение палубы, качку и перепады температуры.

Слемминг (англ. to slam — ударять, бить) — сильная вибрация, возникающая от ударов волн по корпусу судна; возникает и тогда, когда небольшое судно в штормовую погоду полностью накрывается волной и всплывает из-под воды с большой нагрузкой на корпус и «машины»; при его длительном воздействии ухудшается сон, аппетит, расстраивается желудочно-кишечная функция, возникает раздражительность, слабость, головная боль, повышается давление [13].

Обледенение палубы — в северных широтах различные элементы конструкции судна покрываются льдом от замерзающей воды, осевшей на корпусе судна после брызг, волн и др.; подобные «наросты» изменяют центр тяжести судна, утяжеляя верхнюю часть, что может привести к опрокидыванию; поэтому моряки регулярно вынуждены обкалывать лед с поверхности судна, что, в частности, приводит к повышению травматизма в экипаже.

Качка продольная и бортовая приводит к постоянному раздражению вестибулярного аппарата моряка, что может вызвать приступы «морской болезни»; несмотря на привыкание, возникающая во время шторма особо «жесткая» качка является сильнейшим дестабилизирующим психику фактором.

Перепады температуры при переходе с верхней палубы судна в пространство надстройки или другие внутренние помещения судна воспринимаются как кратковременное шоковое состояние организма, знакомое многим людям, которые «с мороза» попадают в хорошо отапливаемое помещение; за одну вахту морякам приходится порой десятки раз менять «температурный пояс», при этом разница температур может составлять более 30 С° (машинное отделение — верхняя палуба).

К факторам микросреды, действующим внутри судового помещения, относятся шум, вибрация, излучение судовых машин и механизмов, теснота помещений.

Шум в помещениях машинного отделения составляет 40–100 Дб [13]; некоторые моряки отмечают, что шум является основным раздражителем на рабочем месте [12]; помещения на небольших судах

практически не изолированы¹, что приводит к состоянию хронической усталости моряков с низким порогом чувствительности.

Вибрация и излучения судовых машин и механизмов являются сильными раздражителями, формирующими среду труда и отдыха плавсостава; недостаточное экранирование вибрации и излучения судовых двигателей (являющихся их основными источниками) и дизель-генераторов приводит в первую очередь у судовых механиков, к формированию неврозов страха и развитию соматических заболеваний (вегетососудистой дистонии по гипертоническому типу) [13].

Теснота помещений приводит к дополнительному травматизму [12]; отведенные для отдыха пространства зачастую имеют двойное или даже тройное назначение и используются как вспомогательные «кладовки» или рабочие зоны (при этом поддержание помещений в работоспособном состоянии требует дополнительных усилий, что не предусмотрено режимом труда и отдыха плавсостава, а потому зачастую не производится).

Две указанные группы факторов предполагают в первую очередь физическую адаптацию и также зависимы от «географии» рейса. Их влияние достаточно полно описано: длительное пребывание на ограниченном пространстве судна в автономном рейсе приводит к «некомпенсируемому утомлению», кумуляции воздействия данных факторов на состояние соответствующих органов, центральную нервную систему, на пластичность, динамику психических процессов, в результате чего снижается эффективность отражения изменяющейся обстановки, возникают отрицательные эмоции, повышается раздражительность и тревожность, увеличивается частота брака, ошибок в процессе работы [8, 13, 17 и др.]. Как следствие, на уровне саморегуляции, при чрезмерной длительности пребывания в условиях рейса, морские специалисты организуют свою деятельность так, что выполнение профессиональных обязанностей ограничивается выполнением (но — точным) только «обязательных» и «необходимых» действий [4].

Своеобразную группу образуют факторы относительной сенсорной депривации, однообразия и монотонности.

Сенсорная депривация — сенсорная недостаточность или недозагрузка системы анализаторов, наблюдаемая у индивида в условиях изоляции или при нарушении работы основных органов чувств. При этом говорить о «недозагрузке» анализаторов в условиях морского рейса можно только в узком смысле (например, объективно сужен цветовой спектр в окраске корпуса и помещений судна), поскольку микросредовые факторы (шум, вибрация и пр.) представляют собой значительную по величине стимуляцию; в связи с чем различают «бе-

¹ Тогда как крупные суда позволяют расположить жилые помещения на удалении от судовых двигателей.

лый шум» (поток стимуляции) и собственно «значимую информацию». Причинами сенсорной депривации оказываются именно однообразие, монотонность, недостаток значимой информации в течение длительного времени — «характерной особенностью экстремальных воздействий в труде плавсостава является то, что они, если не считать аварийных ситуаций, растянуты во времени... экипажи судов на протяжении месяцев рейса находятся под влиянием избыточного воздействия однообразных, монотонных раздражителей» [13]; ее следствиями являются повышение внушаемости, развитие гипнотических состояний, изменения психических процессов и др. [2, 8, 13, 17]. Под определение *однообразных* и *монотонных* попадает целый спектр явлений разного «уровня» — сенсорная «стимуляция» (в том числе — «пейзаж за бортом»), ежедневно повторяющиеся действия и операции четко регламентированной и «нормированной» профессиональной деятельности, ограниченное физическое пространство судна, ограниченное социальное окружение, ограниченный и заранее известный рацион питания, ограниченный выбор способов проведения досуга и пр.¹

Данные факторы требуют адаптационные усилия разных уровней. В современных условиях (отсутствие соответствующей дорейсовой подготовки, целенаправленной организации культурного досуга на судах; наличие, в лучшем случае, скромной видеотеки, давно не обновлявшейся библиотеки, спутникового телевидения либо спортивного зала) адаптация морских специалистов является спонтанным процессом. Случаи успешной адаптации, как правило, связаны с нахождением какого-либо увлечения, индивидуального (разведение домашних растений, заготовка рыбы, плетение из капрона разнообразных «поделок» и пр.) или группового (просмотр видео, игра в настольный теннис и др.), случаи дезадаптации — с употреблением психоактивных веществ [3, 4].

Факторы операторской деятельности

Морской операторский труд можно охарактеризовать следующим образом: управляемые процессы сложны и нередко проходят с большой скоростью; оператору за короткое время приходится перерабатывать большие объемы информации; в определенные периоды (после нескольких месяцев рейса, в конце рейса, в условиях северной навигации) труд бывает очень напряженным; ответственность

¹ Что уже относится к факторам «организационного» порядка, наряду с круглосуточным режимом работы и вахтовой организацией труда, и «социально-психологическим» факторам.

за ошибки лежит непосредственно на операторе; для операторского труда, особенно на транспортных судах, характерны быстрые переходы от периодов «чистого» ожидания к периодам напряженной работы с большими нагрузками; переходы могут происходить неожиданно, а ситуации, возникающие при этом, оказываться непохожими на случившиеся ранее; сами «пустые» периоды в ходе рабочей смены представляют большую опасность для оператора, его взаимодействия с техникой [9, 15, 16].

Согласно классификации Е.А. Милеряна, операторы — морские специалисты относятся к типу «операторов, непосредственно управляющих тем движущимся объектом, на котором находятся», что приводит к выраженности у них нервно-эмоционального напряжения, связанного с моральной и административной ответственностью [13].

Ю.К. Стрелков выделяет несколько режимов операторского труда, которые применимы и к морским условиям: а) человек с помощью средств отображения информации наблюдает за работой автоматики, не вмешиваясь в сам технологический процесс¹; б) в аварийных ситуациях от оператора требуются быстрые и точные действия; иногда в таких ситуациях труд из автоматизированного превращается в полуавтоматизированный или механизированный; он приводит к цели только в том случае, если оператор адекватно оценивает ситуацию и точно выполняет необходимые сенсомоторные действия; в) когда технологический процесс идет в заданных пределах, но приближается к своим границам, задача оператора становится более сложной, чем при наблюдении и контроле, так как он должен выполнять определенные действия, чтобы сместить процесс в более устойчивую зону или удержать его в требуемых технологией пределах; г) оператор строит режим самостоятельно, на новой основе, которая иногда отличается от требований, заданных производственной документацией или противоположна по отношению к ним [1, 15].

Функции операторов являются содержательными компонентами деятельности специалистов и судоводительской, и судомеханической служб, хотя между характеристиками их операторского труда существуют различия.

На основе анализа трудового процесса судового механика, проведенного в 2000—2004 гг. в МГУ им. адм. Г.И. Невельского, выявлено, что судовые механики по содержанию труда не являются операторами в прямом понимании данного термина [12]. Судовые технические специалисты комбинируют в своем трудовом процессе эргатические функции как обычных операторов (контроль состояния системы, принятие решений), так и ремонтно-наладочные функции. В морских

¹ Необходимо отметить, что на судах малого тоннажа принцип «невмешательства» зачастую не соблюдается.

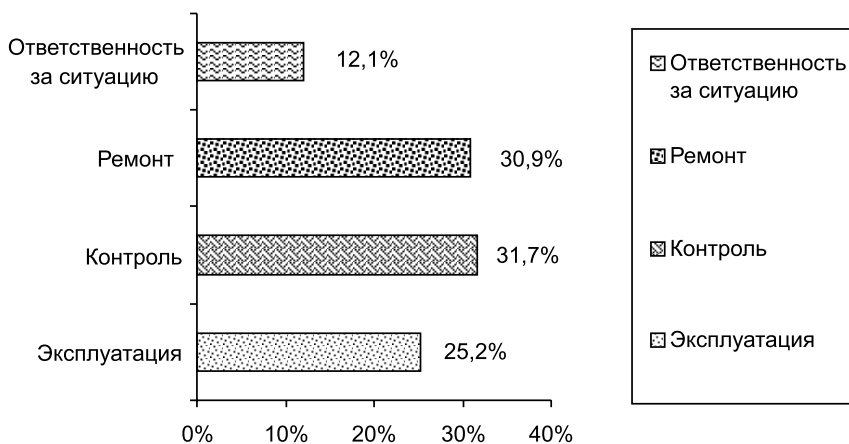

Рис. 2. Структура трудовых функций судомеханика.

экипажах не происходит разделения функций внутри судомеханических команд между операторами и техниками-ремонтниками¹. Структура трудовой деятельности судового механика представлена на рисунке 2; ее изучение позволило отнести данную профессию к особой категории — «механик-оператор судового оборудования».

Исследование показало также недостаточную эффективность организации рабочего места механика-оператора: специалистам нередко приходится выбирать, какие именно приборы, расположенные непосредственно на технических устройствах, важнее обозревать, чем находиться рядом с центральным пультом². Наиболее яркой особенностью производственно-технологической адаптации судовых механиков является формирование специфического отношения к технике: оно содержит элементы персонификации того или иного технического устройства, придания ему свойства одушевленности, способности понимать человека; наиболее ярко это проявляется в экстремальных ситуациях, когда от надежности работы механизмов зависит выживание экипажа [12].

¹ В то время как разделение на штурманский / командный и технический составы было заложено в традиции морского труда с момента появления парового флота, так как моряки некоторое время не хотели признавать «машины» в парусном флоте, старались дистанцироваться от них, «грязных» и «дымящих», такое негативное отношение было перенесено с машин на обслуживающий технику персонал.

² Центральный пульт используется механиками преимущественно как источник данных для заполнения судового механического журнала в начале и в конце вахты, что свидетельствует о малой репрезентативности таких дисплеев.

Социально-психологическое взаимодействие в морских экипажах имеет выраженную специфику, которая обусловлена совокупностью факторов, образованных особенностями микро- и макросреды, а также объективными характеристиками рейсов.

При изучении социально-психологической адаптации морских специалистов необходимо учитывать несколько переменных: численность команды (может варьировать от 12–15 до 600 и более человек, образуя континуум «малый — большой экипаж») и состав ее профессиональных групп; длительность рейса («короткий рейс — длительный рейс»); обширность географии рейса («локальный район пребывания судна — плавание в различных географических зонах»); частоту контактов с землей («автономность плавания — частые контакты с землей»).

Определяющими, «основными» с точки зрения социально-психологических особенностей морских экипажей являются несколько факторов: относительная социальная изоляция; особенности управления; ограничение пребывания морских специалистов в рейсе определенными сроками; особый характер условий труда; неразделенность бытовой и производственной сфер жизнедеятельности на физически ограниченном пространстве судна.

Условия относительной социальной изоляции, помимо утраты важных психических связей, ведут к нескольким следствиям: а) сужению сфер активности личности из-за утраты ряда социальных ролей (отца, мужа и пр. — так называемая «ролевая депривация»), отсутствия привычных социальных институтов, процессов, ритмов (что, в свою очередь, приводит к нарушению соответствия циркадных ритмов привычным социальным ритмам, впоследствии — к «неумению» после рейса пользоваться услугами социальных институтов); б) в сочетании с однообразием четко регламентированной деятельности — к малой «событийности» жизнедеятельности моряков в рейсе (отсутствию значимых впечатлений, «событий», включая комплекс ностальгии, недостаток информации о родных и близких); в) к информационному голоду — постоянной фрустрированности потребности в информации; в современных условиях два основных «объекта» интереса — судно (географические координаты, направление, сроки прибытия в порт, в целом рейсовые планы; нередко часть информации скрывается судовладельцами в качестве «коммерческой тайны») и близкие (события в их жизни); г) к ограниченности непосредственного социального окружения (с повышенной плотностью контактов, «насильственностью коммуникации», системой уставных отношений) на физически ограниченном пространстве судна.

Ограничение сроков пребывания морских специалистов в рейсе обусловлено рациональной научной организацией труда и зафиксировано в нормативно-правовых документах. Данный фактор имеет непосредственное отношение к сплоченности коллектива и социально-психологической адаптации морских специалистов: во-первых, в отличие от большинства предприятий, на флоте нормативами предписывается «текучесть кадров», что является негативным фактором с точки зрения формирования сплоченности коллектива; во-вторых, после межрейсового отдыха морские специалисты попадают в новые коллективы, где должны вновь «социально» адаптироваться.

Особые условия труда, с социально-психологической точки зрения, детерминируют: а) в сочетании с жесткой иерархией рангов — преимущественно авторитарный стиль руководства на судах (что соответствует социально-психологической теории — в слабоструктурированных ситуациях с низким уровнем контроля над окружающей средой наиболее эффективны руководители именно с авторитарным стилем руководства [7]); б) повышенные требования к сработанности и сплоченности морских экипажей (что, учитывая описанные выше особенности, предъясняет, в свою очередь, чрезмерные требования к «социально-адаптационным» качествам моряков).

Неразделенность бытовой и производственной сфер жизнедеятельности приводит: а) к повышенной плотности контактов, смешению эмоциональной и инструментальной, формальной и неформальной сфер взаимоотношений [3, 13]; б) к сужению «личного» пространства (из-за «заменяемости» членов экипажа на одном рабочем месте, из-за «публичности» частной жизни, «обнаженности» всех возникающих чувств по поводу экипажа) и соответствующему повышению психической напряженности; в) к конфликтным отношениям; г) к «затруднению» компенсации утомления в период межвахтового отдыха.

Морской труд носит индивидуально-групповой характер, т. е. содержание, организация деятельности и результат труда, как каждого моряка, так и всего морского экипажа в целом, необходимо взаимозависимы. Сочетание описанных «основных» факторов обуславливает уникальность социально-психологических характеристик морских экипажей — и малых, и больших. Для малых экипажей Ю.А. Сенкевич и М.А. Новиков описали стадии их развития в течение рейса (ознакомления, дискуссий, ролевых ориентаций), подчеркивая недифференцированность инструментальных и экспрессивных аспектов взаимоотношений в таких экипажах [по 7]; М.Н. Янчук выявила динамику конфликтов в течение рейса (в начале рейса объектом конфликта являются условия жизнедеятельности, в середине и конце рейса — межличностные отношения) [18]. Для больших экипажей В.Д. Ткаченко выделил сле-

дующие стадии развития: формирования представлений друг о друге (1–2 декада); разногласий (3–4 декада); нормализации (5–9 декада); деятельности (7–17 декада)¹ [17]. Современное исследование больших морских экипажей показало, что они обладают одновременно характеристиками и больших организованных групп (производственных общностей), и малых групп [3]. При этом выявлено несколько специфических процессов и особенностей больших морских экипажей («дезадаптивного» и «адаптивного» характера), позволивших дополнить имеющиеся данные о социально-психологической адаптации морских специалистов:

- *сохранение судовых «традиций», «обычаев», слэнга «сквозь»* сменяющиеся экипажи, что проявляется в сохранении на определенном судне на протяжении 2–3 десятков лет стилистики руководства, некоторых норм поведения, специфических словообразований (являющихся продуктом фольклора и обозначающих участки технологического процесса, некоторых должностей и т. п.²). Возможная функция данного процесса — сохранение некоторой «стабильности» социальной «организации» на фоне меняющихся членов команды;
- *информационная «центрация» на экипаже, циркулирующая слухов и интерпретационный синдром*³. Основными детерминантами данных процессов выступают длительное пребывание в мало насыщенной событиями среде, информационный голод, стремление некоторых членов экипажа к самоутверждению, однообразию труда и отдыха⁴. Главной их функцией является насыщение моряков недостающими впечатлениями за счет повышенной внимательности: а) к событиям (реальным или «додуманным») в экипаже; б) к любой — косвенной ли, неполной ли — информации «с берега», носящей личный характер. Следствиями, в частности, являются: а) повышение нефор-

¹ Тип судна БМРТ, большой морозильный рыболовный траулер, численность экипажа около 100 чел. [17].

² Примеры таких словообразований на рыбообрабатывающем судне: «поле чудес», «луноход» — названия производственных участков рыбообрабатывающего конвейера; «враги» — обозначение соседей по каюте, работающих в другой смене; «мальчик-такси» — название должности матроса-рыбообрабочика, выполняющего определенную функцию.

³ Суть интерпретационного синдрома заключается в болезненном истолковании любых незначительных признаков, происходящих вокруг явлений; во второй половине длительного рейса моряки начинают неправильно, порой болезненно истолковывать содержание радиogramм и писем от близких, появляются страхи за семейное благополучие, подозрения в супружеской неверности и др. [13].

⁴ Т. е. факторы, приводящие, с одной стороны, к формированию слухов, с другой — к повышению внушаемости членов экипажа [13].

мального статуса членов экипажей, по долгу службы владеющих информацией; б) формирование к концу длительного рейса стойких убеждений относительно ряда событий (судовых и береговых), не всегда соответствующих действительности;

- *«разделение» бытовой и производственной сфер жизнедеятельности*, осуществляемое моряками различными способами на нескольких уровнях: а) путем «одомашнивания» кают (с помощью scarба, цветов, личной техники и пр.); б) путем «ритуализации» посещения кают (с использованием предварительных договоренностей и пр.). Функцией данного процесса является адаптация к условиям «совмещенных» труда и отдыха в рамках движущегося технического объекта — судна;
- *блокирование потребности в общении, искусственное опосредование контактов и разрыв коммуникативных каналов* между членами экипажа в условиях повышенной плотности коммуникации. Данные процессы служат сразу нескольким целям: а) сохранению «личного» пространства (путем сужения круга «доверительного» общения при сохранении поверхностных контактов с остальным экипажем; формирования негласных норм поведения, предполагающих «уважение частных владений»; такой организации ритмов труда и отдыха, которая позволяет не встречаться с соседями по каюте и пр.); б) сохранению «социальной дистанции», стратификации экипажа и, таким образом, — разграничению формальной и неформальной сфер взаимоотношений (путем ограничения в первую очередь командным составом круга общения);
- *формирование специфической неформальной структуры экипажа*: а) значительного количества «аутсайдеров» (не вовлеченных в микросоциальные образования — 45—60%); б) микрогрупп, отношения в которых основаны на совместности профессиональной деятельности, схожести режима труда и отдыха. Немаловажной характеристикой данной структуры является неодинаковость вовлеченности в неформальное взаимодействие представителей разных профессиональных групп экипажа, связанная с содержанием и организацией их трудовой деятельности;
- *выдвижение неформальных лидеров* (разного уровня — от неформальных микрогрупп до профессиональных групп и экипажа в целом) и *формирование «центральной группировки»*, основными функциями которых являются: а) интеграция экипажа, восстановление прерванных коммуникативных связей; б) «социально-законодательно-информативная» функция,

схожая с формированием общественного мнения в больших социальных группах¹ [3].

Литература

1. *Голиков Ю.Я.* Психология автоматизации управления техникой / Ю.Я. Голиков, А.Н. Костин. М.: Изд-во ИП РАН, 1997.
2. *Еремеева А.И.* Медико-психологическое исследование курсантов судоводителей в связи с задачами психопрофилактики и профотбора: Дис... канд. психол. наук. Л.: Ленинградский НИИ им. В. М. Бехтерева, 1985.
3. *Истомина О.А.* Морские экипажи: опыт социально-психологического изучения / О.А. Истомина, М.Ю. Орлова. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2005.
4. *Истомина О.А.* Пространственно-временные компоненты образа мира моряков в длительном рейсе: Дис... канд. психол. наук. Владивосток, 2003.
5. *Каминский Ю.В.* Современные проблемы морской медицины / Ю.В. Каминский, Л.М. Мацевич, А.А. Яковлева. Владивосток: ДВГУ, 1991.
6. *Климов Е.А.* Пути в профессионализм (Психологический взгляд). М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2003.
7. *Кричевский Р.Л.* Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты / Р.Л. Кричевский, Е.М. Дубовская М.: Изд-во МГУ, 1991.
8. *Лебедев В.И.* Экстремальная психология. Психическая деятельность в технических и экологически замкнутых системах. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
9. *Лобастов В.М.* Психологические основы безопасности судовождения: Учеб. пособие. Владивосток: ДВВИМУ им. адм. Г.И. Невельского, 1980.
10. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М., 1996.
11. *Обитаемость судов и кораблей.* Л.: Судостроение, 1978.
12. *Павловский В.В.* Отношение к техническим инновациям у судомехаников морского флота: Дис... канд. психол. наук. М., 2004.
13. *Репин А.А.* Психология, психогигиена и психопрофилактика труда плавсостава. М.: Пищевая промышленность, 1979.
14. *Россия морей /* Под ред. В.К. Лобачева. М.: «Ди-Дик», 1997.
15. *Стрелков Ю.К.* Профессиональная и инженерная психология. М., 2001.
16. *Стрелков Ю.К.* Психологическое содержание операторского труда. М.: Российское психологическое общество, 1999.
17. *Ткаченко В.Д.* Вопросы психологии труда рыбаков в длительных рейсах: Дис... канд. психол. наук под руков. Стенько Ю.М., Небылицина В.Д. М., 1976.
18. *Янчук М.Н.* Темпоральность оценки психического состояния личности в особых условиях жизнедеятельности (на примере моряков гражданского флота): Дис... канд. психол. наук. Хабаровск, 2003.

¹ Необходимо отметить, что экипаж, находившийся в рейсе, характеризовавшимся обширной географией и множественными контактами с портами, по большинству социально-психологических показателей оказался более «благополучен», чем экипажи, находившиеся в автономных рейсах в локальном районе плавания [3].

Концептуальные вопросы психологии профессиональной надежности и адаптации работников к условиям эксплуатации атомных станций

В.Н. Абрамова

Важнейшим условием приспособления взрослого работающего человека к среде обитания является его профессиональная адаптация, то есть способность и возможность принять как норму производственные условия и собственную роль в производственных процессах. Представленный в настоящей работе подход соответствует постулату об адекватности личности работника его деятельности, принятому в отечественной психологии, а также принципу эргономичности, то есть признанию разработчиками техники права на ошибку эксплуатационного персонала, и принципу адекватности социальных условий деятельности уровню ответственности и напряженности труда человека [2].

С этих позиций адаптация человека к производственным условиям представляет собой процесс положительных изменений в мотивационно-установочной регуляции и когнитивной сфере его деятельности, в поведении и настроениях. Результат процесса адаптации — адаптированность — определяет готовность человека действовать безошибочно и без негативных сдвигов в функциональном состоянии в продолжении всего рабочего времени.

Профессиональная адаптация усложняется и приобретает особый социальный смысл в условиях производства, имеющего повышенный фактор риска. Например, работа персонала на современных атомных станциях, где дезадаптация может проявиться в неправильных (неадекватных) действиях, с самыми серьезными последствиями для множества людей [1].

Адаптация работника к трудовым процессам и условиям производства в значительной степени определяет надежность человеческого фактора (НЧФ) в общей системной надежности эксплуатации АЭС. Под надежностью человеческого фактора мы понимаем совокупность профессиональных знаний, мотивационных, волевых, эмоциональных, интеллектуальных и других качеств личности, обеспечивающих точное, безошибочное, адекватное восприятие ситуаций и успешное выполнение регламентированных функций в различных режимах

работ [4]. В условиях производственной среды с повышенным риском профессиональная адаптация каждого работника, в свою очередь, в значительной степени зависит от его собственной профессиональной надежности. При этом эффективность и надежность деятельности работника, то есть сведение к минимуму вероятности ошибок в работе и заболеваний в связи с производственными условиями, выступают как показатели его адаптированности.

Таким образом, в целях достижения должного уровня адаптации персонала, обеспечения надежности и эффективности эксплуатации АС необходима система обеспечения профессиональной надежности персонала АС (далее – Система).

Система как важная часть общей системы обеспечения надежности эксплуатации АС построена на основе методологии «глубокоэшелонированной защиты» (ASSET) [8].

Методология ASSET рекомендована МАГАТЭ для анализа и предотвращения событий, имеющих влияние на безопасность АС. Кроме идентификации недостатков оборудования, персонала и процедур, она определяет также недостатки в управлении, организации и политике в целях предупреждения нарушений.

Система представляет собой совокупность законодательных, нормативных, организационных, научно-практических мер и включает в себя кадровые, материальные, аппаратные, программные, финансовые и иные средства. Кроме очевидно значимых подсистем медицинского обеспечения, профессиональной подготовки и подсистемы управления успешностью деятельности персонала АС, Система включает в себя следующие подсистемы (рисунок 1): а) культура безопасности, б) психологическое обеспечение, в) эргономическое обеспечение, г) социальная безопасность.

В настоящей работе приведены сведения о подсистемах (а–г), относящихся к компетенции психологической службы отрасли по атомной энергии. Полностью Система представлена в работе [4], где показано, что обеспечение функционирования Системы возможно только при условии, если все необходимые работы в каждом из выделенных компонентов будут осуществляться в рамках единой концепции.

Общие положения

Основными принципами функционирования Системы являются:

- Принцип признания и обеспечения приоритета жизни и здоровья людей по отношению к результатам производственной деятельности.

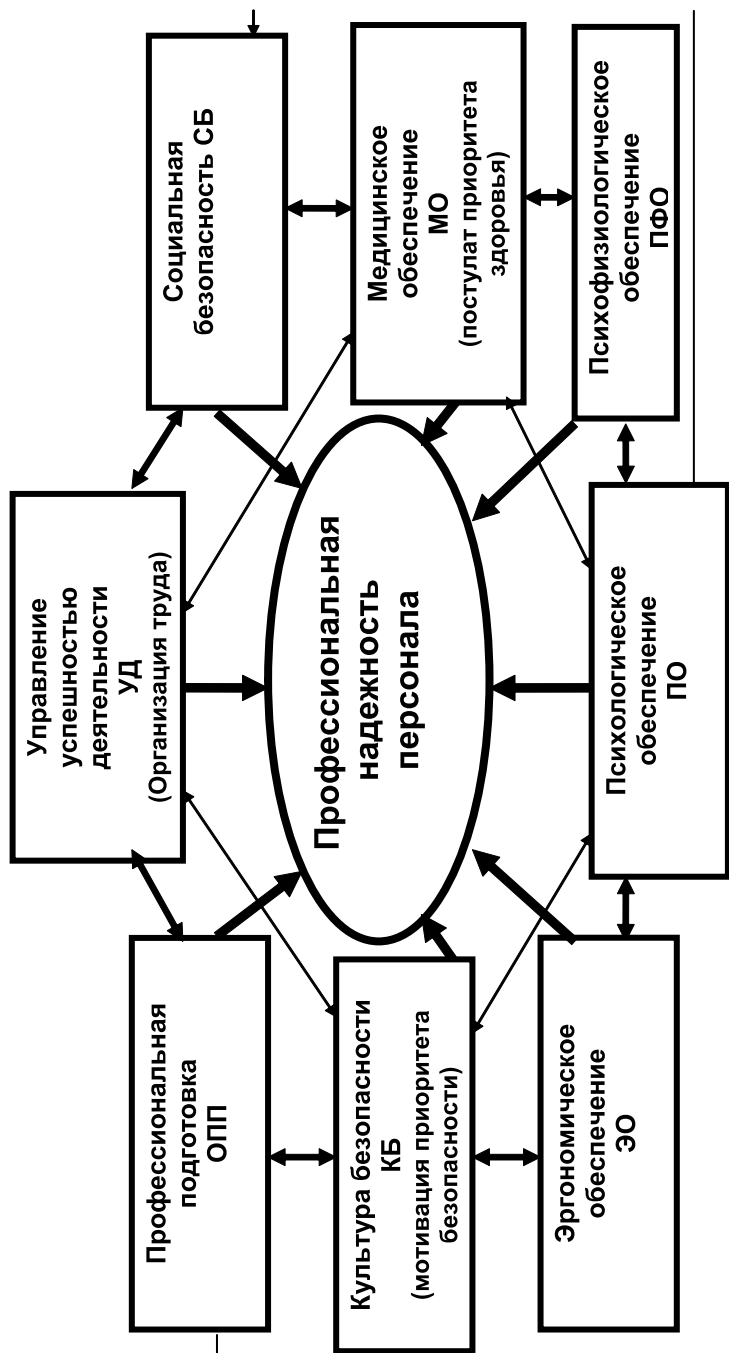

Рис.1. Базовые компоненты системы надежности человеческого фактора в эксплуатации атомной станции.

- Принцип приверженности культуре безопасности — должен быть обеспечен уровень квалификационной и психологической подготовленности всех лиц из персонала АС, при котором обеспечение безопасности является приоритетной целью и внутренней потребностью, приводящей к самоконтролю при выполнении всех работ, влияющих на безопасность. По определению [7], культура безопасности есть квалификационная и психологическая подготовленность всех лиц, при которой обеспечение безопасности АС является приоритетной целью и внутренней потребностью, приводящей к самосознанию ответственности и к самоконтролю при выполнении всех работ, влияющих на безопасность.
- Принцип комплексности — обеспечение профессиональной надежности персонала АС, осуществляемое за счет объединения систем медицинского, психофизиологического, эргономического, социально-психологического обеспечения и профессионального обучения; комплексной функциональной и психологической реабилитации персонала.
- Принцип индивидуального подхода — Система должна быть направлена на обеспечение надежности каждого работника, развивать культуру безопасности на уровне каждого индивида.
- Принцип непрерывности — Система должна поддерживать непрерывный контроль динамики профессиональной надежности персонала через систему мониторингов всех компонент профессиональной надежности.
- Принцип информационной адекватности — Система должна базироваться на современных информационных технологиях, включая базы данных и системы поддержки принятия решения по всем компонентам Системы. Информационная система должна обеспечить мониторинг профессиональной надежности и рисков ее снижения.
- Принцип количественной оценки — оценка профессиональной надежности персонала и ее компонентов должна проводиться по специально разработанным общим количественным и качественным критериям.
- Принцип коммуникативности — взаимодействие специалистов всех уровней, направленное на достижение единой цели: безопасности, качества и эффективности эксплуатации АС.

Субъекты функционирования (действия) Системы — персонал концерна «Росэнергоатом», включая аппарат управления и филиалы концерна — атомные станции (АС).

Объект действия Системы — надежность работы человека и групп людей, трудовых коллективов, обеспечивающих эксплуатацию атомных станций.

Нормативно-правовая база Системы:

- Федеральный закон «Об основах охраны труда в Российской Федерации» от 17.07.99 г. № 181-ФЗ.
- Федеральный закон «Об использовании атомной энергии» от 21.11.95 г. №170-ФЗ.
- Правила организации работы с персоналом на АС (ПОРП).
- Специально разработанные типовые организационные и методические документы, регламентирующие деятельность по формированию и обеспечению профессиональной надежности персонала.

Задачи Системы:

- а) повышение качества профессионального обучения,
- б) повышение успешности деятельности персонала, снижение числа нарушений в работе АС в связи с неправильными действиями работников,
- в) формирование высокой культуры безопасности у персонала АС,
- г) социальная защищенность персонала,
- д) улучшение профессионального здоровья работников,
- е) повышение работоспособности и ответственности в работе персонала.

Цели Системы:

- достижение высокой культуры безопасности эксплуатации АС в работе каждого работника и руководителя на всех уровнях организационной структуры атомной энергетики;
- повышение профессионального долголетия руководителей и работников;
- повышение профессиональной надежности персонала АС.

Содержание проблем

Обеспечение безопасности эксплуатации атомной станции (АС) как открытой социотехнической системы связано с необходимостью обеспечения высокой надежности всех ее составляющих: людей (социума), техники, внешней среды. Безопасность как свойство или состояние атомной станции может быть обеспечена только при соответствующих состояниях как безопасности техники, так и безопасности, связанной с «человеческим фактором».

У всех лиц и организаций, связанных с размещением, сооружением, эксплуатацией и выводом из эксплуатации АС, проектированием, конструированием и изготовлением их систем, должна формироваться культура безопасности. Проблема заключается в

формировании психологической, физической и профессиональной готовности персонала к принятию и достижению цели обеспечения безопасности как цели первостепенной важности при успешном выполнении работы.

Управление надежностью осуществляется через точное определение характеристик условий, влияющих на надежность, и их целенаправленное улучшение. Проблема заключается в определении условий, влияющих на надежность человека, и в организации деятельности по коррекции таких условий.

Формирование профессиональной надежности конкретного работника происходит в условиях взаимодействия внешних (по отношению к индивиду) производственных и внепроизводственных, технических и организационных факторов и внутренних (по отношению к индивиду) условий.

Внешние условия деятельности включают:

- технико-технологические факторы; организационные факторы; эргономические факторы; гигиенические факторы; социально-экономические и социально-психологические факторы.

К внутренним условиям деятельности относятся: здоровье человека, профессиональная компетентность и мотивация, профессионально важные личностные качества (ПВЛК), включающие профессионально значимые индивидуальные особенности (ПЗИО) мышления, памяти, внимания, психомоторики, стрессоустойчивости, психофизиологических данных реагирования на сигналы (рисунок 2).

Профессиональная компетентность определяет точность и правильность действий работника АС в штатных и, особенно, в штатных ситуациях и обеспечивается всеми видами подготовки специалиста. Важны интеллектуальные способности к успешному освоению профессиональных навыков.

Профессиональная мотивация имеет многоуровневую структуру, которая формируется в процессе приобретения работником жизненного и профессионального опыта. Мотивация подвержена влиянию внешних факторов и может быть целенаправленно сформирована. Высокая культура безопасности предполагает приоритет безопасности в ценностно-смысловой сфере работника.

Поддержание профессиональной надежности работников АС определяется наличием и эффективностью комплекса организационных факторов, профессиональной подготовки, профилактических и/или компенсирующих мер и мероприятий, включая функциональную и психологическую реабилитацию.

Основная проблема обеспечения профессиональной надежности персонала — создание эффективной системы управления успешностью деятельности. Управление успешностью включает две стратегии:

Рис. 2. Внутренние условия надежности человеческого фактора:

- получение профессиональных знаний (познавательная мотивация),
- получение материального вознаграждения (утилитарная мотивация),
- избегание неприятностей (мотивация избегания конфликтов и неудач),
- достижение успеха (мотивация достижений),
- завоевание престижного статуса (мотивация престижа).

- оптимизацию системы объективных внешних условий, влияющих на надежность работы людей;
- формирование приоритета безопасности в системе ценностных ориентаций каждого работника в атомной энергетике.

Формирование и коррекция мотивационно-установочной структуры деятельности персонала осуществляются путем создания системы соответствующего стимулирования и поощрения стремлений повысить безопасность АС.

Риски снижения профессиональной надежности персонала АС

Профессиональная надежность работника проявляется в успешности его действий во время работы в конкретных производственных условиях. Успешные действия определены как правильные действия персонала, регламентированные организационной и технической документацией АС.

Отклонения при выполнении действий работником от нормативных предписаний определяются как аномалии, ведущие к усилению риска снижения профессиональной надежности работника, а значит, и к усилению риска снижения надежности работы АС (см. РД ЭО 0095-04).

Различают по показателям риски рутинные (потенциальные, статистические, прогнозные) и аварийные; ранние и поздние (отсроченные); прямые и опосредованные; коллективные (суммарные) и индивидуальные.

Признаком (и результатом) снижения профессиональной надежности являются неправильные действия работника. Оценка риска совершения неправильного действия необходима в целях профилактики таких действий.

При совершении работником неправильного действия проводится анализ приведших к этому причин. Выясняются непосредственные и коренные причины, в соответствии с главной идеей методологии ASSET о необходимости всесторонней экспертизы и систематического анализа причин событий на АС. Оценка риска выполнения неправильного действия требует анализа и внешних, и внутренних психологических причин его совершения.

В соответствии с нормативной документацией по расследованию нарушений в работе АС [5,6], специалист по человеческому фактору (как член комиссии по расследованию) изучает психологические обстоятельства и объективные внешние условия, предопределившие совершение неправильного действия. Подвергаются анализу события и факторы, способствующие появлению и развитию ошибочных действий, в том числе, не зависящие от подготовки и психофизиологического состояния работников. Определяются общие причины, «провоцирующие» ошибку человека (например, имеющиеся скрытые дефекты проектных или конструктивных решений в оборудовании, в технологиях, при составлении документации).

Категории неправильных действий:

- а) случайная ошибка-промах;
- б) ошибка по незнанию;
- в) сознательно выполненное неправильное действие или мотивационная ошибка.

Сознательно выполненное неправильное действие может отно-

ситься к одному из трех подвидов: «упрощение задачи», «псевдорационализация», преднамеренное разрушение оборудования.

Специалист по человеческому фактору — психолог или эргономист — специалист по психологии труда и эргономике, имеющий специальную подготовку к работе по расследованию нарушений.

Для работы специалиста по человеческому фактору (психолога) необходимы:

- результаты психофизиологических обследований персонала;
- результаты эргономической экспертизы рабочих мест и технологий, эксплуатационной документации, имеющих отношение к нарушению,
- результаты социально-психологического мониторинга, мониторинга организационных факторов безопасности, при необходимости — медицинского мониторинга.

Цель оценки риска снижения профессиональной надежности — разработка и выполнение мероприятий, предупреждающих неправильные действия персонала, и/или разработка и выполнение корректирующих мероприятий. Специалист по человеческому фактору разрабатывает меры по коррекции психологических факторов снижения надежности функционирования персонала, а также накапливает данные по психологическим аспектам непосредственных и коренных причин неправильных действий персонала для последующего анализа и обобщения.

Компоненты системы обеспечения профессиональной надежности персонала АС

Блок «Обеспечение культуры безопасности»

Настоящая Концепция представляет подход комплексного анализа состояния культуры безопасности на энергоблоке в трех стратегических направлениях:

- 1) Анализ планируемых (перспективных) мер развития и поддержания высокого уровня культуры безопасности на энергоблоках России, ориентированных на диагностику состояния и формирование отношения персонала к вопросам безопасности, адекватного требованиям культуры безопасности.
- 2) Ретроспективный анализ опыта и разрабатываемых корректирующих мер по результатам расследований нарушений в работе станций, выявленных недостатков в обеспечении и поддержании высокой культуры безопасности на энергоблоках России, включающих меры коррекции отношения персонала к безопасности.

- 3) Анализ результативности выполнения мер психологического обеспечения развития и поддержания высокого уровня культуры безопасности и корректирующих мер по результатам выявленных недостатков в обеспечении и поддержании высокой культуры безопасности на энергоблоках России.

В качестве критериев оценки состояния культуры безопасности используются показатели мотивации и психологического статуса персонала. Индикаторами успешности деятельности персонала являются технические показатели функционирования управляемой системы.

Основные этапы развития понимания и улучшения культуры безопасности, через которые проходят организации [3]:

На первом этапе организации ориентируются главным образом на повышение надежности и безопасности *технических систем* энергоблоков.

На втором этапе развития и улучшения культуры безопасности обеспечение безопасности становится *организационной* целью. Критериями достижения высокого уровня безопасности становятся цели и плановые показатели безопасности.

На третьем этапе обеспечение высокого уровня безопасности определяется как *непрерывный процесс улучшений, вклад в который может вносить каждый работник*. Проблема сопряжена с процессом формирования мотивов и отношений работников, адекватных высокой культуре безопасности. Критерии достижения высокой культуры безопасности определяются характеристиками отношений, мотивационной сферы, психологических установок.

При переходе от первого к последующим этапам в понимании культуры безопасности организации оценивают состояние культуры безопасности по всем критериям, включая критерии и показатели, оцениваемые на предшествующих этапах.

Работа с персоналом в соответствии с принципами культуры безопасности организуется по трем направлениям: предотвращение, обнаружение и исправление ошибок человека.

В атомной энергетике «наряду с необходимостью наличия технических систем безопасности и формальных систем управления, призванных осуществлять контроль рисков, в равной степени важно завоевание отношения работников к безопасности как к высшему приоритету, основанного на подлинном корпоративном стремлении к достижению высоких уровней безопасности [3]». Такое отношение проявляется в стремлении каждого из работников сделать все возможное, чтобы не допустить нарушений в работе, а если нарушение все же происходит, то сделать все возможное, чтобы определить и устранить коренные причины нарушения и не допустить его повторения.

Для предотвращения ошибок особенно большое значение имеют

системность и качество нормативных документов: положений, правил, методик и инструкций.

Разрабатываются методы работы с персоналом по предупреждению неправильных действий в соответствии с типами ошибок: промах, ошибка по незнанию, осознанное нарушение правил (мотивационная ошибка) [5].

1) Преодоление промахов в действиях:

1.1) Развитие общей культуры труда и культуры безопасности.

1.2) Развитие социально-психологического самоконтроля.

1.3) Тренировка психофизиологического самоконтроля:

1.3.1) Тренировки внимания и памяти.

1.3.2) Тренировки стрессоустойчивости.

1.3.4) Тренировки устойчивости к монотонии в работе.

1.4) Способы улучшения саморегуляции психофизиологического (функционального) состояния работника.

2) Преодоление ошибок по незнанию:

2.1) Совершенствование учебных программ в вузах, в УТЦ и УТП.

2.2) Исследование слабых мест в знаниях персонала и совершенствование тренировок.

2.3) Проведение технической и эргономической экспертизы инструкций и другой нормативной документации персонала атомных станций.

2.4) Разработка и применение гибкой системы поощрений профессиональной компетентности, особенно компетентности в вопросах безопасности.

2.5) Поощрительные установки на анализ и обмен информацией по материалам анализа нарушений в работе АС с участием человеческого фактора.

2.6) Психологические методы профилактики нарушений в работе станции и повышения культуры безопасности и анализа произошедших событий.

3) Способы преодоления осознанных нарушений в работе персонала:

3.1) Развитие общей культуры труда и культуры безопасности, усиление мотивации безопасности. Поощрение критического отношения к вопросам безопасности.

3.2) Социально-психологический мониторинг климата в коллективах АС. Определение системы моральных ценностей в коллективах и у отдельных работников, влияющих на безопасность. Выявление групп риска.

3.3) Проведение деловых игр и социально-психологических тренингов в группах риска по развитию ответственного отношения к работе и безопасности.

3.4) Проведение психологических бесед с работниками, допустившими нарушение в технологии ведения работ.

3.5) Вовлечение персонала в работу по эргономической экспертизе рабочих мест и технологических процессов на АС в целях осознания необходимости точного следования нормативам.

3.6) Определение и использование точных критериев по санкциям к работникам, допустившим преднамеренное нарушение в работе.

3.7) Индивидуальная работа психологов с руководителями подразделений, в которых произошло нарушение работы с участием человеческого фактора.

Проводится мониторинг нарушений в работе атомных станций, связанных с неправильными действиями персонала, и накапливается база данных, которая позволяет собирать и хранить информацию о таких событиях, проводить анализ причин ошибочных действий персонала.

Наиболее продуктивными в работе по оценке состояния культуры безопасности (в ее психологическом аспекте) показали себя методики диагностики мотивации персонала, тестирования работников АС в области системы ценностных ориентаций с целью определения их приверженности культуре безопасности, анкетирование по вопросам организационных факторов культуры безопасности и анкетирование по социально-психологическим вопросам повышения культуры безопасности.

В стремлении определить и устранить коренные причины свершившегося нарушения существуют психологические барьеры личной ответственности и страха перед наказанием за совершенную ошибку, опасений утраты престижа и социального статуса.

На АС России проводится исследование социально-психологических, социально-политических и мотивационных (личностных) факторов культуры безопасности. По материалам исследований разрабатываются рекомендации для руководства концерна и конкретных АС по организации информационной работы с персоналом, направленные на снижение социальной напряженности и повышение мотивации приоритета безопасности.

Блок «Психологическое обеспечение профессиональной надежности (ПО) персонала»

Психологическое обеспечение профессиональной надежности «человеческого фактора» понимается как комплекс работ по психологической диагностике состояния и практическим мерам психологической коррекции и/или реабилитации, а также формирования необходимых качеств личности, обеспечивающих точное, безошибочное, адекватное восприятие производственных ситуаций и своевременное и успешное выполнение регламентированных функций в различных режимах работы. К необходимым качествам относятся ПВЛК и профессионально значимые индивидуальные особенности (ПЗИО) психики и психофизиологии человека.

Целью ПО является повышение культуры безопасности и качества эксплуатации АС за счет создания благоприятного психологического статуса работников, рабочей атмосферы и психологического климата в коллективах, а также оптимизации организационных факторов безопасной эксплуатации.

Задачами ПО являются:

- ◆ психологические обследования персонала в ЛПФО с целью определения состояния ПВЛК и ПЗИО психики и психофизиологии человека;
- ◆ выделение из обследованных лиц «групп риска» по предкриптическим показателям в оценке состояния ПВЛК и ПЗИО;
- ◆ выделение групп резерва по соответствующим критериям определения перспективных данных ПВЛК и ПЗИО для служебного роста;
- ◆ установление и поддержание организационного взаимодействия со службой МО персонала концерна «Росэнергоатом», включая АС;
- ◆ методическое обеспечение психологической адаптации, выполнение мер психологической реабилитации и психологической поддержки персонала;
- ◆ социально-психологический мониторинг организационных факторов, влияющих на безопасность, и системы ценностей в коллективах АС, включая ценность повышения безопасности;
- ◆ мониторинг социально-психологического климата в трудовых коллективах, влияющего на безопасность, урегулирование коммуникативных процессов, конфликтных отношений;
- ◆ психолого-педагогическое сопровождение подготовки и переподготовки персонала в службах подготовки персонала (СПП): в учебно-тренировочных пунктах (УТП) и других учебных подразделениях, формирование отношений к вопросам безопасности, адекватных требованиям культуры безопасности при выполнении учебного процесса;
- ◆ анализ причин неправильных действий персонала в случаях нарушений в работе, разработка рекомендаций по корректирующим мерам и по предупреждению ошибок персонала;
- ◆ ведение банка данных: сбор, хранение и анализ результатов по направлениям работ ЛПФО и других подразделений психологической службы АС.

Традиционно оценка НЧФ проводится вероятностными методами на основе статистики отказов техники по вине персонала. Однако наиболее значительные аварии с тяжелыми последствиями, как правило, носят единичный характер. Поэтому прогноз надежности ЧФ, в особенности психологического вклада в надежность, должен строиться

на основе детерминистического подхода, с позиций общих психологических закономерностей поведения людей и с учетом структуры деятельности работника в реальных технических, технологических, социальных и психологических условиях.

Обеспечение качества готовности персонала зависит от точного выполнения требований к квалификации и личностным качествам работников АС.

На уровень психологической готовности персонала к работе в условиях АС оказывают влияние:

- 1) профессиональная компетентность (знания, умения, навыки);
- 2) функциональное состояние (утомление, внимание, острота реагирования, здоровье);
- 3) личностные психологические качества (ответственность, добросовестность, выдержка);
- 4) социально-психологический климат в коллективах станции (слаженность, конфликтность, социальные ценности);
- 5) социальные условия работы и жизни персонала (оборудование рабочих мест, автоматизация и др.).

Работа по обеспечению качества организуется в структуре работы по управлению персоналом по двум направлениям:

- индивидуальная работа по формированию личности работника,
- социальное управление, решающее задачи социального планирования и организационного развития предприятий, подбора и расстановки кадров по психологическим качествам, управления психологическим климатом и конфликтностью на предприятиях.

Психологическое обеспечение формирования личности специалиста — это система научно-практических мероприятий, ориентированная на изучение специалиста как субъекта трудовой деятельности, а также на организацию психологических видов работ, повышающих эффективность деятельности профессионала, его социально-психологическую компетентность. Это система диагностики, формирования, совершенствования и коррекции психологически обусловленных профессиональных качеств личности специалиста.

Психологическое обеспечение формирования личности специалиста АС позволяет решать следующие задачи:

- поиск количественных критериев психологического профотбора и расстановки кадров;
- решение проблем психологии становления профессионализма, развития личности в разные возрастные периоды (студентов, стажеров, инженеров, руководящих работников АС);
- оптимизация методов определения, измерений и прогноза развития ПВЛК работающих, оценка надежности этих методов;

- разработка методов коррекции личностных данных человека и целенаправленного воспитания ПВЛК;
- осуществление мониторинга динамики ПВЛК на протяжении всего трудового пути персонала;
- оптимизация формирования трудовых коллективов и совершенствование организационного управления;
- оптимизация решения социально-психологических проблем трудовых коллективов АС;
- сбор, обработка и архивирование данных психологических исследований, создание баз данных, разработка информационных систем.

Цели допуска по психологической готовности:

- Повышение культуры безопасности работы АС — реализация резервов человеческого фактора в обеспечении качества и надежности работы АС, снижение аварийности и травматизма в связи с неправильными действиями персонала.
- Стабилизация трудовых коллективов — подбор кадров по критериям деловой совместимости является необходимым предварительным этапом в формировании трудовых коллективов, в деле рационального подбора и расстановки кадров.
- Повышение эффективности подготовки персонала АС — предварительная диагностика особенностей претендента на оперативную должность позволяет найти индивидуальный подход к каждому обучаемому, разработать индивидуальную систему мероприятий, направленных на формирование необходимых качеств и коррекцию тех особенностей, которые мешают овладению профессиональными навыками, что дает возможность сократить сроки обучения персонала.
- Укрепление здоровья персонала — соответствие психологических и психофизиологических характеристик человека требованиям профессии ведет к снижению вероятности возникновения психогенных заболеваний.

Профессиографический анализ структуры деятельности оперативного персонала АС выявляет следующие особенности внешних и внутренних условий деятельности:

- 1) широкий диапазон показателей напряженности труда — от монотонного до высоконапряженного, критического уровня;
- 2) высокую вероятность мгновенного перехода от монотонного режима действий к высокоактивной деятельности, от режима слежения и информационного поиска к режиму принятия решений в условиях дефицита времени и угрозы аварии;
- 3) очень высокую ответственность работника за действия и их последствия;

4) групповой характер деятельности, зависимость результатов действий одного оператора от слаженности работы всей смены;

5) необходимость высокого уровня профессиональной подготовленности к действиям по управлению сложным техническим объектом и группой людей, включенных в контур управления объектом.

К профессионально важным личностным качествам (ПВЛК) работника АС относятся:

1) положительная мотивация и активная установка на выполнение профессионально-должностных обязанностей и обеспечение безопасности АС;

2) дисциплинированность, ответственность и добросовестность;

3) высокий самоконтроль, эмоциональная устойчивость и стабильность в стрессовых ситуациях;

4) готовность к сотрудничеству и совместной работе в коллективе;

5) достаточная сообразительность, познавательная активность.

Профессионально значимые индивидуальные особенности (ПЗИО) работника АС составляют:

1) адекватные время и точность реагирования на световые и звуковые сигналы, на движущийся объект,

2) удовлетворительные (нормативные) показатели памяти, внимания, мышления,

3) нормальные показатели функционального психофизиологического состояния (пульс, температура, артериальное давление, электропроводимость кожи, отсутствие остаточных явлений алкоголизации, проявлений склонности к наркозависимости).

Одним из важнейших направлений в работе психологической службы является выполнение программ психологической реабилитации, которые осуществляются специалистами-психологами либо самостоятельно, либо, при необходимости (при проявлении психосоматических признаков), в комплексе с медико-психофизиологическими мероприятиями по оздоровлению персонала станций.

Психологическая реабилитация имеет целью формирование адекватной мотивации труда и безопасности, адекватного психологического статуса, предупреждение психосоматических расстройств и адаптацию каждого работника к условиям производства, как важных условий культуры безопасности и повышения надежности работы персонала.

Программы психологической реабилитации формируются на основании:

- диагностических результатов входного и периодического контроля персонала по психологическим и психофизиологическим данным,
- результатов социально-психологического мониторинга проблем АС;

- результатов анкетирования персонала по организационным факторам обеспечения безопасности эксплуатации станций.

Соответственно, направления психологической реабилитации персонала станций имеют следующие направления:

I. Индивидуальное консультирование и проведение мероприятий психологической реабилитации (восстановления) и коррекции (поправок). Тренинги профессионально важных личностных качеств (самоконтроля, волевых качеств, стрессоустойчивости, коммуникативности и др.).

II. Социально-психологические тренинги по формированию деловой атмосферы и оптимизации стиля руководства в трудовых коллективах.

III. Проведение деловых игр по формированию у персонала ответственного отношения и приверженности принципам культуры безопасности, а также мотивации, адекватной приоритету безопасности в системе производственных целей и ценностей.

Мероприятия по психологической поддержке осуществляются в промежутке между плановыми обследованиями и решают актуальные задачи оптимизации психического состояния, надежности и эффективности деятельности персонала.

Работы по психологической поддержке строятся следующим образом: выделяются группы «риска» и группы «резерва». Для группы «риска» разработаны программы психокоррекционных и реабилитационных мероприятий.

Основные направления психокоррекции:

- формирование стрессоустойчивости путем освоения навыков саморегуляции, формирования эмоциональной устойчивости в экстремальных ситуациях и научения приемам снятия постстрессовых последствий;
- формирование навыков эффективной коммуникации путем развития эмпатии, эффективного восприятия и передачи информации, освоение приемов снятия напряжения в межличностном общении;
- коррекция отношения к труду, формирования приоритета безопасной эксплуатации АС за счет формирования адекватной самооценки, изменения внутриличностной системы отношений и освоения новых стратегий поведения в коллективе.

Для групп «резерва» разработан ряд мероприятий по психологической поддержке и развитию ПВЛК. Они осуществляются по трем этапам:

- освоение приемов саморегуляции и самопрограммирования через повышение уровня самоосознания, самоактуализации и вскрытие внутренних резервов;
- освоение навыков эффективного разрешения конфликтов в

ходе практической отработки современных методов ведения переговоров, мотивирование партнеров по коммуникации и снятие напряжения в конфликтных ситуациях;

- развитие навыков эффективного управления путем освоения методов эффективного решения производственных проблем и оптимизации социально-психологического климата в коллективе.

Система документации по психологическому обеспечению профессиональной надежности персонала включает в себя:

- нормативы по технологии проведения процедур психофизиологических обследований, психологической и социально-психологической поддержки, реабилитации и коррекции, консультирования персонала в ЛПФО;
- психологическое обеспечение учебных процессов УТП и УТЦ, индивидуализация тренинговых технологий;
- требования к организации рабочих мест с учетом эргономических и инженерно-психологических факторов;
- нормативы по процедурам участия психологов и эргономистов в комиссиях по анализу нарушений в эксплуатации АС;
- методические рекомендации по сбору и анализу данных об ошибках персонала, о их непосредственных и коренных причинах;
- методические пособия по созданию и ведению баз данных о нормативных и нерегламентных действиях персонала в нормальных и нестандартных условиях.

Блок «Эргономическое обеспечение» профессиональной надежности персонала АС

Целью эргономического обеспечения (ЭО) является разработка мер и мероприятий по улучшению значений эргономических показателей качества оборудования, систем (элементов) и показателей качества деятельности персонала АС, производственных условий, организационной нормативной, управленческой, научно-технической и эксплуатационной документации, обеспечению охраны труда и безопасности персонала АС как части системы человек—машина—среда (СЧМС).

Основные задачи ЭО:

- организация и проведение эргономической экспертизы разрабатываемой и действующей документации для предупреждения неправильных действий персонала, обусловленных ее недостатками;
- организация и проведение эргономической экспертизы рабочего места для обеспечения надежной эксплуатации АС и сохранения профессионального здоровья;
- разработка и проведение мероприятий, направленных на улучшение эргономических условий работы персонала по результатам эргономической экспертизы.

В эксплуатации сложных человеко-машинных комплексов, каким является атомная станция, технически реализуемы лишь незначительные изменения в конструкции, повышающие удобство обращения с техникой. Наиболее полно и правильно эргономические требования можно учесть на стадиях проектирования [2]. Так, на ранних стадиях проектирования и разработки системы «человек-машина» эргономические исследования, проводимые научно-исследовательскими организациями, могут предотвратить многие неправильные проекторочные решения (коренные ошибки) и помочь избежать тяжелых последствий этих ошибок при эксплуатации.

Осуществление цикла «эргономическое исследование — эргономическое проектирование — эргономическая экспертиза принятых решений» приближает создаваемый образец системы взаимодействия человека с техникой к оптимуму.

Целью эргономической экспертизы является установление соответствия технической части СЧМС человеческим возможностям и ограничениям. Эргономическое качество оборудования определяется как совокупность свойств техники, соответствующих свойствам человека, проявляющимся в процессе трудовой деятельности. Показатели эргономического качества оборудования классифицируются по соответствию требованиям:

1) *антропометрическим* (высота, ширина, глубина пульта, высота размещения столешницы пульта, размещение систем отображения информации [СОИ] и органов управления [ОУ]; характеристики кресла человека-оператора; досягаемость ОУ; показатели соответствия ОУ форме и размерам частей тела человека и т.д.);

2) *биомеханическим* (усилие, величина, направление перемещения ОУ, частота использования ОУ);

3) *психофизиологическим* (характеристики соответствия техники зрительному и слуховому анализаторам человека);

4) *психологическим* свойствам человека-оператора (показатели соответствия техники возможностям человека по приему, обработке информации и по принятию решений).

По методике эргономической экспертизы определяются:

- недостатки в компоновке средств отображения информации на рабочем месте;
- неправильное с эргономической точки зрения расположение устройств управления;
- нецелесообразный режим труда и отдыха;
- неправильное распределение физической и психоэмоциональной нагрузки в течение рабочего дня;
- несоответствие эргономическим требованиям временных характеристик трудовых операций.

Для предотвращения ошибок особенно большое значение имеет система нормативных документов: положений, правил, методик и инструкций.

Применение эргономических стандартов в разработке эксплуатационной документации атомной станции имеет целью повышение ее качества в части соответствия предписаний возможностям человека-исполнителя, и, соответственно, предупреждение и сокращение числа неправильных действий персонала, обусловленных недостатками эксплуатационной документации.

Производственная деятельность работника должна воспроизводить алгоритм действий, предписываемый эксплуатационной документацией. Регламентный алгоритм должен иметь высокие показатели по эргономическим и техническим параметрам, так как отклонение от регламента в выполнении реальных действий конкретным работником определяется как неправильное действие этого работника.

Эксплуатационная документация объединяет в единую систему объективные и субъективные производственные факторы, задавая алгоритм действий персонала в конкретных условиях труда. Требования эргономики к эксплуатационной документации:

- соответствие *формы* и *качества* представления информации в эксплуатационном документе законам восприятия человеком зрительно представляемой информации, закономерностям и особенностям памяти и внимания;
- соответствие *содержания* эксплуатационного документа возможностям и ограничениям человека как субъекта труда на биологическом, психофизиологическом и психологическом уровнях его деятельности;
- соответствие возможностям человека предписываемой в документации системы объективных и субъективных факторов труда.

Одним из важных критериев «эргономичности» эксплуатационного документа на АС является его приемлемость для выполнения с точки зрения пользователя. Претензии пользователя по поводу затруднений работы по инструкциям, программам и бланкам переключений являются основанием проведения оценки соответствия документа его предназначению.

Блок «Социальная безопасность»

Обеспечение социальной безопасности представляет собой самостоятельное направление работ в управлении организацией, осуществляемых в неразрывной связи с обеспечением экономической безопасности организации.

Цели подсистемы социальной безопасности:

- разработка системы мониторинга социальной безопасности для принятия управленческих решений в социальной сфере;
- разработка критериев и индикаторов для создания системы мониторинга социальной безопасности и информационной шкалы.
- научно-экономическое обоснование затрат, связанных с социальной безопасностью эксплуатации атомных станций концерна «Росэнергоатом», утверждаемых в тарифе на производство тепловой и электрической энергии Федеральной службы тарифов России;
- объединение и систематизация существующих социальных программ концерна «Росэнергоатом»; разработка и внедрение других необходимых программ, направленных на обеспечение социальной безопасности концерна «Росэнергоатом»;
- разработка системы управления социальной безопасностью;
- обеспечение жизненного уровня работников атомных станций до величины, гарантирующей социальную безопасность эксплуатации атомных станций через систему экономических, правовых, организационных, технических, медико-реабилитационных и других мероприятий.

Задачами подсистемы социальной безопасности являются:

- мониторинг и анализ индикаторов состояния социальной безопасности атомных станций концерна «Росэнергоатом» на основе объективных и субъективных факторов (данные социологических опросов; результаты исполнения обязательств по коллективным договорам и корпоративному соглашению; результаты реализации корпоративных социальных программ);
- ежегодная оценка состояния социальной безопасности;
- обоснование затрат, связанных с социальной безопасностью;
- совершенствование системы учета и контроля затрат на социальную безопасность концерна «Росэнергоатом»;
- разработка мероприятий по поддержанию социальной безопасности концерна «Росэнергоатом» и обоснование затрат на их реализацию.

Субъектами системы являются органы управления концерна «Росэнергоатом», его филиалов и предприятий, медицинские страховые компании, страховые компании, негосударственные пенсионные фонды, ипотечные фонды, санаторно-курортные фирмы, органы исполнительной власти монопроизводственных населенных пунктов, общественные организации работников атомной энергетики и другие корпоративные организации в части осуществления ими деятельности в области социальной сферы.

На рисунке 3 представлена логическая структура взаимодействия факторов, обуславливающих состояние социальной безопасности ра-

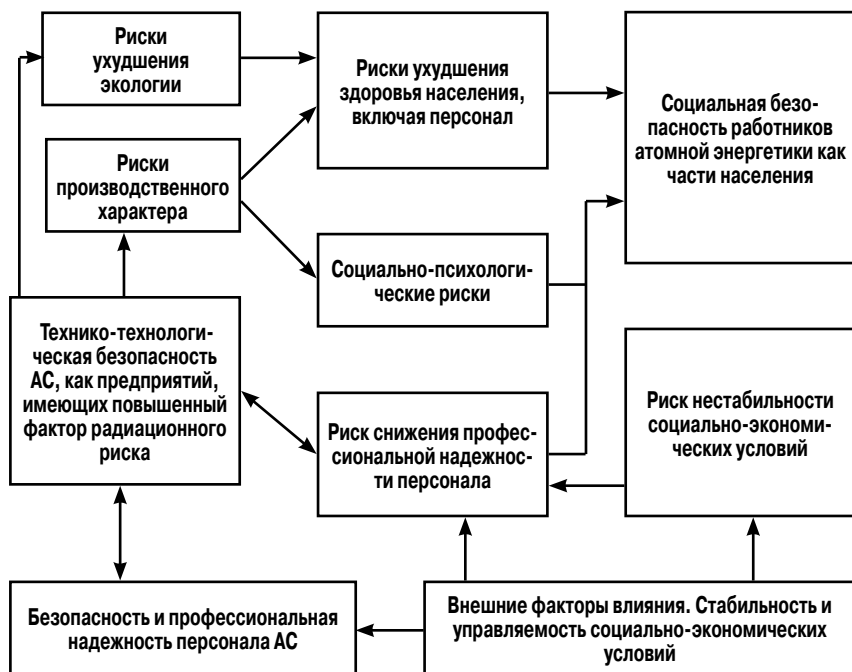

Рис. 3. Внешние и внутренние условия обеспечения и риски снижения социальной безопасности работников атомных станций концерна «Росэнергоатом».

ботников атомной энергетики как части населения, имеющей важное значение для обеспечения условий социальной защищенности всего населения.

Ожидаемый результат работы подсистемы «Социальная безопасность»:

- внедрение системы управления социальной безопасностью концерна «Росэнергоатом»;
- получение инструмента для определения уровня социальной безопасности эксплуатации атомных станций;
- повышение престижа работника атомной энергетики;
- планомерное выполнение программы обеспечения социальной безопасности работников атомной энергетики; снижение рисков, угрожающих социальной безопасности работников атомной энергетики.

Критерии и показатели обеспечения социальной безопасности работников организаций атомной энергетики определяются:

- общими требованиями культуры безопасности атомной энергетики;
- специфическими производственными условиями, сопряжен-

ными с факторами риска для населения, включая самих работников атомных станций и поддерживающих организаций;

- необходимостью системного видения взаимовлияний и взаимокompенсаций различных *внешних* по отношению к атомной энергетике и ее собственно *внутренних* условий, обеспечивающих социальную безопасность работников атомной энергетики.

К факторам *внутреннего влияния* относятся условия, учитывающие конкретную специфику жизнедеятельности работников в атомной энергетике.

Ввиду принципиальной невозможности создания концепции социальной безопасности работников атомной энергетики в отрыве от состояния населения страны в целом, в определении критериев и показателей системы мониторинга социальной безопасности и информационной шкалы учитываются факторы *внешнего влияния*.

Факторы, способствующие тенденции к усложнению социальной ситуации и снижению социально-экономического и психологического статуса людей, приобретают значения *факторов социального риска*. Реализация риска нестабильности социально-экономических условий имеет сложную систему влияния на социальную безопасность, как прямого, так и опосредованного. Прямое влияние выражается в снижении социальной безопасности работников атомной энергетики как части населения. Комплексно влияет на социальную безопасность связь экономических и организационных факторов, и наоборот.

Опосредованно влияние проявляется в усилении риска снижения профессиональной надежности персонала, обеспечивающей технико-технологическую безопасность АС, а значит, повышаются риски ухудшения экологии и риски производственного характера, а также риски ухудшения здоровья населения, включающего персонал АС.

При этом социально-психологические риски, являясь следствием перечисленных выше рисков, в свою очередь, усиливают их и снижают социальную безопасность.

Показатель риска социальной безопасности — интегральная качественная и/или количественная характеристика конкретной опасности негативных последствий явлений, представляющих угрозу благополучному ходу событий как условию социальной безопасности.

Показатели риска могут быть определены и измерены с опорой на конкретные *признаки* риска снижения социальной безопасности. Признаки риска определяются как наблюдаемые (измеряемые) характеристики, выражающие природу, качественное сходство или различия явлений, представляющих угрозу социальной безопасности.

В качестве *критериев* оценки риска выступают *отличительные* признаки, или *критические значения* в ряде событий, наблюдений, имеющие количественное выражение.

Выделены 17 факторов, по мнению работников станций, подлежащие контролю и требующие, таким образом, принятия мер по усилению социальной безопасности работников атомной энергетики:

- Оплата труда.
- Совершенствование управления.
- Обеспеченность жильем.
- Медицинское обслуживание.
- Развитие сферы досуга.
- Морально-психологический климат.
- Сфера общественного питания.
- Рост уровня квалификации.
- Престижность атомной энергетики.
- Развитие демократии.
- Дисциплина труда.
- Общественный транспорт.
- Формирование приоритетов безопасности.
- Текучесть кадров.
- Режим работы.
- Техника безопасности и охрана труда.
- Обеспеченность детскими дошкольными и школьными учреждениями.

В целях создания системы обеспечения социальной безопасности работников атомной энергетики необходима долгосрочная целевая программа по смягчению факторов, способствующих усложнению социальной ситуации и снижению социально-экономического и психологического статуса людей. Долгосрочная целевая программа должна обеспечить ведение мониторинга социальной безопасности как средства обратной связи в планировании и выполнении программы мер по повышению социальной безопасности.

Мониторинг социальной безопасности должен обеспечить учет, контроль и анализ фактического выполнения социальных программ и корпоративных стандартов в сравнении со стратегическим планом социальной безопасности концерна «Росэнергоатом» с учетом взаимодействия социально-психологических и организационно-экономических факторов обеспечения безопасности.

Выводы

Реализация концепции позволяет:

- Создавать объективные условия для сокращения числа неправильных действий персонала за счет формирования психологи-

ческой готовности к работе и отношения персонала к безопасности, соответствующего принципам культуры безопасности.

- Объединять в единый комплекс и согласовывать психологическое, эргономическое, социально-психологическое, социологическое, психолого-педагогическое, психофизиологическое и медицинское направления работ по повышению профессиональной надежности персонала.
- Достигать той стадии в повышении культуры безопасности, на которой безопасность видится как непрерывный процесс улучшений, вклад в который может вносить каждый.
- Создавать в коллективах АС атмосферу, в которой ценности, связанные с безопасностью, всеми полностью разделяются и понимаются однозначно.
- Улучшать адаптационные возможности персонала организаций атомной энергетики.

Литература

1. *Абрамова В.Н.* Разработка концепции надежности человеческого фактора в научных исследованиях и практической деятельности в отрасли по атомной энергии // *Эргономика*. 1993. № 1.
2. *Зинченко В.П., Мунитов В.М.* Эргономика: человекоориентированное проектирование техники, программных средств и среды. М.: Логос, 2001.
3. Ключевые вопросы практики повышения культуры безопасности // Доклад Международной консультативной группы по ядерной безопасности. INSAG-15. Вена: МАГАТЭ, 2002.
4. Концепция системы обеспечения профессиональной надежности персонала ФГУП концерна «Росэнергоатом» (РД ЭО). М.: Концерн «Росэнергоатом», 2006.
5. Методика анализа причин неправильных действий персонала для специалистов-психологов при расследовании нарушений в работе АС // Обязательное приложение Ж к РД ЭО 0095-2004. М.: Концерн «Росэнергоатом», 2004.
6. Методические указания по анализу причин нарушений в работе атомных станций, пожаров, несчастных случаев и повреждений зданий и сооружений (РД ЭО 0095-2004). М.: Концерн «Росэнергоатом», 2004.
7. Общие положения обеспечения безопасности атомных станций (ОПБ-88/97). М.: Госатомнадзор, 1997.
8. Руководство МАГАТЭ № IAEA-TECDOC-573 по анализу важных для безопасности событий на АС (ASSET). Вена: МАГАТЭ, 1990.

Феноменология и компоненты психологической готовности сотрудников МВД России к деятельности в чрезвычайных ситуациях

Г.С. Дунин

Служебно-профессиональная деятельность сотрудников МВД России зачастую протекает в экстремальных и чрезвычайных условиях, связанных с задержанием преступников, применением оружия, обеспечением правопорядка в период массовых мероприятий, стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций [1, 2].

В последние годы сотрудники МВД России постоянно привлекаются к выполнению оперативно-служебных задач в «горячих точках» и, прежде всего в Северо-Кавказском регионе и Чеченской республике, обеспечивая поддержание конституционного порядка, пресечение преступных действий бандформирований и организованной преступности. Кроме того, обеспечение правопорядка при террористических актах и захвате заложников является одной из важных задач личного состава МВД России [2, 3].

Деятельность в этих условиях требует от сотрудников МВД России большого нервно-психического напряжения и самоотдачи, характеризуется необходимостью противостоять преступности, имеющей высокий уровень агрессивности, проявляющейся в самых разных формах. Специфика несения службы сотрудниками в этот период заключается в необходимости выполнения служебных и профессиональных обязанностей в условиях чрезвычайно высоких нервно-психических и физических нагрузок [4].

Профессиональная деятельность сотрудников МВД России характеризуется длительным воздействием значительного числа стрессогенных психотравмирующих факторов и протекает в чрезвычайных условиях. Это определяет высокие требования к психической сфере личности сотрудников МВД России, их стрессоустойчивости и психологической готовности к деятельности в чрезвычайных ситуациях [4].

Длительное воздействие стрессогенных факторов, наличие постоянной угрозы для жизни, высокая вероятность гибели, ранения, травматизации предъявляют высокие требования не только к уровню профессиональной подготовленности, но и к психологическим ка-

чествам личности, обуславливающим психологическую готовность к деятельности в чрезвычайных ситуациях.

Проблема оценки и прогнозирования психологической готовности сотрудников МВД России, особенно при направлении в спецкомандировки в горячие точки и в период выполнения оперативно-служебных задач в экстремальных условиях является профессионально значимой для МВД России, так как от нее зависит не только эффективность оперативно-служебной деятельности сотрудников МВД, но их личная безопасность, здоровье и жизнь [5]. В связи с этим оценка, прогнозирование и формирование психологической готовности к деятельности в чрезвычайных ситуациях относятся к числу приоритетных задач профотбора, профессионально-психологической подготовки и психологического обеспечения деятельности сотрудников МВД России.

Низкий уровень психологической готовности сотрудников МВД России к деятельности в чрезвычайных ситуациях при их направлении в спецкомандировки, а также снижение психологической готовности на фоне длительного воздействия большого числа стрессогенных факторов в период контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона и Чеченской республике тесно связаны с гибелью, ранениями и нервно-психическими расстройствами сотрудников МВД России [4, 5].

Теоретические основы экстремальной психологии определяют необходимость исследования трех основных типов психологической готовности к деятельности в чрезвычайных ситуациях — длительную (долгосрочную, индивидуальную), оперативную (кратковременную, краткосрочную, индивидуальную) и коллективную (групповую) психологическую готовность.

В рамках таких исследований значительный научно-практический интерес представляет анализ уровней выраженности и структуры основных компонентов психологической готовности сотрудников МВД к деятельности в чрезвычайных ситуациях, а также разработка психодиагностических алгоритмов ее прогноза с помощью психодиагностических тестов.

В военной психологии и педагогике различные аспекты проблемы оценки и формирования психологической готовности к деятельности в экстремальных условиях рассматривались в рамках проблемы психологической подготовки в работах А.Г. Базанова, А.В. Барабанщикова, В.И. Вдовюка, В.П. Давыдова, М.И. Дьяченко, Л.Ф. Железняк, Н.И. Кирашова, М.И. Коробейникова, И.Д. Ладанова, Г.Д. Лукова, В.Л. Марищука, В.В. Офицера, К.К. Платонова, А.М. Столяренко, Н.Ф. Феденко, В.Т. Юсова и других авторов.

Различные аспекты процесса оценки и формирования психологической готовности у сотрудников внутренних войск и спецподразде-

лений МВД России к деятельности в экстремальных условиях нашли отражение в работах А.И. Адаева, Ю.В. Аманацкого, Ю.Н. Голованова, Г.С. Дунина, А.А. Кочина, Л.А. Китаева-Смыка, Г.И. Перекопского, В.Ю. Рыбникова, Н.Н. Силкина, Л.С. Узуна.

Анализ научной литературы показывает, что исследуемая проблема является еще недостаточно разработанной в психологической науке, а отсутствие системных, научно-обоснованных практических рекомендаций содержательного и организационно-педагогического характера вызывает существенные затруднения в становлении эффективной системы оценки и поддержания психологической готовности сотрудников МВД к деятельности в экстремальных условиях.

Актуальность проблемы, ее теоретическая и особая практическая значимость в современных условиях, а также ее недостаточная разработанность в психологической практике МВД России обусловили необходимость проведения исследований по изучению феноменологии и компонентов психологической готовности сотрудников МВД России к деятельности в чрезвычайных ситуациях.

Психологическая готовность рассматривается большинством авторов в рамках экстремальной психологии в тесной взаимосвязи с такими понятиями, как психологическая подготовка, психологическая подготовленность, надежность психики, психическое состояние, психологический отбор, прогнозирование состояний, экстремальная ситуация. Так, анализируя проблему психологического отбора и прогноза стрессовых состояний, свойственных индивиду в экстремальных ситуациях, В.В. Суворова [6] отмечает, что при определении пригодности человека к той или иной профессии необходимо учитывать, наряду с особенностями психических процессов и свойств личности, его потенциальную возможность вырабатывать и сохранять готовность к активным действиям в экстремальных ситуациях.

Логическим продолжением такого подхода к оценке готовности к предстоящей деятельности является показатель соответствия ее сложности и той цены физиологических и психологических ресурсов, которые расходуются для обеспечения выполнения задачи, стоящей перед человеком в процессе его практической деятельности [7].

Раскрытие психологических основ и механизмов готовности к деятельности в экстремальных ситуациях способствует как теоретическому осмысливанию проблемы «человека в экстремальных условиях», так и практическому решению задач организации управления профессиональной деятельностью в сложных условиях. Знание природы и психологических основ психологической готовности может способствовать воспитанию и формированию социально активной личности, расширению ее кругозора, развитию профессионализма. Выявление индивидуально-психологических особенностей поведе-

ния человека в экстремальных ситуациях представляет собой важную и в то же время сложную задачу.

Под термином «готовность» понимается обычно состояние, определяемое способностью к успешному выполнению какой-либо деятельности и связанное с сознательной направленностью на эту деятельность [8, 9]. При этом речь идет не о готовности вообще, а непременно о готовности к какому-то определенному виду деятельности, например, к трудовой деятельности [10]. Нейрофизиологические основы состояния готовности исследованы П.К. Анохиным, Н.А. Берштейном, А.Р. Лурией. Особенно важными для понимания феномена готовности являются, на наш взгляд, представления о психологической установке А.С. Прангишвили и Д.Н. Узнадзе и о доминанте как нейродинамической ее основе.

Согласно взглядам Б.Ф. Ломова [11], представление об установке как упорядоченном единстве всех биологических и психологических функций дает возможность оценивать состояние готовности как многомерную, многокомпонентную и многоуровневую систему, объединяемую в некоторое единство общим системообразующим фактором.

Именно установка является тем направляющим фактором, который объединяет социальные, психологические и биологические компоненты готовности к деятельности. Ряд авторов при рассмотрении понятия «готовности» особо подчеркивали ее психологический компонент — психологическую готовность [12, 13]. Акцентировалось внимание и на социальных компонентах психологической готовности [14].

Ряд авторов [15] обособляют готовность к действиям в экстремальных ситуациях и выделяют в качестве ее показателя наличие у субъекта образа структуры действия — особого функционального и психологического состояния направленности сознания на выполнение необходимого действия.

Ряд исследователей [16] понятие готовности рассматривают в ограниченном аспекте развития предстартового состояния спортсмена, а некоторые [17] говорят о широкой готовности к деятельности.

По Б.Г. Ананьеву [18] понятие психологическая готовность характеризует психологическое соответствие субъекта требованиям соответствующей деятельности.

Различие взглядов специалистов на понятие готовности к деятельности, в частности, психологической готовности, и разные подходы к ее изучению и оценке были рассмотрены М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбовичем и В.А. Пономаренко [19]. Различают общую и ситуативную готовность; длительную готовность и предстартовое состояние; обычное, повышенное и пониженное состояние готовности [20]; готовность с преобладанием познавательных, волевых или эмоциональных компонентов [21].

Н.Д. Левитов психологическую готовность рассматривал прежде всего как состояние, иногда даже как фон, на котором проходят психические процессы [22]. А.Ц. Пуни рассматривает ее не как характеристику деятельности, а как состояние личности, что представляется нам более перспективным подходом [23].

Как можно видеть, взгляды разных авторов на проблему готовности достаточно разноречивы, и перспективный подход в характеристике готовности к деятельности как многомерной, многокомпонентной системы еще не нашел достаточного распространения, и в этом направлении целесообразно продолжение исследований.

В психологии труда для описания и прогнозирования состояния подготовленности человека к деятельности широко используется понятие «готовность к труду». Так, различают временную (ситуативную) и долговременную (устойчивую) готовность; функциональную и личностную готовность; общую и специальную готовность; готовность к умственной и физической деятельности и т. д. [19, 20].

В психологической литературе готовность к труду рассматривается как сложное, целостное личностное образование, в состав которого включаются: морально-волевые качества личности, социально значимые мотивы, практические умения и навыки, знания о профессии [21]; общетрудовые умения и навыки, нравственная готовность к труду, идейно-политическая воспитанность, знания по общеобразовательным предметам, индивидуально-психологические качества, обеспечивающие включение в новую сферу деятельности и эффективность ее выполнения, вооруженность трудовыми умениями и навыками, психологические функции и способности, необходимые для трудовой деятельности.

В.Л. Марищук [8] определяет готовность к деятельности как своеобразное психическое состояние личности, характеризующееся оптимальным уровнем эмоционального возбуждения, осознанной мотивацией, стремлением достичь намеченной цели.

Новые подходы к сущности и содержанию психологической готовности, надежности, устойчивости и работоспособности психики исследованы в работах Л.Г. Дикой [24] и некоторых других ученых.

Применительно к эффективности деятельности в экстремальных ситуациях различают готовность физическую, профессиональную, боевую, психологическую [25, 26].

Психологическая готовность к деятельности большинством авторов рассматривается как уровень соответствия психических процессов, опыта и свойств личности конкретным условиям и задачам, который во многом определяет границы устойчивости деятельности [25–28]. В области психологии труда и инженерной психологии большинство авторов психологическую готовность рассматривают как психическое

состояние [26—27]. В военной психологии состояние готовности к боевой деятельности рассматривается как целостное выражение личности воина, его настроенность на организованные и активные действия [28].

Следовательно, психологическая готовность — это первичное фундаментальное условие успешного выполнения любой деятельности. Возникновение состояния готовности к деятельности начинается с постановки цели на основе потребностей и мотивов или осознания человеком поставленной перед ним задачи. Наиболее существенным показателем такой готовности является целеустремленная мобилизованность психических процессов для преодоления трудностей и достижения положительного результата.

Таким образом, состояние мобилизованности характеризуется отношением наличных возможностей к потенциальным, а состояние готовности включает в себя отношение наличных возможностей к требуемым. Предельная мобилизованность не обеспечивает готовности, а при готовности не всегда необходима мобилизованность.

Состояние психологической готовности личности к деятельности — это сложное динамическое образование, в структуре которого выделяют следующие функционально взаимосвязанные компоненты: мотивационный, ориентационный, операциональный, волевой и оценочный. Достаточная выраженность показателей, характеризующих эти компоненты, и их целостное единство обеспечивают высокий уровень готовности человека, его активности, самостоятельности, творчества в процессе деятельности. Недостаточная их развитость свидетельствует о незавершенности формирования готовности, о ее среднем или низком уровне.

Как правило, личность реализует две группы своих возможностей — неспецифические и специфические, которые являются слагаемыми ее готовности к деятельности. Первые характеризуются активным применением средств и способов, общих для решения многих задач, поддержанием внутреннего равновесия, мобилизацией своего опыта, чувств, воли для решения задач. Вторые выражаются в развитии профессионально важных качеств и свойств личности: профессиональной мотивации, способностей, уровня притязаний и их актуализации, которые соответствуют требованиям задач, условий и времени.

В своих исследованиях мы исходим из понимания сущности готовности как единства психического состояния и комплекса профессионально важных свойств личности.

В целостной структуре готовности специалистов к службе выделяют две взаимосвязанные подсистемы готовности: долговременную — устойчивый комплекс профессионально важных качеств и ситуативную — психическое состояние. Эти подсистемы имеют два следующих важных различия: подсистема долговременной готовности

формируется заблаговременно и проявляется устойчиво, способствуя успешной деятельности во многих ситуациях, тогда как психическое состояние готовности возникает для решения задач в конкретных ситуациях, отражая имеющиеся как объективные, так и субъективные условия. В реализации регулятивной функции психики подсистема долговременной готовности выступает в качестве стабилизирующего момента, в то время как подсистема ситуативной готовности является динамическим моментом. Однако эти подсистемы в целостной системе готовности представляют собой функциональное единство.

В качестве системообразующего фактора готовности специалистов к службе выступает профессиональная направленность, мотивация личности: ценностные ориентации, мотивы, потребности, личностные ожидания, отношение к жизни и предстоящей службе, личная активность в реализации жизненных перспектив [25, 29].

Динамика развития готовности к предстоящей профессиональной деятельности зависит как от внешних, так и от внутренних условий.

Среди внешних условий в качестве детерминирующих факторов обычно выделяют специфику профессиональных задач, их трудность, новизну, экстремальный характер; условия (обстановку) профессиональной деятельности; пример поведения окружающих; особенности стимулирования действий и результатов деятельности и т.д.

Среди внутренних условий выделяют мотивацию деятельности, стремление к достижению результата и оценку вероятности успеха, адекватность самооценки интеллектуальных, эмоциональных, мотивационных и волевых возможностей; чувство ответственности и уверенности в себе и профессиональную подготовленность и личный опыт мобилизации сил на решение задач большой трудности (в том числе для действий в напряженных ситуациях); состояние здоровья и физическое самочувствие; умение контролировать и регулировать уровень своего состояния готовности; умение самонастраиваться, создавать оптимальные внутренние условия для предстоящей деятельности [25].

Одной из важнейших составляющих психологической готовности специалиста к профессиональной деятельности выступает мотивационная готовность. В экстремальных ситуациях она рассматривается нами как актуализация потребности в личностной безопасности и профессиональном выполнении задач деятельности.

Состояние психологической готовности в решающей степени обуславливается устойчивыми психическими особенностями, свойственными данному человеку. Но оно представляет собой не просто перенос качеств и состояний в новую ситуацию, простую актуализацию их. На состояние психологической готовности оказывают влияние и те конкретные условия, в которых осуществляется их профессиональная деятельность.

На основе психологического анализа существующих подходов к решению данной проблемы и нашего личного опыта участия в контртеррористической операции на Северном Кавказе выявлены внешние и внутренние условия, обуславливающие психологическую готовность.

К их числу следует отнести содержание оперативно-служебных задач, их трудность, новизну, экстремальный характер; обстановку оперативно-служебной деятельности, опыт поведения и деятельности в экстремальных условиях; особенности стимулирования действий и результатов; мотивацию, стремление к достижению того или иного результата; оценку вероятности достижения желаемого результата; самооценку собственной подготовленности; предшествующее нервно-психическое состояние; состояние здоровья и физическое самочувствие; личный опыт мобилизации сил на решение трудных оперативно-служебных задач; умение контролировать и регулировать уровень своего состояния готовности; умение самонастраиваться, регулировать свое психическое состояние и создавать оптимальные внутренние условия для предстоящей деятельности в экстремальных ситуациях.

Исследования М.И. Дьяченко [19, 30] показали, что динамическую структуру состояния реальной психологической готовности к сложным видам деятельности составляют следующие взаимосвязанные элементы:

- 1) осознание своих потребностей, требований общества, коллектива или поставленной другими людьми задачи;
- 2) осознание целей, решение которых приведет к удовлетворению своей потребности или выполнению поставленной задачи;
- 3) осмысливание и оценка условий, в которых будут протекать предстоящие действия, актуализация опыта, связанного в прошлом с решением задач и выполнением требований подобного рода;
- 4) определение на основе опыта и оценки предстоящих условий деятельности наиболее вероятных и вспомогательных способов решения задач или выполнения требований;
- 5) прогнозирование проявления своих интеллектуальных, эмоциональных, мотивационных и волевых процессов, оценка соотношения своих возможностей, уровня притязаний и необходимости достижения определенного результата;
- 6) мобилизация сил в соответствии с условиями и задачей, самовнушение в достижении цели.

В итоге человек настраивается на определенное поведение, на совершение действий, необходимых для достижения поставленной цели, создает условия для выполнения профессиональных задач, а также совершает подготовительные действия, восполняет недостаток информации, проводит упражнения, тренировки, предвидит варианты развертывания событий, моделирует процесс своей деятельнос-

ти в экстремальных ситуациях. С началом практических действий внимательно следит за изменением обстановки, оценивает адекватность своих действий, модель которых он построил заранее, стремится не упустить возможности использования оптимальных условий и средств, ведущих к достижению цели, сознательно управляет собой.

Таким образом, состояние психологической готовности имеет сложную динамическую структуру и является выражением совокупности мотивационных, волевых, регуляторных, когнитивных и типологических сторон психики личного состава в их соотношении с внешними условиями и предстоящими задачами.

Ряд авторов, анализируя содержание готовности к профессиональной деятельности, в качестве основных элементов психологической готовности рассматривает следующие компоненты [4, 31–34]:

- мотивационный — положительное отношение к профессии, интерес к ней и т.д.;
- ориентационный — знания и представления об особенностях и условиях профессиональной деятельности, ее требованиях к личности;
- оперативный — владение способами и приемами профессиональной деятельности, необходимыми знаниями, умениями и навыками, процессами анализа, синтеза, сравнения, обобщения и т.д.;
- волевой — самоконтроль, умение управлять действиями, из которых складывается выполнение трудовых обязанностей;
- оценочный — самооценка своей профессиональной подготовки, оценка процесса решения профессиональных задач оптимальным трудовым образцом.

По их мнению, достаточная развитость и выраженность этих компонентов и их целостное единство являются показателем высокого уровня психологической готовности специалиста, его активности, самостоятельности, творчества в процессе деятельности. Их недостаточная развитость и выраженность свидетельствуют об известной неподготовленности, незавершенности формирования готовности, о ее средних или низких уровнях.

Следовательно, готовность — это первичное фундаментальное условие успешного выполнения любой деятельности. Различают профессиональную, физическую и психологическую готовность к деятельности в экстремальных условиях [31].

Здесь следует отметить, что возникновение психологического состояния готовности к деятельности начинается с постановки цели на основе потребностей и мотивов (или осознания человеком поставленной перед ним задачи). Далее идет разработка плана, установок, моделей, схем предстоящих действий. Затем человек приступает к воплощению появившейся готовности в предметных действиях, при-

меняет определенные средства и способы деятельности, сравнивает ход выполняемой работы и ее промежуточные результаты с намеченной целью, вносит коррективы. Причем анализ ситуации, решение, развитие замысла, эмоций, проявление и изменение готовности определяются, прежде всего, доминирующим мотивом, который обеспечивает необходимую длительность и направленность активности.

Существенно и другое. В создании, сохранении и восстановлении состояния готовности решающую роль играет то, что оно связано с различными сторонами личности. Вне реально существующих связей с другими характеристиками психической деятельности состояние готовности теряет свое содержание.

Следовательно, состояние готовности личности к деятельности следует понимать как сложное временно возникающее (оперативное) образование. Оно имеет динамическую структуру, между компонентами которой существуют функциональные зависимости. Стремясь удовлетворить свои потребности, человек в практической деятельности на основе внутренней активности (биологической, физиологической и психической) реализует определенную цель. Обычно человек реализует две группы своих возможностей, неспецифические и специфические, которые являются слагаемыми его готовности к деятельности.

Неспецифические возможности характеризуются активным применением человеком средств и способов, общих для решения многих задач, поддержанием внутреннего равновесия, мобилизацией своего опыта, чувств, воли для решения жизненных задач. В этом состоит важное проявление общей активности и целостности личности. Специфические возможности как слагаемые готовности выражаются в особом профессионально заостренном развитии устойчивых качеств и свойств личности (направленности, характера, способностей, уровня притязаний и др.), а также такой их актуализации, которая бы строго соответствовала требованиям решения задач, условиям и времени.

Неспецифические и специфические возможности входят в диалектической взаимосвязи в готовность к деятельности.

Практика показывает, что наряду с индивидуальной существует и коллективная готовность к активным действиям. Готовность служебного коллектива — не прямое следствие, не механическая сумма готовности отдельных его членов. Помимо мобилизации индивидуальных качеств, нужно привлечь к выполнению задачи общественное мнение, традиции коллектива, создать общую установку и коллективное настроение.

Общий успех является итогом не отдельно взятых индивидуальных, а совместных и согласованных действий многих людей. Коллективный результат базируется на правильном восприятии и представлении всеми участниками хода решения задачи, взаимопонимании,

взаимной уверенности, взаимном доверии, сплоченности, навыках взаимодействия.

Следовательно, содержание и структура готовности служебного коллектива раскрываются в общей целеустремленности, направленности его умственных, эмоциональных и волевых проявлений профессиональной подготовленности, мастерства и установок на четкое и полное выполнение задачи.

Известно, что объединение людей для совместной деятельности порождает взаимовлияние, подражание, внушение, соревнование, стремление к самоутверждению, симпатии, антипатии, взаимные оценки, авторитеты и т. п. [25, 30, 31]. Все эти социально-психологические явления оказывают влияние на готовность не только отдельных лиц, но и целого подразделения. Например, если тот или иной человек равнодушен к общему успеху и стремится к успеху личному, то это может отрицательно сказаться на общем ритме работы коллектива, вызвать несогласованность в действиях. Хороший морально-психологический климат в коллективе, бодрость, уверенность, взаимопонимание, уважение друг к другу, доброжелательность, взаимная требовательность, товарищество, дружба, взаимозаменяемость составляют необходимые предпосылки готовности, создания общей установки на успешное выполнение задачи, слаженности и согласованности в коллективной деятельности.

Вместе с тем спаянность, дисциплина, выучка, сознательность и стойкость коллектива поддерживают постоянную бодрость духа и благоприятствуют формированию и сохранению готовности каждого члена коллектива к активным действиям в самых сложных, экстремальных ситуациях.

Особенно остро стоит проблема индивидуальной и групповой готовности для подразделений в условиях войны и при выполнении оперативно-служебных задач в экстремальных условиях.

Так, например, сотрудники спецподразделений МВД России, находясь при выполнении специальных операций в элементах боевого порядка (группах захвата, заслонах, засадах и т. д.), обеспечивают не только каждый свой сектор, но и страхуют товарищей, реагируют на малейшие изменения оперативной и оперативно-служебной обстановки в целом, находясь в готовности действовать в экстремальной ситуации.

Однако нами будет рассматриваться индивидуальная, а не коллективная психологическая готовность.

Для оценки психологической готовности к деятельности в экстремальных ситуациях важно определить компоненты этой оценки и обосновать феноменологию этого многомерного понятия.

Наш личный опыт психологического обеспечения сотрудников МВД России, участвовавших в выполнении контртеррористических

Структура психологической готовности к деятельности в экстремальных ситуациях

Рис. 1. Структура и содержание компонентов психологической готовности к деятельности в чрезвычайных ситуациях.

операций в Чеченской Республике и на Северном Кавказе, позволил выделить пять основных компонентов психологической готовности к деятельности в экстремальных и чрезвычайных ситуациях: мотивационный, волевой, эмоционально-регуляторный, информационно-познавательный и типологический (рисунок 1).

Мотивационно-социальный критерий включает в себя: понимание и осознание государственного значения и важности выполняемых задач, позитивное (ценностно-ориентационное) отношение к пред-

стоящей деятельности, сознательное стремление к добросовестному выполнению служебного долга, оперативно-служебной задачи; моральную нормативность, потребность в преодолении трудностей и настойчивость в достижении цели; проявление интереса к выполнению служебных задач в экстремальных условиях; стремление добиться успеха и показать себя с лучшей стороны при исполнении обязанностей.

Кроме широких социальных мотивов, указанный критерий включал индивидуальные мотивы направленности на деятельность по выполнению задач контртеррористической операции, обусловленные высоким денежным содержанием (выплата так называемых боевых), возможностью служебного роста и т.п.

Когнитивный (информационно-интеллектуальный) критерий предполагает познавательный, активный характер включения в будущую экстремальную деятельность через стремление узнать новое о предстоящих трудностях, условиях выполнения задач, приемах и способах деятельности противника, анализ имеющейся информации. Это один из способов подготовки к экстремальным условиям. Он основан на понимании задач и условий предстоящей профессиональной деятельности, психологической оценке их значимости; формировании представлений о вероятных изменениях обстановки, трудностях, предстоящих условиях выполнения оперативно-служебных задач в экстремальных ситуациях. Он дополняет имеющийся у сотрудника ОВД объем знаний, приемов, средств и способов достижения цели; способствует быстрому формированию профессиональных умений и навыков действий в экстремальных условиях.

Эмоционально-регуляторный критерий отражает способность управлять своими чувствами, эмоциями и поведением, самоконтроль, способность регулировать свое психическое состояние, подавлять отрицательные эмоции, страх. Он также включает самообладание, способность регулировать чувства и, в том числе, подавлять отрицательные эмоции, страх, панические реакции, способность противостоять экстремальным раздражителям при выполнении оперативно-служебных задач, способность к саморегуляции психики. Именно этот компонент обуславливает снижение уровня нервно-психического напряжения, профилактику психосоматических заболеваний и нервно-психических срывов.

Волевой критерий включает в себя: настойчивость, решительность, целеустремленность, упорство в преодолении возникших трудностей, самообладание; эмоционально-волевою устойчивостью, способность брать на себя ответственность в экстремальных ситуациях; умение сохранять высокий уровень активности, инициативы, самостоятельности; способность противостоять усталости.

Типологический критерий характеризует тип нервной системы

(слабый, сильный), силу и уравновешенность процессов возбуждения и торможения, нервно-психическую устойчивость, адаптационные способности.

Выделенные пять компонентов составляют сущность и феноменологию понятия психологической готовности к деятельности в экстремальных ситуациях. Применительно к каждому из этих пяти компонентов психологической готовности нами выделены три уровня (высокий, средний, низкий) и дано их содержательное описание. Это позволило разработать критерии психологической готовности и методике их экспертной оценки.

Экспертная оценка распределения 246 сотрудников МВД России по уровню психологической готовности к деятельности в чрезвычайных ситуациях показала, что основная часть (46%) сотрудников имеет средний уровень психологической готовности к деятельности в экстремальных ситуациях. У 34% сотрудников уровень психологической готовности к деятельности в чрезвычайных ситуациях высокий и выше среднего. Вместе с тем достаточно большая часть (29%) сотрудников ОВД имеет минимальный (ниже среднего) и низкий уровень психологической готовности к деятельности в чрезвычайных ситуациях. Эти сотрудники часто в сложных ситуациях не способны быстро мобилизоваться на выполнение экстремальных задач, подвержены панике, страху, они требуют контроля в состоянии стресса, плохо управляют своими эмоциями и поведением.

Сравнительный анализ психологической готовности к деятельности в чрезвычайных ситуациях у 353 сотрудников МВД России с различным опытом участия в спецкомандировках в горячих точках показал, что с повышением количества спецкомандировок в горячие точки возрастает количество сотрудников с высоким уровнем психологической готовности (30% и 45% при числе командировок менее 2 и 3—4 соответственно) и снижается число лиц с низким уровнем психологической готовности (14% и 9% соответственно).

Однако затем, с дальнейшим увеличением числа спецкомандировок, отмечается обратная зависимость — при числе спецкомандировок 5—6 или более 6 резко снижается количество сотрудников с высокой и увеличивается число лиц с низкой психологической готовностью. По-видимому, это связано с кумуляцией негативных психологических состояний, снижением бдительности за счет приобретенного опыта, своеобразной переоценкой значимости стресс-факторов, завышенной и неадекватной самооценкой.

Оценка взаимосвязи психологической готовности сотрудников ОВД к деятельности в экстремальных условиях с успешностью их оперативно-служебной деятельности в этих условиях показала, что между этими показателями существует достаточно тесная связь. Так, высокооус-

пешные сотрудники имели высокий (38%) или средний (62%) уровень психологической готовности к деятельности в экстремальных условиях. В группе же сотрудников с низким уровнем успешности деятельности только 8% имели высокий уровень психологической готовности к деятельности в экстремальных условиях, а основная часть имела средний (51%) или низкий (41%) уровень психологической готовности.

Кроме того, с помощью психодиагностических тестов СМИЛ, 16-ФЛО, КОТ и др. были выявлены индивидуально-психологические особенности лиц с высоким и низким уровнем психологической готовности к деятельности, и на их основе разработан психодиагностический алгоритм прогнозирования психологической готовности к деятельности в чрезвычайных ситуациях.

Таким образом, во-первых, психологическая готовность сотрудников МВД России к деятельности в чрезвычайных ситуациях должна рассматриваться как многокомпонентное психологическое образование, имеющее сложную динамическую структуру, между компонентами которой существуют функциональные зависимости. Во-вторых, успешность оперативно-служебной деятельности сотрудников МВД России в чрезвычайных условиях тесно связана с уровнем и особенностями структуры их психологической готовности, которая различается у сотрудников с различным опытом спецкомандировок и успешностью деятельности.

Литература

1. Психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел в экстремальных условиях: Методическое пособие. М.: ГУК и КП МВД России, 2001.
2. Организация работы с личным составом во временных формированиях органов внутренних дел и мобильных отрядах на территории Северо-Кавказского региона. Сборник документов и информационно-методических материалов. М.: ГУК и КП МВД России, 2000.
3. Организация психологического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел в экстремальных условиях: Методическое пособие. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2004.
4. *Адаев А.И.* Оценка и прогноз психологической готовности сотрудников ОВД МВД России к деятельности в экстремальных ситуациях. Дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2004.
5. Организация психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел. Методическое пособие / Под ред. М.И. Марьина. М.: ГУК МВД России. 2002.
6. *Суворова В.В.* Некоторые проблемы прогноза деятельности человека в экстремальных условиях // Вопросы психологии. 1973. № 4. С. 23.
7. *Медведев В.И.* Устойчивость физиологических и психологических функций человека при действии экстремальных факторов. Л.: Наука, 1982.

8. *Марищук В.Л.* Психологические основы формирования профессионально значимых качеств. Дис. ... докт. психол. наук. Л., 1982.
9. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.
10. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М.: Педагогика-Пресс, 1997.
11. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
12. *Решетников М.М. и др.* Психологические экстремальные состояния. СПб., 1999.
13. *Климов Е.А.* Психология профессионала. М., 1996.
14. *Донцов А.И.* Психология коллектива. М.: МГУ, 1984.
15. *Вахнина В.В.* Психологические особенности мотивации личности руководителя органов внутренних дел. Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1999.
16. *Стамбулова Н.Б.* Психология спортивной карьеры. СПб., 1999.
17. *Наенко Н.И.* Психическая напряженность. М. Изд-во МГУ. 1976.
18. *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды. В 2-х т. Т. 1. М.: Педагогика, 1980.
19. *Дьяченко М.И. и др.* Готовность к деятельности в напряженных ситуациях: Психологический аспект. Минск, 1985.
20. Военная педагогика и психология / Под ред. Н.В. Барabanщикова. М.: Воениздат, 1986.
21. *Бодров В.А., Обознов А.А.* Система психологической регуляции стрессоустойчивости человека-оператора // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 4. С. 32–40.
22. *Левитов Н.Д.* Психология труда. М.: Учпедгиз, 1963.
23. *Пуни А.Ц.* Процесс и система звеньев психологической подготовки к соревнованиям в спорте: психологический аспект. Л.: ГДОИФК, 1979.
24. Проблемность в профессиональной деятельности: теория и методы психологического анализа. Сборник статей / Под ред. Л.Г. Дикой. М., 1999.
25. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.
26. Психология. Учебник / Под ред. А.А. Крылова. М.: Проспект, 2003.
27. *Машков В.Н.* Введение в психологию человека. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2003.
28. *Подольяк Я.В.* Практические вопросы военной психологии. М.: Воениздат, 1987.
29. *Кузьмина Н.В.* Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения профтехучилища. М.: Высш. шк., 1989.
30. *Дьяченко М.И.* Психологический анализ боевой деятельности советских воинов. М.: ВПА, 1974.
31. *Лебедев В.И.* Личность в экстремальных условиях. М.: Политиздат, 1989. 228 с.
32. *Ильин Е.П.* Психология воли. СПб.: 2001.
33. *Мельников В.М.* Психологическое обеспечение деятельности ОВД в экстремальных условиях несения службы. Иркутск: ВСИ МВД России, 2002.
34. *Голованов Ю.Н.* Оценка и формирование психологической готовности сотрудников специальных подразделений МВД России к деятельности в экстремальных ситуациях (на примере ОМОН МВД России). Дисс. ... канд. психол. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2001.
35. *Каверин С.Б.* Мотивация труда. М.: Изд-во Института психологии РАН, 1998.

Преодоление психологических последствий воздействия экстремального (травматического) стресса: посттравматическая стрессовая адаптация¹

Е.О. Лазебная

Посттравматическая стрессовая адаптация как системный процесс

К настоящему времени окончательно сложилось понимание адаптации как многоуровневого и многокомпонентного системного процесса, сопровождающегося совместным изменением субъекта и адаптогенной ситуации и постепенным накоплением этих изменений в целях достижения оптимального соотношения между ними на всех уровнях регуляции [11, 13, 17].

Переживание травматического психологического стресса и процесс преодоления его последствий, связанный с переживанием воздействия исключительных по интенсивности, внезапности и неопределенности факторов ситуации, является на сегодняшний день наиболее хорошо изученной системной моделью адаптационного взаимодействия человека и окружающей среды. При этом специфика воздействующего стрессора во многом определяет и особенности последующего процесса преодоления негативных последствий психической травматизации и возвращения системы «человек — среда» в равновесное состояние — процесса *посттравматической стрессовой адаптации* (ПСА) [6, 7, 10].

С тех пор, как впервые были сформулированы основные положения теории общего адаптационного синдрома, понятие «адаптация» ассоциируется с понятием «стресс». Первоначально, в соответствии с физиологической моделью Г. Селье, стресс рассматривался именно как совокупность неспецифических адаптационно-защитных гомеостатических реакций организма, развивающихся в ответ на внешнее физическое воздействие. В дальнейшем, в рамках развития концепции психологического когнитивного стресса Р. Лазаруса, определение «постстрессовые» ста-

¹ При поддержке Российского Гуманитарного научного фонда (грант 04-06-00144а).

ло использоваться и для адаптационных психологических реакций [2, 13, 17]. Переживание *травматического* психологического стресса при этом предполагает крайнюю (экстремальную) степень стрессогенности воздействия первичных стрессоров [12]. Следствием такого воздействия являются глубинные нарушения (от психологических до биологических) целостной системы функционирования человека.

Процесс ПСА — процесс *интрапсихический*. В его основе лежит не столько задача приспособления к изменившимся вследствие адаптогенной ситуации внешним обстоятельствам, как, например, при адаптации к новым условиям деятельности или существования, задача ПСА — воссоздание разрушенного внутреннего мира человека, системы его основных жизненных ценностей и связей с окружающим миром. Процесс ПСА, как и любой другой адаптационный процесс при взаимодействии человека и окружающей среды, осуществляется как сложный многоуровневый процесс в «открытой» системе, затрагивая и физиологический, и психологический, и поведенческий уровни. Как всякая открытая система, многокомпонентная система ПСА находится в состоянии подвижного равновесия: связи между ее элементами легко могут быть нарушены под влиянием как субсистемных, так и метасистемных факторов. Стремление к восстановлению равновесных отношений между компонентами и к сохранению достигнутого равновесия — основная характеристика активности таких систем, суть и смысл адаптационных процессов, в них протекающих [11, 17]. При этом, как показали современные исследования, речь идет не о восстановлении нарушенных связей по гомеостатическому типу, как было традиционно принято считать. В основе адаптационной активности открытых систем, в том числе и психобиологических, лежит *аллостатический принцип*: достижение уравнивания через изменение всех участвующих в данном процессе компонентов [38].

Процесс такого уравнивания системно детерминирован. Каждый из компонентов адаптационной системы (активационный, когнитивный, эмоциональный, мотивационно-волевой) при определенных условиях может выполнять определяющие функции по отношению к развитию системы в целом, на определенных этапах играя ведущую роль в ее формировании и поддержании оптимального уровня функционирования. В случае успешного преодоления в ходе адаптационного процесса возникших в связи с изменением ситуации противоречий происходит восстановление и укрепление внутрисистемных связей, система приобретает новое качество и оказывается способной к дальнейшему функционированию как системное целое. При этом система обязательно продвигается в своем развитии, расширяя в ряде случаев свою компонентную структуру и делая более прочными внутрисистемные связи.

Если же адаптационную задачу решить не удастся, и требования ситуации превышают ресурсные возможности системы по их удовлетворению, то системные связи между компонентами, обеспечивающие их согласованную деятельность, на каких-то этапах ослабевают или распадаются. Система, утрачивая системное качество, характеризовавшее ее в начале такого неудачного адаптационного взаимодействия, перестает функционировать как целое и в результате может оказаться на более низком уровне функционирования. Именно в этих случаях речь идет о неполной адаптации или дезадаптации [11, 17]. Необходимо также отметить, что аллостатические адаптационные процессы обладают высокой инерционностью: аллостатический механизм не может быть «выключен» в тот же миг, как прекращается действие субсистемного или метасистемного возмущающего фактора. Следствием именно такой инерционности является перенапряжение и истощение ресурсного базиса системы в ситуациях, превышающих по уровню требований ее возможности, и развитие все более тяжелых явлений дезадаптации на всех уровнях [38].

Особенности переживания травматического стресса, эпидемиология и феноменология преодоления его последствий

Как уже говорилось, процесс ПСА затрагивает все сферы человеческого бытия, от социальной до биологической и, как и любой другой системный адаптационный процесс, в своей динамике может иметь две основные тенденции. Вариантом успешного (позитивного) посттравматического развития человека является полное преодоление субъектом адаптационного процесса последствий травматических стрессовых переживаний, интеграция пережитого в структуры индивидуального прошлого опыта и активное использование такого нового знания о себе самом и об окружающем мире для построения новой, посттравматической мировоззренческой системы. Как показали многочисленные исследования, именно такой характер посттравматического развития личности является типичным даже после самого чудовищного травматического переживания: большая часть (свыше 90%) людей, переживших травматический стресс любой природы, вполне успешно восстанавливается после травмы [28]. При такой динамике ПСА травматическое событие рано или поздно принимается человеком просто как одно из значимых событий на его жизненном пути и не более того. В этом случае особенно интенсивная негативная эмоциональная реакция на событие наблюдается только в период переживания *острого стресса*, т.е. в течение первого месяца после травмы, а со временем ее

интенсивность ослабевает. В это время на психологическом уровне постстрессового реагирования (при выраженном естественном стремлении к избеганию активной работы с травматическим опытом) отмечается высокая интенсивность и частота навязчивых воспоминаний о событии, кошмарных сновидений, тяжелых эмоциональных состояний, а также признаки повышенной психофизиологической возбудимости. Однако если параллельно человеком осуществляется активный процесс оценки и переоценки произошедшего события и своей роли в нем, то постепенно острота первичных переживаний ослабевает и со временем все эти признаки, характерные и естественные для первичной реакции на стресс (в том числе и стремление к избеганию как коупинг-стратегия), ослабевают и исчезают совсем.

Те носители травматического опыта, которые оказываются способными эффективно функционировать в посттравматическом периоде, как правило, активно используют опыт как источник мотивации достижения, выбирая позитивные стратегии совладания с психотравмирующей ситуацией [26, 29, 35, 38]. Результатом успешного преодоления негативных психологических последствий травматических переживаний, как правило, становится личностный рост участника травматической ситуации. Данные исследований подтверждают, что «успешные» в адаптационном смысле участники травматических событий действительно склонны в первую очередь фиксировать в сознании позитивные оценки произошедшего и воспринимать полученный травматический опыт как оказывающий безусловно положительное влияние на их дальнейшую жизнь. Было показано, что в первую очередь позитивно субъектами успешного адаптационного процесса оцениваются три основных категории последствий травматического опыта: во-первых, изменения в самовосприятии и самооценке («стал более сильным», «появились новые возможности», «знаю, чего стою»); во-вторых, изменения во взаимоотношениях с окружающими («стал лучше понимать людей», «научился ценить дружбу»), и, в-третьих, изменения общей философии жизни, мировоззренческого фундамента бытия («узнал цену жизни», «научился радоваться жизни», «научился понимать сложность жизни» и пр.) [3, 4, 6, 10, 24, 25, 26, 40].

Если же тенденция к избеганию и вытеснению из сознания наиболее болезненных элементов опыта, провоцирующих травматические переживания, начинает играть роль ведущей коупинг-стратегии по истечении периода первичной переработки травматической информации, то это неизбежно ведет к нарушениям в согласованности активности всех компонентов адаптационной системы и развитию комплекса патологических посттравматических состояний, характерных для дезадаптации как результирующей посттравматического адаптационного процесса. На психологическом и психосоциальном уровнях

регуляции нарушения процесса ПСА могут проявляться в форме развития после травмы как ряда общих психопатологических синдромов (психотических, аффективных, тревожных и пр.), так и специфического комплекса травматических постстрессовых состояний — *посттравматического стрессового расстройства* (ПТСР), симптоматика которого является ведущим фактором нарушения процесса ПСА [10, 21, 22]. Этим расстройством даже через 15–19 лет после окончания войны страдало почти полмиллиона ветеранов Вьетнама — мужчин (15,2%) [24]. Аналогичные результаты (17–19%) были получены и в ряде отечественных исследований при обследовании участников боевых действий в Афганистане, ликвидаторов аварии на ЧАЭС [5, 15, 16]. В целом, частота встречаемости полного клинического диагноза ПТСР в посттравматических популяциях, вне зависимости от характера травматического события, составляет в среднем 20–25%, от 50–70% среди инвалидов — жертв тяжелого физического и сексуального насилия — до 5–17% у тех, кто пережил травматический стресс более низкой интенсивности [28, 32].

Что касается развития общей психопатологии как следствия пребывания в травматической стрессовой ситуации, то ее вклад в формирование посттравматической дезадаптации также достаточно серьезен. По данным Ю.А. Александровского, среди российских участников современных локальных войн и конфликтов у 2% рядовых солдат и у 9% офицеров после окончания боевых действий были диагностированы реактивные психозы. По некоторым данным, такой тип посттравматической дезадаптации встречается даже чаще, чем ее специфическая клиническая форма — ПТСР. Так, если различные психогенные расстройства после участия в локальных боевых действиях были выявлены у 70% российских военнослужащих срочной службы, то хроническим ПТСР из них страдало только 15–20% [1].

В многочисленных зарубежных исследованиях были получены сходные результаты. Например, при изучении рандомизированной популяции австралийских ветеранов Тихоокеанского театра военных действий Второй мировой войны было показано, что у 71% из них в посттравматическом периоде диагностировались такие расстройства, как депрессии, генерализованная тревожность и алкогольная зависимость. Среди боевых подразделений участников антигитлеровской коалиции, воевавших в то время на других фронтах, этот процент был значительно ниже — 46%, однако все равно выше, чем средняя частота популяционной встречаемости ПТСР (15–20%) [33]. Сходные закономерности выявило и сравнительное изучение генерализованных выборок ветеранов боевых действий и жертв стихийных бедствий [22].

Основные результаты современных исследований посттравматической стрессовой адаптации

Как известно, особенно пристальное внимание проблемам посттравматической реадaptации участников боевых действий начали уделять в США после окончания войны во Вьетнаме. Именно возвращение в относительно стабильное и благополучное американское общество большого числа тех, кто прошел через травматическое воздействие войны (свыше 3 млн. человек) и столкновение с фактами их дезадаптивного поведения в общенациональном масштабе позволило в полной мере осознать необходимость изучения и объективной оценки последствий переживания травматического стресса [24, 27, 34].

Естественно, в первую очередь исследователей интересовали проблемы, связанные с проявлением посттравматической дезадаптации в наиболее выраженной ее форме — в виде ПТСР. Однако это не означает, что все остальные, пережив психическую травму, не имеют серьезных жизненных проблем в посттравматическом периоде. Драматические последствия пережитого травматического события не ограничиваются только симптоматикой ПТСР или развитием других психических нарушений. Многими исследователями отмечается ухудшение общего соматического здоровья у жертв травматического стресса и, как следствие, увеличение среди них количества обращения к врачам различного профиля [21, 22, 29, 33].

Снижение уровня социальной адаптированности — наиболее очевидное для окружающих последствие психической травмы. Так, среди ветеранов, переживших военный травматический стресс, действительно, значительно чаще, чем среди других социальных групп населения, наблюдаются различные формы дезадаптивного поведения, такие как алкоголизм, наркомания, склонность к совершению асоциальных поступков, актов насилия и аутоагрессивного поведения, включая суицидальные действия [18, 20, 24, 25, 27, 32]. Разными исследователями были получены сходные данные в этой области: частота встречаемости асоциальных проявлений в посттравматических выборках — выше 50%, тогда как частота встречаемости ПТСР значительно ниже [18, 19, 24, 29, 34]. Среди тех, кто пережил очень тяжелый травматический военный стресс, оказалось также вдвое больше несчастных и неудовлетворенных своей жизнью людей, чем в среднем по популяции. Это соотношение сохранялось и при сравнении с теми ветеранами, которые тоже воевали, но имели менее тяжелый травматический боевой опыт (12,5% и 6,2%). По другим характеристикам социальной успешности участники травматических событий также отличаются от не имеющих травматического опыта в худшую сторону. Так, совершали по 13 и более насильственных актов за год соответственно 14,4% и 7,6% ветеранов Вьетнама. В различ-

ных областях образования и профессиональных отношений ветераны боевых действий во Вьетнаме после возвращения из армии оказались также в менее благоприятном положении, чем их не воевавшие ровесники. В их среде отмечалась меньшая профессиональная стабильность и успешность, они чаще оказывались в числе безработных, с большим трудом получали образование и в меньшей степени стремились к повышению своего общеобразовательного и профессионального уровня [24].

При изучении особенностей адаптации после травматических событий другой этиологии общая картина социального и профессионального неблагополучия в посттравматическом периоде среди имеющих тяжелый травматический опыт оказалась столь же наглядной. Так, Эйтингер и Стром (1973), обследовав бывших узников концлагерей периода Второй мировой войны, обнаружили, что им была свойственна более низкая стабильность профессиональной жизни, более частая смена места работы, места жительства и рода занятий, чем тем, кто не имел травматического опыта. В частности, среди бывших узников оказалось 25% (в норме — 4%) малоквалифицированных и низкооплачиваемых работников. Л. Вейсес (L. Weisaeth) (1989), обследовавший популяцию тех, кто пережил травматический стресс вследствие промышленных катастроф, показал, что и у этой категории имеющих травматический опыт имелись более серьезные проблемы с работой и профессиональным функционированием. Среди них также отмечались более выраженные признаки нарушения межличностного взаимодействия в разных сферах, чем среди сходных профессиональных выборов, не имевших травматического опыта.

Симптоматика ПТСР как ведущий системный фактор посттравматической стрессовой дезадаптации

Несмотря на значительную распространенность общих нарушений психического здоровья как прямых последствий пребывания в травматической стрессовой ситуации, их вклад в процесс последующей посттравматической дезадаптации все-таки менее значителен, чем вклад симптоматики ПТСР. При ПТСР негативные изменения, связанные с нарушениями адаптационного процесса, происходят в обеих взаимодействующих системах — и на уровне субъекта адаптации, и на уровне среды, в первую очередь социальной. Социальная значимость посттравматической дезадаптации участников травматических событий подтверждается всеми исследованиями в этой области, и именно тяжесть социальных последствий, связанных с возвращением к гражданской жизни американских ветеранов Вьетнамской

(а в России — Афганской) войны сделала в свое время решение задач посттравматики приоритетным направлением общественной и исследовательской практики.

Именно в своей наиболее злокачественной форме — в форме хронического ПТСР последствия психической травмы прямо связаны с тяжелыми социальными проблемами, которые присущи наиболее неблагополучным популяциям. В ходе ряда исследований, целью которых являлось лонгитюдное сравнительное изучение больных с ПТСР и больных с другими тревожными расстройствами (фобии, генерализованная тревожность и пр.) было установлено, что именно в группе с ПТСР наблюдается гораздо более высокий процент лиц с тяжелыми отклонениями в социальном функционировании и очень низким качеством жизни. Ни по одной из других клинических популяций такой зависимости не существует. Так, результаты исследования К. Норда и Э. Смита (С. North, E. Smith) (1992) продемонстрировали, что одним из наиболее распространенных психиатрических расстройств среди бездомных было именно ПТСР. При этом психическая травматизация и развитие специфических посттравматических нарушений предшествовали утрате социального статуса: в категорию бездомных обследуемые попадали уже после того, как у них развивалось расстройство. Предшествующий травматический опыт насилия и ПТСР имелись и у подавляющего большинства (свыше 70%) австралийских женщин-заключенных, и у 59% пациентов наркологических клиник, страдающих наркотической зависимостью [20, 27, 30, 37].

ПТСР может протекать с различной тяжестью. Острая форма характеризуется проявлением первичной симптоматики в первые полгода после травмы и общей продолжительностью, не превышающей шесть месяцев. При этом часто первичные признаки нарушения процесса ПСА при ПТСР могут проявиться и через более длительный промежуток времени — через несколько лет, а то и десятилетий после травматизации (отсроченное ПТСР). Хронические формы ПТСР, при которых оно длится годами и практически не поддается коррекции, составляют примерно 30% от общего числа всех случаев возникновения расстройства (т.е. 7–8 человек из каждых 100 участников любого из травматических событий) [28]. В качестве ведущих факторов такого крайне неблагоприятного варианта динамики посттравматической адаптации выступают в первую очередь неэффективные личностные стратегии преодоления последствий травмы, сводящиеся к устойчивому стремлению индивида различными способами избежать тяжести эмоциональных переживаний, связанных с травматическими воспоминаниями, и вытеснить их из сознания. При этом ведущую роль в предотвращении развития хронического ПТСР играют, как было многократно подтверждено современными исследованиями, факторы социальной

поддержки как со стороны общества в целом, так и (особенно) со стороны ближайшего окружения человека, а также социо-экономический статус носителя травматического опыта [23, 25, 26, 29, 38].

Хроническое ПТСР может длиться десятилетиями, причем постепенно само травматическое событие, послужившее причиной психической травмы, начинает играть в его развитии все меньшую и меньшую роль. На первый план при длительном хроническом течении ПТСР рано или поздно выходят такие следствия посттравматической дезадаптации, как постоянные переживания по поводу череды жизненных неудач, а также деморализующее влияние проявлений хронической гипервозбудимости (хроническая бессонница, приступы неконтролируемых вспышек гнева и склонность к агрессии в межличностном взаимодействии и т.п.) и прогрессирующее разрушение нейробиологической базы организма [34, 35].

Формирование симптомокомплекса посттравматической дезадаптации как системный процесс

Механизм развития ПТСР имеет ярко выраженный системный характер. Вытесненная из сознания, травма продолжает свою разрушительную работу на глубинных уровнях человеческой психики, как своеобразная «черная дыра», «затягивая» в себя все новые и новые элементы индивидуального бытия и со временем подчиняя себе всю жизнь человека [6, 32, 34]. Стремление к избеганию на поведенческом уровне ведет к сужению круга общения, разрушению профессиональных и семейных связей, изменению индивидуальной перцептивной чувствительности и способности к адекватному эмоциональному реагированию. Эти особенности в сочетании с такими последствиями стремления к избеганию, как алкоголизм или наркомания, как уже говорилось, часто становятся причиной асоциальных проявлений со стороны дезадаптированного индивида. Со временем развиваются и глубинные необратимые изменения на биохимическом и нейропсихологическом уровнях регуляции [35, 36, 38].

Чем выраженнее у человека нежелание работать с травматической информацией и чем сильнее его стремление к избеганию, тем с большей вероятностью, как хорошо известно, происходит ее успешное вытеснение, выведение из-под контроля сознания и инкапсуляция. Далее, в полном соответствии с классической психодинамической моделью З.Фрейда, инкапсулированная травма начинает стремиться к прорыву в сознание всеми доступными способами. Именно неконтролируемые прорывы травматической информации в виде произвольных вос-

поминаний, снов и кошмаров, развития диссоциативных состояний и автономной психофизиологической реактивности в ситуациях, ассоциативно связанных с травматическими событиями, составляют когнитивную основу посттравматических нарушений при ПТСР. Достаточно проявления у носителя травматического опыта хотя бы одной из перечисленных ниже когнитивных особенностей, чтобы кардинально нарушить равновесие системы посттравматического адаптационного процесса. Разрушительное вторжение в сознание травматических воспоминаний и связанных с ними невыносимо тяжелых эмоциональных переживаний происходит вопреки прилагаемым интенсивным усилиям по предотвращению таких воспоминаний. Страдающий ПТСР участник травматической ситуации стремится как бы полностью уничтожить эти болезненные воспоминания и продолжать жить дальше так, как будто бы ничего ужасного не было. Однако такой отказ от принятия собственного жизненного опыта и порождает основную причину посттравматической дезадаптации при ПТСР — когнитивный конфликт, суть которого состоит в том, что никуда не исчезнувшие, но выведенные из-под контроля сознания «инкапсулированные» травматические воспоминания, которые иногда годами и десятилетиями ждут своего часа, прорывают воздвигаемый на их пути барьер запрета.

Каждый такой «прорыв» застает человека врасплох, не готовым к столкновению с кошмарным прошлым и с негативными эмоциями, буквально захлестывающими в таких случаях носителя травматического опыта. При этом острота эмоций со временем не снижается, как это происходит при нормальном течении посттравматического процесса. Наоборот, с каждым последующим прорывом их интенсивность все увеличивается, воспоминание о событии начинает переживаться все болезненнее. Со временем именно тяжесть эмоционального состояния, спровоцированного травматической памятью, и стремление избежать таких переживаний делают вообще невозможным нормальное функционирование человека, страдающего ПТСР [32]. Некоторые проявления посттравматического избегания в сочетании с агрессивным неконтролируемым поведением и вспышками гнева в глазах окружающих являются наиболее ярким свидетельством посттравматической дезадаптации и психической неполноценности участников травматических событий. Например, именно с целью избегания страшных воспоминаний и связанных с ними тяжелых эмоциональных состояний участники травматических событий очень часто прибегают к помощи алкоголя и наркотиков.

Направленность на избегание как ведущая мотивационная стратегия преодоления последствий пребывания в травматической ситуации ведет к глубинным нарушениям на всех уровнях контура саморегуляции, в первую очередь на социальном и социально-психо-

логическом уровнях системы ПСА. Прежде всего, стремление к избеганию, лишая человека адекватной обратной связи с внешней средой, искажает эмоциональную картину мира. Оно лежит в основе отказа от любой конструктивной активности и формирования поведения, которое обеспечивает максимальное ограничение доступа любой новой информации, способной спровоцировать интенсивные травматические эмоции.

По мере развития расстройства страдающему ПТСР человеку требуется все больше и больше усилий по контролю над травмой. Рано или поздно все ресурсы организма, в том числе и весь ресурс внимания, начинают уходить на контроль за травмой и стремление не допустить прорыва в сознание травматической информации.

Следствием таких усилий являются дальнейшие и все более выраженные нарушения системного равновесия, наблюдающиеся на энергообеспечивающих адаптационный процесс психофизиологическом, психофизиологическом уровнях адаптационной системы и даже на уровне морфологии головного мозга. Наиболее наглядные и доступные внешней оценке изменения при ПТСР происходят в психофизиологических системах. Специфика психофизиологии ПТСР связана с тем, что пребывание в опасной травматической ситуации ведет к актуализации особого, генетически закрепленного способа поведения, — навыка быстрого реагирования на изменения окружающей обстановки, известного как «бей или беги». Этот навык обеспечивает экстренную мобилизацию энергетических ресурсов организма в тех случаях, когда требуется немедленное и интенсивное действие в ответ на угрозу, что адекватно для экстремальных условий. Однако такая автономная психофизиологическая реактивность, осуществляемая вне контроля сознания и когнитивной оценки ситуации, очень устойчива.

Сформировавшись в экстремальной ситуации, навык немедленного реагирования часто сохраняется и после нормализации условий жизни, причем он может распространяться на очень широкий спектр не представляющих никакой угрозы воздействий. При ПТСР такой способ взаимодействия с внешней средой, основанный на уже упоминавшейся утрате когнитивной способности к различению характера стимула, становится ведущим и практически единственным для тех, кто страдает данным расстройством. Причем если в норме с течением времени когнитивный контроль восстанавливается и происходит нормализация психофизиологической реактивности, то в случае нарушения посттравматического адаптационного процесса и дезадаптации этот навык, наоборот, консолидируется, и уровень психофизиологической реактивности возрастает. Это становится возможным потому, что испытываемые человеком в ответ на когнитивные неконтролируемые вторжения интенсивные негативные эмоциональные пережи-

вания как бы служат подкреплением этому способу реагирования, не позволяя нервной системе расслабиться и заставляя ее все время сохранять гипертонус, необходимый для экстренного удовлетворения потребности в ресурсах энергии для предстоящего действия [35].

В заключение необходимо отметить, что до последнего времени остается открытым вопрос о теоретической модели, обобщающей многочисленные накопленные в клинической и исследовательской практике эмпирические данные в области преодоления негативных последствий переживания психологического травматического стресса. Существующие на сегодняшний день психотерапевтические модели имеют в основном описательный, феноменологический и парциальный характер, зависящий от направления, в рамках которого они создавались. Классическая двухфакторная теория ПТСР, долгое время служившая базой для современных исследований в этой области, исчерпала свои объяснительные возможности еще в конце прошлого столетия. Современные психобиологические теории ПТСР, такие как, например, теория эмоциональных патологических ассоциативных сетей памяти Р. Питмана [31] или нейропсихологическая модель Л. Кольба [14], основываясь на многочисленных и высококачественных экспериментальных данных, дают ответы на целый ряд вопросов о биологических, физиологических и психофизиологических механизмах формирования посттравматических проблем, но оставляют практически без внимания функционирование адаптационных посттравматических процессов на психологическом и социально-психологическом уровнях. Наконец, недавние публикации [39] содержат информацию о разработке холистической модели посттравматического бытия личности, основой которой, с одной стороны, являются принципы аллостатического функционирования организма и, с другой стороны, основные положения психодинамической теории личности. Данная модель (Wilson, Fridman, Lindy, 2004) рассматривает процесс формирования симптомокомплекса ПТСР с позиции неразрывного единства изменений на уровне психобиологической регуляции поведения и уровне интрапсихической динамики Эго-процессов и состояний, проявлений диссоциации, изменений в структурах Я-концепции, личностной идентичности, взаимоотношений с окружающими. Однако и холистическая модель не уделяет внимания роли в обеспечении успешности посттравматического адаптационного процесса индивидуально-психологических детерминант, например, индивидуальных особенностей процессов переработки информации, процессов мышления и памяти, принятия решения, когнитивно-стилевых особенностей организации интеллектуальной активности. Вместе с тем изучение индивидуально-психологических механизмов позитивного варианта посттравматического развития представляется нам наиболее перспективным для дальнейших исследований в этой области [8, 9].

Литература

1. *Александровский Ю.А.* Пограничные психические расстройства. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997.
2. *Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие учения и современное состояние проблемы. М.: ИП РАН, 1995.
3. *Зеленова М.Е.* Роль «Я-концепции» в постстрессовой адаптации участников боевых действий. Психология психических состояний: Сб. статей. Вып. 5 / Под ред. А.О. Прохорова. Казань: Центр инновационных технологий, 2004. С. 470–483.
4. *Зеленова М.Е.* Травматический психологический стресс и профессионально-регулятивная функция «Я-концепции». Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход / Под ред. В.А. Бодрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 177–192.
5. *Зеленова М.Е., Лазебная Е.О., Тарабрина Н.В.* Психологические особенности посттравматических стрессовых состояний у участников войны в Афганистане // Психол. журнал. 1997. Т. 18. № 2. С. 34–49.
6. *Лазебная Е.О.* Посттравматическая стрессовая адаптация как системный процесс // Современная психология: состояние и перспективы исследований (материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 г.). Ч. I. М.: ИПРАН, 2002. С. 83–95.
7. *Лазебная Е.О.* Травматическая стрессовая ситуация и посттравматический адаптационный процесс // Психология психических состояний: Сб. статей. Вып. 4 / Под ред. А.О. Прохорова. Казань: Центр инновационных технологий, 2002. С. 387–399.
8. *Лазебная Е.О.* Психологические факторы регуляции посттравматических стрессовых состояний // Психология психических состояний: Сб. статей. Вып. 5 / Под ред. А.О. Прохорова. Казань: Центр инновационных технологий, 2004. С. 320 – 329.
9. *Лазебная Е.О.* Субъектные факторы успешности посттравматической стрессовой адаптации участников боевых действий // Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход / Под ред. В.А. Бодрова. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. С. 234–245.
10. *Лазебная Е.О., Зеленова М.Е.* Военный травматический стресс: особенности посттравматической адаптации участников боевых действий // Психологический журнал. 1999. № 5. С. 62–74.
11. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
12. *Пушкарев А.П., Доморацкий В.А., Гордеева Е.Г.* Посттравматическое стрессовое расстройство. Диагностика и лечение. М: Ин-т психотерапии, 2000.
13. *Реан А.Л., Кудашев Л.Р., Баранов А.Л.* Психология адаптации личности: Учебно-научное издание. СПб.: Медицинская пресса, 2002.
14. *Тарабрина Н.В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб: Питер, 2001.
15. *Тарабрина Н.В., Лазебная Е.О., Зеленова М.Е.* Психологические особенности посттравматических стрессовых состояний у ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 5. С. 67–77.
16. *Тарабрина Н.В., Лазебная Е.О., Зеленова М.Е., Ласко Н.Б., Опп С.Ф., Питман Р.К.* Психофизиологическая реактивность у ликвидаторов аварии на ЧАЭС // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2. С. 30–45.
17. *Шапкин С.А., Дикая Л.Г.* Деятельность в особых условиях: компонентный

- анализ структуры и стратегий адаптации // Психол. журнал. 1996. Т. 17. № 1. С. 19–34.
18. *Egendorf A.N.* Healing from the war: Trauma and transformation after Vietnam. Boston, 1985.
 19. *Figley C.R.* Traumatic Stress: The role of the family and social support system // Trauma and it's Wake / Ed. by C.R. Figley. N.Y.: Brunner & Mazel, 1986.
 20. *Fullilove M.T., Fullilove R.E. et al.* Violence, trauma and PTSD among women drag users // J. of Traumatic Stress. 1993. 6. P. 533–543.
 21. *Green B.L.* Psychosocial research in Traumatic Stress: an update // J. of Traumatic Stress. 1994. 7. 3. P. 341–361.
 22. *Green B.L., Lindy J.D., Grace M.C., Leonard A.C.* Chronic PTSD and diagnostic comorbidity in a disaster sample // J. Nerv. Mental Dis. 1992. 180. P. 760–766.
 23. *Janoff-Bulman R.* The aftermath of victimization: Rebuilding shattered assumptions // Trauma and it's Wake / Ed. by C.R. Figley. N.Y.: Brunner & Mazel, 1985.
 24. *Kulka R., Schlenger W., Fairbank J.A. et al.* Trauma and the Vietnam War generation: Report of findings from the National Vietnam Veterans Readjustment Study. N.-Y.: Brunner & Mazel, 1990.
 25. *Lee K.A., Vaillant G.E., Torrey W.C., Elder G.H.* A 50-year prospective study of the psychological sequelae of World War II combat // American J. of Psychiatry, 1995, 152 (4). P. 6–522.
 26. *Lyons J.A.* Strategies for assessing the potential for positive adjustment following trauma // J. of Traumatic Stress. 1991. 4. 1. P. 93–111.
 27. *McFarlane A.C., van der Kolk B.A.* Trauma and its Challenge to society // Traumatic stress: the effects of overwhelming experience on mind, body, and society / Ed. by Van der Kolk, McFarlane, Weisaeth. N.Y.- L.: The Guilford Press, 1996. P. 24–47.
 28. *McFarlane A.C., de Girolamo G.* The nature of traumatic stressors and the epidemiology of posttraumatic reactions // Traumatic stress: the effects of overwhelming experience on mind, body, and society / Ed. by Van der Kolk, McFarlane, Weisaeth. N.Y.- L.: The Guilford Press, 1996. P. 129–155.
 29. *McFarlane A.C., Yehuda R.* Resilience, vulnerability, and the Course of Posttraumatic Reactions // Traumatic stress: the effects of overwhelming experience on mind, body, and society / Ed. by Van der Kolk, McFarlane, Weisaeth. N.Y.- L.: The Guilford Press, 1996. P. 155–181.
 30. *North C.S., Smith E.M.* PTSD among homeless men and women // Hospital and Community Psychiatry. 1992. 43. 10. P. 1010–1016.
 31. *Pitman, R.K.* Post-traumatic stress disorder, conditioning, and network theory. Psychiatric Annals. 1988. 18. P. 182–189.
 32. *Shalev A.Y.* Stress versus traumatic stress: from acute homeostatic reactions to chronic psychopathology // Traumatic stress: the effects of overwhelming experience on mind, body, and society / Ed. by Van der Kolk, McFarlane, Weisaeth. N.Y.- L.: The Guilford Press, 1996. P. 77–101.
 33. *Tennant C.C., Goulston K., Dent O.* Medical and psychiatric consequences of being a prisoner of war of the Japanese: An Australian follow-up study // International Handbook of Traumatic Stress Syndromes. N.-Y.: Plenum Press, 1993.
 34. *Van der Kolk B.A., McFarlane A.C.* The black hole of trauma // Traumatic stress: the effects of overwhelming experience on mind, body, and society / Ed. by Van der Kolk, McFarlane, Weisaeth. N.Y.- L.: The Guilford Press, 1996. P. 3–23.
 35. *Van der Kolk B.A.* The complexity of adaptation to trauma: self-regulation, stimulus discrimination and characterological development // Traumatic stress:

- the effects of overwhelming experience on mind, body, and society / Ed. by Van der Kolk, McFarlane, Weisaeth. N.Y.- L.: The Guilford Press, 1996. P. 182–214.
36. *Van der Kolk B.A.* The body keeps the score: Approaches to the psychobiology of PTSD // *Traumatic stress: the effects of overwhelming experience on mind, body, and society* / Ed. by Van der Kolk, McFarlane, Weisaeth. N.Y.- L.: The Guilford Press, 1996. P. 214–241.
 37. *Warshaw M.G., Fierman E., Pratt L. et al.* Quality of life and dissociation in anxiety disorder patients with histories of trauma or PTSD // *American J. of Psychiatry.* 1993. 150. 10. P. 1512–1516.
 38. *Wilson, J.P., Friedman, M.J., Lindy J.D.* Treatment Goals for PTSD // *Treating psychological trauma and PTSD* / Ed. by J.P. Wilson, M.J. Friedman, J.D. Lindy. N.-Y.: The Guilford Press, 2004. P. 3–27.
 39. *Wilson, J.P., Friedman, M.J., Lindy J.D.* A Holistic, Organismic Approach to Healing Trauma and PTSD // *Treating psychological trauma and PTSD* / Ed. by J.P. Wilson, M.J. Friedman, J.D. Lindy. N.-Y.: The Guilford Press, 2004. P. 28–56.
 40. *Wolfe J., Keane T.M., Danny G. Kaloupek et al.* Patterns of positive readjustment in Vietnam Combat Veterans // *J. of Traumatic Stress.* 1993. 6. 3. P. 179–193.

Субъектные и ситуационные детерминанты успешности процесса посттравматической стрессовой адаптации военнослужащих

Е.О. Лазебная, М.Е. Зеленова

Процесс системного взаимодействия человека как субъекта активности и окружающей среды инициируется и обеспечивается взаимодействием двух групп факторов — субъекта (перцептивные, когнитивные, эмоциональные, мотивационно-волевые и др. факторы) и среды. Последние представлены факторами ситуации, т.е. отраженной в сознании части целостного окружения человека, доступной его чувственному восприятию в течение некоторого промежутка времени и включающей как одиночные стимулы, так и имеющие смысл и значение события.

В психологических исследованиях традиционно в фокусе внимания находятся субъектные факторы, влияющие на результативность и эффективность решения задач взаимодействия в системе «человек-среда», по сути своей являющихся задачами адаптационными [2]. Вместе с тем, по данным зарубежных исследований [9, 10], комплекс ситуационных переменных, наряду с субъектно—личностными переменными, играет важную роль в процессе переживания травматического психологического стресса и преодоления его последствий. Во-первых, это факторы, увеличивающие риск развития посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) при переживании травматического психологического стресса. Во-вторых, это факторы, связанные с успешностью преодоления в процессе посттравматической стрессовой адаптации (ПСА) системных психологических и психобиологических нарушений, обусловленных ПТСР.

Ситуационные факторы, которые повышают риск развития ПТСР и влияют на тяжесть протекания расстройства, могут быть подразделены на несколько категорий [9].

Первая их них — факторы *претравматической предрасположенности*: возраст травматизации (до 18 и после 60 лет риск выше); наследственные факторы психического здоровья, особенно наличие в семейной истории случаев алкоголизма, наркомании и психотических расстройств; особенности личной претравматической истории. Конфликты в семье, склонность к девиантному поведению в подростковом

возрасте, потеря родителей, разрыв семейных связей, случаи предшествующей аналогичной травматизации (особенно сексуальной и физической травматизации в детстве), а также низкий образовательный уровень повышают и вероятность попасть в травматическую ситуацию, и вероятность развития ПТСР после травматизации.

Вторая категория — это *факторы, действующие непосредственно в травматической стрессовой ситуации*: тяжесть переживаемого травматического стресса, а также степень его внезапности, неожиданности и неконтролируемости. Так, готовность к ожидаемому воздействию стрессора и к предстоящим в травматической ситуации действиям резко снижает количество случаев тяжелого течения ПТСР. Особенно это важно для профессионалов, для которых пребывание в травматической ситуации является каждодневной обязанностью.

Успешность преодоления последствий травматизации зависит и от некоторых особенностей психологической реактивности и поведения непосредственно в ходе травматической ситуации. Особенно велика при этом роль таких факторов, как выраженность признаков диссоциативных состояний в момент события (перитравматической диссоциации) и успешность предпринимаемых действий по преодолению влияния стрессора.

Наконец, третья группа ситуационных факторов, детерминирующих успешность ПСА — *факторы посттравматической жизненной ситуации*, самым влиятельным из которых является наличие у носителя травматического опыта возможности получить социальную поддержку как со стороны общества, так и в первую очередь со стороны близких. На втором месте — возраст и возможность сохранения дотравматического социоэкономического статуса (места жительства, семьи, места работы и профессии, уровня доходов), а также отсутствие связанных с пребыванием в травматической ситуации серьезных проблем со здоровьем, инвалидности и физических уродств.

В адаптационных исследованиях именно параметры уровня социального и профессионального функционирования, связанные с ситуационными факторами, обычно используются в качестве макропоказателей, характеризующих уровень адаптированности обследуемых. Однако для более достоверной оценки текущего адаптационного статуса человека, в соответствии с основными принципами системного подхода (многоуровневость и многомерность), безусловно, необходима также и оценка параметров субъектно-личностного и индивидуально-психологического уровней регуляции, обеспечивающих активность адаптационной системы, в частности, уровня субъективной удовлетворенности результатами адаптационного процесса [6].

Непосредственно в момент переживания травматического стрессогенного воздействия, наряду с факторами ситуации, важную роль

в регуляции этого процесса играют психологические субъектно-личностные особенности. Интернальный локус субъективного контроля, низкий уровень личностной тревожности и нейротизма препятствуют разрушительному воздействию травматических стрессоров и развитию симптоматики посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) на начальных этапах посттравматической стрессовой адаптации (ПСА). Вместе с тем, отсутствуют экспериментальные данные о взаимосвязи психологических факторов и успешности процесса регуляции постстрессовых состояний на более поздних этапах ПСА, отстоящих от момента переживания травматического события на годы и десятилетия. При этом установлено, что поздние этапы ПСА отличаются выраженной специфичностью по сравнению с начальным периодом переживания травматического стресса. В частности, зарубежными исследователями отмечается, что через 10–15 лет после травматизации у лиц, страдающих хроническим ПТСР, изменяется природа психотравмирующих когнитивных вторжений. Травматические воспоминания, связанные непосредственно с травматическим событием, постепенно уступают свое место вторжениям информации, относящейся к посттравматической жизненной ситуации. В качестве травматических начинают выступать воспоминания о многочисленных жизненных неудачах и проблемах в социальном функционировании, характерных для этой категории носителей травматического опыта. Можно предполагать, что успешность процесса посттравматической стрессовой адаптации в этом случае может быть связана с совершенно другими субъектно-личностными и индивидуально-психологическими особенностями, чем те, которые помогли человеку противостоять негативному влиянию травматических переживаний на более ранних этапах ПСА.

В ходе лонгитюдных исследований особенностей ПСА военнослужащих — участников боевых действий в Афганистане, осуществляемых в Институте психологии РАН при поддержке РФГФ (гранты 00-06-00218а и 04-06-00144а), была проанализирована взаимосвязь ситуационных, субъектно-личностных и индивидуально-психологических факторов регуляции посттравматических стрессовых состояний и успешности посттравматического адаптационного процесса на этапах ПСА, удаленных от момента травматизации на 10–15 лет. На первом этапе (1992–1997 гг.) в исследовании принимал участие 121 чел., на втором (1999–2000 гг.) — 45 чел. из первоначальной выборки, исследования третьего этапа находятся в стадии завершения.

В связи с характером изменения посттравматического адаптационного статуса обследуемых в качестве компонентов субъектно-личностного уровня регуляции поведенческой активности изучались: особенности организации ментального опыта обследуемых в структурах Я-концепции; характер локализации субъективного личностного конт-

роля; особенности волевой регуляции деятельности (способность к «самоконтролю» и «саморегуляции» активности); личностная тревожность и уровень агрессивности. Особенности когнитивно-стилевой организации познавательной активности (стили «полезависимость — полenezависимость», «ригидность — гибкость», «широта — узость диапазона эквивалентности» и «импульсивность — рефлексивность») рассматривались в качестве компонентов индивидуально-психологического уровня регуляции, обеспечивающих в первую очередь успешность информационного взаимодействия человека и окружающей среды. Известно, что когнитивные стили являются важнейшим элементом сложного механизма, лежащего в основе построения индивидуальной «картины мира» и системы представлений о собственной личности. В зависимости от степени сформированности лежащих в их основе ментальных механизмов те или иные стили способствуют либо обеднению и субъективации этой картины, либо ее обогащению и объективации, выступая в качестве «посредника» между внутренним, «ментальным» миром субъекта и «миром реальности» [7]. В рамках данного проекта когнитивно-стилевые особенности организации познавательной активности впервые исследовались в качестве детерминант успешности посттравматического адаптационного взаимодействия человека и окружающей среды в процессе преодоления негативных последствий переживания травматического психологического стресса военной этиологии.

Методы исследования

1. Для диагностики симптоматики ПТСР как ведущего фактора посттравматической стрессовой дезадаптации, определяющего тяжесть посттравматического состояния и уровень адаптированности в целом, а также симптоматики сопутствующей психопатологии, использовались структурированные клинические интервью для DSM-III-R (SCID и CAPS) [3, 4].

2. Для оценки уровня адаптированности обследуемых на основании обобщенных данных структурированного клинического интервью SCID применялась «Интегральная шкала функционирования СКИД» [3, 4].

3. Для диагностики субъектно-личностных и индивидуально-психологических качеств участников боевых действий применялись:

- опросник уровня локализации субъективного контроля УСК;
- опросник «Шкала контроля за действием Ю. Куля» (НАКЕМР-90) для выявления особенностей волевой регуляции активности (самоконтроля и саморегуляции) в ситуации контроля за действием [8];

- шкала личностной тревожности Спилбергера — Ханина;
- методика ВДНН для диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки (Buss, 1961);
- методики «Свободная сортировка объектов» Гарднера — Колги (широта — узость диапазона эквивалентности), «Включенные фигуры» Виткина (полезависимость — полenezависимость), «Сравнение похожих рисунков» Кагана (рефлексивность — импульсивность), «Словесно-цветовая интерференция» Струпа (ригидность — гибкость познавательного контроля) [7];
- шкала «Методика исследования самооотношения (МИС)» Пантлеева;
- шкала смысложизненных ориентаций Д. Леонтьева (СЖО);
- универсальный набор шкал семантического дифференциала (СД) [1].

4. Информация об индивидуальной структуре претравматических (до Афганистана) и посттравматических ситуационных факторов предрасположенности к развитию посттравматических нарушений была получена по данным субъективного отчета обследуемых в ходе клинического структурированного интервью СКИД для DSM-III-R [4]. Социоэкономический статус участников боевых действий оценивался по следующим параметрам: возраст, семейное положение; количество детей; наличие и характер работы; наличие жилья; частота обращений за медицинской помощью (общесоматической и психологической); количество проблем, связанных с правонарушениями и девиантным поведением, после Афганистана. Фиксировалась также субъективная информация о наличии у ветеранов беспокоящих их проблем, затрудняющих функционирование (финансовых, социальных и т.п.).

5. Для оценки уровня субъективной удовлетворенности результатами посттравматического адаптационного процесса, субъективной оценки его тяжести и достигнутого уровня адаптированности использовалась специально разработанная многокомпонентная шкала «Успешность военной посттравматической адаптации» (УВПА) [5]. Субъективная успешность процесса ПСА оценивалась по следующим четырем параметрам: профессиональная деятельность («Работа»), организация и проведение свободного времени («Досуг»), межличностное взаимодействие («Общение») и «Здоровье», — и включала три оценки по каждому: тяжесть адаптации, потребовавшееся для адаптации время и достигнутый уровень адаптированности на момент исследования. Кроме того, по каждому из параметров оценивалась субъективная удовлетворенность текущим состоянием. По шкале в целом вычислялись обобщенные индексы субъективной удовлетворенности, тяжести, времени и уровня адаптированности и основной показатель УВПА — Интегральный индекс адаптированности, отражающий со-

отношение достигнутого уровня адаптированности и удовлетворенности результатами адаптационного процесса с его субъективно переживаемой тяжестью и длительностью.

6. В зависимости от типа измерительных шкал и величины сравниваемых групп при оценке достоверности различий между группами и этапами исследования применялись U-критерий Манна-Уитни, F-критерий Фишера и T-критерий Стьюдента. При анализе использовались стандартные статистические процедуры комплекса SPSS, в том числе факторный анализ по методу главных компонент с поворотом факторных структур по принципу Varimax. В результате оценки значимости факторов с использованием критерия «Следа», факторных нагрузок и критерия Хэмфри было решено оставить 17 значимых факторов, описывающих 68,88% общей дисперсии.

В результате проведенного исследования впервые было получено экспериментальное подтверждение существования тесной связи между успешностью посттравматического адаптационного процесса на отсроченных от момента травматизации этапах и субъектно-личностными особенностями, определяющими способность к успешному преодолению комплекса неблагоприятных посттравматических состояний. Особую роль при этом играют такие когнитивные регуляторы субъектной активности, как особенности организации ментального опыта в структурах Я-концепции: успешность посттравматического адаптационного процесса оказалась прямо связана со способностью субъекта к интеграции собственного травматического опыта в новые когнитивные структуры. Так, анализ структуры смысложизненных ориентаций показал, что существуют статистически значимые различия между группами «адаптированных» и «деадаптированных» ветеранов по всем показателям опросника СЖО, имеющим отношение к активной вовлеченности обследуемых в организацию собственного посттравматического существования — по оценкам эмоциональной насыщенности и результативности жизни, а также по удовлетворенности самореализацией. Группы различались и по особенностям содержания когнитивных структур, отражающих общую характеристику осмысленности своего существования.

Изучение у тех же участников боевых действий структуры самоотношения по шкале «Методика исследования самоотношения» (МИС) и характера самовосприятия посредством универсального набора шкал семантического дифференциала (СД) также показало, что «адаптированные» ветераны характеризуются более позитивным отношением к своему «Я» по сравнению с «неадаптированными». У них отмечается более высокий уровень самоуважения и уверенности в себе, а также более низкий уровень «внутренней конфликтности» и «самообвинения». «Адаптированные» и «деадаптированные» ве-

тераны отличаются и по такому важному показателю в структуре самооценки, как вера в собственные способности управлять своими эмоциями и переживаниями, организовывать и контролировать свою активность.

Различия в структуре самоотношения между группами «адаптированных» и «деадаптированных» ветеранов отчетливо проявились по второму обобщенному фактору МИС — «аутосимпатия». Было показано, что глубинное чувство значимости собственной личности, принятие себя, своих поступков и желаний, в том числе и на бессознательном уровне, способствует успешности посттравматической адаптации. При этом высокие значения шкал, входящих в третий фактор МИС — «самоуничтожение», оказались характерны именно для ветеранов, испытывающих серьезные затруднения в ходе процесса посттравматической адаптации.

Особенно интересен тот факт, что сравнение подгрупп ветеранов, улучшивших и ухудшивших свой адаптационный статус за период между обследованиями, выявило значимые различия по шкале МИС «самопривязанность». Данная шкала отражает «желание — нежелание» индивида меняться по отношению к текущему состоянию. Низкие баллы по этой шкале у устойчиво деадаптированных ветеранов свидетельствуют о ригидности их посттравматической Я-концепции, о неспособности интегрировать травматический и текущий жизненный опыт в единую когнитивную структуру, обеспечивая тем самым целостность и внутреннюю согласованность своего посттравматического существования. При этом, как показало наше исследование, деадаптированные ветераны, успешно решающие задачи по нахождению новых жизненных смыслов и стремящиеся к изменению своего представления о себе, на втором этапе исследования значительно повысили свой адаптационный статус по сравнению с первым этапом. В том числе в этой подгруппе было установлено и резкое снижение уровня интенсивности проявления симптоматики ПТСР: из 11 ветеранов, страдавших ПТСР и обследованных на первом этапе, ко второму этапу симптоматика расстройства в соответствии с критериями DSM-III-R полностью присутствовала только у трех человек.

Что касается характера локализации субъективного контроля, т.е. фактора, прямо связанного с такими параметрами личности, как инициатива и ответственность, то, как показало данное исследование, роль локуса контроля в процессе регуляции посттравматических состояний на поздних этапах ПСА отличалась выраженной специфичностью по сравнению с начальным периодом преодоления негативных последствий психической травматизации. По результатам факторного анализа параметры общей интернальности и интернальности в области семейных и межличностных отношений, а также интернальности

в области неудач и достижений по шкале Роттера — Бажина, с высокими положительными факторными весами составили шестой значимый фактор факторной матрицы (4,59% о.д.), продемонстрировав связь выраженного уровня интернальности именно с низким посттравматическим адаптационным статусом.

Сравнительный анализ особенностей локализации субъективного контроля показал, что ветераны с различной динамикой адаптационного посттравматического процесса значимо различались между собой по таким шкалам УСК, как «Интернальность в области производственных и межличностных отношений» и, особенно, по шкале «Интернальность в области неудач». Так, изначально хорошо адаптированные, но за период между обследованиями снизившие свой адаптационный статус ветераны оказались более интернальными, т.е. более склонными принимать на себя ответственность в области жизненных неудач, чем изначально дезадаптированные, но значимо улучшившие свое состояние. В подгруппе дезадаптированных ветеранов с выраженной тенденцией к дальнейшему ухудшению посттравматического состояния уровень интернальности практически по всем шкалам УСК (и особенно по шкале «Интернальность в области неудач») оказался самым высоким по выборке в целом. Эти экспериментальные факты хорошо согласуются с уже упоминавшимися литературными данными об изменении когнитивной природы травматических переживаний на поздних этапах ПСА в случае развития хронического ПТСР: воспоминания о ситуации, послужившей когда-то причиной травматизации, со временем утрачивают свою эмоциональную остроту, их место занимают неконтролируемые воспоминания и интенсивные негативные переживания, связанные с посттравматическими жизненными кризисами и неудачами (распад семьи, потеря работы и социального статуса, утрата здоровья и т.п.).

Результаты применения опросника «Шкала контроля за действием» Ю. Куля (НАКЕМР-90), отражающие особенности волевой регуляции активности и контроля за действием на поздних этапах ПСА, показали, что ветераны с устойчивой тенденцией к снижению уровня адаптированности обладают также сниженной способностью к эффективной волевой организации процессов регуляции активности. Как на стадии планирования действия, так и на стадии реализации принятых решений показатели по шкале Куля были более высокими в группах с позитивной динамикой процесса ПСА. При этом уровень контроля над действием в стадии реализации, по Кулю, является основным показателем, отражающим качество волевой регуляции: низкие значения по этой шкале можно расценивать как более выраженное нарушение функции волевой регуляции, чем низкие значения по шкалам контроля за планированием действия и контроля в ситуации

неудач. Что касается места показателей волевой активности в структуре факторной матрицы, то в структуру значимых для успешности адаптационного процесса факторов они не вошли.

Относительно таких психологических особенностей, как личностная склонность к агрессивному поведению и личностная тревожность, в данном исследовании было установлено, что, во-первых, по результатам сравнительного анализа дезадаптированные афганские ветераны не отличаются по уровню личностной склонности к проявлениям физической агрессивности от хорошо адаптированных ветеранов. Индекс «Агрессия» опросника ВДНІ, отражающий склонность к физической, вербальной и косвенной агрессии у ветеранов с неблагоприятной динамикой посттравматического адаптационного процесса, статистически значимо не превышал уровня этого показателя в подгруппах без серьезных адаптационных проблем. При этом по индексу «Враждебность», объединяющему шкалы «Обида» и «Подозрительность» опросника ВДНІ, были отмечены значимые различия между группами с различной динамикой адаптационного процесса.

В подгруппе ветеранов, изначально хорошо адаптированных, но ко второму обследованию значительно и статистически значимо ухудшивших показатели адаптационного статуса по шкале FS, отмечался значимо более высокий уровень этого индекса, чем в группе дезадаптированных ветеранов в целом. Особенно значительными при этом оказались различия по шкале «Обида». Необходимо также отметить, что и изначально хорошо адаптированных ветеранов с позитивной динамикой ПСА данная категория обследуемых также превосходила по уровню некоторых шкал ВДНІ, в частности, по шкале «Негативизм». Вместе с тем, в структуре факторной матрицы показатели ВДНІ, в том числе и оба индекса, с положительными факторными весами составили отдельный, пятый значимый фактор (6,49% о.д.).

Во-вторых, как и предполагалось, уровень личностной тревожности оказался статистически значимо более низким у ветеранов с позитивной динамикой ПСА и выраженными тенденциями к личностному росту, а показатель ЛТ по шкале Спилбергера — Ханина с отрицательным факторным весом вошел во второй значимый фактор наряду с изучавшимися параметрами структуры Я- концепции.

Таким образом, в ходе данного исследования впервые были получены результаты, подтвердившие предположение о связи комплекса субъектно-личностных особенностей с успешностью процесса посттравматической стрессовой адаптации на его поздних этапах, и о специфическом характере этой связи. Определенные личностные характеристики, в частности, уровень личностной тревожности, в течение всего посттравматического периода являются одним из ведущих факторов успешности адаптационного процесса. В то же время

некоторые личностные параметры, в частности, интернальный локус субъективного контроля, игравшие позитивную роль в ходе травматической ситуации на начальных этапах посттравматического адаптационного процесса, с течением времени перестают выполнять свою стабилизирующую функцию и начинают играть неблагоприятную роль в регуляции постстрессовых состояний у носителей травматического опыта.

Как уже говорилось, в соответствии с основной задачей исследования, изучалась и связь успешности преодоления посттравматических психологических проблем с когнитивно-стилевыми особенностями организации познавательной активности. Сравнительный анализ данных по основным когнитивно-стилевым параметрам между группами обследуемых, различающихся по характеру динамики посттравматического адаптационного процесса, показал, что наиболее выраженные и неоднозначные различия между группами существуют по параметрам стиля «полезависимость — полenezависимость» (ПНЗ). Так, и среди изначально хорошо адаптированных ветеранов, и среди тех, кто на первом этапе исследования был в разной степени дезадаптирован, по основной характеристике этого стиля — скорости поиска простой фигуры в контурах сложной в методике Виткина — ветераны с позитивными характеристиками адаптационного процесса демонстрировали большую выраженность полenezависимости. Однако при сравнении групп с различной динамикой ПСА между собой оказалось, что «успешные дезадаптанты» в большей степени полenezависимы, чем «успешные адаптанты» — они отыскивали замаскированные фигуры теста Виткина почти в два раза быстрее и делали при этом значительно меньше ошибок, чем первые. Причем маленькая группа обследуемых (3 чел.), обладавших изначально высоким адаптационным статусом ($FS > 80$) и ко второму этапу исследований еще более его повысивших ($FS = 85-90$), была самой полenezависимой среди всей выборки, за исключением трех дезадаптированных ветеранов, ко второму этапу исследования еще более ухудшивших свое состояние.

Данные факторного анализа при этом подтверждают, что, несмотря на неоднозначность результатов сравнительного анализа, когнитивные стили играют важную роль в преодолении негативных последствий, связанных с переживанием травматического психологического стресса. При этом, как уже говорилось, наиболее значимый вклад в успешность посттравматического адаптационного процесса вносит когнитивный стиль «полезависимость — полenezависимость». Основные характеристики этого стиля по методике Виткина (время поиска, количество неправильно выполненных заданий и количество повторных предъявлений в обеих сериях) составили самостоятельные третий (7,76% о.д.) и седьмой значимые факторы (4,32%), войдя в них

с высокими положительными факторными весами. Иными словами, более медленное и менее качественное выполнение задач по поиску включенной фигуры, характерное для полезависимых, оказалось связано с менее успешным характером посттравматического адаптационного процесса. В этом случае наблюдается большая выраженность признаков посттравматической психопатологии (пятый фактор, 4,67% о.д.), менее благоприятными являются оценки субъективной тяжести и продолжительности адаптации по шкале УВПА, более низок уровень социального и профессионального функционирования (показатели, вошедшие в первый фактор полученной факторной матрицы — 10,64% дисперсии), а также менее благоприятны характеристики ценностно-смысловой сферы личности и более высок уровень личностной тревожности (второй фактор, 9,63% дисперсии). Показатели остальных стилей также выделились в самостоятельные факторы (8, 9, 10, 12, 14 и 15), охватив значительное пространство факторной матрицы результатов проведенного исследования (суммарная дисперсия 19,18%). Высокая успешность процесса ПСА продемонстрировала факторную зависимость с такими полюсами изучавшихся стилей, как рефлексивность и гибкость познавательного контроля, а также с низкими значениями коэффициента категоризации в вербальной серии теста Гарднера — Колги, свидетельствующими об узком диапазоне эквивалентности и с высокими значениями этого показателя в невербальной серии теста (широкий диапазон эквивалентности).

Как уже упоминалось, в первый фактор с положительными факторными весами, отражающими связь с низким уровнем адаптированности, вошли показатели субъективной оценки тяжести и длительности процесса адаптации по параметрам «Общение», «Досуг» и «Здоровье» шкалы УВПА, а также интегральные индексы субъективной тяжести и длительности адаптации по шкале в целом; с отрицательными факторными весами, т.е. в связи с успешностью адаптационного процесса — оценки «Общения» и «Здоровья» по показателю «уровень адаптированности» и обобщенный интегральный индекс уровня адаптированности УВПА. При этом субъективная оценка особенностей профессиональной адаптации ветеранов в посттравматическом периоде («Работа») в данном исследовании оказалась вообще незначимой для успешности процесса ПСА переменной и не вошла в структуру значимых факторов. Вместе с тем, такая ситуационная переменная, как факт наличия работы, продемонстрировала связь с неблагоприятным развитием комплекса посттравматических состояний, войдя в одиннадцатый фактор (3,14% о.д.) с положительным факторным весом вместе с субъективной оценкой уровня достигнутой адаптированности в области организации и проведения досуга УВПА. Эта противоречивая факторная зависимость находит свое подтверждение

при сравнительном анализе интервью с ветеранами, различающимися по характеру динамики адаптационного процесса: только в группах дезадаптантов отмечается 100% занятость ветеранов на постоянных рабочих местах, причем их трудовая деятельность низкоквалифицирована (как правило, в охранных структурах). Причем именно для этой категории, отягощенной проявлениями посттравматической симптоматики, вследствие жесткой регламентации их рабочего времени становятся особенно значимыми проблемы, связанные с организацией повседневной жизни и планированием досуга, а эта значимость неизбежно отражается в показателях субъективной оценки. Сравнительный анализ данных по нашей выборке показал, что среди ветеранов с позитивной динамикой ПСА высок процент тех, кто получает различные виды пенсионного обеспечения или занимается частно-предпринимательской деятельностью в свободном индивидуальном режиме и имеет больше возможностей для решения проблем, не связанных с работой. Эти данные расходятся с опубликованными результатами большинства известных нам исследований, но, по-видимому, отражают реальное положение вещей, когда речь идет об отечественных ветеранах боевых действий с посттравматическими проблемами: они вынуждены заниматься низкоквалифицированным трудом, но процесс реализации себя в профессиональной деятельности при этом не может служить базисом для выработки новой, посттравматической картины мира, переосмысления собственного бытия в этом мире с учетом травматического опыта и, как следствие, основой более благоприятного посттравматического развития собственной личности.

Интегральный индекс УВПА по данному параметру (уровень адаптированности), отражающий оценки категорий «Досуг», «Работа», «Здоровье» и «Общение», оказался при этом тесно связан в рамках первого фактора именно с успешностью адаптационного процесса.

Необходимо также отметить, что с высокими отрицательными факторными весами в первый фактор были включены как основной показатель уровня функционирования ветеранов в данном исследовании (FS SCID), определенный по результатам экспертной оценки в рамках стандартизованного клинического интервью SCID, так и интегральный индекс субъективной адаптированности по шкале УВПА в целом, что свидетельствует о высоком прогностическом уровне данных субъективного шкалирования с использованием данной шкалы.

Полученная факторная структура подтверждает сделанный ранее [4] вывод о ведущей роли в успешности посттравматического адаптационного процесса отсутствия симптоматики ПТСР. Симптоматика ПТСР и на более удаленных от момента травматизации этапах ПСА остается одним из наиболее значимых для успешности функциониро-

вания носителей травматического опыта фактором. Ее частота и интенсивность по шкале CAPS, а также наличие диагноза «ПТСР» по SCID в сочетании с возрастом вошли в пятый самостоятельный фактор (4, 81% общей дисперсии) с высокими положительными факторными весами. Кроме того, сравнительный анализ показал, что и на втором этапе исследования сохранились значимые различия по частоте и интенсивности проявления симптомов ПТСР между группами обследуемых с различной направленностью динамики адаптационного процесса.

Что касается ситуационных детерминант успешности процесса ПСА, то результаты исследования показали, что их роль на поздних этапах ПСА оказалась гораздо менее значительной, чем на ее начальных этапах и непосредственно в травматической ситуации. Среди факторов жизненной ситуации, продемонстрировавших связь с успешностью ПСА ветеранов на втором этапе исследования, значимые факторные связи с уровнем адаптированности и характером динамики процесса ПСА отмечались только по таким показателям, как уже упоминавшиеся параметры возраста (пятый фактор: чем старше, тем ниже уровень ПСА) и уже обсуждавшийся факт наличия работы (одиннадцатый фактор, работающие российские ветераны боевых действий имеют более низкий адаптационный статус). Кроме того, положительно с успешностью поздних этапов ПСА оказался связан уровень образования обследуемых (тринадцатый фактор, 3,07% о.д.) и частота развития общих соматических заболеваний в посттравматическом периоде (пятнадцатый фактор, 2,97 % о.д.). Такие ситуационные параметры, как наличие семьи и детей, в структуру значимых факторов данной факторной матрицы не вошли. Претравматические ситуационные факторы (место жительства, род занятий, состав семьи, хронические заболевания и проблемы в родительской семье, собственные хронические заболевания, количество правонарушений в подростковом возрасте, предшествующая травматизация) и показатели субъективной оценки уровня адаптированности до травмы по шкале УВПА также оказались не связаны с успешностью ПСА на ее отдаленных от момента травмы этапах, хотя, по литературным данным, в начальный период преодоления последствий травматизации эти факторы играют большую роль.

Таким образом, результаты данного исследования показали, что с течением времени усиливается роль субъектно-личностных и индивидуально-психологических характеристик как факторов успешности ПСА по сравнению с ситуационными: наиболее значимыми факторами (кроме первого) в структуре полученной нами на втором этапе исследования факторной матрицы оказались факторы, характеризующие содержание когнитивных структур Я-концепции, локус субъективного контроля, уровень агрессивности личности и личностной тревожности, а также когнитивно-стилевые характеристики интеллектуальной деятельности.

Литература

1. Зеленова М.Е. Роль «Я-концепции» в постстрессовой адаптации участников боевых действий. Психология психических состояний: Сб. статей. Вып. 5 / Под ред. А.О. Прохорова. Казань: Центр инновационных технологий, 2004. С. 470–483.
2. Лазебная Е.О. Посттравматическая стрессовая адаптация как системный процесс // Современная психология: состояние и перспективы исследований (материалы юбилейной научной конференции ИПРАН, 28–29 января 2002 г.). Ч. 1. М.: ИПРАН, 2002, С. 83–95;
3. Лазебная Е.О. Субъектные факторы успешности посттравматической стрессовой адаптации участников боевых действий // Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход / Под ред. В.А. Бодрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 234–245.
4. Лазебная Е.О., Зеленова М.Е. Военный травматический стресс: особенности посттравматической адаптации участников боевых действий // Психологический журнал. 1999. № 5. С. 62–74.
5. Лазебная Е.О., Зеленова М.Е. Экспериментально-психологическое изучение динамики посттравматической стрессовой адаптации участников боевых действий // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе. М.: ИПРАН, 1999. С. 96–98.
6. Реан А.Л., Кудашев Л.Р., Баранов А.Л. Психология адаптации личности: Учебно-научное издание. СПб.: Медицинская пресса, 2002.
7. Холодная М.А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. М.: ПЕР СЭ, 2002.
8. Шапкин С.А. Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: ИПРАН, 1997.
9. Shalev A.Y. Stress versus traumatic stress: from acute homeostatic reactions to chronic psychopathology // Traumatic stress: the effects of overwhelming experience on mind, body, and society / Ed. by Van der Kolk, McFarlane, Weisaeth. N.Y. – L.: The Guilford Press, 1996. P. 77–101.
10. McFarlane A.C., de Girolamo G. The nature of traumatic stressors and the epidemiology of posttraumatic reactions // Traumatic stress: the effects of overwhelming experience on mind, body, and society / Ed. by Van der Kolk, McFarlane, Weisaeth. N.Y.- L.: The Guilford Press, 1996. P. 129–155.

Психологическая защита у военнослужащих с трудностями в адаптации

Т.Н. Берг, М.А. Долгополова

Глобальные изменения в жизни нашего общества ставят человека перед необходимостью психологического и социального приспособления к новой реальности в связи с неизбежной утратой традиционных, но уже ставших неадекватными стереотипов восприятия, мышления и поведения. Достижение этой цели требует формирования мотива личностного самосовершенствования и постоянного развития самосознания в качестве доминирующего. Личностный рост определяется уровнем понимания и принятия себя. Низкое самоуважение препятствует свободному самовыражению, приводит к деструктивным последствиям. От того, насколько человек доверяет себе, зависит его способность брать на себя ответственность, планировать и осуществлять действия.

Личностный рост связан с осознанием своей индивидуальности. Однако ощущение собственной уникальности усиливает чувство одиночества, вызывает опасения быть непонятым и не принятым даже близкими людьми. Это порождает глубинную тревогу и провоцирует автоматическое включение психологической защиты, ведущей к искажению восприятия окружающей действительности и самого себя. Нередко эти ситуации приводят личность к такому состоянию, когда она становится неспособной к решению стоящих перед ней задач [2].

Включение различных механизмов защиты является одним из способов подхода к таким состояниям личности, которые, будучи ею осознанными, могут вызвать непереносимую тревогу и психические страдания.

Целесообразность психологической защиты объясняется тем, что она в какой-то степени снимает напряжение, тревогу, может временно разрешить внутренний конфликт. В то же время психологическая защита, несмотря на ее роль в снятии напряжения, влияет на адаптацию личности, поскольку отдаляет субъекта от реальности, не позволяет ему осознать собственные проблемы и конфликты. Но, убегая от реальности, защищаясь тогда, когда необходимо осознать собственные конфликты и невротические особенности (например, страхи и фо-

бии), человек упускает возможности развития и более адекватного приспособления к реальности.

В данный момент не существует четкого определения «психологических защит». В литературе можно встретить множество терминов, в той или иной степени отражающих сущность данного понятия. Так, например, одним из них является копинг-поведение. Р.С. Лазарус определяет копинг как когнитивные и поведенческие усилия по управлению специфическими внешними или внутренними требованиями (и конфликтами между ними), которые оцениваются как напрягающие или превышающие ресурсы личности. Но эти понятия нельзя идентифицировать друг с другом. Защитные механизмы в большей степени влияют на управление неприятными эмоциями, возникающими в результате взаимодействия со средой, а не на сами требования среды.

Исследования области, связанной с психологической защитой (защитными механизмами), привели к формированию различных взглядов, касающихся продуктивности использования различных защитных механизмов. Понятие «психологические защиты» было введено Зигмундом Фрейдом, основоположником психоанализа. Фрейд предполагал, что защита провоцируется тревогой, которая возникает в результате конфликта сознания и бессознательного.

Ф.Б. Бассин, Б.В. Зейгарник, А.А. Налчаджян, Е.Т. Соколова, В.К. Мягер считали психологическую защиту нормальным, повседневно работающим механизмом человеческого сознания, в то время как В.А. Ташлыков, В.С. Роттенберг, Ф.Е. Василюк, Э.И. Киришбаум, И.Д. Стойков рассматривали психологическую защиту как однозначно непродуктивное вредоносное средство решения внутренне-внешнего конфликта.

Ф. Б. Березин в своей книге «Психологическая и психофизиологическая адаптация человека» в одной из глав рассматривает механизмы интрапсихической адаптации. Под механизмами интрапсихической адаптации он подразумевает психологические защиты. Он приводит несколько классификаций психологических защит. Наиболее развернутой является следующая классификация:

1) защиты, которые снижают интенсивность тревоги, не изменяя характера побуждений: репрессия, проекция, отрицание;

2) механизмы, не только уменьшающие интенсивность тревоги, но и позволяющие в некоторой степени удовлетворить побуждения благодаря изменению их направленности: обращение на себя (в частности, аутоагрессия), реверсия, регрессия, сублимация.

Использование различных типов психологических защит помогает человеку влиять на уровень тревоги (снижает его). В своем исследовании Ф.Б. Березин указывает на то, что не все механизмы психологических защит способны стабильно осуществлять этот эффект.

«Наименее стабильны механизмы интрапсихической адаптации, выражающиеся вытеснением и отрицанием; несколько эффективнее фиксация тревоги с образованием ограничительного поведения. Более мощный, но недостаточно стабильный эффект уменьшения уровня тревоги наблюдается при обесценивании исходной потребности, однако, при этом резко нарушается микросоциальное взаимодействие. Самый мощный эффект обнаруживается при концептуализации» [1].

Таким образом, механизмы интрапсихической адаптации могут повысить эффективность адаптационных процессов. Однако, если реориентация человека в новой среде оказывается неадекватной, они могут способствовать нарушению психической адаптации.

Защитные механизмы возникают во фрустрирующих ситуациях, закрепляются в психике при повторении сходных ситуаций, актуализируются в них и обеспечивают адаптацию личности. По словам А.А. Налчаджяна: «Процесс их использования называется защитно-адаптивным процессом».

Как известно, адаптация способствует успешной деятельности человека в новых изменившихся условиях и помогает ему сохранить психическое и физическое здоровье человека. Так, Х. Хартман, Ф.Б. Березин и другие определяют психическую адаптацию как процесс установления оптимального соответствия личности и окружающей его среды в результате осуществления свойственной человеку деятельности. Но возникает вопрос: что происходит, если сам процесс адаптации у некоторых людей имеет нарушения? На каком уровне адаптации включаются защитные механизмы?

В.А. Абабков и М. Пере выделяют три основных уровня адаптации:

1) филогенетический — адаптация к изменениям среды (стресс вида);

2) социокультурный — социальная адаптация к загрязнениям среды, экономическим переменам;

3) онтогенетический:

- адаптация к задачам развития, эндогенно и социально обусловленным;
- адаптация к нормативным и ненормативным критическим жизненным событиям;
- адаптация к хроническим стрессорам;
- адаптация к нарушениям гомеостаза повседневной жизни.

Нас в большей степени интересует последний, так называемый онтогенетический уровень, так как именно на этом уровне и будет происходить взаимодействие психологических защит и процесса адаптации.

Целью данной работы являлось исследование типов психологической защиты у военнослужащих с трудностями в адаптации.

Рассмотрение проблем психологического обеспечения адаптации военнослужащих к службе в ВС РФ имеет давнюю традицию. Данной проблемой занимались такие специалисты, как М.И. Дьяченко, Л.Ф. Железняк, Н.Ф. Феденко, С.С. Муцынов, А.И. Александров, Ж.Г. Сенокосов и другие. При прохождении службы в армии военнослужащие сталкиваются с социально-психологическими проблемами. К ним можно отнести проблемы адаптации к особенностям военной культуры, военному окружению, девиантное поведение военнослужащих срочной службы, к которому относятся неуставные взаимоотношения, суициды и побег из воинских подразделений, и многие другие.

Сама среда, условия воинской деятельности предъявляют к личности молодого человека жесткие требования, они касаются не только непосредственного несения военной службы, но и новой социальной ситуации, в которую он попадает.

При нахождении солдат на казарменном положении наблюдается эффект относительной групповой изоляции, то есть вынужденного исключения личности из большого количества привычных и необходимых в силу ее потребностей коммуникативных групп и ограничение круга ее общения группой в рамках воинского подразделения. Групповая изоляция в условиях воинской службы порождает постоянную публичность человека, то есть почти непрерывное пребывание на глазах сослуживцев. В.И. Лебедев пишет: «Когда человек знает, что за ним наблюдают, он все время старается удержаться в какой-то ролевой функции, что вызывает эмоциональную напряженность» [3]. Но человек не может быть все время в обществе, у него иногда возникает потребность в уединении, дающем возможность позволить себе естественные реакции и поведение, которые, возможно, неприемлемы в коллективе. Невозможность этого вызывает напряжение.

Попадая в армию, молодой человек вынужден отказаться не только от некоторых привычек, но и приспособиться к новому распорядку дня, овладеть новыми навыками и умениями, связанными с военной службой.

В своей статье «Срочная служба: вопросы адаптации» [4] С.В. Тарасов называет главными проблемами адаптации военнослужащих к условиям службы в Вооруженных Силах следующие: кризис самоидентификации, строго регламентированный распорядок дня, наличие нереализованных потребностей, сложные взаимоотношения с командованием воинской части и со старослужащими, отрыв от дома.

На основании вышесказанного можно определить примерный список неблагоприятных факторов, которые характеризуют сложность и специфичность условий прохождения срочной воинской службы:

- суровая регламентация всех видов деятельности;
- необходимость вынужденной подчиненности старшим по званию;

- зависимость от старослужащих;
- ограничения в выборе и принятии решений;
- изоляция от общения с родными, близкими, друзьями;
- существующая потенциальная угроза здоровью и жизни;
- ограничения материально-экономического характера;
- интенсивные физические нагрузки;
- ограничения в питании;
- алкогольная депривация;
- сексуальная депривация.

Объектом исследования выступал личный состав войсковой части, мужского пола, в возрасте от 18 до 23 лет.

Предметом исследования являлись типы психологической защиты.

В исследовании были выдвинуты следующие **гипотезы**:

- военнослужащие, имеющие трудности в адаптации, используют *определенные психологические защиты чаще*, чем те которые их не имеют;
- у военнослужащих, имеющих трудности в адаптации, защитные механизмы *представлены более выражено* по сравнению с военнослужащими, не имеющими таких трудностей.

В работе были использованы следующие **методы исследования**:

1. Диагностика типологий психологической защиты личности (Р. Плутчик в адаптации Л.И. Вассермана, О.Ф. Ерышева, Е.Б. Клубовой). В основе методики лежит теория, устанавливающая взаимосвязь защитных механизмов с различными аффективными состояниями и клинико-диагностическими критериями. Измеряются 8 видов защитных механизмов: вытеснение, отрицание, замещение, компенсация, реактивные образования, проекция, интеллектуализация (рационализация) и регрессия.
2. Методика диагностики самооценки (Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханнин) — стандартизованный тест, опросник, вербальный, бланковый, письменный, состоящий из 40 утверждений, которые необходимо оценить: «нет, это не так» («почти никогда»), «пожалуй, так» («иногда»), «верно» («часто»), «совершенно верно» («почти всегда»). Тест предназначен для диагностики личностной и реактивной тревожности.
3. Методика диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении (В.В. Бойко): опросник, вербальный, бланковый, письменный, состоящий из 24 вопросов, каждый из которых содержит 3 варианта ответов («а», «б», «в»).
4. Методика диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерс и Р. Даймонд) — опросник, вербальный, бланковый, письменный, состоящий из 101 вопроса.

5. «Рисунок человека под дождем» — проективная методика, направленная на определение того, как человек реагирует на стрессовые, неблагоприятные ситуации, что он чувствует при затруднениях. На листе формата А4 респонденту предлагается нарисовать человека под дождем. Рисунок выполняется простым карандашом. Сведений о валидности и надежности данной методики в имеющейся справочной литературе нами не обнаружено.

В ходе проведенного исследования были выделены две группы:

1 группа — военнослужащие, имеющие трудности в адаптации,

2 группа — респонденты, не имеющие трудностей в адаптации.

Военнослужащие обеих групп обладали следующими характеристиками:

- выбором *отрицания* и *интеллектуализации* в качестве доминирующего защитного механизма;
- склонностью отрицать фрустрирующие, вызывающие тревогу обстоятельства или какой-либо импульс, т.е. отрицанием тех аспектов внешней реальности, которые, будучи очевидными для окружающих, тем не менее не принимаются и не признаются самой личностью. Информация, которая тревожит и может привести к конфликту, ими не воспринимается;
- склонностью пресекать переживания, вызванные неприятной или субъективно неприемлемой ситуацией, при помощи логических установок и манипуляций, даже при наличии убедительных доказательств в пользу противоположного.

На диаграмме (рисунок 1) представлено процентное соотношение частоты представленности (выбираемости) таких типов психологической защиты, как *отрицание* (под цифрой 1) и *интеллектуализация*

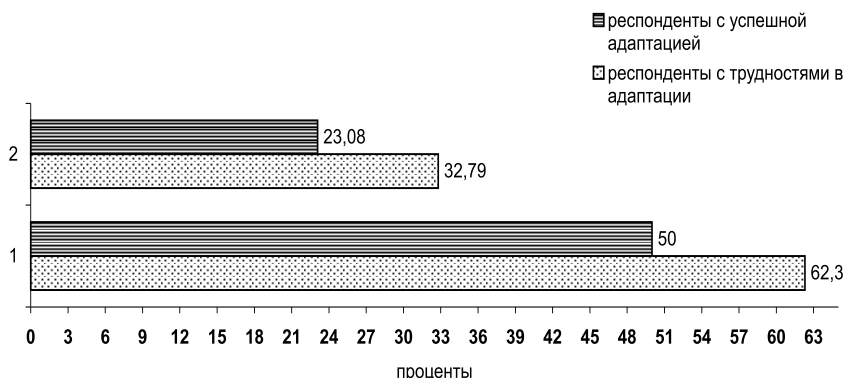

Рис. 1. Процентное соотношение результатов по методике диагностики типологий психологической защиты (Р. Плутчик).

лизация (под цифрой 2), в группах военнослужащих с трудностями в адаптации и не имеющих таких трудностей.

Из диаграммы видно, что, несмотря на то, что в обеих группах данные виды защит являются доминирующими, респондентами, имеющими сложности в адаптации, они выбираются чаще, чем респондентами, не имеющими таких трудностей. Так, 62% респондентов, имеющих трудности в адаптации, выбрали отрицание как доминирующую психологическую защиту, при этом 50% (на 12% меньше) респондентов, не имеющих трудностей в адаптации, выбрали эту же защиту. 33% испытуемых с трудностями в адаптации и 23% не имеющих таковых трудностей выбрали такой тип психологической защиты, как интеллектуализация.

Однако хотелось бы обратить внимание на тот факт, что респонденты в группе, имеющей трудности в адаптации, чаще выбирают несколько доминирующих типов психологической защиты. И доминирующие защиты имеют более высокие баллы, чем это представлено у военнослужащих, не имеющих сложностей в адаптации (на основе анализа методики «Диагностика психологической защиты» в адаптации Л.В. Вассермана, О.Ф. Ерышева, Е.Б. Клубовой).

Можно предположить, что увеличение выраженности психологических защит приводит к сложностям в адаптации, т.е. чрезмерная защита от внешнего мира, возможно, делает человека менее чувствительным к социуму, в котором он находится, что нарушает взаимодействие между ними.

На основе анализа методики «Диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении» В.В. Бойко, можно сделать вывод, что обе исследуемые группы военнослужащих выбрали *миролюбие* и *агрессию* как доминирующие типы стратегий.

На линейной диаграмме (рисунок 2) представлены процентное соотношение данных, полученных в группах респондентов, имеющих трудности в адаптации и не имеющих таковых трудностей. Цифрой «1» обозначено *миролюбие* как стратегия в общении, цифрой «2» — *избегание* и цифрой «3» — *агрессия* как стратегия в общении.

Из данной диаграммы видно, что военнослужащие, не имеющие трудностей в адаптации, чаще используют *миролюбие* как доминирующую стратегию в общении. В процентном соотношении от общего числа респондентов выбор данной стратегии составляет 54%, в то время как в группе испытуемых, имеющих трудности в адаптации, этот процент составляет 47%, то есть это на 7% меньше. Вторая доминирующая стратегия в общении — это *агрессия*. Она более ярко представлена в группе, имеющей трудности в адаптации и в процентном соотношении от общего числа респондентов составляет 33%, у респондентов, не имеющих трудности в адаптации этот процент равен 31%, что на 2% меньше.

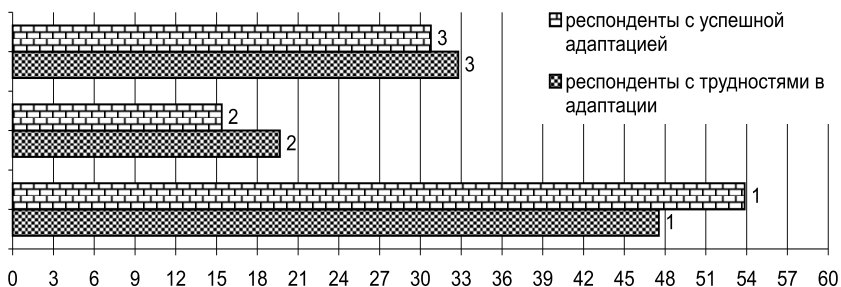

Рис. 2. Процентное соотношение результатов по методике диагностики доминирующей стратегии в психологической защите общения В.В. Бойко.

На наш взгляд, представленность этих двух взаимно противоположных стратегий связана с тем, что большинство респондентов находятся в таком возрасте, когда агрессия идентифицируется с силой, а сила — со свободой. Они только закончили школу и вышли во «взрослую», независимую от родителей или других взрослых жизнь, но, будучи призванными в Вооруженные Силы, они вновь попадают под всестороннюю опеку и контроль командиров. В такой ситуации может возникнуть внутренний конфликт и сработать психологическая защита в форме *регрессии*, то есть психологического возврата в подростковый период. Для подросткового же периода характерна повышенная агрессивность в поведении и, в частности, в общении. Агрессия может быть формой отстаивания самостоятельности и своей независимости. Миротребие же может оказаться реверсией агрессии, выбор социально приемлемых ответов — попытка успешно адаптироваться к новой для себя среде.

Изучение полученных данных по методике «Диагностики самооценки» Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина показало, что в группе испытуемых с трудностями в адаптации семь человек из шестидесяти одного имеют очень высокие показатели по шкале личностной тревожности. У этой же группы респондентов 10 человек набрали высокие показатели по ситуативной тревожности. Однако у респондентов, не имеющих трудностей в адаптации, высоких показателей по данным шкалам не наблюдается.

Можно еще раз обратить внимание на то, что адекватное применение защитных механизмов снижает уровень тревоги.

Опираясь на данные методики «Диагностики социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда, можно сказать, что обе группы показали по шкале адаптации результаты выше нор-

мы. Это может объясняться тем, что испытуемые предъявляют социально приемлемый и предположительно ожидаемый от них результат.

В интерпретации проективной методики экспертной группой определялись 3 параметра (общий эмоциональный фон, наличие элементов защиты, наличие опоры).

Анализ данных, полученных по методике «Рисунок человека под дождем» в группе военнослужащих, имеющих трудности в адаптации (61 человек), позволил нам сделать следующие выводы:

Общий эмоциональный фон:

- рисунки 11 человек отражают грусть и состояние растерянности; 4 рисунка выражают чувство негодования, злости;
- 25 респондентов изобразили положительные эмоции, которые нашли свое отражение в улыбках нарисованных человечков;
- у 21 испытуемого эмоциональный фон рисунков нейтрален, нет ни грусти, ни радости.

Элементы защиты в виде зонта присутствуют в рисунках 44 респондентов; в рисунках 2-х респондентов зонт как элемент защиты отсутствует, но есть шапка на голове (на наш взгляд это тоже может рассматриваться как элемент защиты, хотя и менее надежный). Наличие элементов защиты указывает на то, чувствует ли респондент в сложной жизненной ситуации себя защищенным и уверенным в своих силах. Однако важно не только само наличие средств защиты, но и их состояние: маленький и кривой зонтик не может надежно защитить своего хозяина, в то время как большой зонт может укрыть не только своего хозяина, но и оказавшегося рядом другого.

В рисунках 15 испытуемых никаких элементов защиты нет. Это может говорить о том, что в трудных ситуациях человек часто оказывается беззащитным.

Опора (в виде земли) присутствует в рисунках 27 военнослужащих; 4 респондента нарисовали землю, но человечек находится слишком далеко от нее. Хотелось бы отметить, что из них только 9 рисунков изображают человека надежно опирающимся на две ноги. 10 рисунков отражают человека, наклоненного в одну из сторон, опора только на одну ногу. Человечки на 3-х рисунках повисли в воздухе над землей. 3 испытуемых изобразили человечков с «ногами — палочками», такая опора, на наш взгляд, не является надежной.

На рисунках 34 респондентов человек изображен висящим в воздухе. Возможно, эти испытуемые не чувствуют себя уверенными и сильными людьми в трудной ситуации.

Дополнительная информация: 2 рисунка изображают женскую фигуру, а не мужскую, в одном рисунке присутствует смесь мужских и женских признаков.

Анализ результатов проективной методики «Рисунок человека

под дождем» группы с успешной адаптацией (26 человек) позволил сделать следующие выводы:

Общий эмоциональный фон в 11 рисунках положительный, на это указывают улыбающиеся лица человечков. Частым элементом в рисунках является солнышко. Это, возможно, указывает на временный характер неприятной и сложной ситуации. 2 рисунка отражают грусть. 13 рисунков имеют нейтральный эмоциональный фон.

Элементы защиты в виде зонта изобразили 22 респондента. Это может говорить о том, что они способны найти адекватный способ защиты в сложной ситуации.

В четырех рисунках человека изображают без специальных средств защиты.

Опора (в виде земли) присутствует в рисунках 19 испытуемых. Однако в 3-х рисунках человек «висит» над опорой. На 2-х рисунках изображен человек с опорой на одну ногу. В остальных случаях человек на рисунке опирается на две ноги, его опора крепкая. Это говорит о том, что данные респонденты чувствуют себя уверенно в сложной ситуации, они верят в свои силы. На рисунках 7 респондентов фигура человека висит в воздухе, что указывает на чувство неуверенности в сложных ситуациях.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что различия между группой испытуемых с трудностями в адаптации и группой, не имеющей трудностей в адаптации, существуют. Требуется глубокий качественный анализ, необходимо проследить взаимосвязи между методиками и их отдельными параметрами.

Нами были рассмотрены три частных случая из группы респондентов, имеющих трудности в адаптации и уволенных по медицинским показаниям (транзиторное расстройство личности) из рядов Вооруженных Сил.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, — это очень высокий уровень личностной и ситуативной тревожности этих испытуемых.

Из диаграммы (рисунок 3) видно, что у респондентов 1, 2, 3 личностная тревожность значительно выше средних показателей. Это говорит о том, что они склонны воспринимать большой круг ситуаций как угрожающие и реагировать на них состоянием тревоги. Авторы методики указывают на то, что очень высокая личностная тревожность прямо коррелирует с наличием невротического конфликта, с эмоциональными и невротическими срывами и психосоматическими заболеваниями. Есть данные о том, что респонденты 1, 2, 3 неоднократно обращались в медсанчасть с жалобами на здоровье.

Ситуативная тревожность у респондентов 1 и 2 тоже превышает средний уровень. Это состояние может характеризоваться напряже-

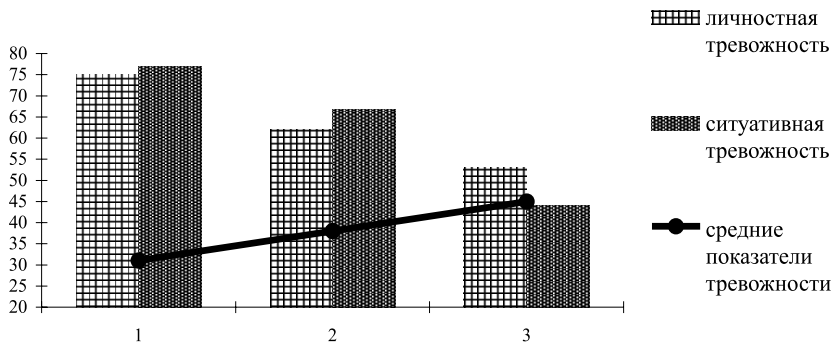

Рис. 3. Результаты по методике «Диагностики самооценки» Ч. Д. Спилбергера и Ю. Л. Ханина.

нием, беспокойностью и нервозностью. Хотелось бы подчеркнуть, что респондент 1 во время исследования задавал очень много вопросов, постоянно привлекал внимание экспериментатора. Все трое испытуемых чаще других задавали вопросы, касающиеся объяснения значения того или иного слова, что может указывать на низкий словарный запас.

На основании анализа результатов методики «Диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении» В.В. Бойко можно сделать вывод о том, что 2 из 3 респондентов предпочли избегание как доминирующую стратегию в общении и 1 – агрессию. При этом избегание не является часто выбираемой стратегией психологической защиты ни в группе респондентов, имеющих трудности в адаптации, ни в группе респондентов, не имеющих трудностей в адаптации. О респондентах, преимущественно использующих избегание как стратегию психологической защиты в общении, можно сказать, что они экономят свои эмоциональные и интеллектуальные ресурсы, привычно обходят или без боя покидают зону конфликтов и напряжений. Возможно, у них слабая врожденная энергия: бедные, ригидные эмоции, посредственный ум, вялый темперамент. Хотелось бы обратить внимание на то, что избегание как доминирующую стратегию психологической защиты в общении выбирают респонденты с высокой не только личностной, но и ситуативной тревожностью. Возможно, широкий спектр ситуаций воспринимается ими как угрожающий, и они стремятся уклониться от них, избежать чрезмерного эмоционального напряжения.

Проанализировав результаты методики «Диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда», можно сказать следующее: респондент 1 имеет низкие показатели по шкалам адаптации, самопринятия, принятия других, эмоциональный комфорт, стремление к доминированию и эскапизм (уход от проблем).

Можно предположить, что он не чувствует себя адаптировавшимся к новым условиям (условиям военной службы), имеет сложности в принятии себя и окружающих, что, в свою очередь, делает взаимодействие с окружающими еще более сложным. Два других респондента показали, напротив, благополучную картину: адаптация, принятие себя и других, стремление к доминированию — все эти показатели находятся в пределах нормы; их результаты по шкалам «внутренний контроль» и «эскапизм» выше нормы. На наш взгляд, такие результаты могут объясняться стремлением оправдать ожидания окружающих, выбором социально приемлемых ответов, попыткой таким образом адаптироваться.

В результатах испытуемых по методике «Диагностика типологий психологической защиты» (в адаптации Л. В. Вассермана) нет сходства: респондент 1 выбрал такие защиты, как проекция, замещение, реактивные образования. На основании этого можно предположить, что для него характерно приписывание другим людям неприемлемых для него самого чувств и мыслей. Негативный, социально мало одобряемый оттенок испытываемых чувств и свойств приписывается окружающим, чтобы оправдать собственные чувства. Вероятно, он склонен к разрядке подавленных эмоций, которые направляются на объекты, представляющие меньшую опасность или более доступные, чем те, что вызвали отрицательные чувства и эмоции. Может совершать неожиданные, подчас бессмысленные действия, которые разрешают внутреннее напряжение. Он также имеет склонность трансформировать внутренние импульсы в субъективно приемлемую их противоположность.

Респондент 2 чаще всего использует как психологическую защиту интеллектуализацию, т.е. пресекает переживания, вызванные неприемлемой или неприятной ситуацией при помощи логических установок, манипуляций, несмотря на то, что могут иметься убедительные доказательства в пользу противоположного.

Для респондента 3 характерна такая доминирующая психологическая защита, как компенсация. Иными словами, респондент пытается найти подходящую замену реального или воображаемого недостатка, дефекта, нестерпимого чувства другим качеством, чаще всего с помощью фантазирования или присвоения себе свойств, достоинств, ценностей, поведенческих характеристик другой личности. Чаще всего это делается для того, чтобы избежать конфликта с этой личностью и повысить чувство самодостаточности. Однако заимствованные ценности, установки или мысли принимаются без анализа и переструктурирования и поэтому не становятся частью самой личности.

Проанализировав результаты испытуемых по проективной методике «Рисунок человека под дождем», мы заметили сходство между рисунками респондентов 1 и 2. Так, например, общий эмоциональный

фон рисунков печальный, на лицах изображенных человечков сожаление. Элементы защиты на рисунках присутствуют, но они находятся в стороне от фигуры, дождь попадает на человека. Опоры нет, фигура человека висит в воздухе.

На рисунке респондента 3 человек улыбается, что создает положительный эмоциональный фон. В руках фигура держит зонтик, который прикрывает его от дождя. Стоит человек двумя ногами на земле. Однако ноги изображены в виде палочек, обутых в сапоги. Сама фигура, в отличие от 2-х других рисунков, маленькая; находится в нижней части листа.

Но в рисунках всех 3-х респондентов есть сходство: дождь. Респондент 1 изобразил его в виде крупных капель, напоминающих камни; респонденты 2 и 3 — в виде косых полос. Такая манера изображения дождя может указывать на восприятие сложной ситуации как постоянной, неразрешимой.

На основании проведенного исследования частных случаев можно сделать вывод, что высокий уровень тревоги нарушает адаптацию, в свою очередь, на адаптацию может также влиять уровень принятия человеком окружающих его людей и самого себя, умение уйти от проблем, но не избегать решения действительно важных, но сложных ситуаций. При этом трудности в адаптации могут усиливать тревогу и внутреннее напряжение. Они, в свою очередь, провоцируют респондентов использовать психологические защиты, но так как ситуация кажется не просто сложной, а угрожающей, то защиты включаются очень интенсивно. Повышенный уровень психологических защит снова снижает адаптивные способности, так как не дает человеку адекватно оценить ситуацию. Получается замкнутый круг: чем сильнее тревога, тем ярче представлена психологическая защита, тем больше разрыв с социумом, что усложняет адаптацию. Чем больше трудностей в адаптации, тем сильнее тревога.

Таким образом, анализ частных случаев позволяет нам лучше понять, как взаимосвязаны процесс адаптации и психологические защиты, а это знание даст нам возможность помочь военнослужащим, имеющим трудности в адаптации, «вписаться» в коллектив и качественно выполнять свои обязанности в меняющихся условиях.

Таким образом, гипотеза о том, что у военнослужащих, имеющих трудности в адаптации, защитные механизмы более выражены по сравнению с военнослужащими, не имеющими таких трудностей, подтвердилась.

Однако необходимо отметить, что данные результаты поставили еще ряд вопросов, которые необходимо рассмотреть в дальнейших исследованиях. Так, например, необходимо провести дополнительный анализ работ респондентов, дающих недостоверные результаты.

На наш взгляд, необходимо исследование адекватности соотношения индивидом себя и социума. Насколько четко и верно человек для себя определяет, как его воспринимают окружающие и как он воспринимает окружающих его людей, как изменяются результаты тестирования у одних и тех же испытуемых через определенные временные интервалы и после прохождения тренинга, направленного на улучшение процесса адаптации.

Литература

1. *Березин Ф.Б.* Психологическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988.
2. *Демина Л.Д., Ральникова И.А.* Психологическое здоровье и защитные механизмы личности. Алтай: Алтайский университет, 2000.
3. *Лебедев В.И.* Личность в экстремальных условиях. М., 1989. С. 25
4. *Тарасов С.В.* Срочная служба: вопросы адаптации // Соц. иссл. 1999. № 5. С. 75–78.

Аннотации статей

РАЗДЕЛ 1. Методологические и теоретические основания исследований адаптации

Л.Г. Дикая

Адаптация: методологические проблемы и основные направления исследований

В статье рассмотрены методологические основания и направления психологических исследований проблем адаптации. Показано, что для психолога знание направлений и достижений в исследованиях адаптации в русле психоаналитического подхода полезны при постановке новых проблем, решение которых в настоящее время осуществляется с позиции системного подхода, ведущего методологического подхода в отечественной психологии.

Представлено определение феномена психической адаптации, выявлена сложная диалектическая взаимосвязь между психическими процессами и психическими состояниями, с одной стороны, и эффективностью деятельности и свойствами личности, с другой. В результате системного анализа выделены системообразующие характеристики адаптации, объединяющие психофизиологический, психологический и социально-психологический уровни — психическое состояние и отношение человека.

Обоснованы перспективные направления в исследованиях адаптации на основе полисистемного и субъектно-деятельностного подходов.

L.G. Dikaya

Adaptation: the methodological foundations and the research directions.

The methodological foundations and directions of psychological research of the adaptation problems are examined. It is shown, that the knowledge of directions and achievements in the adaptation research in a vein of the psychoanalytic approach are useful to the psychologist in the studying of new problems. The study of those is carried out from a position of the systemic approach, the leading one in Russian psychology.

Definition of a phenomenon of mental adaptation is presented. The complex and dialectic interrelation between mental processes and mood-states, on the one hand, and efficiency of activity and personality features, on the other hand is revealed. As a result of the systemic analysis the forming system's characteristics of adaptation uniting psychophysiological, psychological and social levels are chosen. Those characteristics are mood-states and the person's attitude.

The perspective directions in the adaptation research on the basis of polysystemic and is subject-activity approaches are proved.

В.А. Бодров

Психологические механизмы адаптации человека

В статье анализируется содержание понятия «адаптация», обобщаются данные о нейрофизиологических и психологических механизмах адаптационного процесса. Особое внимание уделено теоретико-экспериментальному обоснованию роли психических процессов и личностных характеристик в механизмах адаптации. Отмечается значение и особенности взаимной адаптации субъекта и объекта деятельности.

V.A. Bodrov

Psychological mechanisms of human adaptation

The maintenance of concept “adaptation” is analyzed. Also the data about neurophysiological and psychological mechanisms of adaptation process are summarized. The special attention is given to a theoretical and experimental explanation of a role of mental processes and personal characteristics in mechanisms of adaptation. The importance and features of reciprocal adaptation of the subject and object of activity is pointed out.

А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко

Самоопределение, адаптация и социализация: соотношение и место в системе социально-психологических понятий

Целью данной работы является анализ места самоопределения в системе наиболее близких ему понятий в первую очередь таких как адаптация и социализация. Проведенное разграничение этих феноменов и установление основных связей между ними позволило сформулировать концептуальные представления о феномене самоопределения субъекта и обосновать авторский подход к исследованию его содержания и структуры. В основе предлагаемого подхода лежит *понимание самоопределения* как поиска субъектом своего способа жизнедеятельности в мире на основе воспринимаемых, принимаемых или формируемых (создаваемых) им во временной перспективе базовых отношений к миру, человеческому сообществу и самому себе, а также собственной системы жизненных смыслов, ценностей, идеалов, принципов, возможностей, способностей и ожиданий.

A.L. Zhuravlev, A.B. Kupreychenko

Self-determination, adaptation and socialization: ratio and place in a system of social psychological concepts

The purpose of the study is the analysis of self-determination in the system of the concepts close to this notion, first of all, such as adaptation and socialization. The social differentiation of these phenomena and an establishment of the basic connections between them has allowed to formulate conceptual representations about a phenomenon of self-determination of the subject and to prove the author's approach to research of its maintenance and structure. In a basis of the offered approach lays *the understanding of self-determination* as subject's search of the way of living in the world on the basis of perceived, accepted or formed (created) by him in time prospect of base attitudes to the world, human community and to himself, and also own system of vital senses, values, ideals, principles, opportunities, abilities and expectations.

М.С. Яницкий, А.Г. Портнова, А.М. Богомолов

Психологическая адаптация: функциональные, структурные и динамические аспекты

В статье рассмотрены функциональные, структурные и динамические аспекты психологической адаптации, предложены подходы к прогнозированию адаптационного процесса и формированию интегральных показателей, отражающих эффективность адаптации и состояние адаптационного потенциала личности на основе системного анализа указанных аспектов. Авторами осуществлен анализ основных закономерностей, факторов и механизмов адаптации в контексте разворачивания адаптационного процесса. Приводятся выводы по результатам выполненных авторами исследований по проблемам психологической адаптации.

M.S. Yanitsky, A.G. Portnova, A.M. Bogomolov

Psychological adaptation: functional, structural and dynamic aspects

The article is devoted to analysis of functional, structural and dynamic aspects of the psychological adaptation. Approach to prognosis of an adaptation process is offered in the paper. To estimate effectiveness of the psychological adaptation and state of the adaptation potential of a personality the authors suggest approaches to forming complex index. The analysis of basic regularity, factors and mechanisms of an adaptation is realized in the paper. Moreover there are results of researches made by authors on the problem of psychological adaptation.

РАЗДЕЛ 2. Социально-психологические аспекты адаптации

Г.М. Зараковский, Е.К. Казакова

Адаптация населения России к новым условиям и качество жизни

С позиций психолого-физиологической теории адаптации рассматривается процесс приспособления населения России к социально-экономическим изменениям, начиная с 1993 г. Приводится ряд статистических данных, характеризующих психологическое состояние населения, его оценку качества жизни, анализируются взаимосвязи между различными переменными. Выявлен ряд закономерностей.

G.M. Zarakovsky, E.K. Kazakova

Adaptation of the Russian population to new conditions and its quality of life

From the positions of the psychology-physiological theory of adaptation the process of adaptation of the population of Russia to socioeconomic changes for the period, since 1993 is considered. A number of statistical data, describing a psychological condition of the population and his estimation of quality of life, is resulted. The interrelations between various variables are analyzed. A number of laws is revealed.

А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко

Феномены самоопределения личности и группы в экономической среде

Работа посвящена анализу ряда феноменов экономического поведения. Часть из них — примеры отношения и поведения субъектов, которые противоречат реальным внешним условиям и экономическому интересу. Теоретическим основанием для их объяснения выступает традиционное для отечественной психологии понятие — «самоопределение». В работе рассматриваются следующие феномены:

ценностно-смысловая рациональность экономического поведения; воспроизводство субъектом ценностной системы другой исторической эпохи; качественный экономический скачок в условиях относительно устойчивого экономического развития; рассогласование социально-психологической и экономической детерминации в условиях экономического кризиса; изменение психологических функций отдельных компонентов экономического сознания субъекта; противоречивое или «колебательное» экономическое поведение субъекта, имеющего конфликт ценностей. Выделенные феномены позволяют объяснять и в определенной степени прогнозировать изменение ценностей, целей, мотивов и т.п. у субъекта в ходе его экономической социализации или адаптации.

A.L. Zhuravlev, A.B. Kuprejchenko

Phenomena of self-determination of the person and group in the economic environment

Work is devoted to the analysis of some phenomena of economic behaviour. A part from them are examples of the attitude and the behaviour of subjects contradicting real external conditions and economic interest. As the theoretical basis for their explanation "self-determination" acts as the traditional concept for domestic psychology. In work following phenomena are examined: value-semantic rationality of economic behaviour; reproduction by the subject of valuable system of other historical epoch; qualitative economic leap in conditions relatively steady economic development; a mismatch of socially-psychological and economic determination in conditions of an economic crisis; change of psychological functions of separate components of economic consciousness of the subject; inconsistent or "oscillatory" economic behaviour of the subject having the conflict of values. The allocated phenomena, allow to explain and in the certain degree to predict change of values, the purposes, motives, etc. of the subject during his economic socialization or adaptation.

Л.В. Миллер

Социально-психологическая адаптация мигрантов в новой социальной среде: проблемы исследования

В статье описываются основные проблемы исследования адаптации мигрантов. Теоретический раздел содержит краткий анализ теоретических и эмпирических исследований по данной проблематике. Структура анализа соответствует основным указанным блокам проблем: категориальный аппарат, поиск как интегрального, так и частного в понимании и изучении адаптации, описание стратегий, критериев социально-психологической адаптации, показателей, этапов, детерминирующих факторов и их соотношение с показателями адаптации. Приводятся результаты эмпирического исследования, объектом которого выступили представители этнической группы немцев, выехавших из России и других стран СНГ в Германию на постоянное место жительства. Изучено три блока проблем: 1) социально-психологическая адаптация переселенцев; 2) особенности межгруппового сравнения; 3) взаимосвязь социально-психологической адаптации переселенцев и восприятия ими межгруппового сходства и отличий.

L.V. Miller

Socio-psychological adaptation of migrants in other ethnocultural and socioeconomic conditions: theoretical aspect

The basic research problems of adaptation of migrants are described. The theoretical part of the paper contains the brief analysis of theoretical and empirical

researches in this sphere. The structure of the analysis corresponds to the basic research problems: category and term system, search for both integrated, and specific in understanding and studying of adaptation, the description of strategy, criteria of socio-psychological adaptation, parameters, the stages, determining factors and their relations to parameters of adaptation.

Results of empirical research as which object representatives of an ethnic group of the Germans who have left Russia and other CIS countries to Germany for permanent residence have been presented. Three blocks of problems have been studied: 1) socio-psychological adaptation of immigrants; 2) specific features of intergroup comparison; 3) interrelation of socio-psychological adaptation of immigrants and their perceptions of intergroup similarity and differences.

В.И. Моросанова, Т.А.Индина

Психологические детерминанты рациональности принятия решений при политическом голосовании в усложненных социальных ситуациях

В данной статье обосновывается субъектный подход к исследованию индивидуально-психологических особенностей избирателя, обуславливающих рациональность принятия решения в процессе политического голосования. Это позволяет рассматривать избирателя как активного участника, субъекта политического процесса, обладающего волей и правом осознанно влиять на ход избирательного процесса, а рациональность как свойство процесса принятия решения в конкретной ситуации и как субъектное или личностно-регуляторное свойство человека.

Для исследования данной проблемы была разработана экспериментальная модель ситуации политического голосования, позволяющая диагностировать проявления рациональности принятия решения испытуемыми при выборе одной из двух альтернатив. Анализ полученных таким образом вербальных отчетов испытуемых осуществлялся методом контент-анализа и экспертных оценок высказываний.

Полученные экспериментальные данные позволили утверждать, что степень рациональности деятельности и поведения индивида в социальной среде определяется в большей степени индивидуальными особенностями развития процессов осознанной саморегуляции и специфической выраженностью комплекса субъектных, личностных и когнитивных особенностей индивидуальности, за которыми стоит гармоничное развитие всех сторон саморегуляции и интеллекта.

V.I. Morosanova, T.A. Indina

Psychological determinants of rational decision making in political voting situations

The present research is devoted to a problem of rational decision making in political voting situation. The specific cognitive, personality and regulation aspects of rationality of decision making were investigated. To study the individual features of rationality the experimental model "Political voting" was created. There were marked out two different groups of subjects (electorate) – with high rationality level and with high emotionality level of decision making. The specific psychological differences in conscious self-regulation system, personality traits and intelligence level between "rational" and "emotional" voters were described. There were also revealed the psychological determinants of subject's rationality while decision making.

А.О. Прохоров

Саморегуляция психических состояний как фактор социальной адаптации субъекта

Статья посвящена изучению влияния социальной среды (малых и больших социальных групп) на психические состояния и способы их саморегуляции. Последние рассматриваются как результат адаптации субъекта к сложившимся особенностям жизнедеятельности в той или иной социальной группе. Получены результаты, свидетельствующие об специфике саморегуляции психических состояний в семье, малой производственной группе и больших этнических группах.

A.O. Prokhorov

Self-regulation of mental states as the factor of subject's social adaptation

The article is dedicated to influence studying of social environment (small and large social groups) on mental states and methods of self-regulation. The last are considered as a result of subject`s adaptation to the formed peculiarities of life`s work in one or another social group. The results are received that evidently indicate specific self-regulation of mental states in the family, a small industrial group and large ethnic groups.

Е.В. Харитонов

Проблема профессионально-личностной невостребованности в условиях современного российского предпринимательства

Анализируются результаты эмпирического исследования психологических особенностей предпринимателей сферы малого бизнеса. Предпринимается попытка показать важность исследования феномена невостребованности. Проводится анализ специфики смысложизненных ориентаций, мотивационно-потребностной сферы, а также адаптационных способностей при субъективном переживании профессионально-личностной невостребованности в условиях рыночного предпринимательства. Анализируются факторы, влияющие на протекание кризиса профессионально-личностной невостребованности.

E.V. Haritonova

The problem of professional and personal dispensability in the conditions of the modern Russian business

The results of the empiric study of the psychological features of the workers in the sphere of petty business are analysed. An attempt to show importance of theresearch of the phenomenon of dispensability is made. The analysis of the specific nature of the lifepoint orientations, the sphere of motivations and needs as well as adaptive capability during the subjective feelings of the professional and personal dispensability in the conditions of market economics in done. The factors influencing the course of the crisis of the professional and personal dispensability are analysed.

Е.В. Харитонов

К вопросу о профессионально-личностной невостребованности в пожилом возрасте

Рассматривается проблема профессионально-личностной невостребованности личности на поздних стадиях онтогенеза. В качестве основных противоречий, лежащих в основе кризиса, предлагаются невозможность осуществления профессиональной деятельности в связи с вынужденным уходом на пенсию, а также несоответствие реального и ожидаемого отношения к себе, в том числе со стороны государства.

Анализируются представление о не востребованности как основной проблеме пожилого возраста, одного из стереотипов восприятия старости, личностная не востребованность как главная проблема одиноких пожилых людей. Намечаются основные пути преодоления кризиса не востребованности в пожилом возрасте.

E. V. Haritonova

To the problem of the professional and personal dispensability at the elderly age

The problem of the professional and personal dispensability on the late stage of the ontogenesis is considered. As the major contradictions which are basic for the crisis are considered to be lack of possibility to carry on the professional activity because of the compulsory retirement as well as the discrepancy of the real and prognosed attitude to oneself, that of the state included. The idea of the dispensability as the major problem of the elderly age, one of the stereotypes of the understanding of the old age, personal dispensability as the main problem of the lonely old people are analysed. The major ways of the overcoming of the crisis of the dispensability at the elderly age are outlined.

РАЗДЕЛ 3. Личностные детерминанты адаптации

Е.А. Сергиенко

Становление контроля поведения как проявление индивидуальности и его роль в процессе адаптации

В статье представлена концепция контроля поведения как характеристика интегративной индивидуальности субъекта. На основе анализа различных подходов к саморегуляции, в рамках субъектно-деятельностного и системного подходов предлагается рассматривать контроль поведения как психологический уровень регуляции поведения, обеспечивающий целенаправленную деятельность, которая является основой самоконтроля.

Данная гипотеза строится на трех основных принципах: единства, неразрывности когнитивных, эмоциональных и исполнительных компонентов психической организации; субъект как носитель психического реализует интегративное взаимодействие данных компонентов; субъект всегда индивидуален. Это означает, что организация трех компонентов контроля поведения будет обладать своей спецификой. Уникальность в организации компонентов контроля поведения сочетается с универсальными закономерностями становления субъектности. Контроль поведения рассматривается как единая система, включающая три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль), которые основаны на ресурсах индивидуальности и интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции. Общие теоретические предположения раскрываются на примерах эмпирических исследований.

E.A. Sergienko

The control of behavior as the mental mechanism of subject regulation

We hypothesized that the base of self-regulation is the control of behavior as the integrative feature of individuals. We supposed that control of behavior is the new conceptual construct. Many researchers studied human regulation and concerned only one of the aspects of individual capabilities (emotional regulation, cognitive control or voluntary control of actions). In the paper the different approach are compared. Our construct "control of behavior" consists of three domains: cogni-

tive control, emotional regulation and control of actions. All of the three domains are included in unified system of individual regulation. From “self-regulation” our construct differs on less realized behavior and more specified of mental processes. The control of behavior as component of unified system enables to extract the mental experience and to straighten it out, to organize the model of goal decision, to predict results and consequences of goal-direction actions. The emotional regulation permit to inhibit of emotional tension and impulsive expressions, to understand the emotions of Self and Others. The control of actions provides the organization of goal-direction actions, and creates the voluntary control of behavior and will control. The nature of control of behavior is in individual resources and capacities, individual environment and experience. If our hypothesis is right then we'll be able to research the unique profile of subjective organization.

С. Т. Посохова

Индивидуальные стратегии личностной адаптации

Адаптация рассматривается как личностный феномен. Интегральным выражением адаптационных процессов признается стратегия адаптации. Стратегия характеризует вектор поведения личности в изменяющихся условиях существования, вовлеченность в переживание происходящего, зависимость реагирования на происходящие изменения от прошлого опыта и индивидуального смысла будущего.

Приводятся частные и общие критерии классификаций личностных адаптационных стратегий. К первым относятся скорость перестройки физиологических реакций, доминирующее эмоциональное переживание, ко вторым — характер, отношение к жизни и т.п. Раскрывается психологическое содержание стратегий, направленных на самосохранение и самораскрытие личности. Показываются роль эмоциональных, коммуникативных свойств личности в формировании адаптационных стратегий.

S.T. Posokhova

Individual strategy of personal adaptation

Adaptation is considered as personal phenomena. Integral expression of adaptive processes is recognized the strategy of adaptation. This strategy characters vector of person's behavior in variables conditions of subsistence, involvement in feelings, dependence of reaction to changes on past experience and individual sense of future. Here are produced particular and general criteria for classifications personal adaptive strategies. Particular criteria are speed of reconstruction physiological reactions, dominant emotional feeling. General criteria are character, life's position etc. In this article author examines psychological substance of the strategies, directed to self-preservation and self-disclosure of person, and demonstrates the role of emotional, communicative person's virtues in organization of adaptive strategies/

А.В. Махнач, А.И. Лактионова

Жизнеспособность подростка: понятие и концепция

Статья посвящена изучению психологических аспектов жизнеспособности подростков. В статье данное понятие определяется как способность системы сохранять свои характеристики в заданных пределах, как форма проявления активности и адаптивности человека, подчеркивая особую актуальность данной темы в современных исследованиях. В работе исследуются факторы жизнеспособности, согласующиеся с психологическими представлениями о данном феномене, подчеркивается важность стабильности самой системы и устойчи-

вость среды. Авторы подчеркивают, что жизнеспособность подростка определяют факторы риска и защитные факторы (биологические, психологические, средовые и социальные), при этом подростки рассматриваются как нестабильные системы, а среда — как неустойчивая и негармонирующая с ними. Среди индивидуально-личностных свойств, повышающих жизнеспособность, выделяются следующие: эмоциональная регуляция и мотивация, уровень субъективного контроля (локус контроля), самооценка, защитные механизмы и механизмы совладания, а также, жизнестойкость.

В статье делается вывод о необходимости рассмотрения элементов системы жизнеспособности подростков как факторов обеспечения роста их социальной адаптации.

A.V. Makhnach, A.I. Laktionova

Resilience of the adolescent: the notion and the concept

The article deals with studying of psychological aspects of adolescent resilience. The authors point to the fact that the resiliency of the adolescent is determined by risk factors and protective factors (biological, psychological, environmental and social), and define the notion of 'resilience' stressing special importance of the subject in modern research. This term is defined in the article as the ability of the system to preserve its characteristics within given limits, as a form of human activity and adaptability. The authors examine resilience factors compliant with psychological views on this phenomenon stressing the importance of the stability of the system itself and sustainability of the environment harmonized with it. Adolescents are regarded as unstable systems, and the environment — as unsustainable and unharmonized with them. The authors infer that it is necessary to regard the elements of the resiliency system of the adolescent as factors ensuring their social adaptation. The following individual personal qualities enhancing resilience include: emotional regulation and motivation, level of subjective control (control locus), self-appraisal, protective and coping mechanisms, and also survivability. The authors examine the influence of the above factors on the development of the resilience of the adolescent and on the level of their social adaptation.

Key words: Resilience of the adolescent, resilience factors, social adaptation, risk factors, protective factors, psychology of the adolescent.

Е.Г. Удачина, С.В. Квасовец, О.П. Стерлигова

Взаимосвязь полезависимости и индивидуально-личностных характеристик в процессе адаптации

В работе исследовались показатели когнитивного стиля «полезависимость-полenezависимость», полученные с помощью модифицированной методики «стержень и рамка» и методики «включенные фигуры». Показана связь полезависимости-полenezависимости с социальной ориентированностью, социальной адаптацией, признаками психической дезадаптации, структурой психологических защит. Обнаружено, что асимметрия полей зрения, связанная с асимметрией полушарий мозга, также коррелирует с показателями психической и социальной адаптации.

E.G.Udachina, S.V.Kvasovets, O.P.Sterligova

Dependence on a field, individual and personal characteristics

Parameters of cognitive style "field dependence- independence", received by means of the modified technique "rod and frame" and "embedded figures" technique were investigated. The relationship between "field dependence- independence" and social

orientation, social adaptation, difficulties of mental adaptation, structure of psychological defense is shown. It is revealed, that the asymmetry of fields of vision, associated with the asymmetry of brain hemispheres, also correlates with mental and social adaptation.

Т.А. Ребеко

Опыт категоризации и выделения новых и существенных параметров объектов в процессе адаптации

Постулируется одновременное сосуществование в архитектонике ментальной репрезентации структур «разного возраста», или зрелости. Эти структуры включают разные сопряжения декларативного и процедурного знания. Приводятся эмпирические данные, подтверждающие идею о том, что не только алфавит признаков, но и способы верификации исследовательских гипотез существенно различаются в зависимости от актуализированных структур.

Эмпирические исследования, выполненные в парадигме формирования искусственных понятий, доказывают, что опыт логической категоризации влияет на результат перцептивной оценки отдельных объектов, а спонтанная перцептивная оценка объектов влияет на основания последующей логической категоризации. Полученные результаты анализируются в связи с проблемой адаптации «старых» знаний к новым условиям.

T.A. Rebeko

Experience of categorization and selection of essential parameters of objects

It postulated that structures of different ages or maturations coexisted simultaneously in an architectonic of mental representation. These structures included different matters of contingencies of declarative and procedure knowledge. Empirical data supported an idea that not only alphabet of features but also approaches to verifications of research hypothesis changed essentially in dependence on structures being actualized.

Empirical researches realized in paradigm of artificial notions formation proved that an experience of logical categorization influenced on results of perceptual estimations of separated objects and that perceptual estimations of these objects influenced on bases of later logical categorization. Obtained results are analyzed in a framework of adaptation of "old" knowledge to new circumstances.

Э.Л. Адашкин, Ю.Н. Тарасова

Психометрия профессиональных способностей федеральных судей и прогнозирование успешности их деятельности

В статье приводятся результаты психологического изучения особенностей профессиональной деятельности федеральных судей, данные об информативности психологических тестов для психометрии профессиональных способностей федеральных судей. С помощью методов многомерного математического моделирования разработан психодиагностический алгоритм прогнозирования профессиональной пригодности федеральных судей.

E.L. Adashkin, Y.N. Tarasova

Psychology of activity and the psychometrics of the federal judges' professional abilities

The results of the studying of the federal judges' professional work and the data about informative psychological tests for the psychometrics of the federal judges' professional abilities are presented. By means of methods of multivariate mathematical modeling it is developed psychodiagnostic algorithm of forecasting of the federal judges' professional suitability.

РАЗДЕЛ 4. Адаптация субъекта к профессиональной деятельности

Д.Н. Завалишина

Динамический аспект профессиональной адаптации

В статье рассматриваются некоторые подходы к пониманию динамического аспекта профессиональной адаптации, которые свидетельствуют о расширительном толковании данной категории. Предложен подход, основанный на положении С.Я. Рубинштейна о двух способах существования человека в мире — адаптивном и творческом.

Разработаны параметры, позволяющие дифференцировать эти два способа применительно к трудовой профессии. Дана краткая характеристика трех вариантов реализации адаптивного способа существования человека в профессии: адаптивно-репродуктивного, адаптивно-деформирующего и неадаптивно-деформирующего.

D.N. Zavalishina

Dynamic aspect of professional adaptation

Different approaches to understanding of dynamic aspect of professional adaptation which testify about broadened interpretation of the given category are considered. The approach based on S.J. Rubinstein's position about two ways of the human being' existence in the world — adaptive and creative ones is offered. The parameters which allow to differentiate these two ways with the reference to a labor are developed. The brief characteristic of three variants of the adaptive way of the human being' existence in his/her labor is given: adaptive-reproductive, adaptive-deforming and maladaptive-deforming ones.

Е.П. Ермолаева

Идентификационные аспекты социальной адаптации профессионалов

Социальная адаптация профессионала рассматривается как функция произвольного субъекта, направленная на преодоление социогенных кризисов профессиональной идентичности. Идентификационные аспекты адаптации и ее типы представлены в системе координат, отражающих индивидуальную толерантность профессионала и социальную открытость среды. Приводится теоретическая модель переидентификации профессионала при позитивных и негативных изменениях социальной среды разной степени выраженности. В рамках этой модели рассматриваются: адаптационный резерв идентичности, аспекты ее преобразования в эпоху глобализации и нравственные регуляторы социальной адаптации профессионалов.

E.P. Ermolayeva

Identification aspects of the professionals' social adaptation

The professionals' social adaptation is considered as the subject's function directed on overcoming social crises of professional identity. Identification aspects of the adaptation and their types are presented in the system of the coordinates reflecting individual tolerance of the professional and social openness of the environment.

The theoretical model of the professional's re-identification is resulted at positive and negative different degree changes of the social environment. Within that model the adaptable reserve of identity and its transformations during an epoch of globalization and moral regulators of the professionals' social adaptation are considered.

Ю.Я. Голиков

Концепции адаптивной автоматизации и подходы к человеку и технике для современных человеко-машинных комплексов

В статье рассматриваются отечественные и зарубежные концепции автоматизации и инженерно-психологические подходы к человеку и технике, постулирующие необходимость адаптации оператора к системам управления.

Показано, что в теоретических позициях данных подходов и концепций слабо отражены закономерности и особенности функционирования современных сложных человеко-машинных комплексов, в частности, трудности организации межсистемных взаимодействий, неполнота моделей управления, потенциальные, непредсказуемые ситуации управления. С учетом ограничений существующих подходов и концепций предложены новые методологические подходы для разных классов техники (подчиненных, независимых и равнозначных отношений между профессионалами), отражающие специфику системно-структурной организации объектов и активности субъектов-профессионалов, а также формирующие направления решений главных психологических проблем проектирования и эксплуатации техники.

Кроме того, сделан вывод о том, что сама проблема адаптации в технике как проблема приспособления человека к автоматизированным средствам управления техническими объектами до настоящего времени остается достаточно серьезной и на этапах профессионального обучения, становления и развития профессионализма, и на этапах эксплуатации сложной техники.

Yu. Ya. Golikov

Conceptions of adaptive automation for modern man-machine complexes

In paper domestic both foreign conceptions of automation and engineering — psychological approaches to the man and the technics, postulating necessity of operator adaptation to control systems are considered. It is shown, that in theoretical positions of the given approaches and conceptions laws and features of functioning of modern man-machine complexes are poorly reflected, in particular, difficulties of the organization of intersystem interactions, incompleteness of models of control, potential, unpredictable situations of control. In view of restrictions of existing approaches and conceptions new methodological approaches are proposed for different classes of technics (subordinate, independent and equivalent relations between professionals), reflecting specifics of the system — structural organization of objects and activity of subjects — professionals, and also forming directions of decisions of the main psychological problems of designing and operation of technics. Besides it is made the conclusion that a problem of adaptation in technics — as the problem of the adaptation of the man to the automated control facilities of technical objects — till now remains enough serious and at stages of professional training, becoming and development of professionalism, and at stages of operation of complex technics.

А.Н. Костин

Адаптация и взаимное резервирование человека и автоматики

В статье проводится анализ принципа адаптации при распределении функций между человеком и автоматикой. Рассматриваются его основное содержание — зависимость степени автоматизации процессов управления от величины рабочей нагрузки оператора и различные варианты. В то же время показано, что в данном принципе содержатся серьезные недостатки, выражающиеся как в формальности и логической противоречивости, так и в теоретической и ме-

тодической размытости существующих концепций рабочей нагрузки, что не позволяет реализовать адаптивное распределение на практике уже достаточно долгое время.

Поэтому в работе излагается альтернативный принцип — принцип взаимного резервирования оператора и автоматике. Рассматривается его основное содержание, особенности использования и отличие от принципа адаптации. Суть принципа заключается в том, что оператор резервирует автоматику (в случае возникновения отказов техники или непредвиденных ситуаций) посредством самостоятельного снижения степени автоматизации; автоматика резервирует оператора (при возникновении в его деятельности высокой субъективной сложности) путем принудительного повышения степени автоматизации процессов управления. Теоретическим и методическим средствами оценки субъективной сложности деятельности является концепция анализа проблемностей, на основе которой разработан авторский метод таксономии межсаккадных интервалов движений глаз. В заключительной части излагаются результаты экспериментальных исследований по проверке практической реализуемости предлагаемого принципа.

A.N. Kostin

Adaptation and mutual reservation of man and automatics

In the paper the analysis of the principle of adaptation at allocation of functions between man and machine is carried out. They are considered its main contents — the dependence of automation degree of control processes from operator's— and its variants. At the same time it is shown, that the given principle contains the serious lacks expressing both in formality and logic discrepancy, and in theoretical and methodical fuzziness of existing workload concepts that does not allow to realize adaptive allocation in practice already enough long time.

Therefore in the paper the alternative principle — the principle of mutual reservation of the operator and automatics is stated. Its main contents, features of using and difference from the principle of adaptation are considered. The essence of a principle consists that the operator reserves automatics (in case of occurrence of malfunctions of technics or unforeseen situations) by means of independent decreasing in the automation degree; automatics reserves the operator (at occurrence in his activity of high subjective complexity) by compulsory increasing of the automation degree of control processes. Theoretical and methodical means of an estimation of subjective complexity of activity are the concept of the problemacities analysis (Yu. Ya. Golikov, A.N. Kostin) and the author's method of taxonomy Inter Saccadic Intervals of eye movements. In a final part results of experimental researches on check of a practical realizability of the suggested principle are stated.

Л.Ф. Вязникова

Профессиональная переподготовка руководителей образования как жизненное событие: психологические трудности

Профессиональная переподготовка руководителей образования как жизненное событие: психологические трудности. В данной статье рассматриваются психологические проблемы и трудности, возникающие в процессе профессиональной переподготовки руководителей образовательных учреждений в системе последиplomного образования. Эти трудности связаны с тем, что у многих руководителей в этот период нормативные возрастные кризисы наслаиваются на кризисы профессиональные. Одномоментное соединение нескольких кризисов является опасным, так как ведёт к фрустрированности личности.

Рассмотрены так же гендерные аспекты, которые необходимо учитывать при организации последовательного образования руководителей — женщин, преобладающих в сфере образования. Многие из них склонны к проявлению гиперсоциальности, что затрудняет изменение стратегии их профессиональной деятельности. Главным психологическим механизмом, который поможет преодолеть эти трудности в процессе профессиональной переподготовки руководителей образовательных учреждений, является рефлексия.

L.F. Vjaznikova

Professional retraining of education heads as life event: psychological difficulties

In given article psychological problems and the difficulties arising during professional retraining of educational establishments heads in system of postgraduating education are considered. These difficulties are connected with the fact that many heads normative age crises period accumulate the professional crises. One-stage connection of several crises is dangerous as it conducts to person's frustration.

The gender aspects which are necessary for taking into account at the organization of consecutive education of heads are considered, as women prevail in sphere of education. Many of them are inclined to display of hypersociality that complicates change of strategy of their professional work. The main psychological mechanism which will help to overcome these difficulties during professional retraining of educational establishment heads is the reflection.

С.Ю. Манухина

Факторы профессиональной адаптации психолога-диагноста кадровой службы

В статье представлены основные результаты исследований (профессиографического и эмпирического) по выявлению и анализу факторов, оказывающих влияние на успешность деятельности и профессиональную адаптацию психологов-диагностов кадровой службы. В исследовании принимали участие психологи, работающие в сфере подбора и/ или оценки персонала не менее 2 лет, ведущей деятельностью которых является психодиагностическая деятельность. Всего 71 специалист.

Проведение профессиографического исследования анализа деятельности психолога-диагноста позволило определить круг причин, осложняющих профессиональную деятельность психолога-диагноста и мешающих его профессиональной адаптации, а также выявить границы его профессиональной компетентности. Благодаря эмпирическому анализу психической сферы психолога-диагноста были выявлены особенности когнитивной и личностной сфер, оказывающих влияние на успешность его деятельности и профессиональную адаптацию.

S.J. Manukhina

The factors promoting and complicating professional adaptation of the psychologist-diagnosticsian of personnel service

The basic results of researches (professiographic and empirical) on revealing and the analysis of the factors influencing success of activity and professional adaptation of psychologists — diagnosticsians of personnel service are presented. In researches the psychologists working in sphere of selection of the personnel not less of 2 years took part, conducting which activity is психодиагностическая activity. Sum total 71 specialists.

Realization professiographic researches of the analysis of activity of the psychologist — diagnosticsian has allowed to determine a circle of the reasons complicat-

ing professional work of the psychologist — diagnostician and preventing his professional adaptation and also to reveal borders of his professional competence. Due to the empirical analysis of mental sphere of the psychologist — diagnostician features cognitive and the personal spheres influencing success of his activity and professional adaptation were revealed.

О.Н. Чернышева

Адаптация человека к профессиональной предметной среде

В статье рассмотрен специфический вид адаптации как способ *приспособления* профессионала-пользователя, непосредственно взаимодействующего с предметной средой, к тому предметно-пространственному окружению, в котором он вынужден реализовывать свою трудовую деятельность.

Изучение сенсомоторной активности пользователя проводилось не по схеме «внешнее воздействие — внутренний импульс — двигательный ответ», а и других внешних проявлений взаимодействия человека с предметно-пространственным окружением на рабочем месте в процессе профессиональной деятельности.

Выявлено, что взаимодействие человека с профессиональной предметной средой носит более сложный характер, чем отражено в большинстве работ, изучающих двигательную активность человека. Рассмотрены две стадии построения двигательного действия в исполнительской деятельности — стадия адаптации к конкретному предметно-пространственному окружению, которая имеет сложное строение и богатое психологическое и физиологическое содержание, и стадия подготовки к реализации профессионального исполнительского действия в предметной среде, которая состоит из трех неразрывно вытекающих одна из другой фаз: фазы соматической и сенсорной ориентации, соматической локализации, фазы принятия основной рабочей позы.

Включение стадии адаптации в цикл изучения и проектирования профессиональной двигательной активности человека наравне с исполнительской деятельностью позволяет более конструктивно и обоснованно решать проблемы организации предметной среды профессиональной и других видов деятельности.

O.N. Chernyshova

Human adaptation to professional objective environment

A specific type of adaptation is analyzed as the way of adjustment of the professional user who is directly cooperating with the subject environment, to the objective spatial environment in which he or she has to realize his/her labour activity.

It is revealed, that interaction of the person with the professional subject environment has more complex character, than is reflected in the majority of the works studying human motor activity. Two stages of the formation of motor action in executive activity are considered: a stage of adaptation to concrete in detail spatial environment which has a complex structure and deep psychological and physiological content, and a stage of preparation for the realization of professional executive action in the subject environment which consists of three phases which indissolubly following one after another: phases of somatic and sensory orientation, somatic localization, a phase of taking the basic working pose.

Inclusion of the stage of adaptation in a cycle of studying and designing of the human professional motor activity simultaneously with executive activity allows to solve more effectively and soundly the problems of the design of the objective environment of professional and other kinds of human activities.

РАЗДЕЛ 5. Адаптация человека к экстремальным условиям деятельности

Л.Г. Дикая, Г.Ю. Крылова

Социально-психологические аспекты профессиональной адаптации к стрессогенным условиям деятельности

В работе в рамках системного подхода в комплексном исследовании особенностей профессионализации и адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы выделены факторы риска, определяющие специфику профессиональной деятельности и в наибольшей степени влияющие на психическую адаптацию.

Эмпирически обоснованы на примере социономической деятельности без предварительного профессионального обучения два этапа, качественно различающихся по структуре стрессогенных факторов и специфике конфликтных ситуаций. Показано, что на первом этапе вхождения в профессиональное пространство происходит адаптация (приспособление) к условиям и содержанию профессиональной среды, когда преобладают стрессогенные факторы преимущественно психофизического и социально-психологического характера, а на втором этапе профессионального становления успешность деятельности детерминируется личностными особенностями и развитием определенных коммуникативных и социально-психологических качеств личности.

L.G. Dikaya, G.Y. Krylova

Social psychological aspects of the professional adaptation in stressful conditions of activity.

Within the systemic approach the features of professionalization and adaptation of the criminal executive system employees are allocated. The risk factors defining of the professional work specificity which are influencing to the greatest degree to the adaptation are considered.

Determination of two stages during professionalization of the labor's subject in so called extreme professions on socionomic activity's example is proved. These two stages are qualitatively differing on the stressful factors and conflict situations.

It is shown, that at the first stage of entering to the profession there is an adaptation to the conditions and professional environment when psychophysical and social stressful factors are prevailed. At the second stage of professional growth the success of activity are determined by personality characteristics and by the development of the certain human being's communicative and social features.

О. А. Истомина, В. В. Павловский

Факторы адаптации к условиям морского рейса

Последние ширококомасштабные отечественные исследования в области профессиональной морской психологии относятся к 1970—1980-м годам. В настоящее время существует ряд «общих» (увеличение сроков морских рейсов, распространение практики формирования международных морских экипажей и найма российских специалистов иностранными судоходными компаниями) и «специфических» (изменение форм собственности предприятий-судовладельцев и соответствующие трансформации управленческой политики, отсутствие системы реабилитационных мероприятий для российских морских специалистов как «социального института») тенденций, оказывающих существенное

влияние на характеристики морского труда. В статье представлены факторы адаптации к условиям морского рейса, с учетом результатов современных исследований (2003–2005 гг.).

O.A. Istomina, V.V. Pavlovsky

Factors of adaptation to the conditions of a sea flight

The last of professional maritime psychology' mass native researches have done at 70-80 yy. of 20 century. Now exists a number of "common" (increasing of term length, forming of international crews and engaging of Russian sailors by foreign shipping companies' practice spreading) and "specific" (changing of shipping owners property and corresponding management forms, absence of rehabilitation system for Russian marine specialists as a "social institute") tendencies, which are influencing on marine labor characteristics a much. This article presents factors of adaptation to sea

В. Н. Абрамова

Концептуальные вопросы психологии профессиональной надежности и адаптации работников к условиям эксплуатации атомных станций

Статья содержит концептуальные аспекты действующей и развивающейся системы обеспечения профессиональной надежности персонала атомных станций России. Надежность представлена как важнейшее условие профессиональной адаптации работников атомных станций. Выделены и рассмотрены подсистемы культуры безопасности, психологического обеспечения, эргономического обеспечения и социальной безопасности.

V. N. Abramova

Conceptual questions of psychology of professional reliability and adaptation of workers to the conditions at nuclear stations

This paper contains the conceptual aspects of assuring system of nuclear organizations personnel professional reliability, which today is develop and improve in Russia. The professional reliability it has been identified as a condition of great importance for professional adaptation of NPPs personnel. The subsystems of Safety Culture, Psychological Assuring, Ergonomic Assuring and Social Safety have been identified and described.

Г.С. Дунин

Феноменология и компоненты психологической готовности сотрудников МВД России к деятельности в чрезвычайных обстоятельствах

Автор рассматривает содержание понятия готовности; особо останавливаясь на психологической готовности к деятельности в чрезвычайных условиях. В структуре психологической готовности автор выделяет пять основных компонентов: мотивационный, волевой, эмоционально-регуляторный, информационно-познавательный (когнитивный) и типологический. Применительно к каждому из компонентов выделены три уровня (высокий, средний и низкий) и дано их содержательное описание. В основу положен личный опыт психологического обеспечения сотрудников МВД России, участвовавших в выполнении контртеррористических операций в Чеченской Республике и на Северном Кавказе.

G.S. Dunin

Phenomenology and components of psychological readiness of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia to activity in extreme situations

The author explores the meaning of the term “preparedness”, especially psychological preparedness to work under extreme conditions. The structure of psychological preparedness comprises five main components: motivational, willed, regulatory, cognitive and psychological. Within each component three levels (high, medium and low) are specified and informatively described basing on the personal experience of providing psychological assistance to the specialists of the Interior Ministry of Russia, participated in the counter-terrorism missions in Chechen Republic and the Northern Caucasus.

Е.О. Лазебная

Преодоление психологических последствий воздействия экстремального (травматического) стресса: посттравматическая стрессовая адаптация

Статья посвящена рассмотрению ряда вопросов, связанных с особенностями протекания системного процесса психической адаптации как следствия переживания травматического психологического стресса. Приводятся современные данные, раскрывающие специфику переживания психологического стресса в травматической стрессовой ситуации, а также затрагиваются основные проблемы, связанные с преодолением комплекса посттравматических стрессовых состояний. Особое внимание уделяется анализу системного процесса формирования симптомокомплекса, характерного для посттравматической дезадаптации, в том числе анализируются факторы, препятствующие развитию тяжелых постстрессовых состояний и обеспечивающие успешность преодоления посттравматических проблем. Также рассматриваются современные модели формирования посттравматических стрессовых нарушений.

Е.О. Lazebnaya

The posttraumatic stress adjustment as a process of the overcoming of psychological disorders

Some aspects connecting with the dynamic of the system process of the psychological posttraumatic adjustment are discussed. The article includes the contemporary results of the traumatic stress and adjustment studies, and deals with the problem of the overcoming of posttraumatic psychological disorders. The factors of vulnerability and resilience and the modern models and theories of posttraumatic disorders development are discussed too.

Е.О. Лазебная, М.Е. Зеленова

Субъектные и ситуационные детерминанты успешности процесса посттравматической стрессовой адаптации военнослужащих.

В ходе лонгитюдных исследований особенностей посттравматической стрессовой адаптации (ПСА) военнослужащих — участников боевых действий в Афганистане, переживших психологический травматический стресс военной этиологии, была проанализирована взаимосвязь ситуационных, субъектно-личностных и индивидуально-психологических факторов ее успешности на поздних этапах посттравматического адаптационного процесса. На первом этапе в исследовании принимал участие 121 чел., на втором — 45 чел. из первоначальной выборки.

В связи с характером изменения посттравматического адаптационного статуса обследуемых в качестве компонентов субъектно-личностного уровня

регуляции поведенческой активности изучались: особенности организации ментального опыта в структурах Я-концепции; характер локализации субъективного личностного контроля; особенности волевой регуляции деятельности (способность к «самоконтролю» и «саморегуляции» активности); личностная тревожность и уровень агрессивности, а также особенности когнитивно-стилевой организации познавательной активности (стили «полезависимость—поле-независимость», «ригидность—гибкость», «широта—узость диапазона эквивалентности» и «импульсивность—рефлексивность»).

Информация об индивидуальной структуре претравматических (до Афганистана) и посттравматических ситуационных факторов предрасположенности к развитию посттравматических стрессовых нарушений была получена по данным субъективного отчета обследуемых в ходе клинического структурированного интервью СКИД для DSM-III-R. Результаты исследования показали, что на удаленных от момента травматизации этапах ПСА усиливается (по сравнению с ситуационными детерминантами) роль субъектно-личностных и индивидуально-психологических характеристик как факторов успешности адаптационного посттравматического процесса.

Е.О. Lazebnaya, М.Е. Zelenova

The subjective and the situational determinants of the successful posttraumatic re-adjustment of the combatants

The main features of the lifetime situation and the personality peculiarities of the victims of combat traumatic stress as the factors of the success of their posttraumatic re-adjustment were investigated in this longitudinal study. Population: 45 male Russian Afghanistan war veterans. Each of them took part in two experimental sessions with the interval about five years between them. The aim of the study was to compare the role of the situational and the subjective determinants in the process of the stress regulation in the latter periods of the posttraumatic being. Procedure: on the basis of structured clinical interviews SCID and CAPS and a Global Assessment of Functioning Scale from SCID was determined the basic level of adjustment of our subjects and then we'd controlled the changing in their posttraumatic adjustment status and provided the assessment of the veteran's personality and individual features (a main components of their cognitive mental schemas, locus of control, the capacity for volition and concentration on the activity, level of the personal anxiety and aggression, and cognitive styles- field dependency — independency, reflection — impulsivity, flexibility — rigidity, cognitive differentiation — integration). The factor and the comparative analyses of the results in the groups with improvement and changing for the worse in their posttraumatic state show, that the subjective determinants become the main determinants of the successful posttraumatic re-adjustment in the latter period of the posttraumatic being. By the way the situational features were more important in the earlier periods of adjustment.

Т.Н. Берг, М.А. Долгополова

Психологическая защита у военнослужащих с трудностями в адаптации

В статье на онтогенетическом уровне адаптации рассматривается взаимодействие психологических защит у военнослужащих с трудностями в адаптации.

На основании проведенного исследования частных случаев автор делает вывод, что кроме высокого уровня тревоги адаптацию нарушают уровень принятия человеком окружающих его людей и самого себя, умение уйти от проблем, но не избегать решения действительно важных, но сложных ситуаций. Трудно-

сти в адаптации, усиливая тревогу и внутреннее напряжение, провоцируют респондентов использовать психологические защиты, которые в угрожающей ситуации включаются наиболее интенсивно. Однако повышенный уровень психологических защит снова снижает адаптивные способности, так как не дает человеку адекватно оценить ситуацию. Автор на примере анализа частных случаев отмечает следующую взаимосвязь процесса адаптации и психологических защит: чем больше трудностей в адаптации, тем сильнее тревога, а чем сильнее тревога, тем ярче представлена психологическая защита, тем больше происходит разрыв с социумом, что усложняет процесс адаптации.

T.N. Berg, M.A. Dolgoplova

Psychological defending mechanisms of military men with difficulties in adaptation

On the basis of their research the authors have come to the conclusion, that together with a high level of anxiety adaptation can be affected by the level of the acceptance of a person by the people surrounding him or her, by the level of his or her self-acceptance, by the skills to escape from the problems though solving really important and complex situations. Difficulties in adaptation, strengthening anxiety and tension, provoke respondents to use psychological defending mechanisms which in a precarious situation switch on most intensively. However the elevated level of psychological defense reduces adaptation abilities preventing a person from adequate estimation of the situation. Analyzing specific cases the authors demonstrate the following interrelation of process of adaptation and psychological protection: the more difficulties in adaptations, the more strongly the anxiety, and the stronger anxiety, the higher psychological defense and the larger isolation of a person from making the process of adaptation more difficult.

Научное издание

Психология адаптации и социальная среда:
современные подходы, проблемы, перспективы

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01.
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13.
тел.: (495) 682-51-29
e-mail: publ@psychol.ras.ru
www.psychol.ras.ru

Подписано в печать 22.06.06. Формат 60х90/16.
Печать офсетная. Гарнитура Minion Pro. Бумага офсетная
Печ. л. 39,0 Тираж 1000 экз. Заказ № .